

ПУБЛИЙ
ПАПИНИЙ
СТАЦИЙ

ФИВАИДА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

PUBLIUS PAPINIUS
STATIUS

THEBAIS

ПУБЛИЙ ПАПИНИЙ СТАЦИЙ

ФИВАИДА

Издание подготовили
С. В. ШЕРВИНСКИЙ, Ю. А. ШИЧАЛИН,
Е. Ф. ШИЧАЛИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Д. С. Лизачев (почетный председатель),
В. Е. Базно, Н. И. Балашов (заместитель председателя),
В. Э. Вацууро, М. Л. Гаспаров,
А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
В. Ф. Егоров (председатель), *Н. А. Жирмунская,*
А. В. Лавров, А. Д. Михайлов,
В. Г. Птушкина (ученый секретарь),
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
И. М. Стеблин-Каменский, С. О. Шмидт

Ответственные редакторы

М. Л. ГАСПАРОВ, С. В. ШЕРВИНСКИЙ

€ $\frac{4700000000-225}{042(02)-91}$ 684—91 (II полугодие)

ISBN 5—02—012765—5

© Издательство «Наука», 1991
Составление, перевод, статья,
примечания, указатель

КНИГА ПЕРВАЯ

Братоубийственный бой, и власти черед, оскверненный
лютою ненавистью, и Фивы преступные вывесть —
в душу запала мне страсть пиерийская. Песню, богини,
как мне начать? Воспеть ли исток ужасного рода,
овый сидонский увоз и агенорова приказанья
неумолимый закон простор пытавшему Кадму?
Длинная дел череда, коль страх пред Марсом сокрытым
пахаря, кем в борозде ужасной воздвигнута битва,
я прослежу и подробно скажу о песне, какую
¹⁰ в стены сойтись повелел Амфион тирийским вершинам;
тяжкая ярость к родным жилищам у Ваха откуда;
в чем состоит юнонина кознь; Афамант злополучный
против кого напряг тетиву; почему устремилась
неустрашенная мать в Ионийскую глубь с Палемоном.
Вплоть до сих пор в стороне все горе и счастье Кадма
я бы оставить хотел: эдипова дома бесчинство
песни моей означает рубеж, — раз я не дерзаю
петь италийских значков триумфы в битвах арктийских,
дважды униженный Рейн, Истр, дважды законом смиренный,
²⁰ и с заговорщической скалы низвергнутых даков,
или войну, что отвел от Юпитера чуть повзрослевший,
и, наконец, тебя, честь Лация, признанный славой,
кто подоспел подхватить новизну начинаний отцовых.
Жаждет бессмертия Рим для тебя! Пусть все потеснится
области звезд пред тобой, а часть лучезарная неба,
часть Борея, Плеяд и та, что молний не знает, —
жаждут тебя; и пусть огненогих коней усмиритель
сам тебе на чело изгиб возлагает лучистый
и уступает тебе Юпитер великого неба
³⁰ равную часть, — ты пребудь, над людьми довольствуясь властью,
морем и сушей владей, богам оставив светила!
Время придет, деянья твои в пылу пиерийском
петь я решусь, а теперь — настрою кифару и вспомню
войны Аонии, жезл, сгубивший братьев-тиранов,
месть, для которой и смерть не предел, мятежное пламя,
спор о последнем костре, погребенья лишенные трупы

царские, и города, опустевшие в гибели общей...—

Светлая кровью тогда обагрилась лернейская Дирка,
и устрасил Исмен, берега от жажды сводящий,
40 вдруг волной накатив небывало могучей, Фетиду.

Кем же начать мне, Клио, из героев? — Тидеем ли ярым?
Или сначала сказать, как пророк лавроносный низвергся?
Ждет и герой, прогнавший в бою враждебные токи,—
яростный Гиппомедонт, и печальная битва аркада
дерзкого, и Капапей, по-иному чудовищный, десни.

Свет нечестивых очей помрачив казнящей десницей
и в безысходную ночь погрузив сокрушенную совесть,
жизни остаток Эдип влачил в продолжительной смерти.
Он бы хотел в темноте удаленного скрыться покая,
50 не выходить из жилищ, недоступных для света дневного,
но непрерывно перед ним на докучливых крыльях кружится
день беспощадный в душе, и в сердце — Мстительниц тени.
Вот он пустоты глазниц, незажившую рану, увечье
жалкое в неба простор возводит, рукой обагреной
в полую землю стучит и взывает в мольбе беспощадной:

«Боги, неправедных душ блюстители в тесном для казней
Тартаре, Стикса поток свинцовый, несущий усопших,—
вижу тебя; и, частым моим привычная зовам,
дай, Тисифона, мне знак, будь к страшным мольбам благосклонна!
60 Ежели я заслужил, чтоб меня, едва я родился,
ты на груди берегла, ступни, разъятые раной,
мне укрешив; если я, достигши киррейского тока
возле двурогой горы, сумел, воспитанный лживым
Полибом, жить, а потом, на развилке в теснине Фокиды
сплел свой путь с престарелым царем и старца с дрожащим
лицом сразил, искавший отца, и Сфинги коварной
скор оказался решить — твоею наукой — загадки;
ежели счастлив я был неистовством к матери сладким,
горестный брак заключил и частые ночи — как молвить? —
70 с ней проводил, для тебя — и ты знала — детей зачиная...—
алчущий кары, потом на персты отступавшие сам я
бросился, остановив на несчастной матери взоры,—
выслушай!.. о, я смею молить о том, что безумцу
ты же внушила.— Меня, кто ослеп, кто царство оставил,
скорбного, ни поддержать, ни словом смягчить не хотели
дети мои — и в браке каком! И они же — надменны,—
горе! — и даже — цари, как будто я умер — смеются
над слепотою моею и стenanья отца ненавидят.
Я и пред ними ль нечист? И родитель богов на такое
80 без возмущенья глядит? — Так ты взыщи с них, что должно,
здесь появись и всех наказаньем настигни потомков!
В липкой крови диадему надень — ее обагреной
сам сорвал я рукой, — мольбою отца возгоревшись,

стань меж братьев, и пусть, железо близость разрушит
родственную; разреши, подземных владычица топей,
ужас узреть вожделенных злодейств, — поверь, не замедлит
юношей гнев: придя, ты найдешь в них достойную поросль!»

Так говорит. И к нему богиня жестокая грозный
лик обращает. Она в то время, возле Коцита
90 сидя безрадостного, рассыпала волосы вольно,
змеям позволив лизать дышавшие серою волны.
Миг — и быстрее падучей звезды и Юпитера молний
прянула прочь от скорбных берегов; бесплотные толпы,
встречи с бегущей страшась, отступают; она же — сквозь тени
и через темень полей, где душ вереницы роятся. —
за безысходный порог Тенарских ворот устремилась,
День заметил ее, — налетев смолистою тучей,
Ночь испугала коней лучезарных; крутой в отдаленье
замер Атлант и неверным плечом не сдержал небосвода.
100 Бросилась тут же она, над долом Малеи поднявшись,
к Фивам: ей ведом сей путь. — она им туда и обратно
посится быстро, дрюбя не больше и Тартар родимый.
Мраком лик ей, встав, сто змей рогатых сокрыли —
меньшая рать над ужасной главой; пригаился в бездонных
блеск железный очаж: так Феба рдеет сквозь тучи,
от атракийских затмься заклинаний; напитана ядом,
пухнет набухшая плоть отравною; в огненных клубках
черная пасть; от нее болезни, жажда и голод
вместе со смертью идут к народам; суровая палла
110 вздыбилась сзади, сошлись на груди голубые завязки:
Атропос ей готовит убор и сама Прозерпина.

В гневѣ обе руки взметнула; искрами сыплет
та, а другая — живой рассекает гидрою воздух.
Став на скале, где к своду небес Киферон подступает
ближе всего, пронзительный свист удвоила свистом
гривы из змей, и ему — берега Ахейского моря
отозвались широко и земли пелопова царства.
Слышит его и Парнас посредине небес, и суровый
слышит Еврот, и в бок раскат поразил пограничной
120 Эты хребет, а Истм с двух сторон окатили потоки.
Мать, уздою сдержав крутолобого в море дельфина,
несшего сына ее, к груди Палемона прижала.

Лишь утвердилась она на вершине кадмовой кровли
и напитала едва привычною тьмою пенаты, —
тотчас у братьев сердца в груди болезненно сжались,
души наследственный гнев охватил, и зависть к чужому
счастью, и страх, рождающий рознь, и лютая жажда
власти, — та, что рвет договор, законному праву
чуждая в иске своем, поскольку слаще на троне
130 быть одному, а спутник двоих правителей — ссора.

Так, если пахарь, бычков из стада дикого выбрав, хочет, чтоб в поле они запряженные вместе пахали,— те норовят увернуться: еще от пахоты долгой гордая шея у них до мозолистых плеч не склонилась; прочь друг от друга бегут, совместно силою упряжь рвут и нарушив ряды, между неровно выводят.

Так крутая вражда необузданных братьев толкнула друг против друга. Они парить через год порешила и уходить в изгнание затем. Завистливый счастьем
 140 им меняться велит закон условия крутого: всякий раз да теснит держащего скипетр преемник. Но благочестие их отложило сражение лишь на год, и для второго паря договор не имел уже силы.

А ведь тогда потолок не желтел еще золотом плотным, греческой мощный еще скалою пол не лоснился атрия, что вместит на поклон явившихся толпы; сон беспокойный царя берегущих не было кошии, стражи строй еще не гремел, сменяясь, железом;
 150 ни самоцветы тогда с вином сочетать не стремились, ни драгоценный металл увижать ради яств; воздвигала братьев голая власть, делили нищее царство. Споря, кому пахать близ скудной Дирки сухое поле и торжествовать, воссев на негромком престоле тирского странника, вы сгубили и долг, и законность, счастье и честные жизнь и смерть. К чему эта ярость, жалкие, даже когда б неправедность ваша сулила вам пределы земли, что видит солнце, вставая утром или клонясь ввечеру в залив иберийский, или же издалека лучом достигает наклонным —
 160 страны те, что Борей леденит, что Нот согревает влажным теплом; и фригийский предел, а так же тирийский — все б отдала одному! Град проклятый, страшное место дали повод к вражде, и безмерной оплачено злобой право на трон эдипов воссесть... — Невыпавший жребий на год отнес полиникову честь. А ты, одержимый, как ты провел этот день, когда во дворце опустевшем понял ты вдруг, что власть — твоя, что все тебя меньше, что ни один не равен тебе? — Но ропот змеится толп эхионовых, чернь от владыки безмолвно отходит
 170 и — как и всякий народ — государя грядущего любит.

Кто-то, чей ум всегда к ядовитой низости крайне склонен, но кто никогда покорной спины перед данной властью не гнет, «Ужели за гнев огигов,— промолвил,— рок неприступный велит сменяемой власти бояться, вечно под новым ярмом растерянной шеи сгибаясь? Двое порознь вершат народов счастье и силою быть заставляют судьбу переменчивой, нас обрекая

поочередно служить беглецам. О бог высочайший,
зёмли засеявший, ты ль захотел такого безумья
180 верным твоим? Или рок изначальный над Фивами властен,
рок, что Кадму велел сидонским бычком увесенный
ласковый груз отыскать в соленой дали карпатосской?
Тот, изгнанник, нашел в полях гигантовых царство,
братьев в сражение вверх, из тучного поля прозябших.
Это ли, это ль не знак, предсказавший потомков далеких?
Ты замечаешь, в какой неприступной гордыне нависла,
люто вздыбившись, власть, пока соправитель в изгнание?
Сколько угрозы в лице, как чванпо он все презирает!
Он ли — частным лицом — когда-то был ласков с просящим,
190 был в обращении прост, терпелив — беседа с равным?..
Странно? — Но он — не единственным был... А мы — мы ко всякой
службе — дешевая рать — для любого владыки готовы...
Если Борей ледяной и облачный Эвр, валетая,
рвут паруса, тогда — судьба корабля незавидна:
страх нависает двойной, и нет народа, что смог бы
жребий ужасный снести: тот правит, этот грозитя.

А между тем на совет собрался Юпитера волей
избранный круг богов над сенью стремительной свода
в самой середине небес, где все одинаково близко:
200 страны зари и закат, а также земли и воды,
взору доступные дня. И сам вступает Юпитер
мощный в собрание богов, все ясным взором обводит
и звездоблещущий трон занимает. Насельники неба
сесть не дерзают, пока не дозволил родитель садиться
манием легким руки. За ними — летучие толпы
полубогов и — родня облакам высоким — Потоки,
следом — таящие рев, испугом сдержанный, Ветры
полнят чертог золотой. Божество достоинства стольких
свод заставляет дрожать, и ярче сияют вершины
210 неба, а также врата, сокровенным цветущие цветом.
Велево всем замолчать, и в страхе стихает собрание.
Начал Юпитер с небес — в священных речах содержался
непререкаемый вес, и рок подчинился глаголам.

«На преступленья земли и в злобе злодейств ненасытный
смертный ум досадою я. Доколе преступных
вынужден буду карать? Претит грозиться дрожавшей
молнией; кроме того, Киклопов руки устали
мощные, да и огни в эолийских кузницах гаснут.
Вот почему я стерпел бесчинство — при мнимом возмине —
220 Солнца коней и пожар от колес, заблудившихся в небе,
и допустил осквернение земли фазтоновым прахом.
Попусту все — даже то, что ты могучим трезубцем,
брат мой, просторам морским сверх меры разлиться позволил.
Ныне решил я дома покарать, которым рожденье

некогда сам же и дал: один на персеевы Арги
 дом разделился, другой произвел аонийские Фивы.
 Ум неизменен у них: для всех погребение Кадма
 памятно; мало того, не раз, покидая глубины,
 гнев Эвменид их казнил за страшные промахи в рощах,
 230 радость зловещую их матерей, и богов преступленья, —
 впрочем, о них умолчу. Не хватило бы дня мне и ночи,
 если б о нравах решил нечестивого рода поведать.
 Вот в покой вступил отцовы негодный наследник
 и возжелал осквернить безвинное матери лоно,
 сам к истокам своим — чудовище — вновь возвращаясь.
 Правда, пожизненным он наказаньем расцелся с богами,
 света лишившись навек и более нашим эфиром
 не наслаждаясь; но вот без меры преступные дети
 240 взор попирают слепой. И немедленно мстительный старец
 верный приносит обет. О, мрак твой, мрак заслужил твой
 мести Юпитера! Что ж, учиню преступным державам
 новые распри: весь вознамерился я уничтожить
 с корнем гибельный род. Пусть семенем битвы мне будет
 тещь Полиника Адраст и им заключенные браки
 без одобренья богов. Но город мной будет наказан
 с этим и тот заодно: сокрывшего в сердце коварство
 Тантала я не забыл и ужасного пира обиду».

Рек всемогущий отец. Но, речью ужалена больно,
 скорбью неожиданной круша запывавшее сердце, Юнона
 250 так возразила ему: «Не мне ль, не мне ли велишь ты
 в битву вступать, справедливейший бог? Ты знаешь, Киклопов
 кладку и скипетр молвой прославленного Фороней
 я и мужами храню, и опекою; правда, бесстыжий,
 смертной дремой ты унял охрану телицы фаросской
 и, золотой, проникнуть сумел сквозь стены твердыни.
 Лживые ложа — прощу, но тот ненавиден мне город,
 где ты в обличье своем появлялся, где — высшего ложа
 знаки! — громами гремел, Юноны молнии бросив!
 Фивам за дело платить, но Аргам, врагам их, — за что же?

260 Впрочем, уж если таков раздор на священной постеле,
 можешь и древние ты истребить Микены, и Самос,
 Спарту снести до основ! И нужно ли праздничной кровью
 рдеть алтарям супруги твоей и смолою куриться
 утренних стран? О, пусть жгут жертвы в мареотилском
 Копте, пусть медью гремят над током тоскующим Нила!
 Если ж народам избыть провинности древние должно,
 если тревожит тебя запоздалое это решение,
 что устарел сей век, — каких ожидаешь ты сроков,
 чтобы злодеяния земли отменить и время исправить,
 270 вспять обратив его ход? — Начни же немедля вот с этих
 мест, по которым течет проходящей под морем волною

вдаль за свою Алфей устремленный сиканской любовью:
здесь, лишившись стыда, Аркадцы твой храм основали
в проклятом месте, а там — Эномая марсовы оси,
там же и кони его, которым под Гемом у гетов
лучше пасть, и брошенных в прах, погребенья лишенных,
стынут тела женихов до сих пор. — Но мил тебе в храмах
здесь почёт, мила преступная Ида и даже —
вымысел Крита — твоя могила! — Так дай утвердиться
280 в городе Тантала — мне! Избавь от битвенной бури
и пощади породу твою: ведь много безбожных
стран у тебя от зятьев-преступников страждут не меньше!»

Так скончала, смешав с мольбою упреки, Юнона.
Ей Юпитер в ответ — не грозно, хотя и сурово —
так отвечал: «А я и не думал, что ты благосклонно
примешь то, что я о твоих — вполне справедливо —
Аргаго решил, — ведь и Вакх с Дионой, я в этом уверен,
много в пользу Фив, была бы воля, дерзнули
молвить, да им не дает пред нашим могуществом трепет.
290 Но леденящей водой и гладью стигийского брата
я поклянусь, и навек неизменною клятва пребудет:
просьбы ничьи меня не склонят! Итак, легкокрылый
отпрыск килленский, лети стремительных Нотов быстрее
через прозрачный эфир и, в мрачное царство спустившись,
дяде скажи: „Пускай в поднебесье подымется старец,
Лайй, принявший смерть от сына и на берег дальний
Леты не взятый еще уставами бездны Эреба,
и повеленья мои донесет до чудовища-внука:
пусть он брата, что ждет в изгнании, гордый аргосским
300 гостеприимством, вдали от хором вождельных удержит
и вероломно черед не признает царственной чести“.
Так начнется их гнев, а за ним учиню остальное».

Тотчас Атлантиад подчинился родительской речи:
вмиг к оконечностям ног привязал крылатую обувь,
кудри покрыл и сияние звезд убором умерил,
ветвь десницею сжал, которою гонит он сладкий
сон и наводит его, а также в Тартара сумрак
сводит тени и вновь в обескровленных дух пробуждает;
ринулся и — задрожал, дуновением легким охвачен,
310 но не замедлил пронзить пустоту высоким полетом
и преогромной дугой заоблачный путь свой означил.

Тою порой, потеряв — бездомный изгнанник — отчизну,
брел Эдиподионид, как вор, аонийским безлюдьем.
Он — на беду! — в душе представлять грядущее царство
начал уже и стонал, что звезды неспешны и долгий
год неподвижен; одна ночами и днями забота
сердцем владеет: когда расстанется с царством ничтожный
брат, а себя, наконец, он владыкою мощи фивавской

узрит,— и всю свою жизнь он на этот лишь день променял бы!

320 То он пенять начинал запоздало на тяжесть изгнания,
то воздымался в нем дух вождя и, гордый, он видел
свергнутым — брата, себя — на престоле; рассудок терзали
страх и надежда, в мечтах беспрестанных растрапилась радость.
Тут он держать бестрепетный путь к городам инахийским
твердо решил, и к данайским полям, и к покинутым солнцем
мрачным Микенам,— его повела Эриния, видно,
или случайный пути поворот, иль зов неподвижный
Атропос. Прочь он бежит от пещер, безумьем Огига
полных, и прочь от холмов, налитых вакховой кровью;
330 местности, где Киферон, оседа в равнину полого,
распространился, клонясь некрутою горою к заливу,
быстро проходит; затем, повисая на тропах скалистых,
камень, который Скирон обесславил, и Скиллы угодыя,
в коих старик багряный царил, и Коринф безмятежный
также минует и гул двойного слышит прибоя.

Тою порой на простор сопредельный ушедшего Феба
вышла титанова дщерь, и, повиснув над миром безмолвным,
росоносящий возок источил хладеющий воздух.

340 Скот домашний молчит и птица, и Сон, среди горьких
тихо прокравшись забот, с эфира долу склонился
и милосердно принес забвение тягостной жизни.
Но ни сиянья, с небес багровых сходящего, тучи
не пропустили, ни там, где тени были прозрачны,
сумерек долгих тьма отраженным не вспыхнула Фебом.

Плотная возле земли, ничьим лучам недоступна,
черная ночь окутала мир. Эолии стылой —
сотрясены — затворы гремят, грядущая буря
воем зловещим грозит, а ветры встречные с шумом
сходятся и, расшатав крюки, ворота срываюи,

350 каждый небом своим завладеи; но Австр утесняет
тьму сильнее других: свивает мгlistые кольца
и проливает дожди,— а их колючим дыханьем
тут же скрепляет Борей; и не прерываясь трепещут
молнии, небо дымясь, разрывается в огненных вспышках.

Вот под дождем Немей и роц на границе тенарских
мокрые пики вершин аркадских, и мчится лавиной
Инах, а там — Эрасин устремился к Медведине стылой.
Пыльные реки, дотоль прохожие, ныне, плогиной
их заградив, сдержать невозможно; в глубинах вскипая,
360 поверху древнею вновь отравую пенится Лерна.

Нет неповаленных роц, и мертвые буря ломает
руки деревьев в лесах; от века незримые солнцем,
пастища ныне видны по тенистого склонам Ликейя.

Путник меж тем,— то камням поражаясь, несущимся с кручи,
то трепеща рожденных от туч грохочущих горных

речек и мчащихся встреч обломов жилищ и загонов, бешеной смятых волной, — безумный, стремится упорно, не разбирая пути, в пустыне молчащего мрака: страхом повсюду гоним, повсюду — призраком брата.

870 Словно пловец, кому в объятиях бурного моря ни непоспешный Возок, ни Луна приветливым светом не укажет пути, средь вскипающих неба и моря — где он, не зная, стоит и вот уж, вот, ожидает, скалы, в коварной воде укрывшись, иль с острой вершиной в пене белой утес пронзят взлетевшее судно, — так и кадмейский герой, лесов избирающий сумрак, в спешном пути расчищает щитом ужасные чащи — хищных приюты зверей, ломает кусты, налегая грудью, и тягостный страх в душе пробуждает отвагу.

880 Тут, темноту одолев ночную, аргивские кровли и ларисейский дворец блеснули, и блеск отразили стены отвесные; — к ним устремясь в последней надежде, бросился, с левой руки оставив в Просимне высокой храмы Юноны, с другой — огнем Геркулеса известный черный простор лернейских болот; и вот он влетает меж приоткрытых ворот и царское видит подворье; здесь он тело свое простирает, от ливней и ветра стынувшее, приклонясь к двери чужого покоя и безмятежные сны призывая на жесткое ложе.

890 Мирно в этом дворце, от порога среднего жизни к старости переходя, Адраст народами правил, предков кровью гордясь, восходящей к Юпитеру дважды. Был он лучших лишен потомков, но поросль ю женской парь процветал, на двойной залог уповая дочерний. Феб, предводимый судьбой, ему провещал (и промолвить страшно, и трудно понять предзнаменованье), что станут щетиноносный кабан и лев желтогривый зятями. Этого смысл ни сам ты, отец, ни ты, прорицатель Амфиарай, не открыл, — запретил Аполлон провещавший; 400 только в сердце отца оседала все горше забота.

Рок между тем велит атолийцу Тидею оставить древний град Калидон: мучительный братоубийства ужас гонит его. Ночлега тою же ночью ищет и он, на Нот точно так же пеняя и ливень. Оледенела спина, дождевые потоки стекают и по лицу и с волос; он входит в то же укрытье, где на холодной земле гость прежний лежит распростершись. Здесь повергает двоих судьба в кровавую ярость. Не пожелали они защитить дружелюбною кровлей 410 ночь: и тот и другой сначала меняются грозной речью и медлят, затем, когда от дровов словесных гнев до предела возрос, уже в иступлении, оба

с плеч срывают покров и в бой обнаженный вступают. Ростом выше один, он более строен и вместе — в первом цветении лет; другого, а он не слабее, храбрость — Тидея — ведет: по всем разлитая мышцам, большее в небольшом цариле мужество теле.

Множат, вплотную сойдясь, в лицо и вокруг впадин височных ряд ударов сплошной, — у стрел иль рифейского града вид таков, — и, колено согнув, в живот ударяют. Именно так, когда к пизейскому вновь Громовержцу игры приходят, — то пыль пылает от пота сырого юношей нежных; но тех — возбуждает разноголосье зрителей, а вдалеке о наградах матери молят; этих же — гнев окрылил, и к славе они не стремились, в стычке жестокой сойдясь, и цепкой рукою пытая недра лица, и вглубь, на глаза надавив, устремляясь.

Их бы, пожалуй, мечи, прикрепленные сбоку, заставил яростный пыл обнажить, — и лучше бы вражьем оружием был ты, брата беда, фиванский юноша, сгублен! — но — неожиданный крик и рев, вылетающий с хрипом вон из грудной глубины, царя поражает во мраке, вынудив с ложа восстать: трезва и в великих заботах, старость его на краю некрепкого сна колебалась. Он поспешил меж огней многочисленных через высокий атрий и — двери едва навстречу свету открылись — страшное зрелище вдруг увидел: изранены лица, градом кровь на вспухших щеках. — «Безумства причина, пришлые юноши, в чем? — До этаких, знаю, побойц подданный мой не дойдет! — Так что за пыл неумный ненавистью возмутил молчание мрака ночного? Да неужели вам дня не хватило? Иль жалко на время душу миром и сном смирить? Ну, что вы молчите? Кто вы, путь ваш куда? В чем спор? — По ярости вашей если судить, — вы не из низов, и гордой породы ясные знаки видны в обильно пролитой крови».

Молвил, они же, сплетя голоса, но искоса глядя, пачали вместе: «О царь ахейцев, о милосердный, нужно ль нам говорить? Ты сам залитое кровью видишь лицо!..» — сочетав голосов озлобленных звуки, оба промолвили так, а после Тидей, по порядку первым, продолжил: «Стремясь позабыть о случившемся горе, я Ахелоя луга и мой Калидон оставляю, чудищ родящий; меня непогодная ночь застигает в ваших краях, — и что мне мешало укрыться от неба кровлею? — Может быть, то, что к порогу этому первым путь свой направил другой? — Однако мы слышим, что делают общий кентавры приют, а также Киклопы на Этне вместе живут. Но когда даже чудища дикие знают

- 460 долг и природный закон, то нам вдвоем поместиться... —
впрочем, о чем я? — Сейчас ты либо — кто бы ты ни был —
гордый доспехом моим уйдешь, либо — если от скорби
кровь, изнурясь, не застыла моя — узнаешь, что отпрыск
корня великого, я ни отца Ойнея, ни Марса
не посрамлю!» — «И я — ни духом, ни родом не беден...»
тот возражает ему, но, вспомнив о роке семейном,
медлит имя отца произнести. Адраст-миротворец
«Полно, — сказал, — отложив угрозы — их ночь ли внушила,
доблесть, иль гнев, разыгравшийся вдруг, — под кров мой вступите.
- 470 Пусть залогами душ десницы вместе сойдутся;
нет, не попусту все, не без воли богов совершилось:
гнев же начало любви затем предварил, чтобы после
вспомнить с улыбкой о нем». — И как безошибочно понял
старец судьбу! — Ведь не зря говорят: у связанных битвой
верен был до конца, какую Орест, обезумев,
был от жала спасен пораженной Пиладою Мегеры.
Тут уже оба легко допускают, чтоб царь умягчил им
речью суровость сердец, — так, с бурей сразившись, стихает
- 480 море, но долго еще умирает ее дуновение
в складках опавших ветрил, — и в покои царские входят.
Тут впервые Адраст рассмотреть одежды пришельцев
мог и оружие их, он видит: вздыбился полный
лев на спине одного с торчащею в стороны гривой,
видом подобный тому, кого в тевмесской долине
Амфитриониад сокрушил еще в юные годы,
кем себя прикрывал до борьбы с грозой Клеонеюской.
Рядом, щетиною страх наводя и клыком искривленным,
сверху могучих рамен обнять Тидея пытался
- 490 вепря покров — калидонская честь. Пронзенный великим
знаменем, старец молчал, реченья небесные Феба
сразу признав и вещей пещер наставления вспомнив;
замер взгляд, застыло лицо, счастливым по членам
трепет прошел — он ясно постиг: ввели к нему боги
тех, кого Аполлон, прорицатель, плетущий загадки,
выбрал ему в зятя, обманчивым ликом звериным
их наградив. И вот, воздев к светилам ладони,
«Ночь, — промолвил, — земли и неба труды обнимая,
звездные ты высылаешь огни путем многогранным,
500 сил душе набраться даешь, покамест ближайший
слабым Титан существам не пошлет вошлет восход торопливый, —
ты, благодатная, мне, одолев заблуждений плетенья,
редкую веру даришь и рока истоки вскрываешь
древнего, — будь же ты мне утверждением данных обетов!
Дом этот вечно тебя, годовые круги отмеряя,
станет чтить, принося, богиня, лишь черные в жертву

стати отборной стада, а кроме того — пятилеток
 пламя Вулкана пожрет, парным молоком политое.
 Древняя вера в треног, и тайные глубы, — привет вам!
 810 О, судьба, я понял богов! — сказал и, обоих
 за руки взяв, под кров покоев внутренних с ними
 вместе идет. — На седых алтарях еще сохранялись
 в сонной воле — огонь, возлияния — в утвари теплой.
 Царь повелел, чтобы вновь очаги запылала, и новый
 пир повелел учинить. Приказам спешат подчиняться
 слуги наперегонки; дворец оглашается пестрым
 гомоном: тонким одни багрепом и золотом звонким
 ложа устлав, громоздят ковры друг на друга высоко;
 820 блюда хрупкие — их протерев — расставляют другие;
 там над мраком и тьмой одержать ночную победу
 рвутся, цепями сдержав на весу золотые лампы;
 здесь, железом пронзив, бескровное тщательно жарят
 мясо царских говяд, а эти — полнят кошницы
 прахом Цереры, в камнях растертой. Покорным кипеньем,
 полнящим дом, доволен Адраст. И вот он меж гордых
 тканей сам возблистал, на ложе из кости возлегши.
 Юноши против него, воду высушив равы,
 также легли: на лица глядят в отметинах мерзких,
 каждый другого против. А царь престарелый Акасту —
 830 ту, что вскормила его дочерей и стражем вернейшим
 стыд их святой хранила теперь для законной Венеры —
 вызвать велел и ей прошептал в безмолвное ухо.
 Только был отдан приказ, немедленно отроковицы
 из потаенных пришли покоев: дивные видом,
 звонкооружной одна Палладе, Диане колчанной
 ликом другая равна, но грозвы не столько. Их скромность
 тотчас узрела мужей незнакомых: румянец и бледность
 вместе на нежных щеках застыли, а взоры, робея,
 чтимого ищут отца. Затем, обеденным чином
 840 голод уняв, Иасид велит по обычаю слугам
 чашу с прекрасным подать рисунком, блестящую золотом, —
 некогда оной богам Данай совершал возлиянья
 и Форовей, — а на ней деянья чеканные были:
 тут летун золотой с отсеченной горгоньей несется
 змеволосяй главой: вот-вот он выпрыгнет, мвнтся,
 в вольный воздух, она — тяжелые веки подымет, —
 и на застывшем лице бледнеет злато живое;
 там фригийский ловец летит на крылах золотистых:
 он — возносится, вниз удаляются Гаргары, Троя,
 850 спутники в горе стоят, собаки тщетным рычаньем
 пасть извуряют, и тень догоняют, в лают на тучи.
 Чашу налив кипящим вином, небожителей чинно
 всех призывает Адраст, но в первую очередь — Феба.

славит у жертвенника увитая лавром стыдливым
слуг и близких толпа, ловящая блеск разожженных
в праздник алтарных огней, курящихся щедрой смолою.
«Может быть, юноши, вы узнать об этих обрядах
и о причинах того, что Феба чтим мы особо,
жаждете, — вымолвил царь. — Вины сознанье ввухило.
560 В прежнее время бедой побужденный великой, приносит
жертвы аргивский народ. Я рад поведать, — внимайте.
После того, как змеи бирюзовой мощные кольца
(был то — исчадие недр — Пифон, — он темными обвил
кольцами Дельфы семь раз, дубы ободрав чешую
древние, и подползал с раскрытою пастью трехжальной,
черный яд напитать вождедея, к потокам Кастальским)
стрелами бог поразил, без счета их в равны вонзая,
и на киррейских простер равнинах, едва не на сотню
югеров труп распластав, — ища найти искупленье
570 крови, приблизился он к небогатым жилищам Кротопа
нашего. А у того, вступая в первую младость,
дивной прелести дочь хранила богов благочестья,
девственно чисто живя и счастливо. Если б ей Феба
тайной не ведать любви, не делить делосского ложа!
Ведь как познал ее бог близ токов влаги немейской
и совершила кругов дважды пять безущербная ликом
Кивфия, — звездное мать родила Латоне потомство —
внука; по кары боясь, — отец насильственной свадьбы
ей, без сомненья, простить не сумел бы, — село в отдаленье
580 выбрала и, поместив младенца в ограде овчарни,
стражу блуждающих стад тайком воспитать поручила.
Рода дитя, твоего в недостойной ты спал колыбели:
луг тебя ложем из трав одарял, решеткой дубовой
дом осенял, и держал покров земляничного древа
тело в тепле, а полый тростник слал сон беззаботный —
пусть на полу, скотины вблизи. Увы, даже этот
дом постигла судьба! На земле, на древе зеленом
как-то лежало дитя, эфир впивая устами, —
бешенство яростных псов его растерзало, крованный
590 справивших пир. Едва лишь дошла до слуха убитой
матери весть, — пропали в душе родитель, стыдливость,
страх: не сдержавшись, она дом полнит, безумица, страшным
воплем и тут же сама, покров на груди раздирая,
перед отцом признаться спешит; но зачем побудила
боль к добровольной — увы! — как вымолвить? — гибели черпой!
Поздно вспомнив жену, ты — страшной смерти утеху,
Феб, чудовище шлешь; в Ахеронтовых безднах на ложе
было зачато оно Эвменид: и ликом, и стапом —
дева; но, вечно шипя, с макушки змея воздымалась,
600 темную ржавчину лба подобием ленты делила.

Эта язвящая месть, шурша ночью стопою,
 в спальни взялась заползать, и свежие души под корень
 с лона кормилиц срывать и окровавленную пастью
 их пожирать, от скорбей отцовских весьма утучнясь.
 Но — разъярился Кореб, оружием и мужеством лучший:
 он за собою увлек отобранных юношей, мощью —
 первых, из тех, что жизнь легко меняют на славу:
 Дева же, опустошив обиталища очерченные,
 шла к двоепутью ворот: двоих привязала младенцев
 610 сбоку и, скрючив персты, в живые тела их впивалась,
 около нежных сердец согревая железные когти.
 Оной навстречу — венцом окруженный мужей приближенных
 юноша встал, смертоносный свой меч под крепкие ребра
 деве вонзил и, до тайников острием растревожив
 блещущим недра души, Юпитеру глубей подземных
 диво его возвратил. Мог всякий, приблизившись, видеть
 смертью подернутый взор, и течь продолжавший из чрева
 мерзкий поток, и грудь, густой оскверненную кровью, —
 наших могилу детей. Инахийцы застыли младые:
 620 радость, сменившая плач, велика, но опаслива все же.
 Крепкие кольца схватив (бессильная скорби утеха!),
 стали безжизненный труп истязать и уродовать щеки
 градом острых камней, — но гнев не могли успокоить.
 С шумом кружась ночным, ее даже вы избегали,
 стаи голодные птиц; а ярая психая злоба,
 пасти пугливых волков на нее, не касаясь, взирали.
 Но на несчастных в сердцах из-за мстительницы, умерщвленной
 роком, Делосец восстал: в тени высочайшей Парнаса
 сев двувершинного, он, жестокий, с неправого лука
 630 гибельный мечет снаряд, поля и жилища Киклопов
 гордые пламенем жжет, облаков одеянье набросив.
 Гибнет сладчайшая жизнь: мечом своим смерть обрезает
 нити Сестер и держит в руках захваченный город.
 И на вопрос вождя: «За что? Чей гибельный пламень,
 Сириус правит какой с афира в течение года?» —
 снова вершитель-Пеан велит кровавому диву
 юношей в жертву принести, которые казнь совершили.
 Дух благородный, в веках по достоинству дня заслуживший
 долгого, — ты не сокрыл недостойно святого оружия,
 640 не убоялся пойти навстречу погибели верной!
 Нет, он с открытым лицом на пороге киррейского храма
 встал и такими разжег священную ярость речами:
 «Не по приказу, Фимбрей, к жилищам твоим не с мольбою
 я прихожу: мне честь и сугубая доблесть внушили
 в этот отправиться путь, — я тот, кто убийством осилил
 смертную нечисть твою; Аполлон, ты в облаке мрачном,
 в свете губительном дня и в черном поветрии неба

злобного ищешь ее, неправый; — но пусть даже лютый
650 дорог зверь великим богам, людская ж для мира
смерть дешева, и столь безжалостно гневное небо; —
Арги-то терпят за что? Лишь я, о бог наилучший,
голову должен лишь я подставить року; ужели
по сердцу больше тебе, жестокий, безлюдными видеть
кровли жилищ и поля, скорбящие о землепайцах,
сгибших в огне? — Но речью зачем удержать я пытаюсь
жала и руки твои? Ждут матери, я же исполнил
то, что хотел, и твою вполне заслужил беспощадность.
Что же, достань стрелу и, лук напрягши звенящий,
660 славную душу отправь в обитель смерти, но тучу
бледную, ту, что грозит инахийскому Аргосу свыше,
прочь, покуда я жив, отгони». — На достойных взирая,
рок милосерд. Удержал распалившегося Летоида
стыд пред убийством. Смирясь, он мужу печальную почесть —
жизнь подарил; а с наших небес тотчас разбежались
черные тучи. Порог изумленного Феба оставив,
ты, прощенный, ушел. — Священные эти уставы
чтит торжественный пир ежегодно, и новый смиряет
фебовы храмы почет. Вы случаем не заходили
в них: — из ваших краев? В Калидоне, я знаю, Ойнея
670 партаонийский очаг — коль верные нас достигали
слухи — достался тебе. А ты нам поведай, откуда
в Аргос пришел, — как раз для бесед подходящее время.

Но опускает лицо, опечалившееся внезапно,
долу именованной герой, за Тидеем израненным молча
искоса взглядом следит и нескоро молчание рупит:
«Чтущему пыне богов, тебе вопрошать не пристало,
род мой каков, из какой я земли, откуда струится
ледовской крови черед: средь праздника вымолвить стыдно.
Но — коль торопит тебя забота узнать о пришельце —
680 Кадм — начало отцов, земля моя — марсовы Фивы,
а родила Иокаста меня». — Адраст же, радушьем
движимый — он ведь узнал пришельца: «Известное, — молвит, —
что же скрывать? Мы знаем: молва до Микен докатилась, —
путь недалек. Престол, безумье и взор посрамленный
знает и тот, кто дрожит под солнцем арктийского неба,
тот, кто на Ганге живет, в Океан, под закатами черный,
входит; и если кого оставляют на бреге неверном
Сирты, — то знает и он. Крушиться не нужно и беды
предков себе причислять: грехов предовольно и в нашем
690 роде противу богов, — но в них неповинны потомки.
Сам лишь — своим не в пример — благими старайся делами
предков грехи искупить. Но вот уже, дышло склоняя,
льдистый бледнеет Возок Медведицы гиперборейской.
Вина пролив в алтари, отцов спасителя наших

снова и снова, мольбы вознеся, воспоем Летоида.—
Феб-родитель,— тебя блюдут ли Патарские чащи
в снегом покрытых горах ликийских; или чистой росой
любо тебе касталийской кропить власы золотые,
700 или же Троей владеть, Фимбрей, где фригийские скалы
ты добровольно взвалил на плечи, не ждущие платы;
или ты хочешь, о Кинф латонин, Эгейского моря
тенью касаясь, в волнах не искать устойчивый Делос; —
стрелы и лук у тебя, врагов разящие диких
издалека; уделили тебе небесные предки
вечное нежных ланит цветенье; неверная Парок
ведома пряжа тебе и грядущие судьбы открыты,—
все, что Юпитер решит высочайший, и год, приносящий
гибель и войны стране, и грозящие скиптрам кометы;
ты и фригийца склонил пред кифарой, и к чести Латоны
710 Тития ты распластал земнородного в поле стигийском.
Оба,— зеленый Пифон и фиванская мать трепещут
славной твоей тетивы; казнящая страшно Мегера
вечно лежит на огромной скале, под коей без пищи
Флегий простерт, и его тебе терзает в угоду
мерзкими яствами, но — и голодный — он брезгает ими.
Помни свой прежний приют, помогай нам, юнонины пашни,
правый, блюди,— называть ли тебя румяным Титаном
ахемонийцам вослед, Озирисом ли плодоносным,
или же так, как тебя величают в пещере Персея.—
720 Митрою,— гнущим рога, разгневанные на погоню».

КНИГА ВТОРАЯ

Маи пернатый посев между тем от хладеющих теней шел, исполняя приказ Юпитера; всюду густые тучи препятствовали, и клубы тумана сбивали. Не на зефиры шаги опирались, — на жуткие вadoхи свода безмолвного: Стикс, девятью полями текущий, перегораживал путь, не пускало казнящее пламя. Сзади Лайи спешил дрожащею старческой тенью, рана мешала ему: вонзившийся по рукоятку меч нечестивый пронзал ударом родственным душу, ¹⁰ первопричинный гнев являя мстительниц-Фурий, — все же он шел и шаги укреплял целительной ветвью. Как же пустые леса и поля — обиталища манов, мрачные рощи ему поражались! Тому, что вернулся старец назад, — дивилась Земля, и даже в умерших, света лишенных уже, болезненная пробуждалась черная зависть. Из них один, чье глупое рвенье вечно до самых небес — отчего и трудна у них старость — радо несчастьям других, несчастно чужою отрадой, ²⁰ молвил: «Счастливец, ступай, зачем бы ни был ты призван, — дал ли Юпитер приказ, Эриния ль старшина говит солнцу навстречу идти, иль ты фессалиянки волей — жрицы безумной — с твоей укромной расстался гробницей, — ах, но на милый взглянув небосвод, на покинутый светоч, на зеленеющий луг, на влагу источников чистых, — вдвое печальней сюда возвратишься ты в эти потемки!» А уж когда их узрел лежащий на мрачном пороге Кербер и все устремил голов отверстые пасти, — он, кого и входящие злят! — и черная вдулась шея, грозя, и грудю костей он разбрасывать начал, — ³⁰ богу летейской пришлось унять лиходея лозою и троекратной дремой угасить железные очи. Место известно — оно ивахийцами Тенар зовется, — где устрашающий мыс бурливой Малеи выходит ветрам навстречу, залив вершиной от взоров скрываая.

Мощная круча стоит и, ясная, ливни и бури
 все презирает: на ней лишь звезды, устав, отдыхают.
 Там источившиеся укрытые устроили ветры,
 молний пути по скале, ее середина — летучих
 туч приют, а вершин — полет стремительный птичий
 40 не достигает, и их не тревожат грома раскаты.
 Если же солнце вверху, то тень от скалы покрывает
 моря далекою гладь и в толще, огромная, тонет.
 А под скалою внизу изгибается Тенара пенный
 берег, не смея дойти до открытого токов простора.
 Там утомленных Нептун из пучины Эгейского моря
 к пристани гонит коней: следы на песке оставляет
 первый, а двое других разбегаются рыбами в море.
 Здесь, говорят, тропа неприступная бледные тени
 сводит к черному вниз Юпитеру и открывает
 50 мертвым чертоги его. И, ежели верить аркадам,
 казней скрежет и вопль им слышен, и, мрачно вздуваясь,
 поле кипит, звенят Эвменид глаголы и длани
 там среди белого дня, а Леты привратник трехликий
 пахарей — если его услышат — с полей прогоняет.
 Этой вот мрачной тропой и выскользнул бог окрыленный
 с тенью старца наверх; с чела подземные тучи
 тут же смахнул и уста освежил живым дуновеньем.
 После, летя на Арктур, оставил Луны пограничной
 пашни с народами их. В пути ему Сон повстречался,
 60 Ночи гонящий коней: отпрянув в почтительном страхе,
 Сон божеству уступил в небесах дорогу прямую.
 Тень, летя не столь высоко, за отнятым звездным
 сводом следит и вождем, и вскоре — киррейские кручи
 видит внизу и свою в оскверненной Фокиде могилу.
 Ветер был — в сторону Фив: застал у порогов сыновних
 Лайи и медлил войти в пенаты, знакомые слишком.
 А уж свои увидав на столпах вознесенные кровли
 и колесницу свою, до сих пор покрытую кровью, —
 в трепете чуть не вернулся назад: ему не преграда
 70 ни Громовержца приказ, ни аркадской лозы увещанья.
 Кстати, этот же день Юпитер отметил ударом
 молнии: нежный Эван, тебя неурочные роды
 препоручили отцу. По этой причине тирийцы
 ночь порешили без сна провести в веселии общем:
 всюду — в домах и полях — плетеницы разбросаны были,
 и выдыхали они меж кратеров, вино источивших,
 сонного бога в лучах зари, и флейты гремели,
 медный звон побеждал по бычьей коже удары;
 в радости сам погнал Киферон лесов бездорожьем
 80 здравых умом матерей, одержимых счастливейшим Вакхом.
 Так, внезапно сойдясь, на Родопе пиры учиняют

или же между холмов срединной Оссы бистоны:
полурастерзанный скот, отбитый у ярости львиной, —
вот их яство; они парным молоком укрощают
пыл свой; но если на них Иакха огигова веет
бешеный дух, то — к камню рука, то чаши — приличье
мигом крушат, и кровь соплеменная льется обильно,
тем указав на праздничный день и пир отмечая.

90 Этою ночью летун килленский и призрак безмолвный
спальни достигли царя эхионского, где, велемошный,
тело свое он простер меж ковров ассирийских на гордом
ложе. Увы! Он смертным своим несведущим сердцем
рока не знал, и он пировал, и сном наслаждался.
Старец тогда, исполняя приказ, — чтоб не мог показаться
лживым образ ночной, — пророка древнего темный
принял Тиресия вид и голос, приметную также
волну надел, а пряди — свои оставались, и белый
клок бороды, и бледность своя; но инфула лживо
волосы переплела, и с бледной оливой сплетался
100 лживых повязок почет. Итак, перстами коснувшись
груди, привиделся он судеб глаголы рекущим:
«Спать не время тебе и ночью глубокой бездельно
здесь возлежать, о брате забыв, — громада деяний
кличет давно, нерадивый, тебя и замыслов важность.
Над эонийским когда простором висит грозояя
туча и Австры шумят, тогда мореход забывает
парус и рвущее гладь правило, — он медлит; вот так же
медлишь и ты. Но знает Молва, что некто недавним
браком гордясь, готовит войска, чтоб царство добыли,
110 свергли тебя, а в хоромах твоих — он стариться будет.
Одушевляет Адраст, приметами тесть предреченный;
Арги — приданого часть; к тому же — союзом до гроба
связаны он и Тидей, забрызганный братоубийством.
Вот он и горд, а тебя — он изгонит и, видно, надолго.
Сам из участия меня родитель богов посылает
с неба: Фивы — храви, слепца, взалкавшего власти,
брата, который готов изгнать, гони, да не вступишь
ждущего смерти твоей, преступно сгубившего клятвы,
и да не вступишь с ним владыкою Кадма — Микены».
120 Вымолвил; и, уходя, — уже побледневшие звезды
скрылись от светлых ковей — с лица оливу и волну
скрнул и — деда явил: над ложем злобного внука
низко склонясь, обнажил ударом провзенную шею
и увлажнившееся свидение равной наволил.
Внук проснулся тотчас, взмахнул руками и с ложа
прянул, ужасом полн: приснившейся крови потоки
гонит прочь и дрожит пред дедом в поисках брата.
Словно дремлющий тигр, услышав охотняков шепот,

- сети увидев,— рычит, ленивые сны прогоняет.
 130 жаждет битвы, глаза сужает и пробует когти,—
 вдруг — прыжок на толпу, и в пасти он тащит живого
 мужа, кровавых снеть детенышей; — так и правитель
 гневом вскипает, к войне против дальнего брата готовясь.
 Вышла уже в небеса из опочивален мигдонских
 и холодеющий мрак с высот поразила Аврора,
 рбы стяхнула с кудрей, алея все больше при виде
 Солнца, спешащего вслед, к которому поздний сквозь тучи
 луч обращал, на коне чужой эфир покидая
 медленном, Люцифер; но — отец пламенеющий полнит
 140 мир и даже сестре лучи посылать запрещает.
 Тотчас же Талайонид почтенный, а следом, недолго
 медля, диркейский герой, а с ним и герой ахелойский
 прянули с лож: и тот, и другой, утомленные боем
 и пережитой грозой, вкусили полную мру
 сна, инахийский же царь, лелея душу покоем
 легким, перебирал в уме богов и нашедших
 в доме приют у него и тревожился: чем обернется
 рок обретенным зятьям. Сойдясь у срединных сидений
 дома, десницы они очередным сжимают пожатьем,
 150 и, где удобно вбирать и высказывать тайные речи,
 вместе садятся; Адраст обращается к полным сомненья:
 «Гордые юноши, вас привела благосклонная полночь
 в царство мое не без воли богов, и вам сквозь смешенье
 ливней и молний, когда Громовержец гремел непогодой,
 к этим жилищам моим был путь Аполлоном указав.
 То, что скажу, известно и вам, и народу Пеласга:
 сколь вожделев союз и для скольких юношей знатных
 с домом моим. У меня — надежда сладкая внуков —
 дочери две возросли, при одних рожденные звездах.
 160 Сколь милолики и сколь стыдливы,— не речи отцовой
 верьте, а только тому, что вчера на пиру увидали.
 Их, полями кичась и широковластным оружием,
 многие жаждут мужи,— мне всех и не вспомнить ферейских
 и эбалийских вождей, и матери в градах ахейских
 верят в потомство от них. Прибегал к условиям многим
 даже Ойней твой и тесть, опасный пизейскою вожжею.
 Мне же ни тех, кто Спартой рожден, ни посланцев Элиды
 сделать зятьями нельзя, но кровь эта — ваша, забота —
 ваша о доме моем по обету старинного рока.
 170 Слава бессмертным, что вы — таковы и порокой, и духом,
 что предсказанье — сбылось; и это — почет, порожденный
 ночью суровою, так за битвой награда приходит».
 Выслушала; наврядли их взгляд, они друг за другом
 молча следили: один уступает, казалось, другому
 речи черед. Но начал Тидей, во всяком деянье

первый: «Насколько же скуп о твоей возглашающий славе зрелый твой ум, — ты сумел, вынося великую долю, доблестью счастье смирить! А кому Адраст уступает властью, и кто позабыл, что от древних полей сикионских призванный, ты усмирил законом бесчинные Арги? — Если бы стало тебе, справедливый Юпитер, угодно вверить деснице его народы, которые держит Истм дорийский с одной стороны, а с другой не пускает, — свет от страшных Микен, свой ход изменив, не сбежал бы, и близ Элиды холмы не гремели б от схваток свареных! Те у одних из царей, у других Эвмениды другие... — прочее ты, фиванец, оплачь. Итак, я согласен и расположен душой». — И он замолчал, а продолжил следом другой: «Но кто отказаться от тестя такого мог бы? Изгнанникам, нам, отвергнутым родиной милой, правда, Венера еще не мила, но с нею утихнут горести в сердце, уйдут пронзившие душу печали. Радость такую дарит утешение это, как будто мы увидали с кормы, бросаемой бешеным Нотом, милую землю. Хотим, обрета счастливые знаки власти, остаток судьбы, трудов и жизни под кровом счастья прожить твоего». — И тут же, вимало не медля, все поднялись. Отец инахийский без счета обеты к прежним прибавил речам и клятвой заверил, что будет им помогать и вернет изгнанников в отчие царства.

Вот уже Арги — спеша наполнить улицы слухом, что де явились зятя к вождю, и цветущие девы, Аргия давной красы, Деипила, не менее ликом славная, женами им с гименеями первыми станут, — радость готовят. Идет Молва к городам дружелюбным, и от соседних полей разносится вплоть до ликейских и парфенийских высот лесистых и пашен эфирских. И до огиговых Фив добирается та же богиня: бурная, стены она до самых краев заливаает и, согласуясь с ночным обещаьем, вождя Лабдакида сильно страшит: приют, и брак, и царства обеты, смешанный род поет и (вольность откуда такая, ярость — зачем?) возвещает войну. Пролетел на Арги день долгожданый: толпа веселящаяся наполняет царский дворец и вблизи на изображения предков смотрит, и лицам живым соревнуют медные лики — дерзкий труд человеческих рук. Двурогий родитель Инах слева сидит, на сосуд опершись наклоненный; кроткий его Фороней заслоняет и старец Иасий, воин Абант, а за ним — негодующий на Громовержца царь Акрийсый, Короб с головой на мече обнаженном, образ Даная за ним, замыслившего преступленье,

тысяча следом вождей. Входя сквозь гордые двери, толпы народа шумят, а знати горстка и те, что честью ближе к царю, в ряду обретаются первым. Жертвами внутренний двор загорелся, звеня суетою женщин: чистейшим кольцом арголидынки мать окружают, прочие — возне невест: со всех сторон обступив их, новых обрядов черед толкуют, боязнь умаляя.

230 Девы пошли: красы блистательной, скромны повадкой, — по белоснежным разливам ланитам румянец стыдливый, долу склонили лицо; нечаянно к ним подступила поздняя к девству любовь, и первого стыд прегрешенья лица обеих смутил: омылися благоприличной щеки слезой, пробудив в родителях трешетных гордость. Именно так с небесной оси спускаются вместе строгая Феба сестра и Паллада, — обе с оружием, взгляды обеих тверды, власы золотые — узлами: спутников с Кинфа ведет одна, с Аракинфа — другая;

240 даже взирая на них продолжительно, если дозволят, — не разрешить: какая из них прекрасней, достойней, больше — Юпитера дочь; когда б поменялись убором, — шел бы Палладе колчан, а Делии — шлем оперенный.

Радуйся наперебой, инакиды богов утруждали жертвами в меру щедрот и достатков каждого дома: кровь и нутро — одни, другие — травы сжигают, трети — а слышат и их, колы искренне сердце — куреньем чтут богов и порог покрывают сломленным лесом.

250 Вдруг неожиданный страх — изволением Лахесис строгой — души людские сотряс, разрушил отцовскую радость, праздничный день возмутил: к порогу безбрачной Паллады шли они, — а для нее аргивский город Лариса круч мунихийских отнюдь не ущербней; по древним законам дочери Иасия здесь, в чистоте доросши до брака, девичьи в жертву власы приносили, вину искупая первого ложа; и вот, на идущих к высокой твердыне, вниз по ступеням катясь, с вершины храма упавший рухнул щит золотой, доспех аркадца Эвгипца, — светочей передовых огни, украшение свадьбы,

260 он загасил, и тотчас, раздавшись из глубы священной, мощный голос трубы остановленный ход устрашает. Первый ужас прошел, и все к царю обратились: то, что слышали глас, отрицают, но знаком зловещим каждый был потрясен, и страх возрастал в пересудах. Дивно ли? — Аргия, ты надела тогда украшенья — мужа нерадостный дар — ожерелье Гармонии, многих бедствий зловещий исток; черед их долог, но все же я изложу, отчего столь злобная сила в обнове.

Древних преданье гласит, что Лемносского бога терзала

- 270 долгая ревность: любви и застигнутой не помешала казнь, и ее обуздать не сумели мстящие цепи
 Вот почему для Гармонии он украшение и создал — к свадьбе подарок: его искусные в большом Киклопы делали, ревностно им дружелюбной рукой помогали оных трудов знатоки — Тельхины; но труд наибольший сам он свершил: огнем цветущие тайным смарагды вставил в металл, адамант грозиящим надрезав узором. Здесь и Горгоны глаза, и последней молнии блестки (их с наковальни он взял сицилийской), и яркие гребни —
- 280 змей бирюзовых краса, а также — плача достойный плод Гесперид и руна злоеющее фриксова злато; язвы различные здесь помещает и снятого с черных влас Тисифоны вождя и мучащей Пояса мощью все наделяет; поверх искусно лунною мажет пеной, а все целиком поит усладительным ядом. Ни Пасифея к нему, из прельстительных первая Граций, ни Красота, ни сын италийский не прикасались, — Слезы, Скорби, Гнев и десница Раздора клеймили. Первая жертва его — Гармония, спутница Кадма
- 290 дальнего: вопли ее обратились в глухое шипенье, а удлинившийся стан бороздил иллирийское поле. Следом за ней — Семела: едва надела на шею дар вредоносный, как в дом проникло коварство Юноны. Бедная, ты, говорят, Иокаста, наряда печестьем в свой завладела черед и славой его украшалась, к свадьбе готовясь, увы, — и какой! — но всего не расскажешь. Аргия ныне горда подарком, сестры украшенья скромные превосходя проклятою злата красю. Оное видит жена обреченного смерти провидца, —
- 300 близ алтарей и меж яств потаенно злобную варит зависть: когда бы самой завладеть свирепым нарядом. Близкие знаменья ей, увы, помочь не сумели: скольких желает скорбей и бед, преступница, жаждет!.. — впрочем, достойная их. Но битв западни злополучной муж за что заслужил, а сын — безвинного гнева?
- После того, как пиры во дворце и народная радость длились двенадцать дней, герой именский решает к Фивам взгляд обратить, своего потребовать царства. Был ему памятен день, когда во дворце эхионском
- 310 он, лишенный всего счастливым жребием брата, понял, что боги — не с ним, что ушли в смятенной тревоге спутники, что никого вокруг не осталось, что счастьем он обойден; одна изгнанника скорбного, вышла в путь сестра проводить, — и ее на первом пороге он оставляет, сдержав рыдания гневом великим. Тех, кто изгнанием его веселился, прирастатному князю

льстя сугубо, и тех, кто о нем, как сам он заметил,
 изгнанном, плакал, — всю ночь и в течение дня разделял он.
 Душу его извели безумная злоба, досада
 320 и тяжелейшая всех человеческих забот — если долго
 сбыться ей не дано — надежда. Замысла грозный
 облак вздымая в душе, и Дирку, и дом недоступный
 Кадма, — готовится в путь. Как бык без долины привычной —
 стада вожак, кого, отогнав от излюбленных пастбищ,
 телки отбитой вдали заставил реветь победитель, —
 оной в изгнание опять возжелав и пылом исполняясь,
 голову гордо подняв и сломленный дух пробуждая,
 жаждет войны и лугов и пленного требует стада,
 330 рогом уже и копытом сильней; пред вернувшимся страха
 полн победитель, его признают пастухи с изумленьем.
 Гнев не иной изоцрял и тевмесский юноша молча
 в мыслях своих, но тайный их ход замечала супруга
 верная: мужа обняв на ложе при первом румянце
 бледной еще Авроры: «Куда ты, лукавый, стремишься,
 бегство готовишь зачем?» — говорит. — «Любовь замечает
 все: я ведь вижу, корысть твое учащает дыханье,
 мира не знает твой сон, не однажды лились по ланитам
 слезы, и стоны забот прерывала не раз я великих,
 длань прижимая к устам. Меня не тревожит нисколько
 340 мысль о неверности, мысль об измене, о юности вдовой:
 наша любовь горяча, и еще после свадьбы не стало
 ложе мое остывать, — твое лишь, любимый, спасенье,
 верь мне, терзает меня. Ужель без друзей и оружия
 требуя царства, из Фив, когда он откажет, ты льстишься
 выскользнуть? — И от кого! — Молва, привыкшая власти
 изобличать, говорит: он горд и счастлив добычей
 и не выносит тебя; к тому же и год не закончен.
 Карой небесной меня пророки и вещи жертвы,
 также падение птиц, а также — образ тревожный
 350 прежде не лгавшей во снах — насколько я помню — Юноны
 сильно страшат... Но куда ты спешешь? Иль тайное пламя
 в Фивы уводит тебя, иль тесть наилучший...» — Улыбки
 юноша тут же сдержал эхионский, супруги страданья
 нежные вознаградил объятием и поцелуи
 впору по грустным щекам, удержав от рыданий, рассыпал.
 «Душу от страхов избавь, поверь: благодетельной волей
 день бестревожный придет; твоим же летам не пристало
 бремя толиких забот: пусть сын сатурнов несет их,
 360 судеб отец, и пусть склоняет с небесного свода
 взор Справедливость, дабы охранять на земле правосудье.
 Утро, глядишь, и придет, когда и дворец ты увидишь
 мужа, и по городам пройдешь царицей обоих».

Так он сказал и тотчас от милого прынул порога; смутен, Тидея призвал, союзника в замыслах, верным сердцем заботы его уже разделявшего (души их после ссоры любовь сочетала) и зятя Адраста.

370 Времени много прошло, покуда в длительных спорах лучшее к ним, наконец, не явилось решение: верность брата пытаться и, к нему обращаясь с просьбой, разведать: можно ли власть получить; и смелый Тидей добровольно труд этот взял на себя. Тебя, этолиец храбрый, все же пыталась не раз рыданиями Деипила не отпустить, — но отчий приказ, и возврат безопасный — право посла, и сестры справедливый призыв победили.

Он уже вымерил путь сквозь лес на побережье суровом топи Лернейских болот, где гидра сожженная греет глубы виновных зыбей, миновал долины Немей — песнею их пастухи еще оглашать не решались, — 380 мимо Эфиры прошел, повернутой к Эврам рассветным; уж позади Сизифа приют и бьющие в берег гневные воды и их разобщивший Лехей палемонов; Нис обойден стороной, Элевсин благодатный остался справа, и вот — под стопой тевмесская пашня; он входит в крепость Агенора, там сурового зрит Этеокла: сам на престоле сидит, вокруг — щетинятся копыя; грозный, он суд над людьми — без права судить, ибо время царства прошло — за брата чинит, готовый к злодействам всяким, и сетует лишь, что должного требуют поздно.

390 Став двора посреди, посол — о чем объявляла ветка оливы — сказал о причинах прихода и назвал имя; и так как всегда был горяч и в речах незатейлив, и на сей раз говорил справедливо, однако же резко: «Если бы ведал ты честь и хотел договора условие выполнить, ты бы тогда по прошествии года направил к брату посланцев твоих, а сам — положенным чином знаки достоинства снял и оставил мирное царство, чтобы изгнанник, давно в чужих городах выносящий долю недожную, мог воссесть на законном престоле. Но — так как царствовать страсть сладка, а власть соблазняет — 400 мы тебя просим: уже возвратился свод звездовосный, круг совершив, и к горам отошедшие тени вернулись, — этой порою твой брат повел по местам незнакомым, странник печальный, беду; теперь же под небом открытым время тебе влачить свои дни, на земле ледяницей спать и смиренно чужих обходить стороною пенатов. Счастью предел положи: багредом изобильный и златом блещущий, досыта ты над скудным несчастья брата годом смеялся, — итак, откажись от радостей царства и — терпеливо свеса изгнанье — добудь возвращенье».

410 Вымолвил. А у того давно под спокойной личиной
 в сердце огонь бушевал: так камня бросок заставляет
 прыгнуть навстречу змею, у которой в недрах подземных
 долгая жажда весь яд собрала, разлитый по телу,
 в узкое горло ее под жесткой чешуйчатой шейей.
 «Если б сомненья во мне вызывали все прежние знаки
 дерзости брата и гнев очевиден не был сокрытый, —
 я бы уже по тому в них уверился, как ты яришься,
 злобу являя его: ты выслан, словно подкопник,
 420 рушащий вал крепостной, ты словно труба, что отряды
 вражьи сзывает. Когда б держал ты в собранье бистонов
 речь иль гелонов среди, под низким бледнеющих солнцем,
 ты говорил бы скромней и почтительнее к беспристрастной
 правде. Однако тебя, уличенного в яростной злобе,
 я не виню: ты исполнил приказ. Но так как повсюду
 вы нам грозите и скиптр не дружбой под секию мира
 просите, нет, но взявшись за меч, — иные, чем он мне,
 ты передай от меня царю аргосскому речи: ...
 скиптром, который дала справедливая доля, а также
 возрасту должная честь, — владею и буду владеть им
 430 Твой же царский престол — наследство жены инахийской;
 груды данайских богатств (о, я не завидую большей
 роскоши!) ты получил, и ты же при знаках счастливых
 в Аргах и Лерне царил; а мы — в полях каменистых
 Дирки и на берегах, стесненных эвбейским прибоем,
 правим, и нас не стыдит, что Эдип — наш несчастный родитель;
 ты же теперь ведешь от Пелопа и Тантала знатных
 предков черед, и течет Юпитер родственной кровью
 ближе. Ужели свесет привыкшая к пышности отчей
 здешний царица очаг, к которому сестры обычно
 440 робкие руна несут, который когда-то рыданьем
 жалкая мать сотрясла и — из мрачных услышанный глубей
 только что — старец святой! К тому же и мысли народа
 свыклись уже с ярмом: отцов и люда мне стыдно, —
 доли неверной они да избегнут, о сменной стеной
 власти: им горько служить правителям непостоянным!
 Краткий царствия срок народам погибелен: видишь,
 ужас какой поравил горожан из-за нашего спора? —
 Их ли во власть тебе на верную казнь я оставлю?
 Брат, ты гневен придешь. Пусть я пожелаю, но сами
 450 ежели есть в них любовь, за труды благодарная — царства
 мне не позволят отдать отцы...» — Не вытерпев дольше,
 речи его прерывает Фидей: «Отдашь», — он промолвил
 и повторил: «Отдашь, и даже когда бы железный
 вал тебя окружил, и новою песней тройные
 стены возвел Амфион; — ни это, ни стрельба ни пламя
 не помешает тому, чтоб смысл ты дерзости и умер,

пленным венцом, бия, по земле, завоеванной нами.
 И поделом; но скорблю я о тех, не жалеющих крови,
 бросивших жен и детей для битвы безбожной, кого ты
 460 гибели, ласковый царь, обрекаешь. О, сколькие труды
 и Киферон, и Исмен, напитанный кровью, закружат,
 Вот они — долг и великая честь! Но преступности рода
 вашего, я же дивлюсь, коды рожденья ближайший виновник
 брачный покой отца осквернил. Но природа ошиблась:
 отпрыск Эдипа — лишь ты, и его преступного права
 знаки лишь ты, свирепый, несешь! Мы просим о годе, —
 впрочем, я мешаю зря — уже с порога, отважный,
 крикнул и толчко тогда стремглав сквозь строй потрясенный
 выбежал. — Так убежал за Диаву Ойнею отмститель,
 470 вздыбь щетину, блестя клыками гнутыми; ведра
 гнал пелопов отряд, вздымая камни навстречу,
 роши по берегам Ахелоя изрытым срубая.
 Вот Теламон на земле, и вот, Иксиона простерши,
 он близ тебя, Медеагр: тогда лишь жалом широким
 был он пронзен, и в упорном боку отдохнуло железо.

Сильно оабранье, смутив, уходит герой калидонский
 так зубами скрыца, словно сам он царства лишился.
 Все ускоряет шаги и бросает молящей оливки
 ветвь, а вслед ему пораженные матери смотрят
 480 с верхних ступеней жилищ, и шлют проклятья Ойиду
 лютому, и заодно царя, про себя, проклинаят

Ум у правителя был к злодейству готов и гнуснейшей
 хитрости: верных ему молодцов отменной военной
 выучки — мадою одних, других подстрекая речами
 пылкими — битву в ночи завязать наставляет, свирепый, —
 жаждет напасть на посла — от века священное имя! —
 и, заманив в западню, сразить негромким оружием.
 Все ради царства — ничто! А какие б. уловки нашел он,
 если бы брата судьба привела! О, слепая злодеев
 490 мысль, о, трусливое зло! — С оружием чарнь устремилась,
 против единой главы сговорившись, — а можно подумать,
 крепость им брать предстоит, упорным ударом тарана
 стену кругую крушить. Сплоченные, правильным строем
 вытекли все пятьдесят из гордых ворот, по порядку.
 :Слава тебе, если ты удостоен, противников стальных!
 Путь сквозь чащобу их вел кратчайший, они торопились
 скрытой стезей напрямик пробираясь густыми лесами
 Место злодейств найдено: поодаль от города узкий
 ход был между холмов, которые тень от высокой
 500 кручи и кряж защищала, веденеющий лесом нависшим
 Место от взоров укрыв, его для засады природа
 выдумала: рассекла искусно тропой посредине
 скалы, — дод низки, вышзу дуга и подогие, дашны

далью просторной легли; напротив же — выступ жестокий: прежде сидела на нем летунья эдипова. Бледный, чудище, лик приподняв, устремив налитые ядом очи и слипшимися от крови ужасной крылами оберегая мужей убиенных, в их кости вцепившись полубоглоданные, с обнаженной грудью вставала, с криком глядела в поля: загадку решить не решится ль
 510 неразрешимую гость иль путник — выйти навстречу и завести разговор на ее наречии жутком, — длинные когти тогда на лапах своих почерневших вмиг начинала острить и зубы — да ранят больнее, и над лицом пришлоца устрашающе крыльями била. Козни таились ее, покамест с камней кровавых, сходственным мужем, увы, застигнута, крыл не расправив, в горе она о скалу не разбила несytое чрево.

Лес — несчастья сулил, стада близлежащих боялись
 520 трав, и алкающий скот заклятых лугов не касался, тень не влекла хоровода дриад, не служила для тайнств фавнам, и этих лесов роковых зловещие даже птицы бежали. Сюда спустился неслышимым шагом к смерти идущий отряд. Противника, гордого духом, ждут, на копыта склонясь и в землю щиты упирая, и окружают венцом дозорные частые рощу.

Влажною паллой своей начинала укутывать Феба
 Ночь и в поля проливать прозрачные синие тени.
 Тот приближался уже к лесам и с возвышенной кручи
 530 рдеющий блеск щитов и шлемов гривастых заметил там, где была негустой преграда ветвей и во мраке пламенный трепет луны блуждал на оружии медном. Он удивился, но путь продолжал, лишь дров торчащих жала придвинул и меч, скрываемый до рукоятки.
 «Кто вы, откуда, зачем таитесь с оружием?» — сначала так он без страха спросил недостойного, но не услышал звука в ответ: тишина не сулила, неверная, мира. Тут-то как раз копьё, необорною брошено мышцей Ктония, — был он вождем отряда — сквозь темный промчалось
 640 воздух, — но бог и судьба дерзнувшего не поддержали. Шкуру пробило оно оленского вепря — щетиной страшный покров — и, над левым плечом пролетев возле самой кожи, задело легко неоправленным деревом шею. Дыбом встали власы, и сердце оледенело. Грозно туда и сюда обращая свой пыл и от гнева мертвенный лик, он не знал, какая готовится битва.
 «Кто здесь против меня? — Выходи на открытое место! Смелость, тебе ли робеть? — Какая же трусость! — Один я вас вызываю на бой!» — И тут же увидел он столько, —
 650 сколько не ждал: а они, из бесчисленных выйдя укрытий,

те спускались со скал, из долин вырастали другие. Сколько же их перед ним! — Уже под оружием дорога вся засверкала: вот так окруженных зверей заставляет первый выбежать крик. Единственный для избавленья выбрав путь смятенным умом, он ринулся к круче Сфинги ужасной, затем, поломав на скалах отвесных погги, ужасный хребет одолел и встал на вершине. Здесь — в безопасности тыл, и путь для отмищенья удобен. Камень огромный — его, ревя и выи напряжив,

560 выворотить и быки для стены крепостной не смогли бы — вырвал, утес разломив, и, силою всей напрягаясь, поднял, размаха ища для глыбы громадной, подобен Фолу величьем души, который с лапифами в битве поднял полный кратер. И замерли в страхе предсмертном толпы, взирая наверх. Метнул, — застигает несчастью вихрь сокрушенной скалы: уста, и мечи, и десницы, хрупкие груди под ней, с железом смешавшись, остались. Вопль четверых, на глазах под единою глыбой погибших, сразу же бегством спастись утравившийся строй заставляет,

570 помыслы их изменив. Тела не ничтожных остались брошены: грозный Дорил, кого до царей подымала пылкая доблесть; Ферон, гордившийся марсовой кровью, — вник земнородных мужей; и Галис — такого второго править уздой не найти — на пашне покоится, пеший; рода пенфеева — с ним, о Вакх, ты еще не смирился — был четвертый, Федим. Тидей увидал, что в смятенъе строй разрушает толпа, напугана роком внезапным. Оба копыа, одной несомых рукой и к утесу им прислоненных, метнул, разбегающихся подстрекая.

580 После на землю — дабы в беззащитную грудь не попали дроты — прыжком со скалы метнулся и круглый Ферона щит, от придавленного откатившийся прочь, как он видел, мигом схватил и тогда, ограждая ведомым вепрем спину и голову, грудь защищая вражьем доспехом, стал. И на одного, сплоченная вновь, наступает рать огигидов. Тидей извлекает из ножен бистонский незамедлительно меч — Ойнею великому марсов дар — и ко всем, кто его окружал, равно обращенный, этих сражает и тех, сверкающие отбивая

590 дроты щитом. А врагам мешает число их, оружие этих стесняет других, и мало в их натисках силы, и поражает иной своего, и своих же упавших топчет толпа, — остается Тидей недоступен для грозных дровот, противостоя ударам несокрушимо.

Именно так — если гегской должны мы Флегре поверить — против грозящих небес стоял Бриарей необъятный: фэбов колчан супротив и змея беспощадной Паллады,

и к пелетронской сосне прикрепленное марсово жало,
и — хоть Пирагмон устал — Ненавистник зазубренных молний;
600 так, осаждаемый всем — безуспешно — Олимпом, он все же
ропщет, что множество рук — без дела. — Не менее цылок,
щит выставляет Тидей: отступит, затем обернется,
или на робких вперед побежит, иль станет — исторгнуть
жала, — а множество их впиались в щит и звенели,
мужу оружие даря, от ударов страдавшему частых, —
правда, из них ни один, не достигнув источников жизни,
смертью не мог угрожать. А он Деилоха сбивает
яростного, а за ним заставляет Фегея спуститься
к теням, который грозил топором, для удара воздетым;
610 Гиас диркейский за ним с эхионским сражен Ликофонтом.
Строй пересчитывая, своих не находят, и нет в пих
к сече любви, но скорбят, что толпа постепенно редест.
А выводящий свой род от Кадма Тирийского Хромий
(некогда он бременил финикиянки чрево Дриопы;
увлечена в хоровод, она о плоде забыла
и потащила быка, за рога ухватив, для Эвана, —
выпал младенец тогда трудом непосильным исторгнут)
тут, величаясь копьем и льва полоненного шкурой,
620 мощью сосною стал потрясать узловатой дубины
и кричал: «Да неужто, мужи, он один — победитель
стольких — и в Арги придет? — Не поверят пришедшему люди!
Други, ужель бессильны у нас и рука, и оружие?
То ли царю мы, Кидон, мы то ли, о Ламп, обещали?»
Тут-то в зияющий рот и влетело тевмесское древко
и через глотку прошло: где только что голос струился,
плыл рассеченный язык в потоке излившейся крови.
Хромий покамест стоит, но смерть пробегает по членам, —
валится он и навек, вгрызаясь в копьё, умолкает.
О Феспиады, а вас ужели хвалительной славе
630 я откажусь поручить? — Подхватил объятого смертью
брата с земли Перифант (прекраснее сей благочестной
доли — нет ничего), поникшую голову левой,
правою тело рукой обхватив; рыданьями горе
грудь его истерзало, тесня, и ремни не сдержали
шлема, от слез увлажненного; тут — стенающему громко
сзади тяжелый дрот проломил дуговидные ребра;
следом и в брата войдя, тела родные сцепило
жалю; первый глаза, доселе мерцавшие жизнью,
поднял и взор угасил, увидав погибавшего брата;
640 тот, кто вторым был сражен и в ком были силы, промолвил:
«Так да целуют тебя, заключив в объятия, дети».
Роком одним сражены — достойная жалости жертва
смерти — каждый глаза закрывает десницей другому.

После сих двух Тидей, копьём и щитом потрясая,
 в ужас Менета привел, который испуганным шагом
 пятился прочь от него; но вот на глине неверной
 он, оскользнувшись, упал и, выставив обе ладони,
 стал умолять, отводя от горла блестящее жало:
 «О пощади ради сих под скользящими звездами теней,
 650 ради богов и ночи твоей! Дозволь мне явиться
 в Фивы вестником бед и петь пред народом дрожащим —
 пренебрегая царем — о тебе и о том, что бесплоден
 был наших копий полет, а твоя недоступна железу
 грудь оставалась, и ты победителем к другу вернулся». Молвил. Тидей же, в лице не переменившись, «Напрасно
 слезы ты льешь», — говорит. — «Мою, полагаю я, шею
 ты обещал злодею-царю; — с оружием и светом
 ныне расстанься: к чему добиваться жизни трусливо? —
 660 Войны нас ждут». — И из тела уже окрашенный кровью
 дрот выходил. А Тидей, раздраженный, горькою речью
 так проводил побежденных: «Для вас не праздник трехлетний
 ночь принесла, как вашим отцам, не тайнства Кадма,
 те, где Вакха сквернит преступных родителей ярость.
 Я, вы считали, несу, безоружный, небриды и тирсы
 ломкие, да возгремлю и вступлю в келенскую битву
 мерзостных флейт, — но их не ведает муж настоящий.
 Здесь — иные бои и ярость, — спускайтесь же к теням,
 трусов ничтожная рать». — Взгремел, но уже не служило
 670 тело ему, и в предсердии кровь утомленная билась,
 и, подымаясь, рука опускалась бессильным ударом,
 медленны стали шаги, и шуйца держать уставала
 дроты, вонзенные в щит; по вздымавшейся груди катился
 пот ледяной, а с волос и ланит полыхавших стекали
 росы кровавых расправ и погибели мерзкие брызги.

Лев таков же, в поля пастуха отгнавший далеко
 и потравивший овец массильских: обильным убийством
 голод насытив, главу опускает и гриву, от крови
 отяжелевшую; сам утомясь, стоит средь убитых,
 пасть разевая, жратвой побежденный; в нем больше не зреет
 680 гнев: меж пустых челюстей один только воздух сжимаемая,
 высунутым языком он шкуру обмякшую лижет.

Чуть было он не пошел, надменный оружием и кровью,
 в Фивы, да явится им — побежденным царю и народу,
 гордо в город войдя, — но ты, Тритония Дева,
 пылкою и ослепленьем побед надменного мужа —
 речи своей удостоив — спасла: «О поросль Ойнея
 гордого, Фивы кому одолеть я давно предлагала
 дальние, — ныне уймись и богов, — тебе потакавших,
 не ищущай: повторить сей подвиг тебе не удастся.

690 Счастья вдоволь вкусив, удались». — Оставался, избегнув
гибели горькой, один Гемонид, других переживший
не по случайности: все предвосхитив, и ведая неба
знамения, и отнюдь не обманутый птицами, Мэон
не устранился вождя остеречь, но советчику судьбы
не дали веры. Итак, от бездействия был он избавлен,
жалкий: доверил Тидей трепетавшему грозные вести:
«О, аониец, кого моею милостью завтра —
отнятого у душ подземных — Аврора увидит, —
вот что вождю донеси: крепи врата заграждением,
700 дроты остри, осмотри от времени ветхие стены,
главное же — людей собирай, следи, чтобы частых
было побольше рядов. — Взгляни, как широко курится
поле от длани моей: такие в сраженье идем мы».

Рек и, готовя тебе по достоинству дивную почесть
из окровавленных груд, о Паллада, лежащую всюду
сносит добычу, гордясь, и на труд необъятный взирает.
Дуб, который давно позабыл о юности нежной,
в поле стоял меж холмов, обильной покрытый листвою
на искривленных ветвях и твердою грубой корою.

710 Легкие шлемы к нему и в ранениях многих доспехи
нес и развешивал их, мечи же — привязывал, в сече
сломанные, и копьа, из тел изъятые теплых.
После, тела и оружие собрав и их попирая,
начал молитву, а ночь и высокий хребет отзывались:
«Грозная дева, краса и ум верховного бога,
Ратница, страшным тебе лицо украшает убором
шлем и грозит со щита Горгона в брызгах кровавых;
Марс и Беллона с копьем не более яростно к битве
трубам велая призывать, — прими же священную жертву! —

720 то ли являешься ты к пандионовой круче, чтоб наши
сечи узреть, то ли ты от Итоны идешь аонийской,
радуясь пляскам, а то — да омоешь в Тритоне ливийском
пышные кудри — тебя, двухвыйным гремящие дышлом
на безупречных конях похищают крылатые оси:

Груды доспехов тебе и одежды ужасные ныне
я посвящаю, но вновь к партаоновым пашням родимым
если вернусь и если Плеврон мне откроется марсов, —
храм тебе посвящу золотой на холме посреднее
града, откуда смотреть на бурный простор Ионийский
730 весело, светлую где струей отгоняющий море
мутный идет Ахелой мимо скал Эхинадских торчащих.
Выбить я сверху велю сражения предков и мощных
гордые лики царей и прибью под куполом гордым
вооруженье, что сам принес, добыв его кровью,
и дарованья твои из Фив, Тритония, пленных.

Сто посвященных тебе калидонянок жертвенник девий
будут актейскими чтить огнями и красные ленты
с чистой оливой сплетать вперемежку с белою нитью;
и неусыпный огонь в очагах долговечная жрица
740 будет питать и всегда сохранять сокровенную скромность.
В войнах и в мирные дни первины трудов, как и прежде
частые, будут твои, — и пусть не ярится Диана».
Так он промолвил и путь к вожделенным Аргам продолжил.

КНИГА ТРЕТЬЯ

В эту тревожную ночь аопийского края коварный руководитель не мог — хотя увлажнившимся звездам долгий труд еще предстоял до рассвета — забыться сном: не стихали в душе, заставляя терзаться, заботы о подготовленном зле, и — худший в сомненьях советчик — многое страх предвещал: «О горе мне, что ж они медлят?» — так восклицал он, сочтя, что легко одолеют Тидея столько мечей, что числом и дух возместится, и доблесть.

10 «Может быть, он с дороги свернул? А может быть, Арги выслали помощь ему? И сразу же слух о злодействе ближних достиг городов? Не мало ль отобрано мною, отче Градив, и не слабых ли рук? Но там и храбрейший Хромий, а также Дорил; а наших не меньшие башиен мне Феспиады могли б сорвать с основания Арги. Да и Тидей для моих, полагаю, мечей проникаем, — сам он и руки его — не из меди иль адаманта цельного. Трусам позор, если сомкнутый строй безуспешно бьется с одним». Но, кипя волнением многообразным, он тосковал и прежде всего оттого удручался,

20 что не пронзил посланца мечом, пока перед собранием тот говорил, и свою не насытил мерзкую злобу. Вдруг — стыдился того, что затеял, и каялся, — словно меж ионических волн вожатый ольхи калабрийской — в плаваньи не новичок, хотя он родимую гавань был бы не должен бросать при ясном светиле оленском; бурный Юпитер едва загрохочет и мира устои все загремят и склонит небеса Орион многозвездный, — он и стремится к земле, и ей не дает приближаться;

30 буйствуя, Нот срывает с кормы, и, бросив уменьше, кормчий стенает, слепым поневоле волнам доверяясь; — так же и Агенорид-предводитель, следя за деицей, медлящей в небе, в сердцах рассвет укоряет нескорый.

Ночь, опускаясь, уже заходящую власть отдавала, звезды скрывались, когда великая Тефия стала с моря восточного гнать неспешного Гипериона.

В самых основах своих — несомненное знаменье бедствий — сотрясена, задрожала земля, Киферон, покачнувшись, древним снегам позволил сбежать: и казалось, вершины ввысь поднялись, и с хребтом сошлись семивратные Фивы.

40 Нужно ль причины искать? — Ледяною зарей возвращался, рок свой кляня, Гемонид и скорбел, что отказано было в смерти ему. Покамест лица нельзя было видеть, но о великой беде возвещали уже издалёка стоны и вопли его: ибо слезы он все поначалу пролил. Подобно ему бегом возвращается пастырь, стада лишенный ночным волков равнинных набегом: скот господский из рощ у него внезапным был изгнан ливнем и зимней луны несущими ветр остриями; жертвы восход осветил, — донести господину боится

50 сам он о свежей беде; ужасен от грязи налипшей, пенями полня поля, безмолвие пастбищ огромных возненавидев, зовет поименно быков умерщвленных.

Матери, что собрались у ворот городских на порогах, только завидев его — одного — возможно ль? — без войска, без благородных вождей, — спросить ничего не дерзая, подняли вопль, — таков перед взятием вопль в осажденном городе или же вопль на судне, тонущем в море.

Он же, тоску утолив ненавистного видеть владыку: «Ярый Тидей лишь мою из отряда целого душу

60 бедную отдал тебе; не знаю, богов ли решение, случай ли здесь, или то, что стыдно и высказать: мужа необоримая мощь, — я сам, извежая, не верю: всех положил он, всех! Бегущими звездами ночи, манами я поклонюсь и мой лишь возврат предсказавшей птицей зловешей, что я не хитростью или слезами злую пощаду и дар заслужил опозоренной жизни; нет, но приказы богов и ничьей неподвластная воле Атропос, к гибели мне иные открывшая двери, смерть отложили мою. Но знай: ты зриаешь на сердце,

70 с жизнью простившееся и страху пред смертною гранью чуждое. Ты учинил преступный набег и без добрых знамений выслал, злодей, отряд; попирая законы, брата родного изгнав, покамест ты царствуешь, гордый подвигами, — череда поредевшая кровель сиротских будет рыдать, а кружась над тобой ночами и днями, — души будут летать числом пятьдесят, угрожая мезтью, — поскольку и я ухожу к ним». — Жесткий правитель гневом пылал, а лицо угрюмое кровью зарделось.

80 Сразу же Флегий вперед и Лабдак, споспешник неправды, — оруженосцы царя — спешат, Гемонида пытаюсь силою остановить. Но нет, — пророк благородный меч свой уже обнажил и то на свирепого смотрит

деспота, то на клинок: «Тебе ли распорядиться кровью моей и мое, пощаженное мощным Тидеем, сердце разить? — Я сам с восторгом за отнятой смертью лрядаю и уношусь — да встречу товарищей — к твоям.

Боги и брат тебя...» — но начатой речи не может грудь, вместившая меч, довершить; и одолевая муки, могучий удар он с силой обрушил вторично, и заметалась кровь в содроганиях жизни последних, током одним из уст, из раны другим изливаясь.

Знати умы смущены, собрание, перепугавшись, молча стоит; а его, чей лик и прежнюю строгость не замутила и смерть, — жена и верные слуги в дом попесли, не успев возвращеньем его насладиться. Но нечестивый свой гнев успокоить не мог и на этом яростный царь: запретив предать сожжению тело, мирной гробницы лишил понапрасну оц манов невинных. Ты же, чей редкостный рок и дух никогда не узнают — и по достоинству — тьмы забвения, ты, о дерзнувший выйти, царей презрев, и путь, на котором свобода полная ждет, проторить, — какую мне песней, какую голоса мощью твою добродетель достойно восславить, небу любезный вещун? Тебя не напрасно гаданьям выучил сам Аполлон и лавром своим удостоил; ныне и мать лесов — Додона, и в храме киррейском дева решится смутить народы молчанием Феба. Ныне от тартарова Авериа вдали обретаюсь, в дом элисийский ступай, под свод, чья ось недоступна манам огиговым: там бессилен сей несправедливый власти преступной приказ; но и здесь — застывшее тело хищник не смеет терзать, оставленного под открытым сводом и роца хранит, и скорбная робость пернатых.

А между тем, по полям и по бездорожью разлившись, жены, живые едва, и дети, и дряхлые старцы в жажде оплакать своих бегут от города в скорбном соревнованье, и их бесчисленные провожают толпы, утешить стремясь, а частью — сгорая желаньем подвиг увидеть ночной и свершенья единого мужа.

Путь от рыданий кипел, и воплям поля откликались. Но лишь достигла толпа бесславной скалы и злодейской рощи, — как будто дотоль они не стонали и черный дождь дотоль не стекал, — толикий исторгся единым выдохом горестным крик и настолько при виде кровавой бойни взъярились они! И плащ разодрав обагренный, лютая скорбь к матерям зывала, в перси вонзаясь. Сияются мертвых узнать по шеломам и, труп обнаружив, смотрят, готовы упасть равно на чужой и на милый. К залитым кровью кудрям прижимаются, веки смыкают,

130 и орошают слезой глубокие раны, и жала с тщанием ненужным извлечь стараются и осторожно рук обрубки к плечам и к вые лицо подбирают.

Между кустов и в пыли пустынного поля блуждая, мощная юношей — нет, — мать двух покойников, Ида, с грязной копною волос всклочечных, в синие щеки ногти вонзив, и уже не то что жалка и несчастна, — в горе великом страшна, повсюду меж тел и оружия люютую землю метет распущенною сединою: бедная, ищет детей, пред каждым дрожащая телом.

140 Так фессалиянка, чье родовое нечестие может пеньем людей воскрешать, случившейся радуясь битве, многолучинный огонь подымая древнего кедра, ночью выходит в поля, в крови различает побитый люд и манов о них пытается: кому из лежащих лучше в живых пребывать. — Собрания скорбные теней ропщут, и гневом кипит авернского мрака родитель.

Вместе они под скалой в отдаленье лежали, счастливы, оба одною рукой, одной унесенные ночью, — дрот-посредник скреплял пронзенные ранами станы.

150 Оных завидев, глаза для хлынувших слез отворила: «Эти ль объятия мне, лобзания эти ли, дети, матери видеть? Вот так жестокая выдумка смерти вас на последней черте сочела! Чьих прежде коснуться раи, к чьим прижаться устам? Не вами ли — мощью моею, счастьем утробы моей — я мнила сравняться с богами, ваших деяний чредой — перестигнуть огиговых предков? Сколь же счастливей и сколь приятнее в браке бесплодном той супруги удел, в чьем доме не слышит Луцина криков страданья! А мне — беды причиною стали

160 прежние муки! Увы, не в явственном свете сраженья, не на виду у судьбы, не ради славы в потомках ран удостоились вы, приснопамятных матери жалкой, — но обрели меж многих смертей безвестную гибель. Кровь, увы, пролилась воровски, полегли вы бесславно! Так; но дерзну ли раззять сплетенные скорбно десницы или подобный союз погибели общей разрушить? — Братья доселе, и сквозь последний огонь неразлучно шествуйте ныне, смешав и прах, и милые души».

Так же, побитых тела разобрав, вызывают другие:

170 Ктония кличет жена, Пенфея — мать Астиоха, мальчики рядом — твои, о Федим, невинные чада — в том, что отец их убит, убедились; Марпесса с Филлея смыла кровь, жениха; Акаманта — сестры обмыли. После железом леса обважают и древние роцци на близлежащем холме, который ночные денья видел и вопли слышал; тогда же старуха Алета

возле костров — покамест огонь расправлялся с телами —
 так ободрить злосчастных собор речами пыталась:
 «Горестный род наш не раз, испытываемый игрою
 180 судеб, бывал сокрушен с той самой поры, как сидонский
 странник железный посев свершил в борозде аонийской.
 Странен был урожай, страшна насельцами пашня, —
 но никогда — ни тогда, как древнего Кадма покои
 в прахе перуном легли мольбами неправой Юноны,
 ни о ту пору, когда, достигши погибельной славы,
 от устрешенной горы Афамант возвратился злосчастный,
 полуживого неся Лearcha с криком счастливым, —
 в Фивах не плакали так; не более громкие вопли
 дом финикийский слышал, когда, осилив безумье,
 190 кроткою став, сопутниц слезам ужаснулась Агава.
 Этому — сходствуя с ним исходом и обликом бедствий —
 дню был равен один: когда Танталида реченья
 гордые смыла свои, и земля, напоенная смертью,
 столько похитила тел, в кострах нуждалась столькоих!
 Так же застыла толпа, и так же оставили город
 и старики, и юнцы, и долгою шли чередою
 матери, зависть богов проклиная, и с гомоном горьким
 по два костра близ мощных ворот городских громоздили.
 Помню, как я и сама — а возраст мой был беззаботен —
 200 не уступила тогда в рыданьях родителям милым.
 Так уж угодно богам! И ни то, что чистый источник
 (Делия, твой) осквернить посмевший кощунственным взглядом
 не был, хозяин, увы, молосскою злобою узнав,
 больших не стояло слез, ни то, что внезапно царицы
 лужею кровь разлилась: ведь это суровые слали
 нити Сестер и Юпитер решал; а ныне — преступной
 волей царя лишены безвинно фиванские кровли
 стольких мужей; и еще о втоптанном в грязь договоре
 в Аргах не знают, а мы — хлебнули военного лиха.
 210 Сколько претерпят еще и кони, и воины в тучах
 пыли, и сколько ручьев разольются ужасным багрянцем! —
 Пусть это видит рука, не знавшая битвы; меня же
 пламенем пусть одарят и в земле прародителей скроют».

Старая долго еще Этеокла нечестье бранила,
 страшным, безбожным зовя и суля наказание в грядущем.
 Что ей свободу дает? — Приближение смерти, и долгий
 век позади, и почет, подобающий поздней кончине.
 Все это сеятель звезд разглядел с вершины небесной,
 понял, что первой уже напитаны кровью народы,
 220 и поспешил. Градива призвать. Обильным убийством
 опустошив города бистонов и яростных гетов,
 тот стремительный бег к эфирным направил твердыням:
 шлема блеск оперен перуном; оправленный в золото,

мрачный ужасен дослех, очертаньями див оживленный;
свод под осью гремит, багровеет сияньем кровавым
щит, вступающий в пор с далеко отражаемым солнцем.
Только завидев его, горящего пылом сарматских
подвигов, с помыслами, военною полными бурей,—
230 молвил Юпитер: «Таким, таким прошествуй по Аргам,
чадо,— и с влажным мечом, и сим омрачаемый гневом!
Пусть нерадивых умы возмутятся и, яростью полнясь,
жаждут тебя и тебе безоглядно десницы и души
пусть посвятят. Подтолкни медлительных, рушь договоры:
мы дозволяем тебе самих небожителей битвой
воспламенять и мое спокойствие. Сам я посеял
семя сраженья: Тидей возвращается с вестью о страшной
дерзости, и о преступном вожде, и о гнусной засаде —
первоначале войны,— отмстив оружием коварству.
240 Все подтверди.— А вы, моей наследники крови,
гневу их стать поперек, с мольбою ко мне обратиться
и не пытайтесь: меня наставили судьбы, а также
черные прялки Сестер. От мира начала назначен
день неотменный войны и рожденные биться народы.
Если же казнь племенам за древние их злодеянья
мне не дадите свершить и отмстить ужасным потомкам,—
этой твердыней кляцусь, для нашего рода священной,
рек элисийских водой, даже мне внушающей трепет:
Фивы своею рукой разнесу, сорвав с основанья
стены, и, башни подняв с земли, на инахов город
250 сброшу или в простор лазурный смету их, а сверху
ливнем залью,— хотя бы сама во всеобщем смятенье,
храмы свои обхватив и холмы, пострадала Юнона».
Рек и всех поразили приказаньями, но — словно были
смертны они — голоса и пыл свой умерили боги.

Так морской замирает простор при длительном мире
бурь: по лежащим в дреме его берегам бестревожным
нежит томительный зной при полном безветрии кудри
леса и строй облаков, и воды тогда опадают
в реках и звонких ручьях, и молкнут сожженные струи.
260 Счастлив приказом, Градив ликует и гонит проворный
виды выдавший возок, поводьями правя налево.
Путь он уже совершал по краю небесного свода,—
вдруг, навстречу коням устремившись бесстрашно, Венера
стала пред вами: тотчас понятившись, кони повикли
грозными гривами их. Она же, на самую вагу
грудью опершись, лицо, увлажненное плачами, пряча,
так начала (я меж тем, к стопам госпожи приклонившись,
кови грызла губник адамантовый, певой покрытый):
«Значит, ты войны, о тесь драгоценнейший, войны ты, япачит,
270 сам же готовишь для Фив и потомков своих истребляешь?»

Буйный, ужели тебя ни Гармонии имя, ни свадьба —
 всех небожителей пир, ни эти вот слезы не сдержат?
 Это ль награда за грех? Того ль от тебя заслужила
 я за оставленный стыд, и честь, и лемносские цепи?
 Что ж, отправляйся! Но к нам вулканово расположење
 не таково,— уязвленный супруг и в гневе нам предан.
 Ежели я прикажу, то он близ негаснущих горнов
 ножи свои для меня проведет в трудах неусыпных:
 с радостью даже тебе он новый доспех и оружие
 280 выкует, ты же... — но нет, я камень и медное сердце
 просьбами тщусь преклонить! Одно меня мучит, одно лишь
 я проклиная: зачем ты позволил с тирийским супругом
 милой породе моей сочетаться на свадьбе несчастной?
 Всё бы тебе восхвалять оружием славных тирийцев,
 неистребимый их пыл — наследие крови змеиной,
 род, поколений чредой восходящий к Юпитеру! Мне же
 много была бы милей под ситонской Медведицей свадьба,
 там, где Борей и фракийцы твои. Иль мало позора
 мы испытали, когда Венеры божественной дочери
 290 вдаль уползала, следы в иллирийской траве оставляя?
 Ныне невинный народ...» — но тут повелитель сражений
 слез не сдержал и, шуйцей копьё переняв, с колесницы
 прынул высокой стремглав и, цитом прижимая, Венеру
 стиснул в объятиях и так успокаивал ласковой речью:
 «Ты, мой межбитвенный мир, святое мое услажденье,
 буйного сердца покой! Другим ни бессмертным, ни смертным
 власти такой не дано — идти безнаказанно против
 дротов моих и моим в сражении яростно ржущим
 противостать жеребцам и вырвать сей меч из десницы.
 300 С Кадмом сидонским союз достопамятный и уж, конечно,
 дивная верность твоя — не тешься притворным попреком! —
 мной не забыты,— чтоб мне в преисподней дядиной сгннуть,
 хоть я и бог, и попасть безоружному к теням бесплотным!
 Ныне, однако, судьбой предводимый, я должен исполнить
 горнего волю отца — ведь негодной деснице Вулкана
 было нельзя поручить такую задачу; так смею ль
 против Юпитера прать, презирая закон изреченный,—
 против него, перед чьей и земля, и небо, и море
 речью — вот сила! — дрожат и прячутся столькое боги —
 310 веришь? — один за другим?! Но, милая, к сердцу угрозы
 горние не принимай! Поскольку приказ этот силой
 нам отменить не дано,— то едва под тирийской стеною
 битву начнут племена, помогу я союзным отрядам.
 Тут не отвергну тебя, вот увидишь, и в поле кровавом
 я широко разгорюсь в защиту аргосского дела.
 Это — могу, здесь рок — не запрет». — Сказал и направил
 нетерпеливых коней с небосвода,— и сверху на землю

мчится Юпитера гнев не быстрее, когда он на снежный
Отрий и кряж ледяной надвигается. Оссы арктийской,
320 в туче оружье найдя: летит огневая громада,
грозные божьи неся указы, и гривой тройною
прежде всего небеса устрашает, иль тучное поле
мегит, иль топит суда, застигнутые непогодой.

Заново вымерив путь, Тидей данайские пашни
шагом усталым прошел и кручи зеленой Просимны.
Вид его страшен: власы, пропитаны пылью, торчали,
пот почернелый стекал по плечам на глубокие раны,
и воспалились глаза от бессонницы, рот разверзался
в жажде хрипящей, но мысль, о подвигах помня, дышала
330 честью высокой.— Таков возвращается к пастбищам милым
бык после битвы: чужой и своею окрашена кровью
иная, и струи текут по бокам рассеченным к подгрудку.
Но надмеваются он утомленною доблестью, гордо
держит побитую грудь: соперник, простертый во прахе,
стоит позорно и тем причиненную боль унимает.
Точно таков и Тидей. Уже города он минует,
что меж Асопом лежат и древними Аргами,— гнев же
прежний не гаснет, и он обстоятельно всем открывает,
как он явился послом от племени греков, о царстве
340 для беглеца Полиника просил, а царь эхионский
злобу, насилие, ночь, коварство, оружие,— вот что
чести взамен предъявил и престол уступить отказался.
Верят народы всему, их веру могучий оружьем
бог укрепил, а Молва удвоенный ужас внушила.

Только вошел во врата (а тогда как раз досточтимый
сам родитель Адраст вождей созывал на собранье),
только предстал и едва косяка дверного коснулся,—
тут же вскричал: «К оружью, мужи! И ты, наилучший
350 вождь лернейский, коль кровь у тебя от дедов могучих,—
к бою оружье готовь! Юпитера, долг и законность
всюду по-разному чтут,— но лучше бы к буйным сарматам
был я отправлен послом иль прибыл к коварному стражу
рощ бебрикийских! Но нет, не виню порученье, не стыдно
службы: я рад был пойти, был рад преступные Фивы
этой рукой испытать. Клянусь, в настоящем сраженьи —
словно я мощный отряд или город, сплотившийся тесно,—
тайных засад знатоки коварством и ночью, при полном
вооруженьи, меня — одного, незнакомого с местом —
остановить не смогли,— лежат близ сирого града
360 грудой кровавой они. Так грянем теперь же, доколе
в страхе враги, и без сил от смятенья, и трупы таскают,
помнят доколе, о теще, о деснице моей! — Изнуренный
оных пятидесяти героев тенями, сам я,

раны свои позабыв, не смыв запекшейся крови,—
 выступить тотчас готов!»— В смятении все наихуды
 встали, но прежде других к нему с потерянным видом
 прынул кадмейский герой: «О горе, богам ненавистный,
 гибельный людям, увы, я на раны его невредимый
 нынезираю! О брат, такой мне возврат ты готовил?!
 370 Мне эти стрелы ты слал!.. О жизни позорная жажда!
 Жалкий, и я отрицал злодейство толикое в брате!
 Но пребывают пускай и теперь ваши стены в покое
 мирном! И больше для вас я, гость ваш, не стану причиной
 бедствий...— Ведь я сознаю — не столь избалован я счастьем —
 как с детьми тяжело, как больно с женою расстаться,
 с родиной... Пусть не винит ничей меня дом удрученный,
 матери пусть на меня не глядят исподлобья сурово!
 Сам я пойду на верную смерть, хотя б не пускали
 чтимый мой тесть и моя супруга достойная...— Фивам,
 380 брат, и тебе, и тебе, могучий Тидей, задождал я
 голову...»— разными так речами дѹши пытал он,
 так мольбы отклонял. Но жалобы — гнев пробудили,
 скорбь, со слезами сляясь, запылала. И все добровольно —
 нет, не одна молодежь, но и возраст холодный и косный —
 к мысли одной склонились в душе: оставить пенатов,
 в помощь соседей призвать и тут же идти. Но глубокий
 в помыслах так им отец, искусившийся править громадой
 власти, сказал: «Богам и моим заботам оставьте
 эги решенья, прошу,— ни брат без отмщенья не будет
 390 скиптром владеть, ни мы безрассудно войною грозиться.
 Славного подвигами Ойнида, толикою кровью
 гордого, примем теперь: пусть сон усмирит запоздалый
 пылкую душу, а нас пусть скорбь не лишает рассудка».

Тут всполошились и двор, и жена побледневшая: тотчас
 все — к Тидею спешат, после битвы и долгой дороги
 слабому. Радости полн, на срединных сиденьях палаты
 он поместился, спиной прислоняясь к могучей опоре,
 раны покуда ему омывал Идмон Эпидаврский,—
 скор в примененье ножа, в применении теплых настоев
 400 нежен. Тидей же, умом высоким отвлекшись, истоки
 гнева опять объяснял, и что они оба сказали,
 где он в засаду попал, о времени тайного боя,
 сколько было вождей и кто они, как приходилось
 тяжело ему, как он спас Мэона для скорбных известий,—
 всё рассказал. А знать, и тесть, и верная стража
 речи дивились его, и ярился изгнанник тирийский.

Солнце, по краю небес к вечернему морю склонившись,
 пылких коней распрягло, и огненно-красные кудри
 под океанской струей омывало; к нему подбегает
 410 дочерей нереевых сонм и Горы поспешной стопою:

- те — поводья берут, другие — венца золотого гордый убор и на влажной груди ремешки распускают жаркие; часть — запряжку ведет утомленную к сочным травам и, дышло подняв, возок запрокинутый ставит. Ночь подошла и заботы людей и зверья возбужденье угомонила, плащом небеса укутала черным и успокоила всех, одного исключая Адраста да лабдакийцев вождя: Тидея же долгий ослали сон, наполняя его виденьями доблести мощной.
- 420 И между теней, в ночи блуждающих, бог — зачинатель битв, — и аркадский предел облетев, и немейские пашни, также и тенарский мыс, и град Аполлона Ферापну, — звоном оружия всё поражает и, сея смятенье, полнит любовью к себе: Гнев с Яростью шлем оперяют, Страх-приспешник коней погоняет, Молва — как дозорный, — разноголосо трубя, повязавшись пустою тревогой, пред колесницей летит, подгоняемая крылоногих храпом коней, и ворчит беспрестанно, и перья смятенья сеет: кровавым бичом её побуждает возница
- 430 с былью и небыль сказать, а отец с колесницы высокой яростно скифским копьем ей спину и голову хлещет. Так — коли вышустят их из узилищ золотых — гонит вибри Нептун пред собой и бросает летящие вольно в море Эгейское; с ним — невеселое сопровожденье: над кнутовищем ревут Ураганы, обильные ливни и Облака, и земли исторгающая основанья черная Буря; стоят Киклады, дрожа на опорах зыбких, и даже тебе от Микона с Гиарою страшно, Делос, отторгнутым быть, и ты призываешь питомца.
- 440 Рдяная ликом, уже выводила седьмая Аврора радосный день к земле и богам, когда из покоя тайного старец — герой персеев — вышел впервые, недоумения полн пред войной и зятьев озлобленье, духом — нетверд: вернуть ли закон оружием, народы новым стрекалом язвя, иль, может быть, лучше уздою гнев их унять, удержав на аркане мечей беспокойство. К этому — мира покой побуждал, к другому — безделья мерзкого стыд, и люд несговорчивый, новой приманкой битв увлеченный. И вот его посетила в сомненьях
- 450 поздняя мысль: пророков умы и божи храмы, зрящие правду, спросить. Тебе о грядущем забота, Амфиарай, предстоит, а с тобой — Амифаона отпрыск, старец и сам, однако умом и Фебом цветущий, вместе шагает Меламп; — и кому Аполлон благосклонный полнил щедрее уста киррейской водой — неизвестно. Прежде всего по нутру и крови животных пытаются трепетно волю богов, и в пятнах сердец у двузубых.

видят запрет, и беду — в угрозах жилы зловещей.
 Но у бесплодных небес предвещаний просить остается.

460 Есть дерзновенным хребтом устремленное ввысь возвышенье
 (жители Лерны его Афесантой наименовали),
 у арголидских племен — священное. Молят, оттуда
 быстрый Персей посягнул на тучи полетом высоким, —
 в ужасе мать его, завидев, как он устремляет
 шаг со скалы, за сыном едва не ринулась следом.
 Оба пророка к скале, власы святые украсив
 бледной оливы листвою, а чело белоснежной повязкой,
 вместе выходят, едва осветило всходящее солнце
 луг, увлажненный росой, и расплавило стынущий иней.

470 Первым Эклид призывал Юпитера просьбой привычной:
 «О всемогущий отец, ты даешь пролетающим крыльям
 силу совета, и ты грядущего знание даришь
 птицам и с неба вещать о причинах велишь сокровенных, —
 знаем о том; и верней ни Кирра для нас из пещеры
 бога не вышлет, ни дуб, который листвою хаонийской
 в чаще молосской звенел у тебя, — пусть даже иссохший
 спорит Аммон и пытается глас состязаться ликийский,
 или же нильский телец, иль Бранх, сравнившийся с отчей
 честью, иль Пан, чью свирель насельники Пизы холмистой

480 могут в ночи услышать из ликаонийского мрака.
 Прочих щедрее почтен, кому очевидно Диктиец
 вышлет летуний благих. За что — непонятно, по древен
 оный пернатый почет: творец ли небесного свода
 так уготовал, сплотив в зародыши новые хаос;
 в том ли дело, что быв изначально нашими, души
 тело сменив, в дуновенья вошли; иль чистейшая область,
 чуждая ала, и с землей общенье нечистое учит
 истине, — это тебе, земли и богов созидатель
 высший, виднее. А нам — о началах войны арголидской
 и предстоящих трудах дозволю у неба проведать.

490 Коли дано и уже неизменно решенье у строгих
 Парок — лернейским копьем отверзть врага эхионцев, —
 знаменья дай и слева греми, — и добрые вести
 всякая птица меж звезд провещает на тайном наречье.
 Коли нельзя — то сдержи нас теперь и птицами справа
 день бездонный закрой». — Так вымолвил он и на мощном
 выступе тело простер, — и много неведомых знаков
 сплел воедино, впитав темноту необъятную мира.
 Звезды как должно засим разделили и всею душою

500 долго и зорко они за воздушным пространством следили.
 И наконец произнес Амифаонид-прорицатель:
 «Амфиарай, посмотри: в высоте поднебесья тревожной
 не провела ни одна борозды безоблачной птица,
 и ни одна, охватив окоём, не парит в безмятежном

реянье, в благостный час ни одна, улетаая, не крикнет.
Тайный треножников страж и пылающий молниеносец
скрылись, и русой молчит Минервы когтистая птица;
коршун — а нет никого для гадания лучше — не виден,
не веселится вверху добычей высокою ястреб.

- 510 Дива летят, верещат в облаках зловещие птицы,
стонет ночная сова, кричит об утратах могильный
филин. — Из оных каким устрашениям божим верить?
Небо для них ли, Фимбрей, — царапающих иступленно
скрюченным когтем глаза, и — подобно скорбящим — крылами
бьющих зефирам на страх, и в пернатую грудь колотящих?»
Тот отвечал: «Не раз я, отец, превратного Феба
знаменья видел с тех пор, как младостью первой цветущий,
царственных полубогов посреди, на сосне фессалийской
отплыл: и если я пел о превратностях суши и моря, —
- 520 диву давались вожди, а Иасон мои о грядущем
в недоуменьях слова не реже, чем мопсовы, слушал.
Но устрашающих столь и более гибельных знаков
прежде не видывал я, — а готовится большее даже.
Взор свой туда обрати, где реют в прозрачном просторе
необозримых небес лебедей бесчисленных стаи.
То ли Борей их прогнал от стримонской Медведицы, то ли
не приняла благодать плодоносная кроткого Нила, —
путь свой прервали они: узнай в их образе Фивы,
ибо в недвижимом кругу и мирном молчании, словно
- 530 в стенах за рвом, укрылись они. Однако подходит
более мощный отряд: в просторе чредой золотистой
семь с ликованием летят Юпитера оруженосцев, —
вообрази, что они — цари инахийского края.
Вот нападают они на ряды белоснежные, щеря
клювы для новых убийств и острые выставив когти.
Вот посмотри: непривычная кровь небеса оросила,
перьями день пролился; но что за внезапную ярость
слева Юпитер наслал, неся победителям гибель?
Ввысь устремившись, один вдруг вспыхнул в пламени солнца,
- 540 мужества прочих лишив; другого, с пернатыми большей
мощи вступившего в бой, сгубили вы, юные крылья;
рухнул, сцепившись с врагом, и третий; четвертый, отброшен,
бегством избавил себя от погибели стаи союзной;
облаком пятый сметен, шестой погибает, живую
птицу терзая, и кровь окропляет бесплодные тучи».
«Что же ты плачешь тайком?» — «Меламп досточтимый, того, кто
падает, я узнаю». — Устрашенных грядущего грузом,
всё, что свершится, уже испытавших в подобии верном,
ужас пророков объял: они сожалеют, что вторглись
- 550 в схватку пернатых и ум в недоброе небо вперили;
давших ответ — ненавидят богов. — И откуда впервые

в жалких живых существах мучительная пробудилась
страсть — грядущее знать? Богов ли то дар, или сами —
алчущий род, никогда не стоящий на месте спокойно —
ищем, какой был первым из дней, где века граница,
что предрешили богов родитель благой и железной
воля Клото. Оттого — гаданья, и птички сквозь тучи
речи, и звездный черед, и лунного бега расчеты,
и фессалийское зло. А прежняя — та, золотая,
560 дедова — кровь у племен от камня иль дуба рожденных,
этих не знала забот, — любили одно лишь: рукою
землю и лес укрощать. Течение завтрашней жизни
знать человеку грешно. А нам, порочным и жалким,
всё бы терзать небеса, — поэтому зависть и злоба,
козни, насилье везде, и скромность в молитвах исчезла.

Что же, — повязки сорвав, венка отслужившую зелень
прочь отринув с волос, удаляется жрец без убора
от ненавистной горы. Отныне и войны, и трубы —
рядом, и в сердце уже бушуют далёкие Фивы.

570 Было ему не снести любопытства народа, с владыкой
с глазу на глаз бесед и встречи со знатью... Укрывшись
в мрачном жилище, один, он молчал о решениях неба.
Стыд и заботы в полях и тебя, о Меламп, удержали:
уст не раскрыв двенадцать дней, от тревог ты избавил
люд и вождей. — И уже Громовержка последняя воля
всюду бушует, мужей похищая у пашен и древних
градов; и тысячу бог — владыка боев — набирает
всюду отрядов себе, и воины — рады оставить
милых и жен, и детей, на пороге рыдающих первом:
580 так их бог поразил, одержимых. Им любо оружие
с отчих срывать косяков, колесницы, стоявшие в божьих
храмах, катить. Копье, покрытое ржавчиной тусклой,
праздно коснеющий меч готовят вновь для ударов
страшных и молодость им возвращают камнем точильным.
Там — блестящий шолом и мощного панциря медный
кров примеряют и стан скрывают рубахой, гремящей
громом булатных чешуй, а здесь — гортинский сгибают
рог; и свирепо уже багровеют в пылающих горнах
плуги и крючья багров, и мотыги, и кирки кривые.

590 И от священных стволос уже отсекают бесстыдно
мощные древка, щиты одевают быком отслужившим.

В Арги нагрянув, гремит пред дворцом, удручая Адраста,
в душах — война, война — на устах; и в воздухе — грохот,
словно шумит тирренская соль, иль силится словно
бок поменять Энкелад, под которым гора, пламенея,
в недрах грохочет, с вершин извергаются токи, Пелорий,
сузив пролив, приближает к земле отторгнутый остров.

Тою порой Капаней, великим пристрастием к Марсу

движим и длительный мир давно ненавидя надменным
600 сердцем (при том, что он был исключительно знатен и древней
крови, своею он сам превзошел деяния предков
мышцею, долго богов презирал безнаказанно, правды
не выносил, не щадя и жизни в приступах гнева, —
словно один из живущих в лесах тенистой Фолои,
равный ростом своим любому из братьев этнейских),
встав у дверей, где толпа вождей и народа шумела, —
Амфиарай, у твоих, — кричал: «Что за трусость такая,
о Инахиды и вы, союзной крови ахейцы?
Здесь, близ ничтожных дверей одного — не стыдно ли? — мужа
610 медлят, взявшись за меч, народы, военного пыла
полные! Даже когда б под киррейской вершиною полой
сам Аполлон — как считает молва и робкие души —
стал вопиять, запершись в глубинах безумной пещеры, —
ждать я не стал бы, пока возвестит побледневшая дева
страшный намек. Для меня лишь доблесть, меч и десница —
знаменья. Пусть-ка сюда выходит с ложью трусливой
жрец, или ныне же я испытаю, насколько могучи
птицы». — Довольный, шумит ахейский отряд, одобряя
ярость его. Наконец, Эклид принужден был наружу
620 выйти: «Смятенье иной меня побуждает тревоги,
нежели эти юнца развязного гнусные вопли,
нежели страх перед тем, чем он угрожает безумно, —
выйти из мрака на свет: иной мне роком назначен
гибели день, и меня не смертное сгубит оружие.
Нет, но забота о вас и исповный Феб заставляет
тайну изречь. Грядущее вам и все, что случится,
скорбный, пришел я открыть. А прежде было недолжно,
ярый, тебя убеждать: для тебя Аполлон наш безмолвен.
Жалкие, ради чего вопреки и року, и небу
630 вы за оружие взялись? Незрячие! Вас погоняют
Фурий мечи! Ужели вам жизнь надоела, и Арги
столь ненавистны, и дом — немил, и бог — безразличен?
Но для чего вы меня к вершинам персеевой дальней
кручи послали идти трепещущим шагом, да вторгнусь
в сонмы богов? — Я мог бы не знать исхода сражений,
дня рокового, судьбы для всех уготованной вместе
и для меня. Подтвердят вопрошенного мира глубины,
речи пернатых и ты, Фимбрей-глаголатель, прежде
столь не страшивший меня, и грядущего знаменья, — те, что
640 вам сообщу: я зрел крушенья великого призрак,
ужас зрел людей и богов и радость Мегеры,
Лаксисис зрел, очищавшую век от пряжи загнившей... —
Прочь мечи от десниц: се бог запрещает безумье,
бог! Несчастные, вам ужель угодно насытить
страшного Кадма поля и Лонию кровью сражений?..

Впрочем, тщетно реку: не сдержать назначенных бедствий. Выступим...» — и застонал, замкнув уста, прорицатель. Вновь к нему Капаней: «Твой гнев все это пророчит только тебе, чтоб бесславно в пустых оставался ты Аргах,
 650 чтоб никогда до твоих ушей призывный тирренский зов не достиг. Но каких мужам дожидаться призывов? Ты бы хотел, ради птиц бессмысленных лежа безделью, сыном, домом, женой наслаждаться, — а мы чтоб молчали, чтобы не мстили за то, что Тидей могучий изранен, в битве — разбит договор? Коль войны жестокие грекам ты запрещаешь, — ступай послом к враждебным сидонцам: эти венки принесут тебе мир. Коль выманить могут речи твои у пустых небес причины явлений, тайные их имена, — мне жаль богов, подчиненных
 660 песням и просьбам людским! — Зачем ты страшишь малодушных? Страх — вот кто первым богов сотворил. Я эти обманы ныне прощу. Но когда под первые трубные зовы будем мы пить враждебный Исмен шеломом и Дирку, — ты мне навстречу тогда, готовому броситься в битву, не попадайся, прощу, и, увидев жилу иль птицу, не отлагай начало войны: пусть инфула эта сгинет тогда, и с ней — безумье страшющего Феба. Там жрецом буду я и те, что со мною готовы
 670 впасть в исступленье борьбы». — И тут же грянул могучий гром одобренья, до звезд необъятным взлетающий гулом, — словно бегущий поток, когда его бодростью полнят вешний Зефир и холмы, лишённые плотного хлада: если он вышел в луга, то против него загражденья тщетны, — и гулко гудят увлеченные вихрем жилища, пастбища, скот, пастухи, пока он, бесчинный, не встанет и, уступая холмам, не найдет берегов в их преграде.

Оные споры вождей наступившая ночь прекратила. Но не сумела снести равнодушно стенаний супруга Аргия: всею душой не чужой соболезная скорби,
 680 так, как была, не прибрав волос, висящих клоками, и от рыданий ланит не омыв, к высоким чертогам достопочтенного шла отца, и, к груди прижимая, деду малютку несла, Фессандра. Уж ночь отступает, близится новый восход. С Возка Медведица только смотрит завистливо вслед в Океан убегающим звездам. Аргия входит и, пав пред великим родителем, молвит: «Знаешь и сам ты, отец, о чем умолять со слезами ночью на этот порог я пришла без скорбного мужа, — что же скрывать? — Но, отец, тобою и божьим законом
 690 брака клянусь, что не он, но тоска неусыльная гонит. Лишь прозвучал гименей и Юнона недобрая факел слова зажгла, — с тех пор — наготове рыданья, а слезы

мой возмущают покой. Но этого страха пред тигром, этого перед скалой подводною ужаса в сердце мне не снести: а спасти и можешь, и право имеешь ты лишь один. Начни же войну, отец, ты ведь видишь: жалок поверженный зять, а это — изгнанника отпрыск, — видишь, отец, и ему — стыдиться родителя! Где же гостеприимство твое и сведенные богом десницы?!

⁷⁰⁰ Это ведь он — подарок судеб, обет Аполлона: я не пыталась украсть Венеры огонь потаенный, факел, зажженный грехом, но твою досточтимую волю, просьбу почтила твою. Так мне ли скорбящего пени жестокосердно презреть? — Не знает отец безупречный, сколько у верной жены любви к супругу в несчастье! Скорбная, ныне прошу о грозном и горестном даре, даре, сулящем и страх, и страданье... Но ежели скорбный день разлучит меня с ним, и хриплые трубы прикажут выступить войску, и вы заблещете златом свирепым, —
⁷¹⁰ горе, но, милый отец, как бы снова просить не пришлось мне!..»

Дочери губы ловя на лице увлажненном, родитель:

«Нет, родная, тебя не виню за жалобы эти, — страхи отбрось, ты вправе просить и не ведать отказа. Так; но сильный... — нет, ты не теряй вожделенной надежды — сильный пред богом страх и царства летучее бремя душу тревожат мою. Придут надлежащие, верь мне, сроки, и ты не сочтешь, о дочь, что просила напрасно. Так что супруга утешь: пусть злом не считает задержку

⁷²⁰ Всё это — ради войны». Рекущего новорожденный день оборвал, и восстать громада забот повелела.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Третий Зефирами Феб растапливал стылую зиму
и по весенней тропе выводил все более длинный
день, когда, наконец, внушенное богом решенье
принято было и рать для битвы злосчастной готова.

Факел горящий тогда над вершиной Ларисы Беллона
левой рукой подняла, а правой рукою, нацелив,
мощный взвихрила дрот: звенящий в безоблачном небе,
он пролетел и в берег вошел аонической Дирки.

В стан устремилась затем и, с мужами в золотом и железном
¹⁰ блеске смешавшись, шумит, наделяет идущих мечами,
гонит коней и к воротам зовет, — не ждут уговоров
храбрые, но внушена и робким недолгая доблесть.

Названный день наступил. Громовнику вместе с Градивом
грудами жертвы легли; но, знамений добрых не видя,
жрец побледнел и внушил притворную войску надежду.

И обступая своих, родители, дети и жены
встали пред ними и их не пускают с высоких порогов.

Слезы без меры текут, щиты орошая и племы
скорбно прощающихся, и нельзя оторвать от доспехов
²⁰ семью любимые: им целовать закрытые племы
любо и долу склонять объятями грозные перья.

Те же, кого лишь булат и самая смерть привлекает,
стон издают и дрожат от рыданьем разбитого гнева.

Именно так мореходов, в простор уходящих далекий, —
ежели Нот — в паруса, и якорь со дна выбирают, —
милая держит рука, и сплетаются длани вкруг шеи;
то увлажнившийся взгляд лобзанья тревожат, то моря
необозримая мгла; оставленные продолжают
все же на круче стоять: за бегущими прочь парусами
³⁰ сладко следить, тяжело, что с берега ветер кренчает.

[Все же стоят и корабль со скалы провожают знакомой]

Первой Молва, но и ты, сокровенная древность вселенной,
мне — да вспомню мужей и заботно их судьбы раскрою —
выведи оных, а ты, царипа певучей дубравы,
ты, Каллиопа, внуши помощнице лире, какие

вывел тогда отряды Градив и силы какие,
 сколько грады лишил людей: коль исчерпан источник,
 мыслью нельзя воспарить никому. — Уныл и печален,
 шел под грузом забот преклонному возрасту близкий
 40 меж ободряющих царь Адраст — едва ли по воле.

Он опоясан одним мечом, доспех — рядовые
 следом несут; у самых ворот возница крылатых
 чистит коней, и уже Арион от ярма убегаёт.
 Воинов шлет Лариса царю, крутая Просимна,
 славный стадами Флиунт, Мидея конная, Нерис —
 та, что певный Харадр устрашает огромной преградой;
 кроме того, скалой укрепленные мощной Клеоны,
 также Фирея, где кровь Лакедемона будет стекаться.

Помня родство с царем, перебравшимся в Аргос, примкнули
 50 те, кто Дрепана скалу бороздят и поля Сикиона,
 края масличного, — их омывает молчащею влагой
 Лангии топь и Элисс, чей берег крут и изломан.
 Люто река почтена: говорят, суровые воды
 зряг Эвменид стигийских, в поток погружать приобкших
 лики и змей, от питья флегетонского дышащих тяжело,
 коли фракийцев дома сокрушили они, иль преступных
 кровли Микен, иль Кадмов очаг; бегут от плывущих
 воды, а заводи все черны от обилия яда.

Следом Эфира идет, услышавшая жалобы Ино,
 60 следом — Кенхрейский отряд — из мест, где поэтам нечуждый
 выбит конем горгоновым ключ, где Истм разделяет
 воды и прочь от земель моря уступившие гонит.

Эти отряды — всего три тысячи воинов — рады
 вслед за Адрастом идти: несут кто копыя, кто колья,
 в пламени их закалив, — ибо кровь и обычай у разных
 воинов разные; кто вращать пращею привычен,
 крепко сплетенной, и день пустым препоясывать кругом.
 Сам же Адраст, почтенный равно годами и скиптром,
 так, словно гордый идет по полям, где издавна пасса,
 70 бык: и шея его нетверда, и бессильно оружие, —
 все ж он вожак; и с ним молодые бычки не решатся
 в схватке сойтись: они и рога, от многих ударов
 сбитые, видят, и грудь в огромных рубцах от ранений.

Рядом несущий значки со старцем Адрастом диркейский
 зять выступает, к кому благосклонны сраженья, чью ярость
 весь укрепляет отряд: а в нем — из отчего края
 воины есть, и одних подвигает изгнанник, их верность
 крепнет от бед и растет, другим основное — владыку
 переменить, но много таких, кого справедливость
 80 с жалким светла. А тесть ему Эгион и Арену
 отдал, добавил же к ним Трезены тесеевой силу,
 дабы не шел он, ведя, бесславный, редкое войско,

дабы с тоской не следил за отечества отнятой славой.
 Те же наряд и оружие на нем, в каких он явился
 бурною ночью, пришлец роковой: тевмесский распластан
 лев на спине, и древки двойным блистают железом,
 сбоку на остром мече суровая Сфинга застыла.
 В чаяниях и мольбах престол он уже обретает,
 нежную мать и верных сестер; но на башне высокой
 90 горем убитую, всем вперед устремленную станом
 Аргию видит: она и мысли, и очи супруга
 вспять возвращает, гоня любезные Фивы из сердца.

В самой середине ряды родимого племени движет
 с молнией схожий Тидей: он счастлив и мышцею крепок —
 стоило трубам пропеть. — Змея из глуби подземной
 так выскользает к лучам ласкающим внешнего солнца:
 старости дряхлой наряд поменяв и иссохшие годы
 скинув, она меж трав молодых наливается силой;
 100 горе тому, кто в густой мураве на нее натолкнувшись,
 грозно шипящую пасть от первого яда избавит!

Также молва о войне из Этолии благоспешных
 шлет на подмогу мужей, скалистая здесь же Пилена,
 и мелеагров Плеврон, где сестры пернатые плачут;
 здесь и крутой Калидон, и Юпитера именем звавший
 Иду Олен, и меж волн ионийских приятной Халкиды
 гавань, и облик реки, в борьбе с Геркулесом разбитый.
 (Оный поток до сих пор из вод не дерзает глубоких
 лоб рассеченный поднять и прячет в укрытье зеленом
 голову, а берега унывают, в пыли задыхаясь.)

110 Грудь плетеным щитом укрыта, окованным медью,
 хищные дроты в руке, и Марс-прародитель на шлеме.
 Юность отборная вокруг могучего духом Ойнида
 встала кольцом, а он — войной веселится, красуясь
 славными ранами: нет, грозою и гневом не ниже
 он Поливика, и кто причина войны — непонятно.

Следом дорийцев отряд идет в небывалом доспехе, —
 тех, кто твои берега, о Лиркий, взрывают широко
 плугом и поймы твои, о вожатый ахейских потоков,
 Инах (ведь оный поток из персеевой почвы клокочет
 120 бурно, когда, от Тельца и Плеяд дождливых наполнясь,
 пенится, зятем надмен Юпитером); быстрый течет там
 Астерион, Эрасин, увлекающий злаки дриопов,
 ток, утоливший поля эпидавровы; холм, что не знает
 геннской Цереры, но рад Иакху; и дальная Дима
 помощь им шлет, и конную рать шлет Пилос нелеев, —
 Пилос, безвестный досель, и в пору вторую цветущий
 Нестор, — но сам он идти отказался в поход обреченный.

Вел же их и наставлял любить достославную доблесть
 грозный Гиппомедонт в гремящем медном шлеме

¹³⁰ с белым торчащим тройным острием, а стан под оружием стиснул железный наряд; и грудь, и плечи широко огненный круг укрывал, и данаева в золоте зримо ночь ожила: пятьдесят — под черными Фурий огнями — грешных лож багровеют, и сам у кровавых родителей встал косяков и глядит на мечи, и славит нечестье. Гиппомедонта несет от палладиной кручи немецкий конь, пред оружием дрожа, и тенью летучей обильно полнит поля и, пыль вознося, воздымает равнину.

Так, плечами леса сокрушая и станом сугубым,
¹⁴⁰ мчит двуприродный Гилей по крутому пути из пещеры горной: и Осса дрожит, и стада, утравившись, и стаи диких припали зверей; и даже собратьями ужас овладевает, когда он скоком огромным к пенейским водам стремится и ток заграждает громадою тела.

Может ли кто и число, и силу племени и оружия смертную песней объять? — Своим божеством побуждаем к битвам старинный Тиринф: мужами могучими оный город весьма плодovit, и он не унижил питомца ¹⁵⁰ мощного славу; но нет удачи бывалой, и мощи воинской нет, и в пустых просторах редкий насельник произведенные зрит Киклопов трудами постройки. Все же сумел он прислать трех сотен могучую младость, — в битвах — бесчисленный люд; копейных ремней и мечей им блеск не претит, на главах и по спинам — желтые шкуры львов, их исконный наряд; оружие — сосновые колья, стрелы же плотно торчат из неисчерпаемых тулов. В честь Геркулеса поют пеан, о том, как от чудищ мир он избавил, и бог их слышит с Эты лесистой.

Вот из Немеи отряд, и военная сила, какую ¹⁶⁰ лозы священные плют клеонейца Молорха в сражене; — дом его славный (а в нем — доспех гостившего бога ивовым входом сокрыт) на малом виднеется поле, где поднимается дуб, — к нему был мощный когда-то лук прислонен, а земля следы сохраняет от локтя.

Пеший над всеми главой возносясь, Капаней озирает войско: вращал он в руке четырех бычков непахавших святятливым грузом покрыла медь, — застыла на ней, как будто сейчас лишь убита, Гидра о трех головах: одни, воздымаясь, — живые — ¹⁷⁰ змеи чеканным блестят серебром; другие, искусно впаивные, умерев, чернеют золотом желтым; Лерна и стынущий ток вокруг голубеют железом. Ребра его и пространныю грудь запищает кольчуга (бесчисленных нитей халибы) — грозный — не материн — труд; на нем выдается блестящим сводом шелом, и только ему одному и подъемный

жалом снабженный стоит кипарис, обделенный листвою.

Шли под началом его питомцы Амфигении,
 180 дольной Мессены, и те, кто вскормлен в Итоме гористой;
 прочих прислали Фрион и высокогорная Эпи,
 Гелос и Птелеон, Дорион, печально известный
 гетским певцом: превзойти Аонид велемудрых надеясь
 в пении, был осужден Фамир на годы безмолвья
 уст и кифары (но кто ж превозносится, встретясь с богами?),
 и опемел; а ведь он и о состязании с Фебом
 знал, и том, как повис сатир в знаменитых Келенах.

Но и авгура уже роковещего ум осажденный
 сдася: хотя он беду и знаки, несущие гибель,
 зрел, но оружие сама подала несценной рукою
 190 Атропос, бога затмив; и не были тщетны супруги
 кози: покои уже засверкали золотом запретным.

Знала она, что сулит пророку аргивскому золото
 верную гибель, но все ж вероломно решила, злодейка,
 мужа на дар поменять: она домогалась доспехов
 Аргии мощной, чтоб всех превзойти, похитив убранство.
 Та же охотно (она понимала, что души героев
 зыбки, но чаша войны опустится, если провидец
 к войску прижмнет) роковой наряд любимого мужа
 с груди сняла, не жалея почти, и при этом сказала:
 200 «Время такое, что мне не к лицу в блестящем убранстве
 быть, Полиник: без тебя для красоты обездоленной роскошь —
 лишнее, — только бы страх опасности встречей грядущей
 мне унимать и мести алтари разметающейся прядью.
 Стало быть, мне ль не грешно Гармонии великолепной
 брачный подарок носить, когда, под грозящим шеломом
 скрывшись, ты будешь бряцать оружием? Если ж позволят
 случай и боги, то я превзойду нарядом аргосских
 жен — как супруга царя, и храмы наполню священной
 пляской — затем, что ты цел; пусть ныне нарядом владеет
 210 алчная, та, в ком горит по супруге воюющем радость».
 Так наряд золотой к Эрифиле вторгся в пенаты
 волею рока и внес семена необъятные бедствий;
 и, над грядущим смеясь, Тисифона возликовала.

Конь тенарских коней (его в неравном соитье
 Киллар на свет произвел без ведома Кастора), гордый,
 землю разит; облачает жреца парнасская волна,
 и украшает шелом олива лиственной прядью,
 пурпурных перьев убор с белоснежною инфулой сплелся.
 Держит оружие он и натянутый повод упряжки,
 220 здесь и там — защиты от стрел, на ходу громахает
 лес железный: за ним, устрашающий дротом тяжелым,
 сам он стоит, и осиленным щит полыхает Пифоном.

За колесницей идут аполлоновы следом Амиклы,

Гелос, и та, что кормой избегаема робкой, Малая,
 Кари (им отвечать Дианы пляске привычно),
 Фарис, и та, что пернатых плодит, — кифереина Месса,
 следом — тайгетская рать и с лебяжьих прибрежий Эвроты
 грозный отряд: сам бог в орошенной пыли их питает —
 пращур Аркад, и в них обнаженную доблесть и ярость
 230 будит, — могуч оттого их пыл и сладостна жертва
 смерти достойной: отцы прославляют сыновнюю участь
 и вдохновляют на смерть, смятенной толпой о погибших
 сверстники плачут, но мать увенчанным прахом гордится.
 Держат бразды и по два копыя, продетые в петлю,
 обнажены рамена, суровая виснет хламида,
 в ледяных перьях шелом. Но не только они выступают,
 Амфиарай, за тобой: Элида холмистая войско
 множит, за нею народ, населяющий дольную Пизу, —
 тот, что в твоих золотых, о достигший сиканского края,
 240 плавает водах, Алфей, не смешанный с морем глубокоим.
 Бегом несметных колес чернозем терзают широко,
 диких коней для войны приручают (ужасный обычай
 памятен всем до сих пор эномаев, и слава осталась
 им сокрушенных осей), — удила от укусов скрежещут
 ценные, взрытый песок кропят белоснежные хлопья.
 Вел паррасийцев ряды, родительнице не сказавшись,
 нежный годами (но так притягательна новая слава!)
 Партенопей: ведь тогда суровая мать случилась
 в рощах далеких (она не позволила б выступить сыну),
 250 луком смиряя своим тылы ледяного Ликея.
 Ликом прекрасней его из идущих в суровую распрю
 не было — так в нем цвела благодать красоты превосходной,
 и не отсутствовал пыл, — когда б только возраст был крепче!
 В ком из властительниц рощ, из богинь, посвященных потокам,
 в ком из напей не зажег он страсти великое пламя?
 Видя, как отрок в тени меналийской траву приминает
 легким касаньем шагов, сама Диана прощала
 прежней сопутнице (так говорят) и диктейские стрелы
 в тул амиклейский вложив, ему рамена оснащала.
 260 Дерзкою к Марсу пронзен любовью, он устремился
 в битву, горя услышать рога, и пылью сраженья
 русую прядь осквернить, и, врага поразив, воротиться
 с пленным конем: постылы ему дубравы, и стыдно,
 что человечесей досель не прославил он стрел своих кровью.
 Огненный, всех впереди он златом и пурпуром блещет,
 под иберийским узлом морщинится ткани волненье,
 а на щите у него — Калидонская матери мирной
 битва; ошую звенит натянутый лук; оперенный,
 бьется колчан за спиной, кидонскими стрелами полный, —
 270 желтый от янтая и светлый от яшмы восточной.

Он высоко восседал на звонкокопытном (привыкшем робких косуль обгонять) коне в двойном облаченье рысей, дивящемся, сколь тяжел при оружьи хозяин — в нежном румянце ланит, замечательный веком цветущим. Верные сонмы ему вы, древние дали аркадцы, старшие звезд и Луны, рожденные, молвят, на крепких ветках дубрав.— Тогда впервые земля поражалась стою бременящих следам, и не было пашен, селений, и городов, и семей: маслина и дуб приносили

280 новорожденных детей, умножал население тенистый ясень, ребенок, родясь, с плодоносного падуба падал; смене ночи и дня они, говорят, изумлялись и ввечеру, проводив Титана в закатную бездну, не уповали на день.— Высылает насельников Менал гордый, и мужи спешат от роц парфенийских; Рипеи, Стратия войско дарят и открытая ветру Эниспа. Не отказались прийти Тегея, Киллена (чья гордость — бог окрыленный), лесной алтарь алейской Минервы, быстрый Клиторий, Ладон (едва, Пифиец, не ставший

290 тестем твоим), и средь гор блестящая снегом Лампия, также Феней, посылающий Стикс к подземному Диту. Шли соревнующийся с идейскими воплями Азан и паррасийцев вожди, и (ваша забава, Аморы) села Нонакрии — край, Громовержцу с колчаном любезный, шли изобильный скотом Орхомен, зверьем — Киносура. Тот же задор разорил Эпита поля и Псофиды кручу, и скалы, твоей, Геркулес, известные мощью, чудищ приют — Эриманф, и Стимфал кимвалогреманий.

300 Племя аркадцев одно — породю, но снаряженьем — разделено на тех, кто мирт пафийский сгибает и опекает бои суковатой пастушеской палкой: лук у этих, и дрот у других; а волосы скрыты шлемом: у этих на вид — аркадская шапка из меха, тем — медведицы пасть ликаонской главу укрывает.

Оный военный собор и сердца, посвященные Марсу, воина ни одного из соседних Микен не узрели: там совершались пиры людоедские, вспять возвращалось Солнце, и битву свою затевали братья другие.

Но досягает уже до ушей Аталанты известье,

310 что отправляется сын на войну и всю за собою гонит Аркадию: шаг у нее задрожал, и упали стрелы,— и мчится она сквозь леса стремительней ветра, скалы минует и рек, к берегам подступивших, преграду,— так, как была, связав волоса и русый с затылка сноп распустив по спине.— Так в ярости лютой тигрица, коли похитят приплод, за добычливым всадником мчится.

Встала она и, грудью вперед в натянутый повод

(сын же, бледнея, — к земле): «Сей пыл безумный откуда, сын, у тебя, и в юной груди — недолжная доблесть?»

320 Ты ли способен мужей к боям побуждать и обузу Марса нести и ступать среди меченосных отрядов? Ладно бы сила была! — Но, бледнея, сама я видала, как ты рогатиною кабана упорного встретил: ты ведь навзничь едва не упал, и дрожали колени; если б я жала тогда не метнула с двурогого лука, — где были б войны твои? Но ни стрелы тебе не помогут

здесь, ни тугая дуга, ни этот надежный, но чуждый скверне убийственной конь. На великое ты посягаешь, сын мой, доросши едва до чертогов дриад и до гнева

330 нимф эриманфских. Увы, но знаменья были неложны: я-то дивилась, с чего недавно дрожали Дианы храмы, и низко лицо опустила богиня, и пали кровы с наверхший святых; и лук мой от этого медлит, и тяжелеет рука, и шлет неверные раны.

Ты бы дождался, пока почтеннее станешь и крепче, розы ланиг — окутает тень, и сходство исчезнет с ликом моим, — тогда и воюй, и меч вожделенный я же подам и тебя не стану удерживать плачем.

Ныне с оружием домой воротись. — Но как же, Аркадцы, —

340 подлинно, скал и дубов сыновья, — его вы пустили?!»

Хочет чрезмерного! Все — и сын, и вожди — утешают, тщатся тревогу унять, и уже — глухие несутся зовы трубы. Но не может она из нежных объятий выпустить сына, вождю Адрасту его поручая.

А от другой стороны — кадмейцев марсовы толпы, царским безумьем крушась, но робкой молвы не пугаясь (слухов, что Арги в поход выступают с союзною силой), медленней, нежели те, стыдясь за даря и причину,

350 все же готовят войну. Но никто обнажить не стремится

меч иль свои заключить рамена в отцовы доспехи, иль снарядить крылоногих коней — отраду в сраженье.

Нет, но понутив главы, без мысли и гнева, роняют руки дрожащие: тот скорбит о родителе миллом в доле ужасной, другой — о сладостных летах супруги юной, а также о том, что несчастными вырастут дети.

Бог-воитель ни в ком не пылал, старинные стены — рухнуть грозили и те; амфионовы мощные башни ветхий от старости бок обнажали, и — верой святою возведены до небес — трудом простым и негромким

360 камни скреплялись. Но все ж и от градов Беотии ярость

мстящая жаждет нестись, — отнюдь не затем, чтоб на помощь выйти злодею-царю, но — град побуждает союзный.

Тот же — вылитый волк, губитель тучной скотины: чрево от сукровицы тяжело, и вздыбился волос,

обезображена пасть отверстая шерстью кровавой, — с пастбищ спешит он, туда и сюда тревожно кидаясь взглядом: не гонятся ли, открыв злодеянье, крутые пастыри вслед, — и бежит, великость вины созная.

370 Множество страхов Молва смутливая нагромождает: тот говорит, что вразброс по асовому берегу блуждают всадники Лерны, другой — по тебе, Киферон вдохновенный, третий — что взяли Тевмес и во мраке ночью загорелись от караульных огней Платей сторожевые.

То же, что пот простуил на ларах тирийских, а Дирка кровью течет, что родят — уродцев, что вновь говорила Сфинга в горах, — любому узнать повсюду возможно, да и увидеть. И страх вдобавок к прежнему новый мукой стесняет сердца: подхватившись и бросив кошницы, 380 вдруг в долину бежит хоровода лесного царица с кручи Огига; сосны, расщипанной натрое, мечет скорбно туда и сюда окровавленный свет и, пылая, вздыбленный ужасом град возбужденными криками полнит: «Веледержавный отец нисейский, твоя закатилась к дедову роду любовь! — Под стылой Медведицей ныне жезлом железным Исмар воинственный ты сотрясаешь и виноградным велишь проникнуть лозам к Ликургу; или на взбухающий Ганг, или к недавним Тефии красной храминам, или в дома восточные пылким триумфом 390 грядешь, а то, золотой, от Гермовых токов исходишь.

Мы же, потомство твое, оружие исконное бросив — празднеств приметы твоих, — войну, и страхи, и слезы, мерзость привычных бесчинств и дары неправого царства жертвуем. Лучше бы, Вакх, меня средь вечного снега ты поместил, унеся за Кавказский хребет, амазонку распрей гремящий, чем мне о вождах и племени грешном ужасы молвить: тебе для иных я безумств присягала, Вакх, — не неволь. Я вижу быков одинаковых битву: 400 равен обоем почет, и кровь их едина в истоке; лбом упираясь в лоб, рогами крутыми сцепились неукротимо и вот — погибают во гневе взаимном. Худший, ты уступи и один не пытайся, губитель, дедовы оборонять поля и общие горы!

Жалкие в рвенье своем, вы бьетесь, кровь проливая, а получает луга — другой». — Изрекши, застыла: Вакх отпускает ее, и она отрезвляется тут же.

А трепетавший беды, различными страхами сломлен, царь, терзаясь, как все, кто робеет неверного завтра, к старческой мощи воззвал пророка Тиресия, к зрячей 410 одного тьме. А тот не по жертвам быков избобильным, не по пернатым крылам, не по недрам, бьющимся правдой, не от расчисленных звезд, не по знакам невятной треноги,

не по курению смол благовонных над алтарями
тайны богов доносил, но из царства смерти суровой
вызванных манов явил и таинства Леты, так молвят,
перед вождем, омытым в воде Исмена, где токи
с морем мешают река; пространство вокруг он очистил,
недра двухлеток разъяв, а воздух — дыханием серы,
зельями редкостными и длительною ворожбою.

420 Лес в умудренных летах, согбенный старостью мощной,
с неопавшей листвою стоял, недоступный от века
солнца лучам, — и его сокрушить не могли ураганы,
или же Нот, иль Борей, Медведицей Гетской гонимый.
Тишь гробовая в лесу: принуждал безотчетный к молчанию
ужас, а свет, заключенный, бледнел, на свет непохожий.
Тьма не пуста божеством: Латонию, рощ опекуншу,
в каждом дуба стволе и в каждом кедре смолистом
запечатленную, лес священным окутывал мраком.
В чаще звеня, летят незримые стрелы богини,
430 псы завывают в ночи, когда, чертоги покинув
дядины, облик она обретает новой Дианы;
но, притомясь на хребтах, — когда высочайшее солнце
шлет сладчайшие сны, — здесь, кругом широким повсюду
стрелы вонзив и склонясь на исчерпанный тул, засыпают.

Марсова рядом земля простирается полем широким,
Каdma вместившего сев крутого, который решился —
после родственных битв в бороздах губительных — плугом
первым вспахать целину и взрыхлить увлажненную кровью
пашню. Великим досель земля смятением теней
440 и среди дня, и в безлюдной ночи, несчастная, дышит,
ежели вновь восстают земнородные ради сражений
тищетных, — и в страхе тогда, не кончив начатой вспашки,
пахарь бежит, и к дому быки, обезумев, стремятся.

Здесь прорицатель седой — где столь для стигийских подходит
таинств земля и кровь текущая почве угодна —
сумрачношерстных быков и черных коней заставляет
остановить и к нему подвести отборные выи
стада. Тогда застонал Киферон, сокрушаясь, и Дирка,
а между шумных долин тишина нежданная встала.
Ярые старец рога облек плетеницей зеленой,
450 сам их нащупав рукой, и у входа в знакомую рощу
вакхову прежде всего изобильную девятикратно
влагу склонил над изъятой землей, и вешнего млека
дар, и актейский поток, и кровь, влекущую манов;
и доливал он, пока не насытилась почва сухая.
После срубленный лес собирают, и жрец для Гекаты
три повелел костра возвести и столько же — Девам,
близ ахеронтовых вод рожденным. И твоя, о Аверна
царь, до небес высокий костер воздвигся, хоть был он

в ямину врыт; а за ним — для подземной Цереры вздымался
 460 жертвенник меньший, с лица и со всех сторон кипарисом
 горестным скрытый. И вот — уже со знаком железа
 на запрокинутых лбах, орошенных влагой плодовой, —
 пали стада на убой. Манто безбрачная тотчас
 пробует кровь из наполненных чаш и после, по кругу
 трижды костры обойдя, по святому уставу отцову
 молвит о жилах живых и недрах, еще не застывших.
 После немедля она умещает под черные ветви
 жадный огонь. И едва ощутил Тиресий, что хворост
 в пламени начал трещать и что, наконец, загудели
 470 скорбные груди — ему опалил дыханием щеки
 мощный огонь, и жар наполнил пустые глазницы —
 он возопил, и костры, трепеща пред глаголом, дрожали.

«Тартара грозный предел, и ненасыщаемой Смерти
 страшное царство, и ты, о самый свирепый из братьев,
 коему подчинены и души, и вечные грешных
 вопли, и служат кому глубинного мира чертоги, —
 дайте открыться немым укрытиям и Персефоны
 строгой бесплотный народ отпустите, направив в просторы
 ночи, и челн через Стикс пусть полным назад возвратится.
 480 Пусть устремляют свой шаг к обители света не только
 маны, — и ты, Персеид, повели благочестный Элисий
 толпам покинуть своим, и сумрачный пусть их Аркадец
 мощною ветвью ведет; а навстречу — во зле опочивших
 (многих вмещает Эреб, и многие — кадмовой крови),
 трижды потрясши змеей и тисом зова их зажженным,
 дню, о вождь Тисифона, яви, и солнца лишенных
 да не прогонит назад устремляющий головы Кербер».

Так он сказал, а затем и старец, и фебова дева
 души свои напрягли и бестрепетно оба стояли,
 490 в сердце вместив божество; дрожал в неопisanном страхе
 лишь Эдиподионид, и пророка, поющего ужас,
 он то за плечи хватал, то за руки, то за повязки,
 то, истомившись, просил прекращения священнодействия.

Сходно у логовища в чащобе лесов гетулийских
 льва, раздражая его неистовым криком, охотник
 ждет, душою крепясь и сжав в ладони вспотевшей
 дрот; леденеют уста, шаги трепещут от страха:
 выскочит кто и каков? — и льва по ужасному рыку
 воображая, его измеряет слепящим смятеньем.

500 Тут, поскольку досель не явились тени, Тиресий
 молвил: «Клянусь, о богини, кому сей огонь насыщал я
 и над разрытой землей проливал кархесий шуйцей, —
 более не потерплю промедленья! Ужели взываю
 тщетно? — Но явитесь вы, коль велиг фессалиянка воплем

буйным иль вас призовет колхидянка, скифской отравой
напоена, — и, дрожа, побледнеет трепещущий Тартар.
Я же для вас не указ, раз вы вознести не хотите
трупы пред нашим костром и урны воздвигнуть с костями
древними, и оскорбить и неба богов, и Эреба —
150 тех и других — и сюда, ради ликов, железом лишенных
жизни, явившись, принять принесенные недра закланных.
Немощных лет и чела моего омраченного тучи
не презирайте, прошу: и мы разгневаться можем.
Знаю я все имена и знаки, которых боитесь,
мог бы Гекату смутить, когда б не робел пред Фимбреем,
или того, кто царит, непостижный, над миром трояким:
оний... — однако, молчу: запрещает мирная старость.
Вас же...» — но страстно Манто возразила, фебова дева:
520 «Слышат, родитель, тебя: бесплотные близятся толпы,
зев элисийский разъят, отверстого поля расселась
емкая тьма, — уже и леса, и черные реки
стали видны, и бледный песок, Ахеронтом омытый.
Катит дымный поток Флегетона ужасное пламя,
Стикс, разделяя миры, заключенным препятствует душам.
Бледный, на троне сидит властелин, а вокруг различаю
сеюющих пагубу дев — Эвменид, и стигийской Юноны
сумрачный вижу покой и ее суровое ложе.
Темная Смерть сидит меж зеркал и ведет для владыки
счет безмолвных племен, и огромна толпа несочтенных.
530 Теням гортинский судья, грозящий безжалостной урной,
правду велит говорить, заставляет поведать о прошлой
жизни и кончить рассказ признаньем заслуженной кары.
Но об Эребе зачем, о скиллах, о тщетной кентавров
ярости, иль о цепях перушимых, сковавших Гигантов,
иль о сгесенной вешать Эгеона сторукого тени?»
«Право, известное всем, дочь, старости кормчий и сила,
не пересказывай мне. Ибо кто о камне Сизифа,
водах, вводящих в обман, и Титии, пище пернатых,
и об огромных кругах слепца Иксиона, не знает?
540 Я же разнерзавшееся и сам, откуда был крепче,
глуби видал, — Геката меня провожала, покамест
бог мне очей не затмил, единой душе оставяя
зрение. Лучше сюда аргосцев, а также фиванцев
души являтьем гони, а прочим — четырежды млеком
их окропив — повели, о дочь, вернуться, оставив
скорбную рошу; и мне о лицах, облике, силе
крови вкупенной, о тех, кто знатен в обоих пародах
моляи, прошу, я ночи моей поведай о каждом».
Ты — как велел — являтьем плетет, их сны разделяя
550 и окропленных тесня, — по виду — Медея иль Кирка,
что на Эе творит превращения, но только безгрешна.

После же так говорит родителю-священнодею:

«Первым Кадм безжизненные уста приближает
к яме кровавой, за ним киферейская отрасль влечется
следом, и обе змеи испивают живящую влагу.

Их окружают земли порождения — марсово племя:
век их одним измеряется днем, на каждом доспехи,
каждый сжал рукоять; тесвят, сминают и мчатся,
словно живые, ярясь, и в них — не забота прикинуть
560 к яме печальной, но страсть отторгнуть кровь друг у друга.

Следом — горсть дочерей и плача достойные внуки:
сирую зрим среди них Автоною и гневную Ино,
что, озираясь на лук, к сосцам залог прижимает
нежный, а рядом — прикрыв руками утробу — Семела;
мать кадмейская там — уже отпущена богом,
тирсы свои поломав, вопит над Пенфеем, терзая
окровавленную грудь, а он — по летеиским беспутьям
к берегу вод стигийских бежит, где кроткий о сыне
плачет отец Эхион и растерзанный труп сочленяет.

570 Скорбного Лика я зрю; назад занесший десницу,
тела с плеча Эолид отягченного паземь бросает.
Не изменился и здесь наказанный чуждым обличем
сын Аристея: досель чело угрожает рогами,
стрелами — руки, — он псов прогоняет, стремящихся к ране.
И ненавидимая за потомство обильное, следом
Тантала дочь идет и трупы считает надменно,
не изменившись от бед: она не жалеет, что неба
волю презрела, и здесь тем пуше язык развязала».

580 Так покамест отцу Манто непорочная пела, —
космы седые его, подымая повязки, вздыматься
стали, и крови прилив окрасил иссохшие щеки.
Не опираясь уже на крепкую палку и деву
верную, он, над землей распрямившись, промолвил: «Довольно
пеняя, дочь, не нужен мне свет наружный: сплошная
мгла разошлась, и черный туман с очей упадает.

Духа я полн — от теней ли он, Аполлоном ли послан
вышним, — но вижу я все, что слышал. Но как же, однако,
взоры к земле опустив, печальны аргосские души!
Грозный Абант, губительный Прэт, Фороней-миртворец
590 и рассеченный Пелоп, и свирепую пылью покрытый
с ним Эномай лицо увлажнил обильной росой.
В этом провижу для Фив удачу в боях. Но другие
души, что плотной стоят и — судя по ранам и латам —
бранелюбивой толпой, — зачем залитые кровью
лица, и перси свои, и длани — воздев их в подобье
крика — не с миром на нас устремляют? О царь, не они ли
те пятьдесят? — Посмотри: вот Ктоний, и Хромий, и, видишь,
тут же Фегей и Мэон, как мы, отмеченный лавром...

600 Ярость уймите, вожди, поверьте, смертные мненья
здесь не дерзают решать: прыдет железные годы
Атропос нам, а вы — избегли невзгод и ужасных
войн, и новых боев с Тидеем». Промолвил и связкой
веток зеленых прогнал подступивших, на кровь указав им.

Без приближенных стоял на бреге печальном Кюцита
Лайй (Аверну его беспощадному крылообутый
бог возвратил) и косо смотрел на свирепого внука,
ибо его он признал; ни крови он не отведал,
как остальная толпа, ни к иной не приблизился в лаге,
ненавистью бессмертной дыша. Но его вызывает
610 сам аонийский пророк: «Вождь славный Фивы Тирийской,
с чьею кончиной уже амфионовы стены не зрели
доброе дня над собой, о ты, вполне отомстивший
лютую гибель, о тень, с которой в расчете потомки,
жалкий, куда ты бежишь? Простерт тебе ненавистный
в пагубе долгой, краев соседственной смерти касаясь,
свой исчерпанный лик и смрадом, и кровью засеяв,
изгнан из светлого дня, — и смерти лютейшая доля,
мне уж поверь! Но ради чего безвинного внука
ты избегаешь? Приблизь лицо и жертвенной крови
620 вдоволь испей — и грядущий удел, и потери сражений,
судьбы своих приоткрой — из жалости или презренья.
Только тогда на ладье вожденной запретную Лету
дам переплыть и в земле по обряду тебя упокою
и допущу к стигийским богам». — Того умягчает
дар достодолжный, — лицо заалело и так он ответил:
«Сверстный мне жрец, почему избираешь ты, души пытая,
для предвещанья — меня, предпочтенного стольким умершим,
чтоб о грядущем я рек? — И о прошлом помнишь довольно.
630 Внуки преславные, вам не стыдно ль нашего мненья
спрашивать? Нет, для нечестий святых того извлеките,
кто поразил счастливым мечом отца, кто к истокам
влекся своим и детьми наградил неповинную мать.
Ныне же он досаждаёт богам и подземным собраньям
Фурий и наши увлечь умоляет в сражения маны.
Что ж, коль избран я был прорицать о плачевном грядущем,
то расскажу, что Лахесис мне и Мегера крутая
дали открыть вам: война, бесчисленным движется строем
всюду война, и Градив роковой лернейских питомцев
гонит бичами: их ждут земли откровенья и божьи
640 стрелы, и славная смерть, и закон, отказавший преступно
им в погребальном огне. Победа назначена Фивам, —
не трепещи: не взойдет на престол твой брат разъяренный,
Фурии будут царить, и грех двойной, и — увы мне! —
злойный меж жалких мечей победит родитель». — Промолвив,
меркнет и в сбивчивом их оставляет тумане сомнений.

Тою порой по холмам леденящей Немей и чащам
 битв геркулесовых шли инахиды строем походным.
 Страстью пылают они сидонскую вырвать добычу,
 рвутся дома сокрушить и расхитить...— А кем остановлен
 650 гнев их, и кто их сдержал и как заблудились в дороге,—
 Феб, научи: лишь редкая ткань молвы перед нами.

Войско хмельной возвращал от Гема смиренного к дому
 Либер: уже две долгих зимы он бранелюбивых
 гетов безумствам учил и привык, что там зеленеет
 Отрия снежный хребет и Родопы в тени икарийской.
 Ныне же путь свой, лозой освящаемый, он к материнским
 правит стенам: бегут без упряжи справа и слева
 рыси, а тигры узду, вином увлажненную, лижут.
 Следом ликующие мималлонки с добычею мчатся,
 660 тащат быков и волков, и медведиц, растерзанных ими.
 Сопровождают его удалая Гневливость и Ярость,
 тут же Угроза и Пыл, и Горячность, Трезвости недруг,—
 сбивчив сопутников шаг, совершенно подобных владыке.

Оный, едва увидал, что пыльной Немей клубится
 тучей и вспыхивает на железе лучащемся солнце,
 Фивы ж досель к боевым столкновениям отнюдь не готовы,—
 зрелищем был потрясен: и, расслабленный видом и духом,
 тут же замолкнуть велел тимпанам, меди и шуму
 сдвоенный флейт, поражающих слух с превеликою силой.
 670 Молвил же так: «Сей сброд и меня, и род истребить мой
 мыслит, а ярость горит издалёка: свирепую битву
 Аргос и мачехи гнев необузданный мне посылает.
 Всё-то ей мало, что мать повержена в прах недостойный,
 мало родильных костров и мною испытанных вспышек
 молнии,— ныне она преступно соперницы прежней
 холм и останки мечам предает и беспечные Фивы.
 Козню помеху сплету,— к тому, к тому устремляйтесь,
 спутники, полю! Ио!»— по знаку гирканские тигры
 вздыбили шерсть, и у пашни он был, едва приказав им.

680 Час приближался, когда задохнувшийся полдень подьмет
 солнце к вершинам небес, когда на пашнях пустынных
 зной неподвижный стоит, а рощи — лишаются тени.
 Либер речных призывает богинь и, между молчащих
 став, говорит: «О духи ручьев, о сельские Нимфы!
 Вместе с толпой сопутниц моих труды претерпите,
 ради меня удержав аргонидские реки в истоках,
 и озерки, и ручьи, бродящие в пыльных просторах.
 Влага Немей-реки, вдоль которой шествует войско
 к нашим стенам,— в глубину да скроется первой. Сам будет —
 690 чтобы не медлили вы — помогать с высоты поднебесной
 Феб; начинанья успех обещан и звездами: в пене
 знойный Пес Эригоны моей. Так шествуйте бодро,

шествуйте в глуби земли. Потом из пучины глубокой вас извлеку и храмов моих дорогами дарами сам окажу вам почет и сам наглцов козлоногих кражи ночные сдержу и страстные Фавнов порывы».

Молвил,— и лица у Нимф, казалось, застыли и ссохлись, пряди зеленых волос, лишённые влаги, торчали; люта я жажда тотчас поля инахийские выжгла:

700 вмиг разбежались ручьи, засохли ключи и озера, реки в пустых берегах раскалившимся илом твердели. Засухой страдает земля, и пробившийся нежного стебля долу склонился побег; обмануты, овцы застыли по берегам, и быки истомилися по водопою.

Так убывающий Нил, в огромных скрываясь вертепах, ликом восточной зимы заставляя луга заливные твердыми стать, и холмы, оставлены влагой, дымятся, и ожидает отца растрескавшийся Египет, чтобы — в плеске воды — полям по просьбам фаросцев

710 дал он питание и год к изобильным подвел урожайам.

Гиблая Лерна суха, сух ток лиркейский и мощный Инах, а также Харадр, влекущий подводные камни, и Эрасин, всегда берегам непокорный, и столь же быстрый Астерион, чей ток в бездорожьях высоких слышимый издалика, дрему пастухов нарушает.

Древле, когда без узды огонь, по своду летящий, гиперионовых вниз увлек коней Фазтона и о беде небеса вопияли, и дрогнули море,

720 суша и звездный убор,— тогда ни в источниках — влаги, ни на деревьях — листвы не осталось,— повсюду пылало пламя, повсюду — пожар, и — подобно реке обмелевшей — изнемогал Эгеон в пространном подобии брега.

Смолкшие воды питать продолжала в тени сокровенной Лангия только одна, но и та — велением бога.

Водам еще Архемор унесенный печального не дал имени, и о реке — не знали: беспутье хранило роцу и самый поток; ждет Нимфу великая слава после того, как ахейцев вожди почтут состязаньем скорбь Гипсипилы, а чин трехлетний — память Офельта.

730 Ни пламеневших щитов нести не могли, ни плетенья стиснувших панцирей (столь жестокая жажда томила!) воины: ссохлись у них не только губы и глотки, но допекал и внутренний жар: затрудненно стучало сердце и билось слабей, недужная кровь коченела в жилах сухих. Над землей, растрескивавшейся и пыльной, зноем дышал раскаленный туман. И потная пена не покрывала коней, удила сухие грызущих и заключенный язык высовывающих наружу. Плеть позабыв и хозяйскую власть, метался по пашням

740 воспламенившийся скот. Тотчас же Адраст рассылает
всюду разведателей: не осталось ли вод ликимнийских,
и не течет ли ручей Амимоны. Но вглубь исчезает
все от спящих огней, и Олимп безнадежно безводен,—
так, словно Ливию вдруг, иль пустыню песков африканских
видят они, или град незнакомой с дождями Сиены.

Вдруг, лесов посреди блуждая,— Эвой подготовил
встречу — внезапно они Гипсипилу в прекрасной печали
видят: хотя у груди Гипсипила Офельта держала —
горестное дитя инахова сына Ликурга,

750 а не свое — и были власы неприбраны, платье ж
бедно, но лик сохранял достоинство царское, горем
не истребленное. Ей говорит Адраст пораженный:
«Властное роц божество — ибо ясный твой лик запрещает
смертным твой род почитать! Под этим жаром небесным
ты бестревожно без вод не страдаешь,— так помоги же
близким народам. Тебя, отделив от толпы непорочной,
либо Латония, лук носящая, выдала замуж,
либо высокая страсть, с небес соскользнув, оцепила:
спален аргосских не чужд и богов председатель. Призри же
760 полк наш плачевный! Мечом разрушить виновные Фивы
мысль увлекла нас, по рок левовиственный жаждой суровой
души бойцов одолел и праздные силы похитил.
Помощь измученным дай, укажи нам поток ли бурливый,
влаго ли мерзких болот: в беде ничто не зазорно,
все подойдет. Так проси же скорей Юпитера ради
ветра с дождем и верни ушедшую силу, а душам —
битвенный пыл: и так же пускай под счастливой звездой
груз гвоя растет. И если нам даст возвратиться Юпитер,—
о, сколь великой тогда тебя награжу я добычей!

770 Жертвами я возмещу из диркейского стада, богиня,
войнов наших число и в роце алтарь твой воздвигну».

Молвил; речей посреди прерывались просьбы дыханьем
жарким, и в душных струях пересохший язык запинался.
Все были бледны равно и дышали открытыми ртами.
Им лемнианка так, потупив лицо, отвечает:

«Но почему же для вас — хоть и чту небожителей в предках —
я божество? — Увы, лишь в одном перестигла я смертных —
в горестях. Сирую вы кормилицу сына чужого
зрите, а есть ли кому моих кормить и лелеять,—

780 ведает бог; а ведь был и престол, и родитель великий...—
впрочем, зачем я держу изможденных у вод вожделенных? —
Тотчас за мной,— если только хранит вековечные струи
Лангии ток,— по всегда — и под знаком палящего Рака,
и невзирая на блеск лучей звезды икарыйской,—
все ж он бежит». — И, боясь, что ноша ей быть помешает
скорым вождем, кладет младенца несчастного (горе!),

рядом в траву — так Парки велят; он было заплакал, но, подвигая цветы и утешно шепча, унимает сладкие слезы она. — Такова берекинтская мать: робким Куретам она плясать над Громовником малым повелевает, и те, соревнуясь, священной посудой громко грохочут, но все ж оглашается криками Ида.

Мальчик на лоне земли расцветающей то меж высокой вешнею зеленью пола, склоненным лицом подминая мягкие гравы, а то взывал к кормилице милой, плача без млечных сосцов; потом начинал улыбаться и, замышляя слова для губ необорные нежных, шуму дивился дерев и схватывал, что ни заметит, время с веселым лицом провождал, блуждая по лугу в полном неведении зла и непотревоженный жизнью, — словно маленький Марс в одрисийских снегах, или словно мальчик пернатый в горах Менала, иль шаловливый на берегу Аполлон, наклонявший Ортигию набок.

Те же — сквозь чащу спешат, в зеленой тени бездорожья часть окружает вождя, а часть — густою толпою следом стремится за ней; она же идет посредине спешно, но без суеты; и вот — недалеким потоком глухо долина шумит, а журчанье камней наполняет слух, и Аргус, к ручью подбегающий первым, ликуя и на ходу подымая значок для легких отрядов, крикнул: «Вода!» — и из воинских уст понеслося далеким криком: «Вода!» — Так вдоль берегов Амбракийского моря глас молодых моряков, побуждаемых кормщиком, с весел вдруг раздается, а им в ответ откликается гулко суша, — едва Аполлон, здесь чтимый, Левкаду откроет.

Все устремились к реке, вперевой, без различия чина, вместе и люд, и начальники: всех друг с другом смешала равная жажда; волю, запряженные, вместе с возами входят, и быстро летят со всадниками при оружье кони; одних — стремительный ток, тех скользкий подводит камень: вода, без почтенья к царям, влекомым пучиной, валит их с ног иль уста затопляет зовущих друг друга. Волны гудят, и река расширяется вплоть до истоков дальних: за миг лишь — мощна, несмутима, с чистым теченьем, видным насквозь, теперь — до дна лишнее влаги русло: в него берегов обвалились края и разрытый дерн, — но и мутный ручей, оскверненный грязью и пылью, жажду унявшие пить продолжают. Можно подумать, — войны в битве сошлись, и подлинный Марс разъярился в водах речных, иль захваченный град разорил победитель.

Молвил один из царей, окруженный стремившейся потоком: «Ты, о Немея, лесов зеленых по праву царца, чтимый престол Юпитера, ты — Геркулеса трудами

кроткою стала с тех пор, как гривастую страшного зверя
выю он сжал и душу стеснил в напрягшемся теле.

После сего — перестань на почин подвластных народов
гневаться; так же и ты, пред любым непривыкший смиряться
солнцем, носящий рога даритель несякнущей влаги,

840 ты разомкнешь, бессмертьем дыша; не Зима ведь седая,
снег растопив, не Дуга, из иных истоков похитив
воды, питает тебя, и не тучи набухшие Кавра, —
сам от себя ты течешь, никаким не подвластный светилам.
Ни аполлопов Ладон, ни троянский Ксанф, ни ликийский,
ни злоковарный Сперхей, ни Ликорм, Кентавром хранимый,
не предпочту: и в мирные дни, и в дни грозовые
войн я буду тебя почитать — и в будни, и в праздник —
вслед за Юпитером. Нас прими и победами гордых
850 радостно и, допустив утомившихся к водам приветным
так же, как ныне, — признай тобой защищенное войско».

КНИГА ПЯТАЯ

Струями жажду отбив, истребив глубины потока,
войско назад отошло с берегов реки обмелевшей;
полем стремятся быстрее звонкоступы, и пашню, ликуя,
пешие полнят; к мужам вернулись и пыл, и угрозы,
и обещанья: с водой они вобрали как будто
кровопролитья огонь и великое к битвам безумство.

Вновь по отрядам своим построясь, порядку послушны
чина сурового — всяк при своем вожде и на месте —
рады продолжить поход. Уже поднялась пад дорогой
10 первая пыль, и леса пропизаны блеском оружия.

Так над простором морским — застигнуты зноем фаросским —
стаи, курлыча, спешат от паретонийского Нила
к землям, в которых зима утесняет; несущимся криком,
тенью летят по морям и полям, и звенит непроезжий
воздух: Бореи сносить и дожди, парить над разливом
рек и под Гемом нагим провести им лето угодно.

Тут обратился опять знатнейших венцом защищенный
отпрыск Талая, как раз стоявший под ясенем древним,
облокотясь на копые Полинника, бывшего рядом:

20 «Все-таки, кто ты ни есть и к которой — великая слава! —
мы, бойцы без числа, притекли одолжиться судьбою,
честью кого не обнес и сам богов зачинатель, —
молви, поскольку твои на крылах покидаем мы воды,
где твой и дом, и страха, под какими светилами к жизни
ты приобщилась, и кто твой отец: божества недалёко
в роде твоём, — хоть и счастье зашло, но высокая дышит
в речи порода, в лице — былого величия отблеск».

Стонет Лемниянка, но — постепенно смиряя рыданье —
так начинает рассказ: «О вождь, великие раны
30 требуешь разбередить: и Фурий, и Лемнос, на тесных
ложах завязанный бой, и меч, бесстыдно сгубивший
мужеский пол. Нечестье и с ним — леденящая Кара
в сердце вошли. О горькие мы, о жертвы безумья,
о эта ночь, о отец! Ведь я — радушной хозяйки

не устыжайтесь — одна, о вожди, одна утаила,
спрятав, отца... Что долго плести начало несчастий? —
Вас призывают бои и великая сердца готовность.

Ныне довольно вам знать, что славного дочь Фоанта,
я, Гипсипила, рабой Ликурга вашего стала».

40 К ней обратились все и, видя величие и гордость,
равную тяжкой судьбе, — о несчастях узнать запылали.
Опережая других, родитель Адраст поощряет:
«Право, пока мы отряд передних бойцов пропускаем —
ибо Немей не даст широко развернуть наши силы,
оною скрыта листвою и непроницаемой тенью, —
ты расскажи о грехах, и о славе твоей, и о горе
близких, и как ты пришла к сим бедам, лишённая царства».

Сладко в беде говорить, возвращая былые утраты.

Так начала: «Омываем вокруг Нереем Эгейским
50 Лемнос, где после трудов огневдышащей Этны вкушает
Мультибер отдых. Страну покрывает пространною тенью
близкий Афон, отраженьем лесов омрачающий море.
Фракия — насупротив, берега роковые фракийцев —
наших несчастий исток. Богатый питомцами, остров
цвел, и ни Самосу он, ни звонкому Делосу славой
не уступал, ни любым островам в пучине Эгона.

Боги решили покой возмутить, но были и наши
души не без греха: Венере мы храм задолжали,
жертв для богини не жгли, — иногда огорчается сердце
60 и у богов, и Кары ползут неспешным отрядом.

Паф свой старинный и сто алтарей оставив, богиня —
с мрачным лицом, волос не прибрав — отринула брачный
пояс и прочь прогнала, говорят, идалийских летуний.
А по рассказам других, посреди полуночного мрака
чуждое пламя неся и сильнейшие стрелы, богиня
в сопровожденье сестер тартарийских по спальням летала.
Стоило ей запустить в глубины тайных покоев
цепкие когти и злой нелюбовью чертоги наполнить
брачные, жалость забыв к народу верного мужа, —
70 нежные, с Лемноса прочь убежали вы тотчас, Аморы,
смолк Гименей, угасли огни, на ложах законных
страсть охладела; и ночь не дарила уже наслаждений,
более сон не сходил к обнявшимся, — лютые всюду
Ненависть, Ярость, Раздор разделили супругов на ложах.

Страсть пробудилась в мужах сокрушить на чужом побережье
чванных фракийцев, разбив свирепое племя в сраженье.
И как оставили дом и детей, стоящих на бреге, —
сладко им стало сносить Медведицы холод суровый,
80 стужу эдонской зимы, и в тихую ночь после боя
грохот вдруг услышать растрескавшегося потока.

Скорбные жены (меня тогда от тревог избавляли

девичья доля и век молодой) ночами и днями то — в бесконечных слезах истомясь — утешной беседой жили, то за море взор устремляли к Фракии лютой.

- Солнце, трудов посреди замерев как будто, сдержало светлых коней на вершине небес; четырежды грянул ясный возок, и из солнечных недр огневых полыхнули дымных четыре вихра, и Эгон в безветрии полном дрогнул и вдруг окатил берега огромной волною.
- ⁹⁰ Тут беспричинно пришла в великую ярость Поликсо, женщина зрелых годов, и, покои нежданно оставив, прынула, словно ее, как тевмесскую фийю, безумный бог охватил, и призвал священный обряд, и сманила флейта на Иде и с гор высоких донесший Эван: так же лицо запрокинуто, взор затуманен кипеньем крови, и крики ее безумные город пустынный будят, — колотит она в дома и закрытые двери, всех созывает на сход, а за нею четыре злосчастных сына бегут. И все как одна немедленно жены,
- ¹⁰⁰ кров покидая, спешат к высокому храму Паллады. Здесь торопливой толпой собрались они и бесчинно сгрудились. Меч обнажив, преступлений зачинщица тут же всем приказала молчать и вот что дерзнула промолвить: «Страшную месть по внушенью богов и заслуженной скорби, дядюше, вам — о, крепитесь душой и пол своей забудьте! — ныне, лемниянки, я предлагаю. Коль горько пустые вечно дома охранять и следить, как вянут позорно в долгих слезах и юности цвет, и бесплодные лета, — верьте мне, я — дорогу нашла (и знаменья были!),
- ¹¹⁰ как обновить Венеру; но вы преисполнитесь силы, равной страданьям, и в ней я должна быть уверена твердо.
- Третья белеет зима, — кто узы брачные носит, или на ложе почтен потаенном? Чью грудь согревает муж? И страдания чьи Луцине возможно увидеть? Или же чьи-то мольбы, признайтесь, в законные сроки вдруг понесли? — Но один сопрягаться и зверю, и птице способ. О немощь, увы! Но грек для отмщенья возмог же девам — отец — вручить мечи и, великим страданьям радуясь, юношей сны беззаботные кровью окрасить?
- ¹²⁰ Мы же — беспомощный люд! — Но если в недавних примерах надобность есть, то жена родопская мужеству учит, дланью измену отмстив, отобедавши с мужем совместно. Вас призывая, сама злодейств не бегу и не прячусь. Полон мой дом, и о нем, поглядите, мала ли забота: всех четверых сыновей, отца красу и утеху, к лону прижав — и препятствуют пусть, обнимая и плача — я мечом заколю и, братьев кровь и раненья перемешав, прибавлю еще и отца к неостывшим.

130 Дух у кого для стольких убийств готов?» — Побудила многих. Пред ними простор заблестал парусами: лемносский флот возвращался домой. Ухватила, ликуя, Поликсо случай и вновь начала: «Небожители нас призывают! Струсим? — Но вот корабли: их бог доставляет отмститель ярости нашей и нас поощряет. Был образ неложен сна моего: с обнаженным мечом стояла Венера, явственно зрима; и мне в сновиденье „Что губите век свой? — молвит. — Велю от мужей отвратившихся спальни очистить. Новое пламя зажгу и скреплю иные союзы“.

140 Проговорив, сей меч, сей — верьте мне — меч положила на покрывало. Почто, когда уже действовать время, жалкие, медлите вы? Могучими мышцами вспенен моря простор, и, быть может, грядут бистонские жены».

Тут разъярились они, и до звезд вознесся великий вопль, — как будто кипит амазонским Скифия криком, и налетают ряды щитолунные, коим оружие дарит отец и жестокой войны отворяет ворота. Разноголосицы нет, противоположные страсти мыслей не рвут, как обычно в толпе, — но единая ярость, жажда — одна: обезмужить дома, поломать веретена
150 отроков и стариков, и мальчиков даже во чревах вырезать, чтобы любой уничтожить возраст железом.

В лиственной роще... — сия высокую кладку Минервы роща густая с земли укрывала, а сверху давила мощная круча, и свет погибал от мрака двойного — здесь освятили союз: Энио бранолюбая, клятву ты принимала, с тобой — Церера подземная; вышли Стикса богини, раскрыв Ахеронт; но тайная всюду к битве Венера влекла, жгла Венера, Венера ярила. Тут же и кровь пролилась: супруга Харопа выводит
160 сына, — к нему подступив и десницы с жадным железом все как одна устремив, удивленное сердце пронзают, сладостное совершить злодеянье живую клянутся кровью, и свежая тень над матерью реет кругами.

Это увидев, какой до костей содрогнулась я дрожью, как побелело лицо! — Не так ли серна, волками хищными обойдена, лишенная твердости в нежном сердце своем и с худой на летучее бегство надеждой, тщится в отчаянье шаг ускорить и ждет, что теперь уж схватят ее, и зубов избегаемых слышит погоню.

170 Те — подплывали, и вот — в прибрежье врезались днища; прыгивая вперебой, мужи спешили коснуться суши, несчастные, — те, кого суровая доблесть, с Марсом одрисским бои и открытого моря немилость не поглотили. Богов горделивые храмы дымятся, к ним волокут обещанный скот. Но в пламени черном —

все алтари, и бог — не чист ни в единой утробе.

Медленнее опускал с Олимпа сырого Юпитер
ночь и грядущую тьму — из кротких, должно быть, стремлений —
сдерживал, сколько судьба позволяла, и сумерки позже —
180 после того, как солнце зашло — дотоль не спускались.
На небо все же пришли запоздалые звезды; под ними
Парос и Фасос мерцал лесистый, виднелись Киклады
дробные, — Лемнос один был скрыт небосводом тяжелым
(мрачные тучи над ним и слепая погода сплетались),
Лемнос один, морякам блуждающим небезызвестный.
Расположившись в домах и в рощах священных укрывшись,
яствам богатым мужи предавались, до дна осушали
емкое золото чаш и неспешно стримонские битвы,
или Родопу, иль труд, снесенный под Гемом студеным,
190 перечисляли меж тем. И жены, преступное племя,
с ними, сплетясь меж веселых пиров, с превеликой охотой
все возлегли: в последнюю ночь дала Киферея
(кроткая!) женам мужей и за долгое время — недолгий
мир бесполезный и пыл последний вдохнула в несчастных.
Хоры умолкли, пиров и приятной забавы означив
меру, и стали стихать голоса с наступлением ночи.
Тут-то, пропитан насквозь темнотою родственной Леты,
Стикса росой увлажнен, обреченные кровли объемлет
Сон и тяжелый покой изливает из грозного рога
200 и отделяет мужей; но готовы невестки и жены
к бойне, и сестры, смеясь, изощряют хищные стрелы.
Близко злодейство: своих Эриния, пылом исполнясь,
гонит. По скифским степям не иначе скот окружают
львицы гирканские: их впервые после окота
голов погнал, и сосцов детеныши алчные ищут.
Право, из стольких убийств разноликих не знаю, какие,
выбрав, тебе описать. Безумная Горга, воздвигшись
над оплетенным листвою на коврах, набросанных грудой,
и выдыхавшим во сне распиравшие вина Элимом,
210 ран намечала места меж складок одежды, но мужа
Сон, несущий беду, пред натиском смерти оставил.
Он, смятенный, врага не признав разбуженным оком,
обнял супругу, но та, ударив немедленно, мужу
в спину вонзалась, пока железо собственной грудью
не ощутила. И так преступленье свершилось; откинув
все еще ласковый лик со взглядом живым, прошептал он:
«Горга...», — и рук не разъял, преступную шею обнявших.
Но пересказывать вам погибель мужей я не стану,
как ни ужасна она, — вспомню о собственной скорби:
220 русский Кидон, о тебе, о тебе, до плеч разметавший
длинные кудри Кренией, молочный брат мой, иного
отпрыск отца, и о том, как храбрый, кого я боялась,

Гилас, о суженый мой, как ты, Мирмидоной кровавой
раненый, рухнул, и как, меж венков услаждаясь на ложе,
был ты пронзен, Эпопей, родительницей одичавшей.

Плачет Ликаста-сестра над Кидимом единоплеменным:
и, безоружна, глядит на черты обреченные, с нею
схожие, и на ланит румянец, на кудри, что златом
сколоты ею; а мать, свирепо сразившая мужа,
рядом стоит, и деве грозит, и меч ей вручает.
Но — словно зверь, что, забыв при кротком хозяине ярость,
в ход не пускает клыки и под плетью и градом ударов
к прежней породе своей вернуться не хочет, — так дева,
пав на лежащего, ток на груди ощущает кровавый
и, растревав волоса, зажимает свежие раны.

Стоило мне увидеть Алкимиду, несущую отчий
обезображенный труп, бормотавший еще, и несытый
кровью клинок, — волосы поднялись, и неистовый в сердце
ужас проник: представилось мне, что могу я Фоанта
дланью своей умертвить. В отцовский покой, обезумев,
я ворвалась, где давно — до сна ли великой заботой
полному? — он одиноко гадал, хоть был и не в самом
городе дом, — кто это шумит, кто ночью грохочет,
чем взбудоражена тьма? — Сбиваясь, ему злодеянье,
скорбь излагаю и гнев: «Сдержать безумных — нет силы, —
следуй, несчастный, за мной: помедлишь, — настигнут, захватят,
сгибнешь, а следом — и я». — Рассказом взволнован, поднялся
с ложа отец, и мы попеслись по проулкам пустого
града и всюду ночных убийств огромные груды
видели, после же — тех, которых в рощах священных
вечер жестокий простер, а сами — во тьме укрывались.

В ложе вдавились лицом одни, у других — рукояти
в персях пронзенных торчат и копий сломившихся древки,
там — разорванные мечами одежды на трупах.
Чаши лежат на боку, убийством залиты яства;
и у того, кто жаждой горел, из пронзенного горла
с кровью смешавшийся Вакх стекал в осушенный кубок.

Там отряды юнцов, и неподлежащих оружию
старцев толпа, и живые еще, лежащие поверх
отчих стонущих уст, младенцы со всхлипном предсмертным
дух испускали. Такой свирепостью хладная Осса
не веселит Лапифов пиры: коль тучерожденных
выпитое вино распалит, — чуть кто побледнеет
в гневе, как тут же, столы опрокинув, бросаются в битву.

Только тогда Фионей себя объявил уstraшенным,
в сумраке ночи принес Фоанту в опасности крайней
помощь и вдруг возблистал в сиянии многолучистом.
Деда узнала: чело у него от венков воздымалось,
и не сорвал он с волос золотистые винные грозди;

270 мрачный, с текущей из глаз ему непривычно влагой,
так он сказал: «О сын, пока тебе судьбы давали
Лемнос владычный хранить и держать племена в устрашение
внешние,— я никогда не бежал от законной заботы.
Но обрезают теперь суровые Парки жестоко
нити, и речью — мольбы пред Юпитером многие тщетно
я изувал — и рыданиями мне беду отодвинуть
не удалось: почтил несказанной он почестью дочь.
С бегством спешите, и ты, моя достойная отрасль,
дева, отца проводи, где вал двойною стеною

280 к берегу сходит, а в тех, что спокойными мнутся, воротах,
смертью Венера грозит и, мечом обвязавшись, безумных
гонит — откуда в ней мощь, и откуда сей марсов в богине
пыл? — Поручи же отца простору глубокого моря, —
далее — я помогу». — Промолвил и вновь растворился
в воздухе, но освещал, виднеясь во тьме обступившей,
нам, милосердный, тропу полосой протянувшейся света.

Знаменью вслед поспешив, сокрытого в древе долбленом
моря и ветра богам, Эгеону, в объятых Киклады
сжавшему, я доверяю отца: взаимным рыданиям
290 не было меры, пока не согнал с восточного неба
Люцифер звезды. Тогда, наконец, с побережьем гремящим, —
многого в мыслях боясь, но все же доверясь Лиэю, —
я расстаюсь и силюсь идти, но тоска — возвращает
вспять, и спокойствия нет: слежу за поднявшимся в небе
ветром и взглядом к волнам с вершины холма устремляюсь.

И наступил постыдный рассвет. Небеса распахнувший
пламень за Лемносом встал, и Титан, укрывая запряжку
тучею, не дал коням закатиться. Открылось ночное
буйство, — от страха во всех — хоть и были равны — но родился
300 пред наступающим днем неожиданный стыд: злодеянье
гнусное прячут в земле и в огне сожигают поспешном.
И Эвмениды уже, и Венера бежали насытятся,
из покоренных твердынь; и можно, свершенное видя,
копны волос растрепать и очи наполнить слезами.
Остров, обильный землей, достатком, оружием, мужами,
и знаменит, и богат вчерашней победою гетской,
не от набегов морских, иль врагов, иль злобного неба
осиротел, но себя погубил, подрезав под корень
жителей всех: ни в поле мужи, ни в море не выйдут,
310 и позамолкли дома, всё залито кровью, всё рдеет
сукровицею густой, — в стенах великого града —
мы лишь одни да маны в домах свирепостью дышат.

Я же в жилище своем, в домашнем святилище строю
мощный костер, на него — отцовы скипетр, доспехи
и облаченье царя, знакомые всем, водружаю;
после возле костра у огней разметавшихся стоя

скорбно с кровавым мечом, над обманном огнем погребенья — в страхе, что могут застичь, — воплю и молю, чтобы не был вещим обряд для отца, чтоб смерти угрозы исчезли.

320 И по заслугам моим — поскольку я веру внушила хитростью ложной вины — мне отдали (о наказанье!) царство и отчий престол. Мне б их настоянья отвергнуть, я ж — уступила, богов и в верности клятвой заверив, и в неповинных руках. Ужасный удел: мне досталась силы лишённая власть и горестный Лемнос безглавый.

Больше и больше меж тем скорбь чувства бессонные давит, явственней стопы слышны, и все ненавистней Поликсо, и вспоминают уже о свершенном злодействе, и манам строят уже алтари и к могильному праху зывают.

330 Так, когда задерет вожака и заступника стада, пастбищ опекуна и славу растущей породы, враг из массивских песков, — оцепеневают телицы; скот без главы понурясь идет, о правителе павшем поле само, и ручьи, и безгласое сетует стадо.

Но, разрезая простор острием золоченым, из далей девственных моря — сосна пелионская близится гостьей: к берегу минийцы грядут, вдоль крепких бортов раздаётся сдвоенный плеск, — поверишь, плывет Ортигия, с корня сорванная, иль скала, обвалившись, свергается в море.

340 Стоило весла поднять, — и гладь умолкла морская: вдруг — нежней лебедей отходящих и фебова плектра — голос раздался с кормы, и море — само уступало днищу. И только потом мы узнали: тогда, прислонившись к мачте, Эагров Орфей запел и, гребцов прерывая песнею, им позабыть о трудах необъятных позволил.

К скифскому путь их лежал Борею и к берегу моря ближнего меж Киаией. А мы, увидав и сочтя их войском фракийцев, к домам побежали с гоном пестрым, — сбившимся тесно стадам или снявшимся птицам подобны.

350 Где наша ярость теперь? На крепость и сжавшие берег стены, с которых видны открытые дали морские, мы поднялись и на башни взошли; каменя и колья, мужеский скорбный доспех и мечи, оскверненные кровью, жены несут, трепеща, — им даже покрытые пылью панцырей кровы надеть не стыдно и шлем — на ланиты нежные. Храбрым дивясь отрядам, зарделась Паллада, и засмеялся Градив с вершин супротивного Гема. В душах исчезло тогда впервые крутое безумье, — им показалось: грядет не судно морское, но волны

360 позднюю правду богов и казнь преступлений приносят.

Те отстояли от нас всего на полет гортинийских жал, — но Юпитер воздвиг и навлек тяжелую тучу с синим дождем на самую снасть пеласгийского судна.

Воды ужас объял, и всякого света лишенный
день растворился во тьме, немедленно свет угасившей
моря; а ветер налетел, раздирая набухшие тучи,
пену срывая с волны; размывами черными влажный
брег отступал, а простор, в боренье враждующих Нотов
встав и хребет изогнув, уже возле самых созвездий
370 рушился и налетал не раз на нетвердое судно
и содрогал выступающий ростр в глубокой пучине,
или Тритона вздымал к небесам. Героям их сила —
полубогам — не может помочь: безумная, хлещет
мачта корму и касается вод клококтавших, нестойким
грузом кренясь, и в грудь ударяют ненужные весла.
Также и мы — и со скал, и со всех городских укреплений —
на истомленных мужей, поборающих волны и Австры,
слабых усилем ramen рассеваем скользящие стрелы
(как поднималась рука?) — на Пелея и на Теламона,
380 даже тирицфский герой был целью нашего лука.
Терпят ныне они от войны, а не только от моря:
часть укрепляет ладью щитами, другие стремятся
вычерпать воду, в борьбу устремляются третьи, но тело —
сковано качкой, и нет напора в колеблемых мышцах.
Мы же им россыпью стрел угрожаем, и ливень железный
рвется из туч, а копейная мощь и разбитые глыбы,
жала и частый огонь, несомый косматой стрелою, —
то между волн, то в корму попадают: обитое судно
треск издает, и гудят над отдельными недрами доски.
390 Так Юпитер сечет снегопадом гиперборейским
зелень полей, и в лугах погибает звериное племя,
падают птицы с небес, урожай полегает под коркой
льда, и грохочут в горах обвалы, и реки ярятся.
Но — лишь рассек облака Юпитером пущенный мощным
горний огонь и на миг явил мореходов могучих, —
оцепенела душа, из рук, обессиленных страхом,
падает чуждый снаряд, и пол возвращается в души.
Вот Эакидов мы зрим, и Анкея, грозящего мощно
стенам, и дальним копьем разящего кручи Ифита;
400 и, возвышаясь, стоял над смятенным отрядом приметный
Амфитриониад, отягчающих поочередно
судно с обеих сторон и в самые рвущийся волны.
Легкий и бедственной мне еще незнакомый Иасон
между гребцовских скамей, и меж весел, и спин заклеянных
то необорного звал Ойнида, то в Ида с Талаем
бодрость всеял, то к двоим обращался забрызганным пеной
моря седой Тиндаридам, просил — и криком, и знаком, —
чтобы Калаис под тучей Отца леденящего с мачты
парус убрал. Одни поражали ударами море,
410 стены — другие: одним не сдавались пенные воды,

и возвращались к другим от башен меткие копьа.
Тяжесть соленой волны и невнемлющее кормовое
Тифис весло усмирал и приказы частые, бледный,
слал и то с правой волной, то с левою сталкивал судно,
жаждущее налететь на кораблекрушащие скалы.
Встав тогда на самом краю, Эсоном рожденный
древа палладина ветвь — красу прорицателя Мопса —
поднял, прося перемирья у нас, хотя запрещали
спутники. Голос его подхватила безумная буря.

420 Смогло оружие вдруг, и вместе — угасшее пламя
стихло, и выглянул день с разведрившегося Олимпа.

Те же, числом пятьдесят, привязав как следует судно,
издали сильным прыжком на неведомый прыгают берег —
мощных отцов и честь, и краса; их ясные лики
можно уже опознать, поскольку с чела убежали
гнев и смятение. Так летят из ворот сокровенных
боги, как молвят, когда на брег и в дома им любезно
красных вступить эфиопов для их пиров невеликих:

430 Реки и Горы дают им место, Земля же гордится
поступью их, и тогда небодержец-Атлант отдыхает.

Из Марафона, что стал лишь недавно свободен, Тесея
гордого зрим и детей аквилоновых — братьев исмарских,
оба у коих виска пером рудожелтым звенели;
рядом — Адмета (он был отпущен без негодованья
Фебом), а там и Орфей, на фракийца ничуть непохожий,
и калидонская ветвь — подводного старца Нереея
зять. И обманом двойным близнецы Эбалиды смущали
взоры: хламида на том, и на этом сверкает хламида,
оба несут по копью, у обоих открытые плечи,

440 оба еще без бород и звездой одинаковой блещут.
Выступил дерзостно в путь и вослед Геркулесу стремился
мощному (еле за ним бегом поспевая, поскольку
тяжкою ноша была) несущий лернейское бремя
Гилас и радостен был, под тулом огромным страдая.

Снова Венера тогда и Amor огнем потаенным
стали сердца лемнинок жечь. А царица Юнона
вид и оружие мужей и знаки преславной породы
в души внедряла. Гостям вперебой одни за другими
все открывались дома. И уже загорелся алтарный
450 первый огонь, и пришло забвение муж несказанных:
ныне пиры, и блаженная лень, и покойные ночи —
думаю, что не без воли богов, — нам стали угодны.

Может быть, вам, о вожди, о простительном роке проступка
хочется знать моего, — клянусь и прахом, и гневом
близких: ни воля, ни страсть меня не влекла иноземных
браков вкусить — так хотелось богам, а Иасону любо
новых путами дев оплетать; он ныне кровавый

Фасис присвоил себе и колхидского похоть отродья.

460 Звезды сбросили лед и уже согревались под долгим солнцем, и вспять стремительный год уже возвращался, как появился приплод: по молитвам отверзлись утробы, и неожиданными огласился питомцами Лемнос.

Двойню и я родила — о ложе насильственного память — и одному из двоих, не в угоду суровому гостю, дедово имя дала; мне неведома брошенных мною доля, — а им по четыре теперь пятилетия полных, ежели милостив рок и вскормить их склонилась Ликаста.

470 Пыл у супруга угас; уже призывает кротчайший Австр паруса, и само ненавидит судно задержку в гавани тихой и рвет со скалы супротивной причалы. К бегству минийцы зовут, и друзей призывает Иасон, — лучше б, безжалостный, он берегов моих мимо прямою гладью проплыл, для кого не дороги дети родные и обещанья — ничто: до самых далеких народов слава дошла, что Фрикса руно из-за моря вернулось.

480 Свет над водою померк и погоду грядущую Тифис по багрецу распознал почивален закатного Феба. Снова рыданья, увы, и ночь невозвратная снова! Стоило дню проглянуть, как судну гордый Иасон плыть повелел, и гребцы понт первым хлестнули ударом. Мы же со скал и с вершины холма высочайшей за ними, веслами пенный хребет ударявшими глади глубокой, взглядом следили, пока догонявших очей не ослабил свет и не начал сливать просторные дали со сводом, крайнею неба чертой утесняя морское волнение.

490 В город молва пробралась: Фоант, переплывший глубины, Хиосом братственным дпесь владеет, и я — неповинна, ибо пылал порошний костер. Нечестивые толпы, испыхнув под плетью вина, шумят и вызывают в отмщенью. Черни уже голоса, хоронясь, все чаще звучали: «Верность родным — лишь у ней? А нам — по убитым веселье? Бог и судьба — ни при чем? — Так зачем ей преступными править?» —

С этих речей ни жива, ни мертва (а близилась злая кара, и царский престол опостылел), — одна устремляюсь к зыбкому берегу тайком и гиблые стены бросаю, бегство отцово избрав. Но мне не способствовал Эван, ибо, нагрянув, меня отряд разбойный похитил и молчаливой привез рабою в области ваши».

500 Вот что лернейским царям беглянка лемносская в слове воспроизводит, и боль утоляет жалобой долгой, — и о питомце своем — так боги внушили — не помнит. Он тяжелеющий взор и лик разомлевший роняет в пышную зелень, устав от забот младенческих долгих,

и засыпает, в траву ладошку зажатую свесив.

А между тем — ахейских дубрав устрашитель священный — змей земнородный в лугах появился и ходом свободным влек громаду свою, оставляя себя за спиною.

Тускло пылают глаза, пасть пенится ядом зеленым, бьется трехжальный язык, тройным изогнуты строем
 510 зубы и лоб золотой выдается красюю свирепой.
 У инахийцев он слыл Громовержца священной тварью, коего эти места в лесных святилищах скудно жертвами чтили. Скользя убегающим кругом, то храмы божи змей обвивал, то дубы злосчастливого леса скреб, то, обняв, истончал стволы у ясеней мощных; часто, сплошную грядой берега смыкая речные, он возлегал, и вздымался поток, чешуей прегражденный. Ныне, когда и земля по приказам огигова бога

520 вся задыхалась, и в прах пугливые прятались нимфы, — грозным изломом боков продвигая волнистую спину, полз он и, пыша огнем, лютовал от твердевшего яда. Меж опаленных болот, и озер, и ручьев пересохших вился и тщетно блуждал в речных пустующих руслах, или, не помня себя, лизал расплавленный воздух, пастью отверстой дыша, и, скребя стонавшую пашню, к самой земле принимал: не хранится ли влага в зеленом поле. Но там, где травы раскаленные вздохи касались, зелень сгорала, и луг умирал под шипящею пастью.

530 Так разделяет эфир Дракон, от арктийских повозок вплоть до самих доходя в чужом полушарии Нотов. Так и другой, отроги обвив святого Парнаса, змей содрогал их, пока, тобою, Делосец, пронзенный, на изъязвленной спине не вместили стрелоствольного леса.

Бедный младенец, почто исключительной участи бремя дал тебе бог, враждебностью чьей на первом пороге жизни своей ты сражен? — Отныне навеки для греков будешь священ и умрешь, удостоенный славной могилы. Ты погибаешь, дитя, без ведома змея — сраженный
 540 взмахом хвоста: тотчас же дрема покинула члены, и на мгновенье глаза — чтобы смерть увидеть — приоткрылись.

Но умирающий плач едва раздается над лугом и в пораженных устах оборванной жалобой молкнет (так в сновиденье порой смолкают, не кончившись, речи), — вмиг Гипсипила, его услышав, обмирает, торопит бег обессиленных ног и, всюду бросаясь, пытается взглядами землю, зовет, вотще повторяет младенцу ведомых слов череду: но нет его, — поле лишилось сочной травы, возлежит, в ядовитые кольца свернувшись, враг неподвижный, собой заполняя пространную площадь
 550 даже и так, — уложив на утробе изогнутой шее.

Лес, злодейство узрев, задрожал и вспыхнул, услышав
возглас протяжный, а змей им не был испуган нимало
и возлежал. Но сразил аргосские уши истошный
воплъ: по знаку вождя немедленно конник аркадский
ринулся и доложил о причине. — Оружье сверкает,
войско шумит, — лишь тогда свирепый чешуйчатой шеей
двинул. В ответ ухватил могучим усилием глыбу —
знак межевой — и ее пустил в пустое пространство
560 яростный Гиппомедонт: с подобною силой в сражение
мощные камни, летя, поражают ворот укрепления.
Тщетна доблесть вождя, ибо змей отклоняется гибкой
шеей назад и легко избегает грозящей громады.
И загудела земля, и гул отразили густые
чащи лесов. «Но зато от моих, — Капаней восклицает,
с ясеневым копьём навстречу бросаясь, — не сможешь
ран убежать, — жилец ли ты злой устрашающей рощи,
или богов — о если б богов! — законная радость, —
570 даже когда бы ты нес Гиганта, который с тобою
сросся». — Копье, трепеща, летит и входит в отверстие
чудища зев, языка трехжального узел пронзает,
и над торчащим хохлом — главы блестящим отличием —
дрогнув и соком насквозь пропитавшись черного мозга,
входит в толщу земли. Едва лишь боль охватила
долгая каждый сустав, — как змей стремительным кругом
дрот обжегал и, вырвав, унес в потаенные божьи
храмы и здесь, бременя великою тяжестью землю,
жалобный дух испустил на алтарь своего господина.
580 Вами оплакан он был, раздраженная родственной Лерны
тошь и весною цветы рассыпать привычные Нимфы;
полем немейским, где он проползал не однажды, и вами,
о поселенцы лесов и тростник преломившие Фавны.
Сам от эфирных высот тогда же потребовал было
дротов Юпитер: уже облака и тучи сходились,
но — невелик был гнев божества и для дров мощнейших
он Капанея хранил; лишь от молнии брошенной ветер
вдруг налетел и ему опалил оперенье шелома.

Только змея уползла, как лемнианка все обежала
поле, несчастная; вдруг, побледнев, на холме невысоком
590 издали видит траву, окропленную каплями крови.
Бег устремляет туда, обезумев в тоске несказанной,
и преступление зрит, — на землю гиблую рухнув,
словно перун, ни слов над недавней добычею смерти
не проронила, ни слез: лишь горькие множит лобзанья
и, обнимая дитя, души живое биенье
жаждет найти. Но ни лик, ни грудь не остались целы,
содрана кожа, видны некрепкие кости, суставы
детская кровь залила, младенец — рана сплошная.

600 Так, когда разорит гнездо и потомство летуны
медленный змей, заползший на дуб с густою листвою,
та, возвратясь, тишине беспокойного дома дивится
и замирает над ним, и из клюва, сведенного скорбью,
собранный корм уронив, одну лишь видит на древе
кровь и разбросанные по жилищу плетеное перья.

Только когда прижала к груди останки младенца,
бедная, и ошлепа их прядями, — голос страданью
путь лишь тогда проложил, и в слове вылились стоны:
«О, обездоленной мне сыновей моих сладостный образ,
о Архемор, для меня, отчизны лишенной, утеха,
610 рабской судьбины краса! Почто, моя радость, сгубили
злобные боги тебя? С тобой, уходя, я рассталась
только что: был ты резов и ползал, траву приминая.
Где ж твой сияющий лик? Слова, с которыми голос
сладить еще не умел? И смех, и мне лишь понятный
лепет? А сколько же я про Арго и про Лемнос рассказов
пересказала тебе, баюкая жалобой долгой!

Так утоляя печаль, уже я младенца питала
из материнских сосцов, молока сиротливого горький
дождь на раны твои изливающих ныне напрасно.
620 Знаю: то — воля богов. О ужасного сна предсказанье,
страхи ночные; ведь мне — как всегда, грозящий бедою —
прирак Венеры предстал... Однако виновны ли боги?
Я ль не сама — для чего признанья страшиться пред смертью? —
бросила судьбам тебя... — но каким же безумьем влекома?
Так ли забывчива я, чтоб забыть о толикой заботе?
Отчие беды пока я вещала, любуясь корнями
славы своей — благочестьем своим и верностью вящей! —
Лемнос, тебе заплатила я дань! Где змей смертоносный, —
молвите мне, о вожди, в благодарность за злую услугу
630 и за рассказ! Или сами сразите железом,
чтобы скорбящих господ не пришлось мне увидеть, врагине,
и Эвридики, дитя потерявшей, — пусть мне и не меньше
больно, чем ей. Но это ль сложу злополучное бремя
к ней на колени? Меня подземные глубы ужели
прежде не кроют?» — Сказав, с оскверненными перстью и кровью
лицом, она вокруг великих царей неотступно металась,
молча печальных прося расплатиться с нею за воду.

Мигом внезапный под кров Ликурга-священнодея
вестник приспел и жреца и жилище наполнил слезами.
640 Жрец же с вершины святой персеевой кручи вернулся,
где, рассмотрев, он принес Громовержцу сердитому жертвы,
а возвращаясь, главу поражал ради недр разъяренных.
Оный себя охранял от участия в аргосском походе:
сам он пылал, но держали его обряды и храмы.
Он не забыл ответы богов и остереженья

давние, помнил и глас, из священных глубин прозвучавший:
 «Первым, Ликург, тебе погребать в диркейском сраженье».
 Этим тревожась, крушась пропылившим поблизости Марсом,
 он устыжался трубы и в поход обреченный стремился.

650 Тут — да спасут небеса! — приносит фоантова дочь
 (и провожатые с ней) останки, а мать — им навстречу,
 женщин толпу с собою ведя и плакальщиц стаю.
 Но не ослабила боль могучего духом Ликурга:
 он устоял пред бедой, и слезы отцовы безумный
 гнев иссушил. По ниве спеша стремительным шагом,
 так он вопил: «Но где же она, для которой ничтожна
 крови гибель моей и отрадна? — Все Лемноса басни,
 и об отце, и о том, что род у горячки божествен, —
 660 все позабудет». — Он шел и готовился к скорой расправе,
 в ярости выхватив меч. Но отпрыск ойнеев навстречу
 мощную грудь устремил и выставил щит, и при этом
 зубы со скрежетом сжал: «Сей гнев удержи, о безумный,
 кто бы ты ни был». — А с ним — Капаней, и с мечом отведенным —
 яростный Гиппомедонт, и Партенопей — с запесенным, —
 и ослепили они великим юношу блеском.

Но за царя — толпа поселян. Адраст — между ними,
 кроткий, и Амфиарай — за ним, положась на посредство
 повязи мирной, сказал: «Не надо! Мечи уберите:
 670 кровь наших дедов — одна; прошу, не потворствуйте гневу,
 первый же — ты!» — Но, пыл не смилив, Тидей возражает:
 «Ты ли дерзаешь вождя и спасительницу инахидов
 перед глазами у столь многочисленных неблагодарных
 ныне закласть на холме, толикую гибель отмщая, —
 царскую дочь, чей родитель — Фоант, а сияющий Эван —
 дед? Но ты ли не трус? Ведь твои племена отовсюду
 к битве стеклись, и лишь ты меж отрядов, свирепостью полных,
 в мире живешь. — И живи, и тебя да застанет победа
 греков — над этим холмом о своем стелящего роке».

680 Кончил, а тот, наконец, смиряя свой гнев и смягчаясь,
 так говорит: «Я не ждал, чтоб вы — словно к стенам фиванским —
 ныне враждебными мне полками сюда подступили.
 Так начинайте губить союзную, коли вам в радость,
 кровь, чтобы дома клички напитались; Юпитера храмы,
 ныне ненужные, огонь — все дозволено! — гнусный да сгубит, —
 коль учинить над дешевой рабой расправу задумал,
 скорбью великой тесним, ее господин и владыка.
 Оное зрит правитель богов, он зрит, и дерзнувших
 позднее пусть, но найдет наказание». — Промолвил и к башням
 690 взор устремляет. А там — иная великая схватка
 кровлям грозит: обошли летучую конников стаю
 свежие слухи, объяв крылами двойное смятенье.
 Те говорят, что казнь ей грозит, другие — что смерти

(и по заслугам) уже предана Гипсипила, и верят, гневом полны; и с огнем и с оружием стремятся к пенатам, царство разрушить грозят, захватив, уничтожить Ликурга, с ним — и Юпитера храм. Огласились криками женщин здания, и, отступив, обернулось страдание страхом.

700 Но, возвышаясь, Адраст на запряжке своей крылоногой вез фоантову дочь на показ бушевавшему войску, ехал отрядов среди и «Уймись, уймись» — кричал им, — «Страшного не свершено; Ликург же изничтоженья не заслужил, — вот она, нашедшая ток драгоценный».

Так, если моря простор возмутят супротивные ветры, вместе и Эвр, и Борей, и Австр, от гроз почерневший, — день отступает, царит ураган; но если пучинный царь, возвышаясь, грядет на конях, и Тритон при поводьях пенных, двуликий, трубит широко над спикающей бурей, — снова Фетида ровна, и растут утесы и берег.

710 Кто из богов, по великой мольбе призрев на утрату, слезы решил возместить и вернул Гипсипиле скорбящей радость нежданную? — Ты, о Эван, породы зиждитель, ты, что в Немею привел с лемносского берега взятых оной обоих сынов и готовил предивные судьбы.

Мать прогоняет рабу: под кров неприветный Ликурга доступа нет для нее с тех пор, как владыке злосчастный вестник донес, что младенец погиб от чудовищной раны.

Спутники тут подошли (о случай, о к будущим наша дням слепота!) и внимали царю; но только до слуха Лемнос дошел, и Фоант прозвучал, — сквозь конья и длани бросились оба и мать заключили в объятиях жадных, и зарыдали, и к ней то один, то другой приникали.

720 Та же — словно скала, не пошелохнувшись, стояла и не дерзала богам, очевидно вмешавшимся, верить. Но — при виде их лиц и знаков Арго на последнем вооруженье (к тому ж на плечах у них вышит Иасон) — горе ушло, и она толиким сраженная счастьем, рухнула, и от иных увлажнились очи рыданий.

Знаки явил небосвод: раздавшись радостным гулом, 730 божии бубны и медь в палетевшем грянули ветре.

Тут благочестный Эклид — как только смягченная ярость угомонила людей и слух благосклонный отверзла:

«Вождь Немеи и вы, инахиды мощи отборной, слушайте, что нам свершить Аполлон указывает неложно. Эта великая скорбь на аргосцев обрушилась ныне не без причины: тропой неслучайною Парки приходят. Жажда виною ручьев пересохших, и змей смертоносный. и Архемор, чье имя, увы, на наш указывает

740 рок, — все это — богов попущенье высоких и высших замыслов ход: сдержите же гнев и поспешные стрелы

спрячьте.— Младенцу воздать долговечные почести должно,—
он заслужил. Что ж, доблесть, сверши возлиянья благие
мамам его! О, если бы Феб поболее задержек
нам учинил, и все новые нам приключения мешали
в битву вступить, и навек смертоносные Фивы исчезли!
Вы же, великих отцов превзошедшие долю счастливыцы,
имя которых отсель в веках сохранится, покуда
Лерны не высохнет топь, не иссякнет Инах-родитель,
не перестанет бросать Немея трепещущей тени,—
750 плачами не оскверняйте святынь, о богах не рыдайте:
ибо он бог, он — бог,— и его ни пилосская старость
не привлекла бы, ни рок, долголетия фригийского большой».
Кончил, и ночь облекла небосвод пространною тенью.

КНИГА ШЕСТАЯ

Вестницей по городам данайским стопой многогранной мчится молва: инахиды хотят на свежей могиле празднества чин учредить, и с ним — состязания, чтобы марсова доблесть могла перед битвою воспламениться. Греков обычай таков: впервые на нивах пизанских сим состязаньем почтил Пелопа Алкид благочестный и запыленную прядь очистил оливою дикой. Следом — освобождена от объятий змеи — ликовала ради ребяческих битв аполлонова лука Фокида.

¹⁰ Также печальных вблизи алтарей Палемона блюдется мрачный обряд: здесь из года в год Левкодея рыдает пылкая и к берегам дружелюбным является в пору праздника; горестно с ней восклицает тогда обоюдный Истм, и вторят ему эхионовы Фивы рыдашьем.

Мощные ныне цари, каковыми питомцами Аргос с небом в родстве и чьи имена великие шепчет и Аонийский предел, и матери крови тирийской, — сходятся в споре и в бой обнаженную силу выводят.

²⁰ Так и биремы, решась по неведомым далям впервые то ли тирренскую глубину, то ль эгейские воды разрезать, — прежде в недвижной воде оснащение пытаются, кормило, легкие весла и так наперед изучают опасность; но лишь испытан отряд, тогда — в морские просторы рвутся и взглядом уже покинутой суши не ищут.

Трудолюбивый возок Тифония светлая в небо вывела, и от него бессонная бледной богини упряжь бежит, а с нею и Сон об исчерпанном роге.

Воплями полны пути, раздаются рыданья в чертогах царских, и чаша лесов дробит отдаленные звуки и множает. Сидит, плетенья почетных повязок сбросив, родитель Ликург, — по обезображенным льются слезы щекам, и клочья бороды — в пыли погребальной Горестней насупротив, превзошедшая мужнины стоны (строгий служанкам пример, поощрение благоизвольным), осиротевшая мать к останкам растерзаным сына

жаждет припасть, но ее что ни раз, оторвав, отстраняют. Держит ее и отец. — Едва на порог огорченный с должною скорбью в лице ступили вожди ипахийцев, — тут же, словно беда теперь лишь стряслась и младенец 40 только что сгублен, а змей погибельный в атрий вползает, — так, отовсюду несясь, из уст — хотя и усталых — вопли удвоились вдруг, и вспыхнули возобновленным криком врата, а в царе не приметить не могут пеласги ненависти, но, слезы пролив, вину искупают.

Сам — всякий раз, как ему позволяли и, вопль прерывая, дом, замерев, умолкал, — отца ободрять принимался 50 речью утешной Адраст, то с ним рассуждая о роке, горьком уделе людей и прядильщицах неумолимых, то о потомстве ином и грядущих — благим изволением — детях. Речам — не видно конца, рыданиям — предела. Но не участливей тот дружелюбным призывам внимает, нежели злобный простор Ионийского бурного моря внемлет молитвам мужей, а молния — тучам легучим.

Скорбным убором ветвей молодых кипариса покрылись ложе, добыча огня, и младенческие носилки, устланные изнутри луговины зеленым нарядом. Место, где будут сжигать, означают венки травяные, а разукрашен костер обреченными смерти цветами; 60 третий же ряд, громоздясь, вздымается грудой арабской, дрества Востока в себе заключающей: смолы кусками древние и киннамон, от времеп сохраняемый Бела. Златом наверхше гремит, и высится пурпуром тирским выступ его некрутой: самоцветы резные повсюду свет излучают, и Лип меж листьев аканфовых вышпит, и смертоносные псы, — чудесной работы боялась издавна мать и взгляд отвращала от знаменья злого.

Слава с белой пополам и гордость скорбящего дома расположили вокруг оружие и предков доспехи, — словно песут хоронить великую силу и тело 70 мощное сжечь предстоит: пустая и тщетная, скорбных тепшит молва, и по смерти растут невеликие маны.

Здесь и безмерных почет рыданий, и скорбная радость несообразно летам приношения жертвуют праху.

Ибо ему посвятил и тул, и короткие копья ранее срока отец, а также — безвинные стрелы (а на лугах он уже отменной породы отборных ради него лошадей выпасал), и пояс звенящий, и предназначенное для мышпы мощнейшей оружие.

80 [В жадной надежде каких во имя его не потщилась мать одежду взгромоздить? — И пурпурное облаченье — царский наряд, и скиптр, — она ничего не жалеет, буйная, мрачным огням; и свои припесла бы уборы,

если б сей жертвой могла свирепое горе насытить.]

А в отдаленье — жреца указаньям послушное войско
в самое небо костер, леса вырубая и руша,—
гору на вид — спешит возвести, да сожжет он провинность
змееубийства и грех несказанный войны злополучной.

[Оных труды — Немею срубить, и Темпейской долины
чащу густую валить и рощи раскрыть перед Фебом.]

90 Лес, который не знал топора, внезапно протерся
древней листвою, — а его обильнее не было тенью:
он выдавался весьма меж аргосских лесов и ликейских
и головою до звезд возносился, священный, являя
старости образ. Своей долговечностью лес, по рассказам,
превосходил не дедов одних, но Нимф и народы
Фавнов сменил, пережив. Подступала жалкая гибель
к роще: бежало зверье, и с насиженных гнезд улетали
птицы, — гнала их боязнь. Вот бук повалился высокий,
строй хаонийских дерев, кипарис, зиме неподвластный;
100 падают сосны огню высочайшему на прокормленье,
падубы, илика ствол, ядовитым соком опасный
тис и готовый войны изобильною кровью напиток
ясень и дуб вековой, неодолеваемый гнилью.
Здесь же и дерзкую ель, и сосну с духовитой рапой
рубят, а рядом ольха, подруга прибою, склоняет
долу нестриженный верх, и вяз, лозе невраждебный.
Стопы земля издает, — говорят, Исмар не бывает
столь разоренным, когда выскользает Борей из пещеры;
рощи разит не быстрее под натиском Нота ночное
110 пламя; — рыдая, покой излюбленных место покидают
Палес, и древний Сильван — тенистого леса хранитель,
и полускот-полубог; провожают изгнанников стоном
рощи, и Нимфы — стволов не хотят выпускать из объятий.
То же бывает, когда отдает победителям жадным
крепость плененную вождь: лишь подал он знак, — и не сыщешь
города, — тащат, влекут, угоняют, уносят, не зная
меры, и грохот, с каким устремлялись в сражение, — меньше.

Равной красы алтари с одинаковым рвением были
этот — для скорбных теней, а тот возведен для бессмертных.

120 Тут застонала дуда — знак тягостный горя, которой
рогом кривым провожать бестелесные маны привычно
в скобном фригийском ладу... — Говорили, что найден Пелопом
сей погребальный обряд и напев, пригодный для меньших
теней, с которым от двух потерпевшая тулов Ниоба
перенесла на Сипил, камня, двенадцать прахов.
Знатные греки несут в огонь погребальные жертвы,
каждый при этом свои приношенья почетные метит
надписью; и наконец — через долгое время — воздвигся
одр под яростный крик над выями юношей, коих

- 130 выбрал из множества вождь. Тогда окружила Ликурга
знати лернейской толпа, а более нежные толпы —
мать, и воинский строй инахидов вокруг Гипсипилы
стал благодарной стеной, — сыны под багровые руки
держат ее, извинив новонайденной матери слезы.
А Евридика, едва из хором злополучных выходит,
тут же из груди своей обнажившейся крик исторгает
и, убиваясь, так говорит после длительных воплей:
«Сын мой, не этой толпой окруженная жен аргolidских
я бы идти за тобой предпочла, не эти начала
140 жизни твоей представлялися мне в мольбах неразумных,
и не ждала я беды: твой век невелик был, но все же
я отчего-то войны и Фив безотчетно боялась.
Кто из богов пожелал начать сражение с нашей
крови? Кто нашу беду пожертвовал войскою? — А в доме
Кадма тирийской толпой ни один не оплакан младенец!
Я принесла первины и слез, и утрат неурочных
ранее зова трубы и звона оружия, беспечно
преданной веря груди, на сосцы положившись чужие.
Но ведь она об отце говорила, спасенном уловкой,
150 что, мол, безвинна была. — Но кто же сочтет непричастной
к жертве губительной ту, и чистою от преступления,
Лемнос обьяввшего, ту, которая — ей ли поверить? —
столь благодетна была, что бросила в поле пустынном
не господина, царя, а младенца, злодейка, чужого —
только всего! — на тропе оставила рощи зловещей,
коего даже не змей (о, зачем груз смерти толикой —
горе! — потребовался?), но всего только неба суровый
вздых, иль от ветра листва задрожавшая, иль беспричинный:
страх могли погубить. Но вас обвинять я не стану
160 в горе моем: лишь на ней, кормилице, грузом недвижимым
это нечестье лежит... — А ведь ты к ней был более ласков,
сын мой, и только когда она позовет, откликался;
не признававший меня, ты и радости матери не дал.
Та же и пени твои, и смех твой плачевный, злодейка,
знала, и первой она срывала младенческий лепет.
Мать — она для тебя, покуда ты жив оставался;
ныне же — я. И злоучастной, мне — ее по заслугам
казни предать не дано?! Зачем же дары и пустая
почесть костру? Нет, ее — только этого требуют тени! —
170 я умоляю, ее и праху, и мне, сокрушенной,
дайте, прошу вас, вожди ради первой сражения жертвы,
мною рожденной; и пусть огиговы матери стонут
так же, как я!» — И, волосы растрепав, взывать продолжала:
«Дайте, молю; но меня ни жестокой, ни алчущей крови
не называйте: я с ней погибну, едва лишь насыщу
казнь заслуженной взор, — в единое ввергнемся пламя!»

Так вопияла она; но напротив себя Гипсипилу
 стонущую (ни волос, ни груди та не падила)
 издалека увидав, — возмущилась сходственной скорбью:
 180 «Вы, благородные, ты, пред кем распростерта надежда
 нашего ложа, — сего не дозвольте: гоните от тела
 прочь ненавистную! Как? Она ли с матерью скорбной
 рядом встает и сама средь бедствий является наших?
 [Ей ли рыдает, обнявшей сынов? — рекла и внезапно
 рухнула: оборвались в устах онемевших упреки.]

Если оторванного от первого млека теленка,
 коего трепетна стать, чья жизнь — в сосцах материнских,
 хищный ли зверь унесет, иль пастух — к алтарям беспощадным, —
 мать, лишившись его, то луга, то реку, то стадо
 190 стоном смущает своим, то поля вопрошает пустые;
 горько ей к дому брести: последнею с пастбищ печальных
 тапчится и, голодна, не глядит на встречные травы.

Гордые скиптр и убор Громовержца бросает родитель
 сам в готовый костер и железом власы умеряет,
 скрывшие спину и грудь, и лежащего лик невеликий
 срезанной прядью прикрыв, речет, со святою мешая
 речи слезой: «Не с таким тебе, вероломный, условьем
 эти, Юпитер, власы посвящал я, о том умоляя,
 чтобы позволил ты их в твой храм пожертвовать вместе
 200 с первою сына брадой, — но ты жреца не услышал,
 просьбы отверг; пусть же тень достойнейшая их получит!»
 Первые ветви уже огонь охватил поднесенный, —
 вскрикнули оба: тоска безумных родителей сжала.

Встав по приказу к костру и багры устремляя, данайцы
 недозволительное от взоров зрелище скрыли.
 Вспыхнуло пламя: пышней погребения прежде не зрели
 эти края, — самоцветы трещат, серебряный ливень
 хлынул, и пот золотой заструился с одежды расшитой;
 и преобильно дрова ассирийской смолою сочатся,
 210 и, загораясь, меды шипят поблеклым шафраном;
 с пенным сосуды вином пролились и чудные чаши,
 полные кровью густой и насильственно отнятым млеком.

Тут отряды (числом их семь, и копников в каждом
 высется по сто) цари грекоролные сами выводят:
 скорбно значки наклонив, костер объезжают по кругу
 (слева, как должно), и огнь пользающий пылью склоняют.
 Трижды свершили объезд круговой, — гремяг, ударяясь,
 копы о копы: удар оружием четырежды издаст
 грозный, четырежды вопль из груди прислужниц исторгнут.
 220 Свежезакланных овец и быков неосгывших другое
 приняло пламя, — тогда предвещания скорби и новой
 смерти велит отвратить пророк, хотя он и верно
 ведал грядущее; те, потрясая коньями, вправо

кругом пошли, и часть своего снаряжения каждый мечет в костер: поводья — один, другой погружает перевязь в пламя, иль дрот, иль сень горделивого шлема. [Хрипло запели в ответ многогласно стеньящие пашни, резкими звуками слух у округи рога поразили.

230 Роцу крик устрасил, — так трубный призыв вырывает марсовы стяги: ни гнев не вспыхнул еще, ни железо кровью не рдеет, — войны украшает обличие первой, к чести взывая, труба, и покамест — во мгле непроглядной кроется, чье предпочтет благосклонный оружие Маворс.]

Вот и конец: пробегал истощившийся Мулькибер, тая в пухлой золе, и, смиряя огонь, костры усыпляет дождь проливной; но труды исчерпаны были, когда уж солнце легло, — лишь пред позднею тьмой отступила забота.

240 Девятикратно уже по росе отпускала Денница звезды с небес и, коня поменяв, до Луны подымалась в ночи вечерней звездой, — созвездия ведают верно, что в переменной чреде единственный светоч родится. Диво, но труд завершен: встал храм громадою камня не по младенцу велик. Являл причину созданья изображений черед: Гипсипила данайцам усталым здесь указывает поток, здесь ползает жалкий младенец, здесь он — лежит; чешуйчатый змей бороздою последней холм окружает, — и ждешь: вот, мраморным древком проколот, он извиваясь, издаст перед смертью шепот кровавый.

250 Жаден до зрелища битв невоинственных люд возбужденный. Всех созывает молва: приходят от стен и от пашен; даже и те, для кого недоступны военные страхи, коих исчерпанный век или юный в домах оставляет, сходятся, — и никогда такая толпа не шумела ни на эфирском берегу, ни на эномаевых играх.

260 Между холмами лежал, зеленой увенчан стеною, дол в объятиях роц. Вокруг заросшие скалы встали, а вал, супротив поднявшийся двух возвышений, поле перегородил, но пространство его расширялось долгою трав полосой и покатостью склонов в ложбинах, коих подъем некрутой луговинами был оживляем.

Рать собралась и — едва на заре зарумянились пашни — там разместилась, — тогда мужам во всеобщем смешенье численность, облик своих и осанку оценивать было сладко, поскольку такой веселит ожидание битвы.

270 Гонят туда медлительный строй — сто черных, опору стада, быков и то же число такого же цвета крав и телиц, над челом у которых рога не пробились. Следом — извечный черед родителей, духом могучих, вносят, — и в дивных они представлены образах были. Первым тирипфский герой прижатого к персям могучим

льва, испускавшего дух, на груди своей раздирает.

Он хоть и медный, и свой, но взирать на него инахидов ужас берет. А за ним непосредственно — Инах-родитель: изображен на берегу, камышами заросшем, лежит он, влево склоняясь, и льет из сосуда чеканного влагу.

Ио — следом за ним: приземленная — отчее горел — смотрит на Аргуса, чьи незакатны звездные взоры; но на фаросской земле ее благосклонный Юпитер поднял, и чтить начала Аврора гостеприимно.

280 Таптал-родитель за ней, — не тем, кто над влагой коварной виснет и воздух пустой, а не лес отбегающий ловит, но благочестным грядет Громовержца великого гостем. Там — в колесничной борьбе победитель — поводья Нептуна тянет Пелоп, и возничий Миртил повозки коснулся зыбкой, и та — та уже отстает от оси летучей.

Грозный Акрисий за ним, и Короб, ужасный обличьем; следом — в повинной красе — Даная; грустит Амимона, токи ручья обретя; Алкмена горда Геркулесом маленьким, — волосы ей тройная Луна увенчала.

290 Не примирившись, свели десницы в союзе враждебном братья-Белиды, но лик у Египта был более кротким, а у Даная лицо очевидно собою являло и вероломного знак перемирья, и ночи грядущей.

Тысячью ликов иных, наконец, насыщаются взоры, — доблесть к наградам своим могучих мужей призывает.

Первыми спорить коням. Назови же мне славных возничих, Феб, и коней назови, — крылоногих породистой стая не собиралась досель, и мнится, что сонмища птичья в беге летучем сошлись, иль словно на бреге едином 300 яростным ветрам Эол решил учредить состязанья.

Всех во главе — Арион, по огню узнаваемый гривы, изжелта-красной, — ему родитель (коль древних предаще верно) — Нептун. Говорят, он первый коня удилами нежными ранил, его укротив на песчаном побережье без примененья бича, — поскольку в коне ненасытен к бегу порыв, а буйство равно непогодному понту. Часто он ширью ходил Ионической либо Ливийской вместе с морскими впряжен конями, чтоб мигом доставить к тем иль иным берегам отца голубого; и Тучи — 310 стыли, отстав, и стремились влогон и Эвры, и Цоты.

(И в на суше потом эврисфеева ведшего битвы Амфитрионида возил, луга рязывая, даже пред ним норовист и к повиновенью не склонен. Власть Адраста-паря позднее он был удостоен даром богов и весьма приручился за долги голы. Зятю правитель тогда Полинику доверил повозки и объяснил, почему конь буйствует и отчего он

кроток, — дабы не ярилась рука иль не бросила вольно
вожжи. «Других, — говорит, — поощрай и рожном, и угрозой;
320 этот пойдет, — сам захочешь унять». — Титан, огневые
сыну вручая бразды и на быстрюю ось его ставя,
радостного обучал со слезами коварным созвездьям,
зонам, где мчаться нельзя, и меж полюсами срединной
области; был он и добр, и опасливо был осторожен,
во непреклонные внять не дозволили юноше Парки.

Амфиарай-великан эбалийских (надежду награды
верную) гонит коней, — от тебя понесенных украдкой,
Киллар, покамест, с тобой у скифского попта расставшись,
Кастор сменил на весло бразды амиклейской упряжки.
330 Сам — белоснежен, ярмо белоснежное выи смиряет,
повязь жреца и шелом — под цвет белоснежному гребню.

Здесь и счастливец Адмет с фессалийских берегов укрощает
не без труда холостых кобылиц, отродье Кентавров;
я полагаю, они — забыли свой пол, и Венера
полностью в мощь перешла; равно они свету и мраку
уподоблялись: белы, но с черными пятнами были;
черный и белый цвета таковы, что пошли бы и стаду,
кое при свисте дуды касталийской блаженно немеет
и не желает пастись, едва Аполлона услышит.

340 Иасониды тогда, Гипсипилы педавяпя радость,
тоже на оси взошли, увлекаемый каждый своею.
Звался в честь деда один — Фоантом, другой же — Эвнеем,
в память Арго. Все у них — близнецов — одинаково: лица,
кони, повозки, наряд; и молитвы их единодушны:
всех победить, а если отстать, так только от брата.

Хромий идет, а за ним Гипподам: посеян могучим
тот Геркулесом, а тот — Эномаем; чьи вожжи свирелей, —
трудно сказать: у того — диомедовы гетские кони,
сей на четверке отца пизанского; обе ужасны
350 сбруи, и лютая кровь на обеих спеклась колесницах.

Метами были у них: здесь — остов безжизненный дуба,
некогда — в буйной листве; там — нагроможденные камни,
звук землепапцев; меж той и другой в четыре полета
было копейных иль в три полета стрелы расстоянье.

Пением тою порой Аполлон усладительным тешил
славное общество Муз и, персты с кифарой сплетая,
из поднебесных высот Парнаса оглядывал землю.
Прежде певал он не раз Юпитера, Флегру, со змеем
битву свою и братьев чипы; а ныне являл им
360 божьи начала: какой дух молнии шлет и выводит
звезды; откуда в ручьях божества; где ветры пасутся;
моря безмерного жизнь из какого истока; какая
солнце свергает тропы и ночи выводит; внизу ли
иль посредине земля; что с тыла незримого виснет.

Кончил певец, взволновав сестер, до пения алчных;
 и между тем, как лавр он сплетал с черепахой, венчая
 блестящий строй, и с груди снимал тесьму расписную,—
 вдруг к геркулесовой взор опустил он Немее, услышав
 крики, и там увидал колесничного образ сраженья,
 сразу же всех опознал и как раз на поле ближайшем
 370 рядом стоящих узрел Адмета и Амфиарая.
 Он про себя: «Какой это бог двоих посылает
 преданных Фебу царей именитых в подобную битву?
 Набожны оба и мне драгоценны,— я даже не смог бы
 выбрать из них. Когда я служил в полях пелионских
 (так и Юпитер велел, и черныи выпряли Сестры),
 этот — смолы слуге воскурял, надмеваться не смея;
 тот — треножников друг и горних искусству почитатель
 набожный. Больше заслуг у первого, но у второго —
 380 жизни кончается нить: Адмета — старческий возраст
 ждет и поздняя смерть, а тебе — совсем не осталось
 радостей, рядом уже и Фивы, и мрачная бездна,—
 бедный, ты знаешь о том — пернатые наши пропели».

Молвил и, плачем лицо увлажнив, незнакомое с горем,
 тотчас Немее достиг прыжком, сквозь воздух сверкнувшим,
 мчась быстрее, чем отчий огонь иль стрелы свои же:
 сам он давно на земле, но на небе след сохранился,
 и меж зефиров стезя лучезарная долго блестела.

В медном шеломе сменяв, Протой уж вытащил жребьи,—
 390 каждому место его и бега начало известно.
 Гордость народов — мужи, и кони — не меньшая гордость
 (боги и в тех, и в других) — у черты единой застыли:
 тут и надежда, и страх дерзновенный, и бледность отваги.
 В сердце — твердости нет: и рвутся скакать, и страшась,—
 и напряжения дрожь пробегает по трепетной коже.
 Тот же огонь и в конях: их взоры пламенем пышут,
 звонко кусают уста, железо и пепой, и кровью
 обожжено, ударов сдержать ни замки, ни преграды
 дольше не могут, и храп выдает стесненную ярость.
 400 Им нестерпимо стоять, и шагов пропадают до бега
 тысячи, тяжкое бьет по далекому полю копыто.
 Верные — рядом стоят, разбирая узы и сплетенья
 грив, и души бодря, и щедрые множа советы.

Насупротив возгремел тирренский грохот,— и с места
 все сорвались.— Какие в морях — паруса, иль какие
 стрелы в сражениях так пролетают, иль в воздухе — тучи?
 И ни поток непогоды, ни огонь не столько папорист,
 медленней звезды с небес упадают, и сходящие тучи
 медленней, и с крутизны свергаются медленной реки.
 410 Видели ринувшихся и опознавали пеласыги.
 Вдруг те — скрылись из глаз, в пыли слепящей смешались,

в облаке общем слились; и в сумятице, лица сокрывшей,
каждый других едва узнает по крикам и кличкам.

Но размотали клубок, расстоянье меж ними — по силе
каждого, первых следы колея пабежавшая рушит;
то, наклоняясь вперед, в нетерпении ваги коснутся,
то, колено вперив, изогнутся и вожжи натянут:
мышцы на выях коней вздуваются, вставшие гривы
ветер гребет и сухая земля пьет ценные ливни.

420 Звон копыт нестершим, колес — пронзительно тонок.

Отдых неведом руке, и воздух от частых ударов
свищет, — град ледяной от Медведицы сыплет не гуще,
и от Оленских рогов дожди не обильнее льются.

Вещий узрел Арион, что поводья его напрягает
вождь непривычный: его испугал, неповинного, мощный
Эдиподионид; и, встревожен еще от порога,
конь осердился на груз и свирепей пылал, чем обычно.

Инаха дети сочли, что он разгорелся от криков,
он же бежит от возницы, грозит вознице, неистов,
430 гибелью и, на бегу озираясь, хозяина ищет.

Все же он всех впереди несется, вторым в отдаленье
гонит Амфиарай, с которым Адмет Фессалиец
вровень идет; затем — близнецы: то Эвней пред Фоантом,
то пред Эвнеем Фоант, — победят и отступят, но слава —
как ни влечет — ни на миг не ссорит лобящих братьев.
Вот и последний раздор: Гипподам — неистов, неистов —
Хромий, — искусны они, но тяжесть четверокопытных
бегу во вред. Гипподам обошел отстающих оскалы,
ржание их обошел и плечи обжег их дыханьем.

440 Фебов пророк воспылал — вблизи огибаемой меты
вожжи к середине ведя и этим пробег сокращая —
выйти вперед; но не меньше его герой фессалийский
близкой надеждой горит, поскольку — не сдержан возницей —
пирраво помчал Арион, забирая по дальнему кругу.
Первым теперь — Эклид, и Адмет не третьим несется.
Но — возвращен, наконец, с колеи, удаленной чрезмерно, —
их настигает морской звонкоступ и обходит недолгой
радостью полных, — до звезд взмыл треск, и дрогнуло небо.
Все опустели места: народ подскочил, ужаснувшись.

450 Но Лабдакид, побледнев, поводьев не выправил, плетью
не подхлестнул. Таков безрассудству поддавшийся кормчий:
мчит он в буруны, к камням и более не наблюдает
звезды, искусство презрев и во всем положившись на случай.

Поля простор и пути поворот стремглав огибают
снова и рвутся вперед, и снова оси об оси
бьются, и в спицы колес — колеса, — ни лада, ни чина.
Мнится, легче бои на мечах, — так бой ужасающ,
так их слава ярит: дрожат и смертью грозятся,

и попережным рывком через поле — тупится копыто.

460 Мало уже и стрекал, и бичей: по имени кличет
и побуждает Адмет Фолою, Ириду, а также
Фое кричит пристяжной; ободряем данайским авгуром
быстрый Асхет и другой, заслуживший прозвания Кикна;
Хромью внемлет Стримон геркулесов, и внемлет Эвнею
сходный с огнем Эфион; Гипподам укоряет Кидона
медленного, и Фоант бежать умоляет Подарка.
Мрачный Эхионид один в блуждающем беге
слова не молвит, боясь, что в голосе дрожь отзовется.

Только что спор коней начался, а они уж четвертой
470 по полю пылью летят, и сякнет в их теле горячий
пот, и от жажды и вдох, и выдох четверокопытных
жаром пустым налиты, и в них уже небезупречно
рвенье, и долгое им бока подводит дыханье.

Долго неясное, тут решается Счастье означить
перво: рухнул Фоант, пока Гемонийца Адмета,
пылкий, пытался догнать. Не смог подать ему помощь
брат, хотя и желал, — но раньше помехою марсов
противостал Гипподам, ослабивший вожжи меж ними.
Хромий — за ним, и вблизи поворота вокруг меты ближайшей
480 он, изо всех геркулесовых сил и мощи отцовской
ринувшись, оси сравнял: но тщетно стремятся запряжки
выйти вперед, и ремни, и застывшие вытянув выи.
Так, копь теченье суда сицилийские держит, но гонит
Австр, — то средь моря стоят недвижно тугие ветрила.
Вдруг повергается тот, сломав колесницу, и Хромий
вырваться мог бы вперед, но как только фракийские копи
видят, что, рухнув, лежит Гипподам, — в них вновь возникает
голод былой, и он — был бы хищно растерзан, но тут же
вожжи и лютых коней тиринфский герой увлекает
490 прочь, о награде забыв, — побежден и осыпан хвалами.

Феб уж давно для тебя вождеделл обещанной чести,
Амфиарай, и, решив, что милости время приспело,
выступил он на взрытый простор пропыленного круга.
Бег завершался, и миг решал колебанья победы.
Тут змеевласую тварь — создание, свирепое видом, —
выставил бог (из Эреба ль изъяв, иль тут же измыслив)
и безобразьем снабдив поистине неизмеримым,
мерзость вознес к небесам: его бестрепетно старож
Леты ужасной, его без дрожи пропзающей сами
500 зреть не смогли б Эвмениды, оно и бегущих спугнуло б
Солнца коней и Марсов ярём; — Арион пламеневший
лишь увидал, как грива — взвилась, сам — в упряжи вздыбась —
и сояремника вверх, и пристегнутых слева и справа
поднял высоко коней. Сей миг аонийский изгнанник
рухнул, влачась на спине, пока не распутались вожжи, —

и колесница летит, от возничего освободившись,
вдаль, а мимо него, на пути простертого стертотом,
бег тенарских колес, фессалийская ось и лемносский
юный герой пронеслись, отклонившись, насколько позволил
510 им поворот. И тот, наконец, осененную мглою
голову с помощью слуг воздвиг, побитое поднял
тело с земли и ушел к отчаявшемуся Адрасту.

Где ж ты, фиванец, умрешь? Ведь когда б Тисифона-злодейка
не запрещала,— ты б мог отменить толикую битву!
Фивы тебя, а наружно — и брат, и оплакал бы Аргос,
как и Немейя; власы посвятили бы Лерна, Лариса
преданная, и почтили б холмом, археморова выше.

Все же Эклид — и вторым приходя, получавший награду
первую, ибо один Арион без хозяина мчался,—
520 страстно пылать продолжал хоть пустую догнать колесницу.
Бог и помог, и дал ему сил: мчась Эвра быстрее,
он, словно только теперь из ограда был выпущен в поле,
гривы — бичом, а спины хлестал вожжами, Асхета
легкого криком бодрил и Кикна, подобного снегу.
И уж теперь, когда никого впереди,— раскалившись,
ось понеслась, и взрытый песок разлетался далёко.
Стоп земля издает и уже угрожает бедою.

Первым, пожалуй, прийти мог Кикн, победив Ариона,—
быть побежденным морской не дозволил отец,— и по праву
530 слава досталась коню, а победа досталась пророку.

Юноши вносят вдвоем кратер геркулесов — награду
первому: в прежние дни возносил одною рукою
чашу тиринфский герой и, бывало, уста запрокинув,
пенную опустошал — в честь Марса, иль чудищ осилив.
Грозных кентавров на ней поместило искусство,— страшило
золото: здесь в разгар сраженья с лапифами камни,
факелы всюду летят и тоже — кратеры; повсюду —
буйных гибнущих гнев; сам — ярого держит Гилея,
и завитки бороды посягают на плотность металла.

540 Ты же, Адмет, по заслугам твоим, получаешь хламиду:
и с мзонийским она рисунком, и крашена дважды
пурпуром. Здесь — молодой презритель фриковского моря
плыл и, светясь, голубел сквозь изображенные волны;
в очередь руки гребут и, мнится, он их переменит;
даже поверить нельзя, что кудри на ткани сухие.
Насупротив, тоскуя вотще, на башне высокой
дева сестейская ждет, и гаснет огонь-соучастник.

Повелевает Адраст, чтобы в дар отошли победившим
эти изделия, а зять — рабой утешался ахейской.

550 Следом наград дорогих добиваться зовет он быстрейших
в беге мужей,— сей стремительный труд и простейшая доблесть,
мирным потребные дням на празднествах, бесполезны

и на войне,— коль откажет рука.— Ид ранее прочих, вокруг чела олимпийской листвою осененный недавно, вышел вперед: рукоплещет ему как пизейская младость, так и элейцев отряд. За ним — Алкон Сикионец.

Вызван Федим, на истмийском песке одержавший победу дважды, а также Димант, крылоногих коней обгонявший прежде, а ныне от них отстававший, замедлен годами.

560 Прочих встречая, молчит народа неосведомленность, те же — отвсюду идут; но Партенопей Аркадда кличут, и вспыхнувший шум по кругам переполненным бродит.

Матери бег знаменит: кому Аталанты Менальской редкая слава и шаг неизвестны, которого было не одолеть женихам? Знаменитая мать и сына обременяет, но тот — и сам знаменит: безоружным гоном (молва говорит) оленей в ликейских долинах он добывал и бегом настигал запущенный камень.

570 Ждали его, и он, наконец, меж толпою летучим шагом мелькнув, разомкнул хламиды злато витое. Тело его блеснуло, и вся обнаружилась прелесть членов: и развитость плеч, и персей не меньшая гладкость, чем у ланит,— и лицо померкло в сравнении с целым.

Сам он однако хвалы красоте презирает и гонит прочь восхищенных. Но вот он к палладиной горсти со званьем дела прибег и — померк, натершись жирной оливой, Ид от которой, Димас и все остальные блестели.

580 Так, когда заблестят светила над морем спокойным и задрожит на воде отражение звездного неба,— все они ясно горят, но более ясно меж всеми Геспер свои устремляет лучи: каков он в глубоком небе, таков же его в волнах лазоревых образ.

Столь же красив, как и он, лишь немного медлительней в беге Ид, ближайший ему по возрасту; правда, палестра жирная стала уже покрывать его порослью нежной: стал по щекам пробиваться пушок, хотя он и не был виден в тени неснятых кудрей. Положенным чином начали скорость шагов проверять и оттачивать, в разных вялость телес ухищреньях бодря беспокойством ученым:

590 то, колена согнув, приседают, то звонкой ладонью хлопают гладкую грудь, то вздымают горячую голень и кратковременный бег у неожиданной черты прерывают.

Ринулся строй, единый порог за собой оставляя,— легкие, смяли простор, и в поле взблистала нагая стая: по той же стезе крылатые давеча, мнятся, медленней кони неслись; недолго подумать, что мчатся столько же стрел от парфян убегающих или кидонцев.

Так быстроногие мчат по гирканским безлюдьям олени, если послышится рев голодного льва издалека

600 или почудится: бег ослепленный встревоженных гонит,
страх — собирает, и гром сцепленных рогов раздается.

Ветра быстрее меж тем убегает от взоров менальский мальчик; бегущий вторым, с ним рядом — Ид возмужалый разгоряченным плечо обжигает дыханьем и тенью спину теснит. За ними — Федим с Димасом стремятся в равноуспешной борьбе, им — быстрый Алкон угрожает.

Русых аркадца волос неостриженная ниспала грива; — ее он растил в подношение Тривии с малых лет и предерзко ее — но вотще — отеческим храмам пообещал, коль с победой придет из огиговой битвы. Волосы, освобождаясь от пут и рассыпавшись сзади, тут устремляются вспять над напором Зефира, и ими приостановлен он сам, а Ид разъяренный опутан. Оный решился на кознь против юноши и для злодейства миг усмотрел: близ цели, когда к черте победителя Партенопей подступал, его, за власы ухватившись, тот оттеснил и первым достиг ворот отдаленных.

Рати аркадцев грозят за царя с оружием выйти, чтоб присудили ему дар отнятый с честью добытой: 620 требуют все и готовы сойти сомкнувшимся кругом. Ида коварство — другим по нраву. Партенопей же, прах зачерпнув, посыпает лицо и влажные очи: но из-за слез красота прекраснее прежнего стала. То он в отчаянье грудь, то безвинные щеки кровавым ногтем разит, то виновницу прядь; крик буйствует всюду разноголосый; принять решение трудное медлит стареп Адраст. Наконец, он сказал им: «Уймитесь, не спорьте, дети мои! И опять испытайте уменье, но каждый мчтите своею стезей: край этот — Иду уступим, 630 а супротивный — тебе, да не знаете в беге уловок».

Выслушали — и приняли речь. К божеству обращаясь гласом безмолвным, тогда тегейский юноша молит: «Рощ госпожа, для тебя, для тебя я хранил эти пряди, из-за обета тебе приключилась такая обида.

Ежели мать или я прилежаньем к охоте угодны были тебе, то, прошу, не дозвошь с подобным предвестьем в Фивы прийти и Аркадии стать толиким позором!»

Явственно был он услышан: шагов пробегавших не видит поле, — лишь тонкий летит под стопами у юноши воздух, 640 лyjnych следы прыжков висят над нетронутой пылью. Вот он в ворота вбежал и вскричал, вскричал и промчался перед вождем и, победу стяжав, искупил задыханье.

Так был бег завершен. Награды грудов — наготове: конь — аркадцу и щит бесчестному Иду был отдан; прочих толпа, получив ликийские тулы, ликует.

Следом Адраст сразиться зовет искушенных в метанье

диска и ждущих свою горделивую мощь обнаружить. Вышел по зову Птерел и гладкую медного круга тяжесть с трудом, всем телом вперед наклонясь, пред собою сбросил, — в молчанье за ним инахиды следили и взором взвешивали. И двое вперед шагнули ахейцев, трое эфирских мужей и пизеец один, — с акарнанцем — семеро их; и других побудила бы слава, когда бы доблестный Гиппомедонт, поощряем толпою, не вынес на середину и всем показал десницей прижатый жёрнов другой: «Не лучше ли вам, идущим разрушить скалами стены и сбить тирийские башни, вот этот, юноши, бросить, а тот — метнуть под силу деснице всякого». — И, подхватив, без малейшей натуги отбросил в сторону. Изумлены, отступились они и признали, что неспособны, и лишь Менесфей горделивый и Флегий (их удержали и стыд, и отцов великая доблесть) вызвались, руку подняв. Иных же сдалась добровольно юная мощь и бесславно ушла от священного диска.

Марсов щит в бистонских полях зловещим сияньем так поражает Пангей и отблеском солнца внушает ужас и гулко гремит, разимый божественным древком.

Флегий пизеец за труд принимается первым и взоры всех привлекает к себе, — такую могучее тело доблесть сулит. Сначала землей и диск, и ладони Флегий шершавит, затем поворачивает, подымая пыль, чтоб удобнейший край для пальцев найти и для сгиба локтя. — Он был искушен, — ему по праву забава эта была не только во дни состязаний — сей славы родины, — нет: он любил измерять Алфей и, сменяя берег на берег, умел диск даже в самом широком месте пересылать, воды им не тропув ни разу. Вера толиким трудом, не вдаль — над взрытым простором поля — по в небо свою нацелил десницу и, в землю вдавленный, силу собрав обоих коленей, забросил диск вращавшийся вверх над собой и вонзил его в тучи. Быстро диск устремляется ввысь, и — словно он падал — скорость растёт с высотой; наконец, истощившийся, сверху медленнее на землю летит и скрывается в пашне.

Падает так, коль ее низводят — к ужасу неба, мгlistая Феба сестра; помогающей медью народы гулко гремят и трепещут вотще; Фессалиянка только над задыханием коней, усмирённых заклятьем, смеется.

Все восхваляют его, но ты неприветливо смотришь, Гиппомедонт, и ждешь, чтоб длань в длину размахиулась. Вдруг настагает того Случайность, которая любит сбить непомерную спесь, — а людям возможно ли тпиться против богов? — Уже он бросок необъятный готовил,

шею уже изогнул, всем телом уже наклонился,—
под ноги груз полетел, соскользнув, и удар обратился
мощный — в ничто, и пустая рука ни с чем опустилась.
Вывался стон большинства, а кому — и смешным показалось.

Следом бросок Менесфей с осторожным готовит искусством
700 тщательнее и — тебя призывая, от Майи рожденный —
прахом стремится пресечь скольжение глыбы тяжелой.
Та от могучей руки полетела намного счастливей
и, одолев немалую часть долины, упала.

Звон раздался, и стрела отметивой в землю вонзилась.

Третьим — Гиппомедонт к состязанию дюжему держит
медленный шаг: в глубинах души его поощряет
жалкий Флегия срыв и удачный бросок Менесфея.
Он воздымает борьбу, деснице привычную: глыбу
вверх устремив, напрягшийся бок и мышцы литые
710 выверив и широко размахнувшись, бросает, невольню
следом влекомый. А диск устрашающим летом несется,
помнит — уже вдалеке — десницу и ход сохраняет
прежний и вот, победив Менесфея, не вровень, не рядом
падает, а далеко за ревнивым врезается знаком.

Плечи зеленых холмов и тепистые кручи театра —
как от обвала в горах могучего — затрепетали.

Так Полифем, скалу отломив от дымящейся Этны,
зренья лишенной рукой, по слуху, во след уплывавшей
с шумом корме запустил, в пенавистного метя Улисса.

[Так Алоады (когда Олимп уже попирала
720 Осса, па нем громоздась) несли Пелиюпа вершину
снежную, полны надежд до дрожащего неба добраться.]

Отпрыск Талая решил: победителю — тигр пустотелый
пусть отойдет, у коего край блистал окаймленьем
желтым и злато концы торчащих когтей укрошало.

А Менесфей заслужил летучие стрелы и кносский
лук. «Ты же, Флегий, кого обделил несчастливый случай,
сей — когда-то красой и помощью бывший Пеласгу
нашему — меч получи, — не к зависти Гиппомедонта.

730 Ныне — мужеству труд: направьте же друг против друга
грозные цесты, — сей бой всех ближе к доподлинной битве».

Тут — на диво велик, велик чудовищно — отпрыск
Аргоса встал, Капаней, и пока от свинца почерневший
грубый бычачий ремень (сам крепок не менее) ладил
к пясти «Из тысяч, — сказал, — одного — любого — подайте,
юноши, мне, — и лучше бы мой соперник породы
был аонийской: тогда я мог бы предать его смерти, —
кровь своего жестокой мою ославила б доблесть».

Замерли души, и страх всеобщее вызвал молчанье.

740 Но наконец из толпы обнаженных лаконцев нежданный
выступил Алкидамант. Царей дорийских отряды

диву дались, но знали друзья, что, Поллуксом обучен,
 Алкидамант выростал на палестрах, основанных богом.
 Бог ему сам и руки напряг, и запястья устроил —
 ради любви к задаткам его — и биться с собою
 ставил не раз и, дивясь стоящему в сходственном гневе,
 радостно превозносил и нагого притискивал к сердцу.

Но презирает его Капаней: смешон ему вызов,—
 просит замену, смеяся; но все ж, принуждённый, выходит,—
 и от ударов тотчас неупругая шея распухла.

750 Тело на стройных ногах вознося, они устремляют
 вспышки ударов, лицо в отдаленье спасительном держат,
 скрыв за подобьем щитов, и доступ для ран закрывают.
 С Титием схож Капаней, когда бы тому от стигийских,
 пашен птицы восстать разрешили: так всюду открыта
 членов поверхность, и так подставляет он в ярости кости.
 Тот — из мальчишек едва, но крепостью — зрелого крепче,
 и предвещает напор молодой могучие годы.
 Кто ж пожелает, чтоб он — проиграл? Или кровью жестокой
 был окроплен? Кто, мольбы вознося, за него не страшится?

760 Но, присмотревшись, они оценили, что каждый стремится
 к первенству, и не спешат ни гнева явить, ни ударить.
 В меру друг друга страшась, они сочетают с безумством
 разум, их выпады чуть отклоняют противника руки
 и проверяют, удар направляя ослабленный, цесы.
 Меньший искуснее: он порыв отлагает и тратит
 силы без спешки, боясь за грядущее; больший — к ударам
 рвется, уверен в себе, всем телом стремится и в дело
 обе пускает руки беспорядочно, тщетно молотит,
 всё распаяясь, и сам наседает. Но навык старинный

770 строго лаконец блюдет: одного избегает удара
 и отбивает другой; то пригнувшись, то быстро подавшись,
 он — невредим; а руками отбив кулак наведенный,
 сам начинает теснить, но лицо осторожно отводит.
 Кроме того, на врага, непомерно сильнее, часто
 (вот она, живость ума, такова искушенность десницы!)
 дерзкий душой напаял, налегал, а также бросался
 издали, — словно волна на грозные скалы крутая,
 вздыбившись, мчит и, сокрушена, отступает, так оный
 ярого обуревал; и вот он отходит и долго

780 делится в бок и в глаза, отвлекая угрозою крепких
 цестов своих, и затем удар нежданный проводит
 ловко и раной чело помечает по самой середине.
 Кровь показалась, виски ручьем окрасились теплым.
 Не замечает его Капаней и дивится внезапным
 крикам; но вот, пронеся над лицом утомленным случайно
 руку, он пятна узрел на перстах, обтянутых шерстью.

Так не ярится ни лев, ни тигрица, прозенные дротом,

как, закипев, он врага отходящего по полю гонит
и заставляет назад отбегать и грозит опрокинуть,
790 страшно зубами скрипя; и множит вдвое и втрое
взмахи кружащихся рук; но ветер похищает удары,
часть — отбивает кулак; и грозящих вискам беззащитным
сотен спартавец избег смертей, уклоняясь мгновенно
или доверяясь ногам: но и в бегстве, помня науку,
тыла не жает, — бежит, но все ж отражает удары.
Тот догоняет с трудом, и этот уже не проворен, —
оба, силу колен растеряв, передышки взыскуют.

Так, если водный простор обессиливает мореходов,
то — по знаку с кормы — они опускают все вместе
800 руки, по чуть отдохнут, — вновь к веслам крик призывает.

Вот он опять обманул безрассудно шагнувшего: наземь
вдруг устремился, нырнув плечами, и тот — повалился
вниз головой, а когда он вставал, — юнец вероломный
спова направил удар и — сам поблдевел от успеха.
Крик инахидов взлетел, поражая и берег, и рощу.
Тут же Адраст, увидав, что тот, с земли подымаясь,
длани занес и готов свершить нестерпимое, кличет:

810 «Быстро, молю, друзья, он взбешен, его удержите,
медлить нельзя, он взбешен; несите и ветвь, и награды:
вижу, теперь он уже не отстанет, пока не наполнит
мозгом исторгнутым рта, — уведите от смерти лаконца!»

Мигом Тидей рванулся, за ним — послушен приказу —
Гиппомедонт, но оба — с трудом прижимают и держат
обе руки и смиряют его многословной мольбою:
«Ты победил, уходи! Даровать слабейшему сладко
жизнь: он ведь наш, он союзник в войне...» — но тот не сломился
и, отшвырнув рукою и ветвь, и назначенный панцырь,
так завопил: «Дозвольте! Ужель я пылью густою,
820 кровью ужель этих щек, которым столько обязан
сей полумуж, не покрою и труп не отправлю в могилу,
обезобразив, дабы зарыдал эбалийский наставник?»
Так говорит, но его, спесивца, который победы
не признает, уводят друзья; а Лаконяне хвалят,
громко угрозам смеясь, питомца Тайгетской вершины.

Многообразье похвал и сознание доблести душат
мукой великой давно Тидея, могучего сердцем.
Он ведь и диск отменно метал, и взапуски бегал,
цестами бился других не слабей, но его особенно
830 радовал труд умашенной борьбы: в ней отдых от Марса
он обретал и ею свой пыл разряжал браненосный,
силою на берегах Ахелоя мерясь с мужами
мопцими, где божество счастливые метит палестры.

Тотчас, едва призвала, вдохновляя, борцовская слава
юношей, с плеч этолиец сорвал покров, наводящий

ужас — отчий наряд — кабана. Супротив обнажает крепкое тело хвастун Агилей клеонейского корня, столь же, сколь Геркулес, громаден: крутыми плечами ввысь возносясь, он превосходил человека, негодный, 840 крепок же менее был и мощью отцу не равнялся, — пышного тела его расплывались дряблые члены с вялою кровью. Ойнид потому и надеялся только, дерзкий, что равного он одолеет, — хоть сам он казался маленьким, но и костяк был тяжел, и руки в суставах неодолимы: такой не вмещала доблести в меньшем теле и сил таковых заключать не дерзала Природа.

Кожу масла услад приобщив, на средину равнины каждый стремится, и там облачаются в пригоршни пыли, после песком рамена одно за другим осушают.

850 Шею в плечах утопив, выставляют широким захватом руки, и тут же Тидей уловкой равняет с собою и наклоняет вперед Агилея высокого, хитрый, спину свою изогнув и колени к песку пригибая. Словно альпийских высот властелин, кипарис, наклоняет долу вершину, едва держась под напорами Австров силою корня, и льнет к земле, постоянно готовый вновь устремиться назад — в просторы эфирного свода, — именно так Агилей высочайший огромное тело сам изогнул и сложился вдвойне пред врагом невеликим.

860 Руки меняя, он то ему темя заденет, то плечи, бок, или шею, иль грудь, иль увертливых голеней кожу. Или, надолго сцепясь и упершись в захвате взаимном, станут и вдруг разорвут, разъярившись, пальцев оковы.

Иначе стада вожди, быки-соперники, грозный бой затевают: стоит прекрасная в поле телица и победителя ждет, а те — встречают удары грудью упорной, им страсть — и стрекало, и ран врачеватель. Так, сцепляя клыки, как молнии, сходятся венри, так в мохнатых тисках медведи сжимают друг друга.

870 Мощь сохраняет Ойнид: ни солнце, ни пыль не сломили силу его, и тверда, и туга, бугрясь над литыми мышцами, кожа. А тот — уже поддается истоме: сбито дыханье и ртом, запыхавшись, хватает он воздух, и омывает песок налипающий пота потоком, и подпирает себя, украдкой цепляясь за землю. В схватке подвижней Тидей: обманом — на шею нацелясь — к голени ринулся, но — не смогли довершить начинанья и промахнулись его короткие руки; — тот круто бросился сверху и, всей навалившись громадою, спрятал смятого. — Именно так иберийских холмов испытатель 880 в недрах пещеры и день, и жизнь навек оставляет, если поля задрожат, всколыхнувшись, и рухнет внезапно

треснувшая земля; и лежит, сокрытый горою севшею, труп и — разбит и расплюсчен всецело — не может звездам родным возратить души вознегодовавшей.

Но расторопней Тидей и душою и мужеством выше.

В тот же миг, ускользнув от тенет и чудовищной ноши, он простака обошел и успел со спины ухватиться: сразу оплел и бока, и живот узлом неразрывным, тут же колени прижал к поджилкам и — как ни пытался
890 тот от захвата уйти и сбоку десницу просунуть — дерзостно груз, ужасный на вид и невероятный, поднял. — Доносит Молва: объят Геркулеса руками, так ливиец терпел земнородный, когда, уличенный в хитрости, поднят от был: упасть не надеется больше и прикоснуться к земле даже краем стопы он не может.

Шум поднялся, и радостный плеск учинили отряды.

Тут он врага, раскачав на весу, отпускает нежданно, набок обрушивается и, бросившись вслед за упавшим,
900 шею десницей теснит и пах прижимает коленом. Натиску тот уступал, противясь единою честью. Но уж и грудь на земле, и весь он распластан на брюхе, — долгое время лежит, потом подымается, жалкий, и остаются следы позора, хранимые пашней.

Пальму в деснице, доспех блестящий — награду за битву — в шуйце неся, Тидей: «Как будто бы и не терял я крови немалую часть — вы знаете — в поле диркейском! Где они — раны сии, недавние Фив договоры?» —

Молвил и, всем показав, награды славные отдал
910 спутникам, а Агилей и не глянул на панцырь добытый.

Есть и готовые в бой вступить с обнаженным железом.

Вышли уже, доспехи надев, Агрей Эпидаврский и не гонимый еще судьбою диркейский изгнанник.

Но запретил Иасид: «Для смерти — будет раздолье, юноши, — так что храните свой пыл и лютую жажду лить супротивную кровь. А ты, которого ради

мы от любезных ушли городов и дедовых весей, битвы допрежь, умоляю, не дай толикой поблажки

случаям злым и мольбам — божества да избавят нас! — братним». —
920 Так говорит и шеломами их золочеными дарит.

После велит оплести чело кругое у зятя — да не бесславен уйдет — и его объявить громогласно Фив победителем, по — вслед Парки зловеще пропели.

Тут призывают вожди и Адраста своими трудами чин состязанья почтить и этим последнюю жертву круче могильной принести. Дабы всем видам победы были причастны цари, — шумят, чтоб ликийские стрелы он разослал или тучи пронзил трепещущим древком. С радостью тот уступает, с холма зеленого в поле

⁹³⁰ сходит, толпой окружен знатнейших юношей. Следом
оруженосец несет — как приказано — легкие тулы
и тетивы: решено одолеть простор необъятный
лётom стрелы и раной настичь предпазаченный ясепь.

Как отрицать, что от тайных причин предвещанья исходят?
Смертным рок их открыт: ужасно взирать, ибо гибнет
то, что надежда сулит в грядущем; случайностью знаки
склонны мы счесть, — так множит Судьба погибели силы.

Поле измерив, на миг стрела роковая коснулась
древа и — ужас очей! — сквозь только что пройденный воздух
⁹⁴⁰ вспять устремилась и вот, с конца до начала обратный
выполнив путь, возле уст знакомого тула упала.
Кривотолкуют вожди: одни облаков иль высоких
Нотов набег усмотрели; другим показалось, что крепким
древом отбита стрела. — Конец небывалый глубоко
спрятан, и явлено зло; один лишь вернется из битвы, —
скорбный возврат роковая стрела господину сулила.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Но на пеласгов, войны тирийской первоначала
длящих, Юпитер взирал нисколько не благосклонно
и помавал головой: высокие звезды терзались
гневом его, и Атлас кричал, что на плечи давит.
Быстрому вот что тогда он молвил Тегей питомцу:
«Мчись и самый Борей произи стремительным летом,
сзади бистонцев дома и звезды белоснежной оставив
ось, — туда, где огонь паррасиянки кормится, чуждый
вод Океана, от туч непогодных и нашего ливня.

¹⁰ Там отложивший конь либо Марс передышку вкушает,
хоть он покою и чужд; либо, думаю, жаждет, насытый,
браней и зовов трубы и тешится кровью народа
милого. Ты же ему изложи повеленья, а также
отчего гнева не скрой: когда еще был он обязан
полк инахийцев разжечь и всё, что Истм срединный
делит и в гнев глухом Малей прибой оглашает.

Там, едва отойдя от родимого града, святыню
юноши чтут и — словно с войны возвратились — усердно
рукоплеща, прилежат раздраженной гробницы обрядам.
²⁰ В том ли, Градив, вся ярость твоя, что, вращаясь, со звоном
диск пролетел и в схватке сошлись эбалийские цесты? —
Нет, коли пыла он полн и безумная жажда оружия
душит его, — пусть бесчино сотрет безвинные стены,
меч и огонь принеся, и вспомнивших о Громовержце
смертных прострет по земле, оком обезлюдив злосчастный.
Ныне он кроток в войне и о нашем не думает гнев.
Если ж сражения он не начнет и — быстрее, чем приказа
слово — дапайскую рать к тирийским стенам не пригонит, —
казню ужасной грозить не стану: пусть мягким и добрым
³⁰ будет он богом и нрав разнузданный поуспокоит,
мне же и меч, и коней возвратит и не ведает боле
крови, а я — за землей пригляжу, водворяя в народах
мир, — для огиговых битв одной мне Тритонии станет».

Так он изрек, — и к фракийским полям устремился Киллений.
Вот он уже проскользнул над порогом двери арктийской;

здесь охватила его извечная полюса стужа,
и облака, небеса затянувшие, и Аквиллопа
первые вздохи; а слух поражает ударами града
палла, и худо его аркадский убор защищает.

40 Тут по бесплодию лесов узнает он капища Марса,
и устрашается взор при взгляде на неукротимый
дом у Гема в тылу, окружаемый сонмом неистовств;
стены — железо крепит, порог — железом обужен
стершийся, и на столбах железных покоится кровля.
Феба сиянье от стен убегает, и, местом испуган,
прячется свет, а пугающий блеск затмевает созвездья.

Стража чертогу подстать: из первых дверей вылетают
ярый Порыв, и Ужас слепой, и багровые Гневы,
и обскровленный Страх; мечи сокрывая, Засады
50 рядом стоят, и Раздор двуострое держит железо.
В доме Угрозы гремят без числа, посредине тоскует
Доблесть, весельем кипит Исступленье, и с ликом кровавым
Смерть при оружьи сидит. Алтари орошает Сраженный
кровь, и огонь похищен для них в городах подожженных.

Разных доспехи земель — по бокам, а спереди храма —
изображенья племен полощених; отлиты в железе
сбитых обломки ворот, судов воинственных днища,
и кузова колесниц, а под колесницами — лица
смятые — мнится, кричат: толикакая мощь и такая
60 мука во всем. И во всем (по ни разу — с лицом безмятежным)
виделся сам: так вывел его с искусством предивным
Мулькибер,— прелюбодей тогда еще явленной свету
мерзостной связи своей не смывал на опутанном ложе.

Только менальский летун искать хором властелина
начал, как вдруг — задрожала земля, и Гебр роговевший,
воды сломав, взревел; и стадо, пригодное в битве,
пенной меж дрогнувших трав в пощираемом поле покрылось,
чуя того, кто грядет: и замкнутые адамантом
вечным, разъялись врата, — сам, кровью красуясь гирканской,
70 на колеснице вкатил, окропляя страшные пашни
страшной росой, а за ним — добыча и слезные толпы.
Чащи и толща снегов уступают. Запрядкой Беллопа
мрачная правит, рукой окровавленной подстрекая
с длинным кошем. Застыл от зрелища отпрыск киллепский,
долу ланиты склонил, — и отца удержала б опаска,
будь он вблизи, от недавних угроз и подобных приказов.
«Что от Юпитера, что от великого неба приносишь? —
Оружемошный вступил; — ибо к этой оси в эту стужу,
брат, ты не сам ведь пришел, — для тебя соседство росистой
80 Менала кручи милей и знойного ветер Ликей».

Тот доложил порученье отца. И, долго не медля,
Марс задыхающихся и новым покрывшихся потом

гонит летучих коней, и сам негодуя, что греки не поспешают с войной. А горний родитель смягчась в гневе, за сыном главу обращал с достоинством важным.

Именно так, когда, налетев, побежденные воды Эвр оставляет, — сама вздымается гладь, и волнует мертвая зыбь улегшийся понт; но еще над судами — снасти не все, и вздохнуть моряки всей грудью не смеют.

90 Чин погребальный меж тем завершил безоружные битвы, по на местах оставалась толпа. При всеобщем молчанье, вина на землю лия, герой Адраст замирает прах Археморов: «Дозволь, о дитя, не раз на трехлетнем празднестве день твой почтить; да приходит не чаще к аркадским жертвам увечный Пелоп, в элидские храмы рукою кости слоновой стучась, и змей к алтарям касталийским, и па сосновый Лехей да является тень не скорее. Не отдадим мы тебя Аверну унылому, мальчик,

100 Ныне — торопится рать; но мечом беотийские кровли дай сокрушить — и тогда, алтарей достойный великих, будут тебя, божество, не в одних городах инахийских чтить, по на верность тебе присягнут и плененные Фивы». В этом Адраст — за всех, а всяк за себя поручился.

А уж коней распластав, Градив попирает эфирский берег, где в горний простор воздымается Акрокоринфа верх, па море ложась с двух сторон переменною тенью. Тут он велит, чтоб один из сонма приспешников — Ужас —

110 большего страха вселить и душу вконец обессилить; ибо у чудища есть без числа и глоток, и дланей, может любое принять обличье, легко заставляет верить всему и, боязни нагнав, города помрачает: стоит внушить, что два солнца горят, иль сыплются звезды, или трясется земля, иль шествуют древние рощи, — бедные! — кажется им, что видят. А тут он пустился в новую хитрость: застлал равнину немейскую пылью мнимой, и вот уж с холма в тревоге вожди замечают темную тучу; затем он множит смятенье обманным

120 криком и поступи войск подражает, и конскому скоку, и устрашающий вопль с блуждающим ветром разносит.

Дрогнули души, и люд растерялся, в сомнениях ропща: «Где этот грохот, коль мы не ослышались? — Да, но откуда в сумраке пыльном встают светила? Ужель там исиенский воин? — Конечно, — идут. Так вот сколь дерзостны Фивы! Им ли бояться? А нам — не продолжить ли тризну по мертвом?»

Ужас войска потрясал, меж рядов принимая обличья разные: то как один из пизейских или пилосских воинов, или представ лаконцем, ручался, что видит

130 близких врагов и отряды терзал беспощадным страхом.
 Верят в смятение всему; когда же папал на безумных
 сам и помчался кругом священного поверху вала,
 трижды приподнял копьё и, летя стремительным вихрем,
 трижды коней подстрекнул, щит грудью трижды ударил, —
 слепо хватается всяк за оружие свое и чужое,
 в ярости, шлемы сорвав, безумцы, четверокопытных
 к дальним гонят горам: у каждого в сердце бушует
 страсть умереть и убить, и нет преткновенья для пылких.
 Мчатся, дабы искупить промедленье: так, если подует
 140 ветер, то берег шумит покидаемой пристани, всюду
 плеск парусов и броски отпускаемых всюду канатов;
 вот уже весла плывут, и плывет поднимаемый якорь,
 милая суша, а с ней провожающих толпы уходят
 вдаль от взора пловцов, выходящих в открытое море.

Как инахийская рать в торопливом походе теснилась, —
 Вахх увидал, — застонав, повернулся к тирийскому граду,
 к стенам, вскормившим его, вспомнил перуны отцовы
 и, опечалась душой, в лице изменился румянцем.
 Кудри его и венки растрепались, расстался с десницей
 150 тирс, и упали с рогов виноградин нетропурых гроздьи.
 Вот он как был — пеприбрап, в слезах, в сползающем платье —
 перед Юпитером (вмиг оказавшись на пебе тайно)
 встал, в обличье таком никогда не являвшийся прежде,
 и обратился к отцу, причин не скрывая, с мольбою:
 «Ты ли Фивы свои истребишь, богов созидатель?
 Или взъярилась жена, и не жаль тебе милого края,
 лара, которого ты обманул, и родимого пепла?
 Пусть, я поверить готов, что тогда ты из туч против воли
 пламя метнул, — но черный пожар ты вповь насылаешь
 160 ныне без стиковых клятв и наложницы просьбой не скован.
 Где же предел? Или в нас ты как в гневе, так и в приязни
 молнии мечешь? Но ты не таким к порогу Данаи,
 и к паррасиянке в дебрь, и к Леде в Амиклы приходишь!
 Значит ли это, что я из всех, порожденных тобою, —
 самый презренный? Ужель? — Но носившему разве я не был
 бременем сладким, не мне ль соизволил ты жизни начало,
 прерванный путь подарить и месяцев срок материцских?
 Также добавь, что мой люд — невоинственный, ведавший редко
 ратную жизнь — лишь к моим походам и битвам привычен:
 170 в кудри вплетают листву и под бук вдохновенный кружатся,
 тирсы невест и бои матерей в них ужас вселяют.
 Где же им трубы снести и Марса, который, бушуя,
 вон что готовит! А что, коль твоих он Куретов в сраженье
 выведет и повелит непорочным щитами сражаться?
 И почему ты избрал ненавистные Арги? Ужели
 мало врагов? — Самих тяжелей испытаний приказ твой

мачехиных Микен добычею пасть, о родитель.

Что ж, уступлю,— но куда повелишь священным обрядам
сгибшего рода и мне, кого, для могил бремени,
180 мать сохранила,— уйти? — Во фракийские чащи к Ликургу?
Может быть, мне убежать в полон к поверженным индам? —
Дай изгою приют! — Я зависти чужд, по сумел же
брат скалу закрепить латонину, Делос, и вверить
глуби морской; Тритонида смогла от милой твердыни
вражьи потоки прогнать; и видел я сам, как могучий
дал законы Эпаф племенам восточным; укромной
войны отнюдь не грозят Киллене иль Иде Минойской.
Что же к моим алтарям — увы мне! — такая немилость? —
Здесь ты — пусть я нелюбим — Геркулесом чреватые почт
190 знал и желанную страсть блуждающей дщери Никтея;
здесь — тирийцев народ, и бык, счастливейший нашей
молнии,— так сохрани хотя б агенровых внуков!»

Ревность забавна отцу, и уже простершего длани
он подымает с колен преклоненных, лобзая безгневно,
и возражает ему любезною речью: «Не думай,
будто внушеньем жены это вызвано: я не настолько
злобным податлив мольбам; судеб мы гонимы недвижным
круговоротом: к боям — тьма поводов, старых и новых.
200 Должно ли нам удерживать гнев, скупясь на людскую
кровь? Ведь зпает и ось, и дом этот — вечный, доколе
не завершится мой век — как часто и молний удары
сдерживал я, и как редко мой огонь царил над землею.
Кроме того, ради велих обид, к отмщенью зовущих,
древний сразить Калидон — Диане, а Марсу — лапифов
я против воли, но дал; — и невыгодно мне, и досадно
столько и душ заменять, и тел восстанавливать новых.
А лабкайцев казнить и потомков целопова корня —
медлю; но знаешь и сам (если даже забыть о злодействах
доряп), насколько легко фиванцы богов обижают,
210 даже тебя... — но молчу, раз утихла старинная ярость.
Впрочем, припомни: Пенфей — не забрызганный кровью отцовской,
не обесчестивший мать суцружеством и не рождавший
братьев, преступник,— твой растерзаным трупом украсил
празднества,— где же тогда был твой плач и в мольбах
искушенность?

Нет, не в угоду своей обиде эдипову отрасль
я повергаю,— о том земля умоляет и небо,
правды права, оскорбленная честь, природа, а также
самый устав Эвменид. Но о граде своем сокрушаться
не торопись: я решал, что в цору иную наступит
220 для аопийцев закат, придет опаснее время,
мститель — иной; а ныне скорбеть — владычней Юноне». —
Тот, взрешему вниав, просветлел и лицом, и душою.

Так, сожжены и злою жарой, и Нотом унылым,
 розы сникают; но день лучезарный и вздохи Зефира
 небо смягчат, — вся их стать возвращается, блещут побегии
 новые, свежей красой веселя безобразные прутья.

Вот уже вестник спешит к Этеоклу с верным допосом
 и, устрашая, речет, что грядут с огромным отрядом
 греков вожди и подходят уже к полям аонийским;
 230 все, к кому ни придут, дрожат и жалеют фивапцев;
 также о роде вождей доложил, именах и оружье.
 Пряча испуг, Этеокл рассказчика слушает жадно
 и ненавидит его. А затем — союзников вызвать
 требует и оценить мощь силы своей. — Подымает
 Марс и Аонию всю, и Эвбею, и ближней Фокиды
 ширь, — так Юпитер велел. Бежит чередой бескопечной
 быстрый приказ: отряды спешат и являю готовность
 к бою, на поле сходясь, которое — с городом рядом —
 обречено межусобью лежит и ждет разъяренных.

240 Враг еще не напал, а матери вспугнутым строем
 всходят на стены и блеск сыновних доспехов оттуда
 зрят и отцов под шеломами их, внушающих ужас.

Одаль на башне пустой Антигона, еще не решаясь
 перед людьми показаться, свой лик охраняет одеждой
 черною; с ней провожатый, — он был у Лаия прежде
 оруженосцем, а днесь царевна доверена старцу.
 Первой вступила она: «Надеяться ль, что от пеласгов
 эти знамена — заслон? Пелоповы сходятся, слышно,
 все племена, — назови, умоляю, царей чужеземных.

250 Нашего я и сама различаю значки Менекея,
 силы, с которыми наш выступает Креонт, и высокий
 с медною Сфингой идет из ворот Гомолоидских Гемон».

Так в простоте Антигона, а ей — Форбант престарелый:
 «Тысяча лучников там с ледяной тапагрской вершины,
 вождь их — Дриант, — у него на щите белоснежном трезубец
 изображен и перун золотой; Ориона потомок,
 доблестен он, но его да минует отчая доля
 и да утихнет, молю, гнев давний безбрачной Дианы.

260 И подчиняясь царю добровольно, Окалея рядом,
 следом за ней Медуон, и славная рощами Ниса,
 и оглашаемая Дионы летуньями Фисба.

Рядом — Эвримедонт в пастушеском вооруженьи
 Фавна отца, осенивший шелом сосной, словно конской
 гривой; он страшен в лесах, — и, думаю в битве кровавой
 будет таков же. А с ним — Эритры, где стад изобиле,
 Скол и те, что живут на хребтах Эгеона опасных,
 и на гилейских берегах нешироких, и в аталантийском
 Схеноне, гордые, чтут следы знаменитого поля.
 По-македонски они сариссы из ясеня держат

270 и от убийственных ран заграждение надежное — пелты.

Вот из Онхеста сюда пептуновы люди стремятся с криками, — их Микалес в полях, поросших сосною, кормит, и Мелас поит палладин, и влагой Гекаты — ключ Гаргафийский; у них — Галиарту на зависть — сжищают злаки, которые тот изобилием трав превосходит; дроты — обломки стволов, шелома — львиные пасти, выдолбы древ — их щиты. Лишенных царя, посмотри-ка, паш Амфион предвоздает, — его — легко опознаешь: лира на шлеме его и пращуров бык различимы.

280 Юноша чистой души, готов он в гущу сражений прыгнуть и стены своей заслонить обнаженною грудью.

Даже и ты, геликонский отряд, на помощь явился нашему граду, и вы, о Пермесский ручей со счастливой Ольмией, певчей струей питомцев вооружили, не признающих войны. Прислушайся: с отчим напевом бодрая стая летит; — когда непогода седая выпадет — лебеди так забелевший Стримон покидают. Мчитесь же смело: вовек не изгладятся подвиги ваши, память о войнах спасут нескончаемой песнею Музы».

290 Так он сказал, а дева вплела невеликое слово:

«Братья вон те истоком каким связуются оба? Сколь же доспехи у них одинаковы, сколь же шелома вровень вздымаются вверх! — Будь бы в наших такое согласие!»

Старец с улыбкою ей: «Не первая ты, Антигона, зреньем в обман введена, — их братьями часто считают, лет их не зная, но нет: то сын и отец, хоть и трудно каждого век различить. Деркетю, бесстыдная нимфа, Лапифаона, еще не познавшего ложа и браку чуждого, страстно стремясь к супружеству, невпору мужем

300 сделала, и Алатрей прекрасный вскоре родился.

Сдесь за родителем он, расцветающим юностью первой, следует, близок ему и чертами лица, и летами; и незаконным своим прозванием оба гордятся, больше — отец: его веселит и грядущая старость. Триста на битву отец выводит воителей конных, столько же сып, — они, говорят, из Глисанта сухого и из Корония в путь устремились: Корония жатвой хлеба обильна, Глисант почитает Вакховы лозы.

310 Лучше, однако, взгляни на Гипсея, чья тень над четверкой мощной широко лежит: семислойною шкурой обтянут, в шуйце — щит, грудь скрыта тройным нашитым железом, — грудь, ибо он никогда не боится за тыл. Украшенье древнего леса — копье, чей лёт неизбежно нацелен в плоть иль доспех, и рука никогда не перечит приказу. Молвят, что он от Асопа рожден, — тогда бы хотел я видеть отца, когда, распаясь и мосты сокрушая,

в небо взвился он и, дочь, негодующий, деву отмщая,
 гневные воды свои на Громовника-зятя обрушил.
 Ибо, от отчих берегов похитив Эгину, Юпитер
 320 прятал в объятьях ее, а поток обезумел и звездам
 в гневе готовил войну: такого тогда не прощали
 даже богам. Он восстал и, в ярости дерзкой разлившись,
 в бой рукопашный вступил, но кого вызывал — не добился;
 и, наконец, поражен трехжальною вспышкой и громом, —
 пал. До сих пор в берегах задохнувшихся бурные воды
 рады золу в небеса выдыхать грозовую, а также
 казни великой следы — этнейские дымные тучи.
 В поле кадмейском Гипсей — он таков же — еще поразит нас,
 коль Громовержца смирить Эгина счастливая сможет.
 330 Он итонейцев ведет и алаалькопейской Мипервы
 рати, какие дала Мидея и Арна хмельная,
 тех, что Платей луга засевают, Авлиду и Грею,
 и бороздой Петеон умирляют, и нашей владеют
 частью Эврипа, чей ток переменчив, и самым далеким
 краем — тобой, Анфедон, где Главк с травянистого берега
 прыгнул в зовущую гладь и, уже голубея власами
 и бороною, своих испугался конечностей рыбьих.
 Камнем Зефиры пронзать из крученой пращи им привычно,
 гезы тяжелые их даже стрел кидопских быстрее.
 340 Ежели б также и ты красоты знаменитой Нардисса
 выслал, Кефис! — Но в феспийских полях сей отрок угрюмый
 блекнет, и сирой волной родитель цветок оmyвает.
 Кто же однако привел и фебову рать, и Фокиду
 древнюю, — тех, кто Панопу рыхлит, Кипарисс и Давлиду,
 доли твои, Лебадия, тебя, висящий на острых
 скалах Гиамполь, тебя, Парнас с двойною вершиной,
 тех, кто Киру и кто на волах Анеморию пашет,
 край корикийских лесов, и Лилейю, откуда Кефиса
 бьет леденящий исток, к которому жажду обычно
 350 нес, задыхаясь, Пифон, отводивший воды от моря;
 также на тех посмотри, кто лаврами шлем оплетает, —
 Титий у них на шитах или Делос; и тех, у которых
 тулы наполнил сей бог бесчисленным смертоубийством.
 Вождь их — суровый Ифит, чей отнят родитель недавно —
 славный Навбол Гиппасид, твой некогда, Лаий кротчайший,
 гостеприимец... — О, сколь колесницей я правил беспечно,
 как под копыта копей ты упал от ударов жестоких,
 горло (о, если б моей истекавшее кровью!) прозавивших.
 Щеки при этих словах увлажнились, лицо побледнело,
 360 слов беспрепятственный ток прервался пробежавшей внезапно
 судорогой, но силы влила питомица в сердце
 старца любезное, — тот, успокоившись, тихо продолжил:
 «Гордость моя, и тревога моя, и последняя радость,

о Антигона! Лишь ты здесь держишь мой призрак отживший.
Видно, старинный мне зреть и удар, и злодейство все то же,
мужу доколе тебя я не выдам, невинную деву, —
после ж из жизни меня отпустите усталого, Парки.

Но понапрасну крушась, упустили мы, я замечаю,
стольких вождей: ибо мной ни Клонис, ни с гривой по спинам
370 Абантиады, ни ты, скалистый Харист, ни долина
Эг, ни крутой Каферей доселе не названы были, —
ныне же сбившийся строй не дает, и скопление мешают,
и призывает уже ополчение брат твой к молчанью».

Вот что с твердыни старик, и следом с вала правитель:
«Гордые духом цари, которым готов подчиниться
я, воевода, дабы родные отстаивать Фивы!
Нет, не хочу подхлестывать вас, поскольку свободен
воинский пыл: вы сами клялись по заслугам яриться.
А восхвалить и воздать благодарность достойную — трудно:
380 пусть небожители вам воздадут, пусть — ваши отряды,
свергнув врага. Вы сошлись от союзных племен на защиту
града, который попрасть не насильник с далекого берега
и не воитель, землей порожденный чужою, намерен,
но своеземец: и здесь у вождя полков супротивных
есть и отец, здесь и мать, здесь единоутробные сестры,
здесь же был некогда брат. Смотри: ты, всеокаянный,
дедам погибель чинишь, — но тут же без зова вступилась
мощь аонийских племен; о злодей, я тебе — не добыча!
Волю защитников сих тебе подобало бы ведать:
390 царство вернуть не велят». — Изрек и как должно расставил
всех: кто бои поведет, кто будет защитником стенам,
кто устремится вперед, а кто в середине поддержит.

Так на рассвете пастух по росе сквозь решетчатый выход
высвобождает загон прутьяной, велит, чтобы сначала
шли вожаки, а стада ядро составили овцы;
сам принимает приплод и сосцы, бороздящие землю,
высвобождает, неся кормилицам слабеньких ярок.

А между тем и ночью и днем при оружьи данайцы,
новую ночь и день, что за пей, — так гнев подгоняет —
400 мчатся, привалы презрев: ни сон, ни еда их похода
не замедляет почти, — опи на врага поспешают,
словно бегут от врага. Их дива не держат, какие
случай паслал, предвещающий зло и рок неминуемый.
Страшные знаменья им рассевают и птицы, и звери,
звезды, а также ручьи, из своих убежавшие русел,
грозно грохочет отец, и зловецкие вспышки сверкают,
ужас наводят могил голоса, открываются сами
двери святилищ; с небес — то камепня, то ливень кровавый;
духи внезапно встают и сонмы рыдающих предков.

410 Не раздавались тогда аполлоновой Кирры вещанья,

и неурочной порой Элевсин оглашался всеобщий воплями, и — отворив святилища — вещая Спарта зрела, как сшиблись (беда!) меж собой амиклейские братья. Весть от аркадцев пришла, что безумная тень Ликаона выла в ночной тишине, и что по свирелому полю шел Эномай, — из Пизы неслось; а что обломился рог и второй Ахелоя, — пришлец акарнанский поведал. И омрачившийся лик Персея, и смутной Ююны молят точеный кумир Микенцы; об Инаха столах
 420 пахари передают, а моря двойного насельник вопли фиванца донес Палемона над понтом спокойным.

Внемлет вестям целопидов отряд, но жажда сраженья воле богов противостоит и страха лишает. Вот и твои, Асоп, берега и ток беотийский виден, — но с ходу пройти через вражьи струи не решилась конница: ибо тогда как раз он разлился, огромный, по встрепетавшим полям, возбуждась от дуги дожденосной или от туч над горной грядой, иль то было просто волей реки, и родитель сдержал войска половодьем.

430 Яростный Гиппомедонт согнал с возвышенной кручи вздыбившегося коня и уже из самой пучины крикнул вождям остальным, поводья подняв и оружие: «Мужи, идите за мной! Клянусь, что так же на стены вас поведу и так же ворвусь в укрепленные Фивы». Все поспешили в поток, и стыд охватил отстававших.

Так, когда подведет к реке неизведанной стадо пастырь, то скот — попуро стоит: противоположный брег далеко, а страх посреди — широк; по едва лишь ступит вожак и укажет им брод, — теченье спокойней
 440 шится, и легче прыжок, и берег им кажется ближе.

Невдалеке и хребет, и для стапа удобно видят поле, откуда и град различить, и сидонские стены можно. Понравилась им защищенного места надежность: холм высокий, впизу распростерлось открытое поле, и ни единой горы, с которой за ними противник мог бы следить; укреплений чреду добавил недолгий труд, ибо место самой опекаемо было природой: скалы высокие вал заменяли, ущелья служили
 450 рвами, и случай возвел четыре холма, словно башни. Прочее сами вершат, покамест не скрылось за горы солнце и сон не послал утомившимся освобожденье.

Может ли чья-либо речь описать возбужденные Фивы? Эта последняя ночь пред войной, несущей погибель, город бессонный страшит и грозит наступлением утра. Все на стены взошли, но нет от толикого страха верной ограды, — слаба перед ним Амфиона твердыня. Шепот все новых врагов указывает повсюду, а ужас

множит их мощь и число: инахийцев палатки напротив видят они и на скалах своих — костры иноземцев.

460 Эти зывают к богам, умоляя и плача; другие — к марсовым дротам, к коням боевым; а третьи — рыдают, близких обняв, и, несчастные, их о кострах и могилах просят. А ежели сон и сомкнет, ненадежный, им веки, — битвы введут. То отсрочка мила, то жизнь неважно жалким, и, утра боясь, умоляют, чтоб утро настало.

И Тисифона, змеей потрясая двойною, ликует в лагере том и другом, и брата преследует братом, братьев обоих — отцом; а тот в отдаленных покоях, яростный, Фурий зовет и неистово требует зренья.

470 Фебы холодной лучи и звезды померкшие ранний день угасал, и уже Океан воздымался грядущим светом, и водная гладь, разомкнувшись пред Титаном, новым коней огненных лучам уже уступала.

Тут — с безумьем в очах, с сединою, посыпанной пеплом, с ликом бескровным, рукой, от ударов о грудь почерневшей, ветку оливы неся, оплетенную темною шерстью, видом ужасным своим Эвмениде старейшей подобна, в скорбном величии бед из ворот Иокаста выходит.

Дщери с обеих сторон — днесь лучшая поросль — старуху, 480 свой торопящую шаг с непосильной поспешностью, держат под руки. Та, ко врагу подойдя, обнаженною грудью бьет в супротивный засов и впусить с дрожащими молит воплями: «Дайте войти, вас просит преступная мать этой войны: у чрева сего па стан ваш есть право страшное». — Вида ее трепеща, но более — речи, в ужасе войско молчит. Но вот от Адраста вернулся вестник: по слову вождя ее пропустили, меж лезвий путь приоткрыв. А она, восторг увидев ахейских, ярая в горе своем, ужасающий крик испустила:

490 «О арголидская рать! Но кто же меж вами — противник, мною рожденный? Найду под каким я шеломом, скажиго, сына?» — Кадмейский герой навстречу смятенной выходит и обретенную мать слезами и радостью полнит, хочет утешить, обняв, и шепчет «о мать» меж рыданий, «мать» повторяет и к пей припикает, и следом — к любезным сестрам, но старая тут умножает рыдания гневом: «Слез умиленных зачем и ласкающей речи притворство? Царь аргивский, зачем, обвивая объятьями шею, ты ненавистную мать к железной груди прижимаешь?

500 Ты ли — скиталец, изгой, чужак, вызывающий жалость? Нет, ты всех поразишь: вель твоих ожидает приказов мощная рать, и сотни мечей у пояса блещут. Горек удел матерей! О тебе ли деппо и пощно плакала я? Но если слова и родных уговоры

- чтишь, то покамест войска молчат и пока благочестье медлит в испуге, — я, мать; и велю, и тебя умоляю: шествуй со мной и отчих богов, и кровли, пожаров ждущие, снова узри, и брата — что взор ты отводишь? — брата о царстве проси, и ныне — я рассужу вас.
- 110 Иль он отдаст, иль меч ты возьмешь по лучшей причине. Или боишься, что мать — соучастница козни — обманет сына? — Но всё ж не настоль бежала от наших певатов всякая честь: и Эдипу вождю ты довериться мог бы. Мерзостны брак и потомство мое, по всё же люблю вас — горе! — и ваши прощать до сих пор я готова безумства. Если ж стоишь на своем, — тогда мы тебе доставляем сами триумф: полоненных сестер свяжи и в оковы ввергни меня, и недужный отец приведен непременно будет к тебе. А теперь обращаюсь я к совести вашей,
- 120 о инахиды: и вы оставили малых и старых дома, и так же о вас рыдают, — доверьте ж родившей чадо ее! Коли вам стал он дорог за краткое время (так пусть и будет!), то сколь он мне, о пеласги, и этим дорог сосцам! — Своего я добилась бы и от гирканских иль одрисийских царей и любых, кто яростней наших. Только кивните, — не то я умру, обнявшая сына, здесь — в преддверии битв». — Отряды надменные были сломлены речью: уже кивают шеломы, слезоу чистой доспех окроплен. — Вот так на ловчих и колья
- 130 груди могучим броском разъярепные львы палетают; после ж — и ярость слабей, и рады пленепной утробы глад утолить без забот. — Смирепные души пеласгов колебались, и пыл, вожделеющий битв, укротился.
- Сам он уже, то лицо обратя к материнским лобзанням, или к Имене младой, а то — к Антигоне, молящей слезно, — за бурей страстей, волнующих разпоречиво, царство забыл; он стремится идти, и не запрещает кроткий Адраст, по вступает Тидей, гнев праведный помня:
- 140 «Лучше, о други меня, испытанного честь Этеокла, — а ведь ему я не брат — меня к царю отошлите, чье миролюбье досель и добрую волю лелею в этой груди. А тогда, посредница мира и чести, мать, где была ты в ту ночь, меня задержавшую славным гостеприимством? Влечешь не к такой ли и сына ты встрече? В поле его поведи, которое вапею тучно кровью досель, и тучно моей. Ты — следуй за нею, кроткий чрезмерно, увы, и чрезмерно не помнящий близких. Мнишь, что когда над тобой отовсюду враждебные длани вскинут мечи, то она усмирит рыданьем оружие?»
- 150 Он ли тебя, о глупец, заключенного в городе, гневом полного, пустит назад в аргивские стапы вернуться? —

Раньше вот это копые железное выгонит листья,
Инах и наш Ахелой потекут к истокам скорее!
Кроткие речи и мир достигаются грозным оружием.
Стан ведь и этот открыт, и не за что нас опасаться.
Мне он не верит? — Но я отступлю и прошу свои раны.
Пусть с ним войдет та же самая мать и посредницы сестры.
И предположим, что он, как условлено, царство оставит, —
сам-то — вернешь ли назад?» — И вновь передумав, отряды
560 к мненью склонились его (так воздуха вихрем внезапным
встречный Нот увлекает простор, подчиненный Борею):
любви им вновь и оружие, и гнев. А Эрипия злая,
миг улучив, семена подбросила первого боя.

Две близ диркейских тогда потоков тигрицы бродили:
смирно они под ярмом колесничным служили, и Либер —
в битве восточной досель истребитель, но днесь победитель —
их отослал к аонийским полям от берегов эритрейских.
Рать божества со старейшим жрецом тигриц, позабывших
570 кровь и дышавших травой индийской земли, по уставу
спелой лозой и плетеньем цветов украшали различных
и между темных полос наносили связующий пурпур.
Их и холмы полюбили уже, и — кто бы поверил? —
скот на полях, и близ них мычать не страшились телицы.
Голод тигриц пикогда не терзал, — из рук их кормили;
пищу вкушали они и страшные пасти склоняли
к струям випа, забредая в село; и если входили
поступью кроткою в град, — все жертвами храмы и каждый
дом пламенел, ибо сам их Лизей посетил, полагали.
580 Каждую трижды бичом из змей перевитых коснувшись,
их Эвменида опять повергла в свирепость и буйство
прежнее, — и понеслись по полям удивленным тигрицы.
Словно с различных сторон две молнии одновременно
вспыхнув, срываются, след в облаках оставляя пространый,
именно так промчались они в стремительном беге
и, пересекши поля, огромным прыжком на возницу
(Амфиарай, твоего — то знаменье было: господских
первым случайно коней он к ближайшему вел водопою)
бросились, — тут же был смят Ид — рядом стоял он — тенарский,
и Акамант этолиец; в поля звонкоступы лавиной
590 ринулись, но Аконтей, распаленный зрелищем бойни
(диких зверей поражать ему, аркадцу, привычной
доблесть была), отогнал к стенам обратившихся верным
тучею жал и, метнув не одно копейное древко,
трижды, четырежды им хребет пробивает и брюхо
метким ударом. Они след тянущийся оставляя
льющей крови, влекут к воротам торчащие дроты
и, издыхая уже, с похожим на жалобу стоном
раненные бока прислоняют к возлюбленным стенам.

Мнится, что храмы и град захвачены, и запылали
 600 Лары сидонцев огнем несказанным,— такой из открытых
 стен подымается вопль: потерять колыбель Геркулеса
 мощного легче для них, иль покои Семелы, иль храмы
 древней Гармонии. Тут жрец Вакха Фегей Аконтея,
 копья рассеявшего и гордого кровью двойною,
 в грудь поражает мечом. Подоспела тегейская младость
 поздно на помощь к нему: уже на тигрицах заклянных
 юноши тело лежит — за вакхову кровь искупленье.

Переговоры тогда из-за шума внезапного в стане
 оборвались: Иокаста бежит меж врагов разъяренных,
 610 длить не решаясь мольбы. Ее и дочерей толкают
 прежде жалевшие их, крутой же Тидей улучает
 время: «Подите теперь понадейтесь на мир и на верность!
 Вновь Этеокл от нечестья не смог удержаться, дождавшись,
 чтоб возвратилася мать!» — Так молвя, мечом обнаженным
 он созывает своих. Стал крик — свиреп, и пылает
 ярость — повсюду, и бой идет без всякого чина:
 люд и вожди — смешались, никто не внимает приказам,
 вместе и всадников строй, и пешие сходятся рати,
 и быстрота колесниц; неумные толпы сминают
 620 павших и ни показать себя не дают, ни увидеть
 воинов вражеских. Так с аргивской фиванская сила,
 сгрудясь внезапно, сплелась. Знамена и трубы остались
 сзади, и зовы рогов завязавшийся бой догоняли.

Сколь разъяряется Марс от малости пролитой крови! —
 Сходственно ветер, меж туч собирающий первые силы,
 легкий, сначала листву и вершины высокие треплет,
 после же — сносит леса и хребты обнажает густые.

О Пиериды, теперь (ведь мы вопрошаем вас, сестры,
 не о чужом) о ваших боях, об Аонии вашей
 630 молвите нам: вы видели все, и от близкого Марса
 в громах тирренской трубы геликонские плектры дрожали.

Вот звонкоступ, ненадежный в бою, Птерела Сидонца,
 рвущего повод, тащил через вражьи отряды, свободный, —
 столь ослабела рука. Тидея копье сквозь лопатку
 входит и, слева пронзив у юноши пах, пригвождает
 падающего к коню, — и, связан с хозяином мертвым,
 конь — бежит и уносит того, кто оружие и повод
 больше не в силах держать. — Из душ сохранивший,
 раненый насмерть кентавр так телом на круп поникает,
 640 Спорит оружия мощь: разъярившись в бою, Сибариса
 Гиппомедонт поразил, Менекей — Перифанта пилосца,
 Итиса — Партенопей; Сибарис от меча погибает,
 злой Перифант — от копья, от стрелы злокозненной — Итис.
 Марсов Гемон поражает клинком инахийца Кайнея
 в выю, и — разлучены с отрубленным телом — взыскуют

очи отверстие — плеч, дыханье — главы. За доспехом павшего прынул Абант, но, стрелою настигнут ахейской, он, умирая, щиты и вражий, и свой выпускает.

- Кто, о Эвней, надоумил тебя оставить служенье
 650 Вакху и рощи его (уходить из которых не должен жрец) и другой заменить привычную Бромью ярость? В ком ты вызовешь страх? — Щита сквозное плетенье блёклый плющ и венки с нисейских вершин покрывают, приплетена виноградной лозой белоснежная повязь, на плечи пряди легли, на ланитах пушок пробивался, панцырь, негодный в бою, тирийскою пряжею рдеет, руки в плену рукавов, подошвы цветные — в плесницах, складками тонкий виссон, булавка злата резного
 660 с яшмою светлой насквозь прокусила тенарскую паллу, тул висящий звенит, золотистой обтянутый рысью. Шествует, полн божеством, меж тысячами и глаголет громко: «Прочь длани свои, — при знаменьях благоприятных место сих стен указал Аполлон телицей киррейской! Сжальтесь, ведь в стены сии сошлись добровольно утесы, мы — священный народ: зять этого града — Юпитер, тесть — Градив, и доподлинно Вакх — питомец фиванский, и многомогущий Алкид». — Ему, взывавшему тщетно, бурный навстречу грядет Капаней при древке летучем.
 670 И словно лев, поутру воздымающий с мрачного ложа ярости первый порыв и ждущий в пещере свирепой лань ли, или бычка, чей лоб еще невоиственен, рыком красуясь, идет и, теснимый оружием и стаей ловчих, добычу следит и не замечает ударов, — так тогда Капаней ликовал перед схваткой неравной, и примерял кипарис, угрожающий весом великим. Прежде однако: «Зачем, — говорит, — причитанием женским, смертный, мужей ты страшишь? Вот если бы тот появился, кем ты безумен! А ты — пой женщинам тирским!» — и древко
 680 бросил; оно же, летя так, словно был путь беспрепятствен, только о щит прогремев, уже из спины вылетает. Наземь — оружие, звенит протяжными воплями воздух, хлынув, кровь заливают наряд, и гибнешь ты, дерзкий, гибнешь, Аопии сын, другая забота Лизя. Тирсы сломив, оплакал тебя хмелеющий Исмар, Ниса цветущая, Тмол и Наксос тесеев, а также Гауг, который признал фиванские таинства в страхе. Неторопливого зреть не пришлось Этеокла аргосцам: скромн — своим не в пример — он страшился мечей Полиника.
 690 Амфиарай на конях, уже опасавшихся пашни, мчится других впереди, в негодующем поле вздымая преизобильную пыль: Аполлон красую ненужной вознаграждает слугу и кончину его озаряет.

Он зажигает ему и щит, и шелом драгоценным
 блеском, и вовремя ты, Градив, Аполлону дозволил,
 чтобы рука не коснулась жреца и не был он ранен
 смертной стрелою в бою, — да к Диту достойно и свято
 он отойдет. И таков он в гущу врагов устремился,
 зная о смерти и сам, — придавала верная гибель
 700 силы ему: возросли и мышцы у мужа, и ярче
 виделся день, и досель не читал он в небе яснее,
 по не гадал, ибо Честь отвлекла, сопредельная смерти.
 Он неспытной пылал любовью к свирепому Марсу,
 мощной десницей играл и пылкой душой надмевался.
 Он ли, бывало, смирял несчастья людей, отнимая
 силу у судеб? — Насколько был сей непохож на бывшего,
 кто соблюдал и треножник, и лавр, а также во всякой
 туче умел распознать летуний — свидетельниц Феба.

Люд без числа закалал он мечом — словно год смертоносный,
 710 или губительный блеск злосчастной звезды — для своих же
 манов; а гордый Филей копьем был сражен, и копьем же —
 Флегий, а Хреметаон и Клонис — серпом колесницы:
 этого ссек стоящего в рост, того — под колена.
 Выпустив дрот, поразил Ифиноя, Хромия, Сага,
 Гиаса с гривой волос, Ликорея, служителя Феба —
 не злонамеренно: он метнул уже ясень могучий,
 и обнажилась тогда из под сбитого шлема повязка.
 Камнем сражен Алкафой, у кого близ вод каристийских
 были и дом, и жена, и дети, любившие берег;
 720 долгую прожил он жизнь небогатым пытателем моря,
 а погубила — земля; умирая, и бури, и Ноты
 он вспоминал, и счастливейший гнев привычного понта.

Оное долго уже одиноких бойцов избиенье
 зрит асопов Гипсей и отвести сраженье стремятся.
 Правда, изрядно и сам колесницей тирифскую силу
 он разметал, но вся эта кровь уступала авгуру,
 к коему дух и доспех он стремится; но — с мощным отрядом
 связано — клина крыло препятствует; все ж, приподнявшись,
 дрот, на родных берегах отобранный, он направляет,
 730 прежде воззвав: «Аонидовых вод даритель прещедрый,
 славный Асоп, и досель знаменитый гигантовым щеплом, —
 помощь деснице даруй! Умоляю и я, и твоею
 влагой воспитанный дуб: я Феба могу не бояться,
 если родитель богов к тебе благосклонен; — оружие
 в воды твои погружу и с авгура снятую повязь».

Внял родитель мольбам, но явить пожелавшему милость
 Феб помешал и удар отклонил в возничего Герса.
 Рухнул возничий, и бог сам взял безвольные вожжи,
 облик притворный приняв Галиагмона, родом лерпейца.

И отступали тогда перед ярим любые знамена:

от одного погибали они перепуга,— без раны
робких жалкая смерть наступала, и было неясно,
держит ли груз норовистых коней иль гонит быстрее.

Словно горы заоблачный склон, не выдержав бури
вновь налетевшей зимы или сломленный возрастом, с кручи
рушится, страшно грозя долинам, и тащит с собою
с разных высот по пути поля, и селян, и деревьев
древних стволы а потом, истощившись, лавиной бессильной
то углубленье пробьет, то реку прервет посредине,—
750 так — обременено и мужем могучим, и богом —
дышло кровью то с той, то с другой стороны закипает.
Сам равно и бразды опекает, и стрелы Делосец,
сам направленье дает броскам, и враждебные жала
сам отвращает, лишив летящие древка удачи.

Пеший простерт Меланей, и простерт Антифон, высоту
не защищенный коня, и — нимфы дитя геликонской —
Аэтион, и Полит, обесславленный братоубийством,
и попытавшийся смять Манто-пророчицы ложе
Ламп, на которого Феб потратил священные стрелы.
760 И звонкоступы уже, дрожа и храпя, бороздили
гибнущей плоти поля, и всякий их след доставался
трупам, и в крошече тел колея глубокая рдела.

Тех, отошедших уже, ось лютая давит, другие —
ранены, но не мертвы — не в силах с пути отклониться,
видят, как ось паезжает на них; узда напиталась
кровью, и скользкий возок неустойчивым стал, и колеса
сукровицей тяжелы, и медлит копыто во взрытых
внутренностях; и тогда, взъяренный убийствами, жала
брошенные и в костях пробитых торчащие копья
770 бог вырывает, и вслед колеснице стон душ раздается.

Бог Аполлон, наконец слуге открываясь, промолвил:
«Жизнью своей насладись, облекись грядущею славой,—
днесь я с тобой, и меня невозвратная смерть стережется;
но покоримся: ничьей не раскрутят суровые Парки
нити;— ступай: ты обещан давно элисийским народам
к радости их,— не придется тебе приказаний Креонта
гнет испытать и лежать в паготе пред запретной гробницей».

Он же ему возразил, па миг прерывая сражение:
«Отче Киррейский, тебя, на запряжке, к погибели мчащей,
780 прежде еще (откуда почет толикий несчастным?)
я опознал. Теснящих доколь удерживать манов?
Слышу и Стикса уже стремительный бег, и потоки
мрачные Дита, и пасть ужасного стража тройную.
Что ж,— и главы украшенья прими, и давр возвращаю,—
было б нечестьем в Эреб их унести. И просьбой последней —
коль отходящему мне причитается малая милость —
Феб, я тебе и обманутый лавр, и казнь нечестивой

препоручаю жены, и сына прекрасную ярость».

Горестный спрянул тогда Аполлон, рыданья скрывая, —
790 ось застонала тогда и осиротевшие кови.

Именно так в порыве слепом полночного Кавра
судно предчувствует смерть, когда ферапейские братья
прочь от ветрил, обреченных огню сестры, убегают.

И начинала уже земля, расседаясь, вздыматься,
почвы поверхность — дрожать и вскипать набухшею пылью,
поле — гудеть из глубин преисподней уже начинало.
Трепетным толпам — войной, этот грохот войною казался,
тверже ступали, но тут — трус новый оружие, и воев,
и пораженных коней покачнул; вершины деревьев,
800 стены уже колебались, Имен от берегов обнаженных
прочь побежал; и гнева — как нет; и в землю вопзая
зыбкие копыя, бойцы за неверные держатся древка,
и отступают, взглянув на бледные лица друг друга.

Так, если, море презрев, для схватки в солемом просторе
сводит Беллона суда, то стоит приспеть благосклонной
буре, — и всякий, себя упасая от гибели новой,
прячет свой меч, и сдружающий страх врагов примиряет.

Точно таков был вид всколебавшейся на поле битвы.

То ли, страдая, земля, вобравшая воздуха вздохи,
810 буйство ветров изгоняла и их сокрытую ярость;
то ли изъела вода подземная рыхлую почву
и поглотила, размыв; то ли мчащееся небоздапье
вдруг налегло, или глубь морскую пентунов трезубец
вздыбил и мощным сотряс прибоем пределы земные;
или был издан сей гром для пророка; или пашня грозила
братьям... — Но тут глубокий провал отверпейся бездны
вскрылся, и тени — светил, и светила — теней ужаснулись.
Зев необъятный вмести пророка с упряжкой, готовой
перескочить, и тот — ни оружие, ни повод не бросил.
820 На колеснице — как был — он мчал непосредственно в Тартар:
падая, в небо взглянул, и при виде того, как смыкалась
пашня, — стонал, пока не свела разошедшейся почвы
менее сильная дрожь, отнявшая свет у Аверна.

КНИГА ВОСЬМАЯ

Только нежданннй пророк к мерцающим теням низвергся
и к смертоносным домам во владенья царя схороненных
рухнул, своим всполошив погребеньем воинственным манов,—
ужас всех охватил: в стигийском краю поражались
стрелам, коням и плоти живой,— ведь тело не знало
жара костра и пришло не из урны печальной, обуглась,
но накалилось в бою, и щит кровавой росой
был окроплен и прахом покрыт разъятого поля.

И не взирала еще на пего Эвменида с лучипой
¹⁰ тисовой, и, записав на черном столбе. Прозерпина
к соиму умерших его не причла; и даже круженье
прялки Судеб он застал, и только при виде авгура
Нарки, вострепетав, оборвали бегущую питку.
Также вторженье его элисийцы беспечные зрели,
также и те, кто вдали — в глубине преисподней — томился
ночью иной под сводом слепым темницы мрачнейшей.

И застонали тогда застоинные воды и гари,
бледный тогда возрптал тениносной волны бороздитель,
что до глубин растворен земли непривычным разъятем
²⁰ Тартар и маны теперь непривычным путем прибывают.

Сидя тогда в срединном дворце несчастливого царства,
за преступленья судил народы правитель Эреба,
доли людской не щадя, суров со всякою тенью.
Фурии рядом стоят, и разных смертей вереницы,
и беспощадная Казнь готовит гремящие цепи;
Нарки — души сучат и тем же перстом обрекают —
труд непосильный! Вблизи благодетельный Минос с ужасным
братом решенья блюдет наилучшие и умеряет
ярость царя. Близ них, набухая огнем и слезами,
³⁰ блят Флегетон и Коцит, а Стикс — богов обличает
клятвопреступных. Плутон, доселе не ведавший страхов,
видя отверзвшийся свод, испугался светил яблоставших,
после ж, вознегодовав от милого света, промолвил:
«Что за крушенье небес Аверн эфиром пронзило

чуждым? Кто мрак разомкнул, в безмолвных память о жизни
 вызвав? Откуда гроза? Кто из братьев готовит сражение?
 Что ж, коли так, я готов: пусть различия мира погибнут!
 Мне это слаще других! Победленного, с горнего свода
 сверг меня третий удел блюсти подземное царство.

40 Но и оно — не мое, если звезды ужасные могут
 к нам заглянуть! Уж не робкий ли царь проверяет с Олимпа
 силы мой? — У меня и Гиганты в разбитых оковах,
 и под эфирную ось готовые выйти Титаны,
 и несчастливый отец. Что ж он мне мешает, свирепый,
 скорбный досуг мой сносить и отдых безблагодатный,
 и отвергать покинутый день? — Всё царство открою
 сам я, пушу в небеса стигийские Гипериона,
 и не верну Аркадца к богам (зачем мне сей вестник
 между домами одним и другим?), Тиндаридов обоих
 50 здесь удержу. Для чего в ненасытном кружить Иксиона
 вихре, волнам почему губ танталовых не дожидаться?
 И неужели терпеть, что Хаос не раз оскверняли
 гости живые? Меня опрометчивый пыл Пирифоя
 мучит, а также Тесей, присягнувший бесстрашному другу,
 и беспощадный Алкид, пред которым — смирителем стража —
 смолк железный порог хранимого Кербером входа.
 И одрисийским, о стыд, открылся жалобам Тартар:
 видел я сам сей позор, как под звуки чарующей песни
 слезы текли Эвменид и Сестры — урок повторили.

60 Также и я... — но лучше блюсти закон беспощадный.
 Я ведь всего только раз — и не к звездам высоким — решился
 выйти тайком и жену с лугов сицилийских похитил.
 Но оказалось — нельзя, и Юпитера правая воля
 вместе с родившею год для меня сократили, урезав.
 Впрочем, довольно! — Иди, Тисифона, и мсти за глубины
 Тартара: выбрав из всех небывалых лютейшее, мукой
 редких чреватое бед, доселе невиданных небом,
 зло учини — к моему восхищению и сестрам на зависть.
 Пусть же братья (вражды меж нами первым явившись
 70 знаменьем) — братья в борьбе падут на раны друг друга
 к радости Марса, и пусть разъяренному зверю подобный
 вражью главу пожирает один, другой — воспрещает
 мертвым последний огонь и эфир оскверняет нагими
 манами: пусть же на них поглядит Громовержец свирепый.
 А чтоб неистовство их не мои лишь терзало владенья,
 противоборца богов отыщи, и пусть отразит он
 молнии огонь запылавшим щитом и Юпитера злобу.
 Сделаю так, что никто не сочтет, будто менее страшно
 Тартар теснить, чем сомкнуть Пелион с лесистою Оссой».

80 Так он промолвил; в ответ на призывы его отозвался
 дрожью угрюмой чертог и сотряс давящую сверху

землю.— Юпитер-отец поражает не более небо,
хмура лицо, и звездную ось наклоняет не круче.

«Как же тебя мне казнить,— продолжал, — о слетевший внезапно по пустоте сквозь неведомый вход?» — Тот встал перед грозным взглядом прозрачен уже, уже при оружье бесплотном, пеший уже, но еще на угасшем лице оставался прежний авгура убор, и темнеть на челе продолжала повязь, и ветку в руке держал он оливы умершей.

90 «Если дозволено здесь и возможно чистым отверзнуть

манам уста, о ты, для всех других завершитель, а для меня — я ведь знал причины и первоначала — сеятель,— сжался, молю, смягчи и угрозы, и ярость и не гневись на меня,— твоих трепещу обвинений.

Не Геркулесу вослед (не столь я отважен), а также не для запретных услад (поверь сим стонам!) дерзнул я в Лету вступить,— и пусть не бежит угрюмый в пещеру Кербер, и пусть не дрожит колесницы моей Прозерпина.

Я, недавний авгур, алтарям Аполлона угодный,
400 Хаосом полым клянусь (здесь ничто аполлоновы клятвы):

рок необычный меня постиг без вины, и похищен у благодатного дня незаслуженно я,— это знает критского урна судьи, и Миносу правда известна. Был я коварством жены и златом губительным предав, и в Арголидский поход (откуда все новые тени — а среди них и моей пораженные дланью — приходят):

я не невеждой вступил, но твердь расходилась внезапно (дух мой дрожит до сих пор!), — и был извлечен я из тысяч ночью твоей. Что пережил я, пока сквозь пустые

110 недра земли пролетал и во тьме сокровенной кружился!
Горе мне! Я без следа для друзей и для родины сгинул,— лучше б к фиванцам в полон! — Уже не увижу лернейских кровель и даже как прах с отцом удрученным не встречу. Жалкий,— ни холм, ни костер, ни близких меня не проводят слезы; пришел я к тебе целокупностью непогребенной.

Я ни на что не дерзну на сей колеснице, и тенью стать не страшусь, и своих треножников впредь не вспомню. Ибо нужна ли тебе авгура вещего служба,

ежели Парки плетут приказы твои? Так смягчись же, лучше, чем боги, молю, окажись! Для злобной супруги,
120 если прибудет сюда, сбереги беспощадные казни:
добрый правитель, она твоего достойнее гнева».

Оный склонился к мольбам, но негодовал, что смягчился. Сходственно лев: копь пред ним массивское блещет железо,— кажет оружие и гнев; но если противник повержен,— шествует, перешагнув, и жалкому жизнь оставляет.

А колесницы меж тем, блиставшей жреческим пышно лавром и в свете дневном вызывавшей мощным оружием

страх, и никем не разбитой, никем не отброшенной в бегство, —
 130 ищут: конников тьмы отошли, и во всех опасенье
 будит земля; обходит следы неверного поля
 воин, и скорбный простор обширного землекрушенья
 пуст: избегают его из почтения к подземной гробнице.

С вестью к Адрасту, войска созывавшему в поле далеком,
 мчит Палемон, сам веря едва тому, что он видел,
 и, трепеща (ибо он к провалившемуся оказался
 ближе других и, зиянье узрев, стал мертвенно бледен),
 молвит: «Беги, возвращайся, о царь, если только на том же
 140 месте осталась земля дорийцев и отчие стены!

Кровопролитье зачем и оружие? — Вотще обнажаем
 против Фиванцев мечи: поглотила земля колесницу,
 битву ведущих бойцов и доспехи! Казалось, уходит
 поле само, на котором стоим. И ночи подземной
 видел я путь, и то, как Эклид в разъятие почвы
 рхнул, увы, и к нему, любезней которого вещим
 звездам нет никого, длань тщетно простер я, взывая.
 Речь — о чудесном, но он — коней управитель — оставил
 след, и курится досель увлажненная пеною почва.

Эта беда — не для всех: земля отличила питомцев, —
 150 войско фиванцев — стоит». — Адраст поразился и верить
 медлил, но Мопс — о том же донес, и о том же — дрожащий
 Актор, поскольку Молва, горадая ужасы множить,
 передала, что пропал не один. Отрады невольню,
 не дожидаясь, когда возвестят отступление трубы,
 вспять подались. Но путь — застывает, и гнутся колени
 ринувшихся, и, озлясь, — решишь, будто поняли, — сами
 кони противятся всем приказаниям и не желают
 шагу прибавить и взор оторвать от земли напугавшей.

Тут набегают храбрей тирийцы, но сумрачный Вечер
 160 лунных выводит коней, — перемирием кратким дозволен
 отдых тревожный мужам и ночь, кормилица страхов.

Лица-то их каковы, когда изобилию стонов
 воля дана, а слез-то течет у снявших шеломы!
 Прежде привычное им, утомленным, не мило: бросают
 липкий, не вытерев, щит, и никто не острит наконечник,
 и не ласкает коня, и блестящего шлема высокий
 не поправляет хохол, и разве что крупные раны, —
 те сквозь которые жизнь сочится, — омыв, запиивают, —
 вот сколь скорбь велика. Их к яствам грозящая битва
 170 и пропитанье, боям потребное, не призывает, —
 Амфиарай, поминают тебя и дух твой, обильный
 правдою, хвалят в слезах. Лишь одно раздается по стапу:
 боги покинули нас, и рассеялась их благосклонность!
 «Горе нам! Где лавроносный возок, святые доспехи,
 волной увитый шелом? Таковы-то Кастальские воды,

своды пещер, и треножников честь, и любовь Аполлона?!
Кто мне теперь изъяснит падение звезд, и споспешной
молнии смысл, и бьющихся жертв предостереженья,
180 время ль в поход выступать, какой — свирепым сраженьям,
миру какой полезнее час? Кто все это явит
мне, и кому о судьбах моих летунии расскажут?
Также и то, чем и пам, и тебе грозят эти битвы, —
знал ты заранее, но — вот мощь безупречного сердца! —
выступил все ж и союзником стал злосчастному войску.
Будучи призван землей, в последние жизни мгновенья
войско тирийское ты и значки супротивные мог бы
не поражать, — но видели мы, что и в недрах у смерти,
и уходя, ты врагов устрашал копьем неумемным.

190 Как-то теперь обретаешься ты? А назад из стигийских
мест воротиться нельзя ль, пронизав земные глубины?
Или сидишь ты вблизи божеств твоих, Парок, и, весел,
учишь и учишься сам грядущему поочередно?
Или в блаженных лесах тебе правитель авернский
милостиво поручил блюсти элисийских летуний?

Как бы там ни было, — ты — скорбь вечная Феба и вечно
свежая боль и длительный плач умолкнувшим Дельфам.
Нынешний день замкнет Тенедос, и Хрису, и Делос —
остров, где Феб родился, и храм пышновласого Бранха;
на диндимейский порог, и к воротам кларосским, а также
200 В Ликию днесь никто не придет с мольбой о совете.
Роща, где властен пророк рогопосный, и дуб, где Додонский
дышет Юпитер в листве, и троянская Фимбра умолкнут.
Также потоки и лавр пожелают сами усохнуть,
самый эфир ничего достоверного клетотом вещим
не пропоет, ни одна не прорежет пернатая тучи.
А в предназначенный день для тебя причастные судьбам
храмы воздвигнем, и в них твой жрец ответствовать будет».

Так славословьем они пророка-царя почитают,
будто огонь воздают и дары для костра и землею
210 легкой останки его и душу его покрывают.
Тут надломился их пыл и возненавидел сраженья.
Так и минийцам, когда их, храбрых, внезапно погибший
Тифис оставил, тотчас показалось, что снасть — непослушна,
веслам — не сладить с водой, и ветер — не полнит полотниц.

Стоны стихали уже; постепенно, исчерпана речью,
скорбь отпустила сердца, наступившая ночь затопила
боль, и легкие сны незаметно сквозь слез проскользнули.

Эта же ночь иною была во граде сидонском:
ибо враги, веселясь, часы провождают ночные
220 возле домов и в домах, и стражники даже сомлели
около стен, — гром меди двойной и кожи идейской
слышен, и букс зазвучал, усмиренный искусным дыханьем.

- То для любезных богов и героев, воспитанных в граде,
чинно повсюду поют святые пеаны, повсюду —
чаши в венках и цветов плетеницы; а то веселятся
смертью провидца-глупца и ему вопрекор, соревнуясь,
хвалят Тиресия ум; потом вспоминают деянья
предков и Фивы свои воспевают от их основанья:
кто-то сидонскую гладь и рога Громовержца, и длани,
230 сжавшие их, и быком взборожденного мощным Нереея
вспомнил, а Кадма — другой, и телицы усталость, и ярым
полные Марсом поля; а третий — как скалы и камни
к тирской кифаре ползли, вдохновляемые Амфионом.
Эти Семелу поют непорожнюю иль кифереин
брак и Гармонии путь, озаряемый братьев огнями
многими, — и ни одна не лишилась трапеза песен.
Мнилось: склопив лишь теперь Гидасп, жемчугами обильный,
тирсу и дома Зари, — в темнокожем триумфе ведомых
Либера народам являл дотоле неведомых индов.
- 240 На многолюдье тогда и в собрания дружеских трапез
скрытый от взоров досель постоянно в обители страшной,
вышел впервые Эдиц, говорят, и с лицом просветленным
черные освобождал седины от грязи налипшей,
мерзостный лик — от волос перешутанных; и, допуская
слово привета, внимал утешениям, прежде гонимым.
Мало того: он яства вкушал, со щек отирая
невсыхавшую кровь, всех слушал и всем отзывался, —
он, донимавший одних только Дита и фурий, да разве
поводыря-Антигону еще укорами злыми.
- 250 Не догадался никто, что не тирскую в битве удачу, —
битву саму он любил; что хвалил и подбадривал сына, —
но не победы желал; что едва лишь мечи обнажились, —
он молчаливой мольбой разрыхлял преступления всходы,
Сладки пиры оттого, и в лице — непривычная радость.
Он на Финея похож, казнимого голодом долгим:
тот, узнав, что разогнанных птиц не услышит он в доме,
даже не веря еще, счастливый, к столам и на ложе
бросился, к чашам стремясь, не разбросанным злыми крылами.
- 260 Утомлены трудами войны и тревогами, спали
греков войска, и только Адраст с укрепления стана
чуткой душою ловил ликующее возбужденье.
Возраст его тяготит, но злосчастная власть побуждает
бодрствовать в бедах. Его донимают медные крики
и голоса торжествующих Фив, и терпкая флейта
мучит, и вдруг — похвалы захмелевших чрезмерно спесивцев,
зыбкий светильников свет и огней заглухающих стража.
Так, если в бурю ладья замолкает, охвачена общей
дремой, и глуби морской доверяет беспечная младость
жизни свои, — то один на палубе бодр неизменно

270 кормчий и бог, плывущий в челне, по нему нареченном.

Близилось время, когда сестра огнеликая видит
фебовых запряг коней и гудящий в преддверии света
дом Океана, и свой блуждающий бег прерывает,
и заставляяйти зайти бичом помаваемым звезды.

Царь созвал печальный совет: решают, стеная,
кто соблюдет треножники, лавр прозорливый, а также
повязей вдвою честь унаследует. Все, не колеблясь,
чтимого общей молвой, непорочного отрасль Мелампа,
Фиодаманта кричат, которого к тайнствам божьим

280 сам приобщил и кого одного для птицегаданий
Амфиарай привык призывать и в толиком искусстве
близким себе без зависти звал и вторым за собою.
Громкий почет тревожит того, он трепещет нежданной
славы и, перед листовой подносимой склоняясь смиренно,
бремя ему, говорит, не под силу, и просит — заставить.

Так, если отчий престол и страну ахеменский внезапно
отрок получит, кому при живущем отце безопасней
было б, — он радость свою ненадежную страхом смиряет:
знать — верна ли, и чернь — не встанет ли на браздодержца;

300 он, кому и Евфрат подчинен, и каспийские земли,
взяться робеет за лук, на коня отцова страшится
сесть и считает, что он не удержит рукой неумелой
скиптра, что до сих пор он еще не дорос до тиары.

Вот он, отметив уже чело несканою волпой,
благоугоден богам проходит по стану и слышит
радостный шум; и, себя жрецом проявляя впервые,
Землю решает почтить. Показалось унылым данайцам
мнение его не пустым. — Он тотчас велит, чтоб сложили
два алтаря из деревьев живых и травы луговинной;

300 груды плодов, и цветы, и всякой поры приношенья —
спосит и, жертвенники окропив неразбавленным млеком,
так начинает: «Людей и богов предвечная мать!

Ты и ручьи, и леса, и зародыши всяких животных
миру даришь, и оную рать Прометея, и камни
Пирры; и первое ты дала пропитанье голодным
преображенным мужам. Ты понт окружаешь и держишь,
кроткое племя скотов и хищников ярость блюдеши ты,
и отдыхающих птиц; крепишь ты недвижно и прочно

310 незаходящую ось, над тобой с небозданием вместе
оба несутся возка; витая в свободном пространстве
воздуха, ты — середина всего великим на зависть
братьям! И стольких племен кормилица, стольких народов
и городов горделивых, — одна — и здесь, и под нами —
терпишь ты всех; и того, кто несет небесные дома
с тяжким трудом, — ты легко звездоносного держишь Атланта.

Мы лишь одни для тебя несносное племя, богиня!
 Грех — не зная того — какой искупаем? Не тот ли,
 что, чужеземцы, сюда мы пришли от берегов инахийских? —
 320 Люди везде — на родимой земле, и тебе не пристало
 злобный и жалкий рубеж проводить, разделяя народы,
 кои повсюду — твои. Оставайся же общей, и брани
 в месте любом допускай, и дозволю, умоляю, в сраженьях
 яростный дух выдыхать, чтоб он к небесам возвращался,
 Не похищай живые тела погребеньем внезапным,
 не торопись: мы сами придем, но к тому же порогу,
 той же дорогой, что все. Мольбам уступив, для целасгов
 зыбкое поле упрочь и Прях упредить не пытайся.

Ты же, любезный богам, — кого не мечи, не отряды
 330 вражди, но — недра разъяв — Природа великая (словно
 чтя по заслугам тебя) погребла, как в Киррейской пещере,
 стиснув в объятьях, — молю, дозволю благодатные просьбы
 ведать твои, приобщу к небесам и внушающим правду
 жертвам и то, что ты сам народам изречь собирался,
 мне сообщи: храм вещей тебе возведу и, толкуя
 волю твою, к тебе обращусь за отсутствием Феба.
 Делоса, Кирры самой тебя поглотившее поле
 для прорицаний моих и достойней, и лучше». — Изрекши,
 черных овец и темных быков погружает под землю
 340 и воздвигает песка увлажненного холм над живыми,
 так воздавая ему его же кончины подобьем.

Так — у греков. Но тут раздаются Марсовы трубы,
 тут к разъяренным мечам громоухание меди взывает.
 И, разметав волоса, Тисифона с Тевмесской вершины
 яростный вопль издала и трубы усилила, к меди
 свист примешав: хмельной Киферон и скалы, когда-то
 шедшие песне вослед, — от чуждого шума застыли.
 Уж, сотрясая врата, стучится Беллона у входов
 вооруженных, уже отворяются Фивы семизды.

350 Конники пеших теснят, колесницы мешают бегущим, —
 мнится, что с тылу на них напирают данайцы: так тесно
 в каждых воротах, — все семь готовыми выступить полны.

Стал у Огиговых врат Креонт, Этеокла к Нейстийским
 жребий направил, спешит к Гомолоидам Гемон высоким,
 а из Прегийских — Гипсей, и Дриант из Электровых вывел
 войско, в Гипсисты стучат отряды Эвримедонта,
 мощной души Менекей ворота Диркейские занял.

Нил удаленный, когда впивает он устьем великим
 яства небес супротивных и снег, от Зари приходящий, —
 360 русло свое разделив, так семь по простершимся пашням
 наводков в море несет, — и тогда Нереиды в глубины
 скрыться спешат, опасаясь попасть в опресненные воды.

Скорбно навстречу шаги влачит инахийская младость:

в первых элейцы рядах, лаконян, пилосцев отряды, —
 Фиодаманту вослед они устремляются наспех:

отнят пророк, а новый еще непривычен водитель.

Полк не твой лишь тебя, о владыка треножников, ищет:
 войску всему ущерб причинен, — шести полководцам
 шлем уступает седьмой. — Так, если в прозрачном эфире
 370 скроет из звезд паррасийских одну завистливый облак, —
 меркнет Возка красота, без светила смецается полюс,
 и, растерявшись, пловцы путеводные звезды считают.

Ныне — сраженья зовут: обновясь, собери, Каллиопа,
 силы иные, дай мне, Аполлон, мощнейшую лиру.

Час, роковой для племен, добровольно его призывавших,
 гибельным выведен днем, и Смерть, из стигийского выйдя
 сумрака, зрит небеса и, летом своим осеняя
 бранное поле, к мужам чернеющей пастью взывает;
 не простолоудье любя, но кончину достойнейших жизни,
 380 тех, чьи лета и пыл совершеннее, ногтем кровавым
 метит, и пряжа Сестер обрывается для обреченных
 разом, и Парок уток добычей становится Фурий.
 Посередине полей с копьём, покуда не влажным,
 Браневладычный стоит, к тем — щит, а к тем обращая
 громкий доспех, и губит дома, семейства, младенцев.
 К родине гаснет и — та, что последней из сердца уходит, —
 к жизни любовь; устремил к рукоятям и древкам копейным
 длань напряженную гнев, дыханию пылкому тесны
 панцыри, и на власах подъятых шеломы трепещут.

390 Диво ль, что мужи в огне, коль против врагов пламенеют
 кони и ливнем седым орошают взрытую землю;
 мнится, они с седоками срослись и окутались гневом
 всадников: мощно грызут удила и сражения просят
 ржанием, встав на дыбы и под конниками быгибаясь.

Мчатся уже, и уже под ногами мужей заклубилась
 первая пыль, и с обеих сторон в поспешности равной
 близятся рати, и вот меж них сокращается поле.

Щит щитами уже отбит, наверхьем — наверхье,
 меч угрожает мечу, шаг — шагу, и дротнику — дротик;
 400 столь одинаков напор бойцов, выдыхающих жарко,
 что на шеломе врага налетевшие перья сверкают.
 Битвы лик — прекрасен еще: вздымаются гребни,
 всадник на каждом коне, с колесничими все колесницы,
 целы доспехи, щиты — блестят, разукрашены тулы
 и пояса, и злато еще не залито кровью.

Вскоре же яростный пыл и себя не щадящая доблесть
 сыпали дупами так, как не хлещет при льющих Коозятах
 кручи родопских хребтов Медведица смерзшимся ливнем.

410 Так не гудит Авсонии брег, когда громыхает
 в небе Юпитер, и град истязает Сирты не столько,

ежели черный Борей шлет в Ливию дождь италийский.

Свет затмился от стрел, в небесах железные встали тучи, и дротам уже нет места в воздухе тесном. Гибнут от пущенных те, другие — от копий отбитых, Кол налетает на кол, и каждый силу другого губит, дробится копьё о копьё, свистящие камни льют из пращей, летучий свинец и смертью двойною грозные стрел острия с блистающей молнией схожи. Наземь снарядам упасть невозможно: телам достается
 420 каждый железа удар,— наудачу и губят, и гибнут. Доблести труд случайность вершит: толпа то отступит, то налетит, то поле отдаст, то вновь возвращает.

Так, когда облаков и ветров отпускает поводья грозный Юпитер и мир от вихрей дрожит переменных,— в небе стоит разногласная рать: то Австра мощнее, то Аквилона порыв, покуда в битвенной смуте краснопогодьем один иль ненастьем другой не осилит.

Битвы зачин — Асопов Гипсей, эбалийцев отряды прочь отогнавший: они, родовым надмеваясь величьем,
 430 натиском крепких щитов сокрушали эвбейское войско; он же исторг из рядов предводителя клина Меналку. Сей, лаконец душой, реки питомец суровой, предков не посрамил: копьё, входящее в грудь, он — тыл от позора храня — вытаскивает, сокрушая кости и плоть, и кровавое шлет на врага ослабшей дланью. Пред взором его умирающим кручи Тайгета милого всплыли, бой и в честь матери славные плети.

Федим сражен Иасид из лука диркейским Аминтой: Парки поспешны, увь! — уже впиваются в пашню
 440 Федима пальцы, а лук еще не умолк у Аминты.

А Калидонский Агрей отсек у Фегея десницу вплоть до лопатки: она на земле сжимает и движет, неукротимая, меч. Испугался лежащей средь копий мимоидущий Акет и смирил обрубок ударом. Ярый Иффиса поверг Акамант, Арг — диким Гипсеем ранен, Феретом — Абант; лежат, над увечьями плача разными, конник Иффис, Арг пеший, Абант колесничий.

С Инаха два близнеца близнецов из кадмова рода, шлемами скрывших лицо,— о слепое неведение битвы! —
 450 насмерть железом разяют; но, снимая доспехи с убитых, видят, что зло свершено, и каждый из братьев, с печалью взгляды другого лоя, о равной ошибке жалеет.

Пизы насельник Ион Дафнея, пасельника Кирры, сверг; коней испугав,— с небес восхваляет Юпитер первого, тще о втором Аполлон припоздавший крушится.

Счастье метит мужей могучих из ратей обеих кровью сраженных врагов: данайцев — Гемон Кадмеец

губит и гонит, Тидей — тирийцев преследует, ярый;
рядом с одним — Паллада, другой — Тиринфием полон.

460 Зимние два таковы потока, с вершин высочайших
рвущиеся и двойным водопадом летящие долу;
кажется, спорят они, кто рощи и пастбища глубже
взроет и скроет мосты; когда же их воды вмещает,
перемешав, единый разлог, то — гордые — тщатся
розно бжать, разойдясь до совместного в море впадения.

Ид Оухестийский спешил, потрясая огнем дымоносным,
между срединных бойцов и, греков ряды разрушая,
пламенем путь расчищал; его копьем поражает
ярый Тидей, раскроив шелом могучим ударом.

470 Ид на спине, громадный, лежит; изо лба, выступая,
древко торчит, а к вискам крадется упавшее пламя.
Молвил над мертвым Тидей: «Не скажешь, что Арги жестоки:
вот и костер, — гори же в своем огне, о фиванец».

После же, возликовав, — так, крови отведав, тигрица
стадо всё начинает губить, — он камнем — Аона,
Хромия с Фолом — мечом, двоих Геликаонов — дротом
жизни лишил, — родила их Мэра, Венеры Эгейской
жрица, нарушив запрет богини; кровавым Тидеем
вы сражены, а мать — всё богиню жестокою молит.

480 Мечен не менее шаг геркулесова Гемона буйством
смерти: железо его, несytое сотнями, тратит
то спесивую мощь Калидона, то рати Пилены
хищные, то сыновей печального Плеврона гонит.
И с утомленным уже острием на оленского Бута
он нападает, а тот как раз обернулся с призывом
не отступать: ни ланит, ни волос не касавшийся мальчик, —
мальчик двупёрою был поражен фиванской стрелой,
точно умеченной в шлем; острием оказались пробиты
оба виска, и на плечи легли отсеченные пряди,

490 и без испуга с черты непредвиденной жизнь улетела.

Русый Гипаний затем и русый Полит погибают
(этот для Феба браду, тот гриву растил для Иакха, —
но не помог ни один); Гиперенора к ним причитает,
следом — Дамаса (Дамас убегал, но пробившее панцырь
вышло из персей копье и щит, прижимаемый дланью,
выбило и уперло, улета, на кончике жала).

Гемоп исмеский еще погубил бы врагов инахийских
много (оружье ему подавал и поддерживал силы
Амфитриониад), — но Тидея павстречу Паллада
500 ярого шлет, и уже осепявшие милостью разных
встретились. Первым сказал Тиринфий миролюбиво:
«Случай какой, дорогая сестра, во мраке сраженья
нас к столкновенью привел? Неужели Юнона-парица
оной причина беды? Но она обнаружит скорее —

вымолвить страшно! — что я на перун устремился, сражаясь с мощным отцом. А Гемона род... — но оставим, поскольку мил супротивник тебе, — и пусть Тидеево древко метит хоть Гиллу в лицо или Амфитриону, когда бы мог он от Стикса уйти; — я помню и век не забуду,
 510 сколько и дивная длань, и эгида твоя потрудились ради меня, кто слугой в тяжелейших скитаниях земли все обходил. Ты со мной сопутницей и в недоступный Тартар — когда б Ахеронт богам не закрыт был — сошла бы. Ты для меня — небеса и отечество: можно ль такое в слове обнять? — Целиком разрушь, коль замыслила, Фивы, — я уступлю и прошу о прощении». — Молвив, уходит. Тронул Палладу почет: смягчилось лицо, перестали щeki пылать, на груди успокоились вставшие змеи.

Видя, что бог отошел, беспомощней Гемон кадмейский
 520 мечет копьё и не может узнать бросающей длани; и у него что ни миг исчезают и силы, и бодрость, и отступления стыд; нападает герой ахелойский на отходящего: дрот, ему лишь подъемный, колеблет и направляет удар туда, где не скрытая шлемом, выше, чем кромка щита, уязвимая светится шея. И не ошиблась рука, и жизнь — достигнута древком, но помешал Геркулес, копьё дозволивший только слева коснуться плеча, — и Тритония брату простила. Гемон не смеет уже ни на месте стоять, ни навстречу
 530 прыгнуть, ниже выносить лица кроволюбца Тидея: сломлена сила его, и уверенность духа исчезла.

Словно кабан, чей щетинистый лоб оцарапан лукаским жалом, — хотя острое и не тронуло мозга глубины, ибо десницы удар был несчастлив, — для гнева уловку ищет и против копья испытанного не стремится.

Следом главу верховых (негодую на то, что счастливой мышцею точные тот рассеивал стрелы), Протоя бурный Ойпид поразил: два тела — конь и наездник — дротом пробиты одним; на Протоя упавшего сверху
 540 падает конь, вмяная шлемом искавшему дланью выпавший повод — в лицо, считом же ему раздробляя грудь; наконец, удила с последнею кровью извергнув, конь затихает, свою близ хозяйской вытянув выю.

Вяз оплетенный лозой — садовода двойная утрата — падает так с Гауранской горы, — и больше крушится гибелью общею вяз, на лету не о собственных ветках плача, но только о том, что невольпо он грядья сминает.

Вооружает себя па данайцев Юримб Геликонский, Музам служивший досель; не чуждая пряже стигийской,
 550 смерть предсказала ему Уранья, звезд положенie знающая; по боев и воителей тот домогался, —

видно, чтоб их воспевать; сам пал он для песни и долгой славы, и гибель его, чередуясь, оплакали Музы.

Атис, что был обручен с агеноровою Исменой, юноша, Тирской войне совсем не чужой, выступает. Был он из Кирры, но все ж и в бедах не переменялся к тестю и теще: глазам влюбленным безвинная кротость горя и скорбный наряд к украшенью невесты служили.

560 Сам он — отменно хорош, и дева — с ним красотою схожа, и дай им судьба — они подошли бы друг другу; брак запретила война. Тем пуще врагов ненавидя, в первых рядах он бросился в бой и отряды Лернейцев — то в рукопашном бою, то, правя поводьями, сверху — как на показ — отгонял. В троекратный пурпур одела плечи, еще не раздавшиеся, и гладкие перси мать ему; из золота — щитки, позолочены стрелы и рукавицы его, и перевязь — чтобы супруге не уступать; и был перевит шлем поверху золотом.

570 Вот на какой положась доспех, звал греков он биться! К кознице легкой сперва устремившись с копьем, он добычу спутникам передает и к верным отрядам отходит, выиграв бой. Так лев каспийский во мраке гирканском (юный и страшной красы не обретший — желтеющей гривы, и не проливший еще, невинный, крови обильной) логова невдалеке похищает, козь страж отлучится, медленный скот и нежной овцой свой глад утоляет. После ж, доспеха его не признав и мера по виду, не утратился дерзнуть на Тидея, и немощным дротом мужа пытал, на других скрежетавшего и за другими гнавшегося.

580 Наконец, этолиец взоры случайно к слабым ударам его обратил и, смеющийся страшно: «Вижу, негодник, давно ты почета великого смерти жаждешь», — сказал. И с тем, смельчака меча или дрота не удостоив, легко метнул, перстов не сжимая, нож, непригодный в бою, — и тот, просвистев, попадает в пах, да так глубоко, как если бы с силой был пущен. Не усомнясь, что убил, Ойнид горделивый доспехов трогать не стал: «Не тебе же, о Марс, и не ратной Палладе их посвящать, — говорит, — а носить самому запрещает стыд; вот если б меча, оставив чертог, Деипила сопровождала в боях, — я взял бы их — ей на потеху».

590 Молвил и гордой душой к ценнейшим наградам сраженья был уведен. Так лев, средь убийств бесконечных случайно нежных телиц и телят поразив невинных, мчится мимо — в свирепой алчбе упиться могучею кровью и успокоиться лишь у быка-вожака на загривке.

Но Менекея достиг предсмертный Атисом павшим изданный крик. Коней повернув, с колесницы летящей

спрянул и видит: на труп налетела тегейская сила,
 600 тирских же воинов — нет. «Устыдись, кадмейская младость,
 и не позорь земнородных отцов! Да где ж вы, отродье
 низкое?!» — крикнул. — «Ужель по душе, что простерт чужестранец
 Атис, досель чужестранец, своей еще не супруги
 мститель несчастливый сей? И мы — ужель потеряем
 оный залог?» — Отряды, стыдом укрепленные правым,
 ринулись в битву, и долг возвратился каждому в сердце.

А между тем во дворце, в потаенный покой удалившись,
 братьям своим не в пример, неповинные дочери Эдипа —
 610 сестры беседу ведут, разнородные жалобы множа
 не о сегодняшнем зле, но самом источнике бедствий.
 Эта оплакала брак материнский, та — очи отцовы,
 брата на троне — одна, другая — изгнанника брата,
 обе — войну. И медлят они молить о злосчастных:
 страх за обоих томит, не знают, кому пораженных
 или победы желать; но втайне — с изгнанником обе.

Так, едва обретут пандионовы птицы приюты
 верные и очаги, от коих зима прогнала их, —
 тут же, над гнездами встав, о древних источниках бедствий
 кровлям поведать спешат — не словами, но резким и скорбным
 620 щебетом (впрочем, сей звук словам не совсем не созвучен).

После же, слезы прервав и молчание долгое, первой
 молвит Исмена: «Почто сей обман и яви подобье
 смертных смущает? Почто в забытьи нас мучат заботы,
 и перед спящей душой возникают живые виденья?
 Я вот, которой и мысль не пришла бы о брачном чертоге
 даже и в мирные дни, — как стыдно! — увидела ночью
 свадьбу свою. Откуда принес жениха с незнакомым
 ликом бессмысленный сон? Я у нас его только однажды —
 в пору, как с ним обо мне, меня не спросив, сговорились —
 630 видела — и против воли, поверь. А после внезапно
 перемешалось все: вдруг гаснет огонь, и за мною
 говится, злобно крича, чтобы Атиса ей возвратили,
 мать жениха. Какую беду сей сон предвещает?
 Я — не боюсь, — лишь бы дом не погиб, и воин дорийский
 спасся, и нам удалось унять распалившихся братьев».

Так они речи плели. Но от шума внезапного скорбный
 дом ужаснулся: несут отбитого с вящей натугой
 Атиса. — юноша жил, но крови почти не осталось,
 рану сжимала рука, голова бессильно свисала
 640 с края щита, волоса перепутались, лоб закрывая.
 Первою видит его Иокаста, — трепеща, Исмену
 милую кличет: молил лишь об этом кончавшийся голос
 зятя, из уст ледяных одно лишь еще вылетало
 имя невесты. Вопят служанки, к ланитам взметнула
 дева персты, — безжалостный стыд не пускает, по гонит

мать: предсмертной мольбе не смогла отказать Иокаста, — дочь привела и лицо ей открыла. Пред самую смертью, званый четырежды, взор и угасшие очи отважно поднял, — и только ее, позабыв и о свете небесном, ⁶⁵⁰ видит, но взора лицом любимым не может насытить.

Так как и матерь была далеко, и скончался прекрасной смертью отец, — невесте обряд печальный доверен: вежды прикрыть. И она, уже ото всех удалившись, горестный стон издала и очи в слезах утопила.

Так было в Фивах. Меж тем, и змеями свежими пыша, и обновленным огнем, Энио продолжала сраженье. В битву стремятся бойцы, как будто теперь лишь удары первые нанесены и блеск не утерян мечами.

⁶⁶⁰ Всех превосходит Ойнид; хотя без промаха стрелы Партенопей рассылал, и давил умирающим лица Гиппомедонт разъяренным копом, и сосны Капаея дальний полет без труда узнавали полки аонийцев, — все же — Тидеев сей день: бегут от него, устроясь крика: «Почто вы кажете тыл? Отмщать подобает за убиенных друзей и за скорбную ночь — расплатиться. Это ведь я погубил — один — пенасытным убийством жизни пятидесяти: и столько же, столько же длапей выставьте ныне! Ужель ни отец, ни единоутробный брат ничей не погиб? Иль горе уже позабылось?

⁶⁷⁰ Вы к инахийским меня отпустили Микенам позорно, — в Фивах вы все таковы? Где ж царская сила и где же сам выдающийся вождь?» — И в это мгновение видит: тот на левом крыле побуждает отряды, сверкая гордым убором главы. Тидей, запылав, устремился так, как птица грозит огненосная лебеди белой и осеняет ее, смятенную, тенью огромной.

Первым — Тидей: «Справедливейший царь аонийского рода! В битве давно мы сошлись, а теперь и мечи показали? Или же ночи опять подождем и привычного мрака?»

⁶⁸⁰ Тот — ни слова в ответ, но к противнику древко со свистом мчится, неся порученье вождя; его на излете перехватил и отбил герой осторожный и также истово дрот огромный метнул с невиданной прежде силой, и жало его несло, супротивнику вершой смертью грозя. Богов сидонских и греческих взоры к ним обратились, помочь готовых. Эриния, твердо противостав, сберегла Этеокла для страшного брата, — в оруженосца копьё угодило — Флегия. Лютый бой завязался тогда: этолиец с мечом обнаженным ⁶⁹⁰ ринулся яростно, — вождь отступил, а его прикрывали силы фиванские. Так пастухи густою толпою волка во мраке ночном от бычка отбитого гонят, —

волк же бесчинно вперед устремляется, не замечая бдящих: его лишь, его, с кем однажды схватился, взыскует. Так и Тидей сквозь защитников строй, как будто число их невелико, проходит с мечом и в ланиты Фоанта, в грудь Деилоха разит, в бок — Клопия, а Гишпотада грозного — в чрево; и вдаль отсеченные части кидает и то и дело до туч непорожные мечет шеломы.

700 Вот он телами уже окружен и доспехами вавших, — на одного устремимся все, одному посвящая стрелы и копыя свои: те в самые кости впились, те пронеслись, не попав, Тритония часть отвратила, множество в щит вонзены, — он, древками густо усеян, роши железной уже не может вместить; и растерзав вепрь родовой на плечах и спине; и гордая слава грозного шлема (Градив на вершине его воздымался) рухнула — горестный знак для хозяина. И, накаляясь, голая медь защищала виски, и, звонким отбиты

710 верхом, свергались на щит и броню налетавшие камни.

Вот уже шлем заалел, побсжал по израненной груди черный поток, сочетающий пот с горячею кровью. Он обернулся: свои — ободряли, вдали прикрывала, загородившись щитом, Паллада верная взоры, прочь уходя, — слезами склонить отцовское сердце. Ясень в тот миг зефиры рассек, несущий с собою мощные гнев и судьбу. Метнувшим копые неприметный был Астакид Меланипп, — он сам вперед не стремился, он предпочел бы сокрыть свою длань, но отряда восторги

720 всем указуют его: увы, Тидей, наклонившись, бок приоткрыл, окружность щита отстранив на мгновенье. Крик аонийских бойцов смешался со стопом целасгов: выслав подмогу, они негодующего прикрывают, он же, вдали разглядев врагов посреди Астакида жалкого, всеми души остатками сосредоточась ради броска, — устремляет копые, которое подал ближний Гоплей, — и кровь от усилия хлынула пуще. Скорбные спутники тут вожделевшего битвы — о ревность! — прочь увлекают, а он всё ищет копые и, кончаясь,

730 смерти не хочет признать. Его на окраине самой поля, с обеих сторон оперев на щиты, полагают и обещают ему, что к боям разъяренного Марса он возвратится еще. Но тот и сам уже видит, что удаляется свет и пейстовый пыл исчезает в холоде смертном. И он, приподнявшись, кричит: «Инахиды, сжальтесь: прошу не о том, чтоб останки доставили в Аргос или в этолийский предел, — погребенье меня не заботит; я ненавижу и плоть, и это непрочное тело, дух мой предавшее, — нет, но голову, голову если б

мне принесли — твою, Меланипп! Ведь ты, я уверен, корчишься в поле: меня мой последний удар не обманет. Мчись же, молю, если ты и впрямь от Атреевой крови, Гиппомедонт; о Аркадец, ступай, прославленный первой битвой; и ты, Капаней, — днесь в войске аргосском сильнейший».

Ринулись все, но первым вперед Капаней устремился и, Астакида найдя и подняв из клубящейся пыли, тащит живого еще и на левом плече доставляет, влагой из раны его растревоженной спину окрасив, — словно Тиринфий, когда, от аркадской пещеры вернувшись,
750 в Арги, воздвигшие крик, он внес полоненного вепря.

Тут приподнялся Тидей, приблизил лицо и в безумье радостной ярости впал, уста хрипящие видя и угасающий взгляд; и, в оном себя узнавая, он Астакида велит обезглавить, на взятую шуйцей голову вражью глядит, безжалостный, и свирепеет, страшные взоры очей не остановившихся видя. Жалкий, он был ублажен; но мстительнице Тисифоне этого мало. — Уже возвратилась Тритония с неба, просьбой отца умолив о бессмертной для жалкого чести, —
760 что ж она видит? — Тидей, разбитого черепа мозгом обезображен, уста оскверняет кровью живую — и помешать не могут друзья; взъярившись Горгона встала, волосы распустив, и торчат, осеняя богиню, змеи. — Паллада бежит, от лежащего отворотившись; но в небеса отошла не прежде, чем ей сокровенный огонь и безвинный Элис очистили влагою очи.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

И аонийцев ярит Тидея кровавого зверство:
сами над телом его инахиды не столько стенают,
сколько героя хулят и пеняют, что гнева границы
он преступил. Говорят, даже ты, из богов жесточайший,
сам учинивший тогда, о Градив, исступленную бойню,
доблестью к павшего был раздосадован: ты отвратился
сам от него и дрожащих коней повернул, удаляясь.

Вот почему кадмейская мощь отмстить оскверненный
раной чудовищной труп Меланиппа с таким же стремится
10 рвением, как если б отцов потревожены были в могилах
кости и отданы их домовины чудовищам диким.
Царь сверх того разжигал: «Кто ныне возможет людскую
жалость к пеласгам питать, которые, хищно вгрызаясь, —
вот она ярость, вот сколь пресыщено наше оружие! —
плоть раздирают? Ужель вы сочли, что с гирканскими бьетесь
тиграми или в поход против львов устремились ливийских?
Ныне покоится сей — о прекрасная кротость копчины! —
вражью главу сжимая в зубах и сладкой — о гнусный! —
кровью упившись. У нас — костры и меч беспощадный;
20 гнев обнаженный — у них, — их зверству не нужно оружие!
Пусть же безумствуют, пусть наслаждаются светлою славой, —
только бы, горний отец, ты видел их! Но ведь расселось
поле, стена, и земля умоляет изгнать их, — снесет ли
их даже собственный край?» — Изрек и увлек с величайшим
пылом и шумом мужей. Все в ярости равной стремятся
тело Тидея отбить ненавистного и о доспехах
спорят. Подобно сему скрывают небо нечистых
полчища птиц, которым ветра издалека доносят
гибели мерзостный дух от павших и непогребенных:
30 жадные, с криком летят, и звенят воздушные кручи
плесками крыльев, и ввысь отступают меньшие птицы.

Быстрая, жарко журча, Молва по полям аонийским
между бойцами бежит и проворней обычного мчится,
вести дурные неся; наконец, к тому, чей известьем
трепетный слух всех боле сражен, — к Полинику прокралась.
Юноша окаменел, набежавшие слезы застыли, —

он не поверит никак: знаменитая доблесть Ойнида
смерти его ожидать и требует, и запрещает.

40 После ж того, как погибель его несомненно открылась, —
тьмою и очи, и ум помрачались, замерло сердце,
рухнула вдруг десница с мечом, увлажнился от плача
самый шелом, и щит, соскользнув, угодил в наголенник.
Скорбен, бессильно влачит он стопы, вслед тащится древко, —
мнится, что тысячью он поражен ударов, и раны
тело изъели. Друзья, окружив, на стенищего смотрят.

И, наконец, отбросив и меч, и щит непосильный,
он, беззащитный, упал на уже бездыханное тело
друга и слезы над ним с такими глаголами пролил:

50 «Вот как тебе, о моя величайшая битвы надежда,
я благодарность, Ойнид, и награды воздал по заслугам:
ты — безоружный лежишь на кадмейской земле ненавистной,
я — невредим. Отныне навек я изгой бесприютный,
ибо у жалкого брат — другой: совершеннейший — отнят.

Прежнего жребия днесь, диадемы преступной и царства
проклятого не ищю, — мне ль в радость такую ценою
купленный скиптр, коль его не твоя вручит мне десница?

Мужи, уйдите, меня свирепому брату оставьте:
не к чему больше пытаться мечи и погибели множить, —
прочь уходите, ничем вы мне не поможете больше:

60 мною погублен Тидей, — и смертью сего не изкупишь!
Арги, и тещь, и в первую ночь та счастливая распря:
встречные выпады рук и долгой любви залогом —
краткая ярость! — Тогда бы меня, о Тидей величайший,
собственным ты и пронзил мечом у порога Адраста!
Ради меня ты и в Фивы пошел добровольно, в преступный
брата дворец, откуда другой не смог бы вернуться, —
так, словно скиптр для себя и почесть свою возвращал ты!
О Теламоне тогда, о Тесее молва замолчала.

Ты же — таков! — и убит... — Чьим рапам вперед удивиться?

70 Где здесь твоя, где противников кровь? Чьей ратью, какими
тьмами бессчетными ты побежден? — Но так ли? Не сам ли
битвы родитель, сам Марс, взревновав, направил оружие?»

Так он сказал и другу уста от запекшейся крови,
скорбный, слезами омыл, и отер, и десницей сомкнул их.

«Ты супостатов моих ненавидел смертельно, — ужели
я еще жив?» — и стремительно меч извлекает из ножеп
и направляет удар, — но держат друзья, увещает
тещь и, превратности битв и судьбы перебирая,

80 буйство смиряет и прочь от любезного тела — истока
скорби, будящей в душе желание смерти, — уводит
и меж глаголами меч водворяет безмолвно на место.

Он же бредет, словно бык, который содольщика тягот
посередине полей потеряв, борозду оставляет

начатую и, шею согнув, перекошенный запряг
частью волочит, а часть подбирает плачущий пахарь.

А между тем, на призыв и доспех Этеокла равняясь,
юных отборный отряд, кого ни Тритония в битве,
ни даже Марс в копейном бою отнюдь не презрел бы, —
ринулся; насупотив утвердился, щитом прикрывая
90 грудь и вперед выставляя копьё, и сдерживал строй их
доблестный Гиппомедонт, — как утес под натиском бури:
небо его не страшит, отступают разбитые волны,
он же — недвижим стоит пред угрозами, понт устрашая,
и издалёка его корабли обреченные чуют.

Первым тогда Аонид, летучее древко нацелив,
крикнул: «Не стыд ли смотреть на маны сии и на этот
труп — сраженья позор — пред богами и небом всезрящим?
Оного зверя ужель погребать достославной пристало
доблести в стольких трудах? Боюсь, что плачей достойный
100 Аргос и тот не пойдет за проклятым прахом и сбросит
мерзкую кровь с одра погребального. Тщанье оставьте.
Хищные птицы, и те, и нечистые твари, и даже
чистый огонь его не пожрет». — И только; но древко
мощное мечет: щита суровой задержано медью,
жало пронзает ее и в прослойке второй застревает.
Следом — Ферет, и стремительный Лик, — но древко Ферета
воздух разит, а Лик задевает шелом, устрашавший
гривой высокой, и та, копьё наконечником сбита,
прочь отлетает, и шлем обнажается, славы лишешный.

110 Сам — ни назад ни на шаг, ни вперед, хоть и гневен, не рвется
на супрогивную рать, но, не двигаясь с места, удары
и отбивает, и шлет, не позволив деснице ни разу,
слишком увлекшись, уйти далеко, и во всяком движеньи
тело Тидея блюдет и хранит, и вокруг и над телом
кружит. — Свой первый приплод, теленка бессильного, мать —
ежели волк нападет — заслонив, опекает не столько,
грозно рогами водя в двуостром круговращеньи:
страх ей неведом, она забывает свой пол слабосильный, —
пеней покрыта, быков воинственных напоминает.

120 Но, наконец, перерыв копейного ливня позволил
копьё направить в ответ: уже и Алкон Сикионец
прибыл на помощь, уже и пизейские быстрого Ида
конники прибыли, клин пополняя. Им радуясь, мощный
ствол лернейский и сам во врагов он метнул: как из лука
пущенный, дрот полетел и, ничем не задержан, Полита
тело пронзил и пробил щит Мопса, стоявшего рядом.
Следом Фокидец Кидон был сражен и Фалант из Танагры,
следом Эрику (когда, погибели не ожидая,
тот за копьём обернулся) пронзил затылок под гривой.

130 Тот, не входивший в уста наконечник почувствовав в глотке,

смерть с изумленьем приял, и брызнули одновременно ропотом полная кровь и железом разбитые зубы.

Тайно просунуть дерзнул Леонтей десницу, скрываясь сзади мужей и оружия их,— чтобы тело, схвативши за волосы, утащить, но Гиппомедонт, хоть угрозы всюду его стерегли,— увидел и дерзкую руку лютым железом отсек и крикнул: «Считай, что Тидеем длань отнята,— Тидеем самим: мужей и по смерти бойся и, жалкий, беги, не касаясь их манов могучих».

140 Трижды кадмейский отряд оттаскивал грозное тело, трижды давайцы его отбивали. Средь волн сицилийских бури страшась, так блуждает ладья,— хоть с бурей кормчий спорит, но вспять возвращает ладью отвернутый парус.

И не смогли бы тогда отряды сидонские с места Гиппомедонта согнать, и его бы, упорного, сдвинуть каменный град не сумел, и вскоре вернулись бы в страхе, крепость щита ощутив, нападавшие к башням высоким,— но элисийского речь царя не забыв и исчислив

150 вины Тидея, в поля облеченная хитростью злая мчит Тисифона: бойцы узрели ее и внезапный пот проступил у коней и мужей, хотя изменила облик богиня, представ инахийцем Галисом, злое пламя и плети убрав и волосы к молчанью принудив.

В латах она подошла к свирепому Гиппомедонту сбоку: приветливы взгляд и глаголы, но тот — устранился, лик говорившей узрев, и сам поразился испугу.

Та же, рыдая, ему «О прославленный,— молвила,— ныне попусту мертвых друзей и греков, землей не покрытых, (страх ли настолько велик иль уже погребенья заботит?)

160 ты защищаешь, когда сам Адраст отрядом тирийским схвачен и он всех прежде тебя, тебя призывает гласом и дланью! Я зрел, как сам он в крови поскользнулся и диадема, слетев, седины его обнажила.

Неподалеку отсель, обернись, вон пыльная, видишь, туча клубится?» — Герой, напугавшись, едва удержался, соизмеряя беду. А суровая дева: «Не медли!

Мчись! Иль держат себя эти маны, и тот не дороже, кто еще жив?» — Свой горестный труд и сраженье оставив верным соратникам, он отступает, но кровного друга

170 бросив, всё смотрит назад — по зову вернуться готовый.

После ж, читая следы ненадежные лютой богини, тщетно туда и сюда, сбиваясь, стремится, покуда злая не скрылась из глаз Эвменида, лаворевый щит свой бросив и тысячи змей распустив на месте шелома.

Туча рассеялась,— он, злосчастный, узрел инахидов: все — безопасны, вдали от угроз — колесница Адраста.

Телом Тидея меж тем овладели тирийцы: их радость

громкие крики уже возвещают, — до греков донесшись,
воплъ-победитель разит предсердия тайною скорбью.

180 И по враждебной земле — о рока могучая сила! —
тащат Тидея — того, пред кем фиванские рати —
шагом ли шел, в колеснице ль летел — расступались широко
слева и справа всегда; безоружен, и руки покойны,
ярости нет и следа: уста, сведенные смертью,
и устрашающий лик терзать безнаказанно можно.
Как это по сердцу всем! — И робкий, и храбрый влечется
славой десницу облечь, и крови испившие копья
каждый хранит жене показать и малым ребятам.

Так, если льва, в мавританских полях чинящего гибель,
190 из-за кого близ запертых стад сторожа не дремали,
скопом отряд пастухов обессиленный одолевает, —
пашни — ликуют, идут работники с криком великим,
гриву рвануть норовят, огромную пасть отверзают,
припоминают ущерб, и вот уж, прибитый, под кровлей
он помещен иль висит во славу дубровы старинной.

Яростный Гиппомедонт, хотя он и видел, что тщетна
помощь его и бороться за труп похищенный поздно, —
всё ж безоглядно идет, мечом незрячим врашая,
и меж своим и врагом — лишь бы не были шагу помехой —
200 не различает; ему ни доспехи, ни скользкая почва,
ни утомленье бойцов, ни уже распряженные кони
бой возродить не дадут, ни рапа в лядвее левой:
царь эхионский в пылу и вида не подал, что ранеп,
иль не заметил. Но тут оп скорбного видит Гоплея:
верным сопутником тот был Тидею великому, ныне ж
оруженосец ничей понурого вел крылопога, —
доли хозяина конь не ведал и ржал одиноко,
что без него тот в пешем бою отважпее бьется.

Новых наездников конь презирал хребтом горделивым,
210 ибо единую длань за годы неволи изведал.
Молвит Гиппомедонт: «Почто, звонкоступ несчастливый,
новой не примешь судьбы? — Впредь гордого витязя сладкой
ноши тебе не носить, не пастись в полях этолийских,
не погружать в ахелойский затон распущенной гривы.
Всё, что осталось, — отмстить за любезные маны иль сгннуть.
Мчись же и не о скорби — ты также — похищенной тевя,
после Тидея служа у надменного мужа в неволе».

Мнится, что конь услышал и зажегся, и молпиепнопо
Гиппомедонта понес, примирившись со схожею дланью.
220 (Так двуприродный Кентавр с заоблачной Оссы несется
долу: его самого высокие роши страпятся,
поле — коня.) Храпящий паскок поверг Лабдакидов
в ужас, а сверху теспит седок и, нежданпым железом
выи кося, за собой оставляет увечные трупы.

Вышли к реке: в тот день по руслу полней, чем обычно (знаменье бедствий!), Исмеп катил водяную громаду. Здесь — передышка на миг: рать робкая в беге усталом с поля к потоку влеклась, — пред мужами чуждая битвам гладь замерла и ярким зажглась отраженьем оружия.

230 Валится в воду толпа, осыпается с шумом великим круча, и скрылись в пыли берега стороны супротивной. Следом и Гиппомедонт огромным прыжком во враждебный прявул поток на смятенных, совсем ослабив поводья, в полном доспехе, и лишь в зеленую вбитые непашь дроты на время стволу тополиному препоручает. Духом упав, отдают одни добровольно оружие жадной волне, другие шелом погружают и — сколько сдерживать чаемый вдох под водой удастся — позорно прячутся; многие вплавь поток одолеть устремились,

240 только и поножи плыть не дают, и противится сбоку перевязь, и в глубину увлекает панцырь промокший.

Так под пенной волной голубыми рыбешками ужас овладевает, едва дельфина, в запретные глуби рвущегося, узревают они: вся в ямины стая скрыться спешит и в зеленой траве сбивается в страхе, а покидает приют, когда, изогнувшись, над гладью вновь он мелькнет, предпочтя с кораблем показавшимся спорить.

Так и герой разгонял метавшихся в водах потока, шуйцей держа удила, десницей — оружие, а греблей

250 ног — помогая коню, у кого привыкшие к полю легкие плыли, ища земли уходящей, копыта. Хромий — Иона, его — Антифон, Гипсей — Антифона, тот же Гипсей — Астиага сразил, и Лина сразил бы близко от берега, но — рок не дал, заранее пряжей смерть на земле назначив ему. Рать Фив утесняет Гиппомедонт, асопов Гипсей отгоняет данайцев. Оба потоку страшны, глубь оба красят густою кровью, и ни одному из реки не судьба возвратиться.

Вот уж влекутся ко дну, крутясь, безобразные трупы,

260 и возвращаются к ним отсеченные длани и лица; поверху тащит река щиты, и стрелы, и луки, и оперенный шишак не дает погрузиться шеломам. Всюду поверхность воды плывущим оружием покрылась, дно — мужами, — и там тела с погибелью спорят: выдохнуть жизнь поток не дает, устремившийся в горло.

Юный Аргип, теченьем несом, за прибрежный схватился вяз, — по по локоть ему Менекей отсекает жестокий руки, и, падая, тот еще сохранявшие силу зрит на взлетевших ветвях свои отсеченные длани.

270 Тага Гипсей сокрушил копьа могучим ударом: тот погрузился на дно, а кровь поднялась на поверхность.

С берега прынул в поток на спасение брата Агенор:
горе! — его он настиг, но, спасителя стиснув в объятьях,
раненый бременем стал; и Агенор, вырвавшись, мог бы
выплыть один, но стыд не позволил вернуться без брата.
Поднял десницу Капет, удар нанести собираясь:
бешеный водоворот погрузил его в струи витые,—
вот уж чело под водой, и власы, и длань исчезает,
в самый последний черед меч скрылся в струе необорной.

280 Смерть — одна — стообразно губя, настигала несчастных.
В спину войдя, облеклось микалесское жало Агиртом,—
тот обернулся: нигде не виден бросавший, но древко
в вихре воды понеслось и кровь на бегу отыскало.

Вот поражен звонкоступ этолийский в могучие плечи:
он высоко подскочил, подхлестнутый смертью, и воздух
бил на лету. Но не был седок потоком испуган:
нет, он оплакал коня и дрот из раны глубокой
вынул, стеная, и сам по воле оставил поводья.
Биться уже без коня продолжал: и шагом, и дланью
290 более тверд, храбреца Миманта и Номия труса
Лиха Фисбейца, за ним — Ликета Апфедонийца
силой железа унял, потом одного из феспийской
двойни,— когда же Панем запросил погибели сходной,
«Жив оставайся,— сказал,— и к чудовищным стенам фиванским
шестьей один: теперь вас не будут родители путать.
Слава богам, что в быстрый поток рукою кровавой
свергла Беллона войну: увлекает родимой пучиной
трусов вода,— и роптать одинокою тенью не будет
непогребенный Тидей близ ваших костров погребальных;
300 станете все вы морским чудовищам страшною пищей,
он же, несомый землей, такую же станет землею».

Так он врагов утеснял и раны растравливал речью.
То устремлялся с мечом, то, хватая плывущие копыя,
их посылал: Ферон, спутник безбрачной Дианы,
Гнас, насельник полей, и Эргин-мореход сражены им,
Герс, не срезавший волос, и Крефей, презиравший глубины,
тот, который не раз и мимо горы Каферея,
и по Эвбейским волнам в челне проплывал невеликом,—
что учинила судьба! — с пронзенною грудью в потоке
310 кружится он, в ничтожной волне потерпевший крушение.
Также, Фарсал, и тебя — пока, в колеснице высокой
переплывая поток, ты к своим устремлялся — дорийский
дрот, поразивший коней, опрокинул: потока свирепость
их, на беду сопряженных ярмом, погрузила в пучину.

Что ж, а теперь и о том, чей труд в надувшихся водах
Гиппомедонта сломил, почему Исмен, разъярившись,
в битву вступил,— дозвольте узнать, премудрые сестры:
вы возвращаетесь вспять и доносите древних преданья.

Одушевления полн, сын Фавна и нимфы исиенской
320 нежный Крелей сражения вел в волнах материнских.
Овний Крелей, для кого день первый — в пучине родимой,
место рожденья — поток, колыбель — зеленеющий берег,
предполагая, что здесь элисийские Сестры не властны,
радостный, ласкового то с того, то с этого края
деда переходил: идущему вниз по течению
шаг облегчала вода, и даже идущего против
не замедляли струи, и даже идущего против
не замедляли струи, и с ним возвращались к истокам.
Не дружелюбней скрывал чешую анфедонского гостя
понт, и над знойной Тритон воздымается гладью не больше,
330 иль Палемон, когда, мчась к матери милой в объятия,
он — на возвратном пути неспешного — гонит дельфина.

Красит доспех рамена, и щит замечательный блещет
златом, а выбит на нем исток аонийского рода.
Здесь на влюбленном быке восседает сидонская дева:
моря уже не страшась, рога не сжимает перстами
нежными и по воде ударяет стопами, играя.
Мнится, что бык — плывет по щиту и гладь рассекает, —
сходство в воде возросло, в волнах, на морские похожих.

Тут устремляется он с копьём и дерзкою речью
340 к Гиппомедонту: «Сей ток — не преизобильная ядом
Лерна, и этой воды геркулесовы не пили змеи.
Ты попираешь поток священный (и в том убедись!), —
бога и воды, меня воскормившие». — Молча навстречу
двинулся тот. Поток — супротивной волной накатился,
руку его удержал, но она, хотя и слабейший,
все же удар нанесла и в глубины души угодила.
Вздыбился в ужасе ток, леса с двух сторон зарыдали,
и отдались берега пространные ропотом грозным.
Из умирающих уст последний послышался шопот:
350 «Мать...» — и струи реки захлестнули несчастного голос.

Тотчас родительница в окруженье сестер синеоких,
ранена оной бедой, со стеклянного ринулась дола
и, распустив волоса, в исступлении щеки, и перси,
и зеленевший наряд раздирала жестоко перстами.
И поднялась над водой, и кликала снова и снова
гласом дрожащим: «Крелей!» — Нигде его нет, но приметой,
слишком знакомой, увы, обездоленной матери, сверху
плавает щит, а сам он — простерт в отдаленье близ устья,
там, где Имена струи сливаются с водами моря.

360 Так о плавучем своем жилище и влажных пенатах
плачет, оставшись одна, Алкиона, когда похищает
Австр — птенцов, а Фетида, озлясь, — озябшие гнезда.

Сирая вновь погружается вглубь и, скрывшись в пучипе,
мчится прозрачной стезей, куда бы, светясь перед нею,
та ви вела, но нигде останков несчастного сына

- не обретая, скорбит всё пуще, а страшные воды
взор ей, противостоя, застилают встречною кровью.
Всё же она, па мечи натываясь и дроты, перстами
щупает шлемы, а тех, кто уткнулся в песок, подымает.
- 370 К морю приблизясь, она еще не успела в Дориду
горькую выплыть, — и тут глубокой пучины добычу,
сжалившись, сонм Нереид к груди подтолкнул материнской.
Мать же тело влекла, заключив, как живого, в объятия;
на берегу положив, власами мягчайшими влагу
с мокрых стирала ланит и так причитала над телом:
«Жизнь для того ли тебе полубоги-родители дали?
Вот как, бессмертный отец, ты пашею правишь пучиной?
Мягче к несчастному твердь земли, враждебной и чуждой,
380 мягче морская волна, которая тело вернула
в устье реки и, казалось, ждала несчастную мать.
Это ль ланиты мои, и родителя дикого очи,
дедовы волны волос? Ты был еще давеча гордой
славою струй и лесов, при жизни твоей величалась
старшей меж нимфами я и над равными гордо царила.
Где вожделенных толпа искательниц пред материнским
взором и сонмы напей, тебе угождать вожделевших?
Ныне почто (мне лучше бы в злой глубине оставаться!)
в горе, Крелей, тебя, обхватив, несу я к могиле,
а не к себе? — И тебе не стыдно ль, увы, и не больно,
390 дед бессердечный? Какой недоступной подземной рекою
в недрах сокрыт ты настоль, что туда ни жестокая гибель
внука, ни вопли мои до сих пор не способны пробиться?
Здесь, в пучине твоей, надмеваясь, бесчинствует мощный
Гиппомедонт, и трепещут пред ним и воды, и берег,
и от набега его кровь нашу влага впивает.
Ты же — ленив и готов пеласгам потворствовать лютым.
Но выходи, наконец, и последнюю почесть, жестокий,
близким воздай: костер не для внука лишь должно готовить!»
- Плача, терзает себя, раздирает безвинные перси
400 в кровь, и воплям ее отвечают лазурные сестры.
Так Левкотей, еще нереидой не став, у истмийской
пристани вопль издала, увидав, как хладеющий отрок
из бездыханной груди изверг жестокое море.
Тут уж родитель Исмен, восседавший в священной пещере
(пьют из нее облака и бури, дуга огневая
кормится, и урожай на тирские пашни приходит),
дочери вопли и стоп услышал, неслышанный прежде,
издалека сквозь собственный шум, — мох с шеи суровой
сбросил и лед — с тяжелых волос, а из дланей разжатых
410 ствол полыхавшей сосны упал и сосуд покотился.
Тотчас Исмен берегам покрывшийся илом издревле
лик каменистый явил, — и леса, и меньшие реки

диву дались: таков он из вод поднялся надутых,
пенной главой вознесясь и выставив с шумом спадавшим
грудь, по которой текла брада голубая ручьями.
Дочери стоны одна из нимф, прибежав, объяснила,
внука кончину отцу описав, и виновника крови,
взяв за десную, ему указала. Исмен из пучины
вышел и водоросли с ланит и рогов оплетенных
420 длавью отряс и затем, клокоча, рокочушим гласом
начал: «Так вот как тобой почтен я, богов повелитель,—
я, многократный твоих и помощник затей, и советчик,
зревший — без страха скажу — рогá над челом измененным
лживые, знавший, что ты запретил распрятать колесницу
Фебе и вынужден был сжигающей молнией вспыхнуть;
и воспитавший твоих мощнейших детей! Или милость
к ним — дешева? — Но к струям моим обращался Тиринфий,
этой самой водой был Бромий мною угашен.
Видишь, какие мой ток переносит убийства и трупы,
430 копиями сплошь и другим оружием загроможденный?
Вся река — сражений черед, и все извергают
струи — злодейство, поверх и в глубинах воды убиенных
мечутся души, сводя туманами с берегом берег.
Ныне тот самый поток священные вопли подъемлет,
в чистом источнике чьем омывались кроткие тирсы
прежде и Вахка рога,— и, сдавленный трупам, в море
узкие ищет пути; ни жестокие токи Стримона
крови не знали такой, ни Гебр клокочущий бранным
глубже Градивом не рдел. И ужели кормилица-влага
440 ратей твоих и тебя не зовет, о родных позабывший
Либер, и мир для тебя на восточном Гидаспе дороже?
Ты же, добычей гордясь и невинного отрока кровью
чванясь, из этой реки к мочучему не возвратишься
Инаху и не придешь победителем к лютым Микенам,—
если я смертным не стал, а ты — эфиророжденным».

Так говорит, скрежеща, и вольно ярящимся водам
знак подает; ледяной Киферон с вершин посылает
помощь ему и древним снегам и пастбищам стужи
мчаться велит; и Асоп для идущего брата собирает
450 тайные силы и шлет в расщелинах скрытые струи.
Сам же Исмен перешарил земли пространные недра,
глуби озер, застоявшихся вод и болот неподвижных
все возмутил и, подняв уста ненасытные к звездам,
вычерпал влагу из туч дожденосных и высушил воздух.
Вот он поверх берегов, над обоими высаясь горою,
мчится, и Гиппомедонт, который по самым глубинам
только что шел, и вода пи плеча не касалась, ни локтя,
зрит с удивленьем: река — поднялась и его превышает.
Тут и там вскипает поток, валетевшая буря

460 буйствует, словно в морях, где она, поглощая Плеяды,
на оробевших пловцов Ориона зловещего гонит.
Именно так Тевмесский поток морскими волнами
Гиппомедонта разит, но тот выставляет наверх
слева, и пенистый вал через щит в пыланье зловещем
перелетает, ярьась, и, разбившись, отходит обратно.
Силы собрав, устремляется вновь и, громадою водной
не ограничась, несет берега размытые вместе
с чащей кустов, и стволы вековые, и крутит камень,
вырвав со дна. Борьба неравна меж потоком и мужем,
470 но — к стыду божества — муж тыла не кажет, угрозы
не сокрушают его, и он во встречные волны
входит и выставленным щитом отражает перуны.

Над исчезающим дном шаг стих, под ногой распрямленной
скользкие камни плывут; упереться пытаюсь, он вязнет
и размываемый след оставляет в обманчивом иле,
но насмехается так: «Исмен, сей внезапный откуда
гнев у тебя? Из потока чьего ты мощь эту занял?
Твой господин — невоинственный бог, и ведаешь кровь ты
раз в трехлетье, когда безумные матери в реве
480 вакховых флейт хороводы ведут и жертвы приносят».

Молвил, а бог, возмущаясь, навстречу ему устремился,
и по ланитам его песчаные брызги катились.
Яростен не на словах, он дубовым стволом ударяет
трижды, четырежды в грудь отражавшего патиск, насколько
гнев и бог позволял. Наконец, герой повернулся,
выбитый щит волоча, и, отворотившись, неспешно
стал отходить. Наступает вода, за скользящим, ликуя,
мчится поток, и к тому ж — камнями и градом железным
гонят тирийцы его и тщатся двойным опрокинуть
490 натиском. Как ему быть — осажденному битвой и бурей? —
Ни убежать от беды невозможно, ни славно погнубить.

На травянистой косе выступавшего берега ясень
между рекой и землей — но более дружный с рекою —
высился, воды своей подавляя огромною тенью.
Тот к защите ветвей (ведь не мог же он выйти на берег)
цепкой десницей прибег, — но повисшего ясень не вынес:
бременем, большим, чем он выдерживать мог, побежденный,
стал он валиться, потом, обнажая в поток уходивший
корень и те, которыми грыз безводную землю,
500 на задрожавшего сверг и себя, и брег и, внезапно
рухнув, героя накрыл, не могшего с тяжестью сладить.
В ямине воды сошлись, и непроходимая бездна,
жидкою грязью крутятся, разрасталася шире и шире.
Вот уже грудь, вот шею вождя заливают потоки
мощные, — и, наконец побежденный, последнее слово
выкрикнул он: «О Марс, о позор, ужель ты утопишь

душу такую? И я в болоте и водах застойных
сгину, словно пастух, сметенный коварным потоком
вдруг накатившей реки? Ужели я столь недостойн
510 пасть от меча?» — Наконец, склонившись к мольбам, Громовержцу
молвит Юнопа: «Доколь, о родитель богов, инахидов
бедственных будешь теснить? Уже и Паллада к Тидею
злойбой полна, и молчат, потеряв прорицателя, Дельфы.
Что же? И Гиппомедонт, чей род из Микен происходит,
Лары — в аргосской земле, кто чтит всех прежде Юнопу
(где ж благодарность моя?), безжалостным станет добычей
хищникам моря? — Досель и могилы, и огонь погребальный
ты побежденным дарил, — но где же кекропово пламя,
где же Тесея костры?» — Справедливых молений супруги
520 тот не презрел и в сторону Фив обратил мимолетный
взгляд: приказанию вняв, успокоились воды речные.

Плечи, лишенные сил, и пробитая грудь над опавшей
влагой видны: так в море, когда возлетевшая к тучам
буря уляжется, — вновь возникают и скалы, и суша —
цель мореходов, а гладь обнажает коварные камни.
Но для чего он на берег идет? — Теснит отовсюду
сонмищем стрел финикийская рать, и — лишившись покрыва —
тело обнажено для погибели: раны сочатся,
прежде в потоке речном застывшая, кровь на открытом
530 воздухе льется, разъяв просветы узких сосудов,
и, от студеной воды коченея, шаги непослушны.
Падает Гиппомедонт, как падает с гетского Гема
дуб, в небеса возносивший листву, — под напором Борей
или прогнив изнутри, — и великий просвет образует;
рощу паденье его и самую гору тревожит:
где упадет, и какие под ним сокрушатся деревья?

И не дерзает никто ни меча, ни убора коснуться:
собственным верят едва глазам, дрожат пред огромным
телом и ближе к нему с обнаженным оружием подходят.
540 Первым решился Гипсей: рукоять из мертвой десницы
высвободил и над грозным челом не оставил шелома, —
меж аонийцев идет, высоко вознося над блестящим
лезвием шлем — чтоб увидели все — и кричит, надмеваясь:
«Вот он — Гиппомедонт разъяренный, вот он, отомстивший
страшно Тидею смерть и с окровавленной пучиной
бившийся». — Издалека увидал и сдерживал горе
пылкий душой Капаней и, мышцею дрот веломощный
взвешивая, умолял: «Лишь ты мне, десница, в сраженьях
подлинно помощь несешь, и ты лишь — мой бог необорный,
550 я лишь тебя и молю и — презритель богов — призываю».

Так говорит и мольбу исполняет свою же мощью.
Мчит, содрогаясь, сосна сквозь щит и брони загражденье
медное и, наконец, настигает под грудью могучей

душу,— и рухнул Гипсей, грохоча, как высокая башня, если, удары приняв без числа и расшатана ими, падает та и в разрушенный град победивших впускает. Стоя пад ним, Капаней: «Тебе посмертную почесть,— молвит,— окажем: сюда посмотри,— ты мною повержен; счастлив умри, возносясь над другими тенями премного».

566 После берет и меч, и шелом, и срывает с Гипсея щит, и, им осенив бездыханного Гиппомедонта, молвит: «И вражьи прими, и своё, вождь мощный, оружие; вскоре останки твои почет ожидает, а маны — должный обряд; но покамест огонь погребальный не вспыхнул,— это надгробье тебе Капаней отомстивший воздвигнет».

Так переменчивый Марс равно меж сидонцев и греков делит потерь череду в сражениях кровопролитных.

Там о Гипсее, а здесь о яростном Гиппомедонте плачут, но то, что беда — обоюдна,— обоим утешно.

570 А между тем смущенная сном, предвещающим горе, грозная мать рассылателя стрел — младого Тегейца, пряди волос распустив и — как полагалось — босая, шла предрассветной порой к ледяному потоку Ладона, чтобы живою водой очистить зловещую грезу.

Ибо в ночном забытии, томимая гнетом заботы, видела мать — и не раз — что в храме ею прибитый падал доспех, и она меж гробниц незнакомых блуждала, изгнанная из лесов народом дриад разъяренных.

580 Видела мать, как с войны отряд возвратился с триумфом,— вооруженье, коня знакомого, спутников сына, но — не его самого; и видела тул опустевший, изображение свое в огне и призрак знакомый.

Но исключительный страх последняя ночь предвещала матери жалкой, ее до сердечных глубин растревожив.

Был в аркадских лесах плодородной прославленный мощью дуб, который она посвятила Тривии, в рощах выбрав среди многих дерев, и, преданно чтя его, богом сделала: здесь оставляла свой лук, и усталые стрелы, вебрей кривые клыки прибавала и полые шкуры

590 львов и оленье рога, на лесную похожие чащу.

Ветви — почти не видны, настолько их загромоздили пашен дары, а зеленую тень блеск застил железный.

Мнилось ей, будто она с охоты в горах возвращалась и эриманфской несла медведицы, ею добытой,

пасть,— вдруг видит: сей дуб, рассеченный огромною раной, листья свои обронил, и лежат на земле, издыхая, ветви в кровавой росе; а нимфа ей молвит, что в роще сонм кровожадных менад и враждебный Лизэй бушевали.

600 Стонет она и в бесплотную грудь ударяет,— по очи морок прервали ночной; вскочив с тревожного ложа,

хочет она одного, чтоб рыдания явью не стали.

Вот почему, в ток трижды власы погрузив и очистясь, и утешающие в материнских тревожных заботах речи присовокупив, к Дианы Воинственной храму утренней мчится росой и знакомые с радостью видит чащи лесные и дуб. Тогда, пред очи богини став, обращается к ней — вотще! — с такими словами: «Дева, Владычица роц, чью грозную службу и знаки небезопасные чту, свой немощный пол презирая, —
610 и не на греческий лад: ни племя живущих сурово колхов не чтило тебя безупречнее, ни амазонки. Если меня никогда не манили ни пляски, ни игры буйных ночей и, даже на брак решаь ненавистный, ни оплетенных лозой не носила я тирсов, ни мягкой пряжи, а с мужем сойдясь, не покинула сумрачной чащи, и до сих пор — охотница я, и душою — безбрана; — я не стремилась свой грех сокрыть в потаенных пещерах, но, показав младенца тебе, у твоих положила
620 ног, повинясь, дрожащий приплод, а он — благородной крови — он к луку пополз моему нимало не медля, дрот потребовал дать, как только словам научился; — сына... — ведь мне по почам тревожные сны угрожают — сына, молю, — он ушел на войну, положившись чрезмерно, горе, на дерзкий обет тебе — победителем в битве дай мне узреть, — или просто узреть, коль это чрезмерно! Дома оружием твоим пусть бьется. Избавь от зловещих снов, о богиня! Почто, дубравная Делия, в наших рощах вражьи царят менады и боги фиванцев? Горе мне! Но почему — пусть лживой пророчицей буду! —
630 по почему я считаю сей дуб великой приметой? Если же бедственной мне сон верные шлет прорицанья, — ради страданий моих материнских, Диктинна благая, вещего брата почтив, пронзи злосчастное чрево верной стрелой и дозвожь, чтоб о гибели матери жалкой первым сын услышал!» — Промолвила и, разрыдавшись, видит, что влажен и сам белокаменный образ Дианы. И оставляя ее — да лежит на священном пороге и волосами метет алтари ледяные — богиня, грозная ликом, меж звезд зеленеющий Менал сейчас же
640 одолевает прыжком и к кадмейским стенам устремляет шаг свой по светлой стезе под небом вершинным, известной только богам, и глядит с крутизны на земли вселенной.

Путь приближался уже к горловине зеленой Парнаса, — тут замечает она, что брат в ослепительной туче, переменившись в лице, возвращается, полон печалью, от эхионовых войск, о пророке скорбя, поглощенном недрами. Неба простор зарделся смешавшимся светом:

встречу богов осиял одинаковый блеск от обоих, —
к луку приблизился лук, и тул соответствовал тулу.

650 Первым — брат: «Я знаю, сестра к лабдакидовым ратям
ты и к аркадцу спешешь, чрезмерно отважному в битвах.
Молит верная мать, — о если бы просьбы исполнить
рок допустил! Но сам я, о стыд, взирал не вступаясь,
как и доспехи жреца, и священная зелень, и взоры
глаз, обраченных ко мне, — в бездонный низринулись Тартар.
Не удержал я коней и разверстой земли не сдвинул, —
я ль не жесток, я ль достоин, чтоб мне поклонялись? Пещеры
скорбные зришь ты, сестра, и храмы немые? — Лишь этим
верного спутника чту; не проси же и ты бесполезной
660 помощи и не верши в печали трудов обреченных.
Юноши гибель близка, — се рок и сего не изменишь.
Чуждые обиняков проричания брата неложны. —
«Да, но несчастному честь погребальную, — молвит смутившись,
Дева в ответ, — и утеху найти погибели горькой
должно, — так пусть возмездье падет на злодея, который
богопротивную длань осквернит неповинною кровью
отрока, пусть и мои возмогут свирепствовать стрелы!»
Вымолвив, сделала шаг и, брату для поцелуя
сухо приблизив уста, устремилась к воинственным Фивам.

670 Гибель царей с обеих сторон разжигает жестокость
битвы: желанье отмстить раздувает взаимную ярость.
Здесь — Гипсея войска и строй, главу потерявший,
там, всё мощнее грозя, убитого Гиппомедонта
сирая рать на мечи в иступленье бросается грудью.
В лютых — единый порыв: чужестранною кровью унитесь,
кровь же свою — пролить, — и никто не сдвигается с места.
Клином стоит застывшая рать, врагам кровожадным
жизнь отдают, но не кажут спины; и тут соскользнула,
в воздухе путь проторив, Латония с кручи диркейской.

680 Стала, — ее узнали холмы, и леса пред богиней
дрогнули, вспомнив тот день, когда разъяренные стрелы,
лук утомив, расточили добро плодovitой Ниобы.

Отрока в гуще боев, уже возбужденного кровью,
мчал охотничий конь, не ведавший браней доселе:
взнуздан впервые он был, его облежала тигрица
пестрая и по плечам золочеными била когтями.
Шея — сплетение мышц, острижена вольная грива,
знаком сражений лесных колыхалось под самую грудью
из белосвежных клыков ожерелье дугой серповидной.

690 Юноши паллу двойной абалийский пропитывал пурпур,
туника златом блестит (это был единственный ткацкий
матери труд), товчайшая вязь опоясала чресла.
Горд непомерным мечом, он шуйцей на конское рамо
щит опирал; удила золотые — по праву укусам

конских зубов, на крутые бока нависает попона. Ножен бряцанье на слух отлично от дробного стука тула и звона цепей, с шишака до лопаток свисавших; а наверху воздымался пучок роскошнейших перьев, шлем в самоцветах сверкал;— по когда средь сраженья сей душный стал раскаляться убор, отбросив его, обнажил он голову, — сладостный блеск полился от кудрей, от сверкавших сладостно взорами глаз и ланит, досадно неспешных и до сих пор сохранявших пушок на коже румяной. Пусть похвалы красоте не любя, угрожающе хмурясь, ожесточал он лицо, но хранило чело благородство в праведном гневе. Пред ним отступала фиванская младость — помня о детях — сама и дротов порыв отклоняла, он же теснил и в жалеющих слал жестокие копья.

А по тевмесским хребтам сидонские юношу нимфы славят: он по сердцу им и в бою, и в поту, и в раскрытый пылью; и нимфы по нем в безмолвной мольбе воздыхают.

Жалость и скорбь наблюдавшей за ним Диане пронзили сердце и, плача, она «Почто мне, — молвит, — богине верной, почто мне искать для тебя избавленья от близкой гибели? Разве не сам ты рвешься в сраженья, свирепый и злополучный юнец? Увы, но незрелая доблесть правит тобой, и зовет к отважной гибели слава. Значит уже твоему беспокойному возрасту, мальчик, Менала роща тесна и тропы меж логовищ зверя, — те, что опасны тебе без матери, чей до сих пор ты, дерзкий, не мог превзойти ни лук, ни охотничьи стрелы. Ныне она у моих алтарей о великой крушится ненависти и терзает порог и двери глухие. Сладостным зовам трубы и воинственным кличам, счастливцев, радуясь, ты для одной обездоленной матери гибнешь».

Но — да окажет ему последнюю почесть пред смертью — в самую гущу боев идет, огражденная светлым облаком; прежде всего похищает легкие стрелы из-за спины храбреца и в колчан — небесные сыплет жала, коих полет безошибочно жертву находит. После его самого кропит амвросической влагой, следом кропит и коня, чтобы тот из-за раны до срока поши не сверг, и священный напев с наговором мешает, коему учит она колхидянок в тайных пещерах ночью и дикие их наставляет разыскивать травы.

Юпоша пылкий тогда с обнаженной летит тетивой и вне себя, позабыв об отечестве, и о родимой, и о себе, — сверх сил небесным оружием бьется.

Так подрастающий лев, кому гетулийская матерь пищу приносит сама, — едва ощущает, что выяз крепнет под гривой, и зрит, что выросли хищные когти, —

прочь от кормящей бежит и уже, вкусив от свободы, вольные любит поля и не хочет вернуться в пещеру.

Молви, бесчинный, кого ты луком поверг паррасийским.

Первый летучий тростник сокрушил танагрда Кореба: посланный узкой тропой, прошел он чуть ниже шелома

точно над краем щита,— кровавая остановилась в горле волна, а лицо от священного яда зарделось.

750 Эвритион погибает страшной: тройной наконецник

силу безжалостных жал скрывает в левой глазнице;

тот, изымая стрелу, напоенную вытекшим глазом,

на супостата идет,— но мощные чем остановишь

стрелы богов? — Другую стрелой, умеченной в око,

был он во мрак погружен, но, дерзкий, врага нагоняет,

помня, где был он, пока не упал на простертого Ида,

и между жертв свирепой войны, злосчастный, на ощупь

полз, о кончине своей и друзей, и врагов умоляя

Абангиадов убил, волосами приметного Арга

и нечестивой сестре дорогого недолжно Кидона.

760 [Он одному обнажил стрелою пронзенное чрево,

оба виска другому пробил, нацелившись сбоку:

слева железо торчит, перо быстролетное — справа,

кровь течет с обеих сторон. Всем лютые стрелы

смерть беспощадную шлют: Лигд инфулой, Лам красотою,

возрастом юным Эол погибли не отвратили,—

Ламу прозвил он уста, Лигд плачет, в пах уязвленный,

ты же рыдаешь, Эол, в чело белоснежное ранеп;

ты родился на Эвбее крутой, ты — Фисбою послан

белой, а он не вернется назад к Амиклам зеленым.

770 Верен каждый удар, ибо все божество опекает

стрелы, и нет для руки передышки: свист с первым сливает

посланный следом тростник. Кто может поверить, что это

лук — один, и одна свирепствует длань? То ударит

прямо, то в сторону ту, то в другую направит погибель,

то от напавших бежит, обернувшись единственно луком.

И негодуя, но все ж — восхищаясь, уже собирались

дети Лабдака, средь них — потомок Юпитера — первым

шел Амфион, не знавший еще, чье тело повергнет

в этом бою: «Доколе свой рок ты обманывать будешь,

780 мальчик, достойные чьи родители осиротеют?

Дерзость твоя и надменность души возрастают, покуда

в схватку с тобой никто не вступил, неравного боя

не удостоил тебя и себя не унижил до гнева.

К рощам аркадским вернись и со сверстниками оставайся

там; и покамест у нас отбушует Маворс свирепый,—

дома в сраженья играй. Но если тебя подвигает

славная гибель,— то что ж — ты как мужу пристало погибнешь!»

Против него раздраженьем давно воспылал тяжелейшим

- грозный Аталантиад — он еще не унялся — и начал:
- 790 «Я против Фив, чьи войны здесь, слишком поздно оружие поднял: кто мальчик настоль, чтоб с такими, как вы, не сражаться? Грозный посев и побег аркадской породы ты видишь, а не фиванской: меня не фийя безмолвною ночью, эхионийцу служа Лизю, на свет породила, на голове никогда не носил я уродливой митры, не потрясал зажатым в руке позорящим древком. Был я обучен зато пробираться по рекам застывшим, в логовища проникать ужасные хищников мощных и... — да о чем говорить? — если носит всегда моя матерь
- 800 нож и лук, а ваши отцы бьют в гулкие бубны?» — Не перенес Амфион и, в уста говорящего целя, дрот неподъемный пустил, — но грозною вспышкой железа вспугнут, шархнулся вбок звонкоступ с наездником вместо, и стороной пронеслось копьё, вождевшее крови. Тем иступленней с мечом обнаженным на Партенопей мчит Амфион, но тогда Латония, на поле прыгнув, к юноше стала лицом и его от врага заградила. Юношу сопровождал любивший его безупречно с Менала родом Доркей, которому мать поручила
- 810 битвы, и страхи свои, и дерзкие отрочьи лета. Оного облик приняв, богиня проговорила: «Будет! Довольно крушить огиговы рати, довольно! Партенопей, пощади хотя бы злосчастную мать, или богов, благосклонных к тебе!» — А он, не испуган: «Дай лишь его поразить, а о большем, Доркей мой вернейший, я не прошу, — ибо дроты его моим не уступят, схожи доспехи у нас и звенящие конские сбруи. Сбрую себе я возьму, доспех над высоким порогом Тривии вывешу, мать одарю захваченным тулом».
- 820 И улыбнулась в ответ Латония, слезы скрывая. Из потаенных глубин небосвода за ней наблюдала, пежно Градива обняв, Венера и, с болью о Фивах напоминая ему, и о Кадме, и внуках несчастной дщери Гармонии, скорбь, затаенную в сердце безмолвном, кстати стремилась разжечь: «О Градив, ты разве не видишь, как замешалась она, девичеством гордая, в гуцу воинов? Не для того ль, чтобы рати и марсовы знаки дерзко смирать? И больше того — отбирать для убийства стольких из наших мужей! Быть может, и доблесть, и ярость
- 830 вверены ей? — А тебе остается с козами биться?» Взялся за меч, но смолчал справедливым упреком задетый Браневладычный, кому — летящему в воздухе зыбком, служит сопутником Гнев и прочие Ярости битвы. Незамедлительно он приступил к Летоиде печальной с криком: «Но где же твой стыд? Родитель богов не такие

битвы тебе поручил! — Если с бранного поля сейчас же не удалишься, — поймешь: эта длань — не то, что Паллада».

840 Что предпринять супротив? Здесь гонит марсово жало, здесь, о мальчик, твоя завершенная пить, там — Юпитер грозный, — почтением к нему побежденная, та отступилась.

Маворс-родитель тогда озирает огиговы рати и побуждает вперед Дрианта, чей родоначальник — бурный душой Орион, — отчего почитавших Диану он ненавидел; и тот с мечом на смятенных аркадцев мчится и разоружает вождя: вереницею длинной гибнет Киллены народ, и насельник тенистой Тегеи, и эпитийцев вожди, и тельфусиаков отряды. Тот же, надеясь врага и усталой десницей повергнуть, сил не берег и, уже утомясь, метался повсюду, тут помогая и там. Но тысячи знамений смерти 850 явлены, и облака погибели черпой нависли.

Видит злосчастный, что с ним — горсть воинов, что настоящий рядом Доркей, и чувствует: сил остается немного, и polegавшим плечом понимает, что тул истощился. Каждый удар — всё слабей, и уже он себе показался мальчиком. Тут перед ним полыхнул щитом заблиставшим страшный Дриант: и уста, и недра аркадца внезапно дрожь пробрала. — Когда над собой носителя молний белая лебедь узрит, то жаждет, чтоб берег разверзся 860 Стримона, и на груди задрожавшие крылья слагает. Так и в юноше вид неистойвой мощи Дрианта вызвал не ярость уже, во ужас — предвестника смерти. Всё же оружие — к богам и Тривии тщетно взывая — силится, бледный, поднять и делится луком безмолвным. Он уж наставил стрелу и, между локтей изогнувшись, свел наконечник и лук и коснулся груди тетивой.

Но аонийским вождем дрот скорый, запущенный мощно, на супротивника мчит и гнутую скрепу певучей рвет тетивы, — погибает удар, опускаются руки, 870 тщетная наземь стрела с распрямленного падает лука.

Бросил злосчастный тогда и оружие, и повод в смятенье, не замечая того, что на правом плече под доспехом нежная кожа копьём пронзена; подоспело другое жало и бегство коня смирило, подрезав поджилки. Вслед сам рухнул Дриант — о чудо! — без рапы единой, — и поразивший его и причины не сразу открылись.

Мальчик же, сонмом друзей окруженный, к обочипе поля был отнесен и рыдал (простодушная юность!) о павшем — сам умирая — коне. Глава без шелома поникла, 880 и угасающий взгляд был страдальческой прелести полоц. Трижды его за волосы потрясали, четырежды, — тщетно: выкинет глава, и — самих фиванцев рыдать заставляя —

льет темнокрасная кровь из груди его белоснежной.

И, наконец, изронил он, хрипя, последнее слово:

«Вот и кончаюсь; — Доркей, утешь же несчастную мать.

Правда, она — коль тревога дарит предчувствие людям — видела или во сне или в знаменьях сына кончину.

Всё же ты страхи ее искусно смири и не сразу

890 правду скажи. И смотри, неожиданно или с оружием к ней не входи; и только когда рассказать приневолят, молви: О мать, заслужил. Казни же меня против воли! Мальчик, я взялся за меч, твоих уговоров не слушал, и среди боя уже о боли твоей не попомнил.

Так что живи и, прошу, гневись на мое безрассудство,

но уж теперь — не страшись. Терзаясь, с вершины Ликей ты понапрасну глядишь, не дойдет ли к тебе сквозь туманы звук ли какой или пыль, взметенная нашим отрядом.

Хладный, на голой земле я лежу, и нет тебя рядом, чтобы мою поддержать главу до последнего вздоха.

900 Эту вот прядь, лишившись меня, — и тут он десницей прядь отделил, — эту прядь прими вместо мертвого тела:

ты ее часто — а я не давал — пригладить пыталась,

Вот ты ее и сожги, но смотри, обряд совершая,

чтобы никто моих стрел не тупил неловкой рукою и не гонял любимых собак по логовам зверя.

А несчастливый доспех, предавший в первой же битве, или сожги, или укором повесь равнодушной Диане».

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Феба к закатным вратам росистая Ночь проводила,
спешно исполнив приказ Юпитера: стана пеласгов
он не щадил и тирийских бойцов, но жалел, что погибло
столько отрядов чужих и безвинных народов в сраженье.
Обезобразила кровь изобильная поля просторы.

Там — доспехи лежат, и кони, которыми прежде
чванились, и без костра — тела, без призора — обрубки.

Тут — бесславная рать, чьи стяги побиты, отводит
строй поредевший назад, и врата, для рвавшихся в битву

¹⁰ тесные, после боев — широки возвратившимся в город.

Скорбь обоюду равна, однако же Фивам утешно,
что без вождей отошли четыре отряда данайцев,—
словно в пучине морской челны, лишённые кормчих,
чьи предводители днесь — божество, случайность и буря.

Вот почему тирийцы горят не за городом только,
по и за бегством врагов наблюдать, чтоб случайно в Микепы
те не ушли, довольны уж тем, что вернулись. Назначен
жребием стражи черед: предводители ночи дремучей —

²⁰ Мегес — по жребию, Лик — добровольно. Как должно, оружие,
снедь и огонь доставляют, а царь укрепляет идущих:

«Вои, данайских полков победители (утро ведь близко,
не навсегда эта ночь, наступившая, чтобы трусливым
дать передышку), — в груди пусть пыл возгорится, достойный
благоволящих богов! Вся слава лернейцев погибла,

лучшие воины их: Тидей в карающий свергся
Тартар, испугана Смерть нежданною тенью авгура,
горд Исмен, захватив доспехи Гиппомедонта;

можно и не причислять аркадца к бранным победам.

В наших добыча руках: крутых предводителей битвы,

³⁰ грозных шеломов в семи уже не осталось отрядах.

Что же нас — старец Адраст, или брат, юнец несмышленный,
иль Капаней устрашит своим безрассудством в сраженьях?

Так что — вперед: осажденных огнем обложите дозорным
и не страшитесь врага, — вы храните добро и добычу
вашу уже!» — Так он лабдакидов неистовых полнит

бодростью, — и повторить им сладко исчерпанный подвиг. В той же пыли и поту, и в пятнах доселе не смытой крови — бойцы обратили паги, встречавшим не молвив слова, и их не облив, и длани родных отстраняя.

40 После, на передовой и тыльный отряд разделившись, и укрепившись с боков, замыкают став окруженный грозных огней чередой. — Так сходятся смешанным строем хищные волки в почи, которых в полях блезлежащих голод, готовый на всё, истощил вожделием долгим. К самым жилищам идут, и глотки им сводит надежда тщетная, бляепья дрожь и густое дыханье овчарен. Когти — бессмысленный труд! — ломают о крепкие двери и о пороги и грудь разбивают, и зубы сухие.

А между тем молящийся сонм во храме аргосском —
50 и у домашних своих алтарей пелопидяпки всюду — просят Юнону помочь скиптрдержицу, просят возврата близким своим и, к двери расписной и хладному камню ликом припав, даже малых детей наставляют склоняться. Вот уже день в молитвах прошел, не ослабло и ночью рвенье, и на алтарях раздутое пламя бессонно.

Пеплос в кошнице несут (над чьей удивительной тканью не ворожила рука ни бездетной, ни брошенной мужем) — чистой богине наряд, отнюдь не достойный презренья.

Многообразно на нем пурпуровые расцветали

60 изображенья, чей ряд вплетенным вспыхивал златом. Там с Громовержцем сама обрученная великомошным, но не супруга еще, робея — сестра перед братом, взор опустив, простодушно к устам Юпитера юным никла, досель не вкусив от супружних измен огорченья. Оным покровом тогда аргосские жепы святыню кости слоновой одев, молили в слезах и печали:
«На ненавистные глянь кадмейской разлучницы стены, светилоносных небес царица, разрушь непокорный холм, и Фивы сожги — ты можешь! — молнией новой!»

70 Как поступить ей, знавшей, что рок противится грекам и что Юпитер — не с ней? Но не хочет, чтоб даром пропали их и мольбы, и дары. И ей открывается случай велию помощь принести. Ей видно с высот занебесных: стены — в плену, и за рвом расставлена бдящая стража. Гнев, пакатив, ее разъярил, — диадема богини на волосах затряслась: Юнопа пылала не меньше, чем о зачатъе узнав Геркулеса, чем в звездном просторе с негодоваьем узрев обоих сынов Громовержца.

И порешила, сморив забытья неуместною негой,
80 смерти предать аонийский отряд. Послушной Ириде повелевает тотчас заключиться в привычные дуги и порученье дает, и богиня пресветлая долу

мчится с небес — исполнить приказ — по излучине длинной.

Мрачных Ночи жилищ посреди, далеко за спиною
у эфиопов иных, ни единой звезде не доступна,
мертвая роща стоит, и там под огромной скалою
в недра горы пещера ведет, — в ней — лар беззаботный
праздного Сна непоспешливая поместила Природа.

Вход стерегут дремучая Тишь с Беспамятством вялым
90 и коченеющая в постоянном бездействии Леность.
Отдохновеенье в сенях и сложившее крылья Немотство
молча сидят и порывы ветров прогоняют от кровель,
и запрещають листве шелестеть, и птичий смиряют
щебет. Не слышится здесь ни прибой (хотя б грохотали
все берега), ни раскаты небес. И даже бегущий
возле пещеры поток, спускаясь в глубокие доли,
на перекатах молчит. С быками темными рядом
всякий покоится скот на лугах, зеленая поросль
дремлет, и травы земля дыханием сонным колеблет.

100 Тысячи образов Сна в покоях изваяны жарким
Мулькибером: тут Страсть прильнула, венками увита,
там повергающее в забвенье Утомленье то с Вакхом
общее ложе, а то с Амором Марсорожденным
делит; а дальше еще — в удаленнейших дома покоях —
вместе со смертью лежит, — и ни для кого этот образ
скорбный незрим. Таковы те подобия. Сам же под влажным
сводом на тканях лежит, усыпанных маком снотворным:
пар струят одежды его, под телом ленивым —
пламенно ложе, над ним — тяжелым дыханием пышет
110 черная хмарь; одною рукой он упавшую слева
прядь подбирает, висит, позабыв о роге, другая.

Тысячелико вокруг Сновиденья летучие бродят,
с верными лживые в ряд [и с дурными хорошие вместе].
Ночи мрачная рать на столбах и на матице виснет
или лежит на земле. В покое мерцает неверный
неосвещающий свет, и, первые сны навевая,
бледные звезды струят нисходящее долу сиянье.

К оной обители Сна с лазурных небес соскользнула
Радуга-дева, — и лес засверкал, и темпейские чащи
120 радуются гостевству. Дуговидным исполнясь сияньем,
дом пробудился, но сам — ни светочем ясным богини,
ни побужденьем ее, ни призывом не тронут — все так же
спит беспробудно. Тогда всю бросила Тавмантиада
силу лучей и сама под сонные веки проникла.
После же так начала златовласая радуг богиня:
«Повелевает тебе Юнона сморить, о кротчайший
бог, и сидонских вождей, и людей беспощадного Кадма,
кои теперь, возгордись исходом сраженья, ахейский,
бодрствуя, стан стерегут и твои презирают законы,

- ¹³⁰ Просьб не отвергни таких,— не часто дается возможность милым Юпитеру быть, осеняясь Юнониной дланью». Молвит и, дланью бия его по изнеженной груди, да не погибнут слова, еще и еще призывает. Он же с тем, что гласил богини приказ, согласился, не изменившись в лице; разморясь, из мрачной пещеры вышла Ирида и блеск поугасший дождем оживила. Следом за нею и Сон устремил летучую поступь, ветром овеял виски и, холодом неба ночного
- ¹⁴⁰ полня надувшийся плащ, в эфире неслышимым шагом неся и, тяжкий, с высот угрожал аонийским просторам. Всюду дыханье его по земле простирало пернатых, скот и зверей, и везде — над какой ни летел он страной — волны, смиряясь, от скал отступали, ленивей бежали тучи, и даже леса преклоняли вершины деревьев, а с разомлевших небес посыпались многие звезды.
- Первым в нахлынувшей мгле ощутило присутствие бога поле,— и воинов шум и гул голосов неисчетных угомонился тотчас; когда же налег он крылами влажными и в темноте, которой смола не чернее,
- ¹⁵⁰ в стан вступил,— закатились глаза, обессилели выи, с полслова оборвались недоговоренные речи. Следом начищенные щиты и свирепые дроты жали из рук, и на грудь изнемогшие лица поникли. Смолкло всё, наконец: уже и самих звонкоступов ноги не держат, и сам огонь пеплом внезапным покрылся. Та же дрема не зовет к забытью трепещущих греков: к ближнему стану свои облака не пустила ночного бога чаровная мощь,— повсюду стоят при оружье, на непроглядную ночь и кичливый дозор негодуя.
- ¹⁶⁰ Вдруг — лишь в душу вошло божество — неожиданный трепет Фиодаманта объял и, страхом исполнив смятенным, судьбы поведать велел,— Сатурния ль это внушила, или благой Аполлон взговорил в слугителе новом. Ринулся Фиодамант — ужасен и видом, и речью, и сокрушен божеством, которого разумом хрупким он не вмещал. Его затрясло, лицо исказилось голым безумьем, дрожа, надувались и вновь опадали щеки и пятнами шли, и бессмысленно взоры блуждали, и плетеница, свився с волосами, на вые металась.
- ¹⁷⁰ Так окровавленного фригийца Идейская Матерь гонит из страшных пещер, принуждая не видеть, что руки — нож истерзал; тот бьет сосною священою в перси и, разметав волоса кровавые, мчится и раны тем бередит; дрожат и поле, и древо радений в рдяной росе, а львы колесницу в испуге vzdымают. Люд потянулся в покой размышлений и к чтимому крову

стягов, где долго уже обильем потерь удрученный,
крайности бед вороша, Адраст размышлял понапрасну.
Стала вокруг внезапная звать — из тех, кто погибшим
180 ближе всего, — и туда, где цари могучие прежде
были, глядят, о своем скорбя, а не радуясь взлете.

Так, посредине пути потеряв корабельщика, судно
режет простор: подойдет к сиротливому дышлу кормила
то надзиратель гробцов, то блюститель глядящего в море
носа, — но самый корабль замирает, и движутся туго
весла, и новой руке опекающий бог — не помощник.

Но возбужденный авгур ободряет смятенных ахеяп:
«Божий всемогущий указ, о вожди, и священную волю
вам доношу: сии не из нашего сердца глаголы.

190 Оный звучит, чью службу служить, увенчавшись повязкой,
ваше доверье — и бог не препятствовал — мне поручило.

Ночь великих трудов, для прекрасной удобную кару,
знаменья божья несут, споспешница Доблесть торочит,
воинов Счастье зовет. — Окутана мороком сонным,
спит аонийская рать, — се время царей убиенных,
день злополучный отмстить. Хватайте оружие, крушите

сопротивленье ворот, — вот наше соратникам пламя,
вот погребальный обряд! Я это и днем, среди битвы
кровопрлитной, когда противники одолевали, —
200 новопреставленный жрец и треножкики слову порука! —
видел, и над головой шумели благие вещуньи.

Но подтвердилось — сейчас. Ко мне в молчании почи
сам — да, сам — из земли, повторно разъявпейся, выйдя,
точно такой же, как был, лишь выкрасил сумрак запряжку,
Амфиарай приходил. Не бесплодной дремы привиденья
и не внушения сна изрекаю: «Ужели, — промолвил, —
Инаха косным сынам — оправдай же вепок сей парнасский,
наших богов оправдай! — ночь эту проспать ты позволишь,
жалкий? Не я ли тебе и тайны небес, и блужданье

210 птиц изъяснял? Так иди же смелей и ныне железом
мне отплати!» — Сказал и меня сюда устремиться,
мнилось, воздетым копьем подталкивал и колесницей.

Так поспешим, — не упустим богов: враги ведь не рвутся
грудью на нас, война полегла, — свирепствуйте вволю!
Есть ли здесь те, кто не прочь — покамест судьба позволяет —
в громкой молве вознестись? — Вот снова в ночи благосклонной
вестницы-птицы! Им вслед — хотя бы отстали отряды —
двинусь один! — Ибо он — впереди и коней погоняет».

220 Так вопия, жрец ночь возмущал. И двинулись следом,
столько же возбуждены, вожди, — бог, мнилось, единый
в сердце у всех и порыв не отстать и отважиться вместе.
Он трижды десять бойцов — опору отрядов — покорно
сам отобрал, — а вокруг остальные шумят, негодуя,

что оставаться должны и в стане без дела томиться.

Часть — благородство, часть — доблесть своих, часть свою

вспоминает,

прочие — «жребий» кричат, отовсюду доносится «жребий».

Радуюсь спорам таким, Адраст распрямлялся душою.

230 Так с Фолои-горы воспитатель коней окрыленных
скотообильной весной, обновляющей порослью стадо,
с радостью зрит, как на кручу хребта молодец устремился,
или поплыл по реке, иль родителей перегоняет.

Чуткой душою одних он уже намечает для плуга,
добрую статью находит в других, а в третьих — пригодность
к битве, в четвертых же — дар подняться к награде элидской.

С ним был схож и седой предводитель ахейских отрядов.

Замыслу был он не чужд: «Откуда сии среди ночи
знаменья? Кто из богов обратился к поверженным Аргам?

Значит, доблесть жива и в беде, и не весь обескровлен
люди, и в несчастьях еще сохраняется храбрости семя?

240 Гордые юноши, вас я хвалю и прекрасно вашей
распрей горжусь, — но теперь мы коварство чиним и неявный
бой: так сокроем поход, — не годятся для вылазки тайной
толпы. Храните свой пыл, — отмщенья день супостатам
будет ужю, и тогда мы выступим все и открыто».

Тут, наконец, улегась усмиренная юношей доблесть.

Так родителю Эол огромной скалою полновластно
буйной пещеры своей врата подпирает и всякий
путь преграждает вот-вот простора чайвшим ветрам.

250 Также с собою пророк Геркулесова взял Агиллея
с Актором: этот горазд на советы, другой похвалялся
силою, равной отцу; за троими, разбит на десятки,
строй — аонийцам на страх даже к бою готовым — стремился.

Сам же, на марсов обман непривычной войны отправляясь,
Фебовы знаки с себя — досточтимую зелень слагает,
длапям старца-вождя вверяет чела украшенья
и облакает себя в броню и шолом — Полиника
великодушного дар. Бременит Капаней неумемный
Актора мощным мечом, не будучи сам удостоен
хитростью биться, богам подчинясь. Агиллею суровый

260 Номий оружие дал, — ибо чем обманчивой ночью
в битве могли бы помочь тетива Геркулеса и стрелы?
После за насыпь поверх высоких зубцов укрепленья
(тяжкого чтоб избежать ворот скрежетания медных),
перелетают прыжком и видят: пред ними добыча
сонною грудой лежит — так, словно уже их лишили
жизни в бою. «Идите, друзья, куда б вас веселье
нейстошмой резни ни вело, и будьте достойны
милости неба!» — так жрец громогласно вскричал и продолжил:
«Вот, посмотрите, врагов простерла позорная слабость!

270 Стыд! И эти — к вратам подступиться дерзнули аргосским?
 Эти — мужей окружить?» — Изрек и молниеносный
 меч обнажил и пошел, поспешно разя, меж отрядов
 гибнущих. Сможет ли кто исчислить убийства и павших
 по именам перебрать? — По спинам и лицам лежащих,
 не разбирая, он шел, за собою шеломами скрытый
 стон оставлял и смешивал кровь и смятенные тени.
 Он одного поразил на случайной подстилке, другого —
 павшего с ходу на щит и едва державшего дротик;
 280 эти простерты, заснув на пиру среди вин и доспехов,
 те — опершись на щиты, иные же — там, где, осилив,
 злая на землю дрема и облак предсмертный повергли.
 И не отсутствовало божество: Юнона в доспехах —
 светоч, сиявший луной, потрясая в руке устремленной —
 путь открывает, и дух — крепит, и тела указывает.
 Чувствует помощь ее, но безмолвную радость скрывает
 Фиодамант. И уж медлит рука, и слабеет железо,
 и угасающий гнев от чрезмерных успехов проходит.

Как на каспийском берегу тигрица, задравшая тучных
 телок и буйство свое угасив непомерною кровью,
 290 пасть утомив и растерзанных туш сочащейся плотью
 вымазав шкуру, глядит на деянья свои и жалеет,
 что утолилась алчба, — так жрец блуждает, уставший
 от аонийских убийств: ему б оказаться сторукиком,
 по сто бы дланей иметь в бою; и его удручает
 тщетность угроз, и уже он хотел бы, чтоб ожил противник.

Сонных сидонцев разит Геркулеса могучого отпрыск
 рядом, и Актор в ему для резни отведенном пределе
 вместе с отрядом своим. Почерневшие травы набухли
 кровью, а кущи дрожат в потоках, убийством текущих.
 300 Поле дымится, над ним дух Сна и Смерти слиянно
 носится, и ни один из лежащих не вскрикнул и даже
 взора не поднял, — таким на бедственных бог легкокрылый
 мраком налег и одним отверзал умирающим очи.

Эту последнюю ночь, на кифаре играя, Иалмен,
 глаз не сомкнув, проводил, но и он не увидел рассвета:
 пел он сидонский пеан, но склоненная богом поникла
 влево его голова, и безвольная выя лежала,
 лиры средину прикрыв. Агиллей поражает железом
 грудь певца, пронзив прилаженную к черепухе
 310 звонкой десницу его и персты, трепетавшие в струнах.

Страшные струи меж яств разливаются, всюду стекает,
 с кровью смешавшись, вино, и Вакх кратеры и чаши
 переполняет опять. Настигает приникшего к брату
 Актор Фамиру, а Таг — Эхекла в венке неувядшем
 сзади разит, а Данай отрубает голову Гебра:
 тот и не знал, что похищен судьбой, и счастливая к теням

жизнь унеслась, избежав страданий мучительной смерти.

Спавший на холодной земле меж колесами верной запряжки
320 стонами Кальпет пугал коней аонийских, привычно
в поле щипавших траву: хмельные уста бормотали,
и, возбужденный вином, он метался во сне. Прободает
шею ему инахийский пророк, — из раны низверглись
пьяные струи, и кровь захлестнула прервавшийся ропот.
По-то душили его предрекавшие гибель виденья:
черные Фивы во сне и Фиодаманта он видел.

Сон наводящая ночь завершала четвертую стражу:
стали туманы редеть, сиянье светил угасало,
и Волопас исчезал, колесницею большей теснимый.
Труд был исчерпан уже, когда пронизательный Актор
330 Фиодаманту сказал: «Довольно с пеласгов неожиданной
радости сей, — ни один, полагаю, из рати толикой
гибели злой не ушел, разве трусые, которых в кровавом
токе постыдная жизнь заставляет скрываться. В удачах
меру блюди: ведь есть божества и в проклятых Фивах,
могут и те отступить, что нас до сих пор опекали».

Выслушал жрец и, воздев к небесам обагранные длани:
«Феб, доспехи тебе и добычу предсказанной ночи —
влагой еще не омыт (ведь тебе свершена эта жертва) —
воин суровый несет и треножников верный блюститель.
340 Если приказы твои и волю я с честью исполнил, —
часто являйся, сей ум удостоивай частым вторженьем.
Днесь чтим грубо тебя оружием и кровью побитых;
если же отчие нам дома возвратишь и родные
храмы, Ликийский Пеан, то требуй, обет мой напомнив,
столько ж даров дорогих и быков для святого порога».

Вымолвил и отозвал отряд из удачливой битвы.
Шли меж бойцов ведомый судьбой Гоплей Калидонский
и Меналийский Димант: отличаемы оба царями,
оба в дружинах царей, со смертью их оба, горюя,
350 жизнь презирали свою. И Гоплей побуждает аркадца:
«Ты ли о манах царя убиенного можешь не думать,
славный Димант? Ведь его, должно быть, и птицы терзают
днесь, и фиванские псы. Так что же вы дома, аркадцы,
скажете, ежели вас — вернувшихся — скорбная мать
спросит: где тело его? Нет, нас-то Тидей беспрепятственно
непогрешенный казнит, хотя он и крепче в суставах,
и не такую его век прерванный жалость внушает.

Все-таки пужно идти и повсюду, где только придется,
злую равнину пытаться и хоть в самые Фивы ворваться».
360 Внял призыву Димант: «Клянусь сим звездным вращеньем,
тенью вождя, предо мной как дух беспокойный бродящей, —
тот же в несчастном порыв. Давно сопутника ищет
скорбью угашенный ум, — так следуй за мной». — И пустился

в путь, и скорбным лицом к небесам обращаясь, промолвил так: «Повелительница сокровенной, о Кинфия, ночи! ежели верно, что ты — божество, чей трижды изменчив образ, и ты же к лесам в ином обличи сходишь,— сей — недавний еще — сопутник, сей редкий питомец рощ, сей юноша — твой, о Диана, откликнись же ныпе! —
 370 нами не найден». — Склонив колесницу, богиня низводит светоч благой и тела указывает направленным рогом. Явственны стали поля, Киферон высокий и Фивы.

Так, если громом ночной небосвод разрывает Юпитер гневный, то из облаков разошедшихся, ясно блистая, звезды глядят и очам оком открывается тотчас.

Видит сиянье Димант, и Гоплей, направляемый тем же светом, Тидея узрел. Ликуя, сквозь сумрак друг другу знаки они подают, и каждый любезное бремя,—
 380 так, словно ожили те и свирепой отпущены смертью,— плечи подставив, несет. Причитать не решаясь и долго плакать,— поскольку восход, приближаясь, грозил наступленьем дня,— безмолвно идут в тишине невеселой широким шагом и только скорбят, что мрак предрассветный бледнеет.

Редко завистливый рок — благочестным, а случай — великим спутник делам. Уж они завидели стан, и надежда их приближала, и груз убывал,— вдруг — облако пыли, и за спиною шаги.— Побуждаем правителем, грозный конников вел Амфион проверить ночную засаду и стерегущий отряд. И первым в поле безлюдном
 390 издалека — а тогда еще не рассеялись тени — он замечает: невесть что на взгляд неясно и зыбко движется,— люди идут. И, внезапно обман заподозрив, «Стойте, кто б ни были вы!» — кричит, но уже понимает: это враги. И те всё идут, несчастные, в страхе не за себя. Пригрозив убить трепетавших, он бросил дрот, направленный ввысь издалека бесплодным усилием: длань не стремилась попасть; — и перед очами Диманта, первым шагавшего, дрот острием вонзается в землю. Но велемоцный Эпит позаботился, чтоб не напрасны
 400 были броски, и в Гоплея попал, пронзив ему спину и оцарапав плечо свисавшего сзади Тидея. Рухнув, Гоплей о вожде почитаемом только и помнит и умирает, обняв (счастливец, как отняли тело, он не увидел уже), и к ярящимся теням отходит. Оборотившись, Димант тотчас понимает, что рядом вражий отряд,— он не знал, к нагонявшим с мольбой

иль с оружием

броситься: гнев — оружие вручал, судьба заставляла не заноситься — молить; но ничто не сулило спасенья. В гнев отвергнув мольбы, у ног злополучное тело

410 он положил, совлеченной с плеча тигриною шкурой
шуйцу себе обмотал и стал, изготовясь к сраженью:¹
меч наголо обнажил, лицом ко всем нападавшим
поворотился, равно и к сече, и к смерти готовый.

Так, если львицу и львят ловцы-нумидийцы на ложе
лютом застигнут, — она, над детенышами подымаясь
и разрываясь душой, исступленно и жалобно воет.
Толпы она бы могла разметать и могла бы резадами
колья сломать, но к потомству любовь побеждает слепую
ярость, и в самом пылу на приплод озирается львица.

420 Вот уже левую длань (хотя Амфион не позволил
зверствовать) муж потерял, и лицом по земле потащили
юпошу за волосы. Тогда лишь поздний молител
меч опустил и начал просить: «Осторожней влеките —
вас колыбелью молю сожженного молнией Вакха,
бегством Ино и младой Палемона вашего жизнью!
Ежели в чьем-то дому есть радость детей, а меж вами
есть и отцы, — то юноше горсть земли уделите
и погребальный огонь! Сам просит вас, просит безмолвный
лик; пусть лучше уж я буду пищею мерзких пернатых,
430 лучше меня отдайте зверью, — я битвы зачинщик».

«Что ж, — говорит Амфион, — коли так погребенья царева
жаждешь, то нам обнаружь, в чем трусливых пеласгов надежда,
что обескровленные пораженьем готовят; — поведая,
и уходи, награжден и вождя погребеньем, и жизнью».
Но ужаснулся сему и меч в предсердь аркадец
по рукоять погружил. «Одного не достало, — промолвил, —
горя — в толикой беде опозорить предательством Арги.
Слишком цена дорога, — так и сам он не примет сожженья».
Так он промолвил и грудь, пронзенную велией раной,
440 к юноше крепко прижал, ему прошептав перед смертью:
«Пусть хоть такого пока не будешь лишен погребенья...».

Вот каковы — у царей в вожделенных объятиях оба —
духа величьем равны, этолиец и славный аркадец
мощные души свои выдыхают и в смерти ликуют.
Память святая о вас (хотя и слабейшая лира
песни возносит мои) течение лет одолеет.

Может быть, рядом с собой дозволит призракам вашим
стать Эвриал, и славою Нис осенит вас Фригийский.

Злобный, ликуя, тогда Амфион к царю отправляет
450 воинов — всё донести, уловку раскрыть и доставить
пленные трупы. А сам над неволей пеласгов глумиться
начал, на лица друзей отрубленные указуя.

Греки же видят меж тем с вершины стены, что вернулся
Фиодамант, и уже вырывающейся не скрывают
радости, а разглядев, что мечи наголо и резнею
свежею рдеет доспех, подымают до неба новый

крик, — и с края оград свисают отряды, и каждый жаждет своих различить. Так выводок неоперенный только завидит, что мать возвращается в воздухе дальнем, —
 460 рвется навстречу лететь, у края гнезда, раскрывая клювы, встает и вот-вот упадет, но кормилица грудью сдерживает, подлетев, и любовно трепещет крылами.

После же тайный свой труд и добычу безмолвного Марса перебирая, они своих заключают в объятия, ищут, где же Гоплей, и бранят за неспешность Диманта.

Тут уже близко совсем подошел торопливый диркейской конницы вождь Амфион. Он с радостью зрит, что резнею, свежей еще, дымитса земля, и в поле — без счета трупов, и целый народ пораженьем погублен единым.
 470 Дрожь, которая бьет настигнутых вспышкой небесной, юношу вдруг проняла, и в едином смятении сразу — голос, и взгляд замирает, и кровь; и готового крикнуть конь увлекает назад самовольно. Мчат, пыль подымая, всадники. Им еще путь был немал до фивапских заповор, а уж аргосский отряд, ночной укрепленный победой, вырвался в поле и там — по доспехам и трупам лежащим, по оскверненной земле и текущей крови недобитых — кони и люди летят: удары копыт разбивают плоть, и кровавый поток заливает и топит колеса.

480 Сладко сей путь мужам совершать, горделивым, как будто кровли сидонцев в крови и Фивы они попирают.

Тут Капаней закричал: «Довольно скрывать нам, пеласгп, доблесть во мраке! Теперь, теперь победить мне любезно с ведома дня, — так за мной, крича в нападение открытом, следуйте юноши! Есть у меня провидческой длани знак, и безумство мое ужасает мечом обнаженным». Молвил; пылавших бойцов разжигал и Адраст окрыленный, зять аргонидский спешил, и авгур догонял помрачневший.

Стен достигают уже и — пока о погибели новой
 490 вел свой рассказ Амфион — ворвались бы во град злополучный, но подоспел Мегарей и выкрикнул с башни высокой: «Страж, запирай! Враги! Запирай отовсюду ворота!» Силы порою дает и страха избыток: ворота сходятся вмиг, лишь одни — Огиговы — у Эхиона не затворились, и к ним удалая спартапская младость рвется, и вот уже пал, сраженный на самом пороге, житель тайгетских вершин Паноней, и Эбал, бороздивший хладный Эвроты поток, и ты, во всех состязаньях славный и давеча лишь на песке победивший немейском,
 500 Алкидамант, кого научил кулачному бою сам Тиндарид, — ты, в небо взглянув, где сиял твой наставник, гибнешь, и вместе с тобой бог, светоч затмив, закатился. Лес эбалийский тебя и Девы Лаконской коварный

берег и водная гладь, знаменитая лебедем мнимым, будет оплакивать, ты амиклейским нимфам Дианы скорбь причинишь, и тебя наставлявшая грозным уставам битвы — посетует мать, что ты обучился чрезмерно.

Вот как свирепствовал Марс на эхионийском пороге.

510 Но, наконец, надавивший плечом Акрон и налегший грудью Иалмепа сын замкнули медные двери крепко. — С усилием таким, мыча и шеи напружив, склон Пангейский быки разрыхляют непаханный долго.

Прибыль потерям равна, поскольку, сдержав супостата, путь заградили своим. Ормен за стеной погибает — грек; и Амнатора (он униженно вытянул руки и умолял) с головой отсеченною катятся вместе наземь слова и уста; и цепь, украшавшая шею, через кровавый разрез на вражий песок покатилась.

520 А между тем разрушается вал, — удержаться не может первый заслон, и уже подступили пещие толпы к стенам. Но перескочить широкие рвы звонкоступам страшно, — они, трепеща, упираются, кручи пугаясь, диву даются, что их подстрекают, и то устремятся к самому краю, а то самовольно назад подадутся. Тащат одни из земли укрепления, тщатся другие сопротивленью ворот одолеть, и железных запоров крепость сломить, и камни с их мест стволами и медью звонкою выбить; а те, метавшие пламя на кровли, рады, что огонь занялся, другие ж бойцы донимают 530 снизу, пытая слепой черепахою круглые башни.

Средств не имея других, увенчали тирийцы навершие стен и на вражий отряд почерневшие колья и дроты в блеске железном, свинец, раскаленный полетом сквозь небо, даже из кладки самой извлеченные камни метали. Кровель двускатных венцы извергают губительный ливень, из защищенных бойниц вылетают свистящие копыя. Как угнездившиеся на Малее иль круче Керавнов в тучах сидят и меж черных холмов скрываются бури, после же на паруса прыжком налетают внезапным, — 540 так на аргосскую рать оружие Агенора сверху хлынуло. Грозный сей дождь не заставил мужей отступить, не повернул их назад, — вперяясь взорами в стены, смерть презирают они и свое лишь оружие видят.

На осерпленном возке озиравшего стены Анфея сверху сразил тяжелый удар огигова древка, — выпали вожжи из рук, и он, запрокинувшись, рухнул, но на поножах повис, бездыханное тело державших. Больно смотреть на злодейство войны: влекутся доспехи, землю режут, дымясь, колеса, а третью проводит 550 борозду древко; пыля, догоняет безвольная выя,

и, разметавшись, власы широкую полосу чертят.

Скорбь возвещая, труба бередит призывами город, голосом громким своим проникая в закрытые двери. Входы распределены, знаменосец на каждом пороге, грозный, несет впереди свое наказание и радость.

Город ужасен внутри,— сам Маворс, если б увидел, был бы не рад: народ, пронизанный страхом безумным, спорящие меж собой раздирают Стенания, Ярость, Робости трепет и тьмой непроглядной объятые Бегство.

560 Мнится, что битва — в стенах: кипит набежавшими крепость, воплей дороги полны, отовсюду огонь и железо чудятся, и на руках беспощадные чудятся цепи.

Прожил грядущее страх: переполнены кровы и храмы, и певничающие алтари облещены плачем.

Ужас единый равно охватил различные лета:

старцы кончину зовут, а младость горит и бледнеет.

Дрожь потрясает дома, оглашенные воплями женщин.

Дети рыдают, понять не умея причины рыданий,

но, возбуждась, одного материнского стога трепещут.

570 Жен побуждает любовь, и не знает стыда безнадежность: дротами сами мужей, сами гневом крутым оснащают, молят и с ними хотят умереть, о дедовых стенах плачут и малых детей пред очами защитников держат.

Так, если, вытащить пчел из пористых скал вознамерясь,

пасечник их раздражит,— гудит рассерженный облак:

поочередно жужжа, ободряют друг друга и скопом

на супостата летят, но следом, поникшими стиснув

крыльями дом золотой, стенают о меде плененном

и прижимают к груди свою восковую работу.

580 Битву друг с другом ведут переменчивой черни сужденья,

сея раздоры: одни предлагают вернуть Полиника

(и не шепчась, а открыто кричат и явно крамолят),

царство — ему возвратить,— к царю почтенно погибло

в бедах: «Пусть он придет и условленный год отсчитает,

ларам кадмейским — изгой несчастный — и мраку отпову

низкий отвесит поклон.— Почто мне кровью коварство

и незаконный обман искупать преступленья царева?»

Им же в ответ: «Запоздалая честь,— уж он побеждает!»

Прочие, слезы лия, Тиресия хором молящим

590 просят, чтоб он — одно угнетенным бедой утешенье —

сведаль о будущем. Тот — запирается, не разглашая

божьего рока: «Моим вождь разве поверил советам

и увещаньям, когда запрещал я недолжные битвы?

Но не смогу,— говорит,— о несчастная Фива (и даже —

гиблая, коль промолчу), о твоём разрушенье услышать

и пустотою глазниц ощутить аргосское пламя.

Ты победила, Любовь! — Вдувай же, о дева, алтарный

жар: обратимся к богам». — Та выполнила и вещает, зоркая, что у огней — вершины кровавы, а пламя —
 600 надвое разделено, но жертвенники посредине светятся ясно; теперь окружностью зыбкой прозрачный всполох (по виду — дракон) взвился и пропал, — объясняла дева невидящему, темноту просвещая отцову. Он же давно понимал языки огней венценосных, рокоглаголивый жар горящим лицом ощущая. В ужасе скорбном волосы поднялись и теснящую повязь буйная грива взнесла; и чудилось, будто отверзлись очи его, а щекам возвратился угасший румянец. И, наконец, он облек клокотанье безумия речью:
 610 «Внемли, преступный народ, последнему священнодействию! О лабакиды, грядет спасенье, но в лютые двери. Требует марсов дракон поминального дара и страшной жертвы: должно в змеином роду юнейшее чадо пасть, и только тогда дарована будет победа. Счастлив оставивший свет за тоlikое вознагражденье!»

Был вблизи алтарей вещавшего судьбы пророка скорбный, но в горе досель лишь о родине и о всеобщем роке, Креонт, — и, удар неожиданной молнии тяжкий, в грудь поразивший его подобно свистящему дроту,
 620 вынеся, он помертвел: пророк разумел Менекея. Страх постичь научил, — терзаясь, отец цепенеет, ужас сердце ему леденит, как Тринакрии берег сушит соленую гладь, отступившую в зное ливийском. Полного Фебом жреца, запрещавшего медлить, он тут же — то униженно колен, то уст громогласных касаясь, — молит молчать, но вотще: священному внявшая гласу, уж разлетелась молва, и кричат о пророчестве Фивы.

Ныне о том, кто внушил прекрасной погибели радость юноше: сам человек не пришел бы без помощи божьей
 630 к мысли подобной, — начни, Клио, блюдущая память, — ибо тебе подвластны века и древность открыта.

Рядом с Юпитером трон занимающая и оттуда редко сходящая в мир и с землею несвычная, Доблесть — то ли отец всемогущий внушил, то ль внедриться решила в души достойных мужей сама, — как тогда устремила в радости с горней она высоты! Пред летящей теснятся звезды и ею самой вознесенные в небо светила. Вот уж земля под стопой, но лик — недалёко от неба. Вид свой однако она изменила: Манто прозорливой
 640 стала, чтоб ей доверяли вполне, и лик заменила прежний чужим. Из очей исчезает внушавшая ужас мощь, частично убор и мирный наряд остаются теми же, но, отложив оружие, она надевает жрицы доспех: одежды ее ниспадают, повязка

в жесткие кудри вплелась, где лавр уже был; но богиню кругость и шага размах выдают. У лидийской царицы Амфитриониад так вызвал улыбку, сменивши грозный убор па сидонский наряд: не ладили с платьем плечи, он прялки смешал и десницею рушил тимпаны.

650 Но обретает тебя не позорящим жертвенной чести, пет, но достойным ее, Менекей: пред башней Диркейской ты у огромных ворот распахнутого порога встав, дапайцев сражал, а с тобою — маворсов Гемон. Но — несмотря на общую кровь и братское сходство — ты — впереди, вокруг тебя взгромождаются груды сраженных. Каждый впивается дрот, за каждым ударом — убийство, зорки десница и дух (а ведь Доблесть еще не вмешалась!), даже непразден убор, и сама свирепствует, мпится, Сфинга, хранящая шлем: от зрелища крови взъяряясь,

660 изображенье дрожит и медь обагренная блещет. Воину сжала тогда рукоять и десницу богиня: «Юноша смелой души, которого самым достойным Маворс признал из всего оружного племени Кадма, — битвы земные оставь, ты доблести высшей потребен: звезды зовут, — направь к небесам отважную душу. Этим вблизи хмельных алтарей томится родитель, этого ждет Аполлон: и огонь, и вещи жертвы требуют сына земли взамен всей крови фиванской. Знаменья эти Молва разнесла, — ободрились кадмейцы:

670 верят в тебя. Вмести же богов и удел благородный! Шествуй, молю, и спешь, — а не то упредит тебя Гемон».

Так говорит и могучую грудь замершего гладит молча десницею, в нем себя самоё оставляя. И не быстрее кипарис, пораженный молнии вспышкой, нежеле юноши дух, подчинившийся знаменьям многим, грудь распрямляет ему и любовью к погибели полнит. Но уходящей узрев и поступь, и облик и видя, как от земли в облака Манто вырастает внезапно, —

680 замер: «Кто б ты ни была, и я за тобою, богиня, — без промедленья иду», — говорит и, уже отступая, на стену рвущегося поражает пилосца Агрея. Оруженосцы ведут утомленного, «мир приносящим» люд, величает его, и «спасителем града», и «богом», и — ликования полны — похвалами его разжигают.

Он уже к стенам, спеша в задохнувшемся беге, подходит, радуясь, что на пути родителей жалких не встретил; вдруг — отец, — и оба стоят, безмолвствуют оба, долу ланиты склонив. Наконец, изрекает родитель:

690 «Что приключилось? Куда ты уходишь в разгаре сраженья? Битвы важнейшие есть? Почто столь взгляды суровы, —

сын, умоляю, ответь. Почто эта лютая бледность, взоры твои почему в отцовы глаза не посмотрят? Ах, ты узнал о пророчестве...— Сын, но прошу тебя — ради лет и твоих, и моих, и во имя сосцов материнских: пет, не верь, мой мальчик, жрецу! Да может ли небо старца сего побуждать нечестивого — с ликом незрячим, взором угасшим? — Ведь он, чудовище, так же наказан, как и Эдип. А что если сей силоч хитроумный

700 выдумал царь? Ему ль не страшна в опасности наша знатность, а также твоя над вождями стоящая доблесть? Речи — его, может быть, а мы-то их божьими числим. Он научил! — Натяни поводья горячего духа, остановись, помедли хоть миг: порыв не бывает добрым слугою. Молю, послушайся и не упорствуй. Зрелость пускай и твои виски сединою пометит, станешь родителем сам и тогда, мой храбрец, испытаешь этот же страх...— Так не дай моему сиротствовать дому! Что же? Тревожат тебя и другие отцы, и чужие

710 родичи? — Но постыдись: над своими сжался сначала! Здесь благочестие, здесь почтительность, там же — лишь слава, и легковесная честь, и хвалы — пустые для мертвых. И не как робкий отец не пускаю: вмешайся в сражение, к ратям данайским ступай и в гущу мечей устремленных,— я не держу,— я готов омыкать ужасные раны или кровавый поток осушать, несчастный, слезами, снова и снова тебя отправлять в жестокую сечу. Это полезней для Фив».— И к нему, раскрывая объятия, тянется, но — ни слезами его, ни речью не тронут

720 сын, обреченный богам; наученный хитрости ими, он, подошедши к отцу, рассеивает его опасенья; «Нет, ты ошибся, отец, ты не ведаешь подлинных страхов,— ни уговоры ничьи, ни вещанья безумных пророков не побуждают меня и не трогают (пусть хитроумный это себе Тиресий поет и дочери),— даже если бы сам Аполлон безумствовал мне из святилищ. В город случайно меня возвратила тяжелая с милым братом беда: инахийским копьём ужаленный Гемон стонет, насилу его из самой середины сраженья

730 меж разъяренных рядов, когда уж, казалось, аргосцы...— впрочем, я медлю. Иди и его поддержи, и прикажешь людям: пускай осторожней несут; а я за искусным раны сшивать и поток останавливать крови последней Аэтионом спешу».— И с тем убежал, не докончив речи своей. Родителя дух, окутанный мраком, ясности чувства лишил: в сомненьях любовь заметалась, страхи — друг с другом в борьбе, но Парки толкают поверить. А между тем к разбитым вратам спешащие рати

буйный ведет Капаней просторами бранного поля;
 740 конников крылья ведет, ведет он и пешие копя,
 и колесничный ведет отряд, попирающий трупы;
 башни высокие сам колеблет каменным градом,
 всадников сам во главе, сам кровопролитьем дымится;
 взвихрив летучий свинец, рассеивает всё новые раны,
 или, напрягну плечо, копьё запускает высоко:
 и ни одно, устремясь на кровли домов, не вернулось,
 воина не поразив и не обагрившись убийством.
 И не Ойнида уже, ни Гипомедонта не числит
 в мертвых пелопова рать,— ни пророк не погиб, ни аркадец:
 750 словно их души слились в одну и в едином восстали
 теле,— так всё он полнит собой. Его не колеблет
 возраст, убор, красота: сколь бьющихся, столь и молящих
 он, разъярившись, разит. Ни противостать, ни ответить
 он не дает никому,— доспех разъяренного битвой,
 грозный шишак и шелома чело страшат издалёка.

А между тем на вершине стены Менекей благочестный —
 и боговиден уже, и ликом возвышенно светел,
 словно на землю сейчас сошел он с небесного свода —
 стал, узнаваем легко, поскольку он был без шелома,
 760 и, обозрев человекоряды, вскричал громогласно,
 бранное поле призвал и потребовал битве затишья.
 «Боги, владыки боев, и Феб, дозволивший славной
 гибелью мне умереть,— благоденствие Фивам даруйте:
 я заслужил, я его — не торгуясь — выкупил кровью.
 Вспять обратите войну и в пленную Лерну вгоните
 войска остатки, и пусть от презренных питомцев, несущих
 раны в трусливой спине, сам Инах-отец отвернется.
 Смерть восполняя мою, возвратите тирийцам их храмы,
 пашни, дома, супругов, детей. И — коль жертва угодна,
 770 коли пророка словам я внял бестрепетным слухом
 и подчинился, когда никто еще в Фивах не верил,—
 всё это ради меня амфионовым стенам воздайте
 и, умоляю, отца обман мой простить убедите».

Рек и блестящим мечом необыкновенную душу,
 рано презревшую плоть и давно тосковавшую в теле,
 вырвал, ее сокрушив, вожделенную, раной единой.
 Башни кровью своей окропил и стены очистил,
 сам же упал бойцов посреди и всё еще дланью
 меч сжимал, а стремился упасть на свирепых ахейцев.
 780 Но подхватили его Благочестье и Доблесть и плавно
 труп донесли до земли,— а уж юноши дух той порою
 перед Юпитером встал и венца среди звезд домогался.

Вот уже, в город забрав беспрепятственно тело героя,
 радостный люд проносит его (отступил из почтения
 сам танталидов отряд): многочисленным юношей строем

поднятый, шествует он, и в веселии благоговейном
 все величают его Амфиона и Кадма превыше
 града зиждителем. Те — венками, другие — красою
 вешнею члены его покрывают и в доме отцовом
 790 чтимое тело кладут. Хвалы расточив, вспоминают
 битвы, и — гнев победив — стенает со всеми родитель
 горестный, и, наконец, черед материнским рыданиям:
 «В жертву ли Фивам тебя, о славное чадо, жестоким
 и на закланье ужель я — как нищая мать — воспитала?
 В чем же нечестье мое, и за что я богам ненавистка?
 В браке чудовищном я воротившееся порожденье
 не допускала к себе, не рожала внуков от сына.
 Что же с того? Сыновей Иокаста имеет и видит
 их — и вождей, и царей; а мне — за распрю расплата
 800 летая, чтобы — тебе это по сердцу, молний создатель! —
 дети Эдипа могли диадемой друг с другом меняться!
 Небо винить иль людей? Но ведь ты, Менекей беспощадный,
 первым ты поспешил угасить злосчастную мать!
 К смерти откуда любовь и священное это безумье?
 Как я смогла понести и настолько несхожий со мною
 плод на беду породить? — Нет, марсов дракон, без сомненья,
 дедова пашня, бойцов породившая новых, иновны:
 духа прискорбный порыв, и неистовый Мавор отсюда,
 и безразличье ко мне. Собой самочинно загублен,
 810 ты против воли Судеб вторгаешься к тепям печальным!
 Я-то дапайцев боюсь и страшусь капанеевых копий,—
 этой, вот этой руки опасаться бы мне и оружия,
 данного мной же. Смотри, как в горле железо исчезло:
 глубже сего ни один и дапайский клинок не вошел бы!»

Горькие речи ее продолжались бы, полпя округу
 пеньями, — по увели дышавиуго злобой служанки:
 в спальне держа, утешали ее, она ж, исцарапав
 щеки погтями, сидит и ни времени дня, ни молящих
 не замечает и глаз неподвижных с земли не подъемлет,
 820 речи лишась и ума. Удрученная горем тигрица
 так — коль похитят ее детенышей — в скифской пещере
 ляжет одна и лижет следы неостывшего камня;
 гнева как нет, жестоких зубов и ярость, и алчность
 выдохлась; мимо идут бестревожно коровы и овцы:
 видит она, но лежит, — для кого сосцы насыщать ей,
 иль торопиться к кому, добычу обильную выждав?

Битвы, трубы, мечи и увечья — доселе; теперь же —
 следует превознести до звездной оси Капанея,
 на непривычный мне лад — пророческий — выведя песню.
 830 От аонических роц мне вящее буйство потребно:
 все отважьтесь со мной, богини, петь пыл, пробужденный
 ночью глубокой, иль то, как вослед капанеевым знакам

против Юпитера брань воздвигли стигийские сестры,
или бесчинный порыв отваги, или славу крутую,
или великой удел погибели, или счастливый
бедствий исток, или ласковый гнев бессмертных на смертных.

Мужу мало уже земли, уже он пресыщен
кровью глубокой: своих истошил он и греческих копий
множество и, утомив десницу, взглядывал в небо.
840 Простным взором уже он вымеривал кровли крутые,
после, двумя сочетав стволами ступени без счета,
в воздухе путь себе проложил и, страшный, высоко
дуб расщепленный возде, потрясал огнем запаленным.
Рдели доспехи его, и огонь на щите разгорался.
«Этим, вот этим путем на Фивы велит мне крутая
доблесть идти — на башню, где кровь Менекея струится:

в прок ли жертва была или лгал Аполлон, — испытаю». Проговорил и, стопы чередуя, на пленную стену
с криком полез. Эфир в облаках поднебесья такою же
850 зрел Алоадов, когда земля умножалась бесчинно
и презирала богов, — тогда еще не был воздвигнут
вверх Пелион, но Осса уже Громовержца касалась.

Тут — на изломе судеб, пораженные ужасом, словно
город постиг губительный мор, или с окровавленным
лицом Беллона вошла уравнивать башни с землею, —
все, на кровли взойдя, вперебой огромные камни,
бревна, а также пращи балеарской тугими ремнями
(дротам ли тут доверять и стрелам ли, в небе парящим?)
яростно взвихривают снаряды и скалы сдвигают.

860 Он же — ни бьющими в грудь, ни ударами с тыла нимало
не поколеблен — висит в бесплотном воздушном просторе
и — как по ровной земле — уверенным шагом стремится
вверх и — словно обвал — угрожающей близится глыбой.
Будто поток, налегая на мощь вековечного понта,
бьется с набегами волн неустанными, скалы колебля
и вырывая стволы, — так он (но свирепей, поскольку
чувствовал) большей волной разламывает и свергает
шаткую кручу и вот — препоны быстрым теченьем
смыв — на вольном бегу, победитель, вздыхает свободно.

870 После ж, когда, наконец, зубцы вожделенные, гордый,
преодолея и, поднявшись, узрел трепещущий город
сверху и Фивы своей устрасил необъятною тенью, —
так пораженных язвил: «И это — стена Амфиона?
Вот уж позор! И эти сошлись под мирную песню,
эти — как издавна лжет фиванцев предание — стены?
Что же великого в том, чтоб разрушить построенный нежной
лирой заслон?» — И, стремя одновременно шаг и десницу,
противоставшей стены зубцы и настилы, свирепый,
рушит, — опоры летят, и каменные укрепления

⁸⁸⁰ кровли тяжелой дрожат; а он развалины вала в дело пускает и глыб осколки в жилища и храмы мечет и город теперь сокрушает его же стеною.

А вокруг Юпитера — спор ревновавших о разном тирийских и аргонидских богов. На тех и других равнодушно смотрит отец, но видит: ему разъяренных великий гнев противостоит. Под взорами мачехи стонет Либер и молит, отца косым измеряющий взглядом: «Где же свирепая длань, где моя колыбель огневая, молния, о, где же молния днесь?»; Аполлон-основатель ⁸⁹⁰ стонет о граде своем; размышляет о Лерпе и Фивах скорбный Тиринфий и, лук натянув, пребывает в сомненьях; материн Аргос крушит окрыленную отрасль Данаи; плачет Венера, любя Гармонии город, однако, мужа страшась, на Градива глядит во гневе безмолвном; на аонийских богов нападает Тритония дерзко; злое немотство в груди разъяренной Юноны клокочет. Но безмятежен покой Юпитера.— Вдруг приумолкли ссоры, когда Капаней был в звездных просторах услышан: «Что же никто из богов за дрожащие Фивы не встанет? — ⁹⁰⁰ так он кричал.— Не спешат преступного града питомцы — Вакх и Алкид! А к меньшим зывать, пожалуй, и стыдно. Нет, лучше ты приходи — не тебе ли пристало сразиться с нами, кем ныне пленен костер погребальный Семелы? Ну-ка, скорее, скорей обрушь на меня, не жалея, пламя, Юпитер! Пугать дев робких громами ужели доблестней, Кадма дома — а он ведь твой тесть! — разрушая?»

Гнев услышавших богов застонал; посмеялся безумцу сам и, священных волос разметав тяжелую гриву, «Людам на что уповать после битвы у Флегры кичливой? ⁹¹⁰ Что ж, и тебя поразить?» — говорит. Неспешного нудит сонм разъяренных богов и требует мстящих перунов, и — устранившись — уже не дерзает супруга перечить.

Не было знака дано, но небесный дворец самочинно вдруг возгремел, и сами сошлись в безветрии тучи, и подоспели дожди.— Иапет стигийские цепи, мнится, порвал, или в горний простор Инарима-остров взмыл, или Этна взнеслась. Угроз человека бояться стыдно богам, но когда они увидали, что в самом круговращенье небес воздымается муж и сраженья ⁹²⁰ требует,— молча дивясь, усумнились в мощи перуна.

А между тем в высоте над зубцами огиговой башни глухо небесная ось загудела, и свет истребился мраком. Однако же тот за незримую крепость держался и, в столкновениях туч полыхавшие молпии видя, «Фивам в таком,— говорил,— огне полыхать и пристало,— сызнова я от него разожду мой дуб поугасший!»

В это мгновенье перун, Юпитером всем устремленный,
пал на него,— тотчас занялось оперенье шелома,
рухнул щит, почернев, и вот уже весь осветился
⁹³⁰ муж.— Отступают бойцы, и трепещут противники в страхе:
где упадет, чью рать поразит полыхающей плотью?
[Чувствует он, что уже и волосы и лицо под шеломом
тлеют, десницей сорвать доспех раскалившийся тщится
и осязает, что жар подбирается к самому сердцу.]
Всё ж он стоит и, в звезды вперясь, пока еще дышит
и к ненавистой стене прислоняется грудью горящей,
чтоб не упасть. Но с него совлекается брненное тело,
и обнажается дух; — когда б уступили суставы
медленней, он ожидать повторения молнии мог бы.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

После того, как сгубил несправедливой доблести буйство мужественный Капаней и вмещенную молнии вспышку выдохнул, и до земли провожавший героя в паденье длительном мстящий огонь свой след на стене отпечатал, — неба сместившийся строй победитель Юпитер десницей выправил и, просветлев, возвратил дневное сиянье.

Боги — ликуют, а он — устал, как будто при Флегре бился и вновь придавил Энкелада дымящейся Этной. Сей же лежал, обхватив обломок разрушенной башни,
¹⁰ всё еще страшен па вид, оставив немало деяний памятных, для самого Громовержца отнюдь не бесславных.

В бездне Аверна таков посягатель на мать Аполлона мучится: сами пред ним, отстраняясь от груди могучей, птицы дрожат и глядят на огромное тело, покамест на пропитание им растет злополучная печень.

Бременем сходным лежит и в землю вопзевный, сжигая пашни и вражды поля, смердящие серой небесной.

Фивы вздохнули, встают доселе простертые в храмах толпы: теперь — молениям конец, конец безысходным
²⁰ воплям, и матери вповь детей опускают на землю.

Бег беспорядочный гнал метавшихся в поле ахилцев: ныне грозят не вражды полки и не смертных железо, — перед глазами у всех Юпитера гнев, и зарделось страхом у всех оружие, звенят шеломы, и, мнится, робких преследует сам и страшает огнями Юпитер. Воин агеноров вповь наступает, смятением горным пользуясь. — Так, когда задерет в полях массивийских стадо могучих царей зияющий пастью огромной
лев и, насытясь, уйдет, — медведи хриплые следом,
³⁰ жадные волки тотчас набегают и с яростью жалкой, подлые, раны чужой лизать начинают добычи.

Выступил Эвримедонт: на нем — доспех деревенский, дрот деревенский в руке, отцовым грозящий смятеньем, — Пан родитель его. С другой стороны наступает отрок еще Алатрей, с родителем-юношей схожий. Счастливы сын и отец, однако счастливее все же

тот, который родил; но днесь различить невозможно, чей звончее доспех, у кого подвижнее древко.

Вал вокруг стана покрыт густою бегущих толпою.

40 Как переменчив Градив! На кадмовы стены всходившим, ныне пеласгам свои защищать приходится кровли.

Будто вернулась гроза, и с переменившимся ветром поле отхлынуло вспять, или словно в кипящей пучине пена намокший песок обнажает и вновь одевает.

Гибнут один за другим тиринфяне, коих примета — бога-питомца доспех; суровый печалится в небе Амфитриониад, в крови немейские шкуры, палицы, как у него, и тулы похожие видя.

50 Встал на железном венце аргolidской башни дозорной славный трубач Эниэй, побудитель счастливого Марса; но на сей раз прозвучал призыв, для злосчастных полезный: их призывал он бежать и в стане надежно укрыться.

Вдруг налетевшая медь наносит внезапную рану: так же трубящего длань у левого держится уха, как и была, — уж дух отлетел в воздушные выси, хладные губы молчат, и петь лишь труба продолжает.

А властелинша злодейств Тисифона, обоих народов кровью упившись, уже сраженье закончить стремится, братьев сведя, но не верит, что ей толика битва
60 может удасться одной, если с нею Мегера и змеи единокровные в бой из бездн преисподней не выйдут. И потому, удалясь в безлюдное поле, пронзает почву стигийским мечом и шепчет нездешнее имя пашне, а также велит — для Элисия знак несомненный — вздыбиться над головой керасте с шипением долгим. Только слышав сего вожака голубеющей гривы, всякая тотчас дрожит земля, и море, и небо, и на этнейский огонь вновь взор обращает родитель.

70 Та услышала, — она как раз близ отца обреталась в миг, когда Капаней был всем восхваляем народом Дита и мощную тепь остужал стигийской водою. Толщу земли пронизав, сейчас же под пологом звездным встала она к ликованию душ, и насколько подземный мрак поредел, — наверху настолько же убыло света.

Вспешей длань оплетя, Тисифона суровая молвит: «Вплоть до сих пор, о сестра, отца стигийского волю грозную я выполнять могла, по приказу лютую, стоя одна на земле супротив враждебного мира; вы же меж тем без труда элисийские тени смиряли.

80 Но оставаться внизу — позор да и труд невеликий. То, что струятся поля и кровью застойною дышат, то, что несметным толпам веселятся прибрежия Леты, — это заслуга моя и удача моя. Но об этом

стоит ли? Сим пусть тешится Марс с Энио недалеко.
Видела ты — ибо он меж теней стигийских приметен —
мужа, чей кровью оскал осквернен, чьи черною жижей
влажны ланиты,— сей вождь ненасытный главу несчастливца
грыз, поднесенную мной. Или вспомни, как только что с неба
гром, прогремев, докатился до вас,— то меня сокрушала
90 бура священная, я в доспехах безумного мужа
силу богов осмеля и гнев перуна великий.

Ныне же — не утаю, сестра — от долгих усилий
воля слабеет, рука закоснела; под небом подземный
тупится тис, и трудно дышать под звездами змеям.
А у тебя — и ярость цела, и грива ликует,
влагой Коцита свежа,— так соединим же усилия.
Мы не обычную брань и не марсовы войны готовим,—
братьев (и пусть восстают благотворная Вера и Правда
попусту!), братьев мечи для боя должны обнажить.
100 Труд сей велик, но сами их гнев и распри оружие
сами направим. Итак, поспеши. Кого предпочтешь ты,—
выбери,— оба они — и готовы, и наши. Но зыбкой
черни, призывных речей материнских, и ласковой в просьбах
я Антигоны боюсь,— не стали бы нашим помехой
замыслам. Кроме того, даже тот, кто обычно мольбами
нам докучал и Дир умолял отместить за слепого,—
пыне — отец: говорят, избегая общенья, он слезы
льет о себе. Потому я и медлю вторгнуться в Фивы
к ларам привычным. Тебе пусть изгой подчинится безбожный,
110 ты же в аргосцах раздуй нечестье, чтоб их не осилил
кроткий Адраст; и гляди: пусть лернейские люди не медлят.
Шествуй и вновь обратись, врагиня, к боям обоюдным!»

Так, разделяясь, разошлись в противные стороны сестры.
Сходственно Нот и Борей, под разным живущие небом —
сей в рифейских снегах, сей вскормлен в пустыне ливийской —
в битву вступают,— режут лес, реки, тучи и море;
уж разрушенья видны, об ущербе своем земледельцы
плачут, но всё ж морячков, застигнутых бурей, жалеют.

Горний родитель, узрев с вершины Олимпа, что сестры
120 день оскверняют и путь содрогнувшийся Гипериона
залит пятнающей мглой,— разгневанно начал глаголать:
«Боги, мы видели пыл сражений — в дозволенной мере,
должную ярость войны,— хотя в нечестивую битву
рвался один, от десницы моей погибнуть дерзнувший.
Ныне — двоякое зло и злосчастным неведомый землям
бой предстоит,— отведите глаза! Пусть битвы бесчинной
ни божества, ни Юпитер не зрят,— для нас и застолья
Тантала, и алтарей Ликаона преступных, и в небе
звезды поспешные вснять обративших Микен предоволью.
130 День, и днесь возмутись! Встречай же черные тучи,

суша и звездная ось — повернись: щадить я намерен свод и моих небожителей,— пусть благодетельной девы звёзды и Леды сыны вовек не увидят такого!»

Рек всемогущий отец и зренье у пашен преступных огнял, и сладостного лишились сияния земли.

Меж арголидских бойцов Эребом рожденная дева рыщет уже по следам Полинника и вскоре находит возле ворот: он не знал, сокрыться от бедствий толиких смертью иль бегством, а взор блуждавший смущали предвестья.

- 140 Ибо он видел, бродя близ насыпи тьмю почною, мыслью терзаясь больной и недавнее перебирая, Аргии образ жены — растерзанный, с пламенем скорбным (то был знак от богов: в дорогу она собиралась, древа смолистого огонь для мужа несла); на вопрос же: путь твой куда, в чем скорбь, зачем эти горя приметы? — только рыдает в ответ и отводит безмолвное пламя. Знает, что мнится ему ужасное (ибо могла ли, бросив Микены, прийти супруга нежданная к стану?), но понимает, страшась понимать, что здесь — указанье
- 150 рока и близкая смерть. А когда, Ахеронт раскрывая, Месть троекратно груди бичем поднесенным коснулась,— он, не владея собой, не столько воссесть на престоле, сколько преступно убить и в крови пронзенного брата дух испустить возжелал и внезапно промолвил Адрасту: «Поздно я, о остальной из союзников, из арголидской рати последний, пришел к решению, отец,— побуждаем крайностью. Надо бы мне самому, покамест ахейцев кровь не струилась еще, идти и вступить в поединок, войска данайского цвет и чтимые царские души
- 160 в бой не ввергая, дабы для стольких народов прискорбной честью мою увенчать главу. Когда же погибла гордая доблесть,— теперь вернуть, наконец, я обязан долг. Ты ведь знаешь, о теще, хотя бы глубокие раны ты и скрывал и щадил мою сокрушенную совесть: из-за меня одного, благочестный и мирный правитель, (горе! о если б приют города иные мне дали!) ты и отчизны лишен, и царства,— но ныне востребуй казны моей! Я брата на бой...— почто ты трепещешь? — я это твердо решил — вызываю; меня ты не сможешь
- 170 остановить,— если скорбная мать и злосчастные сестры бросятся между мечей и сам перед рвущимся в битву встанет отец и вперит в шелом угасшие взоры,— не уступлю. Мне ль пить остающуюся инахийцев кровь и корытоваться погибелью вашей поныне? Видел я: из-за меня разверзлись хляби земные,— и не помог; обессилел Тидей,— но его я в злодейство вверг; и меня о царе беззащитная спросит Тегея,

сирая мать ко мне воззовет в паррасийских пещерах;
сам я к Имена брегам, пока обагрят его струи

180 Гиппомедонт, — не пришел; и на тирские башни в раскатах
грома с тобой, Капаней, не взбирался безумствовать вместе.

Что же я так о жизни пекусь? — Но выплачу долг свой.

Там, где скорбь соберет матерей и жен пеласгийских
и долголетних отцов, у которых я радость похитил,
осиротив их дома, — сойдуся (что еще остается?)
с братом, — пусть смотрят они, Этеоклу желая победы.

Ныне, супруга, прощай, дорогие Микены, прощайте.

Ты же, любезный мой тесть, — ведь не я же один в злодеяньях
этих повинен: со мной виноваты и небо, и Парки —
190 сжался над прахом моим и, меня подбрав после боя,
птицам и брату не дай — забери с собою останки, —
только всего; а дочь — сочetaй счастливейшим браком».

Оба в слезах изошли, — как будто под солнцем весенним
тают снега в бистонских краях: оседает высокий
Гем, а Родопа течет потоками в узкие русла.

Буйного старец смягчить попытался спокойною речью,
но прерывает его Эвменида кровавая страшной

200 вестью, — она подвела звонкоступа летучего тотчас
и протянула (приняв инахийца Ферекла, обличье)
меч роковой, а верный глагол преградила шеломом
и прокричала: «Спешим! Промедление недопустимо:
он, говорят, подступает к вратам». — Так всё одолела,
вдрогнувшего внесла на коня, — и мчался он, бледный,
полем, а взором ловил угрожающий призрак богини.

Тирский правитель, спасен перуном, Юпитеру жертву
тщетно свершал, полагая, что днесь данайцы бессильны.

Но не эфирный отец и не боги иные, а злая
к тем алтарям подошла Тисифона и, меж трепетавших
став, их молитвенный пыл Громовержцу подземному слала:

210 «О всемогущий, тебе основаньем обязаны Фивы
(Аргос завидует пусть, и суровая злится Юнона)
с тех незапамятных пор, когда на побережье сидонском
ты в хороводы вступил, похититель, и нашу юницу
вез на спине и притворно мычал в волнах безмятежных.
И не пустая молва, что снова кадмейского брака
ты возжелал и в тирийский покой ворвался, непомерный.

И наконец, на зятьев и любезные стены зриаешь
ты благосклонно, гремя в их защиту: как если бы в небе
твой был дворец осажден, так ты на высокие башни —
220 видели мы — облаками налег; и, ликуя, признали
добрый перуп и огни, о которых слышали от дедов.

Ныне прими сих овец и обильной смолы воскуренья
вкупе с обетным быком, — отблагодарить же достойно —
труд, увы, не людской; — пусть наши о том порадеют

Вакх и Алкид, для кого ты стены сии сохраняешь».

Рек,— но черный огонь ему и в уста, и в ланиты
вдруг полыхнул и, похитив с чела, опалил диадему.
Ярый, до взмаха ножа обагрил святилище пеной
бык и, беснуясь, ушел от толпы, его обступившей,
230 чтоб удержать, и разил алтари обезумевшим рогом.
Мчатся прислужники прочь, и царя утешает гадатель,—
тут же отважно велит принести неудачную жертву
снова и в лживых устах великие страхи скрывает.

Так и Тиринфий, когда проникающий в кости глубоко
огнь ощутил и ожог от прилипшей этейской одежды,
было пытался мольбы возносить и воскуривать смолы,
твердо напасть поначалу терпя; но — ею осилен —
издал стон, а внутри безумствовал Несс-победитель.

Вестник Эпит, изнузив запалаяющим бегом дыхаенье,
240 мчится к царю, оставив отряд, стерегущий ворота,
и выдыхает ему, трепетавшему, чуть различимо:
«Благочестивый обряд и жертвы богам, о правитель,
ныне прерви: стенам отовсюду брат угрожает,
и заграждает врата напором поводьев и копий,
и выкликает тебя, с тобою лишь требует битвы.
Спутников скорбных толпа — в слезах,— внимают и стонут
оба отряда, гремя потрясаемым грозно оружием.
Он же — зовет. Сейчас соверши, богов созидатель,
что заслужил Капаней!»— Ощетинился злобой глубокой
250 вспугнутый царь, но и в гневе самом он всё же доволен.

Так недавний вожак, слышав краешком слуха
изгнанного быка неприязненный рев и угрозы
в нем распознав, пред стадом встает во гневе великом,
негодованье свое выдыхает с кипящею пеной,
грозный, то землю топча, то воздух рогами взрезая;
поле трепещет, и ждут сражения робкие доли.

А уж царёвы льстецы: «Пускай себе в стены колотит,
буйствуя». «Он ли еще на что-то дерзает с разбитым
войском?» «Злосчастные так безумствуют: любят опасность,
260 страх меняют на страх, покой — ненавидят». «Останься,
тверд на престоле пребудь, а мы супостата прогоним:
биться — нам повели». — Приближенные — так; но, пылая
скорбью и высказать всё свободой войны побуждаем,
входит Креонт, чей яростный дух распален Менекеем.
Полон тревоги отец, лишь сына он ищет и помнит,
зрит постоянно одно: как тот извергает из груди
крови потоки и вниз с беспощадной свергается башни.
Видя же, что Этеокл — в сомненьях и медлит сражаться,
молвит: «Пойдешь, и дольше тебя, полководца и брата,
270 о наихудший, смертей и слез отчизны владыку,
за Эвменид и войну ответчика, — мы не потеряем.

Хватит неправду твою искупать у богов справедливых!
Мощный, роскошнейший град, горожанам недавно лишь тесный,
ты, словно мор, слетевший с небес, иль враждебная почва —
опустошил,— и ты же его свысока осеняешь?

Люда, чтоб службу нести, не осталось: одни без сожженья
в поле лежат, а других — ток отчий вынес в пучину;
те — без рук иль без ног, иные — в мучительных ранах.
Так возврати же отцов, сыновей и братьев несчастным,
280 пашням мужей и домам возврати! — Где Гипсей велемощный,
где сопредельный Дриант, где отряды звенящей Фокиды
или с Эвбеи вожди? — Но этих к манам отправил
случай безликий войны,— а ты, о позор! — словно жертва,
жертва престолу лежишь, словно отпрыск черни безгласной,
(горе мне!) первым алтарь обагрив, закланный бесчинно
и получивший приказ умереть! — И всё еще медлит
этот вот и, наконец, супротивным вызванный Марсом,
всё еще ждет: не прикажет ли в бой Тиресий-обманщик
выйти другому и вновь не сплетет ли пророчества к нашей
290 скорби? Пусть ныне один у несчастного Гемон остался,—
ты прикажи,— он пойдет! А сам посиди, наблюдая
с башни высокой.— Почто ты лютуешь, косясь на покорных
воинов? — Ждут и они, чтобы шел ты и выплатил долг свой.
Даже родительница, даже сестры тебя проклинают,
а ненавидящий брат — грозит и железом, и смертью,
крепкие створы ворот потрясает,— а ты и не слышишь?»

Так отец скрежетал и гневом вскипал злополучным.

Тот же: «Лжешь,— говорит,— не славная сына погибель
движет тобой: ты бы должен ее прославлять и гордиться.

300 Прячется в этих слезах надежда — надежда и жажда
тайная: буйству речей смерть сына — только прикрытье,—
ты обвиваешь меня как ближайший к чужому престолу.
Но не допустит судьба того, чтоб сидонского града
скипетр достался тебе, недостойнейший славного сына!
Мог бы тебя без труда и теперь покарать я, но битва,
битва превыше всего, о народ! Пусть братья сразятся!
Хочет Креонт печаль облегчить,— неистовствуй вволю:
после победы за всё ты заплатишь мне». — Так он на время
спор отодвинул и меч, протянутый яростью, стиснул.

310 Коль потревожит змею пастух, задев ненароком,
та распрягается, вьясь, и из тела всего изобильный
яд собирает в уста; но если немного отходит
сбившийся враг,— стихают тотчас угрозы и никнет
вздутая шея: змея пьет гнев своей же отравы.

Но долетевшей молвы о погибельной доле безумно
мать устрашилась: речам поверив тотчас, побежала,
лик и власы истерзав, обнажив обагрённые груди,
пол и приличье забыв: пенфеева мать когда-то

- так к вершинам неслась обезумевшего Киферона,
 320 лютому да принесет Лиэю главу по обету.
 Спутницы следом за ней и благочестивые дщери
 не поспевают,— такой наделило несчастную горе
 силой, и столь от скорбей угасшие ожили годы.
 Вот и шелома красу, и острые дроты приладил
 вождь и взирал на коня, любившего рога призывы
 и не дрожавшего труб,— как вдруг испуганная входит
 мать,— и в ужасе сам побледнел, и слуг окруженье,
 и отшатнулся с копьем протянутым оруженосец.
 «Что за безумье? Отколь Эвменида престола — всё та же! —
 330 вновь поднялась? И после всего вы друг против друга
 встанете сами? Уже столкновения ратей и гнусных
 мало приказов для вас? А куда победитель вернется?
 Уж не в объятья ль мой? О ужасного мужа когда-то
 мрак благодатный! А вы, нечестивые взоры,— платитесь!
 Этот ли день увидеть? Куда ж ты отводишь, свирепый,
 грозные взгляды? Почто заливаешь то бледность, то алость
 щеки, а зубы, скрипя, крошат бормотание злое?
 Горе мне, ты победишь! Только ранее необходимо
 дома сей меч испытать! В воротах на самом пороге
 340 встану предвестием бед и злодейства прообразом грозным!
 Эти седины тебе, нечестивый, придется и эту
 грудь растоптать и коня провести по чреву родимой.
 Сжался: мечом и щитом не отталкивай противоставшей!
 Не обрекала тебя я стигийским богам, не давала
 страшных обетов, слепой не взывала к Эриниям речью.
 Выслушай жалкую: мать умоляет тебя, беспощадный,
 а не отец; не спеши к преступленью и вымери дерзость.
 Брат угрожает стенам и тебя в нечестивом сраженье
 биться зовет? — Но ни мать, ни сестры пред ним не вставали,
 350 путь преграждая,— тебя всё молит, здесь все мы рыдаем.
 Там разве только Адраст отговаривает, а, быгь может,
 биться велит, как и все...— Родимых богов и пороги
 бросив, ты ли уйдешь из наших объятий на брата?»
 В города части иной Антигона, справляясь с тревогой,
 шаг потаенный стремится (причем целомудрие деву
 не замедляет ничуть), крутизну стены огигийской
 преодолеть торопясь. Вдогон за идущего старец
 Актор спешит, чей шаг нетверд в восхожденье на крепость.
 Вот увидела она доспех вдалеке,— усумнилась,
 360 по опознала, увы, кто дротами и горделивым
 гласом град поражал, и тут — огласила округу
 воплем и — словно со степ собираясь сойти — прокричала:
 «Копья помедли бросать, обернись на мгновение к башне,
 брат, и ужасный шелом пусть ко взорам моим обратится!
 Что же, признал ты врагов? Мы так исполнены условий

требуем, и такова изгнанника кроткого тяжба правая? Ради, о брат, аргонидских пенатов — поскольку тирские ты уж не чтешь — и если тебе в этом доме мило хоть что-нибудь, — пыл остуди: так оба народа
370 просят, и воины их, так просит тебя Антигона, — бедам родных предана, вызывая в царе подозренья, только твоя, жестокий, сестра. Яви же суровый лик и глаза; дорогие черты (в последний, быть может!) дай опознать — и узреть: в ответ на сестрины слезы плачешь ли ты? А того — умоляющим воплем сломила мать, и уже, говорят, он меч опустил занесенный. Ты же всё храбр у меня? У меня, кто денно и ночью и об изгнание твоё, и о страстивых плачет, кто часто злостью отца с тобой примирял? Зачем ты снимаешь
380 с брата вину? Это он разорвал договора условия, он — злодей, он к своим беспощаден. Но, вызван на битву, он — не идет». — От таких речей слабеет у брата ярость, хотя на пути помехой Эриция встала; уж опустилась рука, уж медленно взор он поднимает, он уж молчит, прервались рыдания, видны из-под шлема слезы; смиряется гнев, и уйти преступно стыдно, стыдно ему, что пришел... — Но вдруг Эвменида, отбросив мать с пути, из разбитых ворот погнала Этеокла. Он же кричит: «Выхожу и о том лишь, что ты меня первым
390 вызвал, жалею. Прости промедление: мать задержала меч. О родимый предел, о царях пребывавший в сомненье, — днесь несомненно тебя победитель получит». — Тот столь же круто: «Злодей, наконец, ты вспомнил про честь и на равных выступил! Ставший мне вновь после долгого времени братом, бейся: лишь этот закон, лишь этот союз нам остался!» — Рек и глянул врагом на брата, а сердце сжигала зависть, что спутников с тем — без числа, что шлем его — царский, в пурпур одет звонкоступ, и желтый сверкает металлом щит, — хотя он и сам был в оружьи достойном, блистая
400 паллою нерядовой: исполнила эту работу Аргия по образцу маонийскому, с вьящим искусством переплетя пурпурный уток со златою основой. Вот уже в пыльный простор они по внушению Фурий рвутся, и каждого в бой своя побуждает и гонит: сами ведут коней в поводу, доспех и оружьи ясное ладят и змей в оперенье шлемов вплетают. Единокровников бой преступный воздвигся, единым чревом рожденных, сошлись под шеломами схожие лица. Стяги трепещут, замолк зов труб, и рога онемели
410 марсовы; трижды взгремел ненасытный правитель из черных уст и трижды сотряс земные глубины, и сами скрылись боев божества: достославная Доблесть пропала,

светоч Беллоны загас, и подальше коней задрожавших
Марс отогнал, и ушла Горгоной страшая Дева
прочь,— но одна за одной распаялись стигийские сестры.

- Нагромождается люд злополучный на кровлях высоких,
всё увлажнилось от слез, и вопли — из крепости каждой.
Здесь, скорбя, что живут,— старики, там — матери встали,
грудь растерзав, и взирать запрещают отпрыскам малым.
- 420 Мамам — врата отворив — огигийским подземный правитель
сам выходить повелел и на чудищ глядеть соплеменных.
Те же сидят на отчих горах и, сонмищем мрачным
солнце затмив, веселятся, что их преступления — меньше.
Лишь услышав, что идут, подстрекая открыто друг друга,
братья на битву, и стыд преступленью уже не помеха,
подоспевает Адраст, устремляя меж них колесницу,—
он, кто почтенье внушал и царственностью, и годами.
Что он для них, кому не указ и родные, и даже
честь безразлична! Но все ж он просил: «Инахиды, тирийцы!
- 430 Что же, мы будем смотреть на злодейство? Где ж право и боги,
где же война? Уймите свой пыл.— Врага — умоляю
(гнев пусть дозволит молить, хоть и ты не чужой мне по крови),
зять, а тебе — и велю: коли столь тебе скипетр желанен,
царские ризы сниму,— отправься в Лерну и Аргос,
властуй один...» — Но уже увещанья не более могут
воспламененных смирить и остановить начинанье,
нежели вздыбившийся кручеными волнами Скифский
Понт способен не дать сойтись Кианейским утёсам.
И — увидав, что бессильны мольбы и в бой, воздымая
440 пыль, звонкоступы летят, и безумцев персты проверяют
крепость копейных ремней,— умчался он, всё оставляя —
зятя, воинов, стан и Фивы; и рока указы
чувявшего повернув, погнал Арiona.— Когда-то
так, свой жребий узнав несчастливый, поник в колеснице
мрака подземного страж, мироздания дольщик последний,
и побледнел, нисходя — небосвода лишившийся — в Таргар.
- Но повачалу отнюдь не способствует битве и медлит,
у преступления встав на пути, неспешливый Случай.
Попусту дважды пути пропадают: благая ошибка
450 дважды коням не дала сшибиться,— и, кровью преступной
не осквернившись, летят мимо цели напрасные копыя.
Братья, бразды натянув, уязвляют коней неповинных
злыми боццами; смутил сей явственный знак от бессмертных
оба отряда: ропща, они поднимают взаимный
шум и пытаются вновь устремиться в сраженье друг с другом,
в схватке сойтись и несчастным не дать поединок продолжить.
Не одобряла давно ни земли, ни сонма бессмертных
Честь и сидела одна в удаленнейшей области неба:
вид у нее не тот, что допреж, и сумрачен облик,

460 и без повязки власы рассыпались; о поединке — словно сражающихся сестра или жалкая мать — плачет она и, воззвав к Юпитеру лютому, к Паркам неумолимым, грозит с небосводом и светом проститься и удалиться в Эреб, предпочтя стигийских пенатов.

«Для необузданных душ человеческих, а часто и божьих, ты как преграду меня для чего сотворила, Природа?

Я у народов — ничто, я ни у кого ни в почете.

Что за безумье! О люд! О проклятый труд Прометея!

Как хорошо и земля, и понт после Пирры пустели!

470 Ах, охи, смертные...» — так изрекла и, помощи время выследив, молвила: «Что ж, попытаюсь, хотя бы и тщетно». И устремилась с небес, и под черными тучами светлый след — хоть богиня была и мрачна — стопы оставляли.

Стоило в поле ей стать, — унялись миролюбьем внезапным воинства, вдруг осознав нечестье; у братьев ланиты влажными стали, а в грудь к ним ужас безмолвный прокрался. Мужа обличье приняв, потрясая оружием мнимым, «Ну же, — кричит то тем, то другим, — идите, вмешайтесь — те у кого есть сын, или брат, или близкие дома.

480 Дроты у них (то не явный ли знак сострадания бессмертных?) падают, кони идти не хотят, и противится Случай».

Было подвигла она нерешительных, но Тисифона, хитрость ее разгадав, подоспела быстрей, чем небесный огонь, и вскричала: «Почто ты перечишь решившимся биться, немощный дух и мира слуга? Прочь, мерзкая: поле — наше, и наш этот день; защищать нечестивые Фивы поздно. А где ты была, когда разразился войною Вакх, и, вооружась, предавались матери буйству?

490 Где ты скрывалась, когда пил марсов дракон из нечистых вод, был лахарем Кадм, побежденная Сфинга низверглась, или отец к Эдипу зывал, или с факелом нашим в брачный входила покой Иокаста?» — Вот так нападала, кроме того отводящую взгляд и прочь устыженный отворотившую лик теснила шипящею гривой и прогоняла огнем. Богиня, прикрывшая взоры паллой, умчалась излить Громовержцу великому пени.

Прежнего пуще тогда разожгли подстрекательства ярость: битва — угодна, и вновь возжаждали зрелища рати.

Вновь нечестивцы сошлись: бесчинный правитель готовит

500 жала и, миг улучив, шлет первым смертельное древко.

Оное, путь проложив к середине щита, не сдержало силы удара: его отразило плотное золото.

Тут выступает вперед призывающий гибель изгнанник:

«Боги, которых Эдип не напрасно слепыми устами злону разжечь умолял, я к вам не с постыдной зываю просьбой: сей длани — отмщу, и тем же ударю железом

в грудь, — пусть только меня скиптродержцем узрит, умирая, тот, чья меньшая тень с собой унесет мою муку!»

Древко несется в бедро наезднику и звонкоступу
 510 в пах и обоям грозит погибелью; но избегает
 всадник удара, убрав колено: к мольбе равнодушно,
 жало меж ребер коня однако ж оставило рану.
 Мчит стремглав звонкоступ, презирая поводья тугие,
 и на зардевшей земле окружность кровавую чертит.
 Тот же — ликует, решив, что брата поранил, который
 так же в испуге решил; отпустивший поводья изгнанник
 слепо заставил тогда утомившегося звонкоступа
 броситься вскачь, — но сплелись с поводьями длани и дроты,
 оба на землю стремглав, мешая шаги, покатались
 520 всадник и конь. Так суда, столкнувшись ночью в порывах
 мрачного Австра, гребцов рассыпают и весла калечат, —
 долго бьются они с темнотой, непогодой, друг с другом
 и — как и были, сцепясь — погружаются в глуби морские.
 Вид поединка таков: ни правила в нем, ни искусства,
 только безумство и гнев, — и ненависть их, полихая,
 даже сквозь шлемы видна, и каждый пытается суровым
 взглядом другого лицо, — уж рядом они, и сцепились
 братьев мечи, и руки сплелись, и хрипы другого
 каждому знаки трубы и рога призыв заменяют.

530 Так сокрушительный гнев вплотную стремительных вепрей
 сводит, вздымая у них заливки шетивой торчащей:
 взоры бушуют огнем; сверкая кривыми клыками,
 пасти гремят; на битву глядит из пещеры ближайшей
 бледный охотник, моля собак удержаться от лая.
 Так же братья сошлись. Покуда смертельных ударов
 не было, но пролилась их кровь, и злодейство свершилось.
 В Фуриях пужды уж нет: они поражаются только
 и, восхищаясь, скорбят, что людского беспомощней гнев их.
 Каждый из братьев, ярясь, чужой домогается крови,
 540 не замечая своей; но вот — устремился изгнанник:
 длань ободряя свою, чей неистовой гнев и нечестье
 праведней, — меч глубоко вонзил родимому брату
 в пах, где доспехов края ненадежной служили защитой.
 Боли не чувствуя, тот — ледянищим испугав железом —
 тшится заслоном щита прикрыть пораженное тело.
 После ж, удар ощутив, всё сильней и сильнее от боли
 стал задыхаться. Но враг к отступающему беспощаден:
 «Брат, куда ж попятился ты? Ну, вялый ленивец,
 ближе! Изнеженный царь, сюда! Безмятежный властитель,
 550 не отступай: пред тобой нуждой закаленный изгнанник, —
 так поучись войну выносить и счастью не верить!»

Так злосчастных борьба продолжалась. Еще трепетала
 жизнь в нечестивом вожде, и кровь оставалась, и был он

в силах стоять, но — упал умышленно: даже пред смертью кознь последнюю он замышлял. С вершин Киферона крики взвились. Полиник, решив, что убил, воздевает к небу ладони: «Вот так, хорошо! Не тщетно я клялся! вижу коснеющий взгляд и уста, текущие смертью.

560 Эй, кто-нибудь, скорей мне скиптр и главы увенчанье, — пусть он увидит!» — И, так говоря, он идет и доспехи — ими желая почтить ликующей родины храмы — хочет доспехи совлечь; а тот до сих пор не расстался с жизнью и душу еще сохранял для мстящего гнева. И, увидав, что к нему Полиник подошел и дагнулся, — тихо приподнял булат и, ослабевающей жизни жалкий остаток собрав, наполнил гневом и — ныне гибели радуясь — меч оставил в сердце у брата. Тот же: «Ты всё ещё жив, и гнев сохраняешь доселе, о вероломный, чей дух никогда не узнает покоя.

570 Следуй же к манам со мной, — я и там об условие напомяну, если агенорова судья там есть еще урна кносская, как говорят, для казни царей». — И, умолкнув, рухнул и брата погрёб под тяжестью вооруженья.

Души ужасные, — в путь! Оскверните погибельный Тартар смертью своею и все истощите эребовы казни!

Вы же несчастья людей прервите, стигийские сестры: пусть никогда никакая земля преступленья такого впредь не увидит, и пусть не узнает о страшном деянье будущее, но пари пусть оную битву запомнят.

580 Тут, о свершенном узнав злодействе, родитель расстался с тьмой подземельной и встал на свирепом пороге, являя недовершенную смерть. Оскверненные давним убийством, вздыблены две седины, власы — заскорузлы от крови — тучей неистовый лик оскверняли, ввалились глубоко щеки и ямы глазниц, и вместилища света чернели. Дева подерживала бессильную шуйцу слепого, в правой он посох сжимал. Когда бы с ладью расстался, возненавидев свой труд, Аверпа неспешного пахарь и устремился к богам и к солнцу, и хор побледневших звезд возмутил (это он-то, дышать не приученный горным воздухом; — временем тем в отсутствие кормчего толпы всё бы росли, и по берегам — поколения ждали), — был бы таков он. Сойдя в долину, он спутнице скорбной проговорил: «Веди к сыновьям и отцу к неостывшим трупам припасть помощи». Но колеблется дева, не зная, что предпринять: пройти не дают и плутающих держат кони, доспехи, мужи. В беспорядочных грудях слабеют старца шаги, и уже вожатая изнемогает.

590 Только лишь дочери крик указал, что мертвые братья обречены, как отец повалился на хладные трупы, —

голос у старца угас: он, лежа на ранах кровавых,
стонет, а произнести, как ни силится, слова не может.

Дланью по шлемам вода, он ищет открытые лица
и, наконец, отверзает уста, немевшие долго:

«Поздно, но в сердце моё ты всё же, любовь, постучалась?

И сохранилось еще во мне сострадание к людям?

Жалкого всё же, увы, ты отца победила, Природа!

Я уж готов зарыдать, и текут по ранам засохшим
слезы, и грудь истерзать нечестивые длани стремятся.

610 Что ж, положенный плач о смерти недолжной примите,
лютые отпрыски, мне чрезмерно подобные! Я же
вас ни узнать не могу, ни назвать,— скажи, умоляю,
дочь, кого я держу? И какую же тризной сумею
вас я, свирепый, почтить? — О если б исторгнутых взоров
свет возвратился ко мне! — Я очи опять наказал бы!

Горе мне! Горе! Почто неправые просьбы отцовы,
злые обеты его услышаны были? Кто, боги,
рядом с молящим стоял и, вняв, пересказывал Судьбам
речи мой? Но ведь их внушили Эриния, ярость,

620 царский престол, и отец, и мать, и угасшие очи,—
только не сам я, клянусь и Дитом, и тьмой вождеденной,
и неповинной моей провожатой: сойду по заслугам
в Тартар, и пусть не бежит от меня тень Лайя в гнев.
Горе, как братья сплелись! И к ранам каким прикасаюсь!
Но разорвите, молю, объятия, преступные цепи
сбросьте хотя бы теперь и отцу быть с вами дозвольте!»

Жалуясь горько, Эдип постепенно охвачен был жаждой
смерти и тайно искал оружия, но помешала
дочь: мечи убрала Антигона опасливой дланью.

630 Вновь разъярился старик: «Но где же преступные жала,
Фурия, иль целиком ты в тела погрузила железо?»
Режнему спутница встать помогла, сама же скорбела
молча и рада была, что свирепый рыдает родитель.

Прежде уже, устрасась возвестивших сражение криков,
вывесла ведомый меч из дальних покоев царица —
оний плачевный доспех, коим Лайй владел скиитродержец.
Много упреков излив богам и чудовищпой спальне,
сыну неистовому и тени первого мужа,

640 длань напрягла, и — в склоненную грудь с великой патугой
вторглось железо: удар разрывает старичьи жилы,
и искупления кровь оmyвает злосчастное ложе.

К ране ее, журчавшей в груди изможденной, припала
в горе Исмена: стена, потоками слез и власами
кровь осушала она. — Когда-то в лесу марафонском
так Эригона на труп отца убиенного пала:
горестный вопль истоштив, она уже узел печальный
к мощным привязывает ветвям, умереть вознамерясь.

Радуюсь, что не сбылись обоих царей упования,
амфионийский престол и скипетр другому коварной
650 *Участь* рукой отдала: отныне Креонт получает
Кадмову власть. Как жалок исход войны: для Креонта
братья сражались! Его и Марсова кровь отличала,
и Менекей, незадолго пред тем послуживший отчизне,
сблизил с пародом. Итак, он воссел на престол, государям
гибельный и роковой аонийцам. О власти соблазны,
к скиптру злотворная страсть! Ужели ж предков уроки
внуков не будут учить? Но нет: им желанно остаться
в проклятом месте и длань утвердить на кровавом кормиле.

Лучшая *Участь*, к чему ты приводишь? — Она начинает
660 тут же отца совращать, отдалять Менекея от царства.
Прежде всего, напоив державной свирепостью норов,
волей и властью своей он приказывает: для данайцев
не разжигать погребальных костров и под небом открытым
битву оставить, лишив приюта печальные тени.
А возвратившегося у Огиговых врат на пороге
встретя Эдипа, его устранился: он чувствовал втайне
меньшим себя и явственный гнев удержал поначалу;
но подошедши к царю и к слепому врагу обращаясь
дерзостно, «Прочь уходи, победителям вид твой несносен,—
670 проговорил,— и Фурий от нас отврати, и очисти
Фивы уходом своим! Исполнены давние просьбы:
сгибли сыны,— так ступай: чего же еще тебе нужно?»

Тот, разъярясь, задрожал, и волосы трепетавшие всгали,
словно он зрел наглеца, и старость его отступила.
Дочь и клюку он оставил тогда и, негодованью
вверясь, такие извèрг глаголы из груди надменной:
«Ты уж лютуешь, Креонт? Едва на престол вероломный,
нашего счастья приют, ты воссел, о ничтожный, как тут же
и возомнил, что царей попирашь поверженных властен?»

680 Ты уж лишаешь костра побежденных, и града — сограждан?
Славно! Ты будешь блюсти как следует скипетр фиванский!
Это — лишь первый твой день; но зачем ты себя утеснишь
в новых правах? Что скупко даришь толикою честью?
Ты изгоняешь меня? — Но ведь эта немилость труслива!
Царь, не лучше ль тебе обарить свой меч беспощадный?
Это нетрудно, левь: пусть ждущий приказа приспешник
без содроганий главу, не склонную к бегству, отрубит!
Так, начинай! Или ждешь, что, согнувшись в мольбе униженной,
лиц я паду, поползу беспощадному вслед господину?

690 Ну, а, положим, решусь? Снизойдешь? — Уж не мне ли грозишь ты
казнями? Что же, ты мнишь, будто мне еще что-либо страшно?
Город покинуть велишь? — Я небо и землю оставил
сам и мстящую длань обратил на себя добровольно,
не понуждаем никем! Так что же ты, царь пенавистный,

можешь еще приказать? Я уйду и покину проклятый град. Не равно ли, куда мой мрак водворю я и тело мертвое? Есть ли народ, который бы не уступил мне столько, сколько родной я земли занимаю, злосчастный? — Нет... Но Фивы — люблю. И диво ли? — Светлой зарею, 700 лучшими звездами здесь когда-то был я обласкан; здесь же и мать у меня, и дети...— Ты Фивами ныне правь и ту же судьбу испытай, что Кадм или Лайв, ту же, что я: обрети и жену, и детей благоправных, доблесть тебе да не даст от счастья уйти добровольно,— жизнь и в крушение любви. Довольно благих пожеланий,— дщерь, веди меня прочь! — Но тобою ли скорбь увеличу? — Дай провожатого, царь!» — Но, остаться страшась, Антигона так умоляла его: «Достоцитимый Креонт, заклинаю 710 счастьем державы тебя и святой менекеевой тенью: к скорби отца свизойди и прости горделивые речи,— так говорить понуждает его безмерное горе. Он ведь суров не с тобою одним: с богами и роком, ожесточившись от бед, он таков же. Подчас и самой мне с ним нелегко: давно независимость жалкая в сердце неукротимом живет и надежда на лютую гибель. Вот и теперь он желаньем горит разжечь твою ярость и наказания ждет. Но ты, умоляю, великой властью владей, будь благ и, возвысясь, незлобив оставься к тем, кто повержен. Царей останки великие прежних 720 чти,— ведь когда-то и он на престоле сидел, окруженный стражею и помогал несчастным, пад властным и жалким суд беспристрастный чинил,— а теперь из стольких осталась я у него; и досель он изгнанником не был. Счастливым он ли помеха? Его ль разить и гневом, и мощью царской и вон изгонять? — Не затем ли, чтоб он у порога славного не застал, не приспел не ко времени с просьбой? — Страх отложи: от покоев твоих вдалеке будет лить он слезы, и гордого я усмирю и покорству наставлю, и от людей уведу, и в уединенье сокрою,— 730 чем не изгнанник? А кто из чужих огонрет для скигалипа город? Не в Арги ж идти, не ползти же во прахе к Микенам вражбим, и не повергать перед побежденным Адрастом груз аонийских потерь,— царю ли фиванскому скудной помощи ждать от него? И зачем злосчастного рода грех различать, зачем выставлять напоказ посрамленных? Нас — чем бы ни были мы — сокрой! Молю не о долгом даре, Креонт: пожалей старика, и дозвошь упокоить здесь, я молю тебя, здесь останки родителя,— ты ведь не запрещал хоронить фиванцев...» — так просит и земно 740 кланяется; но ее уводит отец и злодею карой грозит, прощенье презрев.— Таков же в пещере

лев, пред младостью чьей трепетали дубровы и горы,
немогущий днесь, возлежит укрошен продолжительным веком.
Всё же величествен он, и старость его неприступна.
Если ж мычанье дойдет до его ослабевшего слуха,
он распрямится и мощь вспомнит свою, об ушедших
силах стенья и о том, что равнинами правят другие.

Оною речью смягчен, не во всем, однако, правитель
слезным мольбам уступил и отца обделил одолженьем:
750 «Не далеко,— говорит,— от пределов ты будешь удержан
отчих: так только, чтоб ты ни жилищ, ни храмов священных
не осквернял. Водворись в лесах своего Киферона;
кроме того для твоей земля не заказана тени
та, где, сразившись, в крови покоятся оба народа».
И под неискренний шум одобрения знати и люда,
льющего слезы,— шагнул на царский порог горделиво.

Гибельный стан между тем пеласги разбитые тайно
все покидают: своих ни вождей перед ними, ни стягов;
760 молча разбредшись, идут стяжавшие вместо прекрасной
смерти — постыдную жизнь и позорящее возвращенье.
Ночь помогла и желанною тьмой убегавших сокрыла.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

Бодрый восход с небосклона согнал не все еще звезды,
день наступающий Луна ещё истопившимся рогом
видеть могла, — но уже облака Тифония гонит
легкие и небеса к возвращению Феба готовит.

От поредевших бредут пенатов диркейские толпы,
мрак предрассветный кляня: им после сраженья впервые
отдых дарован и сон, но выстраданный убегает
мир от покоя, войну беспощадную помнит победа.

Выйти за стены, ряды укреплений нарушить теперь лишь
¹⁰ и растворить ворота теперь лишь решается доблесть.

Ужас недавний стоит пред глазами, и — ныне пустое —
поле страшит. — Как тех, кто в море скитался, сначала
суша качает, так им, исстрадавшимся, странно, что схватка
кончена: мнится, что вновь восстанет разбитое войско.

Так, заметив едва, что к порогу решетчатой башни
пестрый взбирается змей, идалийские птицы трепещут:
внутри загоняют птенцов, непорожные гнезда когтями
обороняют и бьют непригодными к бою крылами;
после, хоть тот и отпрянул назад, но и воздух свободный
²⁰ белую стаю страшит; и, даже в полет устремившись,
птицы дрожат, все еще озираясь между созвездий.

Шествуют в поле, где люд бездыханный и все, что от битвы
павшей осталось: вожжи кровавые всюду ведут их —
Скорбь и Странанье. Один на тела и оружие смотрит,
плечи безглавые зрит другой, а рядом — чужие
головы; этот вопит, потеряв колесницу, и речи
к сирым — лишь это ему остается — коням обращает;
раны великие тот лобызает, на доблесть пеняя.

Там разбирают тела: в руках отсеченных зажаты
³⁰ конья или мечи; а рядом — торчащие стрелы,
впившиеся в глаза; и в тщетных поисках трупа
многие мчатся с немым готовым излиться рыданьем.
И над обрубками тел подымается жалкая битва:
спор, кому обмывать, кому погребать их приталю;
или останки врага (порой насмехается Случай),

не разобрав, оплачет иной: нет верного средства,
чьей избежал различить, по чьей ступаешь ты крови.

Те, у кого невредим их дом, обойденные горем,
то, блуждая, глядят на пустые данайские кущи,
40 в стане пожары чиня; то ищут (а это приятно
после боев), где Тидей растерзанный в прахе повержен;
есть ли расщелина там, где низвергся пророк; где бессмертных
враг и живет ли досель в останках эфирное пламя.
Вот уже день в слезах проведен, вот поздний спустился
вечер: но горю стенать и бедой услаждаться любезно.
Не разошлись по домам, но всюнощно у тел пребывали
толпы: по очереди следят за кострами, и вопли
прочь отгоняют зверей, — никого ни на миг не сломили
сладкие звезды, ничьи в рыданиях глаза не сомкнулись.

50 Третий в сраженье вступал с Авророю Люцифер. Горы
славы дубров уже лишены: с вершины тевмесской
мощные сходят стволы и чтимый в кострах погребальных
лес Киферона. Горят побитых отрядов останки,
в груды нагромождены. Почету последнему рады
маны Огигии; рать обездоленных греков нагая
над запрещенным огнем летает и жалобно стонет.
Несправедливую тень Этеокла свирепого также
хоть и не царский костер, но почтил; однако аргосцем
велено брата считать: его даже призрак в изгнание.

60 Но Менекею гореть не дозволили в пламени общим
ни скиптродержец-отец, ни Фивы, — костер не обычный
соорудили ему, но холм из оружия воздвигся:
из колесниц, и щитов, и доспехов, отбитых у греков.
Он победителем сам поверх неприятельской груды —
с мирною лавра листвою в волосах и священной повязкой —
точно таков возлежал, как Тиринфий, призванный небом,
некогда, радости полн, на горящей покоился Эте.
Кроме того, живые тела — плененных пеласгов —
и усмирненных коней — храбрецу в сраженьях утеху —
70 в жертву приносит отец. Уже охватил их взлетевший
пламень и вот, наконец, отповы стenanья исторглись:
«Если б тебя миновал неумный порыв к благородной
славе, мой сын досточтимый! — Со мной в эхионовом граде
ты бы царил и после меня! Но пришедшую радость
ты огорчаешь и сан немил мне царский отныне.

Пусть к небесам в небожителей сонм ты взнесен приснославною
доблестью, — верю тому; но я о тебе неизменно
буду рыдать. Алтари и высокие храмы фиванцы
пусть посвящают тебе, — но родителю скорбь не запретна.
80 Горе мне! Вот и теперь — где взять мне достойные жертвы,
чтобы тебя схоронить? — Их нет, будь властен я с прахом
Аргос смешать роковой и Микены, разбитые мною,

а в довершение — себя, кто погибли сына обязан жизнью и саном! Ужель день тот же и то же сражение в Тартар, мой сын, и тебя низвели, и проклятых братьев, и уравнилась моя с эдиповой горькая доля?

Сколь, о Юпитер благой, о сходных рыдаем мы тенях!

Сын мой, прими же еще твоему торжеству приношенья:

это кормило прими у десницы, с главы вознесенной —
 90 повяз, которую ты отцу не на радость доставил!

Пусть же царем, царем увидит тебя Этеокла скорбная тень!» — И, сказав, он длань и чело обездолил; после же, гнев распалив, продолжил неистовой вдвое: «Лютым и мстительным пусть называют, но Лерны останки сжечь не позволю с тобой. О если б вернуть ощущение трупам и с неба изгнать, из Эреба преступные души мог я, — я сам за зверем устремился бы и за кривыми клювами птиц — тела указать царей нечестивых.

Нет: их земля и живительный день, увы мне, разрушит!

100 И потому опять и опять повторяю: последней силой огня пусть никто пеласгам помочь не посмеет, — будет ослушник казнен и восполнит число заповедных трупов: порукою мне — небеса с Менекеем великим». Рек, и его, подхватив, понесли провожатые к дому.

А между тем из пустыющих Арг рыдавшие толпы (гонит несчастных Молва) — сироты и вдовы стремятся, Инаха племя, — что рать полоненная. Раны у каждой разные, облик — один: неприбраны, космы повисли, и перетянута грудь; от ногтей беспощадных ланиты
 110 кровью сочатся, и плоть истерзанных рук распухает.

Первой среди горестных жен царица скорбного сонма, то на печальных склоняясь служанок, то вновь распрямляясь, жалкая Аргия путь выбирает: ее не заботят царство, отец, но одна надежда, одно Полиника имя у ней на устах, — близ Дирки в чудовищных Калма стенах хотела б она поселиться, забыв о Микенах.

Следом, с лернейским смешав калидонянок толпы отрядом, не уступая сестре, Деипила к останкам Тидея шествует. Жалкая, ей преступленье — недолжная ярость
 120 мужа — известно уже, но — покойного не осуждая — всё забывает любовь. С подобающим воплем Неалка рядом — ужасна лицом, но и сожаленья достойна — Гиппомедонта зовет. За нею — супруга пророка держит, преступная, путь к пустому костру; а за ними грозной Эвадны бредет отряд и менальской Дианы сирая спутница: скорбь и жалобы в ней пробуждает сына отвага, а та, вспоминая могучего мужа, плачет о буйстве его и на звездное небо ярится.

Их увидав меж ликейских лесов, Геката, стеная,

¹³⁰ сопровождала в пути; к побережью двойному идущих
воплем фиванская мать на истмийской гробнице встречала;
сей полунощный поход Элевсин оплакивал скорбный
и выносил потаенный огонь навстречу бредущим.
Их по дремучим сама направляет Сатурния тропам
и укрывает их путь от встречи с толпою туземной,
да не погибнет в ночи начинанья великого слава.

А убиенных тела своею заботой Ирида
не оставляет: росой потайной и амвросии влагой
тленью подвластную плоть крошит, чтоб дольше держалась
¹⁴⁰ и дождалась бы костра и до пламени не разложилась.

Темной заросший брадой и от раны зияющей бледен,
Орнит, который отстал от союзного войска, последним
скован ударом, в глуши бездорожья украдкой робкой
держит беспомощный путь, на обломок копья опираясь.
Он, неожиданный шум, тишину нарушавший noctую,
вияв и урев, что женщин толпа одна от лернейской
силы осталась, — не стал о пути вопрошать и о цели
(и без того понимал), но так обратился в печали:

«Горе! Куда, куда вы? Ужель погребенья вы ждете
¹⁵⁰ мертвых и праха мужей? — Там страж, охраняющий тени,
глаз не смыкая, стоит и непогребенные трупы
перечисляет царю. Нельзя их оплакать: и близко
не подпускают людей, — зверям лишь и птицам единым
доступ открыт. Так ужели почтит Креонт справедливый
ваше страданье? — Скорей Бусирида жертвенник лютой,
и одрисийских коней алкающих и сицилийских
можно богов умолить. Несомненно, он схватит молящих —
если я знаю его — и не сверху супружних останков,
но вдалеке прикажет заклать от возлюбленных телей.

¹⁶⁰ Лучше бежать, покамест возврат безопасен, и в Лерне
дать гробницам пустым имена бесплотные, души
дальние к сырм кострам призвать — что еще остается?
Или кекропову вам — это близко, Тесей же, как молвят,
фермодонтийской гордясь победой уже возвратился —
помощь призвать? — Человеческий нрав войной и оружием
должно Креонту внушить». — Так вымолвил, а у несчастных
слезы застыли, угас неумеренный пыл, устремивший
в путь, и единой у всех тревогою лица побелели.

Именно так, когда долетит до телиц безмятежных
¹⁷⁰ изголодавшийся рык гирканской тигрицы и самый
луг, услышав, задрожит, — во всех разрастается ужас:
кем соблазнится, на чье заплечье набросится алчность?

В разнообразии чувств разошлись несогласные мненья:
эти фиванцев молить и Креонта надменного склонны;
больше по нраву другим просить у актейского града
милости, — бремя забот возвращенья позорного легче.

Тут внезапный порыв отваги неженской являет
Аргия и, забыв о немощи пола, великий
труд затевает: она — в уповании твердом на гордый
180 подвиг — решает к властям обратиться преступного царства, —
путь, какого жене родопской и снежного дочери
Фасиса не совершить в окружении рати безбрачной.
Хитрость искусно она измыслила, чтобы от верных
спутниц отстать, а суровым богам и правителю злому —
дерзостно жизнь презирая свою в печали великой —
вызов послать, — так чистый огонь любви велит ей.
Словно воочию ей Полиник представлялся, несчастной:
вот он как гость, а вот как жених пред первою жертвой,
вот он как нежный супруг, а вот уже — в грозном шелохе
190 скорбно обнявший ее, и уже — уходящий, а взглядом
всё возвращавшийся к ней; но чаще всего представлялось
ей, как проходит она сквозь кровь аонийского поля
и, беззащитна, костров добивается. Оным безумьем
душу терзает себе и — вот оно, чистое пламя! —
мертвого любит. Тогда, обратясь к пеласгийским подругам,
«Вы, — говорит, — актейскую рать и меч марафонский
вызовите, — и пускай благочестию счастье поможет.
Мне ж к огигийским — ведь я одна виновата в толиком
горе — дозвольте идти жилищам и ярость царёву
200 первой познать: не в глухие врата жестокого града
я постучусь, — ведь там у меня родители мужа,
сестры его, — я в Фивы войду не вовсе чужая.
Так, не держите меня: я мощным влекома порывом
и озареньем души». — Сказав и с собой лишь Менета
(стражем он некогда был, опекающим девичью скромность)
взяв, — несмотря на свою беззащитность и места незнанье —
ринулась спешной тропой, на которой им встретился Орнит.
И, увидав, что уже далеко соучастницы бедствий,
«Ежели, — молвила, — ты изгниваешь на вражеском поле —
210 горе! — то стану ли ждать, какое решенье неспешный
примет Тесей, поддержит ли знать, одобрит ли битву
жрец-прорицатель? — А труп исчезнет меж тем. Так не лучше ль
птицам когтистым отдать и мое на терзание тело?
Ты ведь — козь ты оцущагь, став тенью, способен — пеняешь,
верный мой, Стикса богам, что всё я, жестокая, медлю.
Непогребен ты досель иль кем-то присыпан случайно, —
я-то виновна равно. Так ужель мое горе бессильно
смерть и Креонта найти беспощадного? — Ты побуждаешь,
Орнит!» — И, так говоря, легучими по мегаридской
220 пашне шагами спешит: дорогу ей встречные какут,
обликом уstraшены, но горе ее уважая.
Видом ужасна идет, бегрешетна сердцем и слухом,
и — утвердсья в непомерности бед — заставляет бояться.

Так во фригийской ночи, когда оглашаются стоном
Диндимы, мчится к струям Симоента по чащам сосновым
сонма безумица-вождь, чей меч омыла богиня
избранной кровью и чье чело отличила повязкой.

- 230 Уж в гесперийскую глубь родитель-Титан колесницу
жаркую скрыл, чтобы вновь появиться из моря иного, —
но ощутить не дала тяжелого скорбь утомленья
или заметить, что день — прошел: ни мрачные доли
ей не страшны, — неуставно она по горам непрохожим,
по буреломам идет, по чащобе лесной, беспросветной
даже и днем, по полям, незаметными рвами изрытым,
через потоки идет, не ища переправ, и минует
сонных зверей и спешит мимо логовиц чудищ ужасных.
Вот сколь скорби порыв всемогущ! Менету же было
стыдно отстать от шагов воспитанницы слабосильной.
- 240 Сколько жилищ поразила она и скотых загонов
сдержанным стоном своим! Сколько раз за собой оставляла
встречный порог, и ее покидала в дороге попутных
радость огней, и свет холодная тьма побеждала.
И воздымался уже пред усталыми, даль застилая,
кряжа пенфеева склон, когда, задыхаясь и вот уж
изнемогающая совсем, Менет через силу промолвил:
«Недалеко — если я не обманут напрасной надеждой —
и огигийцев дома, и, Аргия, непогребенных
трупы, должно быть лежат: тяжелый навстречу повеял
дух, и оттуда с трудом взлетают пернатые в воздух.
- 250 Вот оно — поле резни, а за ним — стена городская.
Видишь, как по полю тень укреплений огромных простерлась,
как умирающий огонь на башне дозорной мерцает?
Стены поблизости: ночь доселе была молчаливей,
и беспросветную тьму лишь звезды одни нарушали».
- Аргия, затрепетав и десницу к стенам простирая:
«Фивы, желанный досель, а ныне враждебный мне горед, —
но и теперь, если ты вернешь мне останки супруга, —
будешь мне все-таки мил; посмотри, в каком я убранстве,
спутников сколько со мной, когда я, невестка Эдипа,
- 260 ныне впервые на твой вступаю порог. Не чрезмерны
просьбы мои: я молю пришлецов схоронить и оплакать.
Ну а того, кто царства лишен, кто в битве повержен,
я умоляю, того, кто отчей земли недостоин,
мне возврати. А ты — появись, если могут являться
маны и души, от тел отрешенные, странствовать могут.
Сам укажи мне пути, и к стенам твоим — если только
стою того — отведи». — Рекла и под кровлю пастушью
хижины ближней войдя, разожгла угасавшей лучины
пламя и вышла, дрожа, в простор ужасающий поля.
- 270 Так от этпейской скалы светильник зажегшая, с оным:

отблеском больших огней обходила когда-то Церера
берег авсонский и край сицилийский и в прахе читала
черного вора следы — от колес глубокие раны.

Обезумелым ее стенаньям в ответ громыхает
сам Энкелад, освещая пути огнем полыхавшим.

О Персефоне ручьи, леса, понт, тучи кричали;

о Персефоне молчал лишь дом стигийского мужа.

Верный смятенной, ее воспитатель велит о Креонте
не забывать и, убавив огонь, пробираться украдкой.

280 Прежде — царица, кого города Арголиды страшились,
гордая цель женихов, высочайшая рода надежда,
ныне — в коварной ночи, без вождя и рядом с врагами
меж беспорядочных груд оружия, по скользким от крови
травам, ни тьмы не боясь, ни в поле кружащего сонма
теней и душ, испускающих стон над своими телами,
часто незрячей стопой мечи попирая и стрелы,
боль презирая, стремясь к одному — не ступить на лежащих,
в каждом готова узреть своего, — пытающим взором
рыщет среди мертвцов, отгибает уткнувшимся в землю
290 лица и жалуется на звезды, светящие слабо.

А в навевающих сон потьмах, потаенно от неба,
выкрав себя самое из объятий супруга, Юнона
к стенам тесеевым шла, Палладу склонить вознамерясь
благочестивой мольбой и Афинам внушить благосклонность.

Но увидала она с небосвода, что, тщетно блуждая,
изнемогает уже безвинная Аргия в поле,

и пожалела ее, — навстречу лунной запряжке

поворотилась и так промолвила голосом кротким:

300 «Не откажи мне, прошу, в одолжении, Кинфия, если
ты геркулесову ночь... — но давние пени оставлю:
можешь теперь услужить. Взгляни, как во мраке блуждает
Аргия, более всех инахийцев любимая мною,
и, угнетаема тьмой, не находит останков супруга.

В тучах и твой помрачается блеск, — так пронзи их рогами

и над землею, прошу, проследуй привычного ближе.

Сон же, который твоей колесницы намокшие вожжи
держит и носом клюет, — отпусти к аонийцам неспящим».

310 Так изрекла, и тотчас богиня сквозь тучи явила
лик свой, — и мрак утратился его, угасло мерцанье
звезд, и — увидев сей блеск — Сатурния чуть не ослепла.

Аргия прежде всего узрела в разлившемся свете
паллу супруга — свою (о горькое горе!) работу, —
хоть и сокрылся узор и померк пропитанный кровью
пурпур. Взывая к богам и решив, что лишь это от мужа
ей и осталось, — его самого увидела, в землю
втоптанного. Лишена и пыла, и зрепья, и слуха,

- в горе не может пролить ни слезы, и тут же, всем телом
к мужу прижавшись, его лобызает, отшедшую душу
320 ищет и спекшуюся с одежд и волос собирает
кровь, чтоб ее сохранить; и вот к ней голос вернулся:
«Вижу тебя ли, супруг? Отправлялся за властью законной
ты ли похода главой, Адраста могучего зятем?
Вот оно как мне пришлось к торжеству твоему приобщиться!
Повороти же ко мне лицо и угасшие очи:
Аргия к Фивам твоим пришла, — веди ж меня в город
и покажи мне отчих богов, воздай мне взаимным
гостеприимством. — Увы, лежишь ты на голой равнине,
нет у тебя владений иных. А распря-то ваша?»
330 Брат — он ведь власти уже лишился! А близкие что же
слез не прольют над тобой? Где ж мать? Где твоя Антигона
славная? — Ты для меня, для меня лишь простерт, побежденный!
Я ль не пыталась: куда ты стремишься? Зачем заповедный
скипетр тебе? — Вот Арги, — цари во владениях твоя;
здесь почитают тебя, здесь власти ни с кем ты не делишь... —
Что вспоминать? Я сама допустила войну и просила,
чтобы отец помогал, — и теперь — вот эти объятья!
Боги и Случай, но я благодарна вам всё же: дороги
долгой достигнута цель, нашла я нетронутым тело.
340 Ах, но какая же в нем зияет огромная рана!
Брата удар? Но, молю, где, где он простерт, нечестивый
хищник? Мне б только его отыскать, — я птиц одолею,
не допущу и зверьё... Или он уже предан сожжению?
Но и тебя лишенным огней твой край не увидит:
пламя и слезы воздам, которые лить над царями
запрещено: твоему погребенью приверженность вдовья
вечно будет рабой, а свидетелем одного горя
будет твой сын, — я вдовство Полиником-младенцем согрею».
- 350 Стоны другие меж тем и другие несла Антигона
жалкая к трупам огня, едва отыскав вождеденный
выход из стен, ибо там беспрестанно за ней наблюдали
стражи, которым сам царь приказал ее опасаться,
и непрерывная цепь и огни охраняли сплошные.
И, в промедленье винясь пред богами и братом, — едва лишь
спик под натиском Сна оцетиненный строй, — в испуленье
вырвалась в поле, рыча, как рычит, устрашая округу,
бешенство львицы молодой, чье буйство впервой без присмотра,
чей убежал от матери гнев. Она не блуждала:
немилосердный простор и место, где брат был повержен,
360 ведомы ей. А Менет увидел ее приближенье,
ибо, досужен, стерег стенанья питомицы милой.
Но долетели едва до сестрина чуткого слуха
речи, и дева жену с распущенными волосами,
в черной одежде, с лицом, запятнанным кровью засохшей,

- скорбную — в свете луны и обеих огней увидала:
 «Маня,— промолвила,— чьи, иль что ты, безумная, ищешь
 ночью моей?» — Та — ни слова в ответ, но на тело супруга
 пала и молча лицо в его облачении скрыла,
 страхом охвачена вдруг и забыв на мгновенье о скорби.
- 370 На подозрительное молчанье двоих Антигона
 прежнего пуще вопит на нее и на старца, но оба —
 немые — застыли без сил. Наконец, уста отвергает
 Аргий и говорит, труп холодный сжимая в объятьях:
 «Ежели тщишься и ты кого-либо в этих останках
 битвы кровавой найти и жестоких приказов Креонта
 тоже трепещешь,— тогда я скажу, тебе доверяясь.
 Если ты в горе (а я и скорь твою вижу, и слезы),—
 что же, союз заключим: я, царица, Адрастова отрасль
 (боги, не слышит ли кто?), да сожгу моего Полиника,
 царский презрела запрет...» — Кадмейская дева застыла
 и задрожала в ответ, и признавшейся, так возразила:
 «Ты ли (о, случай слепой!) предо мною — союзницей в бедах —
 в страхе? — Над трупом моим, на моем погребенье ты плачешь!
 Но уступаю! О, стыд! О, сестры запоздалая верность!
 Первой — она!..» — И, прикинув, вдвоем заключают в объятья
 тело и, перемешать влася вождедея и слезы,
 поочередно его обнимают, к ланитам со стоном
 льнут и одна за другой лобзуют любимую шею.
- 390 Эта о брате меж тем вспоминает, а та — о супруге,
 перемежают рассказ о Фивах рассказом об Аргах.
 Аргий длиннее о злосчастиях повествованье:
 «Общим обрядом клянусь тайком изливаемой скорби,
 тенью, дражайшею нам, и молчанием звезд-соучастниц:
 он, бездомный изгой, не жалел о потере престола
 или о крае родном, об объятиях матери милой;
 но о тебе тосковал, о тебе говорил, Антигона,
 ночи и дни напролет; а со мною легко он расстался.
 Но ведь, наверное, ты с высокой видела башни,
 как — до нечестья еще — он взметнул перед греческим строем
 400 знамя, и он на тебя — сражаясь уже — обернулся,
 поднял, приветствуя, меч и качнул вершиной шелома.
 Я же — вдали... Но кто из богов в гнев гибельный сверг их?
 Ваши бессильны ужель увещания были? И он ли
 мог молящей тебе отказать?» — Но едва Антигона
 скорбный рассказ начала, страж верный промолвил обеим:
 «Лучше обряд вершите скорей: уж звезды бледнеют,
 близостью дня смущены; свой труд до конца доведите,—
 будет рыданьям черед, но прежде — пламя раздуйте».
- Шум указал им меж тем, что поблизости — берег Исмена:
 410 тек он, мутен досель, и воды темнели от крови.
 Мертвое тело к нему понесли совместным усильем

слабые, а помогал едва ли сильнейший сопутник.

Так сожженного групп Фаэтона Гиперионида в теплых Пада струях омывали печальные сестры, а схоронив, над рекой поднялись рыдающим лесом.

Тело от крови рекой очистив и мертвому должный облик вернув, попытались они с поцелуем последним, жалкие, пламя разжечь, — но дотлела везде и остыла в ямах сыпучих зола и уснули огни погребенья.

420 Случай — иль воля богов — один лишь костер сохранили, призванный испепелить этеоклово лютное тело: может быть, снова судьба готовила ужасу место, или огни, чтобы распрю продлить, берегла Эвменида. Меж почерневших стволов чуть теплившийся, чуть заметный свет увидали они с вожделием равным и вместе — с радостью скорбной. Досель, чей костер, еще не открылось, но умоляли они, чей бы ни был, чтоб кротко и мирно он допустил содольника прах и смешение теней.

Братья встретились вновь. Но едва лишь палящее пламя 430 тела коснулось, — костер задрожал и того, кто явился позже, — извѣрг: взвились языки разделенной вершиной и осветили огнем полыхнувшим шелома обоих.

Мнится, будто огни Эвменид из бледного Орка вырвались: каждый язык — грозит, и пытается каждый выше взметнуться; стволы — и те под droгнувшим грузом сами осели. И тут уstraшенная дева вскричала:

«Гибнем, своей же рукой мы гнев разжигаем угасний.

Брат это был: какой еще зверь решился б извергнуть припшую тень? Узнаю щит сломанный и обгоревший,

440 пояс его, — это брат! Посмотри: огонь угасает, но не сдается, — живет, живет нечестивая ярость! Битва плодов не дала: несчастные, вы воевали, а победил-то Креонт, он — царь, — к чему ж это буйство, гнев — на кого? Перестаньте грозить! Ты, всюду изгнанник, всем обделен, отступишь, наконец, — жена умоляет, просит сестра, — или мы меж вами в костер устремимся».

Только промолвила, — вдруг и поле, и город высокий дрожь потрясла и враждебным огням помогла разделиться.

Стражей покой возмущен, которым видения бедствий 450 сам внушил встревоженный сон, — и тут же нагрянул оруженый отряд, обходящий округу дозором.

Но приближенья его уstraшил лишь старец, а обе — перед костром открыто свое презренье являют к воле Креонта, свое признают преступление громким голосом, видя что все разложилось в пламени тело.

Дело о лютой идет погибели, смерти надежда

буйствует; паперебой: «Я похитила брата!», «Я — мужа!»,

после по очереди подтверждают: «Я — тело...», «Я — пламя...»,

«Верность меня повела», «Я ведома любовью». — Им мило
 460 муки навлечь на себя и обвить цепями десницы.
 И не поверить, что в их речах не почтенье звучало,
 а отвращенье и гнев, — настолько не сходятся с этим
 крики обеих. Но тут к царю повлекли уличенных.

В дальний актейский оплот между тем с дозволения Паллады
 горем убитых ввела матерей форонейских Юнона.
 Скорбна не менее их, к веренице стенающей богиня
 расположила народ и рыданья почтить побудила.
 Ветви оливы и шерсть молящую передала им
 470 собственноручно, глаза — опустить под прикрытие паллы,
 урны порожние — их пред собой нести научила.
 Возрасты все, из жилищ зрехтеевых высыпав, полнят
 кровли и стогны: сие скопленье откуда и сразу
 столько несчастных? Досель причины не ведая бедствий,
 стали стенать. Богиня то к тем, то к другим приближаясь,
 племя пришедших, о ком льют слезы, о чем умоляют, —
 всё растолковывает; а те в разнородных упреках
 и огигийскую власть, и неукротимость Креонта
 всюду и всяко клянут. — Не более гетские птицы
 из-под приветливых крыш пеняют обрубленной речью,
 480 брак проклинают двойной и терееву несправедливость.

Жертвенник был посредине Афин — не богам возведенный
 мощным, но Милости, — там помещалась она, и священным
 сделали оной приют несчастные: прежнего новый
 вечно проситель сменял, и просительницы допускались.
 Слышала всех, умолявших ее; ночами и днями
 путь был открыт к божеству, принимавшему жалобы в жертву.
 Скромн служения чин: ни огней благовонных, ни крови
 не допускает алтарь, — его орошают слезами,
 сверху плетения кос, отрезанных скорбью, повисли
 490 и одеяния тех, чей удел изменился ко благу.
 Тихая роща вокруг, в которой чтимы особо
 вóлной украшенный лавр и древо молящей оливы.
 Изображения — нет: не доверен облик металлу, —
 было угодно в умах и в душах селиться богине.
 С нею страдальцы всегда, всегда возле рощи толпятся
 тьмы обделенных: алтарь одним лишь счастливым неведом.
 Молвят: оборонены оружием после сражения
 отчего, оный алтарь Геркулеса потомки воздвигли.
 Правда же выше молвы: ибо следует верить, что сами
 500 жители неба, — кого почитают от века Афины,
 где обновлен человек, где законы и священнодействия,
 и семена, по пустым отсель разнесенные землям, —
 месту сему повелели служить для людей угнетенных
 общим приютом; здесь гнев и угрозы владык не имеют
 силы, и от алтаря справедливых сторонится Счастье.

Жертвенник этот давно племена неисчетные знали:
те, кто войну проиграл, кто изгнан из отчих пределов,
власти лишен, или те, кто невольно свершил преступленье, —
все притекали сюда и мира просили; он позже
510 Фурий Эдипа сломил, защитил убийство Олинфа
и отогнал навсегда от Ореста злосчастного матерь.

К оному месту идет, научен народом, лернейский
скорбный отряд, и несчастных толпа ему уступает.
Только пришли, — и сердца улеглись, и стихли заботы.
Так журавли, в высоте родным Аквилоном гонимы,
Фарос завидят едва, — просторней эфир наполняют,
радостным криком звенят: им любо в безоблачном небе
снежную мгу презирать и в Ниле от хлада омыться.

520 Весть о том, что домой после яростной с племенем скифским
битвы вернулся Тесей в колеснице, лавром увитой, —
плески народа несут и радостный к звездам взлетевший
крик, и веселой трубы, сменившей военную, зовы.
Вражье оружие везут — о Маворсе память суровом,
девичьих строй колесниц и грудой — хохлатые шлемы;
сникших ведут скакунов; секиры в зазубринах (ими
рубят обычно леса и застывшую гладь Меотиды),
легкие тулы несут, пояса в самоцветах горящих
и небольшие щиты, залитые кровью владелиц.
530 Сами — бесстрашны досель и женской стыдливости чужды —
вопли (подлой толпе не в пример) и мольбы презирают,
лишь любопытствуют, где святыня безбрачной Минервы.

Первая страсть — лицезреть победителя, чью колесницу
белых четверка везет; но не меньше к себе Ипполита
всех привлекает, уже прелестная ликом и брачный
жребий познавшая. Ей, нарушившей строгий обычай
родины, жены Афин удивляются, искоса глядя
и откровенно ворча, что волосы блещут, что палла
грудь прикрывает и что иноземка в могучих Афинах —
сына родить супругу-врагу — появиться решилась.

540 Встав со своих алтарей, пелопидянки скорбные также
чуть подаются вперед, черед и награды триумфа
зрят с удивленьем, своих побежденных мужей вспоминая.
Только замедлила бег колесница, — и к ним победитель
с гордой оси обратился и ждал, благосклонно внимая,
просьб, — как других упредив, капанеева смеет супруга:
«Бранелюбивый Эгид, для которого новый источник
славы нежданной Судьба отыскала в несчастиях наших!
Не чужестранные мы, не причастное страшным злодействам
племя: был Аргос наш дом, мужья наши были царями
550 храбрыми — если б не столь! — Ну зачем же семи устремляться
воинствам было, зачем вразумлять агеноров город?
Мы не на гибель мужей пеняем, — то право сражений,

жребий войны; но пали в бою не пещер сицилийских чудища, и полегли не Оссы двутелые дива! Род их и славных отцов — оставлю, Тесей; но людская кровь в них текла, и людей, взивавших на те же созвездья, с той же душой, как и все, питавшихся тою же пищей, — сжечь запрещает Креонт и к порогу стигийского дома — так, словно он — отец Эвменид или кормщик летейский, —

560 не подпускает и их посреди меж Эрбом и небом держит! Увы, Природы права! Где боги? Где оный несправедливых огней метатель? Где вы, о Афины? Вот уж седьмая заря пугливых коней от останков поворотила, от них отводит лучи и трепещет светоч любой на звездной оси; уже не выносит снеди ужасной зверье, не выносят пернатые места, чей омерзителен дух небосводу и ветра порывам. Долго ль еще придется нам ждать, чтоб голые кости, чтобы гниющую плоть он дозволил собрать? — Поспешите,

570 о кекропиды! Воздать вам долг сей пристало, покуда иль эмафийский народ, иль фракийский не сжалился, или племя иное из тех, кто сжигает останки умерших. Будет ли злобе предел? — Да, мы воевали, — так что же? — Ненависть пала, и смерть сокрушила бесплодную ярость. Также и ты, чьи подвиги нам по слухам известны, хищным не отдал зверям ни Синиса, ни Керкиона лютого и допустил сожженье Скирона-злодея. Верю, что и Танаис амазонок кострами дымится, тот, где ты воевал, — что и он удостоен триумфа.

580 Разом сей труд соверши для земли, для небес и Эрба, если ты спас от беды Марафон и критские кровли и не напрасно лила радушная старлица слезы. Пусть же Паллада тебя ни в одном не оставит сраженье, равным деяниям пусть не завидует с неба Тиринфий, на колеснице всегда, пусть всегда торжествующим матерь видит тебя, а несчастий таких да не знают Афины!»

Молвила. Тут же и все ей вслед с умоляющим воплем руки простерли. Герой непутонов, слезами растроган, переменялся в лице и, праведным гневом вскипая,

590 так вскричал: «Какая еще Эриния новый норов внушила царям? Ведь я оставлял не такими греков сердца, когда я в поход отправлялся на скифов к снежному морю. Так в чем причина безумья? Ты думал, лютей Креонт, что Тесей побежден? Но я, как и прежде, силен, и это копье вновь жаждет крови неправой. Медлить не стану, — тотчас звонкоступа, Фегей мой вернейший, повороти и скачи и, явившись в тирийскую крепость, или дайцам костры приготовь, иль Фивам — сраженье».

Так говорит, позабыв о трудах и войны, и дороги,

600 и призывает своих, и вселяет в них новые силы.
Так после битвы, заняв для совокупленья лощину,
бык — если роща опять огласится соперником новым —
в бой устремиться готов: хотя орошать продолжает
ливень кровавый чело и шею, но, землю взрывая,
сидится он не стонать и пылью раны присыпать.

Ужас ливийской земли, хранящую перся Медузу,
расшевелила сама Тритония, щит сотряса.

И, распрямившись тотчас, всем строем змеи на Фивы
стали взирать, но еще не вступал аттический воин
610 в бой, и трубы боевой не страшилась злосчастливая Дирка.
Битву немедля начать не юноши лишь загорелись,
те, что сопутниками триумфа кавказского были, —
вся побуждает страна питомцев неопытных к бою.
И собираются, встав добровольно под знамя Тесея,
мужи, Браврон ледяной населявшие, и мунихийской
пашни земли, и Пирей, мореходов тревожных опору,
и Марафон, не славный еще восточным триумфом.

Выслал отряды в поход родовым божествам прилежащий
край Икария, край Келея, и доли Мелены,

620 и Эгалея, что лесами богат, и Парнет, изобильный
лозами, и Ликабесс, знаменитый оливою тучной.

Прибыл суровый Алей и душистого пахарь Гиметта,
прибыли вы, плющом оплетавшие тирсы Ахарны.

Эти восточным судам издалёка заметный бросают
Суний, откуда Эгей, обманутый лживым ветрилом
критского судна, упал, дав имя бурливому морю.

Те — Саламин, а те — Элевсин перерин народы
выслал в сраженье, снабдив оралами, вздетыми грозно;

630 тех Каллироя дала, омываемых девятикратно
водами, этих — Элис, похищенье Орифия зревший
и на своих берегах приютивший гетские страсти.

Сам ради битв опустел тот холм, где великую тяжбу
боги вели, пока не взросло на спорной вершине
новое древо, чья тень сокрушила отшедшее море.

Двинуть арктическую рать против кадмовых стен Ипполита
также хотела бы, но — округленного чрева бесспорный
знак удержал, и супруг попросил оставить заботы
Марса и в брачный покой отслужившие тулы повесить.

Эту спешную рать, горевшую битвой желанной,
640 вождь увидел и тотчас, любезнейших отпрысков наспех
облобызав и обняв, так рек с колесницы высокой:
«Воинство, вместе со мной законы земель и вселенной
скрепы блюдущее, — вам беспристрастно оценивать должно
смысл предприятия: здесь — и богов, и людей благосклонность,
воля Природы-вождя и безмолвные сонмы Аверна
явно стоят; а там — рать Кар, обученных в Фивах,

и перед ней знамена несут змеевласые сестры.
Мчитесь вперед и, прошу, доверьтесь величию дела».

Рек и, древко метнув, немедленно в путь устремился,
650 словно Юпитер, когда он тучей приходит в пределы
гипербореев и свод наступления стужи страшится:
плен эолийский разбит, и, на долгий досуг негодуя,
вихри вздымает зима, и Медведица выюжная свищет;
горы и воды ревут, и рваные тучи вступают
в битвы, и буйствует гром, и безумные молнии пляшут.

Стонет земля, и зелень лугов под тяжелым копытом
гибнет, и натиском толп неисчетных — и пеших, и ковых —
вытоптаны, издыхают поля, но пылью густою
не побежден оружия блеск, — в высоком эфире
660 вспыхивая, посреди облаков острия полыхают.
Ночь и мирную тьму — даже их подчинили походу,
и состязанье мужи повели, дабы поспешало
воинство: кто, с холма увидав, объявит о Фивах,
чей всех ранее дрот в огигийскую стену вонзится.

А впереди нептунов Тесея на щите необъятном
подвигов нес череду и собственной славы истоки.
Критских сто городов, сто стен вмещало наверхше;
тут же и сам он, пройдя извивы ужасной пещеры,
шею тельца косматую гнул, вступившего в схватку:
670 обе руки обхватили врага, могучие стиснув
мышцы его, а лицо от рогов увернуться стремилось.
Все трепетали, когда ограждаемый грозным подобьем
в битву герой выходил: два Тесея, две рати кровавых
мнились; и сам он любил вспоминать былые деянья.
глядя на верный отряд, на порог, утрапавший когда-то,
видя, как критянки лик побелел пред нитью недвижимой.

А между тем свирепый Креонт закованнных в цепи
плет Антигону на казнь и вдовую дочь Адраста.
Обе веселья полны и достоинства: в жажде погибнуть
680 выи к мечам добровольно стремят, царя-кровопийцу
опережая. И вдруг — Фегей предстает, от Тесея
слово несущий: в руке — знак мира — ветви оливы
чистой, но сам — возвещает войну, войной угрожает,
мощно гремит, сугубо блюдя пославшего волю,
что уж подходит и он, что уже покрывают отряды
ближний простор. Фиванец стоит, двойким сжигаем
чувством: потоки угроз застывают, и ярость слабеет.
Но ободряется он и с улыбкой притворной и грустной
молвит: «Ужели того, что преподан простертым Микенам,
690 мало урока? Ну что ж, мы нашего города новых
встретим врагов, — пусть придут, но после сраженья не ропщут:
то же поверженных ждет». — Говорит, но видит, что пыльной
тучею день помрачен и сокрылись вершины тирийских

гор; однако людей призывает к оружию и, бледный, просит оружие ему принести, но вдруг, содрогаясь, зрит во дворце — Эвменид, и рыдающего Менекея, и в погребальных кострах ликования полных пеласгов.

700 Чем для Фив был тот день, когда погиб обретенный кровью толикою мир? — Вечор лишь богам прикрепленный отчим снимают доспех, щитов примеряют обломки, низкие шлемы берут и доселе в запекшихся сгустках дроты. И нет никого, кто блистал бы мечом или тулом или гордился конем. Невозможно довериться валу, стены — куда ни взглянуть — зияют, врата — заграждений требуют, прежним врагом снесенных; зубцов не осталось (их сокрушил Капаней); и младость — без сил и без воли — не обнимает ни жен, ни детей в поцелуе последнем, и без напутствия их отпускают родители в битву.

710 Аттики вождь между тем, как только заметил в разрывах пыльного облака свет и солнце на ближнем оружье, ринулся в поле тотчас, хранившее непогребенных манов близ стен городских. Нездоровый от тяжкого смрада воздух, проникший под шлем запыленный, едва он учуял, как застонал и войны справедливою яростью вспыхнул.

Вождь фиванский почтил, наконец, несчастных данайцев тем, что решил не вести по самим разбросанным трупам грозный отрядов черед боевых и повторного Марса: да не нарушит какой нечестивец чего-либо в страшном нагромождении тел, для пролития крови избрал он 720 чистое поле. И вот в сраженье неравном народы сводит Беллона: молчат и те, и другие; безмолвны трубы и тех, и других; одни — обессиленно встали, низко мечи опустив и ремни копьешетные дланью немощной еле держа; а те — со щитом за плечами — старые раны, досель сочащиеся, обнажают. И у кекроповых днесь вождей поубавилось пыла, прежних не слышно угроз, и доблесть не рвется в сраженье. Так порывы ветров слабеют, коль лес не задержит ярости их, и молчат в безбрежности бурные волны.

730 Но как пучинный Тесей копье марафонского дуба поднял и грозная тень воздетого древка упала на суностатов, а блеск наконечника поле наполнил, — словно сам Маворс-отец на эдонских с высокого Гема прынул конях, с летучей оси погибель и бегство сея, — тогда обратил на попятный терзающий ужас агеноридов. Крушить убегающих стыдно Тесею, и проливать беструдную кровь презирает десница, — прочая доблесть в крови рядовой свирепствует вволю. Так чужая мила добыча и падаль гиенам

740 или трусливым волкам; львов мощных — ярость питает.

Но между тем Оления он поверг и Ламира (этот стрелу доставал, тот взвихривал лютого камня тяжесть) и мощи тройной предводимых племен доверявших братьев Алкетидов: их одного за другим поразил он копьями,— грудью Филей вместил наконечник железный, стиснул зубами — Гелопс, пропустил сквозь лопатку — Иапиг. Гемона тут увидав в колеснице четверкой, он страшным целится дротом в него, но тот повернуть успева⁷⁵⁰т затрепетавших коней,— и, преодолев расстояние, древко пронзило двоих; оно вождедело и третьей раны, но жало его было сдержано дышлом срединным.

Но одного лишь мольбой, одного ужасающим криком он средь сражавшихся толп вызывает и жаждет — Креонта. И замечает его, увещавшего речью отряды и угрожавшего им — вотще — на краю супротивном бранного поля: тогда отстала охрана, Тесея волю блюдя, на богов и доспехи его уповая. Тот же своих созывал и удерживал, ненависть видя в них и к себе, и к врагам. Воспрянув в ярости крайней,⁷⁶⁰ гибельным буйством дыша и дерзая пред смертью грядущей, «Не щитоносных юниц,— говорит,— ты вызвал в сраженье, это не девичья рать,— здесь на смерть сражаются мужи: нами могучий Тидей и нами же буйством дышавший Гиппомедонт умерщвлен, и дух Капанея отправлен к тещам. Какое тебя побудило крутое безумье к битве? Но, дерзкий, смотри: лежат, за кого ты отмщаешь!»

Эти изреки слова, вотще запущенным дротом край пробивает щита. Посмеялся речам и деснице грозный Эгид и метнул железом обитое древко⁷⁷⁰ в мощном броске, но прежде взгремел горделивою речью: «Маны аргосские, вам принесится оная жертва,— Таргара хаос скорей растворите! А вы, Эвмениды, мщенье готовьте: Креонт прибывает». Промолвил и воздух древком разящим рассек: туда, где плотным покровом усугубляло броню составную плетенье кольчуги, жало вонзилось, и кровь нечестивая в сотни просветов брызнула; он же, смежив пред смертью блуждавшие очи, пал. А могучий Тесей, над ним воздевая оружие, рек: «Не угодно ль, чтоб днесь врагов умерщвленных сжигали⁷⁸⁰ и хоронили бы днесь побежденных? — Ступай же для страшных казней, но пренебреги тревогою о погребенье».

Стяги с обеих сторон с почтительным сходятся гулом, рукопожатья союз скрепляют в разгаре сраженья. Ныне Тесей — уже гость: умоляют, чтоб в город вступил он и осчастливил дома. Победитель же, не презирая вражеских кровель, вошел,— огигийские матери рады, рады невестки. Таков в войне покорившийся тирсу

кроткие таинства Ганг восхвалял, уже захмелевший.

790 А между тем сквозь налегшую тень диркейской вершины
женщин крик достигает до звезд: пеласгийские мчатся
матери: словно фиад обезумевших, званых на битву
вакхову, сонм, они преступленье замыслили, мнятся,
или свершили уже. Рыданья ликуют, и радость
новые слезы родит. Туда ли, сюда ль порываясь,
жаждут Тесея найти благородного, после ж — Креонта,
или своих, — и к телам уводит их вдовое горе.

Если бы сто голосов из груди моей исторгалось
волей богов, — и тогда о вождах и о воинах плачей
стольких близ стольких костров воспеть я не смог бы достойно.
800 Мне не воспеть, как в милый огонь отважно Эвадна
ринулась, вихря скорей, обретшая молнию в мощи
духа; и мне не воспеть, как прильнув к свирепому телу,
бедная, всё оправдать Тидея пыталась супруга;
что рассказала сестре о безжалостных Аргия стражах;
как эриманфская мать призывала, рыдая, аркадца,
пусть обескровленного, но хранившего прелесть аркадца,
как два отряда равно оплакали с нею аркадца... —
В этом ни новый восторг, ни сам Аполлон не поможет,
да и ладью мою ждет после долгого плаванья — пристань.

810 Мы расстаемся... — навек. Но читать тебя станут, не правда ль,
о Фиваида моя, труд двенадцати лет неустанный?
Единодушно тебе молва современников славный
путь — завершенной едва — сулит, вручая потомкам;
великодушный с тобой изволил знакомиться Цезарь,
учит с любовью тебя наизусть италийская младость, —
что ж, прощай... — Не стремись с Энеидой божественной спорить,
следуй за ней вдалеке и пример ее чти неизменно.
Та же, что норovit очернить тебя, зависть — исчезнет
и после смерти моей обернется заслуженной славой.

ДОПОЛНЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ «ФИВАИДЫ» СТАЦИЯ В СТИХАХ, СОСТАВЛЕННЫХ ДРЕВНИМИ

I

Вызвал Эдип Тисифону слепой от глубинного Стикса,
ввергнуть в битву прося сыновей, ему братьями бывших.
Битве Юпитер обрек равно и Фивы, и Аргос,
хоть и пыталась судьбу изменить — но тщетно — Юпона.
Отпрыск Килленский потом был отправлен в подземное царство,
чтобы оттоль до небес укрепить на врагов Этеокла.
Ночь одна привела двух мужей непогодная в Аргос:
Фивы тебя, Полиник, изгоняют, а Плевроп — Тидея,
в коих Адраст признал зятьев, ему роком сужденных.

¹⁰ Им он поведал о том на пиру в честь праздника Феба,
как отважный Короб, вернув чудовище Диту,
Фебову укоротил своею доблестью ярость.

II

Маий потомок меж тем возвратился в небесные выси;
Лайк, вызванный им, Эреб, негодуя, покинул,
облик Тиресия взяв в сповиденье и дар красноречья:
с братом в сражение вступить Этеокла он лютого пудит,
рану на горле и лик его деда ему открывая.

Далее, браком Адраст своих дочерей сочетает:
люб Деипиле Тидей, Полиника же Аргия любит.

²⁰ Власти взалкав, кадмейский герой направил Тидея
мощного к брату послом, дабы — с договором в согласье —
царства потребовал он. Но в ярости тот направляет
пять десятков мужей на посла вапасть из засады,
коих мечом поразив, победитель в отчизну вернулся.

III

Брат вероломный меж тем досадуя, что задержались
те, кого он послал, главы отсеченной Тидея,

злостью дыша, ожидал; но, смерти избегнув, вернулся только один Гемонид, рассказав о гибели прочих.

- 30 Марса Юпитер тогда распалил обидною речью битвенный распространить пожар и в Фивах, и в Аргах. Вспомнив Гармонию, тем Венера Фивы спасает. Тут о грозящей войне от богов получают пророки два предсказанья, из них узнают о том, что народы гибель кровавая ждет, но молвить об этом боятся. Яростный вышел тогда Капаней, подстрекающий к битве; громко бранясь, грозит он богам, друзей подгоняет.

IV

Вот семерых мужей Беллона сзывает для битвы.

- Первый идет в поход Адраст, отягченный годами; зять диркейский идет, сверкающий отчим оружием.
40 Следом, ярясь на врагов, Тидей отвагою дышит. Юношей Гиппомедонт ведет геркулесовых славный, грозный за ним Капаней, разрушить жаждущий Фивы. Предан Амфиарай-прорипатель коварной супругой. Партенопей — хоть и плакала мать — в поход выступает. В бой Этеокл со своей стороны сваряжает фиванцев. И вопросить не забыл Тиресий теней подземных, а для аргивян и зной, и жажду Вахх учиняет. Но Гипсипила ручей указала им Лангии вечной.

V

- После, жажду уняв и смыв усталость в потоке,
50 кроткий Адраст, а за ним инахийское юное племя — родину, род свой. страну назвать Гипсипилу просили. Та, поначалу вздохнув, промолвила после печально: Лемнос — отчизна моя, Эван — мой родоначальник. Гнев, Венерой внушенный, сгубил мужей поколенья. Сжалившись, я лишь одна отца моего дорогого, вверив стихиям, спасла. Потом сама я бежала морем, бросив двоих детей. от Ясона рожденных. Видит, окончив рассказ: священным змеем погублен, мертвым лежит Архемор; его мать Эвридика рыдает,
60 жалкая; царь же Ликург усмирен был греков толпою.

VI

В честь младенца, кого змея уязвила смертельно, установить повелел дапайцам игры провидец. Всех призывает Молва, — приходят с гор и от паннен. Первый пот проливать коням, состязаясь в беге: тут победил Орион, Полиник упал с колесницы, прибыл вторым Эклид, но был наградою прославлен. В беге задержан был аркадец, потом победивший.

Диска бросок в толпе прославил Гиппомедонта.
 70 Вождь лаконский едва от цестов ушел Капанея,
 а Агилея Тидей превзошел в искусстве палестры.
 Царь сойтись запретил двоим с обнаженным оружием.
 Пущена с лука, стрела к пустившему вновь возвратилась.

VII

Марсу Килленский летун внушает Юпитера волей
 воинский в греках пыл пробудить, и тот понуждает
 их устремиться в бой, страх вызвав видом фиванцев;
 но поспешил защитить лабдакийцев Либер слезами.
 В войске союзном узнать в лицо Антигона стремится
 каждого, — верный Форбант ей всех со стены называет.
 Вот Иокаста, стена, умоляет и сына, и греков
 80 в Фивы с миром прийти и просить у брата законной
 власти; однако Тидей запретил, засаду припомнив.
 Тигров погибель сойтись заставляет противников в битве.
 Бой колесничный ведя, в земле разверзшейся скрылся
 Амфиарай: исчезая, вскричал и со светом расстался.

VIII

Грозную брань на богов воздвигает правитель Аверна,
 Амфиарая весьма напугав; но вскоре остыл он.
 Тот, уже тень, рассказал ему голосом робким покорно
 о преступленье жены, о своем низверженьи внезапном.
 Скорбь инахидов сердца о погибшем пророке стеснила.
 90 Славою предков гордясь, над ними глумятся сидонцы.
 Грека знать избрала, почтив его благочестье,
 Фиодаманта, чтобы он исполнял служенье пророка.
 В схватке фиванская рать сошлась с инахийскою мощью,
 ранами раны они умножают и губят взаимно
 силу могучих мужей; лютоющий в смертоубийстве,
 пав от дровов, Тидей исторг у Тритонии слезы.

IX

Гибнет мощный Ойнид; вперед дирекейская младость
 ринулась, а супротив за тело друга данайцы
 бой повели; кадмейский герой обезумел от горя.
 100 Бешеный Гиппомедонт, врагов сметая, стремится
 тело убитого отвоевать; но в обман его вводит
 призрак; тидеев же труп аонийцы, напав, отбивают.
 Ток Исмена тогда замутил фиванскою кровью
 яростный Гиппомедонт: погрузившись в пучину речную,
 там он Кренея убил и поток проклинал, погибая.
 Гордый Дриант схватил, побуждаемый Марсом, оружие,
 Партеопея сразил, метавшего стрелы Дианы;
 тот, в тревоге за мать, умирая, к Доркею взывает.

X

Смерть четырёх вождей внушила сидонцам надежду
110 верх одержать и сковать осадою греческий лагерь.
Сон побудить между тем посылает Юнона Ириду,
он же фиванцев тела внезапной дремой расслабляет.
Фиодамант же призвал, узнав сужденное, греков
к битве ночной, и они умерщвляют заснувших мечами.
Честь не может спасти беспечных Гоплея с Димантом,
радостных, что отыскать Ойнида тело сумели.
Был принужден раскрыть Тиресий судьбы фиванцам.
Родине Менекей по воле жертвует жизнью.
120 На стену влез Капаней, подставив лестницу, лютой;
молнией испепелен, он в башню вцепился, пылая.

XI

Сильно данайцев страшит сожженного смерть Капанея:
жалкие, в лагерь бегут. Эвменида в миг перемирья —
кровью двух городов насыщенная Тисифона —
просит, чтоб ей сестра помогла, и к гибели братьев,
жаля по-разному, обе ведут. Возмездия знаком
был тирийский вождь испуган. Эпит возвещает,
что в доспехах брат копьём врата сотрясает.
Радуясь, тут же схватил Этеокл нечестивый оружие,
ни материнским слезам, ни сестры уговорам не внемля.
130 После, когда был пронзен копьём кощунственным каждый,
братьев жалкую смерть оплакать пришло Благодетель.
Прочь прогнал Креонт из стен фиванских Эдипа.

XII

После того, как смерть унесла взаимная братьев,
скорбную почесть воздал Креонт Менекею, сожженья
всех побежденных лишив. Но женщин греческих тайно
в поле пойти Молва на поиски тел заставляет.
Полиника нашла не сразу любимого тело
Аргья. Вышла искать Этеокла труп Антигона.
Те, что своих не нашли, над общею плачут могилой,
140 и разожженный костер пылает пламенем общим.
Речью твердой прийти Эвадна просит Тесея,
чтобы фиванцам отомстить и прославиться новой победой.
В сильном гневе тот призвал к ответу Креонта
и заколол, копьём поразив, ради греческих теней.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Переводить «Фиваиду» для «Литературных памятников» мне предложил в ноябре 1975 года Михаил Леонович Гаспаров. Предложение *magistri venerabilis* было мне лестно, я согласился, перевел около 500 стихов и отправил их Михаилу Леоновичу. Эти чудовищные первые пробы преследовали меня все те двенадцать лет, которые ушли на перевод поэмы, но — к счастью — они не отбили у меня вкуса к Стацию, в котором я все больше открывал настоящего поэта. Преодоление пропасти между первыми вариантами перевода и все более очевидными достоинствами оригинала шло медленно, и только в 1979 году я решился подать заявку в издательство. Благосклонное отношение редколлегии «Памятников» к Стации побудило меня приступить к систематическому одолению его поэмы, а с 1982 года «Фиваида» стала моей постоянной заботой. С этого же примерно времени я начал показывать мои опыты Сергею Васильевичу Шервинскому, и вскорости наши занятия Стацией стали регулярными и продолжались более трех лет. Это были годы редкого счастья, какое дарит ученичество у подлинного мастера, совместная работа и поэзия, — я навсегда благодарен за них Сергею Васильевичу и благой судьбе. Подготовку тома к публикации мы завершили с моей женой Еленой Федоровной Шичалиной, взявшей на себя огромный труд: составление примечаний и аннотированного указателя, за что я испытываю к моей жене самую нежную признательность. Мы оба благодарим Михаила Леоновича Гаспарова, редактора книги, и Сергея Сергеевича Аверинцева, ее первого читателя и рецензента, за советы и замечания, драгоценные при завершении работы над этим томом. Я также признателен Александру Иосифовичу Зайцеву, поправившему статью.

Мою переводческую работу я с любовью посвящаю моим родителям — Елене Никитичне и Анатолию Владимировичу Шичалиным: я надеюсь, что публикация перевода и это посвящение доставит им радость.

17 сентября 1990 года

Ю. Шичалин

Ю. А. Шичалин

ПУБЛИЙ ПАПИНИЙ СТАЦИЙ — ГЕНИАЛЬНЫЙ ПОЭТ В БЕЗДАРНУЮ ЭПОХУ

Терзаемый огнем природной жажды,
который утоляет лишь вода,
самаритянке данная однажды,
я, следуя вождю, не без труда
загроможденным кругом торопился,
скорби при виде правого суда.
И вдруг, как, по словам Луки, явился
Христос в дороге двум ученикам,
когда его могильный склеп раскрылся,—
так здесь явился дух, вдогонку нам,
шагавшим над простертыми толпами;
его мы не заметили; он сам
воззвал к нам: «Братья, мир господень с вами!»

Так в XXI песни «Чистилища» (ст. 1—13 в пер. М. Л. Лозинско-го) Данте описывает встречу с поэтом, который ниже (ст. 82—102) на вопрос: «Кем был ты?» говорит о себе так:

В те дни, когда всемогущий царь высот
помог, чтоб добрый Тит отмстил за раны,
кровь из которых продал Искарьот,—
ответил дух,— я оглашал те страны
прочнейшим и славнейшим из имен,
к спасению тогда еще незванный.
Мои дыханья были так сладок зvon,
что мною, толосатом, Рим пленился,
и в Риме я был миртом осенен.
В земных народах Стаций не забылся.
Воспеты мною Фивы и Ахилл,
но под второю ношей я свалился.
В меня, как семя, искру заронил
божественный огонь, меня жививший,
который тысячи воспламенил;
я говорю об «Энеиде», бывшей

и матерью, и мамкою моей,
и все, что труд мой весит, мне внушившей.
За то, чтоб жить, когда среди людей
был жив Вергилий, я бы рад в изгнаныи
провести хоть солнце выше должных дней.

Данте бесконечно трогает эта преданность Стация Вергилию, которого Стаций не узнает, и он невольно улыбается. Стаций встревожен: он просит объяснить, чем вызвана улыбка. Данте — с позволения Вергилия — открывает Стацию, кто перед ним.

Уже упав к его ногам, он рад
их был обнять; но вождь мой, отстраняя:
«Оставь! Ты тень и видишь тень, мой брат».
«Смотри, как знойно,— молвил тот, вставая,—
моя любовь меня к тебе влекла,
когда, ничтожность нашу забывая,
я тени принимаю за тела».

Так заканчивается XXI песнь «Чистилища», а ниже (XXII, 82—93) Стаций рассказывает, как он стал христианином, но во время домициановых гонений не решался открыто объявить об этом, прикрываясь показным язычеством. Понеся наказание, душа Стация была допущена из чистилища в рай, и именно Стаций сопровождает Данте тогда, когда Вергилий вынужден покинуть его; и на пороге рая Стаций и Данте вместе пьют из реки Эвной (XXX, 133—135).

Едва ли кто-нибудь сегодня разделит с Данте-католиком его взгляд на Стация как на христианина. Но беда в том, что современности оказывается чужд и духовный опыт Данте-поэта, позволивший ему создать прекрасную картину загробной встречи двух величайших и наиболее чтимых им поэтов.

Они пошли вперед; я, одинокий,
вослед; и слушал разговор певцов,
дававших мне поэзии уроки (XXII, 127—129).

Кто сегодня, вызывая в воображении любимых и самых дорогих душе поэтов, с таким горделивым и счастливым смирением представил бы себя идущим вслед Вергилию и Стацию? — Пожалуй, никто.

А между тем, еще более трехсот лет после Данте Европа видела в Стации одного из величайших поэтов, и, таким образом, свыше полутора тысяч лет Публий Папиний Стаций был безупречным поэтическим авторитетом для читающих по-латыни европейцев.

«Папиний Стаций — самый значительный среди римских эпиков после Вергилия» (Николай Клемангй, около 1360—1437).

«Два его сочинения — большая „Фиваида“ и меньшая „Ахиллеида“ — доставляют великое наслаждение» (А. Децембри, середина XV в.).

«Папиний — изысканнейший поэт» (Иоанн Баптиста Пий, fl. ок. 1500).

«Стаций, выдающийся поэт» (Франциск Флорид, XVI в.).

«Лучший из поэтов, Папиний» (Адриан Турнеб, 1512—1565).

«Стаций, исключительный поэт» (Исаак Казобон, 1559—1614).

«Папиний — поэт возвышенный и благородный, причем отнюдь не папышennyй» (Юст Липсий, 1547—1606).

«Золотая „Фиваида“ преславного Папиния...» (Маттеус Радер, 1561—1634).

«Величайшие поэты — Гомер, Вергилий, Стаций» (Самуил Дреземий, 1578—1638).

«Папиний Стаций, лучший из писавших по-латыни» (Иосиф Касталлий, ум. 1616).

Великий Гуго Гроций в письме от 10 декабря 1637 г. к Иоанну Гроповиусу писал: «Я всегда очень ценил Папиния, потому что своей разно-сторонней ученостью он почти не уступает Вергилию, а в поэтическом вдохновении кое-где — с позволения критиков — и превосходит его».

Но к XVIII в. звезду Стация можно считать безусловно закатившейся. Почитавших Стация гуманистов бранят эрудитами и обвиняют в отсутствии поэтического вкуса. И вот, слабый драматург и суровый критик Лагарп высокомерно замечает: «Его поэмы, конечно, дошли до нас, и время, поглотившее столько сочинений Тита Ливия, Тацита, Софокла, Еврипида, — пощадило „Фиваиду“ Стация. И вот — после стольких веков забвения — случай вытащил его скверные сочинения из пыли, которая скрывает и, возможно, вечно будет скрывать множество шедевров. Это не то бессмертие, которое обещают Музы. И важно ли, что во все времена знали, что Стаций — плохой поэт? Его сочинения известны очень небольшому числу знатоков, которые хотят иметь твердое мнение обо всем, что оставила античность».

Как и всякое другое, данное суждение характеризует судьбу, причем гораздо в большей степени, чем обсуждаемого и осуждаемого автора «Фиваиды». Но Лагарп не был одинок. Новая Европа потеряла вкус к Стацию на два с лишним столетия, и лишь последние десятилетия нашего века отыскивают точку зрения и категории, позволяющие понять и оценить второго после Вергилия и третьего после Гомера эписического поэта античности.

Волею судьбы Стаций родился в эпоху, когда дурной вкус и дурные нравы развились до такой степени, что вызвали осознанную и декларируемую реакцию. Педагог Квинтилиан, заботясь о воспитании подлинного вкуса, недостижимого без правильной «школы», пишет свои «Наставления оратору»: он либо верит, либо делает вид, будто верит, что латынь Цицерона является для него образцом не только потому, что ее старательно топтали представители «нового стиля», но и потому, что она на самом деле — вечный образец для читающих и пишущих по-латыни. Немного позже осмотрительный карьерист Тацит, переживший десять принципсов и успешно продвигавшийся по службе при Тите и Доми-

циане, с эпиметеевской осмотрительностью «без гнева и пристрастия» вглядывается в прошлое, сиюсья отыскать корни безправственности своего века. Пылкий и ограниченный Ювенал, которому талант заменяло негодование, довольно долго держит свой высоко нравственный кукиш в кармане и начинает писать сатиры в зрелом возрасте, критикуя уже ушедшую эпоху Домициана. Марциал, кого небеструдная доля клиента толкает к откровенному — простодушному — цинизму, не всегда смягчаемому остроумием, своей отменной латынью и критикой века тоже, кажется, содействует его исправлению. И век пощадил их. А любимые Стацием философы и поэты Сенека и его племянник Лукан должны были вскрыть себе вены по приказу неудавшегося философа на троне и неудачливого поэта Нерона. Стацию было тогда, видимо, около тридцати лет.

Сенека — виднейший представитель того самого антицицероновского «нового стиля», против крайностей которого выступал Квинтилиан. Лукан — автор «Фарсалии», антивергилиевский пафос которой не мог иметь успеха: у Лукана — при всей его даровитости — не было сил для борьбы с Вергилием-поэтом, и его человеческой судьбе нечего было противопоставить божественной высоте вергилиева предназначения. «Бичеватели Вергилия» не могли поколебать безусловного авторитета автора «Энеиды», и в подражание ей возникают мифологический эпос Валерия Флакка «Аргонавтика» и историческая поэма Силия Италика «Пуническая война». Силий Италик — восторженный почитатель Вергилия и Цицерона — не был профессиональным поэтом. Консул при Нероне, проконсул Азии при Флавиях, он отошел от дел и предался литературным трудам. Марциал писал о нем («Эпиграммы», VII, 63, 11—12 в пер. Ф. А. Петровского):

Годы отставки своей посвятил он Фебу и Музам,
А постоянным ему форумом стал Геликон.

Богатый и независимый, Силий овеществил свою любовь к величайшим оратору и поэту покупкой виллы Цицерона и земли, где был погребен Вергилий. У того же Марциала читаем:

Эту гробницу хранит — великого память Марона —
Силий — хозяин земли, коей владел Цицерон.
Не предпочел бы других наследников или владельцев
Праха и ларов своих ни Цицерон, ни Марон (XI, 48).

Всеми почти что уже покинутый прах и Марона
имя священное чтит лишь одинокий бедняк.
Силий решил прийти на помощь возлюбленной твоей,
и почитает певца ныне не худший певец (XI, 50).

Оставим последний эпитет на покладистой совести Марциала, но отметим, что Силий не стал бы так дорого платить за удовлетворение своих литературных пристрастий и — во всяком случае — не стал бы афишировать свою дорогостоящую приверженность к Вергилию, если бы это не

тешило его самолюбия и если бы такая подчеркнутая любовь к Вергилию и Цицерону не была в его время хорошим тоном. Плиний («Письма», III, 7, 8) замечает: «Он не только владел, но благоговейно хранил множество книг, статуй, портретов — прежде всего — Вергилия, чей день рождения он отмечал торжественнее, чем свой собственный, в особенности в Неаполе, где его гробницу он посещал словно храм». Скорее всего, поэма Силия, умершего в 101 г., была завершена после «Фиваиды» Стация (92 г.); но, несомненно, культивированное почтение к Вергилию было общим и определяющим для обоих эпиков. То же можно сказать и о Валерии Флакке, значительная часть «Аргонавтики» которого писалась в одно время с «Фиваидой». Но если эпические поэмы Валерия Флакка и Силия Италика действительно можно рассматривать в качестве довольно прямолинейной классицистической реакции на «Фарсалию» Лукана, со Стацием — как и со всяким подлинным поэтом — дело обстояло сложнее.

Чувство классической традиции, ощущение своей причастности к ней, понимание того, что единая нить духовного преемства связывает между собой — не литературные эпохи, но личности, все это — признаки редкого человеческого дарования, благодаря которому история духовной жизни остается живой и ее выдающиеся памятники продолжают сохранять всю ту притягательность, какой обладают для нас гениальные современники. Это чувство позволяет нам угадывать близкую душу, прошедшую свой земной путь много веков назад; это ощущение избавляет нас от одиночества в те эпохи, которые обделены или небогаты гениями; это понимание позволяет нам в наших духовных исканиях не начинать всякий раз на пустом месте и дает возможность приобщить наши подлинные открытия к тем драгоценным зернам духовного опыта человека, которые уже снесены в житницу человеческой культуры.

Публий Папиний Стаций был от природы в высокой степени наделен этой редкой способностью ощущать свое духовное родство с великими поэтами прошедших эпох. Его богатая природная одаренность подкреплялась отменным образованием, которое он получил благодаря своему отцу, преподавателю риторики в Неаполе, куда после разорения родителей он вынужден был переселиться из Веллии. Школа была греческой и пользовалась необыкновенной популярностью у юношей Кампании, Апулии и Лукании. Здесь читали Гомера, Гесиода, Эпихарма, Пиндара, Ивика, Алкмана, Стесихора, Сапфо, толковали Каллимаха, Ликофрона, Софрона и Коринну. Пожалуй, не только в Неаполе, хотя он славился своими школами, но и в Риме такой обширный курс греческой литературы едва ли был правилом. Для Стация знание греческой литературы и любовь к ней несомненно подогревались его греческой кровью: он помнит, что его предки были греками с Эвбеи. Отец Стация, вынужденный заниматься преподаванием и делавший это блестяще, помимо этого и, вероятно, по призванию был поэтом и прозаиком и одерживал победы на играх в Неаполе. Поэтому склонность к поэзии, рано проявившуюся у Стация, он поддерживал и направлял; и, по-видимому, отец был единственным наставником будущего автора «Фиваиды». Обо всем этом со-

общает сам Стаций в стихотворении на смерть отца («Сильвы», V, 3). Из того же стихотворения можно заключить, что отец Стация перебрался в Рим, высоко оценивший его поэму о сражении на Капитолии между Вителлием и сторонниками Веспасиана в 69 г. Таким образом, в конце 69 г. Стаций оказывается в Риме. Его отец умирает вскоре после 79 г.: последним его замыслом, пишет Стаций, было «оплакать извержение Везувия». Этот замысел не был осуществлен. Но отец успел заставить начало работы сына над «Фиваидой»:

...под твоим руководством
к древних истокам певцов устремлялась моя «Фиваида»,
ты подстрекал песнопенья мои, деянья героев
петь научил, и виды боев, и мест положение.
(«Сильвы», V, 3, 233—236)

Писать «Фиваиду» Стаций начал в 80 г. К этому времени он был женат на Клавдии, вдове певца или кифариста (Стаций в «Сильвах» называет его «певчий супруг» — III, 5, 52—53), у которой от первого брака была дочь, в 94 г. — девица на выданье (III, 5, 60). А брак Стация оказался бездетным. И Стаций, хотевший сына, взял на воспитание младенца из домашних рабов, который, доставив ему недолгую радость, умер и был оплакан Стацием в его последнем не полностью дошедшем до нас стихотворении (V, 5). Умер Стаций в 95—96 г., вероятно, в Риме. Последние годы жизни он тосковал и просил жену переехать из Рима в его родной Неаполь. Он чувствует себя старым, его допекают болезни. Лето 95 г. он проводит на родине, вблизи могилы досточтимого Вергилия. В одном из стихотворений (IV, 4, 53—55) он пишет о посещении его гробницы:

...пеловко пежных касаюсь
струн и, сев на краю святого приюта Марона,
с духом собравшись, пою могиле наставника славной.

Стаций легко прощается с Городом: его не держат ни Цирк, ни театр, ни обязанности. Положение, которое Стаций занимал в Риме, можно было бы назвать положением Горация при Мecenате и Августе; но беда в том, что на веку Стация не было ни Мecenата, ни Августа, а были Домициан и несколько покровителей — в меру понимающих и щедрых ценителей его поэзии. После смерти отца Стаций был, вероятно, не совсем без средств. Но его «Фиваида», пользовавшаяся шумным успехом у публики, не приносила ему дохода. Ювенал писал в одной из сатир («Сатиры», 17, 82 сл.), что Стацию, который так услаждает Рим своей «Фиваидой», пришлось бы голодать, не продай он своей «Агавы» миму Парису. Законы жанра требовали от Ювенала преувеличения; но доля истины в его сообщении есть: во время работы над «Фиваидой» (и после ее завершения) Стацию приходилось зарабатывать на жизнь. Парис умер в 83 г.; Стаций начал работу над «Фиваидой» в 80 г.; «Агава» Стация не дошла до нас, но сохранился сборник стихотворений, написанных Стацием для своих друзей и покровителей: четыре книги «Сильв»

(silvae — букв. лес, необработанный материал; наброски, зарисовки по случаю) он издал сам, пятая появилась после его смерти.

Без покровителей небогатый поэт существовать не мог, и по «Сильвам» мы узнаем, кто опекал Стация. Круг, к которому Стаций принадлежал благодаря отцу, в значительной степени состоял из людей, составлявших верхушку римского общества. Неоднократно в «Сильвах» Стаций обращается и к самому Домициану, причем возвеличивает его, как бога. За это ему часто доставалось от строгих критиков более счастливых времен. Однако такие же обращения к императору встречаются и у Марциала, и в надписях: Домициан требовал себе божественных почестей, и его эпитеты у Стация характеризуют не столько самого Стация, сколько обстановку при Домициане. У Стация — как и у всякого крупного поэта его времени — не было иного круга общения, кроме тех, кто был приближен к императору: по от императора Стаций не получал ни денег, ни подарков; единственным знаком внимания императора к поэту было разрешение провести водопровод на дачу Стация в Альбе. Необходимое упоминание Домициана в начале «Фиваиды» представляет собой традиционное извинение за отказ писать об императоре, восхваление которого у Стация — слепок с обращения Лукана к ненавистному Нерону (только Лукан просит Нерона занимать не край неба, а его середину, — чтобы небо не накрепилось; а Стаций просит Домициана удовольствоваться землей, хотя любая часть неба готова принять его); и когда «Фиваида» была завершена, Стаций опять просит простить его: он хочет, но не дерзает написать поэму о войсках Домициана и поэтому пишет «Ахиллеиду» (IV, 4, 95 сл.).

Заметим еще, что ни одна из книг «Сильв» не имеет посвящения императору, хотя каждая книга так или иначе «освящена» императором, причем Стаций не забывает это подчеркнуть. Первую книгу Стаций посвящает Луцию Аррунцию Стелле, «пизрийскому юноше» знатного и состоятельного рода из трансальпийской Патавии, бывшему при Домициане претором, а в 101 г. при Трояне получившему консульство и «ничком не уступающему в поэтической славе», как гласит надпись на его статуе в родном городе. Из позднейших писателей Стеллу упоминает только Сидоний Аполлинарий, но современники знали его элегии. Помимо Стация с ним дружен Марциал: Стелла входит в тот дружеский кружок поэтов, который описан у Марциала в «Эпиграммах» (X, 48, 5—6):

Стелла, Каний, Непот, Цериалий, Флакк, вы идете?

Ложе мое для семи: шесть нас, да Лупа прибавь.

Из эпиграмм Марциала можно заключить, что со Стеллой он был в самых дружеских отношениях. Стаций же — хотя он и посвящает Стелле книгу и второе стихотворение в ней (эпиталамий в честь бракосочетания Стеллы и Виоленции, в котором около 300 стихов, написанных за два дня), — сдержаннее. Стаций подчеркнуто чит в Стелле поэта и помещает его в ряду знаменитых элегиков: Филета, Каллимаха, Проперция, Овидия, Тибулла («Сильвы», II, 252—255). Стаций — не Марциал,

который в «Эпиграммах» (VI, 59) также восхваляет Стеллу, но не забывает о практической стороне отношений с ним:

Ни серебра я тебе, ни золота не посылаю,
 Стелла речистый, и все ради тебя самого.
 Всякий, кто ценное шлет, отдаренным быть ценным желает:
 Из затруднений тебя выведет глина моя.

Не забывает Марциал перечесть и перстни на пальцах Стеллы (V, 11) и намекнуть на неверность его супруги (VI, 21). Марциал легко переходит к фамильярности. Стаций фамильярности чужд совершенно.

Адресата второй книги — Атедия Мелиора — мы знаем только благодаря Стацию и опять-таки Марциалу. По предисловию ко второй книге Стация мы можем заключить только, что между ним и Мелиором была тесная дружба и Стаций ценит в Мелиоре понимание поэзии и умение разбираться в жизни. Из Марциала же видно, что Мелиор был необыкновенно богат (IV, 54, 8). Одна из эпиграмм Марциала, в которых упоминается Мелиор, обращена к Стацию. Марциал не верит, что кто-то может отказаться от хорошего обеда или пойти на обед только потому, что обязан откликнуться на приглашение. Он явно задет позицией Стация, которого насмешливо называют «классик».

Ты говоришь, что в гостях неохотно обедаешь, Классик:
 Я провалиться готов, если ты, Классик, не лжешь...
 Слышишь, зовет Мелиор на роскошный обед тебя, Классик.
 Где ж твоя гордость? Будь тверд: если ты муж, откажись.

Почему Стаций должен был отказываться от обеда у Мелиора, с которым у него были хорошие отношения? Только потому, что на этот обед не пригласили Марциала? Или потому, что он — в отличие от Марциала — не раз отказывался от других приглашений? — Трудно судить. Но несомненно, что чуждый искренности Стаций был белой вороной в своем кругу. Не обладая ни богатством, ни положением, какое было у других писателей и поэтов I в. — Сенеки, Персия, Лукана, Силия Италика, Квинтилиана, Плиния, Тацита, а вероятно, и Валерия Флакка, Стаций в то же время умел сохранять достоинство в общении с более обеспеченными и влиятельными друзьями. Он не был провинциалом, который любыми средствами жаждал утвердиться в Городе и потому не брезгал ничем. Стаций был прежде всего поэтом, причем поэтом эпическим. Вспомним бездну эпиграмм Марциала, требовавших всего его внимания, остроумия, ловкости и опиравшихся на знание всех новостей, слухов и интриг. В «Сильвах» у Стация — при всей его славе признанного поэта — всего 32 стихотворения по случаю, одно из которых — самое большое — (V, 3) — на смерть отца, другое (V, 5) — на смерть воспитанника; V, 4 — прелестная миниатюра — жалоба на бессонницу; III, 5 — обращение к жене, которую Стаций просит переехать в Неаполь; II, 7 — послание к вдове чтимого Лукана в день его рождения. Остается двадцать с небольшим стихотворений на случай, многие из которых написаны за день — за два (о чем Стаций не забывает упомянуть — по

столько, чтобы похвалиться своим даром импровизации, на что он — блестящий версификатор — тоже имел право, столько для того, чтобы подчеркнуть несерьезный характер своих стихотворных безделок). Это не слишком много, в особенности если учесть, что Стация часто приглашала к обеду или на виллу и демонстрировали ему разные диковины и достопримечательности как раз в расчете на то, что он — модный поэт — откликнется на это приглашение и ответит стихами (I, 3, 5; II, 2—4; III, 1). Свадебная (I, 2) и погребальные (II, 1, 6; III, 3; V, 1) песни Стация достойны и уместны; стихотворения, написанные прямо против воли, — ироничны (III, 4)... Из всех входящих в «Сильвы» стихотворений всего пять написаны для Домициана (I, 1, 6; IV, 1—3). Они вполне официальные, полны обязательными преувеличенными восторгами и несколько тяжеловаты, как, впрочем, многие его стихотворения: поэтические средства, которыми в совершенстве владел Стаций-эпик, не всегда были хороши в стихотворных безделках. Но нам знакома эта тяжеловесность в стихотворениях на случай: вспомним Гаврилу Романовича Державина.

Книга третья адресована Поллию Феликсу, славному соотечественнику Стация, чьи занятия поэзией Стаций хвалил и с которым находился в дружеских отношениях. Поллий Феликс был свидетелем того, как Стаций сочинял многие из своих «Сильв»; II, 2 посвящена описанию суррентинской виллы Поллия, III, 1 — небольшому храму Геркулеса, который тот воздвиг; IV, 8 посвящена его зятю Юлию Менекрату. Убеждая жену переехать в Неаполь и описывая его окрестности, Стаций упоминает и суррентинское владение Поллия: приятное соседство Поллия — также повод в пользу переезда.

Четвертая книга посвящена Виторию Марцеллу, к нему же обращено четвертое стихотворение этой книги. Виторий Марцелл всадник, был женат на дочери консула Гнея Госидия Геты; Квинтилиан посвятил Виторию Марцеллу 12-ю книгу своих «Наставлений» и был воспитателем его сына. Упомянутое стихотворение — послание Стация Виторию Марцеллу в Рим из Неаполя: Стаций спрашивается, как его адресат намерен провести лето, и сообщает, что начал работу над «Ахиллеидой»; до некоторой степени Стаций подражает Горацию: Марцеллу пристала его государственная и военная деятельность, а ему, Стацию, — поэзия.

Пятая книга «Сильв», которую Стаций не успел издать, осталась без посвящения. Но к первому ее стихотворению есть прозаическое предисловие. Стаций пишет это стихотворение на смерть Присциллы, жены Абасканта, могущественного приближенного Домициана, его секретаря, ведавшего административной перепиской. В предисловии Стаций объясняет, почему он счел своим долгом откликнуться на смерть Присциллы: «Я написал свое стихотворение не как один из толпы и не как твой подчиненный. Присцилла любила мою жену и своей любовью пробудила во мне еще большее уважение к жене. С моей стороны будет неблагоприятно не откликнуться на твое горе...»

Среди тех, кому Стаций посвящает отдельные стихотворения, — Млпий Вониск — эпикурец, поэт и антиквар, державшийся в стороне

от политической и общественной жизни. Описанию его виллы посвящено третье стихотворение первой книги. Стаций в предисловии к этой книге упоминает Вописка и характеризует его как «мужа учнейшего, который с особым тщанием спасает от забвения сочинения, почти совсем уже исчезнувшие». Антикварные штудии приобрели особенную популярность при Адриане, но независимо от моды Стаций умеет дорожить дружбой ученого Вописка, которого он к тому же ценит и как поэта (I, 3, 99—104).

Нет необходимости перечислять всех тех, кому Стаций посвящал свои стихотворения, вошедшие в «Сильвы». Но совсем обойти вниманием «Сильвы» тоже нельзя. Благодаря этому сборнику мы можем представить Стация и его окружение и можем отчетливее сформулировать тезис, важный и для понимания «Фиваиды». Стаций, несомненно, не был свободен от обязательств и обязанностей своего времени и круга. Но никогда они не были для него определяющими и сковывающими. Частный человек и поэт, Стаций здесь — в частной жизни и поэзии — находит свою свободу, здесь ощущает себя независимым. Его талант сочетался со счастливым характером, чуждым мелочной амбициозности, не исковерканным семейной и светской жизнью. Стаций питал нежную сыновнюю привязанность и благодарность ученика к своему отцу; у него были сердечные отношения с женой — первой слушательницей «Фиваиды»; его отличало чувство собственного достоинства, осмотрительность и лояльность к вышестоящим и покровителям, искренность в отношениях с друзьями. Но, самое главное, у Стация была твердая уверенность в том, что высокая поэзия существует и что именно здесь он — несмотря ни на какие внешние обстоятельства — может полно раскрыть свою душу и обессмертить свое имя. Хранить такую уверенность во времена Стация было непросто, — вспомним насмешки над Стацием Марциала, одного из его талантливейших современников. Но давала эта уверенность очень много.

Бывают эпохи, когда о том, что происходит здесь и теперь, нельзя говорить открыто; бывают другие — когда можно. Но и в те, и в другие эпохи существует и никому не подчиняется та вечная область человеческого духа, в которой расцветает искусство. Хвалители и хулители своего времени, только им и живущие, уже для ближайших потомков начинают представлять антикварный, исторический интерес, а отношение подлинного художника к своему времени всегда опосредовано его причастностью к тому, что времени неподвластно. Эпическая поэзия в античности в самой высокой степени обнаруживала эту причастность к надвременному, но тем больше требований предъявляла она к эпическому художнику. Не случайно Гомер и Вергилий величались «божественными»: их способность создавать то, чего никогда не было, а вернее, открыть то, что было всегда, — казалось, превосходит человеческую.

Пойти вслед Гомеру и Вергилию и создать эпическую поэму, уступающую только им, — такова была задача Стация, и он трезво ее оце-

нивал. Прежде всего нужно было решить: изображать войну или героя. Вергилий уже однажды объединил эти две задачи («Брань я и мужа пою...»); поэтому Стаций обращается непосредственно к опыту Гомера: в «Фиваиде» изображает войну; а «Ахиллеида» должна была поведать о герое.

Итак, по примеру Гомера, сначала написавшего «Илиаду», Стаций решает начать с войны. У Вергилия не было сомнений, какого героя и какую войну изображать: на его глазах сбывалось пророчество Гомера об Энее («Илиада», XX, 307—308 в пер. Н. И. Гнедича: «Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно, он, и сыны от сынов, имущие поздно родиться»), и он описывал утверждение троянцев в Италии. Стаций же был далек от восторженного отношения к Риму его времени. Все то, к чему пришел Рим, было предопределено в миг его основания: Город был основан братоубийцей, и получил его имя¹. Но римская история в чистом виде не занимала грека Стация, он не хотел состязаться с Энием. Еще раз подчеркну: образцом для пишущего латинский эпос Стация был Вергилий, но его соперником — почитаемым и любимым — был Гомер. Но в таком случае лучшего сюжета чем смертельная вражда между сыновьями Эдипа и поход семерых вождей против Фив, пожалуй, не нужно искать: его популярность не уступает Троянской войне, он дает возможность вывести яркие характеры — как мужские, так и женские — и предполагает изображение героев до войны и во время сражений. Он свободен от прямолинейных намеков на современность, но своей мрачностью и чудовищностью преступлений, лежащих в его основе, не может не вызвать горьких размышлений о ней. О походе Семерых писал Аптимак, но его изложение слишком растянуто и невыразительно: его можно не принимать в расчет. Сюжет прост: братья Этеокл и Полиник бросают жребий, первым правит Этеокл, Полиник покидает Фивы и находит пристанище в Аргосе; через год Этеокл не отдает престола, семь вождей выступают в поход и под Фивами погибают, — все за исключением старшего, — царя Аргоса Адраста. Последними гибнут Этеокл и Полиник. Трон занимает Креонт.

Однако такое нечестие не может быть совершено только по вине людей: есть Олимп и есть Тартар, из которого оскорбленный Эдип призывает мстительниц — фурий, — таково начало — книга первая. Праведный Тесей, опекаемый Афиной, казнит Креонта, преступно нарушившего общественные и человеческие установления, — таков конец — книга последняя (двенадцатая, как у Вергилия). Этому предшествует по-

¹ Луканом эта мысль сформулирована так:

...Ты сам своих бедствий причина,

Рим...

...Роковых не ищите примеров

У чужестранных племен и в веках давно миновавших.

Братскую кровью у нас забрызганы первые стены.

Но ни земля, ни моря в то время предметом раздора

Не были: этих владык их тесный участок поссорил.

(Лукан. «Фарсалия», I, 84—85: 93—97;

ср. Стаций. «Фиваида», I, 144—151).

единок братьев — книга одиннадцатая. Гибель пяти аргосских вождей, — примерно по половине книги на описание начала сражений и гибели каждого — еще три книги; Амфиарай у Плутона — половина книги; ночная вылазка греков — половина книги. Итак, начало войны, гибель Амфиарая — книга седьмая; Амфиарай у Плутона, гибель Тидея — книга восьмая; гибель Гиппомедонта и Партенопоя — книга девятая; ночная вылазка греков и гибель Капаней — книга десятая. Один из героев (Гиппомедонт) борется с рекой — Исменом (этот эпизод необходим: у Гомера — битва с Ксанфом). До начала войны — спортивные состязания (это тоже обязательно: игры есть и у Гомера в обеих поэмах, и у Вергилия), — это книга шестая. Теперь — первые пять книг. В книге первой — Полиник и Тидей приходят к Адрасту, у которого две дочери Аргия и Дешила; Адраст узнает в пришедших героях предреченных Фебом зятьев. Вторая книга — понятно — свадьба и, пожалуй, поход Тидея в Фивы. Главное достоинство сюжета в том, что у него ясное начало и конец; главное достоинство поэмы — последовательность и простота; и поэтому книга третья — подготовка к битве. Однако излишняя простота неизбежно обернется монотонностью. Прекрасно оживляют изложение вставные рассказы (у Гомера — рассказ Одиссея, у Вергилия — рассказ Энея на пиру). Необходимо ввести такой рассказ уже после начала похода: за Фивы вступается Вакх и задерживает аргосцев — изнунив их жаждой. Источник войску указывает... — кто? Нужно связать рассказчика с основным действом, но — не непосредственно, а косвенно. У Гомера состязания — в память Патрокла; у Вергилия — в память Анхиза. Войско Семи устраивает состязание в Немее в честь погибшего первым младенца Архемора, сына царя Ликурга: младенца губит змей, посвященный Юпитеру (кстати, змея ранит безбожник Капаней — таков он у Еврипида, и Юпитер в десятой книге поражает Капаней молнией), а недосмотрела за младенцем — как раз потому, что рассказывала свою историю — Гипсипила, лемноская царица, недолгая супруга Иасона, изгнанная с родного острова и проданная разбойниками Ликургу. Во-первых, история Гипсипилы — материал для целого романа, весьма пригодный для вставного рассказа, во-вторых, Гипсипила — внучка того же Вакха, и ее рассказ — дополнительная задержка похода. Таким образом, четвертая и пятая книги решены, и общая композиция поэмы ясна:

I. Эдип, ослепивший себя и оставивший царство, проклинает сыновей и просит Тисифону свести их в братоубийственной войне; по жребию власть над Фивами получает Этеокл, Полиник покидает Фивы, приходит в Аргос, встречается с Тидеем, и обоих героев принимает Адраст;

II. Адраст выдает своих дочерей за Полиника и Тидея, который через год отправляется напомнить Этеоклу о договоре и потребовать для Полиника фиванский трон. Этеокл отвечает отказом и посылает отряд, чтобы убить Тидея на обратном пути. Тидей побеждает напавших на него фиванцев и возвращается в Аргос.

III. Аргос готовится к войне. Адраст просит прорицателя Амфиарая сведать о будущем. Тот, в ужасе от полученного предсказания, от-

казывается сообщить его аргосцам, а Капаней вынуждает его сказать о неизбежности похода и сам побуждает к битве.

IV. Адраст и с ним шесть вождей — Полиник, Тидей, Гиппомедонт, Капаней, Амфиарай, Партенопей — выступают в поход. Этеокл также просит прорицателя Тиресия узнать будущее, и тот говорит о победе фиванцев; но Фивы еще не готовы к войне, и поэтому Вакх, защищая родной город, стремится задержать аргосцев, подошедших к Немее: он насылает лютую засуху, и Гипсипила, оставив младенца Архемира, ведет воинство к единственной не пересохшей речке Лангии.

V. Утолив жажду, вожди справляются о том, кто их спасительница, и Гипсипила рассказывает свою историю. Тем временем змей Юпитера убивает младенца Архемира.

VI. Воины предают Архемира погребению, воздвигают ему храм и устраивают в его честь состязания.

VII. Тем временем собираются союзники фиванцев, и старец Форбант перечисляет их воспитаннице Антигоне. Аргосцы подходят к Фивам. Иокаста приходит в их лагерь и склоняет Полиника к примирению с братом. Но Тидей напоминает вероломство Этеокла, а случай вызывает первую схватку аргосцев с фиванцами. Первым погибает Амфиарай, низвергшийся в Тартар.

VIII. Низвержение живого Амфиарая в царство теней приводит в смятение всех его обитателей, в том числе и самого Плутона. А наверху — новая битва, в которой погибает Тидей.

IX. Аргосцы — и прежде других Гиппомедонт — стремятся отбить у фиванцев тело Тидея, но терпят неудачу. Гиппомедонт ведет битву в водах Исмена, и сам бог Исмен обрушивается на него. Гиппомедонт погибает. А на фиванцев устремляется юный Партенопей и также гибнет.

X. Фиванцы уверены в близкой победе: они уже опасаются, что аргосцы ночью могут уйти из-под Фив и тем лишить их добычи. Сторожевой отряд фиванцев окружает вражеский стан, но аргосцы совершают ночную вылазку и убивают заснувших фиванцев. Одушевленные победой, они устремляются к Фивам, в которых прежняя уверенность в победе сменилась страхом поражения. Прорицатель Тиресий открывает, что Менекей, добровольно принеся себя в жертву, спасет Фивы. Менекей закаляется и свергается с башни. Но дерзкий Капаней уже взобрался на стены, и только молния Юпитера, поразившая безбожника, спасает фиванцев.

XI. Аргосцы, уstraшенные гибелью Капанея, бегут, и тогда Полиник вызывает на поединок брата. Этеокла пытается остановить Иокаста, к Полинику взывает Антигона, схватку пытается предотвратить Адраст; но бой начинается, и оба брата гибнут.

XII. Креонт получивший власть над Фивами, запрещает хоронить аргосцев. Жены погибших из Пелопоннеса идут в Фивы, но, узнав о приказе Креонта, решают идти в Афины и просить о помощи Тесея. Только Аргия отправляется к Фивам, чтобы тайком похоронить Полиника и — умереть. У тела мужа она встречается с Антигоной, они

вместе предают тело Полиника сожжению, и тут их застигают воины Креонта. Между тем, Тесей, побужденный аргивянками, приходит к Фивам и убивает злодея Креонта. Торжеством Тесея Афинского поэма завершается.

Однако все описанное — только канва, по которой Стаций начинает выводить сложный узор. Прежде всего, описанные события все относятся только к миру человеческих поступков. Но начало губительной вражде положила мольба Эдипа к фурии Тисифоне, — с нее начинается поэма. Символический смысл совершаемого настолько глубок, что объяснить все чудовищные деяния только человеческой злой волей нельзя: весь мир вовлечен в эту губительную войну, и адские силы играют в поэме очень важную роль.

Итак, Тисифона по просьбе Эдипа появляется в Фивах и внушает братьям чувство взаимной ненависти. Победу фурий в братоубийственной войне предрекает тень Лаия (IV, 643). К чему может привести насылаемое фуриями безумие, учиненной на Лемносе: рассказ Гипсипиллы — страшный прообраз ужасов грядущей войны. И уже в самой войне семерых вождей с фиванцами фурии постоянно вмешиваются в ход боев: перед их началом в обоих лагерях ликует Тисифона, и вновь призывает фурий Эдип (VII, 466—469); чтобы начать сражение, фурия ввергла в безумие кротких тигриц Вакха, бросившихся на аргосцев, когда Иокаста, сама подобная фурии (VII, 477), умоляла Полиника отказаться от войны (VII, 580); Тисифона побуждает умирающего Тидея к омерзительной свирепости (VII, 756—757); она же в облике воина обманом уводит Гиппомедонта от тела Тидея (IX, 149—174); фурии подвигли Капанея против Юпитера (X, 833); и к поединку Полиника с Этеоклом тоже подтолкнули они: сестры Тисифона и Мегера сговариваются объединить силы против братьев (XI, 56—112), Мегера подводит Полинику коня, вручает ему меч и устремляет на Этеокла, прервав увещания Адраста (XI, 196—201), а Тисифона, прервав мольбы Иокасты, гонит из города Этеокла (XI, 387—388); и только когда братья, пролив первую кровь, полны решимости убить друг друга, — фурии удовлетворены (XI, 537—538); но Креонт так же ослеплен ими (XII, 696), и Тесей, убивая Креонта, поручает его душу фуриям (XII, 773).

Конечно, не следует думать, будто у Стация неожиданно возродилась наивная вера в фурий-эриний-эвменид — богинь мстительной ярости. Но в его поэтическом мире они занимают важное место, предопределенное Вергилием: в седьмой песни «Энеиды» Юнона, замыслив войну между Энеем и латинами, вызывает из подземного царства фурию Аллекто, «которой любезны раздоры, ярость и гнев, и война, и злодейства коварные козни» (VII, 325—326, Ошеров). Эдип обращается к Тисифоне почти с теми же словами, что и Юнона к Аллекто: «...Так найди в душе своей щедрой средство разрушить союз и посеять преступную ярость. Пусть возжаждут войны и тотчас же схватят оружие» (348—440). К тому же перед Стацием стояли мощные образы эвменид у Эс-

хила, — как и перед Луканом, стилистически, несомненно, более близким Стацию (ср. Лукан. «Фарсалия», I, 571—577; VII, 168—170; 777—778).

Но сами по себе фурии не могли бы играть столь значительной роли в печальной истории сыновей Эдипа, если бы это не было предусмотрено всем роковым ходом событий, изменить который не властны даже боги, хотя они так или иначе опекают дорогих им героев. Здесь Стаций также опирался прежде всего на Вергилия, у которого Юнона в «Энеиде» столь часто и решительно вмешивается в ход событий для того, чтобы помешать троянцам достичь их цели, а Венера — чтобы помочь. Но не Вергилий, а Гомер ближе Стацию, изображавшему богов. Во-первых, у Стация гораздо большее, чем у Вергилия, число богов заняты битвой между Фивами и Аргосом. Помимо Юпитера, блюдущего правду и равновесие в мире, прочие боги пристрастны: на стороне Фив — Вакх и Геркулес, рожденные в Фивах; Венера, чья дочь Гармония была супругой Кадма, и Марс, побуждаемый Венерой; на стороне аргосцев прежде всего Юнона; жреца Амфиарая опекает Аполлон, Тидея — Минерва, Партенопейя — Диана. Стаций изображает мир олимпийцев с юмором, который, кажется, совсем не свойствен Вергилию, но которым одушевлены поэмы Гомера. Разговоры богов у него полны бытовых интонаций, стилизованных, обычно очень живых и эмоционально окрашенных. Юпитер величествен, но это величие отца семейства, жена и дети которого строптивы и своенравны, что подчеркнуто в сцене из десятой книги (882—896), где богам угрожает Капаней. Родственные связи также подчеркнуты: к Нептуну Юпитер обращается «брат мой» (I, 223); отправляя Меркурия к Плутону, повелевает: «в мрачное царство спустившись, дяде скажи...» (I, 294—295). Вакх и Венера побаиваются отца, а он понимает, что только поэтому они не вступаются за Фивы (I, 287—289); когда же Вакх, избалованный младший сын, не может стерпеть обиды, он своей довольно дерзкой просьбой вызывает у отца улыбку (VII, 193—194); когда Юпитер поразил молнией Капанея, Стаций не забывает отметить его усталость (XI, 7), точно так же, как выше (X, 917—920) он отмечает страх богов перед Капанеем и их сомнение в мощи молнии Юпитера.

Такой характер изображения богов чрезвычайно оживляет поэму в целом и позволяет Стацию украсить ее рядом прелестных сцен, забавных и психологически верных. Описывая, как Венера просит Марса помочь фиванцам (III, 262—316), Стаций, конечно, помнит у Вергилия просьбу Венеры к Вулкану выковать доспехи для Энея («Энеида», VIII, 369—405), и Венера Стация прямо ссылается на «Энеиду» (III, 276—280)²:

...уязвленный супруг и в гневе нам предан.
Если я прикажу, то он близ негаснущих горнов

² Точно так же, как Марс в своем ответе почти прямо цитирует Лукреция («О природе вещей», I, 1 слл.; II, 33 слл.).

ночи свои для меня проведет в трудах неусыпных:
с радостью даже тебе он новый доспех и оружие
выкует...

Однако Стаций рисует эту сцену с блеском и весело, нрав его Венеры изображен гораздо выразительнее, чем у Вергилия (ср. IX, 821—830). Тонко и психологически убедительно изображена встреча брата и сестры, Аполлона и Дианы, которые — несмотря на все свое желание — не могут помочь своим любимцам (IX, 637—669); или встреча Геркулеса и Афины, которые опекают противников, что не мешает Геркулесу быть безупречным к своей старинной помощнице (VIII, 497—518).

Если сопоставить сцены, в которых участвуют боги у Вергилия и Стация, бросается в глаза их решительное различие: у Вергилия эти сцены чисто функциональны, у Стация — художественны, что, впрочем, нисколько не отменяет их функциональности. А именно, для Стация — как и для Гомера — существование божественной сферы дает то пространство поэме, без которого она была бы монотонной, несмотря ни на какие вставки. Во-первых, благодаря богам действие поэмы постоянно перемещается с небес на землю и под землю: Юпитер в первой книге — после совета богов — посылает Меркурия в подземное царство вызвать тень Лаия, чтобы внушить Этеоклу страх перед братом; во второй книге Меркурий опускается в Тартар и выводит деда к внуку; в третьей Юпитер вызывает Марса от воинственных бистонов и ветов и посылает его разжечь жажду войны у фиванцев; в четвертой Вакх преграждает аргосцам путь засухой и тем отодвигает войну; в пятой мы видим Венеру, разгневанную на лемниянок: фурии, вызвавшие безумие в женах, только помогают ей; в шестой Аполлон помогает Амфиараю победить в конных ристаниях; в седьмой по воле Юпитера Меркурий летит к Марсу и передает ему приказ разжечь воинский пыл в аргосцах; Вакх приходит к Юпитеру и защищает фиванцев; а Аполлон, приняв облик возничего, помогает Амфиараю в его последней битве; в восьмой мы видим самого Плутона, полного давней обидой на свой худший жребий, сделавший его царем подземного царства: он велит Фуриям свершить на земле неслыханные преступления; в той же восьмой книге Афина пытается защитить Тидея и уже добывает для него спасение, но — под влиянием фурий — Тидей в безумии грызет отрубленную голову врага, а Афина в ужасе отворачивается от него; в девятой книге сам бог Исмен выступает против Гиппомедонта, но, по знаку Юпитера, оставляет героя, чтобы тот погиб на поле битвы, а не в пучине; Диана безуспешно пытается защитить Партенопей и сражает его убийцу. В десятой Юнона посылает Ириду во дворец Сна, и Сон, послушный приказу, усыпляет сторожевой отряд фиванцев; богиня Доблесть вселяет в Мелеея мужество для свершения подвига, а в конце той же песни посягнувший на небо Капаней спален молнией Юпитера; в одиннадцатой книге Юпитер не принимает жертвы Этеокла; богиня Честь пытается остановить поединок братьев, но ее прогоняет Тисифона, и Честь уходит — жаловаться Юпитеру; наконец, в двенадцатой книге Луна по

просьбе Юноны освещает поле битвы и позволяет Антигоне найти тело Полиника, а аргосские жены находят в Афинах защиту у алтаря богини Милости.

Помимо традиционных олимпийских богов в поэме участвуют, как мы видели, Сон, Честь, а также Беллона, Молва, Ужас и другие персонификации, выразительно описанные Стацием. И если живые и темпераментные боги Стация готовы вступить в состязание с гомеровскими, то его персонификации — дань другой поэтике.

Отмечая, что Стаций гораздо выразительнее, полнокровнее и живее, чем Вергилий, изображает мир олимпийцев (при всем том, что боги у него — как и у Вергилия — очень важный структурный компонент поэмы — добровольная дань эпической условности), нужно с особым вниманием отнестись и к обилию у него персонификаций и аллегорических фигур. Конечно, персонификация есть и в «Энеиде» Вергилия³, но они не нарушают общего классического строя поэмы; у Стация же это — сознательно усвоенный прием постклассической поэтики, в первую очередь — Овидия.

Насколько легко возникают у Овидия персонификации, можно судить хотя бы по его «Любовным элегиям». Так, рассуждая о том, что неверность подруги не убавила ее красоты, Овидий с легкостью заключает: «...красота, значит, сама божество?» (II, 3, 12 в пер. С. В. Шервинского). В тех же «Любовных элегиях» описано сопровождение Амвра — Соблазны, Заблуждения, Буйство (I, 2, 35—36), персонифицированы Зависть (I, 15), Элегия, Трагедия (III, 1). Но в особенности в «Метаморфозах» персонификации занимают большое место: во второй книге (1—30) изображен дворец Солнца, рядом с которым стоят Месяцы, Годы, Века, Часы, Весна, Лето, Осень и Зима; в той же песни (761—782) описаны дом Зависти и сама Зависть; в четвертой — Рыдание, Ужас, Страх и Безумие — сопровождение Тисифоны (IV, 980—984); в одиннадцатой (593—615) описано жилище Сна, в двенадцатой (39—63) — обиталище Молвы. У Стация же — помимо названных Молвы, Чести и других — совершенно в духе овидиевской поэтики, но только в более развитом виде описаны дворец Марса и его стража — рырый Порыв, слепой Ужас, Гнев, Страх, Засады, Раздор, Угрозы, Доблесть, Исступление, Смерть (VII, 40—63) и обиталище Сна вместе с его хра-

³ Тотчас Молва понеслась...

Ходит сама по земле, голова же прячется в тучах...
Сколько же перьев на ней, чудовищной, страшной, огромной,
Сколько же глаз из-под них глядит неусыпно и столько ж
Чутких ушей у нее, языков и уст говорливых...

(IV, 173—188, ср. там же, VII, 392).

Так окровавленный Марс над потоком Гебра студеным
...Бешеных гонит коней..., а следом спутницы бога —
Мрачного Ужаса лик, и Гнев, и Козни несутся (XII, 331—336).

Стаций, конечно, знает эти стихи Вергилия и прямо на них опирается.

нителями — Леньстью, Беспамятством, Тшью, Немотством (X, 84—115). Описание дворца Марса завершается так:

Разных доспехи земель — по бокам, а спереди храма —
изображенье племен полоненных; отлиты в железе
сбитых обломки ворот, судов воинственных двища,
и кузова колесниц, а под колесницами — лица
смятые — мнятся, кричат: толикая мощь и такая
мука во всем. И во всем (но ни разу — с лицом безмятежным)
виделся сам: так вывел его с искусством предивным
Мулькибер,— прелюбодей тогда еще явленной свету
мерзостной связя своей не смывал на опутанном ложе (X, 55—63).

Собственно говоря, то, что изображено на фронте дворца Марса — можно было бы назвать аллегорией войны, причем Стаций подчеркивает, что изображение — не какой-то реальный бой, а обобщенная картина, в каждой детали которой «видится сам» — Марс, бог войны. И то, что после такого описания Стаций припоминает любовную связь Марса и Венеры, — в сжатом виде характеризует ту особенность его поэтики, о которой идет речь: все человеческое богатство образов антропоморфных богов и их отношений сочетается у Стация с их аллегорическим пониманием. Марс и Венера — при всей живости их изображения — это и аллегория вражды — любви. Максимальная — во всяком случае преувеличенная по сравнению с Вергилием — жизненная, эмоциональная, психологическая насыщенность в изображении богов предполагает у Стация и их аллегорическое и даже эмблематическое понимание.

Полные жизни изображения, несущие аллегорический смысл — одна из важнейших примет стациева стиля. О ней нужно помнить и нужно уметь угадывать не всегда явный смысл внешне случайных деталей «Фиваиды». Выше уже шла речь о том, что рассказ Гипсипилы, который кажется совершенно посторонним и не связанным с основным действием, — первый в поэме многозначительный символ торжества Фурий, ведомых возлюбленной Марса — Венерой. В поэме есть еще одна очень важная вставка. Это рассказ Адраста о подвиге Кореба в первой книге (556—665).

Аполлон после убийства Пифона был очищен от его крови Кротопом, дочь которого стала возлюбленной Аполлона и родила сына; убоившись отца, она передала младенца на воспитание пастуху, и младенец был растерзан собаками. Аполлон посылает на Аргос чудище, губящее аргосских младенцев. Его убивает Кореб, за что Аполлон осыпает город тучей губительных стрел. Благочестивый Кореб сам приходит в храм Аполлона и изъявляет готовность своей жизнью спасти Аргос. Аполлон прощает его и прекращает мор.

Внешне рассказ никак не связан с развитием сюжета. Но при его правильном истолковании для нас не будут неожиданностью главные эпизоды поэмы. Младенец, погибший по недосмотру, — Архемор — будет задержкой походу. Безбожный Капаней, убивший погубителя младенца — змея, будет наказан Юпитером. Благочестивый Адраст, чтущий в

день встречи с Полиником и Этеоклом Аполлона, — единственный из вождей, который вернется из похода. Благочестивый Менекей, который добровольно пожертвует собой ради Фив, — спасет родной город. «На достойных взирая рок милосерд», — замечает Адраст, говоря о Коребе (I, 661—662). Но Полиник, вступивший в недостойную распря, — погибнет.

Аналогичную роль — скрепить поэму, дать образу прообраз, действию — предвосхищение — играют у Стация парные сцены: дважды описано поле близ Фив после битвы и поиски убитых близкими — в третьей книге (92—217) и в двенадцатой (22—49); рубка леса для погребальных костров и сами костры — Архемора и Менекея (VI, 84—117, 193—248; XII, 50—70); плач матери Архемора (VI, 139—192) и матери Менекея (X, 792—814) и другие.

Стаций сам формулирует эту особенность своей поэмы, в которой последующее предвосхищается и предварительно может быть усмотрено в предыдущем:

Смертным рок их открыт: ужасно взирать, ибо гибнет
то, что надежда сулит в градущем; случайностью знаки
склонны мы счесть, — так множит судьба погибели силы (VI, 934—937).

Построение поэмы отражает особенность изображаемого в ней мира, полного предвестий, предзнаменований, предсказаний. Они есть в каждой песне, и они еще больше наполняют изображаемые события дополнительным — помимо прямого — смыслом.

Эдип просит Тисифону отменить его сыновьям, — но он сам — отцеубийца, и с упоминания об этом начинается его мольба; он понимает, что боги не хотят ему помочь, поэтому обращается к Тисифоне (I, 65—66, 74—87); но боги именно тени убитого Эдипом Лаия поручают явиться Этеоклу во сне и разжечь его вражду против Полиника. Лаий в сновидении принимает вид прорицателя Тиресия (II, 96), а Тиресий, вызывая души умерших, именно душу Лаия заставляет рассказать об исходе войны (IV, 610 слл.). Один из хулителей Этеокла, занявшего царский престол, вспоминает о том, что уже начало Фив связано с битвой братьев — спартов, родившихся из зубов дракона и побужденных Кадмом ко взаимному убийству («Это ли, это ль не знак, предсказавший потомков далеких?» I, 185), а спасет Фивы от поражения названный прорицателем Тиресием самый юный потомок спартов — Менекей, которого сограждане величают основателем Фив «превыше Кадма» (X, 787). Приход Полиника и Тидея к Адрасту тот истолковал как исполнение пророчества Феба, предсказавшего, что его зятьями станут Лев и Кабан; Адраст сам предлагает героям взять в жены его дочерей (II, 167—172). Именно об этом напоминает отцу Аргия, побуждая его помочь Полинику и собрать поход против Фив (III, 700—703). Свадьбу Полиника и Тидея с Аргией и Деипилой омрачает падение золотого щита с храма Паллады: Аргия уже надела золотое ожерелье Гармонии, и его увидела жена прорицателя Амфиарая (II, 256—267; 299—305), которого Адраст просит узнать у богов о предстоящей войне и который

видит грядущее поражение Аргоса и погибель — свою и пятерых вождей (III, 539—547).

Стаций не забывает всякий раз указать дурные предзнаменования, вопреки которым поступают герои. В четвертой книге (13—15) описано выступление аргосцев:

Названный день наступил. Громовнику вместе с Градивом
грудами жертвы легли; но, знамений добрых не видя,
жрец поблдевал и внушил притворную войску надежду.

В пятой книге Ликург, которого встретило войско, возвращается после жертвоприношения Юпитеру, сокрушаясь «из-за недр разъяренных» (642). В шестой книге (942—946) Адраст последним принимает участие в состязании: пущенная им стрела возвращается и падает рядом с тулом, из которого была извлечена.

Кривотолкуют вожди: одни облаков иль высоких
Нотов набег усмотрели; другим показалось, что крепким
дубом отбита стрела.— Исход небывалый глубоко
спрятан и явлено зло: один лишь вернется из битвы,—
скорбный возврат роковая стрела господину сулила.

Нет необходимости перечислять все предвосхищения, предзнаменования и сцены жертвоприношений в поэме: внимательный глаз быстро привыкает к ним и научается видеть в них важную особенность поэтики Стация, свидетельствующую о его постклассических поэтических установках. Но на сцену вызывания душ умерших в четвертой книге обратим специальное внимание: во времена Стация сцены некромантии воспринимались как обязательная часть эпического произведения.

Вопрошание душ умерших есть уже у Гомера в знаменитой одиннадцатой песни «Одиссеи». Разного рода предзнаменования и предвосхищения есть в «Энеиде» Вергилия, шестая книга которой, соответствующая одиннадцатой песни «Одиссеи», — спуск Энея в подземное царство, — пророчествует о событиях из римской истории вплоть до времен самого Вергилия. Но у Стация поэтика предвосхищений развита чрезвычайно, а его сцены гаданий, и, в частности, некромантия, отражают вкус к этой проблематике, развившийся уже после Вергилия. У Овидия всем памятна колдунья Медея из седьмой книги «Метаморфоз» (180—323); у Сенеки в «Эдипе» Тиресий и Манто гадают по жертвенному огню в присутствии Эдипа (288—401), а потом вызывают души умерших в присутствии Креонта и заставляют тень Лаия назвать его убийцу (530—658); те же Тиресий и Манто у Стация в седьмой книге (406—645) в присутствии Этеокла заставляют тень Лаия предречь исход войны. У Лукана в шестой книге «Фарсалии» — подробное описание фессалийской колдуньи, оживляющей труп и заставляющей его говорить по просьбе Секста, сына Помпея (604—830). В первой книге «Аргонавтики» Валерия Флакка (730—850) также есть сцена вызывания душ умерших (заметим, отсутствующая у Аноллопия Родосского),

как и у Силия Италика в тринадцатой книге «Пунических войн» (404—464).

Выше уже шла речь о том, что Валерий Флакк и Силий Италик легко умещаются в рамки классицистической реакции на «новый стиль» и Лукана. Указанные сцены подтверждают это положение: от Овидия до Лукана возрастал мрачный колорит и нагромождение чудовищных подробностей в сценах некромантии, а Валерий и Силий в своих поэмах возвращаются к Гомеру и Вергилию, подчеркнуто отказываясь от тех средств устремления читателя, которые были найдены и использованы Овидием, Сенекой и Луканом.

Как и всякого большого художника, Стация не так просто уместить в жесткие рамки одной тенденции. Несомненно, колорит его IV песни задан Овидием — Сенекой — Луканом. Но вместе с тем — в отличие от Сенеки и Лукана — у Стация эта стихия ужасного не довлеет себе, но играет в поэме ту же роль, что и фурии по отношению к богам. Заметим, что вопрошание тени Лаия в четвертой книге — отклик на сцену гадания в третей: Амфиарай и Меламп гадают по птицам, и видят битву орлов с лебедями — в «прозрачном просторе» неба. И у Сенеки, и у Лукана стихии ужасного, ненатурального, сверхъестественного ничто не противопоставлено. У Стация эта стихия — одна из сторон трагичного, но знающего миги подлинного просветления мира. Чудовищное компенсируется подлинно человеческим, нечестие — благочестием. Так, в первой книге разъяренному грешнику Эдипу противопоставлен кроткий и благочестивый Адраст; во второй вероломному и трусливому Этеоклу — прямой и отважный Тидей; в десятой безбожнику Капанею противопоставлен чтущий волю богов Менекей; наконец, в двенадцатой Креонту противопоставлен Тесей, благодаря которому в поэме после всех ужасов торжествуют справедливость, долг и милосердие.

Итак, основные устремления Стация при построении поэмы ясны: простая и четкая композиция, осложненная вставными рассказами; в действии поэмы участвуют силы неба и подземного царства: изображенная война затрагивает основы всего миропорядка, и поэтому действие постоянно перемещается с земли то на небо, то под землю; постоянные предвестия и предзнаменования, тщетно остерегающие героев, при построении поэмы находят отражение в намеках, предвосхищениях и повторяющихся сценах, — этот последний момент очень развит у Стация: именно это делает плетение его поэмы таким плотным и позволяет ему крепко связать отдельные части и эпизоды.

Ни одна из указанных особенностей построения не является чем-то необычным для эпической поэзии античности. Но Стаций сознательно и последовательно использует все возможности такого построения; более того: он исчерпывает их и после Гомера и Вергилия создает последнее эпическое произведение античности, которое живет в рамках указанных композиционных приемов. И на этом фоне блистательно проявляется индивидуальное мастерство Стация в изображении характеров, в описаниях и речах.

Выше шла речь о том, что Стаций дает яркие и психологически

верные характеры богов, хотя их образы выполняют совершенно определенные функции в поэме. И при изображении людей четкая функциональная определенность их образов не мешает Стацию лепить характеры, а помогает. Не забудем, что канва всех описанных событий традиционна, и при всей свободе в толковании образов основной рисунок поэмы задан мифом и целым рядом эпических клише. Но как раз фурии и боги, вмешивающиеся в ход событий и направляющие их, в значительной степени освобождают Стацию от сковывающей обязанности при изображении непременно заботиться, чтобы каждый шаг героев продвигал действие поэмы в нужном направлении. Охотно подчиняясь эпической условности, требующей вмешательства в ход поэмы богов и других сверхъестественных сил, Стаций умело пользуется преимуществами, которые дает этот тип условности. Тисифона пробудила в братьях ярость, жребий изгнал Полиника из Фив: действие продвинулось в нужном направлении,— теперь Стаций-художник свободен в изображении характера того же Полиника. И Стаций дает чудное описание противоречивых страстей, бушующих в душе героя:

Тою порой, потеряв — бездомный и гванник — отчизну,
брел Эдиподионид, как вор, аонийским безлюдьем.
Он — на беду! — в душе представлять грядущее царство
начал уже и стонал, что звезды неспешны и долгий
год неподвижен; одна ночами и днями забота
сердцем владеет: когда расстанется с царством ничтожный
брат, а себя, наконец, владыкою мощи фиванской
узрит,— и всю свою жизнь он на этот лишь день променял бы!
То он пенять начинал запоздало на тяжесть изгнания,
то воздымался в нем дух вождя и, гордый, он видел
свергнутым — брата, себя — на престоле; рассудок терзали
страх и надежда, в мечтах беспреставных растратилась радость.
Тут он держать бестрепетный путь к городам инахийским
твердо решил, и к давайским полям, и к покинутым солнцем
мрачным Микенам,— его повела Эриния, видно,
или случайный пути поворот, иль зов неподвижный
Атросос... (I, 312—328).

Для описания душевного состояния Полиника Стаций точно выбирает момент: сразу после изгнания и до решения идти в Аргос. Само решение никак не оправдывается: Стаций чужд дешевой ловкости подгонять решение под заранее известный ответ. Шаг Полиника, имеющий чисто функциональное значение — продвинуть действие в нужном направлении,— объясняется с помощью эринии, случая, рока. Но состояние героя перед этим шагом Стаций описывает достаточно подробно: здесь читатель впервые знакомится с главным героем, который охарактеризован просто, выразительно и убедительно, так, чтобы все последующее поведение героя мы уже твердо соотносили с его характером. Мы узнаем этого Полиника, когда в бурю у него «тягостный страх в душе пробуждает отвагу» (I, 379); мы узнаем его, когда он отвечает

Адрасту, впервые увидевшему будущих зятьев, после Тидея, открыто назвавшего себя:

...«отпрыск
корня великого, я ни отца Ойнея, ни Марса
не посрамлю!» — «И я — ни духом, ни родом не беден...» —
тот возражает ему, но, вспомнив о роке семейном,
медлит имя отца произнести (I, 463—467).

Этот же Полиник соглашается стать супругом Аргии, хотя ему, изгнаннику, «Венера еще не мила» (II, 191). А когда заданный мифом брак состоялся, Стаций снова пользуется возможностью дать характеристику душевного состояния героя (II, 309—321), и нас несколько не удивляет, что — несмотря на твердую решимость идти в Фивы — Полиник соглашается, чтобы к Этеоклу отправился Тидей, причем мы также понимаем, что и решение Тидея совершенно естественно, потому что и его характер уже отчетливо виден по предшествующим речам и отдельным точным замечаниям Стация (I, 451—452: «...Тидей, по порядку первым...»; II, 175—176: «...Тидей, во всяком деянье первый...»). Заметим, что Стаций верно выбирает средства для характеристики героев: он подробно описывает внутреннее состояние Полиника, а Тидею дает больше речей, в которых ярко виден его прямой, открытый и мужественный характер (ср. II, 391—392), или описывает его внешность и свершаемые им подвиги.

В речах и описаниях Стаций так же искусен и изобретателен, как он точен в изображении внутреннего мира. Его любовь к речам опирается не только на усвоенные с детства правила и приемы риторики, но и на тонкое чувство меняющегося по ходу речи состояния героя. С этой точки зрения рассмотрим две речи: Аргии во второй книге (334—352) и Креонта в десятой (690—713). Оба — отговаривают: Аргия — Полиника от похода в Фивы, Креонт — Менекея от намерения принести себя в жертву.

Полиника терзает жажда власти, и он мысленно представляет день своего воцарения в Фивах. Аргия замечает его тревогу и —

...мужа обняв на ложе при первом румянце
бледной Авроры, она: «Куда ты, лукавый, стремишься,
бегство готовишь зачем?» — говорит. — «Любовь замечает
все: я ведь вижу, твое учащает дыханье обиды,
мира не знает твой сон, не однажды лились по лавитам
слезы, и стоны забот прерывала не раз я великих,
длань прижимая к устам».

Аргия обращается к Полинику уже после того, как она многое передунала и, как ей кажется, справилась с первой мыслью — о неверности Полиника или об его старой страсти, которая, может быть, влечет его в Фивы. Поэтому она начинает с вывода: повода для женской ревности нет, значит, нужно понять, что так тревожит мужа; и проникательная Аргия совершенно правильно понимает причину тревоги;

но — едва высказав ее — Аргия, гордая своей проникательностью, хочет, чтобы Полиник поверил в искренность ее участия, а не подумал того, что и ей самой прежде всего пришло в голову:

«Меня не тревожит нисколько мысль о неверности, мысль об измене, о юности вдовой: наша любовь горяча, и еще после свадьбы не стало ложе мое остывать,— твое лишь, любимый, спасенье, верь мне, терзает меня».

И чтобы подтвердить свою способность правильно понять и оценить положение неженских дел, Аргия со всей основательностью показывает неразумность явно задуманного Полиником возвращения в Фивы:

«Ужель, без друзей и оружья требуя царства, из Фив, когда он откажет, ты льститься выскользнуть?— И от кого!— Молва, привыкшая власти избличать, говорит: он горд и счастлив добычей и не выносит тебя; к тому же и год незакончен».

Эта последняя реплика уже свидетельствует о том, что Аргия предполагает нежелание Полиника трезво отнестись к ее доводам и хочет по крайней мере задержать супруга еще на какое-то время; и следом, чтобы усилить свои доводы, возбудить в Полинике тревогу и пробудить осторожность, она говорит ему о дурных предзнаменованиях:

«Карой небесной меня пророки и вещи жертвы, также падение птиц, а также и образ тревожный прежде не гвавший во снах — насколько я помню — Юноны сильно страшат...»

И теперь, когда все средства уже исчерпаны, а Полиник тем не менее не отказывается от своего замысла, она — по-женски непоследовательно — забывает о своем решении не обнаружить упреков ревности перед любимым и любящим супругом и заканчивает тем, с чего мысленно начала и от чего на словах отказалась:

«...Но куда ты спешишь? Иль тайное пламя в Фивы увидит тебя, иль тесть чаилучший»...—

И это последнее и невольно вырвавшееся предположение оказывается самым действенным:

...Улыбки

тут не сдержал эхионец молодой, супруги страданья нежные вознаградил объятием и поцелуи в пору по грустным щекам, удержав от рыдапий, рассыпал.

Речь Креонта уже введена очень эффектно. Менекей, узнав о пророчестве Тиресия (только добровольная смерть самого юного из спартов может спасти Фивы) и решившись на самоубийство, спешит в город:

Он уже к стенам, спеша в задохнувшемся беге, подходит, радуясь, что на пути родителей жалких не встретил;

вдруг — отец, — и оба стоят, безмолвствуют оба,
 долу лавиты склонив. Наконец, изрекает родитель:
 «Что приключилось?..» —

Креонт, неожиданно встретив сына, знает о пророчестве и чувствует, что Менекею об этом тоже известно; он не может решить, с чего начать, и — как часто родители со взрослыми детьми — начинает с бессмысленного, но понятного лукавства и делает вид, будто ничего необычного не произошло:

«Что приключилось? Куда ты уходишь в разгаре сраженья?
 Битвы важнейшие есть? Почто столь взгляды суровы, —
 сын, умоляю, ответь. Почто эта лютая бледность,
 взоры твои почему в отцовы глаза не посмотрят?» —

Все эти строгие вопросы должны показать Менекею, что в любом случае отношения между отцом и сыном остаются прежними и что отец в любом случае вправе рассчитывать на сыновнее послушание. Однако Креонт видит, что Менекей непреклонен, и понимает, что дальше лукавить бессмысленно:

«Ах, ты узнал о пророчестве... — Сын, но, прошу тебя — ради лет и твоих и моих, и во имя сосцов материнских...

Но о чем просить? — Креонт знает Менекея и знает, что если сын решился на жертву, — его не остановить; в таком случае нужно его убедить, что пророк — лжец, пророчество — выдумка и поэтому в жертве нет смысла:

нет, не верь, мой мальчик, жрецу! Да может ли небо старца сего побуждать нечестивого — с ликом незрячим, взором угасшим? — Ведь он, чудовище, так же наказан, как и Эдип!

Для Креонта это сравнение с ослепившим себя нечестивым грешником Эдипом совершенно убедительно; для Менекея, очевидно, нет. И тут Креонту — близкому к престолу и знающему коварство властителей — приходит счастливая мысль, в которую он — впервые искренне — верит сам:

А что если сей силок хитроумный
 выдумал царь? Ему ль не страшна в опасности наша
 знатность, а также твоя над вождями стоящая доблесть?
 Речи — его, может быть, а мы-то их божьими числим!
 Он научил! —

Ну, конечно, Этеокл опасается соперника и с помощью Тиресия решает избавиться от него, — в этом нет сомнения; это настолько убедительно, что в дальнейшей аргументации нет необходимости. Поэтому теперь

важно только одно: не дать Менекею принять поспешное решение:

Натяни поводья горячего духа,
остановись, помедли хоть миг: порыв не бывает
добрым слугою. Молю, послушайся и не упорствуй!
Зрелость пускай и твои виски сединою пометит,
станешь родителем сам и тогда, мой храбрец, испытаешь
этот же страх...—

Когда отец признается сыну — как равному — в своей муке,— это не может не подействовать; поэтому теперь уместно и решительное требование, теперь можно прямо заявить об отцовских правах:

Так не дай моему сиротствовать дому!
Что же? Тревожат тебя и другие отцы, и чужие
родичи?— Но постыдись: над своими сжался сначала!
Здесь благочестие, здесь почитительность, там же — лишь слава,
и легковесная честь, и хвалы — пустые для мертвых.

Но последнее может вызвать обратную реакцию: это слишком обычно, отцов всегда жизнь детей и их безопасность тревожит больше соображений долга, чести,— а это для благородного юноши невыносимо; нужно сказать, что это не так, что и его, Креонта, прежде всего заботят Фивы, а не безопасность сына:

И не как робкий отец не пускаю: вмешайся в сраженье,
к ратям данайским ступай и в гущу мечей устремляйся,—
я не держу,— я готов омывать ужасные раны
или кровавый поток осушать, несчастный, слезами,
спова и снова тебя отправлять в жестокую сечу.
Это полезней для Фив...»—

Креонт невольно вернулся к тому же лукавству, с которого начал, но убедил он только себя, и Менекею уже без труда удается отвлечь отца, ставшего на его пути: раз Креонт готов к тому, что его сыновьям угрожают раны в сражении,— пусть он озаботится судьбой истекающего кровью Гемона; так Менекей обманывает отца его же уловкой.

Такой тонкий психологизм кажется почти невозможным в античности. Таких речей мы не найдем ни у Вергилия, ни у Лукана. И ни у кого из эпиков мы не найдем героев, которые бы вызывали такое искреннее сочувствие и сострадание, какое вызывают герои Стация. Исключения составляют разве не многие сцены у Гомера и Дидона Вергилия. Но страсть Дидоны изображена у Вергилия скорее эффектно, чем глубоко и тонко: Дидона скорее впечатляет, чем вызывает сочувствие. А у Стация даже внешние, незначительные и не рассчитанные на эффект эпизоды вызывают живой отклик: мы понимаем, что происходит в душе героя. Адраст впервые разглядел пришельцев: он увидел, что на одном — шкура льва, а на другом — кабан, и вспомнил мучительно неясное пророчество, согласно которому его зятьями станут лев с кабаном:

Пронзенный великим

знаменем, старец молчал, реченья небесные Феба
сразу признав и вещей пещер наставления вспомнив;
замер взгляд, застыло лицо, счастливый по членам
трепет прошел — он ясно постиг: ввели к нему боги
тех, кого Аполлон, прорицатель, плетущий загадки,
выбрал ему в зятя, обманчивым ликом зверивым
их наградив. И вот, воздев к светилам ладони,
Ночь,— промолвил... (I, 490—498)

Того же Адраста Аргия умоляет помочь Полинику и вместе с тем понимает, что война разлучит их и, может быть,— навеки:

«...горе, но, милый отец, как бы снова просить не пришлось мне!»
Дочери губы лова на лице увлажненном, родитель:
«Нет, родная, тебя не виню я за жалобы эти,—
страхи отбрось, ты вправе просить и не ведать отказа,
Так; но сильный...— нет, ты не теряй возделенной надежды —
Сильный пред богом страх и царства летучее бремя душу
тревожат мою...» (III, 710—716)

И тревога в душе Адраста, и треволения Аргии описаны в расчете на понимание и отклик читателя, точно так же, как тревога Аталанты, которая не может удержаться от похода юного Партенопоя, несправедливо обойденного в беге, но в повторном состязании заслужившего награду (VI, 606—645); и слова, которые он перед смертью просит передать матери (IX, 877—907); как беспокойство Исмены и ее короткий, но чудный рассказ о встревожившем сне (VIII, 606—635), из которого сразу видна вся она, более сдержанная и кроткая, чем Антигона, и проявляющая свое горе в одиноких рыданиях и решимости, побудившей ее покончить с собой вслед за матерью (XI, 642—647). Но эти герои и сами по себе могут вызвать симпатию, чего не скажешь об Этеокле, а между тем, его душевное состояние Стаций описывает с блеском, вызывающим живой эмоциональный отклик: так «похоже» воспроизведена речь или описано состояние. Вот Этеокл ожидает посланных убить Тидея (III, 1—32), вот он говорит перед союзными войсками до сражения (VII, 374—392), а вот — после успешной битвы (X, 20—36); вот свершает жертвоприношения и выслушивает вестника, принесшего вызов Полиника, слушает приближенных, Крента, мать (XI, 205—353), — движения души этого явно немилого Стацию персонажа изображены с непосредственно ощущаемой достоверностью.

Речи героев и описания их облика и внутреннего состояния дополняются блестящими описаниями битв и состязаний. В описаниях битв Стаций традиционен и умел: того, кто плохо помнит Гомера и Вергилия, они, пожалуй, поразят обилием натуралистических подробностей и жестокостью; но тот, у кого свежи в памяти бои у Гомера, Вергилия, а также Лукана, поразит скорее увлеченность и изобретательность, с какой Стаций подчиняется предложенным правилам игры. Сам герой для него интересней, но битвы — точно так же, как и традиционное описание

отрядов как аргосцев, так и фиванцев — дают ему повод проявить ученость и профессионализм. Зато в описании игр Стадий, бесспорно, веселился, зная, что вступает в спор с лучшими стихами и Гомера, и Вергилия, и чувствуя, что в этом споре он станет по меньшей мере вровень с сильнейшим.

У Гомера в XXIII песни «Илиады» описаны состязания колесниц, кулачный бой, борьба, бег, бой с оружием, метание диска, стрельба из лука и метание копья. У Вергилия — состязание гребцов, бег, кулачный бой, стрельба из лука, состязание конников. В «Фиваиде» — состязание колесниц, бег, метание диска, кулачный бой, борьба, бой с оружием, стрельба из лука. Вергилий близко следует Гомеру в описании бега (у Гомера Аякс оступился, угодив в свежий навоз, у Вергилия поскользнулся в жертвенной крови Нис) и стрельбы из лука (у обоих цель стрельбы — голубка, привязанная к мачте). Стадий отказывается от изображения состязания в стрельбе из лука (единственный выстрел делает Адраст), но вслед Вергилию полет стрелы у него оказывается предзнаменованием; и состязание в беге построено у него не так как у Гомера и Вергилия; в отличие от Гомера Стадий не изображает и боя с оружием, но подобно Гомеру, у которого Ахилл не допускает состязания в метании копья, а отдает награду предводителю ахейцев Агамемнону, у Стадия Адраст не допускает вооруженной битвы, но присуждает награду Полинику, ради которого затеян поход. Подобно Гомеру, начиная состязания колесничным бегом, Стадий использует ряд гомеровских моделей (у Гомера Нестор наставляет Антилоха, у Стадия — Адмет Полиника; Афина помогает Диомеду, Аполлон — Амфиарая; Адмет и Полиник повергаются с колесницы) и отдельных выражений, но в целом его картина подробней и не зависит от гомеровской. И между тем, начало бега Стадий сравнивает с падением звезд, опираясь на Вергилия, сравнение с градом, дождем — также у Вергилия, и Адмет — подобно Клоанту у Вергилия — получает вышитое пурпурное облачение. Также описание бега Стадий строит в целом самостоятельно, но подобно Одиссею, молившему Афи́ну, Диану умоляет помочь Партенопей, который — подобно Эвриалу — самый юный и прекрасный в войске. У всех трех поэтов сходно описаны пары бегущих рядом:

Так Одиссей за Аяксом близко бежал; беспрестанно
Следом в следы ударял он, прежде чем прах с них ссыпался,
И дыханье свое изливал на главу Оилида,
Быстро и ровно бежа... (Гомер. «Илиада», XXIII, 763—766);

За Эвриалом — Гелим; за его спиною вплотную
мчится проворный Диор, наступая Гелиму на пятки,
тяжко дыша у него над плечом... (Вергилий. «Энеида», V, 323—325);

Ветра быстрее меж тем убегает от взоров менальский
мальчик; бегущий вторым, с ним рядом — Ид возмужалый
разгоряченным плечо обжигает дыханьем и тенью
спицу теснит... (Стадий. «Фиваида», VI, 602—605).

Не продолжая сопоставления, отметим эту последнюю деталь: сохранив при описании бега найденное Гомером и воспроизведенное Вергилием («разгоряченным плечо обжигает дыханьем»), Стаций вводит еще одну деталь («тенью сплуну теснит») и тем сразу делает картину более яркой и рельефной. Мы не знаем, освещало ли солнце бегунов у Гомера, хотя Гомер как обычно отмечает наступление утра дня состязаний (XXIII, 227); и Вергилий отмечает, что в назначенный для состязания день «выезжает, ясным светом горя, на конях Фаэтона Аврора» (V, 105), однако и он, описывая бег, не следит за солнцем; Стаций же не забывает, что после того, как «на заре зарумянились пашни» (VI, 261), за то время, пока собрались зрители, приносили жертвы, состязались колесницы, наступил день, и солнце освещало бегущих.

Отталкиваясь от этого примера (и не пытаясь в подробностях проследить все параллели к описанию состязаний у Стация, тем более, что наиболее важные из них приведены в комментариях), укажем на одну из главных особенностей поэтики «Фиваиды». Перед латинским писателем, опирающимся на долгую традицию как греческой, так и латинской литературы, при создании собственного произведения стояли две главные задачи: подражание лучшим образцам (*imitatio*) и соперничество с образцовыми поэтами (*aemulatio*). Теорию *imitatio* разрабатывает Квинтилиан в X книге «Наставлений оратору». Квинтилиан формулирует ее в значительной степени для того, чтобы обосновать точку зрения, противоположную той, которая была у представителей «нового стиля», охарактеризованного Квинтилианом так: «не весомость, а напыщенность, не краткость, а сухость, не энергия, а безрассудство, не блеск, а извращение, — они восторгаются сложным и презирают простое» (X, 2, 16). Защищая подражание другим, Квинтилиан прекрасно понимает, что оно продуктивно только в том случае, если подражатель умеет отобрать лучшее и превзойти предшественников. У Квинтилиана и Стация были разные вкусы: для первого были неприемлемы Сенека и Лукан, Стаций им многим обязан. Но чувство, руководившее Стацием в его отношении к Сенеке и Лукану, опиралось на то же бережное отношение к традиции, которое побудило его идти вслед Гомеру и Вергилию. Стаций пользуется достижениями антиклассической традиции так же, как вмещает все богатства классической. Это делает его стиль более острым, пряным, и его соперничество с классиками приобретает ту почву, которой нет у простодушных отрицателей антиклассической литературы — Валерия Флакка и Силия Италика. По сравнению с ними стациево подражание классике оказывается более основательным, последовательным и продуктивным потому, что он сумел преодолеть, а не просто отверг антиклассическую тенденцию и сохранил при этом все ее достижения.

В наше время мы признаем, что кумулятивность свойственна науке (в том числе и гуманитарной): бессмысленно начинать любое научное изыскание, не опираясь на уже достигнутое; искусству в гораздо большей степени свойствен поиск нового: не столько опереться на достигнутое, сколько оттолкнуться от него. Античная поэзия и, в частности, Стаций дает высокие образцы кумулятивности искусства: все лучшее отби-

рается, сохраняется, культивируется и — насколько возможно — улучшается. Поэтому создание нового произведения возможно только при совершенном владении тем, что уже достигнуто. До Стация о походе семерых против Фив — помимо киклических поэтов — эпические поэмы писали греки Антимах Колофонский (V в.), Антагор Родосский (III в.), некий Менелай, латинские поэты Понтик, Линкей — сохранились фрагменты Антимаха и свидетельства о прочих авторах; до нас дошли связанные с этой темой трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида, а из римских драматургов — фрагменты из Акция и трагедии Сенеки «Эдип» и «Финикиянки»; и, конечно, эта тема излагалась у мифографов. При этом нужно заметить, что перед Стацием был не сырой материал, а в большинстве случаев — законченные произведения со своей физиономией и своим взглядом на тему и основные образы. При таком обилии нужно было не просто выбирать, а сознательно и концептуально строить сюжет поэмы, и выше шла речь о том, какой поворот вечной темы братоубийственной войны был для Стация и современным, и пригодным для создания бессмертной поэмы.

Тема «поход семерых против Фив» предполагала основные образы и эпизоды, которые в свою очередь соотносились с аналогичными образами и эпизодами других произведений. Такова, например, знаменитая «тейхоскопия» — смотр войск с городской стены: вестник перечисляет отряды аргосцев Этеоклу в трагедии «Семеро против Фив» Эсхила; у Еврипида в «Финикиянках» дядька перечисляет Антигоне отряды аргосцев; у Стация Форбант (дядька) перечисляет Антигоне отряды, защищающие Фивы; прообраз — Елена, называющая Приаму ахейских героев («Илиада», книга третья). Эпический стиль в свою очередь предполагал ряд обязательных элементов поэмы, в частности, описание рукотворных предметов и сооружений, а также сравнения. Тут Стаций также достигает совершенства. Знаменитый щит Ахилла у Гомера дал повод Вергилию изобразить щит Энея; Стаций сознательно избегает такого подробного и развернутого описания чье-либо щита, но у него описаны щиты Гипномедонта (IV, 166—172), Кренея (IX, 331—338), Тесея (XII, 665—676), дворцы Марса и Сна, чаша Даная (I, 541—555), ожерелье Гармонии (II, 272—278), кратер Геркулеса (V, 530—539) и другие прекрасные предметы. Но, сохраняя этот традиционный элемент эпоса, Стаций демонстрирует всю свою поэтическую силу и опыт блестяще усвоенной им постклассической поэзии. Сравним, как описано похищение Ганимеда у Вергилия («Энеида», V, 252—257) и Стация (I, 541—555). У Вергилия — изображение на плаще, который получил Клоант в награду за победу в состязании кораблей:

Царственный отрок на нем по рощам Иды тенистой
гнал, потрясая копьем, быстроногих оленей проворно,—
словно живой, он дышал тяжело,— но, когтями вцепившись,
спутник Юпитера вдруг вознес его в поднебесье,—
тщётно руки к нему воспитатели старые тянут,
своры яростный лай понапрасну ветер разнесит.

У Стация Ганимед изображен на чаше Даная:

Там — фригийский ловец летит на крылах золотистых:
он — возносится, вниз удаляются Гаргары, Троя,
спутники в горе стоят, собаки тщетным рычаньем
пасть изнуряют, и тень догоняют, и лают на тучи.

У Вергилия — почти рассказ (или — два разных изображения); у Стация — действительно одно застывшее изображение, причем с необычной точки зрения, эффектной и последовательно проведенной: при общем виде сверху на переднем плане — орел, несущий Ганимеда, на земле — маленькие (уменьшающиеся) спутники, собаки и тень от улетающих. Традиционные эпические элементы становятся у Стация поводом продемонстрировать технику экфрасиса — одного из упражнений в риторских школах: описание предметов с одной точки зрения и при их обходе, описание картин повлияли уже на Овидия; эта техника воспитывала умение выхватывать и останавливать наиболее эффектное и неожиданное мгновение. Вспомним, как Овидий описывает гибель Икара: он фиксирует то мгновение, когда раскрытые в крике уста юноши наполовину захлестнула волна («Метаморфозы», VIII, 229—230). Такого же рода остановленными мгновениями полны и описания Стация, которые, однако, наиболее выразительны тогда, когда видно, как поэт строит их в сопоставлении — противопоставлении с классическими образцами. Приведенное описание похищения Ганимеда — пример такого подражания-соревнования.

Сходным образом обстоит дело и со сравнениями. Этот традиционный элемент эпоса Стаций так же применяет и для сохранения структуры эпического текста, одним из измерений которого являются сравнения, и для того, чтобы продемонстрировать свою самостоятельность и свободу в пределах традиционного приема. Покажем это на примере сравнения, которое Стаций заимствует из Гомера («Илиада», XXI, 22—26):

Словно дельфина огромного рыбы всполохась
И бежа от него в безопасные глубы залива,
Кроются робкие: всех он глотает, какую ни схватит,—
Так от Нелида трояне в ужасном потоке Скамандра
Крылись под кручей берегов.

В «Фиваиде» это сравнение также введено при изображении речной битвы; как у Гомера — Ахилл, так у Стация с дельфином сравнивается Гиппомедонт (IX, 242—247):

Так под певной волной голубыми рыбешками ужас
овладевает, едва дельфина, в запретные глубы
рвущегося, узревают они: вся в ямины стая
скрыться спешит и в зеленой траве сбивается в страхе,
а покидает приют, когда, изогнувшись, над гладью
вновь он мелькнет, предпочтя с кораблем показавшимся спорить.

Сравнение у Гомера строго функционально. У Стация оно — скорее повод для контраста: чудовищной картине речного боя противопоставлено

дивное изображение играющего дельфина (в отличие от хищного дельфина Гомера). Прием развитого сравнения, детали которого имеют самодовлеющее значение и непосредственно не связаны с действием, Гомер знает. Но Стадий применяет его гораздо шире и часто — как повод для соревнования с Гомером. Традиционный прием для Стадия — повод продемонстрировать искусство поэтической нюансировки. У него свыше 15 сравнений с бушующим морем (см. I, 479 и примеч.), почти столько же с кораблями, застигнутыми бурей (см. I, 193 и примеч.), свыше десяти сравнений с быками (см. I, 131 и примеч.), — и ни одно сравнение не повторяется. Последнее из названных сравнений восходит к Гомеру. В «Илиаде» (XIII, 703—708) два Аякса сравниваются с запряженными волами, которые дружно тянут плуг. В «Фиваиде» (I, 131—136) Стадий имеет в виду именно этот текст из Гомера, но использует данное сравнение для Этеокла и Полиника: в отличие от Гомера бычки «прочь друг от друга бегут, совместно силою упряжь рвут и, нарушив ряды, между неровно выводят». Стадий часто использует элементы чужого текста не буквально, но вместе с тем так, чтобы оригинал можно было угадать. Например, у Гомера («Одиссея», XIII, 28 слл.) Одиссей ожидает скорейшего захода солнца, а у Стадия, явно опиравшегося на Гомера, Этеокл торопит его восход (III, 31—32).

В этой статье нет ни возможности, ни надобности перечислять все многочисленные параллели с Гомером, Еврипидом, Лукрецием, Вергилием, Овидием, Сенекой, Луканом и множеством иных, — значительное их число (насколько это было полезно для понимания русского текста) указано в примечаниях. Иногда эти параллели неожиданны, как, например, почти буквальная цитата из платоновского «Хармида» (154d) при описании Стадием красавца Партенопоя (VI, 569—573):

Ждали его, и оп, наконец, меж голпоку летучим
пагом мелькнув, разомкнул хламиды злато витое.
Тело его блеснуло, и вся обнаружилась прелесть
членов: и развитость плеч, и персей не меньшая гладкость,
чем у ланит,— и лицо померкло в сравнении с целым.

Точно так же у Платона один из поклонников благородного юноши Хармида говорит Сократу, что если красавца Хармида раздеть, красота тела в целом затмит красоту лица. Но всегда у Стадия эти параллели, цитаты, аллюзии — не просто демонстрация эрудиции, а свидетельство живой учености подлинного поэта и — одна из особенностей поэтики «Фиваиды».

Мы знаем это свойство гениальной переимчивости у Пушкина, заимствовавшего у Байрона самую форму романа в стихах и перелагавшего в «Евгении Онегине» строчки и строфы из «Беппо» (на которого Пушкин прямо указывает в 49 строфе 1 главы: «...услышу вап волшебный глас! Он свят для впуков Аполлона; но гордой лире Альбиона он мне знаком, он мне родной»), «Чайльд Гарольда» и «Дон Жуана», не говоря уже о множестве случайных — по ходу дела — аллюзиях и реминисценциях, в том числе из русских поэтов, читая которых, как известно, Пушкин

сознательно выбирал из них и буквально заимствовал удачные выражения и целые строки.

Как и всякое великое произведение античности, средневековья и Возрождения, «Фиваида» Стация в такой же степени представляет собой создание сильного и яркого природного дарования, как и свидетельство разносторонней и живой учености. Элементарной поэтической чуткости достаточно для того, чтобы оценить дарование Стация и увлечься его поэмой; но чтобы ею наслаждаться, нужна хотя бы элементарная приобщенность к той культуре, которая была питательной почвой для Стация, блистательным памятником которой стала «Фиваида» и могла стать незавершенная «Ахиллеида». Эта культура вплоть до XVII в. была живой, — и в течение всего этого времени Стация во всяком случае почитали, более того — любили и понимали; потом — перестали почитать, разучились любить и решили, что можно и не почитать.

Для этого было множество причин. Одна из важнейших — развивающееся национальное самосознание европейских народов, которое провоцировало подчеркнутый интерес к своему национальному прошлому и развитие национальных литератур; оно же последовательно привело к тому, что новое чувство общеевропейского самосознания формировалось — в отличие от эпохи Возрождения — не в обращении к античным истокам Европы и систематическом освоении античного наследия (это стало уделом классической филологии), а в осмыслении своего собственного новоевропейского опыта экономического, политического и культурного строительства и духовного самоопределения. Этот уже богатый, но неизбежно ограниченный опыт все более утверждал в мысли о драгоценности индивидуального самовыражения: ведущей формой утверждения личности — в том числе личности художника — становится ее самоутверждение. Иерархия традиционных ценностей, существовавшая в Европе вплоть до XVII в., распадается, и главным мерилom в оценке художественных достижений прошлых эпох становятся предрассудки сегодняшнего вкуса и политическая ориентация. Но если споры о Гомере и Вергилии, например, оказались одним из событий в становлении новоевропейского самосознания (вспомним хотя бы суждения Вольтера о Вергилии и долгую историю «гомеровского вопроса», возникшего в конце XVIII в. и решаемого по сей день), то Стаций, вплоть до XVII в. занимавший свое законное место в иерархии великих поэтов, оказался маргинальной фигурой. Однако конъюнктурные соображения любого рода подобно диктату моды пикогда не дают твердой уверенности в оценке поэта. Для такой оценки нужен богатый опыт личности, самостоятельно вглядывающейся в свое культурное прошлое. А этот опыт свидетельствует, что «гений» — характеристика души художника, его (по слову Платона), «воспитания и образа жизни», а не его взглядов, политических убеждений, роли в истории. И для того, чтобы узнать и назвать гения, нужен не холодный и придирчивый расчет, а открытость и легкость пушкинского Моцарта.

ПРИМЕЧАНИЯ

Оксфордский издатель поэм Стация так начинает свое предисловие: «Рукописей „Фиваиды“ столь много, что справедливо предположить: у Стация было больше переписчиков в Средние века, чем читателей в наши дни» (P. Papini Stati Thebais et Achilleis. *Recognovit brevis adnotatione instruxit* H. W. Garrod. Oxonii, 1906. P. V). Выше ста тридцати рукописей учено издателями и исследователями. Все рукописи распадаются на два класса: один класс представляет codex Parisinus 8051 (Puteanus), составленный в конце IX в. и восходящий к некоему более раннему codex Iuliani, каковой Юлиан, вероятно, был современником автора знаменитых «Начал грамматики» Присциана (VI в.); другой класс рукописей восходит к тексту, который, видимо, был в распоряжении епископа Вены, латинского поэта Алкима Авита (конец V — начало VI в.). Оба класса восходят к архетипу IV—V вв. Помимо рукописей «Фиваиды» для установления ее текста важны комментарии к ней Лактанция Плацида (вероятно, вторая половина V в.) и цитаты из Стация у Немесиана (вторая половина III в.), Авсония (ум. ок. 395), Клавдиана (конец IV — начало V в.), Сидония Аполлинария (ок. 430—479), Драконтия (конец V в.). Эти свидетельства к первым шести книгам «Фиваиды» собраны в незавершенном издании О. Мюллера (P. Papinii Statii Thebais. Ed. O. Müller. Vol. I. Lpz., 1870), а также приведены в издании, по которому выполнен перевод: P. Papinii Statii Thebais. Ed. A. Klotz. Ed. correctiorem curavit Th. C. Klünnert. Lipsiae, 1973 (первое издание текста А. Клотца — Лейпциг, 1908); в этом же издании пометки латинский текст стихотворного изложения «Фиваиды» перевод которого дан в «Дополнении». Незначительные отклонения от текста, принятого Т. Клиннертом, опираются на аппарат его издания и специально не оговариваются. При составлении настоящих примечаний, а также вступительной статьи были использованы следующие издания и исследования: Thebais P. Papinii Statii cum varietate lectionum et selectis variorum adnotationibus quibus suas addiderunt J. A. Amar et N. E. Lemaire // P. Papinii Statii Quae extant omnia opera. P., 1825—1827. Vol. 2—3; In opera P. Papinii Statii cum testimoniis, recensu codicum et notitia litteraria Index universus rerum, nominum et vocabulorum quem plane confecit et disposuit N. E. Lemaire // Ibidem. P., 1830. Vol. 4; Ruediger G. Quibuscum viris fuerit Statio poetae usus consuetudo familiaritas. Marburgi, 1877 (Diss.); Helm R. De P. Papinii Statii Thebaid. Berolini, 1892; Fortgens H. W. P. Papinii Statii de Opheltis funere carmen epicum. Zutphen, 1934. Theb. lib. VI. 1—295; Schetter W. Untersuchungen zur epischen Kunst des Statius. Wiesbaden, 1960; Snijder H. P. Papinius Statius Thebaid. A Comment. on book 3. Amsterdam, 1968; Klünnert Th. Capaneus — Hippomedon. Heidelberg, 1970 (Diss.); P. Papini Stati Thebaidos liber XI a cura di P. Venini. Firenze, 1970; Thebaid I—III translated by J. B. Poynton. Oxford, 1971; Juhnke H. Homerisches in römischer Epik flavischer Zeit. München, 1972; P. Papini Stati Thebaidos liber decimus ed. with a commentary by R. D. Williams. Leiden, 1972; Håkanson L. Statius Thebais. Lund, 1973; Vessey D. Statius and the Thebaid. L., 1973. Помимо этого для примечаний использованы комментарии: Lactantii Placidi qui dicitur commentarios in Statii Thebaida... recensuit R. Jahnke. Lipsiae, 1898.

Квадратными скобками в тексте поэмы отмечены стихи, заподозренные рядом издателей в неподлинности. Курсивом в примечаниях выделены слова, внесенные в аннотированный указатель.

КНИГА ПЕРВАЯ

¹ *Братоубийственный бой, и власти черед...*— борьба Этеокла и Полиника, договорившихся править Фивами каждый по году.

² *...лютой ненавистью...*— приведшей к братоубийству; *...Фивы преступные...*— Стаций неоднократно подчеркивает, что история Фив от их основания отмечена преступлениями. См. I, 7—8, 184—185, 227—241; II, 289—296 и мн. др.; см. также статью в наст. изд.

⁵⁻⁶ *...сидонский увод...*— похищение Юпитером, принявшим образ быка, сидонской (финикийской) царевны Европы; *...агенорова приказанья неумолимый закон...*— Агенор приказал Кадму отправиться на поиски сестры Европы и не возвращаться, пока не найдет ее.

⁷ *...страх пред Марсом сокрытым пахаря...*— По указанию оракула Кадм в поисках Европы прибыл туда, где впоследствии были возведены Фивы; убив посвященного Марсу дракона, он посеял в землю его зубы; из них выросли спарты («посеянные») — мужи в полном вооружении; испугавшись появившихся из земли воинов, Кадм стал бросать в них камни; они же, обратив свой гнев друг против друга, погибли за исключением пятерых, в том числе Эхиона, ставшего мужем дочери Кадма Агавы.

¹⁰ *...в стены сойтись повелев Амфион тирийским вершинам...*— Амфион игрой на лире заставил каменные глыбы окрестных гор сдвинуться с места и образовать стену вокруг Фив; *...тирийским...*— фиванским, поскольку Кадм пришел из Финикии, крупнейшие города которой Тир и Сидон.

¹¹ *...ярость к родным жилищам у Вакха...*— за то, что Пенфей не признал его богом; мать Пенфея, Агава, и мать Вакха, Семела, были родными сестрами.

¹²⁻¹⁴ *...в чем состоит юнонина кознь...*— Когда влюбленный Юпитер обещал Семеле исполнить любое ее желание, она, наученная Юноной, попросила, чтобы он явился к ней в том обличе, в каком он является к Юноне. Когда же Юпитер предстал перед ней на колеснице в громах и молниях, Семела была спалена ими, а шестимесячный плод Юпитер занзил в свое бедро, доносил его, в срок родил Вакха и передал его Гермесу, а тот отдал на воспитание Ино и Афаманту, которых Юнона за это поразила безумием. Афамант убил своего старшего сына, прижав его за оленя, а Ино бросила младшего в сосуд с кипящей водой, а затем с трупом ребенка бросилась в Ионийское море; она была обращена в морское божество и приняла имя Левкотей, а младенец Меликерт — имя Палемон (ср. Овидий. «Метаморфозы», IV, 416 слл.). В честь Меликерта, труп которого был вынесен из моря дельфином, коринфским царем Сизифом были учреждены Истмийские игры (см. Аполлодор. «Мифологическая библиотека», I, 9, 1—2; III, 4, 3).

¹⁸ *...петь италийских значков триумфы...*— Избрав темой «эдиписа дома бесчинство», Стаций, обращаясь к императору Домициану, с подчеркнутым смиренным признанием, что он не дерзает воспеть ни победы Домициана над северными народами («в битвах арктийских»), сарматами и каттами, живущими за Рейном (83 г.); ни над даками, обитавшими в Карпатах и на Дунае (Истре), поход против которых Домициан возглавлял лично и с которыми был заключен мирный договор в 89 г.

²¹ *...бойцу, что отведал от Юпитера...*— Имеются в виду события 69 г., когда Вителлий осадил и сокрушил сторонников Веспасиана, укрепившихся на Капитолии; среди осажденных был восемнадцатилетний Домициан, которому удалось бежать; во время осады сгорел храм Юпитера Сильвейшего и Величайшего; в дальнейшем сторонники Веспасиана захватили Рим. Став императором, Домициан воздвиг на Капитолии храм Юпитеру Стражу. См. Тацит. «История», III, 69—85.

²⁴⁻³¹ *Пусть все потеснятся области звезд...*— Смысл: несмотря на то, что звезды во всех четырех частях света готовы уступить место Домициану, Стаций просит его остаться властелином земли; *...часть лучезарная...*— восток; *...часть Борейя...*— север; *...Плэяд...*— запад; *...та, что молний не знает...*— юг; *...огнепогих коней усмиритель...*— Фоб — Аполлон; *...изгиб...* лучистый...— дневной путь солнца; можно предположить, что традиционно преувеличенное и прямое обожествление императора Стаций дает в ироническом тоне.

³³⁻⁴⁰ *...настрою кифару и вспомню...*— Стаций перечисляет основные эпизоды, ставшие содержанием последующих песен; *...мятежное пламя...*— См. XII, 420—436:

Аргия и Антигоа положили труп Полиника в погребальный костер Этеокла, отказавшийся принять тело изгнанника, поскольку братья даже по смерти не примирились друг с другом; ...погребенья лишены трупы... — там же (XII, 94—103) Стаций излагает, как Креопт, пришедший к власти в Фивах после Этеокла, запретил хоронить трупы аргивян, воевавших на стороне Полиника.

⁴² ...как пророк лавроносный низвергся? — прорицатель Амфиарай, поглощенный расступившейся землей вместе с колесницей (Ср. VII, 794—823); ...лавроносный... — лавр — атрибут жреца Аполлона.

⁴³ ...прогнавший в бою враждебные токи... — Гиппомедонт, бившийся с Исменом. См. IX, 315—539.

⁴⁴ ...печальная битва аркадца... — юного Партенопоя. Ср. IX, 736—907.

⁴⁵ ...по-иному чудовищный... — Безбожник Капаней, идущий приступом на фиванские стены, был сокрушен перуном Юпитера. Ср. X, 827—939.

⁴⁶ ...в продолжительной смерти... — описание слепоты; ср.: I, 77; IV, 614 сл.; XI, 582, 696 сл.

⁶⁰⁻⁶² *Ежели я заслужил...* — Царю Лайю было предсказано, что он будет убит своим сыном; поэтому, когда родился Эдип, он, пронзив ему лодыжки, приказал бросить его на горе Киферон. У Стация Эдип был спасен Тисифоной, и именно ее он просит (I, 74—81) отомстить своим детям, изгнавшим его из Фив.

⁶²⁻⁸⁷ ...достигши киррейского тока возле двурогой горы... — Эдип, воспитанный Полибом, приходит к оракулу Аполлона в Кирре под горой Парнас, разделенной на две вершины, Геликон и Киферон; затем он в пути встречается с престарелым царем, своим отцом Лаием, и убивает его; придя в Фивы и разгадав загадку Сфинги, Эдип становится царем и женится на своей матери; узнав страшную правду, он ослепляет себя; ...персты отступавшие... — смысл образа: даже персты, которыми Эдип хотел выколоть себе глаза, отступали перед чудовищным деянием; оскорбленный сыновьями, Эдип предлагает Тисифоне диадему, которую когда-то сорвал с убитого им Лаия, и просит ее разжечь в сыновьях взаимную ненависть (85—87); ...мольбою отца возгорелась, ставь меж братьев... — Ср. слова Эдипа у Сенеки («Финикиянки», 333 сл.).

⁸⁸⁻⁸⁹ ...к нему богиня жестокая грозный лик обращает... — Ср. описание Тисифоны, вынявшей призывы Эдипа, с ее описанием в XI, 69—74.

⁹¹ ...змеям позволив лизать дышавшие серою волны... — У фурий вместо волос на голове — живые змеи. Ср. I, 103—104.

¹⁰¹ ...ей ведем сей путь... — Ср. I, 228—230.

¹⁰⁰ ...от атракийских затмься заклинаний... — атракийских, т. е. фессалийских; блеск в глазах летящей Тисифоны Стаций сравнивает со светом луны, низведенной заклинаниями фессалийских колдуний; Фессалия считалась областью, где более всего процветало колдовское искусство; ср. «атракийский яд» у Валерия Флакка («Аргонавтика», VI, 447).

¹¹⁰ ...голубые завязки... — Тисифону обвивали змеи. Ср. XI, 66, 173; Вергилий. «Энеида», VII, 346: «...Вырвав змею из волос...» (Пер. С. А. Ошерова).

¹¹⁵⁻¹²² ...пронзительный свист удвоила свистом... — Ср. XI, 67 слл. и близкое описание у Вергилия («Энеида», VII, 513 слл.).

¹¹⁶ ...Агейского моря... — омывающего Ахайю, область Пелопоннеса.

¹²¹⁻¹²² *Мать, издою сдержив крутолобого в море дельфина...* — имеется в виду Левкотей и ее сын Палемон.

¹²⁴ ...напитала едва привычно тьмою пенаты... — внесла в царский дворец раздор и ярость, которые уже много раз были причиной совершенных в роде Кадым преступлений. Ср. I, 126 («наследственный гнев»), а также у Сенеки («Фиест», 28 слл.): «...пусть... в ослепленных бешенством сердцах не гаснет гнев, и неизбывный гнев придет ко внукам...» (Пер. С. А. Ошерова).

¹³¹⁻¹³⁶ *Так, если пазарь, бычков...* — Сравнения подобного рода часты у Стация. Ср. II, 323 слл.; III, 330 слл.; IV, 69 слл.; V, 330 слл.; VI, 186 слл., 864 слл.; VII, 436 слл.; IX, 82 слл., 115 слл.; X, 511 слл.; XI, 251 слл.; XII, 169 слл., 601 слл.; ср. также Лукреций. «О природе вещей», II, 352 слл.; Гомер. «Илиада», XIII, 701 слл., 707 сл.; «Одиссея», XIII, 31 слл..

¹⁴⁴⁻¹⁵⁰ *А ведь тогда потолок не желтел еще золотом плотным...* — Помещения дворца еще не были отделаны золотом и мрамором; атрий у римлян — приемные по-

кои; в Греции подобное помещение называлось мегароном; ...на поклон явившихся толпы... — по римскому обычаю утром толпы клиентов собирались в атрия приветствовать своего покровителя (ср. Вергилий. «Георгики», II, 462); ...ни самоцветы тогда с вином сочетать не стремились... — не пользовались золотыми чашами, украшенными драгоценными камнями.

¹⁵⁴⁻¹⁶¹ ...вы сгубили и долг, и законность... — Ср. Сенека. «Фиест», 47 слл.

¹⁷⁸⁻¹⁷⁹ О бог высочайший, вѣмлю засеявший... — Стаций часто применяет по отношению к Юпитеру эпитет «сеятель» (sator): III, 488; V, 22; VII, 155, 734; IX, 511; XI, 248. Ср. Вергилий. «Энеида», I, 254; XI, 725; Валерий Флакк. «Аргонавтика», I, 505; Силий Италик. «Пунические войны», IV, 432; ср. также Проперций, IV, 2, 55.

¹⁸¹⁻¹⁸⁴ ...рок, что Кадму велел... — имеется в виду похищение Юпитером («сидонским бычком») Европы («ласковый груз») и сражение между собой спартов, выросших из зубов дракона. Ср. I, 5—8; ср. также Лукан. «Фарсалия», IV, 549—551.

¹⁹³⁻¹⁹⁶ Если Борей ледяной... — Сравнения с кораблями, застигнутыми бурей, часты у Стация. Ср. I, 370 слл.; II, 105 слл.; 193 слл.; III, 22 слл.; IV, 24 слл.; 805 слл.; VI, 19 слл.; 451 слл.; 483 слл.; 799 слл.; VII, 139 слл.; 791 слл.; IX, 141; X, 13; XI, 520 слл. У Стация эти сравнения заимствовал Клавдиан; см., например: Клавдиан. «Похищение Прозерпины». Вступление, I слл.

¹⁹⁷⁻³¹¹ А между тем на совет собрался... — Ср. со сценами собраний богов у Гомера («Одиссея», I, 28—79; V, 28—49).

¹⁹⁸⁻²⁰¹ ...над сенью стремительной свода... — Юпитер собирает богов у себя в доме в самой середине вращающегося купола неба; эпическое описание божественного жилища традиционно. Ср. Гомер. «Илиада», I, 494 сл.; VIII, 2 сл.; «Одиссея», V, 3 сл.

²⁰¹⁻²¹³ И сам вступает Юпитер... — Ср. Гомер. «Илиада», I, 533 слл.: «...боги с престола восстали в встречу отцу своему; не дерзнул ни один из бессмертных сидя грядущего ждать... Там олимпиец на троне воссел...» (Пер. Н. И. Гнедича).

²¹⁰ ...врата, сокровенным цветущего светом. — По-видимому, врата в дом Юпитера мыслится изготовленными в кузнице Геркулеса. Ср. II, 276.

²¹⁴⁻²¹⁷ На преступленья земли и в злобе злодейств... — Ср. сетования Зевса у Гомера («Одиссея», I, 32 слл.):

«Странно, как смертные люди за все нас богов обвиняют!

Зло от нас утверждают они; но не сами ли часто

Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?»

(Пер. В. А. Жуковского).

²¹⁷⁻²¹⁸ ...Киклопов руки устали (мощные)... — Юпитер жалуется на нехватку молний, которые для него изготавливает Геркулес (Вулкан) в «эолийских кузницах». Кузницами называли семь островов, которые, как Этна, извергали пламя: Остеод, Линару, Феникусу, Гераклею, Гиеру и Стронгилу.

²¹⁹⁻²²¹ Вот почему я стерпел бесчисство — при мнимом вознице... — Имеется в виду Фаятон, который не справился с управлением колесницей Солнца и едва не сжег землю. См. Овидий. «Метаморфозы», II, 1 слл.

²²³ ...просторам морским сверх меры разлиться позволил... — потоп, уничтоживший преступное поколение людей. См. Овидий. «Метаморфозы», II, 260 слл.

²²⁷⁻²²⁸ ...для всех позребие Кадма памятно... — В наказание за убийство посвященного Марсу дракона в старости Кадм с женой Гармонией были превращены в драконов. Ср. I, 290—291.

²²⁹ ...промахи в рощах... — Имеется в виду Афант; застрелив в безумии сына, он подумал, что убил оленя. Ср. I, 12—13.

²³⁰ ...радость зловеющую их матерей... — Агава в вакхическом экстазе радовалась совершенному ею убийству сына, а Иокаста радостно приняла брак с Эдипом, не зная, что он ее сын; ...богов преступленья... — Ср. «Ахиллеида», II, 331; Лукан. «Фарсалия», VIII, 605; Марциал. «Эпиграммы», X, 61 сл.; Клавдиан. «Против Руфина», II, 421 слл.

²³⁵ ...сам к истокам своим — чудовище — вновь возвращаясь? — Ср. Сенека. «Эдип», 238: «Ибо вернулся ты вновь к материнскому лону постыдно».

244—245 ...*заключенные браки без одобренья богов.*— Дурные предзнаменования, сопутствовавшие браку дочерей Адраста с Тидеем и Полиником, были знаком того, что оба его зятя вскоре погибнут. Ср. II, 256—264.

245—247 *Но город мной будет наказан с этим и тот заодно: сокрывшего в сердце коварство Тантала я не забыл...*— Юпитер обещает наказание и Аргосу, городу Адраста, намекая, что Адраст ведет свой род от Тантала, который, будучи допущен на пиры богов, раугласил божественные тайны людям и предложил богам в пищу тело своего сына Пелопа.

251—252 ...*Киклопов кладку...*— стены Аргоса, сложенные из огромных камней руками Киклопов; все, что было построено из огромных камней, которые не под силу поднять человеку, приписывали Киклопам.

254 ...*телицы фаросской...*— Ио.

255 ...*и, золотой, проникнуть сумел сквозь стены твердыни.*— в башню, в которой была заключена Дана; Юпитер проник к ней в виде золотого дождя.

256—257 ...*город, где ты в обличье своем появлялся...*— Фивы, где Юпитер предстал перед Семелой в том же обличье, что и перед Юноной. Ср. I, 12—14.

261—262 ...*истребить Микены, и Самос, и Спарту...*— города, посвященные Юноне; ...*праздничной кровью...*— т. е. кровью жертвенных животных.

263—264 ...*смолою куриться утренних стран?*— Благонная смола и использование ее при жертвоприношениях было изобретением сабеев, живущих в Аравии (ср. Вергилий. «Георгики», I, 57); по свидетельству Плиния («Естественная история», XII, 1), благовония во времена Илюона в Греции не употреблялись.

264—265 ...*в марейтиском Копте...*— Юнона упоминает Копт, так как в этом городе почиталась Исида, отождествляемая с Ио.

272 ...*за свою Алфей устремленный сиканской любовью...*— Имеется в виду Аргуса.

273—274 ...*твой храм основали в проклятом месте...*— Имеется в виду храм Юпитера Ликейского в Аркадии; считалось, что в этом месте люди превращались в волков (ср. Августин. «О граде Божием», XVIII, 17).

274 ...*Эномая марсовы оси...*— Эномай был царем Пизы в Элиде. Узнав от оракула, что будет убит своим зятем, он предлагал женихам своей дочери Гипподамии состязаться с ним на колесницах; победенных он убивал, однако сам был побежден и убит Пелопом, который получил его царство и Гипподамию в жены.

275—276 ...*там же и кони его, которым под Гемом у ветов лучше пастись...*— подобно коням Диомеда, которые питались человеческим мясом.

276—277 ...*погребенья лишенных, стынут тела женихов...*— Головы убитых им женихов Эномай прикреплял над дверью своего дома, а тела оставлял непогребенными.

278 ...*преступная Ида...*— Имеется в виду гора во Фригии, а не на Крите; ...*преступная...*— так как здесь свершился суд Париса (ср. Вергилий. «Энеида», I, 26) и был похищен юноша Ганимед (см. там же, I, 27; Овидий. «Фасты», VI, 43 сл.).

280 ...*в городе Тантала...*— в Микенах и Аргосе, где правили потомки Тантала.

282 ...*от зятьев-преступников...*— Зятьями Адраста были Полиник, родившийся от брака Иокасты с сыном Эдипом, и Тидей, убивший своего брата.

287 ...*ведь и Вакс с Дионой...*— Диона — мать Венеры, однако саму Венеру часто называли Дионой (ср. Овидий. «Фасты», II, 461); здесь имеется в виду Венера, дочь которой Гармония была женой Кадма.

292—293 ...*легкокрылый отпрыск...*— Меркурий.

295 ...*дяде...*— Плутону, брату Юпитера, властителя подземного царства.

298 ...*до чудовища-внука...*— Этеокла.

299 ...*брата...*— Полиника.

303—311 *Тотчас Атлантиад...*— Ср. описание спуска Меркурия с Олимпа у Гомера («Илиада», IV, 73 сл.; XXIV, 339 сл.; «Одиссея», V, 43 сл.) и у Вергилия («Энеида», IV, 238 сл.); ...*привязал крылатую обувь...*— Меркурий был посланцем богов и, когда спускался с Олимпа, надевал золотые крылатые сандалии; ...*кудри покрыл...*— Меркурий скрыл голову под головным убором, чтобы умерить блеск, не желая им ослепить землю; голова бога представлялась звездой.

325—326 ...*к покинутым солнцем мрачным Микенам...*— Когда Атрей накормил своего брата Фiestа мясом его детей, Солнце в ужасе изменило свой ход. По другой

версии мифа, Юпитер, изменив ход Солнца, тем самым показал свое благоволение к Атрею, когда тот боролся за власть с братом.

³²⁷⁻³²⁸ ...*зов неподвижной Атропос...*— Эпитет «неподвижная» является переводом греческого имени Атропос, одной из Мойр (Парок).

³²⁵⁻³²⁹ ...*бежит от пещер, безумьем Огига полных...*— Окрестности горы Киферон оглашались криками и возгласами безумствовавших вакханок, а земля напитывалась кровью их жертв (ср. Пенфей).

³³⁴ ...*старик багряный царя...*— царь Мегары Нис (ср. Скилла).

³³⁵ ...*гул двойного...прибоя...*— Имеется в виду Коринфский перешеек, омываемый с двух сторон морем. Ср. Гораций. «Оды», I, 7, 2: «...иль Коринф у двуморья...».

³³⁸ ...*росоносящий возок...*— колесница Луны.

³⁵⁷ ...*Эрасин устремился к Медведице стьлой.*— Речь идет о реке Эрасин в Аргониде, которая течет в северном направлении и достигает Коринфского перешейка.

³⁶⁰ ...*древнею...отравую...*— ядом Гидры, убитой Геркулесом.

³⁷⁰⁻³⁷⁵ *Словно пловец...*— Ср. Гомер. «Илиада», XV, 381 слл., 624 слл.; XVI, 384 слл.

³⁸⁴ ...*огнем Геркулеса известный...*— Геркулес выжег болото, в котором жила

Гидра («водяная») — ср. греч. *hydōr*).

³⁹⁰⁻³⁹² *Мирно...Адраст народами правил...*— Ср. Вергилий. «Энеида», VII, 46 слл.: «Мирно старый Латин городами и нивами правил».

⁴⁰⁸ ...*повергает. двоих судьба в кровавую ярость.*— Вмешательство Случая (лат. *fortuna*) нередко у Стация. См. III, 61; VI, 474 сл., 691 сл.; VIII, 456 сл.; XI, 448, 469 сл.; XII, 35, 422.

⁴²¹⁻⁴²² ...*когда к пизейскому внозь Громовержцу игры приходят...*— Имеются в виду игры, проводимые раз в четыре года в честь Юпитера в Олимпии близ Пизы элидской.

⁴⁵³⁻⁴⁵⁴ ...*Калидон, .. чудищ родящий...*— Диана, разгневанная на царя Калидона Ойнея, отца Тидея, забывшего принести ей жертву, подослала в окрестности города страшного вепря, который опустошал поля; убит он был сыном Ойнея Мелеагром.

⁴⁷⁵⁻⁴⁷⁷ ...*верность такая была...*— Тесей и Пирифой так же, как Орест и Пиллад, — символ неразрывной преданной дружбы и готовности пожертвовать собой ради друга. Ср. у Вергилия образы Ниса и Эвриала.

⁴⁷⁹⁻⁴⁸¹ ...*так, с бурей сразившись, стихает море...*— Сравнения с непогодой и буйством ветров часты у Стация. Ср. I, 193 слл.; III, 432 слл.; V, 704 слл.; VI, 108 слл., 299 слл.; VII, 86 слл., 233 слл., 560 слл., 625 слл.; VIII, 423 слл.; IX, 523 слл.; X, 246 слл., 537 слл.; XI, 114 слл.; XII, 650 слл., 728 слл.

⁴⁸⁵⁻⁴⁸⁷ ...*видом подобный тому, кого... Амфитрионад сокрушил... до борьбы с грозой Клеонейской...*— Шкуру, в которую был одет Полиник, Стаций сравнивает со львиной шкурой, которую носил юный Геркулес, пока не поверг неуязвимого Клеонейского (или Немейского) льва (первый подвиг Геркулеса).

⁴⁸⁹⁻⁴⁹⁰ ...*верту... рамен...вепря покров — калидонская честь...*— Тидей был одет в шкуру калидонского вепря, которую получил от погибшего брата Мелеагра. Ср. примеч. к I. 453—454.

⁵⁰⁶ ...*лишь черные в жертву...*— Ночи и богам подземного царства приносили в жертву животных черного цвета.

⁵⁰⁹ *Древняя вера в треног, и тайные глубы...*— Имеется в виду вера в предсказания дельфийского оракула Аполлона; Пифия, вещая жрица Аполлона, восседала на треножке над пещерой, из которой подымались дурманящие испарения.

⁵²⁰⁻⁵²¹ ...*там над мраком и тьмой одержать ночную победу...*— Ср. Вергилий. «Энеида», I, 726 сл.: «Ярко лампы горят, с потолков золоченых свисая, пламенем мрак одолев; покой озаряют обширный».

⁵³⁹⁻⁵⁴³ *Затем, обеденным чином...*— Ср. Вергилий. «Энеида», I, 723 слл.: «Кончили все пировать; убирают столы челядинцы, емкий приносит кратер, до краев наполняяся кубки».

⁵⁴⁰⁻⁵⁵¹ ...*Иасид велит...чашу подать...*— Стаций описывает золотую чашу, из которой пали аргивские пари; на ней изображены: ...*летун воалтой...*— Персей, летящий в крылатых сандалиях Меркурия, с головой Медузы Горгоны, и ...*фригийский*.

ловец...— Юпитер, который, приняв обличье орла, унес Гавимеда, сына троянского царя, на Олимп и сделал его своим виночерпием. Ср. с описанием плаща у Вергилия («Энеида», V, 252 сл.).

⁵⁶⁷⁻⁵⁶¹ *Может быть, юноши, вы узнаете об этих обрядах...жаждете*...— Слова Адраста близки обращению к гостям Эвандра у Вергилия («Энеида», VIII, 185 сл.).

⁵⁶⁷ *...бог*...— Аполлон; в честь победы Аполлона над Пифоном были установлены Пифийские игры; прорицательница в Дельфах получила имя Пифии, а сам Аполлон — эпитет Пифийский.

⁵⁷² *...дочь*...— Псамата.

⁶⁰⁹ *...к двояпутью ворот*...— Ворота выводили к развилке дорог. Ср. Вергилий, «Энеида», IX, 238 сл.: «...где к развилке дорог... выходят наши ворота...».

⁶³⁰ *...поля и жилища Киклопов*...— Имеется в виду Аргос. Ср. I, 251.

⁶³⁴ *...вождя*...— т. е. Кротона.

⁶³⁵ *...Сириус правит какой с эфира*...— самая яркая звезда в созвездии Псов, появлением которой отмечен разгар лета; считалось, что Сириус приносит беды и болезни. Ср. Вергилий, «Энеида», X, 273 сл.: «Сириус всходит, сверкая, жажду с собой принося и поветрия людям недужным, жаром зловредным своим удручая широкое небо».

⁶⁶⁶⁻⁶⁶⁸ *Священные эти уставы*...— Ср. Вергилий, «Энеида», VIII, 268 сл.: «С той поры Геркулеса мы чтим, и потомки охотно праздник этот блюдут».

⁶⁸⁸ *Сиртами*...— Ср. Лукан, «Фарсалия», IX, 302 сл.: «...природа путь преграждала Сиртами...» (Пер. Л. Е. Остроумова).

⁷⁰⁹ *...грозящие скиптрам кометы*...— Считалось, что появление кометы возвещает или смерть вождя, или войну, или приход к власти нового вождя. Ср. Валерий Флакк, «Аргонавтика», VI, 608: «...Вызваны гневным Зевсом несущие смерть неправедным царствам кометы».

⁷⁰⁹ *...фригийца склонил пред кифарой*...— Фригиец Марсий, подобрав свирель, выброшенную Афиной из-за того, что игра на ней искажала ее лицо, вызвал на состязание самого Аполлона. Аполлон играл на перевернутой кифаре (или, по другой версии, играл и пел) и потребовал, чтобы то же сделал и Марсий. Когда тот не сумел, бог убил его, подвесив на дереве и содрав с него кожу.

⁷¹⁰ *Тития ты распластал вемнородного*...— Юпитер сошелся с Элларой, дочерью Орхомена; когда она должна была родить Тития, Юпитер скрыл ее под землей; посягнувший на честь Латоны Титий был низвергнут Аполлоном в подземное царство, где подвергался вечным мукам.

⁷¹¹ *...фииванская мать*...— Ниоба.

⁷¹⁶ *Помни свой прежний приют*...— Имеется в виду гостеприимство Кротона, который очистил Аполлона от убийства Пифона. См. I, 570 сл.; *...юнонины пашни*...— Аргос. Ср. I, 250—253.

⁷²⁰ *Митроу,— гнуцим рога, разгневанные на погоню*...— Греки и римляне отождествляли Митру с Солнцем; его изображали в виде юноши, сражающегося с быком.

КНИГА ВТОРАЯ

¹ *Майи пернатый посев*...— Меркурий.

⁵ *...Стикс, девятью полями текущий*...— Ср. Вергилий, «Георгики», IV, 480: «...девятью оборотами Стикса».

⁹ *...меч нечестивый пронзал ударом родственным душу*...— меч сына Эдипа. Ср. I, 306—308.

¹¹ *...шаги укреплял целительной ветвью*...— опирался на жезл Меркурия, кадуцей, который обладал силой усыплять живых и пробуждать мертвых.

¹² *...обиталища манов*...— маны — обожествленные духи предков.

²¹ *...фессалиянки*...— Ср. I, 106.

³⁰⁻³¹ *...летейской...ловую и троекратной дремой*...— Меркурий коснулся каждой из трех голов Кербера своим навевающим сон и забвение жезлом (ср. греч. *luthē* — забвение, Лета).

³⁶ ...на ней лишь звезды, устав, отдыхают.— Так Стаций подчеркивает высоту скалы. Ср. II, 38—40, 41—42.

⁴⁰⁻⁴⁶ *Там...Нептун...к пристани гонит коней...*— На мысе Тенар находился храм Нептуна, у которого просили защиты моряки; мореплавание в этом месте было очень опасно из-за частых бурь и сильных ветров.

⁴⁹ ...к черному вниз Юпитеру...— Плутону, который также именуется «Юпитером Тартара», «черным Юпитером» и т. п. Ср. Силий Италик. «Пунические войны», VIII, 116 сл.; Валерий Флакк. «Аргонавтика», I, 730.

⁵³ ...Летя привратник трезликий...— Кербер.

⁵⁵ ...бог окрыленный...— Меркурий. Ср. II, 1.

⁶²⁻⁶³ ...за отнятым звездным сводом следит...— намек на то, что Лаий умер насильственной смертью.

⁷⁰ ... аркадской ловы...— т. е. кадучея, жезла Меркурия. Ср. II, 30.

⁷²⁻⁷³ ...тебя неурочные роды препоручили отцу.— См. примеч. к I, 12—14.

⁷⁴⁻⁸⁰ ...ночь порешили без сна провести в веселии обцем...— Стаций описывает празднество в Фивах в честь рождения Вакха, которого чтили ночными бдениями. Ср. Лукреций. «О природе вещей», 749 слл.; Плавт. «Кубышка», IV, 10, 64 сл.; ...всюду...плетеницы разбросаны были...— обычай украшать пиршество гирляндами и венками из виноградных лоз, зелени, цветов; ...выдыхали они меж кратеров, вино истощивших, сонного бога...— к утру, когда кратеры — сосуды, где вино смешивалось с водой, — были уже пусты, фиванцы спали тяжелым сном, отягощенные Вакхом, т. е. вином (ср. Вергилий. «Энеида», IX, 326: «Сон выдыхал из широкой груди в забытья непробудном»); ...медный звон побеждал по бычьей коже удары...— звон медных кимвалов был громче глухих ударов в тимпаны и бубны, которые изготовлялись из патянутой бычьей кожи; кимвалы, тимпаны — ударные музыкальные инструменты — и флейты были обязательной принадлежностью вакхических оргий; ...в радости сам погнал Киферон... здрывал умом матерей...— в тот день, когда Меркурий с Лаием прибыли в Фивы, вакхический экстаз, в котором фиванские женщины с криком носились по склонам Киферона, был более радостным, чем тогда, когда Агава растерзала своего сына Пенфея.

⁸¹⁻⁸⁸ *Так, внезапно сойдясь, на Родопе пиры учиняют...*— Стаций сравнивает вакхические оргии в Фивах с пирами диких бистопов во Фракии, знаменитых своим воинственным пылом и буйными играми, когда «на них Иакха огнигова воеет бешеный дух». Ср. Гораций. «Оды», I, 27, 1 сл. Стаций помещает бистопов на холмы Осы, тем самым либо перенеся эту известную фессалийскую гору из Фессалии во Фракию, либо имея в виду некую Оссу во Фракии, о которой другие источники не сообщают.

⁹⁰ ...царя эхионского...— т. е. Этеокла.

⁹⁶⁻¹⁰⁰ ...принял Тиресия вид и голос...— Принимая образ Тиресия, Лаий надевает на себя и атрибуты прорицателя: ...облчу...— т. е. шерсть — метонимическое обозначение ифлуры — головного убора из белой шерсти (иногда расшитого пурпуром), по обе стороны которого на плечи спускались шерстяные повязки; в жерстские повязки иногда вплетались ветви оливы. Ср. Вергилий. «Энеида», VII, 415 слл.: «...в кудри седые ветку оливы вплела и стянула их туго повязкой».

¹⁰²⁻¹¹⁹ *Спать не время тебе...*— Ср. Гомер. «Илиада», II, 23 слл., 60 слл.: «Ночи во сне проводить подобает ли мужу совета...»; ...да не вступишь с ним владыкою Кадма — Микены.— Лаий предостерегает Этеокла, чтобы тот не впустил в Фивы вместе с Полиником Адраста — царя Аргоса и Микен; Стаций не раз называет Микены вместо Аргоса (см. указ.), поскольку оба города находились близко друг от друга в Лаконии и почти всегда подчинялись одному царю.

¹²¹ ...от светлых коней...— от коней, запряженных в колесницу Солнца.

¹³⁴⁻¹⁵¹ *Вышла уже в небеса...*— Ср. Гомер. «Одиссея», III, 404 слл., VIII, 1 слл.:

«Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос...».

¹³⁸ ...на коне чужой эфир покидая...— Люцифер (т. е. Девница, Утренняя звезда, Венера) последним из всех звезд покидает небо, когда уже взошло солнце, поэтому Стаций говорит о «чужом» эфире для звезды, родным для которой должно быть ночное небо; традиционно поэты изображают Солнце на квадриге, Луну — на биге, а отдельные звезды — на одном коне.

¹³⁹⁻¹⁴⁰ ...отец пламенеющий полнит мир...— т. е. Солнце полностью выходит из-за горизонта.

¹⁴⁰ ...сестре...— т. е. Луна.

¹⁶⁵⁻¹⁶⁶ Прибегал к условиям многим даже Ойней твоей...— У отца Тидея, Ойнея, была дочь Деянира, руки которой просили одновременно Геркулес и Ахелой; Ойней обещал выдать дочь за того, кто проявит большую доблесть в состязании: Геркулес победил Ахелю, который несколько раз менял свое обличье; ...*тесть, опасный пизанской вождю*.— Эномай. См. примеч. к I, 274.

¹⁷⁹⁻¹⁸⁰ ...от древних полей сиционских призыванный...— Адраст раньше царил в городе Сикион в Ахайе, а затем по просьбе аргивян стал царем Аргоса.

¹⁸²⁻¹⁸³ ...народы, которые держит Истм дорийский с одной стороны, а с другой не пускает...— Дорийцы, народ, заселявший земли близ Малийского залива, азиали Пелопоннес, изгнав оттуда потомков Целона; хотя это произошло после разрушения Трои, Стаций уже называет Истм дорийским, предвосхищая это событие; противопоставляются народы, жившие на Пелопоннесе по одну сторону Истма, и вся остальная Греция — по другую. Ср. Овидий. «Метаморфозы», VI, 419 слл.: «Много других городов, двуморским замкнутым Истмом, и в стороне от него, обращенных к двуморскому Истму» (Пер. С. В. Шервинского).

¹⁸⁴ ...свет от страшных Микен, свой ход изменив, не сбежал бы...— См. примеч. к I, 325—326.

¹⁸⁵ ...близ Элиды холмы не гревели б от схваток свирепых!— намек на кровавое состязание с Эномаем за право жениться на Гипподамии. Ср. примеч. к I, 273—275.

²⁰⁴ ...с гимнеями первыми...— т. е. с первыми брачными песнями.

²⁰⁵⁻²¹³ Идет Молеа...— Ср. VI, 1 слл.; IX, 22 слл.; Вергилий. «Энеида», IV, 173 слл.: «Тотчас Молва поспешила меж ливийцев из города в город»; а также XI, 139 слл.; IX, 473 слл.

²¹⁵⁻²²² ...изображения предков...— Стаций описывает древний обычай римлян ставить в атриуме изваяния предков (ср. Вергилий. «Энеида», VII, 178 слл.; Плиний. «Естественная история», XXXV, 2). Стаций перечисляет наиболее именитых аргосских царей, начиная с основателя Аргоса, Инаха; только Короб был незначительным юношей, но был почитаем как освободитель города от чудовища, посланного на Аргос Аполлоном; *Девургой родитель Инах*...— традиционны реки изображались в образе человека с бычьими рогами на голове, опирающегося на чашу, из которой била вода (ср. Вергилий. «Энеида», VII, 792: «Инах-отец изливает поток из урны чеканной»); ...*негодующий на Громовержца*...— Акрисий, после того как его дочь Даная родила сына Юпитеру, боясь быть убитым рукою внука, бросил мать и дитя в море; ...*Короб с головой на мече обнаженной*...— с головой убитого им чудовища (ср. I, 605—606); ...*образ Даяна за ним, замыслившего преступленье*...— изгнав Геланора, сына Атепера, Данаей стал царем Аргоса; узнан от оракула, что он будет убит сыном брата, он выдал замуж пятьдесят своих дочерей за пятьдесят сыновей брата Египта, приказав им в первую же ночь убить своих мужей; только Гипермистра пощадила Линкея, который впоследствии убил Данаю.

²³⁷ ...строгая Феба сестра...— Диана.

²⁴² ...Юпитера дочь — Паллада.

²⁴³ ...шел бы Палладе колчан, а Делии — шлем оперенный.— Паллада-воительница поображалась при оружии, со щитом, копьём и в шлеме, а Диана, богиня охоты — с колчаном и стрелами.

²¹⁸ ...и порог покрывают сложенным лесом.— По древнему обычаю, во время празднеств двери домов и храмов украшали цветами и ветвями деревьев. Ср. Катулл, LXIV, 293: «Их (платан и кипарис), друг с другом силеги, перед входом дворцовым расставил, чтобы он весь зеленел, осененный свежей листвою» (Пер. С. В. Шервинского).

²⁵²⁻²⁵³ ...город Лариса круч мунийских отнюдь не ущербней...— в Ларисе был храм Минервы; основное святилище Минервы находилось в Афинах; мунийские кручи — т. е. Афины.

²⁵⁴ ...дщери Иасия...— аргивские женщины.

²⁶⁹⁻²⁷¹ ...Демносского бога терзала долгая ревность...— Вулкан терзался ревностью к Марсу; застигнув Венеру и Марса на ложе, Вулкан набросил на обнажен-

ных выкованные им цепи и позвал богов посмеяться над любовниками — это была мезь за нанесенное ему оскорбление. Ср. Гомер. «Одиссея», VIII, 266 слл.

²⁷⁵⁻²⁸⁵ ...но труд наибольший сам он свершил... — Стаций описывает, как Вулкан украсил оправу из драгоценных камней на ожерелье: *Здесь и Горгоны глаза...* — всякий, кто видел голову Медузы Горгоны, превращался в камень; главная сила была у нее в глазах; ...последней молнии блески... — взятая с наковальни Киклопов, которые ковали молнии для Юпитера; ...плача достойный плод Гесперид... — золотые яблоки, охраняемые Гесперидами в саду на крайнем западе; Геркулес в долгих странствиях нашел сад Гесперид, убил охранявшего сад дракона и похитил яблоки, свершив свой самый тяжелый, двенадцатый, подвиг; ...руна зловещее фрикова влато... — мать Фрикса и Геллы Нефела (по Аполлодору — разгневанная мачеха Ино, см. Аполлодор. «Мифологическая библиотека», I, 9, 1) отправила детей на златоруном баране в Колхиду; Гелла увала в море, дав имя Геллеспонту, а Фрикс прибыл в Колхиду и принес в жертву Марсу шкуру барана; он женился на дочери колхидского царя Ээта, а когда подростки их дети, царь убил Фрикса, так как получил предсказание оракула, что будет убит потомком Ээта. Дети спаслись бегством и на плоту отправились к деду Афаманту, но потерпели крушение и были благосклонно приняты Эсоном; сын Эсона, Иасон, возглавил поход аргонавтов за золотым руном и добыл его с помощью Медуны, которая ради Иасона предала отца и убила брата; ...сиятого с черных влас Тисифоны пождя... — т. е. змею, см. примеч. к I, 91; ...мучащей Пояса мощью все наделяет... — пояс Венеры, обладавший магической силой, который надела Гармония, когда вышла замуж за Кадма; ...луноно может пеной... — Фессалийские колдуньи сводили с неба луну, которая покрывалась пеной и обрызгивала ею ядовитые травы, делая их ляды болше действственными. Ср. Валерий Флакк. «Аргонавтика», VI, 447; Апулей. «Метаморфозы», I, 8.

²⁸⁷ ...сын идалийский... — Амор, или Купидон, сын Венеры.

²⁹⁰⁻²⁹¹ ...вопли ее обратились в глухое шипенье... — намек на превращение Гармонии в змею; Кадм с женой Гармонией в глубокой старости переселились в Иллирию, где оба они были превращены в змей. Ср. I, 227 сл.; а также Аполлодор. «Мифологическая библиотека», III, 5, 4; Аполлоний Родосский. «Аргонавтика», IV, 516 слл.; Лукан. «Фарсалия», III, 189: «Также Эхеллия сын, своим именем древним гласящий о превращении в змею умершего Кадма» (Эхеллия — город в Иллирии, название которого Лукан выводит из греч. *echelys* — угорь, змея).

²⁹³ ...коварство Юноны. — См. примеч. к I, 12—14.

²⁹⁹ ...жена обреченного смерти провидца... — Эрифила, жена Амфиарая.

³⁰⁵ ...сын — безвишного гнева? — Перед гибелью Амфиарай поручит сыну Алкмеону отомстить за него и убить мать, вовлекшую его в сражение. Ср. VII, 788 сл.

³⁰⁷ ...герой именский... — Полиник.

³¹⁴ ...сестра... — Антигона.

³²³⁻³³⁰ Как бык без долины привычной... — Ср. V, 330, 333; VII, 438 сл.; VIII, 596; XI, 28 слл.; о схватке львов с быками ср. V, 330 слл. VIII, 593 слл.; образ восходит к Гомеру («Илиада», XVI, 487 слл. XVII, 542; XVIII, 579 слл.); ср. также Вергилий, «Энеида», X, 454 слл.

³³¹ ...тевмесский юноша... — Полиник.

³⁴⁵⁻³⁴⁹ ...вещие жертвы, также падение птиц... — См. примеч. к III, 456—465; 507, 508, 511.

³⁵⁸ ...сын сатурнов... — Юпитер.

³⁷⁰⁻³⁷¹ ...гибра сожженная греет глуби виновных выбей... — См. примеч. к I, 360 и 384.

³⁷⁸ ...песнею их пастухи еще оглашать не решались... — В долинах Немей еще был жив страх перед Немейским львом, которого убил Геркулес.

³⁸⁰ ...Сизифа приют... — Кенхрей, восточный порт Коринфа, получившие прозвище «сизифовых» по имени царя Коринфа Сизифа, нашедшего на побережье труп Палемона; он похоронил его с почестями и установил в его честь Истмийские игры.

³⁸¹ ...гневные воды и их разобчивший Лехей палемон... — Разделяя воды Эгейского и Ионического морей, Истм словно мешает им соединиться — отсюда эпитет «гневные»; обращенный на запад порт Коринфа Лехей назван именем Палемона, в чью честь установлены Истмийские игры.

³⁸⁴ ...крепость Агенора... — Фивы.

⁴³⁴ ...на берегах, стесненных эвбейским прибоем... — Имеется в виду Беотия, отделенная от острова Эвбеи лишь узким проливом Эврипом.

⁴³⁶ ...от Пелопона и Тантала... — См. родословие Адраста (табл. II).

⁴³⁷⁻⁴³⁸ ...Юпитер родственной кровью ближе. — Род Адраста восходит к Танталу сыну Юпитера, и Полиник, породнившись с ним, так же, как и Тидей, принадлежит теперь к более знатному роду, нежели Этеокл, так как прародитель фиванских царей Кадм восходит к Юпитеру только в четвертом колене.

⁴³⁹⁻⁴⁴⁰ ...сестры обычно робкие руна несут... — В обычае у греков было, чтобы женщины и девушки, даже если они царского рода, пряли шерсть и ткали. Ср. Феокрит. «Идиллии», XVIII, 32 слл. Правда, по свидетельству Ксенофонта («О государстве спартапцев», I), Ликург освободил свободных женщин от этих обязанностей и поручил их служанкам.

⁴⁶⁴⁻⁴⁶⁵ ...и новую песней тройные стены возвел Амфион... — См. примеч. к I, 10.

⁴⁶⁹⁻⁴⁷⁶ Так убежал за Диану Ойнею отмститель... — Тидей, в гнев убегающий из дворца Этеокла, сравнивается с калидонским вепрем (ср. Гомер. «Илиада», XII, 146 слл.), который в ярости бежал от преследовавшего его «пелопова отряда». Для того чтобы отомстить калидонскому царю Ойнею, который, принося жертвы богам, забыл о Диане, она наслала на страну вепря. Чтобы его убить, по призыву Ойнея прибыли отважные юноши из разных мест Греции, а не только с Пелопоннеса, так что «пелопов» здесь означает вообще «греческий» (ср. Аполлодор. «Мифологическая библиотека», I, 8, 2); вепрь был убит Мелеагром (ср. Гомер. «Илиада», IX, 538 слл.). Стаций излагает миф о Калидонской охоте не совсем традиционно: так, у Овидия Теламон падает не пронзенный вепрем, а епоткнувшись о корень дерева («Метаморфозы», VIII, 379; ср. Аполлодор. «Мифологическая библиотека», I, 8, 2).

⁴⁷⁸ ...герой калидонский... Тидей назван калидонским как сын калидонского царя Ойнея, а также потому, что носил на плечах шкуру вепря.

⁴⁷⁸⁻⁴⁷⁹ ...бросает молящей оливы ветвь... — Ветвь оливы была знаком мирных переговоров; бросив ее, Тидей тем самым отказывается от дальнейших переговоров.

⁶⁰⁶⁻⁶¹⁸ ...сидела на нем летунья эдипова. — Сфинга. См. примеч. к I, 61—87: ...сходственным мужем... — т. е. Эдипом, который подобен Сфинге и хитроумием и тем, что уже запятнан убийством.

⁶²⁷ ...паллой... — палла — верхнее женское платье до пят, надевавшееся поверх столы.

⁶³⁵ «Кто вы, откуда, зачем таитесь с оружием?» — Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 376 сл.: «Стойте! Кто вы, мужи? Зачем спешите с оружием? Держите путь свой куда?»

⁶⁶²⁻⁶⁶³ ...подобен Фолу величьем души... — Тидей сравнивается с самым яростным из кентавров, который в сражении с лапифами (ср. Овидий. «Метаморфозы», XII, 210 слл.) бился с огромным кратером в руках. По Вергилию, это был кентавр Гилей (ср. «Георгики», II, 457).

⁶⁷³ ...земнородных мужей... — См. примеч. к I, 7.

⁶⁸⁶⁻⁶⁸⁷ ...бистонский... меч... — Этолия, где царил Ойней, расположена по соседству с Фракией; бистоны, фракийский народ, более других богов почитали Марса.

⁶⁹⁵⁻⁶⁹¹ Именно так — если гетской должны мы Флегре поверить... — Тидей сравнивается со сторуким великаном Бриареем, который, согласно Гомеру («Илиада», I, 399 слл.) и Гесиоду («Геогония», 147 слл., 713 слл.), спас Зевса, когда против него восстали титаны. У Стация же Бриарей стоял «против грозящих небес», в чем поэт следует Вергилию («Энеида», X, 565 слл.) и Теренцию («Братья», 50 слл.); ...меж ...Паллады... — щит Афины, к которому была прикреплена голова Медузы Горгоны со змеями вместо волос.

⁶⁵⁰ ...ночи твоей! — ночи, в которую Тидей совершил столько подвигов (ср. «додрйская ночь»: Валерий Флакк. «Аргонавтика», II, 573).

⁶⁶⁴ ...к другу... — т. е. к Полинику.

⁶⁶¹⁻⁶⁶² ...Для вас не праздник трехлетний ночь принесла... — Тидей пришел в Фивы во время празднований в честь Вакха, которые проводились раз в три года в память трехлетнего похода Вакха в Индию. Ср. Аполлодор. «Мифологическая библиотека», III, 5, 1, а также Вергилий. «Энеида», IV, 302: «...призывал к началу буйных празднеств ночных, выносят из храма святыни...».

⁶⁶³ ...*преступных родителей ярость*. — Охваченная вакхическим экстазом Агава растерзала своего сына Пенфея (ср. I, 11).

⁶⁶⁴ ...*небриды и тирсы*... — атрибуты вакханок; небрида — шкура молодого оленя, которую носили вакханки по время празднеств; тирс — жезл Вакха, увитый виноградом или плющом, часто увенчанный хвойной шишкой.

⁶⁶⁵⁻⁶⁶⁶ ...*да возгремлю*... — т. е. буду ударять в кимвалы; см. примеч. к II, 74—80; ...*келенскую битву... флейт*... — культ Вакха пришел в Грецию через Фригию — отсюда эпитет «келенская».

⁶⁷⁵⁻⁶⁸¹ *Лев таков же*... — Ср. Гомер. «Одиссея», XXII, 402 слл.

⁶⁹³ ...*не обманутый птицами*... — См. примеч. к III, 456—465.

⁷⁰⁷⁻⁷¹³ *Дуб, который давно позабыл о юности нежной*... — Ср. Вергилий. «Энеида», XI, 5 слл.

⁷¹⁵⁻⁷⁴³ *Грозная дева*... — Минерва; ...*ум верховного бога*... — Минерва отождествлялась с Афиной, которая была дочерью Зевса и Метиды (греч. metis — мудрость, мысль) и родилась из головы отца в полном военном облачении (ср. Гесиод. «Теогония», 886 слл.; Гомеровы гимны. «К Афине», XXVIII, 4 слл.; Аполлодор. «Мифологическая библиотека», I, 3, 6); ...*грозит со щита Горгона*... — Ср. II, 597; ...*позищают крылатые оси*... — Минерве приписывают изобретение колесницы (ср. Гомеровы гимны. «К Афродите», IV, 12 сл.); ...*Плеврон... марсов*... — в Плевроне почитался Марс, Стаций называет (IV, 103) Плеврон «мелеагрон», так как Марс считался отцом Мелеагра; «*Выбить я сверху вею*... и дарованья твои... — Тидей, согласно древнему обычаю, собирается украсить храм Минервы изображениями предков и добытым им в битве оружием, которое обычно прикреплялось или над входом, или в центре кровли, куда сходились балки. Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 408: «...если сам я хоть раз добычу лесную в храме повесил твоим иль прибил над дверью священной»; *Сто посвященных тебе калидонянок*... — специально избранных жриц.

КНИГА ТРЕТЬЯ

² ...*руководитель*... — Этеокл; ...*увлажнимся звездам*... — Часто встречается в римской поэзии образ. Ср. II, 527; а также Вергилий. «Энеида», III, 589: «Ночи влажную тень прогнала с небосвода Аврора». Ср. также Силий Италик. «Пунические войны», II, 469.

¹⁰⁻¹⁴ *И сразу же слух о злодействе ближних достиг городов*... — Персонифицированный образ Молвы и слухов часто встречается в римской литературе. См. примеч. к II, 205. Ср. «Ахиллеида», IV, 166; Вергилий. «Энеида», VII, 104; Овидий. «Метаморфозы», VIII, 267; Лавий. «От основания города», II, 2, 4.

¹⁶⁻¹⁷ ...*не из меди иль адаманта цельного*. Медь и адамант — излюбленный материал у эпических поэтов. Ср. IV, 534; «Сильвы», I, 2, 69; Вергилий. «Энеида», VI, 552; Овидий. «Метаморфозы», IX, 615; Гомер. «Одиссея», XXII, 102; Аполлолий Родосский, «Аргонавтика», IV, 1652.

²³ ...*вожатый ольхи калабрийской*... — кормчий корабля; корабль в поэзии часто называется по материалу, из которого он сделан (метонимия). Ср. IV, 479; VI, 106; VIII, 270; IX, 380; X, 13; «Ахиллеида», II, 19; Катулл, IV, 10 сл.: «Где — нынешний корабль — стоял он некогда косматым лесом. На киторском теменн широко он шумел листовой глаголющей». Ср. также Вергилий. «Георгики», I, 136: «...об ольхах долбленных...»; II, 451: «Легкая также ольха по бушующим плавает водам...».

³¹⁻³² ...*так же и Агенорид*... — Ср. Гомер. «Одиссея», XIII, 28 слл. Этеокл, подобно Одиссею, ожидающему скорейшего захода солнца, торопит его восход.

⁴⁰ *Ледяною зарей*... — когда на небе находится утренняя звезда Люцифер. Ср. Вергилий. «Георгики», I, 288; «...когда на заре росится земля под Денинцей», а также: Вергилий. «Энеида», III, 588, XI, 4; ...*ледяною*... — Ср. II, 135.

⁴⁵⁻⁵² *Подобно ему бегом возвращается пастырь*... — Сравнение Мэона с пастырем, возвращающимся домой после того, как он потерял свое стадо, заимствовано у Стация Клавдианом (Клавдиан. «Похищение Прозерпины», III, 165).

⁴⁸ ...*зимней луны несущими ветр остриями*; — Как по цвету и форме луны опре-

делали погоду, подробно объясняет Вергилий («Георгики», I, 425 сл.); в частности о ветре — стихи 431—434:

«Коль по четвертому дню (одно из вернейших гаданий)
Чистая небом идет и ее не притушены рожки,
В этот, стало быть, день и в те, что за ним вародятся,
Месяц весь до конца ни дождя ни случится, ни ветра».

⁵⁶⁻⁵⁷ ...таков перед взятием вопль в осажденном городе...— Ср. VII, 600, а также Гомер. «Илиада», XVIII, 207 слл.

⁶⁶ ...злую пощадю...— оксюморон.

⁶⁸ ...к гибели мне...открывшая двери...— постоянно повторяющийся у разных поэтов образ входа в подземный мир. Ср. Вергилий. «Энеида», II, 661: «...для смерти дверь открыта...»; VI, 106: «...вход к царю преисподней...»; ср. также «Сильвы», V, 3, 257; Валерий Флакк. «Аргонавтика», IV, 23.

⁷⁶⁻⁷⁷ ...души будут летать, ...угрожая мстью...— о душах умерших, угрожающих живым врагам — у Вергилия («Энеида», IV, 386: «...с тобою тень моя будет...»), подробно — у Горация («Эпюды», V, 91 слл.) и у Овидия («Ибис», 157 слл.).

¹⁰⁵ ...лавром своим удостоил...— См. примеч. к I, 42.

¹⁰⁸⁻¹⁰⁷ ...в храме киррейском дева...— аполлонова жрица, Пифия.

¹⁰⁹⁻¹¹⁰ ...под свод, чья ось недоступна манам огиговым...— намек на преступления фиванского рода; вход в Элисий доступен лишь непорочным душам; несмотря на это, в IV книге (596 слл.) Мэон проходит перед глазами Тиресия со своими погибшими товарищами.

¹²¹⁻¹²² ...бесславной скалы и злодейской роци...— там, где сидела раньше Сфинга (ср. II, 505 слл., 555) и Тидей поджидала засада.

¹²²⁻¹²³ ...черный дождь...— слезы, текущие по сочащимся кровью, покрытым в знак скорби прахом лицам. Такие же словосочетания встречаются у Вергилия («Георгики», I, 236), Валерия Флакка («Аргонавтика», V, 176). Слезы часто сравниваются с дождем, омывающим лицо. Ср. II, 234; IV, 591; V, 270; «Сильвы», V, 1, 32; Овидий. «Искуство любви», I, 532; «Любовные элегии», III, 6, 67; «Скорбные элегии», I, 3, 18; Клавдиан. «Похищение Прозерпины», XXXVI, 311.

¹⁴⁰⁻¹⁴³ Так фессалиянка...ночью выходит в поля...— сравнение с фессалийской колдуньей, умеющей пением воскрешать из мертвых, которая выходит в поле после битвы с факелом из кедра, радуясь числу убитых. Ср. II, 22, IV, 504, а также Вергилий, Буколики, VIII, 98.

¹⁴⁴⁻¹⁴⁵ ...манов...пытает: кому из лежащих лучше в живых пребывать...— Фессалиянки могли вернуть к жизни лишь недавно умерших. Ср. сходное описание у Лукана («Фарсалия», VI, 620 слл.).

¹⁴⁶ ...авернского мрака родитель...— Плутон.

¹⁶¹⁻¹⁶⁸ Эти ль объятия мне, лобзания эти ли, дети...— Ср. плач Иды с плачами Аталанты (IV, 309 слл., IX, 570 слл.), Гипсипилы (V, 608 слл.), Эвридики (VI, 137 слл.) и Исмениды, матери Крenea (IX, 376 слл.); ...счастьем утробы моей — я мнила сравняться с богами...— Имеется в виду Ниоба, возгордившаяся перед Латоной своим многочисленным потомством. Ср. Овидий. «Метаморфозы», VII, 61; Клавдиан. «Похищение Прозерпины», I, 194.

¹⁷⁴ После железом леса обнажат...— Рубка деревьев для возведения погребальных костров или постройки кораблей относится к «топосам» в эпической традиции. Ср. IV, 419 слл.; VI, 90 слл.; впервые у Гомера («Илиада», XXIII, 114 слл.). Заимствование из Гомера у Энния (VI, 181 слл.). Ср. Вергилий. «Энеида», VI, 179 слл., XI, 135 слл.; Овидий. «Метаморфозы», X, 90 слл.; Сенека. «Геркулес на Эте», 1618 слл.; «Письма», X, 13; Лукан. «Фарсалия», III, 399 слл., 432 слл., 440 слл.; Силий Италик. «Пунические войны», X, 528 слл., Клавдиан. «Похищение Прозерпины», III, 370 слл.

¹⁸⁰⁻¹⁸¹ ...как сидонский странник железный посев совершил в борозде аонийской...— См. примеч. к I, 5—7; ...донский странник...— Кадм.

¹⁸³⁻¹⁸⁷ ...как древнего Кадма покои в прате перунном легли...— См. примеч. к I, 12—14, 229.

¹⁸⁹ ...сопутницу слезам ужаснулась Агава...— Ср. I, 230.

²⁰³ ...не был, ховаян, увы, молосскою злобою узан...— Актеона растерзали его собственные собаки, которых обратила против него Диана. Особой злостью отличались молосские псы. Ср. Вергилий. «Георгики», III, 405: «...молоссы, горячие нравом...»; Гораций. «Эподы», 6, 5: «...молосс, защитник стада пастушеских» (пер. Н. Гинцбурга).

²⁰⁴⁻²⁰⁵ ...внезапно царицы лужею кровь разлилась...— миф о превращении в источник погибшей Дирки.

²¹⁸ ...сеятель звезд...— Юпитер. См. примеч. к I, 179.

²²³ ...ишлема блеск оперен перуном...— Шлем был украшен султаном, подобным молнии. Ср. IX, 699, а также Вергилий. «Энеида», IV, 130.

²²⁵ ...свод под осью гремит...— метонимия; т. е. под колесами колесницы. Ср. «Сильвы», II, 7, 107, а также Лукан. «Фарсалия», VI, 464.

²⁴²⁻²⁴³ От мира начала назначен день неотменный войны...— стоическая мысль о том, что ход судьбы был определен в момент возникновения мира и не может быть уже изменен; От мира начала...— Ср. Вергилий. «Георгики», II, 336; Овидий. «Метаморфозы», I, 3; Лукан. «Фарсалия», VI, 6 слл.

²⁴⁶⁻²⁴⁷ ...этой твердыней клянусь...— Олимпом, откуда Юпитер правит миром; ...рек вилсийских водой...— сказано вместо «Стикса водой», которой клялись боги. Ср. VIII, 30; Вергилий, «Энеида», VI, 324; Гомер. «Одиссея», V, 185—186: «Стикса подземной водою клянусь, ненарушимой, страшной Клятвой, которой и боги не могут изречь без боязни...».

²⁵⁵⁻²⁵⁶ Так морской замирает простор при длительном мире бурь...— Ср. Гораций. «Оды», I, 3; Вергилий. «Энеида», I, 53; Эний. «Анналы», 488; Гомер. «Илиада», XVI, 765.

²⁶⁹ ...тесть...— Марс назван тестем как отец Гармонии, жены Кадма.

²⁷¹ Буйный, ужели тебя ни Гармонии имя...— По аналогии со сценой упреков Венеры Марсу (III, 271—291) построен Стацием разговор Фетиды с Океаном в «Ахиллеиде», (I, 70 слл.).

²⁷⁴ ...лемносские цепи?— См. примеч. к II, 271; ср. «Сильвы», III, I, 132.

²⁸² ...с тирийским супругом...— с Кадмом.

²⁸³ ...миллой породе...— Гармонии.

²⁸⁵ ...наследие крови вминой...— потомки спартов, выросших из зубов дракона, убитого Кадмом. См. примеч. к I, 7—8; ср. X, 614; Сенека. «Эдип», 587—588: «...племя все драконово, Зубов диркейских всходы, грозных братьев рать».

²⁸⁶ ...род, поколений чредой восходящий к Юпитеру!— См. родословные таблицы I, II.

²⁸⁸ ...фракийцы твои.— Фракия, жители которой славилась своей воинственностью, особенно любима Марсом; здесь же находится его дворец (см. VII, 35 слл.). Ср. Вергилий. «Энеида», III, 13; Гомер. «Илиада», XIII, 301; «Одиссея», VIII, 361.

²⁸⁹⁻²⁹⁰ ...Венеры божественной дочь вдаль уползала...— Ср. I, 227—228; II, 291—293 Лукан. «Фарсалия», III, 189; Овидий. «Метаморфозы», IV, 558 слл.

²⁹⁵⁻²⁹⁷ «Ты, мой межбитвенный мир»...— Обращение к Венере у Стация было очевидно инспирировано известными строками Лукреция («О природе вещей» I, 1 слл. и II, 33 слл.).

³⁰²⁻³⁰³ ...чтоб мне в приснопней дядиной сгннуть...— Ср. слова Дидоны у Вергилия («Энеида», IV, 24 слл.) и Сенеки («Фиест», 1007 слл.); ...дядиной...— т. е. Плутону — брата Юпитера, дяди Марса и других богов; ср. I, 295: ...дяде скажи... (слова Юпитера Меркурию); Стаций, по образцу прежде всего Гомера, сознательно вводит в описание Олимпа и диалоги богов, свивающие бытовые черты.

³⁴³ ...могучий оружем...— постоянный эпитет Марса (Armipotens). Ср. «Сильвы», III, 2, 20; Лукреций. «О природе вещей», I, 32; Вергилий. «Энеида», II, 425; VI, 500; IX, 717; Овидий. «Фасты», II, 481; V, 559.

³⁶⁷ ...кадмейский герой...— Полиник. Ср. III, 406 («изгнанник тирийский»), III, 418 («лабдакийцев вождя»).

⁴⁰⁶ ...изгнанник тирийский...— Полиник.

⁴¹⁷ ...и успокоила всех, одного исключая Адраста...— Ср. Гомер. «Илиада», X, 1 слл., II, 2 слл.

⁴¹⁸ ...лабдакийцев вождя...— Полиника.

⁴²⁴⁻⁴³¹ *Гнев с Яростью шлем оперяют...*— аллегорическая картина в духе Вергилия. Ср. «Энеида», IV, 174; XII, 336; Гомер. «Илиада», XV, 119; Силий Италик. «Пунические войны», IV, 430.

⁴³⁹ ...*питомца*.— Аполлона.

⁴⁴⁰ ...*седьмая Аврора*...— с того дня, как Тидей вернулся в Аргос. Характерный для эпической поэзии прием изображения времени. Ср. XII, 50, 563; Вергилий. «Георгики», IV, 544; «Энеида», V, 104—105: «...в девятый раз выезжает, ясным светом горя, на конях Фаэтона Аврора».

⁴⁴² ...*герой персеев*...— Адраст.

⁴⁵³ ...*Фебом цветущий*...— т. е. обладающий даром пророчания.

⁴⁵⁵ ...*полнил щедрее уста киррейской водой*...— т. е. приоткрывал грядущее; под киррейской водой понимается Кастальский источник, расположенный близ Кирры, где был оракул Аполлона. Ср. «Сильвы», V, 3, 123; V, 5, 2; «Ахиллеида», I, 7 сл.

⁴⁵⁶⁻⁴⁶⁵ *Прежде всего по нутру и крови животных пытают...*— Вся сцена гаданий у Стация отмечена анахронистическими чертами. Амфиарай и Меламп проводят птицегадания так, как это делали римские жрецы: они наносят священные знаки на камне и по римскому обычаю разделяют невидимыми границами звезды на небе (см. III, 496—499). Сначала они изучают внутренности жертвенных животных в качестве гарусников, а затем, получив дурные предзнаменования, они гадают по полету птиц, что подтверждает их прежние догадки (см. III, 502 сл.). Римским влиянием является и то, что птицегадания проходят на высоком холме (Капитолий назывался *auguraculum*, т. е. с него постоянно авгуры наблюдали полет птиц; см. Ливий. «От основания города», I, 7, 1). У Стация оба жреца одновременно исполняют функции и гарусников, и авгуров. Умение гадать по внутренностям животных, древнее искусство этрусков, всегда было высоко почитаемо в Риме, но постепенно утерало свое значение в эпоху империи. Гарусники снова обрели влияние при императоре Клавдии, который восстановил этот обычай в Риме в 47 г. (см. Тацит. «Анналы», IX, 15). Возможно, сцена гадания по внутренностям животных у Стация навеяна этим историческим событием; ...*по нутру и крови*...— для предсказания будущего прежде всего изучали сердце и печень животного; Плиний («Естественная история», XI, 7, 1) датирует гадания по сердцу с 275 г. до н. э.; важно было также заметить, как течет кровь; ...*Персей посягнула на тучи полетом*...— получив в дар от нимф крылатые сандалии, Персей с этой горы полетел сразиться с Медузой Горгоной и убил ее; ...*матерь*...— Даная.

⁴⁷⁴⁻⁴⁸⁰ ...*верней ни Кирра*...— Амфиарай перечисляет все известные оракулы: Аполлона в Кирре, додонский оракул Юпитера, оракул Юпитера-Аммоа в Египте, Аполлона в Ликии близ Патары, Аписа — священного быка в Египте, оракул Аполлона в Дидимах, основанный его сыном Бранхом, и Пана, дающего боговдохновенные ответы сельским жителям (ср. аналогичные перечисления в I, 696 сл. и II, 720 сл.). Все эти орады менее точны, чем те, что Юпитер посылает с полетом птиц; ...*из ликаонийского мрака*.— со стороны Аркадии, где по ночам Пан играет на своей свирели.

⁵⁰⁶ ...*треножников страж*...— ворон, посвященный Аполлону; появление орона, орла, посвященного Юпитеру, и совы — птицы Минервы, считалось наиболее благоприятным для гадания. Ср. Гораций. «Оды», III, 27, 9: «Ворон...вещу...» (пер. Н. З. Гинцбурга); Овидий. «Метаморфозы», II, 545—548:

«Только измену

Фебов ворон узнал и, тайный девы проступок

Намереваясь раскрыть, доносчиком неумолимым

Тотчас отправился в путь к господину;

...*пылающий молниеносец*...— орел, вестник воли Юпитера. Ср. IX, 858, а также Гомер. «Илиада», XXIV, 315: «Быстро орла нислослад, между вещей вернейшую птицу...».

⁵⁰⁷ ...*Минервы...птица*...— сова.

⁵⁰⁸ ...*коршун*— а нет никого для гадания лучше...— У Ливия, за полетом коршунов наблюдают Ромул и Рем, прежде чем основать Рим («От основания города», I, 7, 1); однако, будет для вопрошающих результат гадания положительным или отрицательным, зависело не столько от того, какая именно появится птица, а от того, откуда и при каких обстоятельствах она прилетит,

⁶¹¹⁻⁶¹² ...могильный филин.— Появление днем ночной птицы сулило беду; у многих поэтов филин ассоциируется со смертью и погребальным обрядом. Ср. Вергилий. «Энеида», IV, 462; Овидий. «Метаморфозы», X, 453. Овидий излагает миф о превращении в филина Аскалафа, сына Ахеронта, за то, что он сумел хитростью удержать Прозерпину в царстве мертвых («Метаморфозы», V, 562 сл.).

⁶¹⁴⁻⁶¹⁶ ...крылами бьющих зефиром на страх...— т. е. рассекающих воздух; нававания ветров «Зефир», «Нот», «Борей» Стаций употребляет поэтически обобщенно. Ср. I, 193.

⁶¹⁸ ...царственных полубогов посреди...— Среди аргонавтов были сыновья богов, в частности, дети Юпитера — Кастор, Поллукс и др.; ...на сосне фессалийской...— имеется в виду корабль Арго, построенный в Фессалии из соснового дерева. Ср. III, 23, а также Сенека. «Медея», 336 слл.

⁶³² ...семь...Юпитера оруженосцев...— орлы. См. III, 506; ср. Вергилий. «Энеида», IX, 564; Овидий. «Метаморфозы», XV, 386; Гораций. «Оды», IV, 4, 1.

⁶³⁷ ...перьями день пролил...— С неба сыпались перья, испачканные кровью сталкивающихся птиц. Ср. Вергилий. «Энеида», XI, 721 сл.; ...внезапную ярость...— т. е. ярость появившихся слева орлов.

⁵³⁹⁻⁶⁴⁶ ...один вдруг вспыхнул в пламени солнца...— Семь орлов отожествляются с семью вождями, идущими войной на Фивы, и гибель птиц соответствует гибели каждого из вождей. Так, Капаней погибнет от молнии (X, 927 сл.); другого — ...сгубили...ные крылья...— Партенопей (IX, 877 сл.); ...рухнул, сцепившись с врагом...— Полиник (XI, 564 сл.); ...четвертый, отброшен, бестаком...— Адраст, единственный из вождей, спасшийся от гибели; ...облаком пятый сметен...— Гишпомедонт, сломленный потоком Исмена (IX, 522 сл.); ...шестой погибает, живую птицу терзая...— Тидей, в безумье грызущий голову Астакида, навешенного ему смертельную рапу (VIII, 655 сл.).

⁶⁴⁶⁻⁶⁴⁷ ...того, кто падает, я узнаю.— В падении лебедя Амфиарай увидел свою собственную гибель; земля разревелась и поглотила его (VII, 816 сл.).

⁶⁶¹⁻⁶⁶⁵ И откуба в жалких живых существах...— Ср. сходное рассуждение у Горация (Оды, I, 3) и у Овидия в описании «железного века» («Метаморфозы», I, 132 сл.); у Стация (III, 559 и сл.)— отклик на описание «золотого века» у Овидия. Ср. «Метаморфозы», I, 89 сл.; ...фессалийское ало.— умение фессалийских колдуний возрождать мертвых, сводить луну с неба и т. п. Ср. III, 144. ...золотая, дедова — кровь...— того поколения, которое жило в «золотом веке». Ср. Овидий. «Метаморфозы», I, 89 сл.; ...от камня иль дуба рожденных...— Людской род после уничтожения его потоком был возрожден из камней и деревьев. Ср. IV, 276 сл.; Вергилий. «Энеида», VIII, 315 сл.; «Георгики», I, 62 сл.; Овидий. «Метаморфозы», I, 375 сл.; Гомер. «Одиссея», XIX, 162—163: «Скажи ж откровенно мне, кто ты? Уж верно не отрасль славного в древности дуба, не камень от груди утеса».

⁶⁸¹⁻⁶⁸² ...колесницы, стоявшие в божьих храмах...— обычай посвящать богам зачавшие колесницы врагов так же, как прикреплять оружие к потолку храма. Ср. II, 257; XI, 699; «Ахиллеяда», I, 423. В храме помещались и собственные колесницы, одержавшие победу в бою или состязании.

⁶⁸⁶⁻⁶⁹¹ Там — блестящий шлем...— Сцена облачения в доспехи перекликается со сценой из XIX песни «Илиады» (384 сл.); ...гортинский сгибают рог...— лук; критяне (Гортина — город на Крите) считались лучшими лучниками. Ср. V, 361, а также Вергилий. «Энеида», XI, 773; ...быком отслужившим...— Быка можно было закалывать только для жертвоприношения; при этом внутренности и тук отдавались божеству, а шкура могла быть использована для обтягивания щитов. Ср. Плиний. «Естественная история», VIII, 45.

⁶⁹⁴⁻⁶⁹⁵ ...силится...бок помянуть Энкелад...— сравнение, опирающееся на миф, согласно которому Юпитер пронзил гиганта Энкелада молнией и придавил горой Этной. Ср. Вергилий. «Энеида», III, 578—579: «Там Энкелада лежит опаленное молнией тело,— Так преданья гласят,— громадой придавлено Этны...».

⁶⁹⁶⁻⁶⁹⁹ ...гора, пламеня, в недрах грохочет...— Ср. Вергилий. «Энеида», III, 571; VIII, 419; «Георгики», I, 472: «...Не раз бросался на нивы циклопов, Горны разбив и кипя,— и это мы видели!— Этна».

⁶⁹²⁻⁶⁹⁶ ...долго богов презирал безнаказанчо.— Ср. IX, 550, а также с образом Ме-

авенция у Вергилия («Энеида», VII, 648; VIII, 7). Однако Стаций, по-видимому, в создании образа Капанея следовал древней традиции. Ср. Эсхил. «Семеро против Фив», 420 слл.

⁶⁰⁴⁻⁶⁰⁵ ...словно один из живущих в лесах тенистой Фолои...— Сила Капанея сравнивается с силой кентавров; ...братъев этнейских...— Рост Капанея сравнивается с ростом Киклопов, у которых было жилище на горе Этве.

⁶¹¹ ...под киррейской вершиною...— т. е. под Парнассом, у подножия которого расположена Кирра с оракулом Аполлона; ...полый...— имеется в виду пещера, из которой подымались ядовитые испарения, приводившие Пифию в иступление.

⁶¹⁴ ...побледневшая ...дева...— Пифия.

⁶³³⁻⁶³⁴ ...персеевой дальней кручи...— т. е. горы Афесант, откуда Персей отправился на битву с Медузой-Горгоной. Ср. III, 463.

⁶⁵⁷ ...венки...— венки из лавра, которые как жрец носил Амфиарай.

⁶⁶⁸⁻⁶⁶⁹ ...что со мною готовы впасть в иступление борьбы...— «Буйство», безумная ярость — постоянная характеристика Капанея (ср. X, 32, 486, 752 сл., 754, 831, 907, 919), восходящая к Еврипиду («Финикиянки», 1172) и Софоклу («Антигона», 135); «доблесть» — также постоянная характеристика Капанея у Стация (ср. III, 655 сл.; VI, 737; X, 834, 845 сл.), как и его «неправедность», безбожние, дерзость и т. п. (ср. III, 602 сл.; IX, 548 сл.; X, 258 сл., 485 сл., 831 сл.). Ср. Эсхил. «Семеро против Фив», 427 сл.; Софокл. «Антигона», 124 сл.; Еврипид. «Финикиянки», 1174 сл.; «Умолющие», 498 сл.

⁶⁷¹⁻⁶⁷⁶ ...словно бегущий поток...— традиционное сравнение в эпической поэзии. Ср. Гомер. «Илиада», V, 87 сл.; Вергилий. «Энеида», II, 305 сл.; Силий Италик. «Пунические войны», IV, 520 сл.; Лукреций. «О природе вещей», I, 282 сл.; Валерий Флакк. «Аргонавтика», VI, 632 сл.; Клавдиан. «Похищение Прозерпины», III, 269 слл.

⁶⁸⁵ ...в Океан убегающим звездам...— Считалось, что только Медведина остается на небе, а остальные звезды опускаются в Океан. Ср. Гомер. «Илиада», XVIII, 489; «Одиссея», V, 275; Вергилий. «Георгики», I, 246; Овидий. «Метаморфозы», XIII, 293, 727: «Смотрит к Борею, на Аркт, никогда не сходящийся с морем».

⁶⁹¹⁻⁶⁹² ...гименей...— брачная песнь; свадьба; Гименей — цокровитель брака; ...Юнона недобрая факел слева зажгла...— Юнона покровительствовала браку; факелы несли впереди невесты во время брачной процессии; во время свадьбы Аргия несколько факелов погасила от падения щита с храма (см. II, 258).

⁶⁹³ ...страха пред тигром...— Ср. II, 128.

⁶⁹⁷ ...изгнанника...— Эдипа.

⁶⁹⁹ ...сведенные богом десницы?!— Аргия напоминает Адрасту ту почь, когда он показал гостеприимство Полинику и провозгласил его своим зитем. Ср. II, 149; Вергилий. «Энеида», I, 408; VI, 697.

⁷⁰¹ ...не пыталась украсть Венеры огонь потаенный...— Аргия не стремилась к браку с Полиником, но стала его женой по воле отца.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

¹ Третий...Феб...— третий год с тех пор, как Полиник покинул Фивы. Ср. III, 440; ...Зефирами...расталивал...зиму...— Ср. Вергилий. «Георгики», I, 44: «...и земля под Зефиром становится рыхлой».

⁵⁻⁶ Факел горящий...Беллона...подняла...— Беллона обычно изображалась с факелом в правой руке и с кнутом в левой; здесь она подает сигнал к выслушению, метнув дрот и зажгши факел над крепостью аргивян. Ср. XII, 649, а также Тибулл. I, 6, 45 сл.; Лукан. «Фарсалия», I, 565.

²⁸ ...сплетаются длани вокруг шеи...— Ср. Гораций. «Эподы», XVII, 72.

⁴²⁻⁴³ ...крылатых чистит коней...— коней Адраста.

⁴⁸ ...Фирея, где кровь Лакедемона будет стекаться...— Когда о фирейском поле поспорили аргивяне и спартанцы, было решено, что поле достанется победителю. В бою пали все спартанцы и осталось в живых двое аргивян. Они поспешили в Аргос сообщить о победе, а в это время спартанец Отриад поднялся, снял доспехи с многих

врагов и, возведя трофеей, написал своей кровью: «Спартанцы по аргивянам», — после чего умер.

⁵⁶⁻⁵⁷ ...фракийцев дома сокрушили... — намек на миф о Филомеле, события которого произошли во Фракии; ...преступных кровли Микен... — намек на миф о Фieste и Атрее; ...сокрушили... Кадмов очаг... — за преступление Агавы или Эдиша.

⁵⁹ ...Эфира..., услышавшая жалобы Ино... — В Эфире были учреждены игры в честь сына Ино, Палемона.

⁶⁰⁻⁶¹ ...поэтам нечуждый выбит конем горгоновым ключ... — Имеется в виду источник Пирена, вдохновлявший поэтов; «горгонов конь» — Пегас, на котором Персей убил Медузу Горгону.

⁶⁷ ...день пустым препоясывать кругом. — круг, который пращники описывают, вращая пращу; ...пустым... — так как круг невидимый, не оставляющий следов.

⁷⁴⁻⁷⁶ ...диркейский вятъ... — Поливик.

⁸⁶ ...древки двойным блистают железом... — два копья с железными наконечниками.

⁸⁹ ...сестер... — Антигону и Исмену.

⁹⁵⁻¹⁰⁰ Змея из глуби подвемной так выскользает... — Ср. Гомер. «Илиада», XXII, 93—95:

«Словно как горный дракон у пещеры ждет человека,
Трав ядовитых нажравшись и черной наполнив злостью,
В стороны страшно глядит, извиваясь вкруг над пещерой».

¹⁰¹⁻¹⁰⁶ Также молва о войне из Этолии благоспешных шлет на подмогу мужей... — В перечне городов и вождей, участвовавших в войне, Стаций следует Гомеру, сохраняя гомеровские названия городов, но нередко меняя их местами. Ср. Гомер. «Илиада», II, 639: «Рать из мужей, обитавших в Олене, Пилене, Плевроне...»; ...мелеагров Плеврон... — в честь Мелеагра, убитого Калидонского вепря; ...сестры пернатые... — сестры Мелеагра, чрезмерно оплакавшие брата, были превращены богинями в птиц; ...Юпитера именем звавший Иду Олен... — город с таким же названием находился не только в Этолии, но и в Ахайе; именно там коза Амалфея вскормила Юпитера своим молоком; Стаций намекает на этот эпизод, по-видимому, не различая эти два города; воспитан Юпитер был на горе Иде: ...облик реки, в борьбе с Геркулесом разбитый. — Реки изображались персонализированно с головой быка; имеется в виду Ахелой, сразившийся с Геркулесом из-за Денниры и потерявший в битве рога. Ср. II, 217 («двурогий родитель Инах»).

¹¹⁹ ...из персеевой почвы... — из аргивской.

¹²¹ ...вятем надмен Юпитером... — Дочь Ипаха Ио была возлюбленной Юпитера.

¹²² ...Эрасин, увлекающий злаки дрепов... — Эрасин постоянно выходил из берегов и заливал поля. Ср. IV, 713.

¹²³⁻¹²⁴ ...толм, что не знает гениской Цереры... — Имеется в виду Эпидавр, богатый виноградом, но лишенный плодородных полей. Ср. Гомер. «Илиада», II, 561.

¹²⁵⁻¹²⁷ ...в пору вторую цветущий Нестор... — «Первым» считался возраст до тринадцати лет, а «вторым» — до шестидесяти; Нестор принял участие в троянской войне уже в третьем возрасте. Ср. Гомер. «Илиада». I, 250 слл.; Овидий. «Метаморфозы», XII, 188.

¹³¹⁻¹³² ...грудь, и плечи широко огненный круг укрывал... — щит с изображением Данаид, убивающих сыновей Египта; см. примеч. к II, 215—222.

¹³³ ...под черными...огнями... — свадебные факелы; ...черные... — в знак гибели юношей; см. примеч. к IV, 132—133.

¹³⁶ ...от палладиной кручи... — из Ларисы.

¹⁴⁰ ...двуприродный Гилей... — кентавр.

¹⁴⁶ ...божеством... — Геркулесом.

¹⁴⁸ ...питомца... — Геркулеса, который был воспитан в Тиринфе. Ср. Вергилий. «Энеида», VII, 662.

¹⁵¹ ...произведенные... Киклопов трудами постройки. — Тиринф, возведенный Киклопами. Ср. Вергилий. «Энеида», I, 423.

¹⁵⁷ В честь Геркулеса поют пеан... — В собственном смысле пеан — гимн в честь Аполлона; зд. в значении — «торжественная песня».

- ¹⁵⁸ ...*бог... слышит с Эты...*— так как Геркулес был после смерти сожжен на Эте.
 Ср. Сенека. «Геркулес на Эте», 164б.
- ¹⁶¹⁻¹⁶⁴ ...*доспех гостившего бога...*— Когда Геркулес шел сражаться с Немейским львом, он останавливался в доме Молорха.
- ¹⁷² ...*стынувший ток...*— лернейское болото.
- ¹⁷³⁻¹⁷⁶ ...*кольчуга... грозный — не материн — труд...*— Обычно военные хлампы своим сыновьям ткали матери. Ср. VIII, 565; IX, 691; Вергилий. «Энеида», X, 818.
- ¹⁷⁷ ...*жалом снабженный стоит кипарис...*— копые из кипариса.
- ¹⁷⁸⁻¹⁷⁹ *Шли под началом его питомцы Амфигении...*— Ср. Гомер. «Илиада», II, 592, 729.
- ¹⁸⁰⁻¹⁸² ...*прочих прислали Фрион и высокогорная Эпи...*— Ср. Гомер. «Илиада», II, 591, 593; ...*Гелос и Птелеон, Дорион, печально известный гетским певцом...*— Ср. Гомер. «Илиада», II, 593 сл.; ...*гетским певцом...*— т. е. фракийцем Фамиром, который был лишен Музами дара пенья за то, что похвалялся своим искусством кифареда перед богами.
- ¹⁸⁶ ...*как повис сатир в знаменитых Келенах...*— Марсий. См. примеч. к I, 709.
- ¹⁸⁷ ...*авгура...*— Амфиарая.
- ¹⁹⁰⁻¹⁹¹ ...*супруги козни...*— Эрифилы; ...*златом запретным.*— ожерельем Аргии. Ср. II, 297 сл.
- ²¹⁴⁻²¹⁶ *Конь... (его в неравном соитье Киллар на свет произвел без ведома Кастора)...*— Киллар — конь Кастора (хотя, по Вергилию, его хозяин — Поллукс; см. «Георгики», III, 90) без его ведома сошелся с некоей обычной кобылицей, потому что, как замечает Лактанций в комментарии к стиху 214, «столь породистый конь не мог найти кобылицу такой же породы».
- ²¹⁶ ...*жреца...*— Амфиарая; ...*парнасская... вблн...*— аполлонова, так как Парнас посвящен Аполлону.
- ²¹⁷ ...*украшает шелом олива...*— убор жреца; ср. II, 99; III, 466.
- ²²² ...*ослепленным щит полыхает Пифоном.*— Щиты украшались разными изображениями; Пифон был повержен Аполлоном.
- ²²⁴ ...*кормой избегаема робкой, Малей...*— мыс, который корабли оплывали стороной из-за опасного для навигации моря. Ср. Вергилий. «Энеида», V, 193.
- ²²⁵ ...*Кари (им отвечает Дианы пляске прилично)...*— В Кариях была роща, посвященная Диане и нимфам; в роще спартанские девушки каждый год устраивали пляски в честь Дианы, рукоплещущей пляшущим.
- ²²⁶ ...*пернатых плодит,*— кифереина Месса...— город, в котором было много посвященных Венере голубей: отсюда эпитет «кифереина». Ср. Гомер. «Илиада», II, 582: «...стадам голубиным любезную Мессу».
- ²²⁷ ...*с лебяжьих прибрежий Эврата...*— т. е. с берегов реки, где много лебедей.
 Ср. X, 504; «Сильвы», I, 2, 142.
- ²³⁶ ...*хламида...*— верхнее шерстяное платье у греков; плащ.
- ²³⁶ ...*в ледяных перьях...*— т. е. в лебединых; Юпитер сочетался с Ледой, явившись к ней в виде лебеда.
- ²⁴⁰ ... *Алфей, не смешанный с морем глубоким.*— Алфей берет начало в Элиде и, протекая под морем, появляется в Сицилии. Ср. I, 272.
- ²⁴²⁻²⁴⁴ ...*обычай...эномаев, и слава...им сокрушенных осей...*— См. примеч. к I, 274.
- ²⁴⁸ ...*суровая мать...*— Аталанта.
- ²⁵⁰ ... *луком смиряя своим тыль ледяного Ликей.*— т. е. охотясь в лесах на горе Ликей.
- ²⁶⁴ ...*властительниц рощ...*— дриад, гамадриад; ...*богинь, посвященных потокам...*— нимф
- ²⁶⁷⁻²⁶⁸ ...*Диана прощала прежней сопутнице...*— Аталанте, вступившей в брак и родившей сына.
- ²⁶⁷⁻²⁶⁸ ...*Калидонская матери... битва;*— битва Аталанты, сражавшейся с калидонским вепрем.
- ²⁶⁹ ...*кидонскими стрелами...*— т. е. критскими (Кидония — город на Крите); критяне были лучшими лучниками.

271—273 ...на...коне в двойном облаченье рысей...— Конская попона делалась в особенностях у охотников из шкур диких животных.

276—277 ...рожденные...на...ветках дубрав.— См. примеч. к III, 559—560; ср. Вергилий. «Энеида», VIII, 315.

285—287 ...Рилей, Стратия войско дарят и открытая ветру Эниспа.— Ст. Гомер. «Илиада», II, 606 слл.

288 ...бог окрыленный...— Меркурий.

289—290 ...Ладон (едва, Пифиец, не ставший тестем твоим)...— Аполлон преследовал Ладну, дочь Ладона, которая, спасаясь, превратилась в лавр.

291 ...Феней, посылающий Стикс к подземному Диту.— Феней, город в Аркадии, где, по преданию, находился водоем, воду из которого можно было пить только днем, а ночью она становилась ядовитой. См. Овидий. «Метаморфозы», XV, 332 слл.

292 ...соревнующийся с идейскими воплями Азан...— Празднества в честь Кибелы и Вакха, сопровождаемые криками и звуками кимвалов и тимпанов, справлялись на горах Ида во Фригии и Азан в Аркадии.

293—294 ...(ваша бабава, Аморы) села Нонакрии — край, Громовержцу с колчаном любезный...— Воле Нонакрии Юпитер сошелся с Калисто, обманув ее тем, что принял образ Дианы; потому в его руках был лук с колчаном.

295 ...изобильный скотом Орхомен...— Ср. Гомер. «Илиада», II, 605.

297—298 ...скалы, твоей, Геркулес, известные мощью, чудищ приют — Эрманф, и Стимфал кимвалогремлящий.— На горе Эрманф Геркулес убил чудовище — эрманфского вепра, а с горы Стимфал он же с помощью трещоток изгнал птиц, питавшихся человеческим мясом.

300 ...кто мирт пафийский сгибает...— т. е. носят изогнутые пастушеские посохи из мирта; мирты были посвящены Венере, а в Пафе был самый знаменитый храм Венеры.

304 ...медведицы пасть...главу укрывает...— Шлемы нередко изготовлялись из головы дикого животного. Ср. VII, 276.

307—308 ...там совершались пиры людоедские...— Имеется в виду миф о Фieste и Агрее.

340 ...скал и дубов сыновья...— Ср. IV, 276 сл.; см. примеч. к III, 559—560.

346 ...марсовы толпы...— См. примеч. к I, 7.

367 ...амфионовы...башни...— См. примеч. к I, 10.

383—388 ...Тот же — вылитый волк...— Ср. Гомер. «Илиада», XV, 585—587:

«С поля сбегал он, зверю подобный, свершившему пакость,
Зверю, который, пса или пастыря стада сгубивши,
В лес убегает, куда селян не собралась громада...».

374 ...пот проступил на лараз тирийских...— Это считалось предзнаменованием больших бед; лары — зд. и дальше — духи—охранители домашнего очага. Ср. Вергилий. «Георгики», I, 480: «В храмах слоновою кость прослезилась и бронза вспотела». Ср. там же I, 485 слл.

379 ...хоровода лесного царица...— предводительница хора вакханок.

380—381 ...сосный, расципанной натрое, мечет скорбно ...свет...— сосновый факел. Ср. всю сцену (IV, 380—405) с «Энеидой» Вергилия (VII, 497 слл.).

382 ...град...— Фивы.

383 ...Веледержавный отец нисейский...— Вакх.

384 ...к дедову роду...— к роду Кадма, отца Семелы, т. е. деда Вакха.

387 ...Ганг...— Река символизирует индийский народ и другие восточные народы, уже покоренные Вакхом.

389 ...золотой...— Река Герм известна золотым песком.

395 ...о вождах и племени ерешном...— т. е. о распри между братьями Полиником и Этеоклом.

402 ...общие горы!— Гем.

406—418 А трепетавший бедь, различными стразами сложен...— Ср. аналогичные сцены: Вергилий. «Энеида», VI, 237 слл.; Силий Италик. «Пунические войны», XIII, 400 слл.; ...царь...— Этеокл; ...к зрячей оною тьме...— к слепому прорицателю.

413—449 ...из царства смерти суровой вызванных манов явил...— основа всей сцены

вопросания душ умерших — XI песнь «Одиссея» Гомера и VI песнь «Энеиды» Вергилия; непосредственно на характер этой сцены у Стация повлияли Овидий («Метаморфозы», VII, 179 слл.), Сенека («Эдип», 530 слл.) и Лукан («Фарсалия», VI, 624 слл.); однако и в целом, и в деталях картина, изображенная у Стация, — плод его поэтической фантазии.

⁴¹⁵ ...перед вождем, омытым в воде Исмена... — перед Этеоклом; царям не дозволялось присутствовать при вызывании манов. Ср. Сенека. «Эдип», 390 сл., а также Тибулл, I, 2, 63.

⁴¹⁷ ...недра двухлеток разъяв... — См. примеч. к III, 456—465.

⁴³⁰ ...дядины... — Плутона. Ср. I, 295.

^{434—442} Марсова...земля простирается... — См. примеч. к I, 7.

⁴⁴⁵ ...сумрачношерстных быков и черных коней... — См. примеч. к I, 506. Ср. Вергилий. «Энеида», VI, 243.

^{451—453} ...изобильную девятикратно влагу... — Возлиания совершались из молока, меда, крови; ...над изъятой землей... — поскольку возлияние совершается поэтическим богам; ...актейский поток... — мед.

⁴⁶⁶ ...Девам... — Фуриям.

^{457—458} ...Аверна царь... — Плутон.

⁴⁵⁹ ...для подземной Цереры... — т. е. Прозерпины, дочери Цереры.

^{460—461} ...кипарисом горестным... — кипарис был посвящен Плутону и служил знаком траура. Ср. Плиний. «Естественная история», XVI, 33; ...со знаком железа. — скот, отобранный для жертвоприношения, метили ножом. Ср. Вергилий. «Энеида», XII, 173.

⁴⁷⁴ ...самый свирепый из братьев... — Плутон.

^{477—478} ...Персефоны...народ... — тени умерших.

^{482—483} ...сумрачный... Аркадею мощною ветвью ведет... — Меркурий; «мощная ветвь» — кадуцей. См. примеч. к I, 306 и II, 70.

⁴⁸⁵ ...трижды потрясая змеей... — Ср. I, 113; ...тисом воях из зажженным... — факел из тиса, дерева, сок которого смертелен; постоянный атрибут Фурий.

⁴⁸⁸ ...фебова дева... — Манто.

⁵⁰² ...кархеси... — (греч.) высокие, расширяющиеся бокалы с ручками во всю длину; ...проливал...шуйцей... — жертвенный сосуд полагалось выливать левой рукой, перевернув его в левую сторону.

^{505—506} ...колхидянка, скифской отравой напоена... — Ср. образ Медеи-колдуньи в кн. VII «Метаморфоз» Овидия.

⁵¹⁶ ...кто царит...над миром трояким... — т. е. над жителями неба, земли и подземного царства.

^{519—524} ...Слышат, родитель, тебя: бесплотные близятся толпы... — Ср. Сенека. «Эдип», 571—577:

«Услышав я,

Слова не тщетны: хаос разверзается,

Народам Дита к свету открывая путь.

Насторожив листья, деревья съежились,

И треснули дубы, и роща в ужасе

Вся задрожала, и земля отпрянула

С глубоким стоном...»

⁵²³ ...Флегетона ужасное пламя... — Ср. II, 6, а также Вергилий. «Энеида», VI, 550—551: «Огненный бурный поток твердыни Тартара мчится, мощной струей Флегатон увлекает гремучие камни».

⁵²⁵ Бледный, на троне сидит властелин... — Ср. Сенека. «Эдип», 524 слл., 582 слл.; ...властелин... — Плутон.

⁵²⁶ ...стигийской Юноны... — т. е. Прозерпины; ср. Вергилий. «Энеида», VI, 138: «...побег, посвященный дольней Юноне...».

⁵²⁸ Темная Смерть сидит меж веркал... — Ср. Вергилий. «Энеида», XI, 197: «В жертву Смерти быков приносит тут же без счета...».

⁵³⁰ ...гортинский судья... — Мивос, который при жизни царствовал в Гортине; ...грозящий безжалостной урной... — Чье имя выпадало из урны первым, тот должен

был поведать свою жизнь и получить заслуженное наказание. Ср. Вергилий. «Энеида», VI, 432.

⁵³³⁻⁵³⁵ *Но об Эребе зачем...*— Ср. описание царства мертвых у Вергилия («Энеида», VI, 273 сл.); *...о тщетной кентавров ярости...*— Ср. I, 458; *...о цепях... сковавших гигантов...*— Гиганты вели войну против нового поколения богов во главе с Юпитером и были им повержены в Тартар и закованы в цепи; *...о стесненной вещать Эгеона сторукого тени!*— Ср. VIII, 86.

⁵³⁸ *...водах, вводящих в обман...*— Когда осужденный на муки жаждой и голодом Тантал приближался к воде, вода отступала.

⁵⁴⁴⁻⁵⁴⁵ *...четырежды млеко их окропив...*— Ср. Тибулл, I, 2, 50.

⁵⁵⁴⁻⁵⁵⁵ *...киферейская отрасль...*— Гармония; *...обе змеи...*— Кадм и Гармония.

См. примеч. к I, 227—228.

⁵⁵⁶ *...земли порождения — марсово племя...*— Ср. I, 7.

⁵⁶³ *...озираясь на лук...*— Афанант, муж Ино, в безумии застрелил их старшего сына Лearchа. См. примеч. к I, 12—14; *...залог...*— Палемон.

⁵⁶³⁻⁵⁶⁹ *...матерь кадмейская...*— Агава.

⁵⁷¹ *...тело с плеча Эолид...*— Афанант нес на плечах тело убитого им сына Лearchа. Ср. I, 13 и III, 185 сл.

⁵⁷²⁻⁵⁷³ *...наказанный чуждым обличем сын Аристея...*— Актеон в образе оленя.

⁵⁷⁸ *Тантала дочь...*— Ниоба.

⁵⁹⁰ *...рассеченный Пелоп...*— Тантал, испытывая всеведение богов, подал им на обед мясо своего сына Пелопа, и Церера успела съесть кусочек плеча. Ср. Вергилий. «Георгики», III, 7; «...Пелоп, с плечом из кости слоновой...».

⁵⁹⁰⁻⁵⁹¹ *...свирепую пылью покрытый с ним Эномай...*— См. примеч. к I, 274.

⁵⁹⁸ *...царь...*— Этеокл.

⁵⁹⁷ *...те пятьдесят?*— спарты. См. примеч. к I, 7.

⁶⁰⁵⁻⁶⁰⁶ *...крылообутый бог...*— Меркурий; *...на свирепого внука...*— т. е. на

Этеокла.

⁶¹⁶ *...лик...*— Эдипа; *...исчерпанный...*— из-за его слепоты.

⁶²²⁻⁶²³ *...запретную Лету дам переплыть...*— Непохороненные и неотомщенные в течение ста лет должны были блуждать перед входом в царство мертвых. Ср. I, 298; Вергилий, «Энеида», VI, 329; Лукан. «Фарсалия», I, 11: «...и Красс неотмщенную тенью скитался».

⁶³¹⁻⁶³⁴ *...кто поразил счастливым мечом отца...*— Эдип.

⁶⁴⁴ *...зловный...родитель...*— Эдип, просивший богов о наказании своим детям. Ср. I, 46—87.

⁶⁴⁶⁻⁶⁴⁷ *...по...чацам битва геркулесовых...*— В немейских лесах Геркулес убил льва.

⁶⁴⁸ *...сидонскую...добычу...*— т. е. фиванскую; сидонскую, так как Фивы были основаны Кадмом, пришедшим из Сидона.

⁶⁴⁹⁻⁶⁵¹ *А кем остановлен гнев их...Феб, научи...*— Ср. Вергилий. «Энеида», VII,

641 сл.

⁶⁵²⁻⁶⁵³ *Войско хмельной возвращал от Гема смиренного к дому Либер...*— Ср. Овидий. «Метаморфозы», III, 528; Валерий Флакк. «Аргонавтика», V, 78 сл.

⁶⁵⁹ *...мималонки...*— (греч.) вакханки.

⁶⁶⁸⁻⁶⁶⁹ *...замолкнуть велел тимпанам, меди и шуму двоянных флейт...*— Ср. II, 78; Вергилий. «Энеида», IX, 618—619:

«Вас на высокий Дидим созывает Идейская мать
Звоном тимпанов своих и двухладным флейты напевом».

Ср. также Овидий. «Метаморфозы», III, 532; Валерий Флакк. «Аргонавтика», V, 78 сл.

⁶⁷² *...мачехи...*— Ювоны.

⁶⁷³⁻⁶⁷⁶ *...мать повержена в прах недостойный...*— т. е. Семела; см. примеч. к I, 12—14; *...мало родильных костров...*— Вакх был извлечен из возникшего от молнии пламени, в котором сгорела носившая его Семела; *...соперницы прежней...*— Семелы.

⁶⁹¹⁻⁶⁹² *...в пене внойный Пес Эргона мой.*— созвездие Малого Пса, восход которого возвещал наступление зноя; согласно мифу — пес Эргона, дочери Икария.

⁶⁹⁵ ...наглецов козломогил...— панов, сильванов, фавнов, сатиров.

⁷⁰⁸ ...отца...— Нила. Ср. Тибулл, I, 7, 24.

⁷¹⁶⁻⁷¹⁷ ...когда без узды огонь, по своду летящий, гиперіоновых вниа увлек коней Фаэтона...— Ср. I, 219—221.

⁷²⁵⁻⁷²⁶ Водам еще Арземор! унесенный...не дал имени...— Источник получил имя Архемора после его гибели, описанной ниже (V, 505 сл.).

⁷²⁹ ...чин трехлетний...— В память Офельта были уставовлены Немейские игры, которые проводились раз в три года; погребению Офельта и первому состязанию, которое в его честь устроили аргосцы, посвящена VI книга.

⁷⁴⁶⁻⁷⁶⁰ Вдруг, лесов посреди блуждая,— Эвой подготовил встречу...— Ср. Вергилий. «Энеида», I, 327 сл.; Гомер. «Одиссея», VI, 141 сл.; ...горестное дитя инатона сына Ликурга, а не свое...— Лемнианка Гипсипила попала в плен к царю Ликургу и стала кормилицей его сына, о чем она подробно рассказывает (см. VI, 28 сл.); ...спален аргосских не чужд и богов председатель...— намек на Юпитера и Данаю.

⁷⁸³ ...под знаком палящего Рака...— в летний зной (поэтик.).

⁷⁸⁴ ...звезды икарійской...— Эригоны. Ср. IV, 691—692.

⁷⁹⁰⁻⁷⁹² ...робким Куретам она плясать...— Кибела повелела Куретам, жрецам Юпитера, плясать и шуметь вокруг маленького Юпитера, чтобы пожиравший детей Сатурн не услышал его плача.

⁷⁹³ Мальчик...— Архемор.

⁸⁰¹⁻⁸⁰³ ...словно маленький Марс в одрисийских снегах...— Марс был воспитан в холодной Фракии; ...мальчик пернатый в горах Менала...— Меркурий; ...Аполлон, наклонявший Ортигию набок...— остров Делос (Ортигия), на котором родился Аполлон, по преданию был плавучим.

⁸¹² ...Амбракийского моря...— Ср. Лукан. «Фарсалия», V, 650.

⁸³³⁻⁸³⁵ ...чтимый престол Юпитера...— храм Юпитера Немейского; ...Геркулеса трудами...— в Немее Геркулес убил знаменитого немейского льва; ...выю он сжал и душу стеснил в напряжемся теле...— Ср. Аполлодор. «Мифологическая библиотека», II, 5,1; Сенека. «Геркулес на Эте», 1235.

⁸³⁷⁻⁸³⁸ ...ты...носящий рога даритель несаянущей влаги...— река Лавгия; см. примеч. к II, 215—222. Ср. IV, 108.

⁸⁴¹ ...Дуга...— радуга.

⁸⁴⁵ ...Ликорм, Кентавром хранимый...— река в Этолии, которую охранял кентавр Несс, убитый впоследствии Геркулесом.

КНИГА ПЯТАЯ

⁴¹⁻¹⁶ Так над простором морским...— Ср. Вергилий. «Энеида», X, 264—266:

«Так весной к потокам Стримона
В небе плывут журавли, окликав друг друга протяжно,
Между мятущихся туч уносимые Нотом попутным».

¹⁸ ...отпрыск Талая...— Адраст.

³⁰⁻³² ...и Фурий, и Лемнос, на тесных ложах завязанный бой...— Смысл этих намеков Гипсипила подробно раскроет в своем рассказе (V, 48—498).

⁵⁰⁻⁵¹ ...Лемнос, где после трудов огнедышащей Этны вкушает Мультибер отдых...— На Этне находилась кузница Вулкана.

⁵¹⁻⁵² Страну покрывает пространною тенью близкий Афон...— Ср. Гомер. «Одиссея», IX, 22 сл.; «Илиада», XIV, 229.

⁵⁸⁻⁵⁹ ...Венере мы храм задолжали, жертв для богини не жгли...— Ср. Валерий Флакк. «Аргонавтика», II, 98 сл.: «...но в храме Венеры холодный жертвенник был...»

⁶¹⁻⁶³ Паф свой старинный и сто алтарей оставив...— Ср. Вергилий. «Энеида», I, 415; ...идалийских летуний...— голуби, лебеди или воробьи, которых Венера запригала в свою колесницу.

⁶⁶ ...сестер тартарийских...— Фурий.

⁸⁶⁻⁸⁷ ...четырежды грянул ясный возок...— Счастливым считалось четное число. Ср. Вергилий. «Энеида», II, 242 сл.; «Буколики», VIII, 72—74:

«Изображение твое обвожу я, во-первых, тройною
Нитью трех разных цветов; потом, обведя, тройкратно
Вокруг алтаря обношу: угодно нечетное богу»

(Пер. С. В. Шервинского).

⁹²⁻⁹⁴ ...прянула, словно ее, как тевмесскую фийю, безумный бог охватил...—Ср. Вергилий. «Энеида», IV, 300—302:

Стала метаться она, совладать не в силах с безумьем,—
Так тиада летит, когда, призывая к началу
Буйных празднеств ночных, выносят из храма святыни
И в Киферонских лесах вакхический клич раздается».

¹¹⁰ ...как обновить Венеру...— т. е. вступить в новый брак.

¹¹⁷⁻¹¹⁸ Но грек для отмщенья возмог же девам — отец — вручить мечи...— Имсет-ся в виду Данай.

¹²¹⁻¹²² ...жена родопская мужеству учит...— Имеется в виду Прокпа, жена фракийского царя Теряя, которая подала ему на обед мясо сына в отместку за связь с ее сестрой Филомелой.

¹³⁵ ...с обнаженным мечом стояла Венера...— Ср. Валерий Флакк. «Аргонавтика», II, 175: «...разъяренная встала богиня...».

¹³⁸ Новое пламя зажгу и скреплю иные союзы».— Ср. Валерий Флакк. «Аргонавтика», II, 324: «...Венера сама заключить дозволит союзы...».

¹⁴⁵ ...щитолунные...— т. е. с пельтами, щитами серповидной формы, которые послали амазонки.

¹⁴⁶ ...отец...— Марс, который считался отцом амазонок из-за их воинственности и свирепости; ...и жестокой войны открывает ворота.— Имеется в виду обычай после объявления войны открыть двери храма Януса. Ср. Вергилий. «Энеида», VII, 622: «Прочный сломался засов — и двери войны распахнулись».

¹⁴⁹⁻¹⁵⁰ ...поломать веретена отроков и стариков...— веретена, которые пахотятся в руках Парок, прядущих нить жизни, т. е. лишить жизни.

¹⁵² ...кладку Минервы...— храм Минервы.

¹⁵⁶ ...Церера подземная...— Прозерпина.

¹⁵⁷ ...Стикса богини...— Фурии.

¹⁶⁵⁻¹⁶⁹ Не так ли серна...— Ср. Овидий. «Метаморфозы», I, 533 сл.

¹⁷⁸ ...бог — не чист ни в единой утробе.— Внутренности жертвенного животного, по которым проводилось гадание, свидетельствовали о немилости божества.

¹⁷⁷⁻¹⁸⁰ Медленнее опускал с Олимпа сырого Юпитер ночь...— Ср. Вергилий. «Георгики», I, 250 сл.; «Энеида», II, 250; Гомер. «Одиссея», XXIII, 243 слл.; «Илиада», XVIII, 239 сл.

¹⁹⁸⁻¹⁹⁹ ...объемлет Сон и тяжелый покой изливает из грозного рога...— Сон изображался с рогом, из которого он рассеивал усыпляющий мак. Ср. VI, 27; X, 111; Валерий Флакк. «Аргонавтика», VIII, 72; Сирий Италик. «Пунические войны», X, 352.

²⁰¹ ...сестры...— Фурии.

²⁰⁶⁻²⁰⁷ Право, из стольких убийств разноликих не знаю, какие...— Ср. Валерий Флакк. «Аргонавтика», II, 216 сл.: «Столькие лики убийств, столь разный рок убийственных как прослежу?»

²⁶¹⁻²⁶² Такой свирепостью гладная Осса не веселит Лапифов пиры...— Ср. Овидий. «Метаморфозы», XII, 210 слл.

²⁶² ...тучерожденных...— т. е. кентавров; Иксион посягнул на Юнону, по Юпитер придал ей образ Тучи, от брака которой с Иксионом родились кентавры.

²⁶⁸ Деда узнала...— т. е. Вакха, так как Фоант был сыном Вакха и Ариадны.

²⁷⁷ ...дочь.— Венеру.

²⁸⁷⁻²⁸⁹ ...в древе долбленом...— т. е. в лодке, выдолбленной из ствола дерева. Ср. Валерий Флакк. «Аргонавтика», II, 292—293: «...такой смогу ли корме тебя вверить, милый отец?»

³²⁰⁻³²² И по заслугам моим...— Ср. Валерий Флакк. «Аргонавтика», II, 309 сл.

³³⁴ ...поле само в ручьи, и безгласое сетует стадо.— Образ природы, оплакивающей погибшего, впервые появляется в эллинистической буколической поэзии (Феокрит, I, 71; VII, 74; Бион, I, 31 слл.; Мосх, III, 1 слл.), откуда переходит в латинскую

(Вергилий. «Буколики», I, 39 сл.; V, 20 сл.; VI, 10 сл.; X, 13 сл.; «Георгики», IV, 461 сл.; «Энеида», VII, 759 сл.; Овидий. «Метаморфозы», XI, 44; Валерий Флакк. «Аргонавтика», IV, 374 сл.; Силий Италик. «Пунические войны», XIV, 512 сл.; Клавдиан. «Похищение Прозерпины», II, 244 сл.). Ср. V, 579 сл.; VII, 685 сл.; X, 503 сл.; «Ахиллеида», I, 237 сл.

³³⁶ ...*сосна пелионская*...— Имеется в виду корабль аргонавтов Арго, везущий их в Колхиду за золотым руном; корабль считался божественным (Циперон. «О природе богов», II, 32), так как в его постройке принимала участие Минерва, а киль был сделан из додонского дуба. Ср. III, 23.

³³⁸⁻³³⁹ ...*плывет Ортигия*...— Остров Делос (Ортигия) по преданию был плавучим, пока Юпитер не остановил его, чтобы Латона смогла родить на нем Аполлона и Диану. Ср. IV, 803.

³⁶¹⁻³⁶² *Те отстояли от нас на полет гортинийских жал*...— т. е. критских стрел; см. примеч. к III, 587—588. Ср. IV, 269; Овидий. «Метаморфозы», IV, 708; VIII, 695; «Фасты», III, 583; ...*но Юпитер водвил и навлек тяжелую тучу*...— Вся сцена бури (V, 362—421) заимствована Стацием у Гомера. Ср. Гомер. «Одиссея», V, 291 сл.; XII, 405 сл.; XIV, 303 сл.

³⁷² ...*Тритона выдымал к небесам*...— Ср. Вергилий. «Энеида», X, 209: «Судно влечет могучий Тритон, пугая просторы...»

³⁸⁷ ...*частый озонь, несомый косматой стрелою*...— Ср. Вергилий. «Энеида», V, 528; Катулл, LXI, 77 сл.; Сенека. «Эдип», 309 сл.

³⁹⁰⁻³⁹⁴ *Так Юпитер сеет снегопадом гиперборейским*...— Ср. Гомер. «Илиада», XII, 278—283:

«Словно как снег, устремившись, хлопьями сыплется частый,
В зимнюю пору, когда громовержец Кронион восходит
С неба снежить человека, являя могущества стрелы:
Ветры все успокоивши, сыплет он снег беспрепятственный,
Гор высочайших главы и утесов верхи покрывая,
И цветущие степи и тучные пахарей нивы».

³⁹⁷ ...*падает чуждый снаряд, и пол возвращается в души*...— В страхе перед аргонавтами лемнинянки понимают, что им, одним женщинам, никак не справиться с мужами в равном бою.

⁴⁰⁴ ...*стиги заклеянных*...— гробцов.

⁴⁰⁸⁻⁴⁰⁹ ...*чтоб Калаис под тучей Отца ледяющего с мамы парус убрал*...— У Калаиса, сына Борея, были крылья.

⁴¹⁶ ...*Эсоном рожденный*...— Иасон.

⁴¹⁷ ...*древа палладины ветвь*...— ветвь оливы, посвященной Минерве, которая служила символом и украшением прорицателя Мопса.

⁴²⁶⁻⁴³⁰ *Так летят из ворот сокровенных боги*...— Ср. Гомер. «Илиада», XI, 23 сл.; «Одиссея», I, 22 сл.

⁴³¹ *Из Марафона, что стает лишь недавно свободен*...— Тесей убил быка, посланного оскорбленной Юноной, который опустошал поля Аттики в окрестностях Марафона.

⁴³⁴⁻⁴³⁷ ...*Адмета (он был отпущен без негодованья Фебом)*...— отпущен в плавание за золотым руном; ...*Орфей, на фракийца ничуть непохожий*...— Орфей был фракийцем по происхождению; ...*и каллидонская ветвь*— Мелеагр; ...*и...Черя зять*...— Целей, муж Фетиды, дочери Нерен.

⁴⁴⁰ ...*звездой одинаковой блещут*...— Когда аргонавты были застигнуты бурей у мыса Сигей, Орфей стал петть; тогда на головы Кастору и Поллуксу спустилось по звезде, а буря сразу утихла. Ср. Валерий Флакк. «Аргонавтика», I, 568 сл.

⁴⁴³ ...*лернейское бремя*...— Гялас был оруженосцем Геркулеса, стрелы которого были напитаны ядом лернейской гидры.

⁴⁶⁷⁻⁴⁶⁸ ...*кровать Фасис*...— из-за жестокости колхов и Медеи; ...*колхидского похоть отродья*...— Имеется в виду брак Иасона с Медеей. Ср. Валерий Флакк. «Аргонавтика», V, 418 сл.

⁴⁶⁴⁻⁴⁶⁹ ...*суровому гостю*...— Иасону; ...*дедово имя*...— имя Фоанта, отца Гипсипилы.

- ⁴⁷⁶ ...Фрикса руно из-за моря вернулось.— См. примеч. к II, 275—285.
- ^{605—608} ...дубрав устрашитель священный — змей...— Змей был посвящен Юпитеру.
- ^{608—610} Тускло пылают глаза...— Ср. Овидий. «Метаморфозы», III, 32 слл.
- ^{613—617} Скользья убегающим кругом, то храмы божиим змеем обвивал...— Ср. Овидий. «Метаморфозы», III, 77 слл.; Силий Италик. «Пунические войны», VI, 159 слл.
- ⁶¹⁸ ...огигова бога...— Вакха.
- ⁶²¹ ...пыша огнем, лютовал от твердешего яда.— Ср. II, 412.
- ⁶²⁷ Но там, где травя раскаленные вadoхи касались...— Ср. Овидий. «Метаморфозы», III, 75 слл.
- ^{629—630} Так разделяет эфир Дракон...— Змей сравнивается с созвездием Дракона.
- Ср. Вергилий. «Георгики», I, 244 сл.; Овидий. «Метаморфозы», III, 44 сл.
- ^{631—633} ...отроги обвие святого Парнаса...— Имеется в виду Пифон, живший на Парнасе; по приказу Юноны он преследовал Латону, мать Аполлона, за что был им убит.
- ⁶⁵⁸ В ответ узвалит могучим усилием глыбу...— Ср. Овидий. «Метаморфозы», III, 61 сл.
- ^{662—663} Тщетна доблесть вождя...— Ср. Овидий. «Метаморфозы», III, 63 сл.
- ^{669—670} ...даже когда бы ты нес Гиганта, который с тобою сросся.— т. е. если бы ты был Гигантом, так как у гигантов вместо ног было тело змеи. Ср. Овидий. «Фасты», V, 37.
- ⁶⁷⁸ ...своего господина.— Юпитера.
- ⁶⁸² ...тростник преломившие Фавны.— Фавны считаются создателями свирели.
- ^{699—604} Так, когда разорит гнездо и потомство летуньи медленный змей...— Ср. XII, 15 слл.
- ⁶³⁸ ...Ликурга-священнодея...— Ликург был жрецом Юпитера.
- ⁶⁴⁰ ...персеевой кручи...— т. е. Афесанта. Ср. III, 633.
- ⁶⁴² ...главу поражал из-за недр разъяренных.— Ликург сокрушался из-за неблагоприятных гаданий.
- ⁶⁵⁰ ...фоантова дочь...— Гипсипила.
- ⁶⁶¹ ...отпрыск ойнеев...— Тидей.
- ^{708—708} ...лучинный царь...— Нептун; ...Тритон...двуликий...— так как Тритон верхнюю половину тела имел человеческую, а нижнюю — рыбу.
- ⁷³³ Вождь Немеи...— Ликург.
- ⁷⁵¹ ...пилосская старость...— т. е. старость мудрого Нестора, который жпл в Пилосе.
- ⁷⁶² ...долголетия фригийского...— Имеется в виду судьба фригийца Тифона.

КНИГА ШЕСТАЯ

³ ...празднества чин...— О торжествах в честь Архемира знает Климент Александрийский («Протрептик», II, 34); холм Офельта видел Павсаний («Описание Эллады», II, 15, 3); образцами для Стация в изображении погребальных игр служили прежде всего Гомер (погребение Патрокла в XXIII песни «Илиады») и Вергилий («Энеида», VI, 176 слл.; XI, 132 слл.); помимо этого ср. описание погребальных обрядов у Аполлония Родосского («Аргонавтика», I, 1057 слл.); Энния («Анналы», VI, фрг. X); Силия Италика («Пунические войны», X, 529 слл.); Валерия Флакка («Аргонавтика», III, 274 слл.); Квинта Смирнского («Послегомеровский эпос», III, 1 сл.; 525 слл.).

^{6—7} ...на нивах пизейских...— Учреждение Олимпийских игр Гераклом (Алкидом) подробно изложено у Пиндары («Олимпийские оды», XI, 64 слл.); Алкид назван «благочестным», потому что он учредил игры в честь прадеда Пелопа; ...очистил оливою дикой.— увенчался венком, сплетенным из ветвей дикой оливы.

⁸ ...освобождена от объятий змеи...— от Пифона, убитого Аполлоном. Ср. I, 562.

⁹ ...ребяческих битв аполлонова лука...— О том, что Аполлон еще ребенком убил Пифона, читаем у Еврипида («Ифигения в Тавриде», 1250). Ср. Макробий. «Сатурналии», I, 17, 52.

¹⁰⁻¹¹ ...вблизи алтарей Палемона блюдется мрачный обряд...— О культе Палемона на Истме пишет Павсаний («Описание Эллады», I, 44; II, 1, 3; III, 2, 1; VIII, 48, 2); миф изложен у Овидия («Метаморфозы», IV, 416 слл.; «Фасты», VI, 485 слл.).

¹²⁻¹³ ...в пору праздника...— Истмийские игры проводились раз в три года в апреле месяце.

²⁰ ...тирренскую глубину...— О бурном Тирренском море ср. Гораций. «Оды», I, 11, 6; IV, 15, 13.

²⁸⁻³⁰ *Воплями полны пути...*— Ср. Вергилий. «Энеида», XI, 34 слл.

³⁰⁻³¹ ...плетенья почетных поясок сбросив...— Ср. отсутствие обычных украшений и атрибутов у скорбящего Вакха в VII, 149 слл.; ср. также III, 567.

³² ...в пыли погребальной.— Обычай в скорби посыпать волосы пылью упоминает Гомер («Илиада», XVIII, 23 слл.; XIV, 163 слл.; «Одиссея», XXIV, 316 слл.); ср. Вергилий. «Энеида», X, 844; XII, 611.

³⁵ ...осиротевшая мать...— Эвридика.

³⁸ ...вожди иназийцев...— Разумеются не только аргосцы — Адраст, Амфиарай и Капаней, — но и все выступившие против Фив вожди.

⁴⁵⁻⁵⁰ *Сам...отца ободрать принимался...Адраст...*— Ср. Вергилий. «Энеида», XI, 182 слл.; Гомер. «Илиада», XXIII, 109 слл.; ...*отца...*— Ликурга; ...*о потомстве шном и грядущих...детях.*— риторический «топос», встречающийся еще у Фукидида («История», II, 44, 3); ср. Еврипид. «Амфиарай», фр. 60, 90 сл.: «Все смертные подвержены страданиям, детей хоронят и снешат других родить»; ...*прядильщица немолимых...*— о Парках.

⁵⁵⁻⁸³ ...*ложе, добыча огня...*— При описании костра Офельта (ср. «Сильвы», III, 3, 33 слл.; II, 1, 181 сл.; «Фиваида», XII, 60 сл.) образцом для Стация служил Вергилий («Энеида», VI, 212 слл.; XI, 64 слл., 184 слл.); ср. Гомер. «Илиада», XXIII, 164 слл. Силий Италик. «Пунические войны», X, 561 слл.

⁶¹ ...*киннамон, от времен сохраняемый Бела.*— очень древний; Бел — мифический царь Египта или основатель Ассирии. Ср. Вергилий. «Энеида», I, 621; Овидий. «Метаморфозы», IV, 213; ...*киннамон...*— редкое благовоение; ср. «Сильвы», II, 6, 87 слл.; IV, 5, 31 сл.; V, 3, 42 сл.

⁶² *Златом наверху гремит, и высится пурпуром тирским выступ его некрутой...*— Вершина костра покрыта пурпурными тканями, украшенными золотом; о пурпурных тканях в погребальных кострах см. Вергилий. «Энеида», VI, 221 сл.; Силий Италик. «Пунические войны», X, 570 сл.; Лукан. «Фарсалия», IX, 175 слл.; Лукиан. «Нигрин», 72.

⁶⁴ ...*Лина...*— о смерти Лина ср. I, 557 слл.

⁷¹ ...и по смерти растут невеликие маны.— благодаря торжественному погребению, возвышающему достоинства погибшего младенца.

⁸⁴⁻¹¹⁷ *А в отдаленье...войско...костер, леса вырубая и руша... спешит возвести...*— При описании рубки леса для второго костра Стаций опирается на Вергилия: «Энеида», X, 135 слл.; VI, 179 слл.; ср. Гомер. «Илиада», XXIII, 114 слл. Ср. также Эний. «Анвалы», III, 187 слл. (фр. 10); Овидий. «Метаморфозы», X, 90 слл.; Силий Италик. «Пунические войны», X, 529 слл.; Сенека. «Геркулес на Эте», 1618 слл.; Лукан. «Фарсалия», III, 426 слл. Стацию подражает Клавдиан. «Похищение Прозерпины», III, 370 слл.

⁸⁴ ...*жреца указаньям...*— Амфиарая.

⁸⁷ ...*войны злополучной.*— братоубийственной войны между Этеоклом и Полиником, первой жертвой которой оказался Офельт.

⁹⁰⁻⁹⁴ *Лес...возносился, являя старости образ.*— Ср. IV, 419 слл.; ср. также Лукан. «Фарсалия», III, 399 слл.

⁹⁵⁻⁹⁸ ...*Нимф и пометы Фавнов сменял, пережив.*— Нимфы — гамадриды, живущие и умирающие вместе с деревьями; Фавны отличались долголетием; Лактанций по поводу кн. IX, 376 замечает: «Аристотель говорит, что нимфы и фавны умирают, прожив тысячу лет».

⁹⁹ ...*строй хаонийских дерев...*— дубов; хаонийский или додопский лес в Эпире был знаменит священными дубами; ...*кипарис, зиме неподвластный...*— вечно-зеленый.

¹⁰¹⁻¹⁰² ...ядовитым соком опасный тис...— Ср. Вергилий. «Энеида», V, 257; о ядовитых ягодах тиса говорит Плиний («Естественная история», XVI, 10, 20).

¹⁰²⁻¹⁰³ ...готовый...кровью напиться ясень...— Из ясеня делали копейные древка.

¹⁰⁴ ...держкую ель...— метонимически: корабли из ели, на которых люди держают пускаться в открытое море.

¹⁰⁶ ...вяз, лозе невраждебный.— Вязы с их редкой листвой служили удобной опорой для виноградных лоз; ср. VIII, 544—548; Вергилий. «Георгики», I, 2.

¹⁰⁷ Стоны земля издаст...— Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 709; XII, 713.

¹¹⁹ ...для скорбных теней...— для манов Офельта; ...для бессмертных.— в первую очередь для Юпитера, змей которого был убит.

¹²² ...в скорбном фригийском ладу...— Пелоп, по преданию, был фригийцем (ср. Софокл. «Аякс», 1291 сл.); фригийцы пользовались дудой, почитая Великую Матерь (ср. Тибулл. I, 1, 86; Гораций. «Оды», III, 19, 18).

¹²⁶⁻¹³⁰ Знатные греки несут в огонь погребальные жертвы...— Ср. Вергилий. «Энеида», XI, 60 слл.

¹³³ ...под багровые руки...— истерзаные во время плача. Ср. VII, 475 сл.; Овидий. «Метаморфозы», VI, 279.

¹⁴²⁻¹⁴⁵ ...я отчего-то войны и Фив...боялась...Кто нашу беду пожертвовал войску?— Младенец Офельт — первая жертва войны, в которой ни аргосское, ни фиванское войско не понесли потерь.

¹⁵⁰⁻¹⁶¹ Но вас обвинять я не стану...— Ср. Вергилий. «Энеида», XI, 164 слл.

¹⁹³⁻²⁰³ Гордые скиптр и убор Громовержца бросает родитель...— непосредственный образец — Гомер. «Илиада», XXIII, 140 слл.; ср. XII, 60 слл.; ...скиптр и убор Громовержца...— атрибут царской власти и облачение жреца Юпитера; ср. XII, 89 слл.; Сенека. «Геркулес безумный», 1231 слл.; ...железом власы умеряет, скрывашие спину и грудь...— срезает прядь волос и клок бороды; ...Иде с таким тебе, вероломный, условьем эти... власы посвящала я...— Ср. о Паргеношее VI, 607—610.

²⁰⁵ ...недозволенное...зрелище скрыли.— У римлян считалось недопустимым глядеть на пламя погребального костра; поэтому и пламя к костру подносили отвернувшись, чтобы не увидеть тени, расстающейся с телом. Ср. Вергилий. «Энеида», VI, 233 слл.

²¹³⁻²³³ Тут отряды...цари...выводят...— При описании ритуального объезда погребального костра образцами Стацио служили Гомер («Илиада», XXIII, 13 сл.) и Вергилий («Энеида», XI, 188 слл.); ср. также Аполлоний Родосский. «Аргонавтика», I, 1058 слл.; IV, 1595 слл.; Лукан. «Фарсалии», VIII, 734 слл.; Валерий Флакк. «Аргонавтика», III, 347 слл. Сакральный смысл такого объезда объясняет Тит Ливий («От основания города», XL, 6): «Существовал обычай, согласно которому, для свершения обряда очищения войско, разделившись на две части, съезжалось словно в битве». Подобного рода вооруженные объезды были приняты при погребении императоров и членов их семейств. См. Дион Кассий («История», 56, 42, 2 — в честь Августа; 59, 11, 2 — в честь Друзиллы). Объезды вокруг гробницы Друза было принято совершать ежегодно в установленный день. См. Светоний. «Клавдий», I, 3; ...*(слева, как должно)*...— в знак скорби; ниже (ст. 223)— конники объезжают костер, двигаясь по кругу вправо, чтобы отвратить беды в грядущем; ...так трубный призыв вырывает маршом стяги... Так звуки военной трубы заставляют воинов вырвать вонзенные в землю военные знамена и устремиться в битву.

²³⁴⁻²⁴⁸ Вот и конец...— Завершение погребальной церемонии и сооружение храма Стаций описывает по образцу Вергилия («Энеида», VI, 226 сл.); ср. также Гомер. «Илиада», XXIII, 226 слл.; IX, 212; «Одиссея», XXIV, 71 слл.; Овидий. «Метаморфозы», VIII, 536 слл.; ...*истощившийся Мулькибер*...— Ср. Овидий. «Метаморфозы», IX, 262 сл.; ...*единственный светоч*...— Ср. Катулл LXII, 34 сл.; ср. объяснение у Цицерона («О природе богов», II, 20, 53): «Звезда Венеры, по-гречески *phosphoros*, по латыни называется Люцифером (Денницей), когда она идет впереди солнца, а когда вслед — Веспером»; ...*встал храм*...— лат. *templum*; зд. в значении «памятник, надгробие»; ...*изображений черед*...— три ряда изображений на лицевой стороне и по бокам (тыльную сторону памятника римляне обычно не украшали) и вокруг каменного саркофага (храма, холма) — изображеные змея.

²⁴⁹⁻²⁵⁴ *Жаден до зрелища битв невоинственных...*— спортивных состязаний; ср. Вергилий. «Энеида», V, 106 слл.

²⁵⁵⁻²⁶⁷ *Между холмами лежал...дол...*— Ср. Вергилий. «Энеида», V, 286 слл.; XI, 522 слл. По поводу данного описания Х. В. Фортгенс (с. 127) умственно замечает: «Все места, где должно произойти нечто значительное, поэты более или менее подробно описывают для того, чтобы читатель представлял место действия. Однако напоминаю, что наши стихи не являются описанием определенного места и описанная Стацией Немей не похожа на Немей настоящую. Определенно известно, что наш поэт, в отличие от своего отца, никогда не был в Греции».

²⁶⁸⁻²⁹⁵ *Следом — извечный черед родителей ... вносят...*— В описании торжественной процессии, несущей изображения предков, Стаций отстает от традиции, так как обычно это шествие устраивалось в день погребения, а у Стация — через девять дней после него; кроме того несут изображения предков не Офельта, а Адраста. Отчасти эти изображения были описаны выше (II, 215—220), а предков Адраста уже перечисляла Манто (IV, 553—579 слл.) Не принадлежит к роду Адраста Кореб, но он назван как аргивский герой; *Ио ... приземленная...*— уже обращенная в корову: *...благосклонный Юпитер поднял, и чтить начала Аврора...*— Юпитер вновь обратил Ио в женщину, и ее стали почитать восточные народы; *...поводья Пептуна тянет Пелоп...*— Пелоп умолил Нептуна дать ему золотую колесницу и быстрых коней, чтобы, одержав победу над Эномаем, взять в жены его дочь Гипподамию. Гипподамия же подкупила возничего Эномая Миртила, и тот не закрепил колеса повозки своего господина. Одно из знаменитых изложенных мифа дает Пиндар («Олимпийские песни», I, 67 слл.), у которого Миртил не играет никакой роли. Миф о том, что Миртил был влюблен в Гипподамию и потому согласился погубить ее отца, изложен у Павсания («Описание Эллады», VIII, 14, 11); *...от оси летучей...*— от колесницы Пелона; *Грозный Акрисий... и Кореб...*— Акрисий суров к дочери Данае, заключенной им в баптию; о Коребе см. I, 563 слл.; *...грустит Амимона...*— «грустная»— постоянный эпитет, поскольку Амимона — одна из Данаид, страдавших на земле и вечно казнимых в Аиде; *...тройная Луна...*— поскольку Юпитер второе удлинил ночь, проведенную им с Алкменой; *...в союзе враждебном братья-Белиды...*— Ср. II, 222.

²⁹⁵ *Первыми спорить коням.*— В описании состязаний в честь Офельта Стаций следует Вергилию (состязания судов — «Энеида», V, 104 слл.) и Гомеру (игры в честь Патрокла — «Илиада», XXIII, 288 слл.).

³²¹ *...сыну...*— Фаэтону.

³²⁹ *...Кастор сменил на весло бразды амиклейской упряжки.*— Кастор примкнул к аргонавтам и на корабле отправился с Исоном в Колхиду.

³³² *...счастливец Адмет...*— Адмет назван счастливым, потому что пользовался расположением сразу двух богов, Аполлона и Геркулеса; один даже пас его стада, а второй помог вернуть из подземного царства жену Алкесту; *...с фессалийских берегов укрощает... холостых кобылиц...*— В состязаниях часто использовались кобылицы, о чем свидетельствует уже Гомер («Илиада», XXIII, 265, 295 сл.).

³⁴²⁻³⁴³ *...Эвнеем, в память Арго.*— Эввей (греч. букв.— доброплав) был назван в честь удачного похода аргонавтов.

³⁴⁸⁻³⁴⁹ *...диомедовы гетские кони...*— Хромий, сын Геркулеса, владел конями, которые Геркулес забрал у побежденного им царя Диомеда; Диомед кормил своих коней человеческим мясом; *...на четверке отца пиванского...*— Т. е. Эномая, так как он был царем Пизы.

³⁵²⁻³⁵⁴ *...нагроможденные камни, знак землепашцев...*— Камни разделяли земельные участки, принадлежащие разным хозяевам; *...меж той и другой в четыре полета было копейных иль в три полета стрелы расстояние.*— обычный для эпических поэтов прием указания на расстояние. См. примеч. к III, 587—588; ср. V, 361; Вергилий. «Энеида», XI, 608; Гомер. «Одиссея», IV, 473.

³⁶⁰⁻³⁶⁴ *...божьи начала: какой дух молнии шлет...*— В этом эпизоде Стаций следует за Вергилием. Ср. рассказ Анхиза в «Энеиде» (VI, 724 слл.).

³⁶⁶ *...лаир он сплетал с черепахой...*— Закончив песню, кифаред снимал с головы лавровый венок и надевал на кифару.

³⁶⁸ *...к геркулесовой...Немея...*— Немей названа геркулесовой потому, что Геркулес убил немейского льва.

³⁷⁵ *Ковда я служил в полях пелионских...*— Чтобы очиститься от пролитой крови Пифона, Аполлон по велению Юпитера восемь лет служил пастухом у фессалийского царя Адмета.

³⁸¹ *...подняв смерть...*— Когда Адмет тяжело заболел, оракул ответил ему, что он сохранит жизнь, если кто-нибудь на близких отдаст за него свою. На это решилась жена Адмета Алкеста, именем которой названа драма Еврипида. Ср. Ювенал. «Сатиры», VI, 652 слл.

³⁸⁴⁻³⁸⁶ *...плачем лицо улажняя, невзакоем с горем...*— Ср. Овидий. «Метаморфозы», II, 622—623; «Стоны стал издавать, — ведь лик небесный следами не подобает влажнить!»; *...тотчас Немеи достиг прыжком...*— Ср. Гомер. «Одиссея», I, 100: «Бурно в вершины Олимпа в Итаку шагнула богиня».

³⁸⁹ *В медном шлеме смешая, Протою уж вытащил жребьи...*— Древние широко пользовались жребием в разных сферах жизни: например, по жребию выбирались судьи (Светоний. «Юлий», XII), распределялись обязанности магистратов (Светоний. «Октавия», XXX), провинции отписывались проконсулам (там же, XI, XII); постоянно пользовались жребием при распределении мест в состязаниях, часто используя в качестве урны — шлем. Ср. Вергилий. «Энеида», V, 490; Светоний. «Нерон», XXI. ³⁹⁸⁻⁴⁰¹ *Тот же оземь и в конях...*— В описании трепещущих коней перед составлением Стадий следует за Вергилием («Георгики», III, 83 слл.).

⁴⁰² *Верные — рядом стоят, рабруя узлы и сплетенья...*— Ср. Вергилий. «Энеида», XII, 85 сл.

⁴⁰⁴ *...тирренский эротом...*— звук сигнальной трубы, которая считалась изобретением тирренцев (этрусков). Ср. Вергилий. «Энеида», VIII, 526: «Ревом тирренской трубы огласились неба просторы...».

⁴⁰⁸ *...взгляд с небес упадут...*— Ср. Вергилий. «Георгики», I, 365.

⁴¹¹⁻⁴¹³ *Воруж те — скрылись из глаз...*— сходное описание бега у Силлия Италика («Пунические войны», XVI, 325 слл.).

⁴¹⁸⁻⁴¹⁹ *...то, наклонясь вперед, в нетерпении ваги коснутся...*— близкое описание у Мавиля («Астрономикова», V, 74 слл.); *...оставшия врыв ветер еребет...*— Ср. Гомер. «Илиада», XXIII, 367.

⁴²²⁻⁴²³ *...град ледяной...силлет не гуще...*— Сравнения с градом встречаются у Вергилия («Георгики», I, 449; «Энеида», V, 459); *...от Оленских рогов дожди не обильнее льются.*— Созвездие «Козлята» приносило сильные дожди, о чем, в частности, сообщает Вергилий («Энеида», IX, 668).

⁴⁴⁰ *Фебов пророк...*— Амфиарай.

⁴⁴² *...герой фессалийский...*— Адмет.

⁴⁴⁷ *...морской звонкоступ...*— Арнон; эпитет «морской» получил как сын Нептува.

⁴⁶⁰ *... по имени кличет...*— Ср. Овидий. «Метаморфозы», II, 192: «...не в силах ковей удержать и имен их не знает».

⁴⁶² *...данайским авгуром...*— Амфиараем.

⁴⁷⁷⁻⁴⁷⁸ *...марсов... Гипподам...*— Отец Гипподама Эномай был сыном Марса.

⁴⁸⁰⁻⁴⁸⁹ *...иво всех геркулесовых сил...*— Хромий был сыном Геркулеса; *...в них вновь возникает голод былой...*— Хромий управлял конями Диомеда, вскормленными человеческим мясом. Ср. VI, 348; *...тиринский герой...*— зл. Хромий.

⁵⁰¹⁻⁵¹⁰ *...Арион пламеневший лишь увидал...*— Ср. с поверженным Минервой сыном Адмета у Гомера («Илиада», XXIII, 391 слл.); *...поднял высоко коней.*— Ср. Силлий Италик. «Пунические войны», IV, 144; *...аонийский ивганник...*— Полиник; *...без текарских колес...*— т. е. колесницы Амфиарая; *...фессалийская ось...*— колесница Адмета. Указывая колесницы, не называя имени возниц, Стадий следует за Вергилием, который вместо имен возжей в состязании называет корабли. Ср. Вергилий. «Энеида», V, 155 слл.; *...лемносский юный герой...*— Эвней, сын Гипсипилы; его брат-близнец Фоант уже упал, когда старался обогнать Адмета.

⁵²⁷ *Стои земля издает и уже угрожает бедою.*— Амфиарай должен погибнуть, провалившись вместе с колесницей в развернувшуюся землю.

⁵²⁹ *...морской...отец...*— Нептун.

⁵³¹⁻⁵³² *...награду пероюму...*— Ср. описание вручения дара победителю у Вергилия («Энеида», V, 531 слл.) и у Силлия Италика («Пунические войны», XVI, 449 слл.).

⁵³⁶⁻⁵³⁸ ...страшило золото... золотые изображения на кратере; ср. аналогичный прием в III, 223; ...в разгар сраженья с лапифами...— битва лапифов с кентаврами на свадьбе Перифоя; ...сам...— Геркулес; ...ярого держит Гилея...— Гилей грозил лапифам огромным кратером; Ср. Вергилий: «Георгики», II, 457; «Энеида», VIII, 294; Овидий: «Метаморфозы», XII, 378.

⁵⁴⁰⁻⁵⁴² Ты же, Адмет...получаешь славу...— Ср: Вергилий. «Энеида», V, 250 сл.

⁵⁴² ...молодой презритель...— Леандр; ...фриксова моря...— Геллеспонта.

⁵⁴⁷ ...дева сестейская...— Геро; ...заснет огонь-соучастник...— костер, который зажигала Геро в качестве путевого знака для Леандра.

⁵⁶⁰ Прочих встречая, молчит народа неосведомленность...— Ср: Вергилий. «Энеида», V, 302: «...имена их молва позабыла».

⁶⁷⁵⁻⁵⁷⁶ ...к палладиной борсти...прибег...— зачерпнул оливкового масла, которым во время упражнений и состязаний натирались бегуны и гимнасты (Ср: VI, 584—585—«палестра жирная»); ...к палладиной...— т. к. олива посвящена Афине;

⁶⁹³⁻⁵⁹⁷ Ринулся строй...— Ср. Вергилий. «Энеида», V, 316 сл.; ...столько же стрел от парфян убегающих...— Парфяне часто делали вид, что убегают с поля боя, и этим нарушали строй противника; затем, резко развернувшись, они его захватывали врасплох. См. об этом у Тацита («Анналы», VI, 35), Проперция (III, 9), Лукана («Фарсалия», I, 229 сл.).

⁶⁰²⁻⁶²³ Ветра быстрее меж тем убегают...— В сцене бега (особенно VI, 602—617) образцами для Стация служили Гомер («Илиада», XXIII, 758 сл.) и Вергилий («Энеида», V, 348 сл.); ...мелальский мальчик...— Партеноей; Оний решился на кознь...— Ср. сцену обманного выигрыша в состязании у Вергилия («Энеида», V, 325 сл.); ...прах зачерпнув, посылает лицо...— в знак скорби; ...из-за слез красота прекраснее прежнего стала...— Ср. Вергилий. «Энеида», V, 343.

⁶²⁷⁻⁶³⁰ Уйдите, не спорьте, дети мои! И опять испытайте уменье...— В отеческом обращении Адраста Стаций следует Вергилию («Энеида», V, 348 сл.; ср. там же, VI, 833).

⁶³² ...тегейский юнша...— Партеноей; «тегейский» от названия города Тегея в Аркадии.

⁶³⁸⁻⁶⁴⁰ ...шагов пробежавши не видит поле...— Ср. Гомер. «Илиада», XXIII, 763—766:

«Так Одиссей за Аяксом близко бежал; беспрестанно
Следом в следы ударял он, прежде чем прах с них ссыпался,
И дыханье свое изливал на главу Оилида,
Быстро и ровно бежа...»

⁶⁸⁰⁻⁶⁸¹ ...забросил диск вращавшийся вверх над собой...— Демонстрируя свою силу, Флегий делает пробный бросок вверх.

⁶⁸⁶⁻⁶⁸⁸ ...мелистая Феба сестра...— Луна; в сравнении речь идет о низведении луны фессалийской колдуньей. Ср. I, 105.

⁶⁹⁹ ...тебя призывая, от Майи рожденный...— Меркурий считался покровителем палестры. Ср. Гораций («Оды», I, 10, 1 сл.) и VI, 833.

⁷²² Отпрыск Талая...— Адраст.

⁷²⁴ ...злато концы торчащих когтей укрощало...— Ср. Вергилий. «Энеида», VIII, 553—554; «...как чепрак, покрывала львиная шкура его и сверкала когтей позолотой».

⁷³⁰ ...цесты...— ремни, отиженные свинцом, которыми обматывали руки во время кулачного боя. Ср. Вергилий. «Энеида», V, 363.

⁷³⁴⁻⁷³⁸ ...Из тысяч,— сказал,— одного...— Ср. угрозы Капанея перед состязаниями со словами Эпея у Гомера («Илиада», XXIII, 672 сл.).

⁷³⁹⁻⁷⁴⁶ ...из толпы обнаженных лаконовцев неожиданный выступил Алкидамант...— Ср. характеристику Алкидаманта у Стация с описанием Дарета у Вергилия («Энеида», V, 368 сл.).

⁷⁶¹⁻⁷⁶² ...лицо в отдаленье спасительном держат, скрыя за подобьем щитов...— Ср. Вергилий. «Энеида», V, 426 сл.

⁷⁶³ С Титием схож Капаней...— Ср. о Титии, I, 710; Стаций возвращается к сравнению Капанея с Титием в XI, 13' сл.

- ⁷⁶⁵⁻⁷⁶⁶ ...тратит силы без спешки, боясь за грядущее...— Ср. Гораций. «Сатиры», II, 2.
- ⁷⁶⁸ ...он врага отходящего по полю вонит...— Ср. бой Энтелла с Даретом у Вергилия («Энеида», V, 456 слл.).
- ⁷⁹⁹⁻⁸⁰⁰ ...по анаку с кормы — они опускают все вместе руки...— Этот обычай гребцов делать краткие передышки при длительном плавании отмечен еще у Плавта («Оссы», III, 1, 16).
- ⁸¹⁸ ...отширнув рукою и ветвь...— Ветвь пальмы была традиционным даром победителю. Ср. перечисление даров у Вергилия («Энеида», V, 110 слл.).
- ⁸¹⁹ Ужель я пылью густою...— В описании яростя Капанея Стаций следует Вергилию; ср. гнев Турна («Энеида», XII, 97 слл.).
- ⁸²² ...эбалийский наставник!— спартаец Поллукс.
- ⁸²⁵ ...потомца Тайгетской вершины.— Алкидаманта.
- ⁸³³ ...божество...— Меркурий; см. примеч. к VI, 699.
- ⁸³⁶ ...атомлеиц...— Тидей.
- ⁸³⁶⁻⁸³⁷ Спротив обнажает крепкое тело...— обычай сражаться обнаженными описан у Гомера («Илиада», XXIII, 708 слл.) и Вергилия («Энеида», V, 421 слл.).
- ⁸⁴⁸ ...облачаются в пригоршни пыли...— чтобы умащенное маслом тело не было скользким. Ср. Силий Италик. «Пунические войны», XV, 51; Овидий. «Метаморфозы», XIV, 136 слл.
- ⁸⁶⁰ Руки меняя...— Ср. схватку Тидея с Агиллеем и описание боя Тидея с Полиником (I, 431 слл.) и Капанея с Алкидамантом (VI, 796 слл.).
- ⁸⁹⁰ ...иберийских толмов испытатель...— Имеется в виду добыча драгоценных металлов.
- ⁹¹³ ...диркейский изгнанник.— Полиник.
- ⁹³⁸⁻⁹³⁹ Поле измерив, на миз стрела роковая коснулась древа...— Ср. Вергилий. «Энеида», V, 519 слл.
- ⁹⁴¹ ...возле уст анакомого тула упала.— Ср. Овидий. «Метаморфозы», VII, 684.
- ⁹⁴⁵ ...и явлено зло...— Ср. V, 498; ...один лишь вернется из битвы...— Из семи вождей только один Адраст вернется из-под Фив; все остальные погибнут.

КНИГА СЕДЬМАЯ

- ³ ...помавая головой...— Ср. Вергилий. «Энеида», X, 115.
- ⁵ ...Тегееи потомцу...— Меркурию, местом рождения которого считалась Аркадия, где находится Тегея. Ср. Вергилий. «Георгики», I, 18.
- ⁷⁻⁹ ...звездй белоснежной...ось...— Полярную звезду; ...огонь...чуждый вод Океана...— Звезды Медведицы всю ночь остаются в поле зрения, а остальные каждую ночь «погружаются» в Океан. Ср. I, 371, 684, 685; Лукан. «Фарсалия», II, 237: «В час, когда звездная ось Паррасийской Гелики склонилась...».
- ¹⁵⁻¹⁶ ...все, что Истм серебряный делит и...Малеи прибой овлашает.— материковую Грецию (Фивы) и Пелопоннес (Аргос).
- ⁴⁰ Тут по бесплодью лесов узнает он капища Марса...— Ср. Гомер. «Одиссея», VIII, 361; Вергилий. «Энеида», III, 13; Силий Италик. «Пунические войны», I, 433.
- ⁴⁷⁻⁵⁴ Стража чертогу подстать...— Стаций помещает при входе во дворец Марса всех его стражей — Ужас, Страх, Гнев,— помогающих ему в битве, как Вергилий у входа в царство теней располагает все причины смерти людей — Заботы, Болезни, Нищету и др. Ср. Вергилий. «Энеида», VI, 273 слл.
- ⁵⁵⁻⁶⁰ Разных доспехи земель...— Ср. Вергилий. «Энеида», VII, 183 слл.
- ⁶²⁻⁶³ ...предлюбодей тогда еще...связи своей не смывал на опутанном ложе.— См. примеч. к II, 269—271.
- ⁶⁴ ...меланьский летун...— Меркурий.
- ⁶⁵⁻⁶⁶ ...и Гебр розовеший, воды сломав, взревел...— См. примеч. к II, 215—222 и IV, 101—106. Ср. Овидий. «Метаморфозы», VIII, 889 слл.
- ⁷⁴ ...отпрыск килленский — Меркурий.
- ⁹² ...вина на землю лия...— Адраст почитает Архемира как бога, а не просто как мертвого, так как возлияния мертвым совершались только в том случае, если после

смерти человек был обожествлен. Ср. комментарий Сервия к «Энеиде» (VII, 77) Вергилия.

⁹⁴⁻⁹⁷ ...приходит не чаще к аркадским жертвам увечный Пелоп...— имеются в виду Олимпийские игры, которые были первоначально установлены в честь Пелопа; ...увечный...— желая испытать богов, Тантал заколол и сварил тело сына Пелопа и подал его богам в качестве угощения; все боги с негодованием отказались от яства, и только Деметра, огорченная исчезновением дочери Прозерпины, съела кусок плеча; Тантал был наказан, а Пелоп возвращен к жизни и плечо ему было сделано из слоновой кости; ...змеи к алтарям кастилийским...— Пифон, в честь которого, после того, как он был убит Аполлоном, установили Пифийские игры; ...на сосновый Лектей да является тень не скорее...— тень Палемона на Истмийские игры, в его память установленные; состязания проводились раз в три года.

¹⁰⁸⁻¹¹³ ...один из сонма приспешников — Ужас — ...— Ср. Вергилий. «Энеида», VII, 335 слл.

¹¹³ ...боязни нагнав, города помрачает...— Ср. Лукан. «Фарсалия», I, 484 сл.; Вергилий. «Энеида», IV, 174 сл.

¹³⁷⁻¹³⁸ ...у каждого в сердце бушует страсть...— Ср. Вергилий. «Энеида», VII, 460 сл.

¹⁶⁰ ...с рогов...— Вакх изображался с рогами в знак происхождения его от Аммона, священным животным которого был баран.

¹⁶⁵ «Ты ли Фивы свои истребишь...— сцену мольбы Вакха к Юпитеру (VII, 155—192) ср. со стенами стеной Юноны у Вергилия («Энеида», I, 35 сл. и VII, 292 сл.).

¹⁶⁷⁻¹⁶⁹ ...лара, которого ты обманула, и родимого пепла?— Намек на хитрость Юноны по отношению к матери Вакха Семеле. См. примеч. к I, 12—14.

¹⁶²⁻¹⁶³ Но ты не таким к порогу Данаи...— См. Даная, Каллисто, Леда.

¹⁶⁶⁻¹⁶⁷ Но носившему разве я не был бременем сладким...— После гибели Семелы от молнии Юпитера, Юпитер зашил Вакха к себе в бедро и вынашивал недостающие месяцы. См. примеч. к I, 12—14.

¹⁷⁷ ...мачехиных Микен...— Микены были под покровительством Юноны, мачехи Вакха; Микенами поэтому Вакх называет здесь «ненавистные Арги».

¹⁷⁸⁻¹⁸³ Что ж, уступлю...— Ср. слова Венеры у Силия Италика («Пунические войны», III, 565 слл.); ...но сумею же брат скалу закрепить латонину...— Аполлон в честь матери Латоны основал плавучий остров Делос, на котором родился. Ср. IV, 803.

¹⁸⁴⁻¹⁸⁵ ...Тритонида смогла от милой твердыни вражды потоки прогнать...— Минерва спасла Афины, которые были под ее покровительством, от потопа, насланного Юпитером.

¹⁸⁹ ...Геркулесом чреватые ночи...— Вакх напоминает Юпитеру о трех ночах, проведенных им с Алкменой, родившей Геркулеса.

¹⁹⁰ ...страсть блуждающей дочери Никтея...— т. е. Антиопы, которая зачала от Юпитера и была изгнана из родного города отцом Никтеем. Ср. Аполлдор. «Мифологическая библиотека», III, 5, 5.

¹⁹¹⁻¹⁹² ...бык, счастливейший нашей молнии...— образ, в котором Юпитер похитил Европу; Европа оказалась счастливее Семелы, погибшей от молнии Юпитера.

¹⁹³ Ревность ваваяна отцу...— Ср. Вергилий. «Энеида», I, 254: «Ей улыбнулся в ответ создатель бессмертных и смертных...».

²⁰⁸⁻²⁰⁹ (...если даже забыть о злодействах дорян)...— Имеется в виду Тантал; ...дорян...— греков.

²¹¹⁻²¹³ ...Пенфей — не забрызганный кровью отцовской...— Пенфей не был запятан преступлениями, как Эдип, на которого намекает Юпитер, но тем не менее погиб по воле Вакха. Ср. I, 62—87.

²²¹ ...мститель — иной...— Имеются в виду либо Эпигоны, сыновья семи вождей, которым удалось через десять лет овладеть Фивами, либо Александр Македонский, завоевавший Фивы.

²²³⁻²²⁴ Так, сожжены и злою жарой, и Нотом унылым...— Ср. Вергилий. «Буколики», II, 58—59: «В своем я безумии Австра сам напустил на цветы...».

²³⁴ ...оценить мощь силы своей...— В описании фиванского войска (VII, 234—289) Стаций опирается на список бестийской рати у Гомера. Ср. «Илиада», II, 494 слл.

²⁴³⁻²⁴⁴ *Одадь на башне пустой Антисона...*— Ср. Еврипид. «Фивкиянки», 87 слл.; *...своей лик охраняет одеждой...*— Ср. выход из дома Елены у Гомера («Илиада», III, 141 слл.).

²⁶² *...с медною Сфингой...*— обычное украшение шлема; здесь оно подчеркивает, что Гемон — фиваец. Ср. X, 659 — описание шлема Менекен.

²⁵⁶⁻²⁵⁸ *...у него на щите белоснежном презубец изображен и перун золотой...*— У Дрианта на щите изображен треуголец, так как род Дрианта восходит к Ориону; появление созвездия Ориона осенью считалось предвестником бурь и гроз. Ср. Вергилий. «Энеида», I, 535 слл.; *...звез давший безбрачной Дианы.*— По одной из версий мифа Орион погиб от стрел прогневанной им Дианы. Ср. Гомер. «Одиссея», V, 121—124; Гораций. «Оды», III, 4, 72; Аполлодор. «Мифологическая библиотека», I, 4, 3—5.

²⁵⁹⁻²⁶⁰ *...Окалаея рядом, следом за ней Медеон, и славная рощами Ниса...*— Ср. Гомер. «Илиада», II, 501, 507.

²⁶¹ *...оглашаемая Дионы летуньями Фисба...*— голубями, посвященными и Дионе, и Венере, культ которой справляли в Фисбе. Ср. Овидий. «Метаморфозы», XI, 300; Гомер. «Илиада», II, 502.

²⁶⁵ *...Эритры, где стад изобилье...*— Ср. Гомер. «Илиада», II, 499.

²⁶⁶ *Скол и те, кто живут на хребтах Этеона опасны...*— Ср. Гомер. «Илиада», II, 497.

²⁶⁷⁻²⁶⁸ *...на гилейских брегах...*— Ср. Гомер. «Илиада», II, 500; *...в аталантиском Сленоне...* *чтут следы знаменитого поля.*— Беотийскую (дочь Схенея) и аркадскую (дочь Иаса) Аталанту часто путали в легенды, связанные с ними, контампнировали: обе чтли Диану, были охотницами и славились быстрым бегом.

²⁶⁹ *...сариссы...*— македонские копья.

²⁷⁰ *...пелты.*— См. примеч. к V, 145.

²⁷¹ *...из Онхеста...мелпуновы люди...*— Онхест, чьим именем был назван город, — сын Нептуна. Ср. Гомер. «Илиада», II, 506.

²⁷² *...Микалес в полях...*— Ср. Гомер. «Илиада», II, 498.

²⁷³⁻²⁷⁵ *...жюч Гарафийский...*— Ср. Овидий. «Метаморфозы», III, 155; *...Галиарту на зависть — сжинают злаки, которые тот изобильно трав превосходит...*— Ср. Гомер. «Илиада», II, 503; Вергилий. «Энеида», II, 306.

²⁷⁹ *...лира на шлеме его и пращуров бык различимы.*— Этот Амфион ведет свой род от Амфиона, сына Юпитера, явившегося к его матери Антиопе в виде быка; под звуки его лиры камни сами сложились в стены Фив; «бык пращуров» на шлеме Амфиона может также напоминать о быке (Юпитере), похитившем Европу, или о быке, к рогам которого Зет и Амфион привязали Дирку.

²⁸²⁻²⁸⁵ *...геликонский отряд...*— Имеются в виду поэты, хотя и «не признающие войны», но пришедшие на помощь; Стаций называет гору и реки, посвященные Музам: Геликон, Пермесс и Ольмий.

³⁰⁶ *...из Глисанта сухого...*— Ср. Гомер. «Илиада», II, 504.

³⁰⁷ *...из Коронии...*— Ср. Гомер. «Илиада», II, 503.

³¹⁷⁻³¹⁸ *...дочь...отмщяя...воды свои на Громоуника-зятя обрушил.*— миф о похищении Юпитером Эгины. Ср. Каллимах. Гимн «К острову Делосу», 77 сл.

³³¹ *...Мидея и Арна змеляная...*— Ср. Гомер. «Илиада», II, 507.

³³²⁻³³⁵ *...Платеи...*— Ср. Гомер. «Илиада», II, 504; *...Авлиду...*— Ср. там же, 496; Вергилий. «Энеида», IV, 425 сл.; Авлида — город, откуда отправлялись греки завоевывать Трою; *...Грею...*— Ср. Гомер. «Илиада», II, 498; *...Петеон...*— Ср. Гомер. «Илиада», II, 500; *...Эврипа, чей ток переменячи...*— Пролыв Эврип между Гембей и Беотийей столь узок, что соединяется мостом; уровень воды меняется до семи раз за сутки из-за приливов и отливов. Ср. Плиний. «Естественная история», II, 98; Ливий. «От основания города», XXVIII, 6; *...самым далеким краем — тобой, Анфедон...*— Ср. Гомер. «Илиада», II, 508.

³³⁹ *...гезы...*— тяжелые галльские метательные копья. Ср. IV, 64; Вергилий. «Энеида», VIII, 661; *...стрел кидонских...*— См. примеч. к IV, 269.

³⁴¹⁻³⁴² *...в феспийских полях сей отрок узрюмый блекнет...*— Нарцисс, сын реки Кефиса; прекрасный юноша, увидев в воде свое отражение, воспынал пылкой лю-

бовью к себе самому; был превращен в цветок. Ср. Овидий. «Метаморфозы», III, 402 слл.; Гомер. «Илиада», II, 522; ...*родитель*... — Кефис.

³¹³⁻³⁵⁰ *Кто же однако привел и фебову рать, и Фокиду...* — Весь пассаж заимствован Стацием у Гомера: ...*фебову рать*... — т. е. фокидцев, так как большая часть Фокиды была посвящена Аполлону. ...*Панопу рыцлит, Кипарисс и Давлиду*... — три города Фокиды; ср. Гомер. «Илиада», II, 519—520; ...*висящий на острых скалах Гиамполь*... — Ср. Гомер. «Илиада», II, 521 слл.; ...*Лифон, отводивший воды от моря*... — когда перерогаживал своим телом реку.

³⁶¹⁻³⁶³ ...*кто лаврами шлем оялетает*... — показывая этим свою причастность к культу Аполлона; ...*Титий у них на щитах или Делос*... — Титий, прозванный стрелами Аполлона за покушение на честь Латоны; Делос — как место рождения Аполлона; ...*тумл наполнял сей бог бесчисленным смертоубийством*. — Имеется в виду избивание Аполлоном детей Ниобы.

³⁶⁹⁻³⁷⁰ ...*Клонис*... — Ср. Гомер. «Илиада», I, 495; ...*с гривой по спинам Абантиад*... — постоянная гомеровская характеристика «на тыле волосы лишь растивших» (Н. И. Гнедич). Ср. Гомер. «Илиада», II, 542; ...*Карист*... — Ср. там же, II, 538.

³⁷³ ...*брат*... — Этеокл.

³⁷⁴ ...*правитель*... — Этеокл.

³⁹³⁻³⁹⁷ *Так на рассвете пастух по росе сквозь решетчатый выход*... — Ср. Кальпурний (автор буколических стихотворений времени Нерона). «Эклоги», I, 39; V, 41—42.

⁴¹⁰⁻⁴²¹ *Не раздавались тогда аполлоновой Кирры вещанья*... — Из разных областей Греции аргосцы получают вести о дурных предзнаменованиях; ...*неурочной пород Элевсин оглашался венощный воплям*... — В Элевсине плясками и воплями девушки славили Цереру, изображая скорбь богини по пропавшей Прозерпине. Ср. XII, 132; ...*амикейские братья*. — Кастор и Поллукс «сшиблись меж собой» — дурной знак, предсказывающий битву между Этеоклом и Полиником; ...*по свирепому полю шел Эномай*... — по тому полю, где он устраивал состязания на колесницах для женихов своей дочери Гиноподамии и убивал проигравших; ...*обломился роз и второй Азелей*... — Первый рог был обломан у Ахелоя Геркулесом (см. примеч. к IV, 105); потеря второго рога предсказывала гибель обоих братьев, Этеокла и Полиника; ...*омрачившийся лик Персея*... — Персей аргосцами и жителями Микен был причтен к богам; омрачившийся лик божества — дурное предзнаменование; ...*смутной Юноны молят точеный кумир*... — т. е. статую из слоновой кости, на которой проступили каулы пота, что считалось дурным знаком. Ср. IV, 374; ...*моря двойного*... — т. е. Истма.

⁴³⁶⁻⁴⁴⁰ *Так, когда подведет к реке неизведанной стадо пастырь*... — Ср. Валерий Флакк. «Аргонавтика», IV, 195 сл.

⁴⁴¹ ...*для стана удобное видят поле*... — Ср. Вергилий. «Энеида», XI, 522.

⁴⁶⁸ ...*отцом*... — Эдипом.

⁴⁷⁰⁻⁴⁷³ *Фебы...лучи...день угасал, и уже Океан воздымался грядущим светом*... — Ср. описание утра у Овидия («Метаморфозы», II, 63 слл.).

⁴⁷⁷ ...*Эмениде старшей*... — Ср. Вергилий. «Энеида», VI, 675; VII, 327.

⁵¹³⁻⁵¹² *Или боишься, что мать — соучастница козни — обманет сына?* — Ср. слова Иокасты у Сенеки: «Колелебься? Боишься клятвы матери?» («Финикиянки», 477).

⁵¹⁴ *Мерзостны брак и потомство мое*... — Ср. Сенека. «Финикиянки», 2 сл.

⁵²⁹⁻⁵³³ *Вот так на ловчих и колья груди могучим броском разъяренные львы налетают*... — Ср. Клавдиан. «Похищение Прозерпины», XXII; Плиний. «Естественная история», VIII, 16; Элиан. «Пестрая история», IV, 34.

⁵⁴² ...*посредница мира и чести*... — Ср. Силий Италик. «Пунические войны», VI, 346; Лукан. «Фарсалия», X, 472.

⁵⁵² *Раньше вот это копые железное выгонит листья*... — Ср. Гомер. «Илиада», I, 234; Вергилий. «Энеида», XII, 207; Валерий Флакк. «Аргонавтика», III, 707 сл.

⁵⁵⁶ ...*прощу свои раны*. — Ср. Силий Италик. «Пунические войны», I, 487; Овидий. «Письма с Понта», II, 7, 51; Ливий. «От основания города», VIII, 35.

⁵⁶³ ...*семена... боя*. — Ср. Лукан. «Фарсалия», I, 159; «...братской войны семена...»

⁵⁶⁴ *Две близ диркейских тогда потоков тигрицы бродили*... — Весь эпизод перекликается с описанием охоты на оленя у Вергилия («Энеида», VII, 475 слл.).

⁵⁶⁶ ... в битве восточной досель истребитель, но днесь победитель... — Вахх сражался на колеснице и победил индийский народ: Стадый говорит о распространении культа Вахха на Восток и в Индию. Ср. VII, 687.

⁵⁶⁸ Рать божествей... — т. е. менады, вакханки, сатиры.

⁵⁸³ ... след в облаках оставляя... — Ср. Вергилий. «Энеида», VII, 528.

⁵⁹³⁻⁶⁰⁰ ... метнув на одно копейное древко... — Ср. с гибелью оленя у Вергилия («Энеида», VII, 499 сл.).

⁶⁰¹⁻⁶⁰³ ... колыбель Геркулеса... — Фивы, так как Геркулес родился в Фивах; ... покор Семеля... — Когда Семела погибла от молнии Юпитера, сгорел ее дворец. Ср. VII, 179; Овидий. «Метаморфозы», III, 298 сл.

⁶²⁵⁻⁶²⁷ Сходственно ветер, меж туч собирающий первые силы... — Ср. Вергилий. «Энеида», VII, 528 сл.; Плиний Младший. «Письма», I, 3; II, 17; Плиний. «Естественная история», II, 3.

⁶⁵¹ ... другую заменить привычную Брожью ярость? — Ср. IV, 396.

⁶⁵⁴ ... прилетела виноградной ловой белоснежная повязь... — как символ жречества.

⁶⁵⁷⁻⁶⁵⁹ ... руки в плену рукавов... — Ср. упоминание о рукавах у Вергилия, как приметы именно женской одежды («Энеида», IX, 616). ... складками тонкий виссон... — (греч. «тонкий лен») — дорогая белая или пурпурная материя. Ср. Вергилий. «Энеида», XI, 775.

⁶⁶⁴⁻⁶⁶⁶ ... место сих стен указал Аполлон теллицей киррейской! — Оракул Аполлона в Кире велел вопрошавшему его Кадму следовать за короной и основать город там, где она ляжет; ... в стены сии сошлись добровольно утесы... — под звуки лиры Амфиона; ср. I, 10; ... вять этого града — Юпитер... — Волюбленными Юпитера были Фиванки — Семела, Антиопа и Алкмена.

⁶⁷⁰ И словно лев, поутру водворяющий с мрачного ложа... — Ср. Вергилий. «Энеида», X, 454 сл.

⁶⁷⁶ ... примерял кипарис, угрожающий весом великим... — т. е. копье из кипариса; ср. описание копья Капанея в IV, 176; ср. также Вергилий. «Энеида», IX, 417.

⁶⁷⁸ ... тот... — Вахх.

⁶⁹⁶ ... Наксос тесеев... — Тесей, возвращаясь с Крита, на о-ве Наксос покинул Ариадну; там же она стала волюбленной Вахха. Ср. Катулл, LXIV, 52.

⁶⁹⁹ ... зная о смерти и сам... — Ср. III, 545—565.

⁷⁰⁰ ... возросли и мышцы у мужа... — Ср. Тит Ливий о Деции, бросающемся в гущу врагов («От основания города», VIII, 9).

⁷⁰⁶ ... Насколь был сей непохож на былого, кто... — Ср. Вергилий. «Энеида», II, 274 сл.

⁷⁰⁷ ... кто соблюдал и треножник, и лавр... — Амфиарай был жрецом Аполлона, которому посвящены и треножник, и лавр.

⁷⁰⁹ Люд без числа закалал он мечом... — так же, как он до этого приносил в жертву животных. Ср. Вергилий. «Энеида», X, 540 сл. (о гибели жреца Гемонида).

⁷¹² ... серпом колесницы... — К колесам колесницы прикреплялись торчавшие в стороны серпы. Ср. Ксенофонт. «Анабасис», I, VIII, 10.

⁷¹⁴ Выпустив дрот, поразил Ифию... — Ср. Гомер. «Илиада», VII, 14.

⁷¹⁶ ... не злонамеренно... — так как не знал, что Ликорей — жрец Аполлона.

⁷²⁹ ... на родных берегах... — на берегах Асопа. Ср. VII, 315.

⁷³¹ ... знаменитый гигантовым пеплом... — Асоп здесь сравнивается с Гигантами, которые осмелились вести войну против богов; Асоп также вступил в бой с Юпитером за честь своей дочери и был испепелен. Ср. VII, 324—327.

⁷³⁸ ... бог сам вял безвольные вожжи... — Аполлон помогает Амфиарая, как Мнерева — Диомеду. Ср. Гомер. «Илиада», V, 835 сл.

⁷⁴⁴⁻⁷⁶¹ Слово горь заоблачный склон... — Ср. Вергилий. «Энеида», VII, 684.

⁷⁶² Сам равно и бразды опекает... — Ср. Проперций, III, 16, 15; Вергилий. «Энеида», X, 218.

⁷⁶⁵ ... Меланей... — имя, встречающееся у Овидия («Метаморфозы», XII, 306).

⁷⁶⁹ ... Ламп, на которого Феб потратил священные стрелы... — за оскорбление Манто. Ср. VII, 758.

⁷⁷⁰ ... стон душ... — Ср. Гомер. «Илиада», XVI, 857; Тибулл, I, 2, 49, а также «Фиваида», II, 51 и IX, 299.

⁷⁷⁴⁻⁷⁷⁶ ...*ничьей не раскрутят суровые Парки нити*...— Нить человеческой жизни Парка сматывает в клубок, который нельзя размотать вновь. Ср. VIII, 59; Силлий Италики. «Пунические войны», II, 184; Сенека, «Геркулес в безумии», 181 сл.; Лукан. «Фарсалия», VI, 703; Овидий. «Метаморфозы», X, 31.

⁷⁷⁶⁻⁷⁷⁷ ...*не придется тебе приказаний Креонта негет испытать*...— Креонт, получивший власть в Фивах после Этеокла, запретил похоронить убитых аргивян.

⁷⁷⁹ «*Отче Кипрейский*...— Аполлон, имевший святилище в Кипре.

⁷⁸³ ...*пасть ужасного стража тройную*.— Кербер о трех головах.

⁷⁸⁷⁻⁷⁸⁸ ...*нечестивой...жены*...— Эрифилы, которая, получив ожерелье Аргии, вынудила Амфиарая идти на верную гибель. Ср. II, 249—319; ...*сына прекрасную ярость*...— Амфиарай велел сыну Алкмеоу убить мать в знак мести за свою гибель. Выражение «прекрасная ярость» заимствовано Стацием у Гомера, где Телемах рассказывает об Оресте, также убившим мать, повинную в гибели отца. Ср. Гомер. «Одиссея», III, 203.

⁷⁹¹⁻⁷⁹² *Именно так в порыве слепом полночного Каора*...— У моряков считалось, что появление во время бури двух звезд (Кастора и Поллукса) предвещало хорошую погоду и спасение, а появление одной звезды (Елены, сестры Кастора и Поллукса) — гибель. Ср. Плиний. «Естественная история», II, 37; Стаций. «Сильвы», III, 2, 8, сл.

⁷⁹⁴⁻⁷⁹⁶ ...*начинала...почвы поверхность — дрожать*...— Ср. Вергилий. «Георгики», I, 97.

⁸⁰⁵⁻⁸⁰⁶ ...*благодарной буре*...— Так как буря препятствует сражению.

⁸¹⁵⁻⁸¹⁷ ...*гром для пророка*...— Амфиарая; ...*нашная грозила братьям*...— Этеоклу и Полинику; ...*глубокий провал отверженной бедни вскрылся*...— Ср. Вергилий. «Энеида», VIII, 243 слл.; ...*и тени — светил, и светила — теней ужаснулись*.— Земля развернулась и открылось царство мертвых.

⁸¹⁸ *Зев необъятный вмести пророка с упряжкой*...— Другие авторы сообщают, что Амфиарай был поглощен землей не во время битвы, а по дороге в Фивы. Ср., например, Овидий. «Наука любви», III, 13 сл.

КНИГА ВОСЬМАЯ

¹ ...*пророк*...— Амфиарай.

⁹⁻¹⁰ *И не взирала еще на него Эменида с лучиной тисовой и, записав на черном столбе, Прозерпина*...— «Поэты утверждают, что каждого из умерших освещают факелом Эменид, а имена их Прозерпина записывает на косике входа в подземное царство» (Лактанций). Образцом для этого описания послужила сцена из Вергилия, где Юнона посылает Ириду сопроводить душу Дидоны («Энеида», IV, 693 слл.).

¹⁸ ...*волны боровадитель*...— Харон. Ср. XI, 588, а также Овидий, «Письма с Понта», II, 10, 33.

²⁰ ...*маны теперь непривычным путем прибывают*.— Даже тех, кто проник в царство мертвых живым (Орфей, Геркулес, Пирифой, Тесей), Харон перевозил на своей лодке.

²² ...*правитель Эреба*...— Плутон.

³⁰ ...*Стиксе — богов облачает клятвопреступных*.— священная клятва богов «водами Стикса». О наказании, которое постигнет клятвопреступника, подробно сообщает Гесиод в «Теогонии».

³⁶ *Кто из братьев*...— Юпитер или Нептун.

³⁸ *Мне это слаще друзей!*— При разделе мира между Юпитером, Нептуном и Плутоном Плутону досталась худшая часть, поэтому он питает надежду, что если «различия мира погибнут», то он больше не будет чувствовать себя побежденным.

⁴¹ ...*робкий...царь*...— Юпитер.

⁴³ *У меня и Гиганты в разбитых оковах*...— Гиганты были побеждены богами, закованы в цепи и низвергнуты в Тартар. См. подробно у Аполлодора («Мифологическая библиотека», I, 6, 1—2).

⁴⁴ ...*несчастливый отец*.— Сатурн, лишенный власти своим сыном Юпитером. (См.— сатурнов).

⁴⁷ ...пущу в небеса стигийские Гипериона...— т. е. Плутон впустит свет солнца во тьму Аверна.

⁴⁸ ...не верну Аркадца к богам...— Меркурий, который был вестником как для богов наземных, так и подземных.

⁴⁹ ...восты жемчуг?— Теркюлес, Орфей, Иврифой и Тесей; они, будучи живыми, спустились в царство мертвых и вышли назад невредимыми.

⁵⁰ ...смолок железный порог...— т. е. смолки лай уведенного от входа Кербера. У Вергилия Сивилла объясняет Энею, что спуститься в Аверн легко, так как двери его всегда открыты, а вот вернуться суждено лишь избранным («Энеида», VI, 127—129).

⁵¹ И одрисийским...открылся жалобам Тартар...— Фракиец Орфей спустился в Тартар и с помощью своего пения умолял Плутона и Эвменид вернуть ему жену Эвридику.

⁵² ...Сестры — урок повторили.— Парки были вынуждены пряхть новую нить жизни для Эвридики.

⁵³ ...но лучше блюсти закон беспощадный.— Растроганный пением Орфея Плутон разрешил ему увести Эвридику, но с условием, чтобы он не оборачивался до того, как покинет Аверн. Орфей нарушил условие, и Эвридика осталась в царстве мертвых: был соблюден закон, о котором говорит Плутон, а именно, что мертвым нет возврата на землю.

⁵⁴⁻⁵⁵ ...решился выйти тайком и жену с лугов сицилийских позитил...— О том, как Плутон похитил Прозерпину, собиравшую цветы на лугах Сицилии, подробно рассказывает Овидий («Метаморфозы», V, 551—563) и Цицерон в речи «Против Верреса» (VII).

⁵⁶⁻⁵⁷ Юпитера правая воля вместе с родившею год для меня сократили, урезав.— Церера, узнав о похищении Плутоном дочери Прозерпины, попросила Юпитера вернуть ее на землю; Юпитер согласился вернуть при условии, чтобы Прозерпина ничего не ела в Аверне. Аскалаф, узнав об этом, угостил Прозерпину зернами граната; тогда Юпитер решил, что она будет проводить шесть месяцев с матерью на земле и шесть — с Плутоном в Аверне. Ср. Овидий. «Метаморфозы», V, 564 слл.

⁵⁸ ...братья в борьбе падут на руки друг друга...— Ср. Овидий. «Метаморфозы», IX, 405; Манилий. «Астрономикон», IV, 84.

⁵⁹⁻⁶⁰ ...вразью главу пожирает один...— Имеется в виду Тидей, влившийся зубами в голову смертельно ранившего его Меланиппа (см. VII, 761). ...другой — воспрещает мертвым последний огонь...— Креонт, запретивший сжечь и похоронить аргосцев (см. XI, 662 слл.).

⁶¹⁻⁶² ...противоборца богов отыщи, и пусть отразит он молнии огонь...— Капаноя, который был поражен молнией Юпитера за свою дерзость (см. X, 927 слл.).

⁶³ ...чем сожмнуть Пелион с лесистой Оссой.— Сыновья Нептуна, От и Эфиальт, решив достичь Олимпа, взгромодили гору Оссу на Пелион. Их погубила Диана, принявшая образ оленя: олень оказался между ними, и они поразили друг друга стрелами. О гибели Ота и Эфиальта см. Гомер. «Одиссея», XI, 305; «Илиада», V, 385 (по Гомеру, они гибнут от стрел Аполлона); ср. также Аполлодор. «Мифологическая библиотека», I, 7.

⁶⁴⁻⁶⁵ ...е ответ на призывы его отоваялся дрожью угрюмый чертог...— Ср. III, 308 сл.; Силий Италик. «Пунические войны», V, 617 слл.; Клавдиан. «Похищение Прозерпины», I, 82 слл.

⁶⁶⁻¹²⁰ «Если дозволено здесь...отвергнуть жамам уста...— Стаций строит обращение Амфиарая к Плутому по образцу овидиевых слов Орфея («Метаморфозы», X, 17—39). Однако Орфеем движет любовь к Эвридике, а Амфиарай — ненависть к предавшей его Эрифиле; ...для всех других завершитель...— Ср. Овидий. «Метаморфозы», X, 32—35: «Все мы у вас должники; помедлив недолгое время, Раньше ли, позже ли — все в принят поспешаем единый. Все мы стремимся сюда, здесь дом наш последний; вы двое Рода людского отсель управляете царством обширным; ...не для запретных усад...— Амфиарай не хочет, чтобы его уподобили Пирифую; ...Хаосом полым князюсь...— Ср. Овидий. «Метаморфозы», X, 30; ...полым...— Ср. IV, 420, 478; ...житского урна судьбы...— См. прим. к IV, 530; ...коварством жены и златом губительным предан...— Эрифиле, которая в награду получила золотое ожерелье Арии; ...я не не-

вездой вступил...— Амфиарай знал о том, что погибнет. Ср. III, 547; IV, 188—189; VI, 383.

¹²⁴⁻¹²⁶ *Сходственно лев: колы пред ним массильское блещет желево...*— Ср. Овидий. «Скорбные элегии», III, 5, 33 сл.; Плиний. «Естественная история», VIII, 16. ¹³⁷ *...зиянье узрев, стал жертвенно бледен...*— Сходно описание у Вергилия: от ужаса бледнеет Клеопатра («Энеида», VIII, 709) и Дидона (там же, IV, 644).

¹⁹³ *...в блаженных лесах...*— места, куда попадали лишь герои и люди, отличившиеся перед богами; там они обретали вечный покой. Ср. «острова блаженных» у Гомера («Одиссея», IV, 563 слл.), Гесиода («Труды и дни», 167 слл.) и Пиндара («Олимпийские оды», 2, 71 слл.).

¹⁹⁴ *...поручил бласти элисийски летуний?*— т. е. наблюдать за птицами; у Вергилия пророк, при жизни честно служивший Аполлону, и после смерти сохраняет свои жреческие функции. Ср. Вергилий. «Энеида», VI, 661 слл.

¹⁹⁶⁻²⁰² *...свежая боль и длительный плач умолкнувшим Дельфам.*— Стаций перечисляет все места почитания Аполлона и Юпитера. См. примеч. к III, 473—480.

²⁰³ *...потоки и лавр пожелаете сами усознать...*— реки, посвященные Аполлону, а лавр — как священное дерево Аполлона.

²⁰⁷ *...храмы воздвигаем...*— Амфиарай после смерти почитался в Греции наравне с богами. Об этом сообщает Филострат в «Жизни Аполлония Тианского» (II), Плу-тарх («Об упадке оракулов», 5), Цицерон («О дивинации», I, 50).

²²¹⁻²²² *...гром меди двойной и кожи идейской...*— звуки кимвалов и тимпанов; *...идейской...*— так как тимпаны использовались во время празднований Кибелы, которая более всего почиталась во Фригии, на горе Иде. Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 617 слл.; *...букс завукал...*— т. е. свирель, сделанная из самшитового дерева.

²²⁴⁻²²⁵ *...пеланы...*— в знач. «торжественные песнопения». Ср. Вергилий. «Энеида», VI, 657; *...чаши в венках...*— обычай украшать чаши венками цветов неоднократно упоминают поэты: Вергилий («Энеида», I, 724; III, 525), Тибулл (II, 5, 98). Ср. II, 76.

²²⁹⁻²³⁵ *...кто-то сидонскую гладь...*— Стаций перечисляет мифы, связанные с основанием Фив, о которых шла речь в I книге: о похищении сидонской царевны Европы Юпитером в образе быка; о предсказании оракула, согласно которому Кады шел за коровой, пока она не легла на землю, указав ему этим место нового города; о борьбе Кады с драконом Марса; об искусстве игры Амфиона, благодаря которой сами собой сложились стены Фив; о Семеле, матери Вакха, и о браке Гармонии, дочери Венеры и Кады; *...Гармонии путь, озаряемый братьев огнями...*— свадебная процессия, в которой путь невесты освещали факелами ее братья Амур, сыновья Венеры.

²³⁹ *...Либер народом являл дотоле неведомым индов.*— Об индийском триумфе Вакха ср. Овидий. «Метаморфозы», IV, 20; «Фасты», III, 465.

²⁷⁰ *...кормчий и бог, плывущий в челне, по нему нареченном.*— На корабле писалось имя бога, под вахтой которого находился корабль; чаще всего это были Диоскуры.

²⁷¹ *...сестра огнеликая...*— Луна.

²⁷⁶⁻²⁷⁷ *...кто соблюдает тревожники, лавр проворливый, а также повязей вдовую честь унаследует.*— Тревожник, лавр и головная повязка были атрибутами жреца Аполлона. Ср. I, 509.

²⁸⁶ *...ахемениский...*— персидский; ср. Лукан. «Фарсалия», VIII, 224; Проперций, II, 13, 1; Овидий. «Наука любви», I, 226.

²⁹³ *...не дорос до тиары.*— т. е. он еще слишком юн для бремени царской власти; тиара — головная повязка, символ царской и жреческой власти.

²⁹⁷ *...Землю решает почитать.*— Фиодамант считает, что Земля, поглотившая Амфиарая, разгневана на аргосцев.

²⁹⁹ *...два алтаря...*— Культ Земли справлялся и от лица живых, и от лица мертвых.

³⁰³ *«Людей и богов предвечная мать!»*— Земля называется «матерью богов» в гомеровском гимне «К Земле». Ср. Аполлоний Родосский. «Аргонавтика», III, 1375; Овидий. «Метаморфозы», I, 393; «матерью богов» также называли и богиню Рею. Весь пассаж (VIII, 302—316) близок Лукрецию («О природе вещей», I, 1 слл.).

³⁰⁵⁻³⁰⁸ *...рать Прометей, и камни Пирры...*— Люди впервые были вылеплены Прометеем (см. Аполлодор. «Мифологическая библиотека», I, 7, 1), а Пирра, бросая

камни через плечо, восстановила людской род после потопа. Ср. Овидий, «Метаморфозы», I, 244 слл.; ...первое ты дала пропитанье...мужам.— До того, как люди научились обрабатывать землю, они питались желудями и другими плодами дикорастущих деревьев. Ср. Вергилий, «Георгики», I, 7 слл.; Овидий, «Фасты», IV, 401 слл.

³¹¹⁻³¹⁶ ...оба несутся вожжа...— Т. е. колесницы Солнца и Луны; ...виталя в вободном пространстве воздуха...— Ср. Лукан. «Фарсалия», I, 89; Манлий. «Астрономикон», I, 202 слл.; Макробий. «Сатурналии», I, 21; ...ты — середина всего великим на зависть братьям!— Юпитер, Нептун и Плутон поделили между собой мир, но землю оставили неделимой; ...звездоносного...Атланта.— так как Атлант на плечах держит небесный свод.

³²⁸ ...Прях...— Парок.

³²⁹ Ты ...любезный богам...— Амфиарай.

³³¹ ...в Киррейской пещере...— Амфиарай был столь известным жрецом, что место его погребения могла бы стать либо пещера в Дельфах, где был оракул Аполлона, либо пещера на горе Парнас возле города Кирры, где также давались ответы оракула. Ср. Лукан. «Фарсалия», V, 95 сл.

³³⁰ ...черных овец и темных быков погружает под землю...— Животных с темной шерстью приносили в жертву не только подземным богам, но и самой земле.

³⁴⁶⁻³⁴⁷ ...скалы, когда-то шедшие песне вослед...— песне Амфиона; см. примеч. к I, 10.

³⁴⁹ ...отворяются Фивы семизды.— В Фивах было семь ворот: Огиговы, Неисты, Гомолоиды, Претийские, Электровы, Гисисисты и Дирнейские.

³⁵⁸⁻³⁶² Нил удаленный, когда вливает он устьем великим...— О водах Нила ср. Клавдиан, 28(47); «Нил», 24 слл.; ...снег, от Зари приходящий...— Ср. IV, 706.

³⁷⁹ ...не простолодье любя, но кончину достойнейших жизни...— Ср. с расуждением у Цицерона о вечной памяти достойно павшим солдатам («Филиппики», XIV, 12).

³⁸⁴ ...Браневладычный...— Марс.

³⁹¹ ...ливнем седым...— т. е. пеной.

³⁹⁵⁻⁴⁰⁶ Мчатся уже, и уже под ногами мужей за клубилась первая пыль...— Описание битвы у Стация выдержано в эпической традиции. Ср. Гомер. «Илиада», XIII, 130 слл.; Вергилий. «Энеида», X, 360; ср. также Силий Италик. «Пунические войны», IX, 321 слл.

⁴¹¹ ...черный Борей шлет в Ливию дождь италийский.— Ср. Лукан. «Фарсалия», IX, 422; «С севера лишь Аквилон ей (Ливии) изредка дождь нагоняет...».

⁴¹²⁻⁴¹³ ...железные...тучи...— Ср. Вергилий. «Энеида», XII, 284: «...железный рушится ливень».

⁴¹⁵⁻⁴¹⁹ Кол налетает на кол...— Ср. Лукан. «Фарсалия», VI, 196 слл.; ...смертью двойною грозные стрел острия...— Стрелы убивали, и рая, и отравляя ядом. Ср. Силий Италик. «Пунические войны», I, 322.

⁴³⁴ ...тыл от позора храня...— Меналка вытащил пронзившее его в грудь копье, чтобы, пройдя насквозь, оно не оставило позорной раны в спине.

⁴³⁶⁻⁴³⁷ Пред взором его умирающим кручи Тайгета...всплывли...— Ср. Вергилий. «Энеида», X, 782: «В небо глядел и родные края вспоминал, умирая...»; ...в честь матери славные плети.— Имеется в виду древний обряд, существовавший в Лаконии: чтобы проверить стойкость юношей, их секли плетью на алтаре Дианы, а появившуюся кровь считали жертвенным приношением. См. Сенека. «О провидении», IV; Гораций. «Оды», I, 7, 10; Марциал. «Эпиграммы», VII, 80, 10. О начале и причинах этого обычая сообщает Филострат («Жизнь Аполлония Тианского», VI, 10).

⁴⁶⁶ ...потрясая огнем дымоносным...— Факелы использовались в битве как оружие. Ср. X, 528.

⁴⁷²⁻⁴⁷³ ...«Не скажешь, что Арги жестоки...— В жестокости обвиняли победителей, запрещавших предать огню тела погибших.

⁴⁷⁴ ...так, крови отведав, тигрица...— Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 730.

⁴⁷⁸ ...нарушив запрет богини...— Жрица Венеры Эгейской должна была оставаться девственницей.

⁴⁹⁰ ...геркулесова Гемона...— так как Гемону в битве помогал Геркулес. См. VIII, 498—499.

⁴⁸³ ...*печального Плеврона*...— из-за скорби по умершему Мелеагру. О его гибели подробно рассказывает Аполлодор («Мифологическая библиотека», II, 8, 2—3). Ср. II, 727 и IV, 103.

⁴⁹⁰ ...*эгиды твоя*...— щит Афины (Минервы) с изображением Горгоны Медузы. Ср. Вергилий. «Энеида», VIII, 435.

⁵¹¹ ...*кто слугой в тяжелейших скитаниях земли все обходил*...— Геркулес получил пожелание оракула десять лет служить у Эврисфея; в это время он совершил знаменитые подвиги в разных частях земли.

⁵¹⁴ *Ты для меня — небеса и отечество*...— Ср., как в «Энеиде» Вергилия Эол обращается к Юноне (I, 78): «Ты мне снискала и власть, и жезл, и Юпитера милость...».

⁵¹⁸ ...*на груди успокоились вставшие змеи*...— змеи на голове Медузы, прикрепленной к эгиде на груди Минервы.

⁵³²⁻⁵³³ ...*луканским жалом*...— Луканцы были известными охотниками. Ср. Го-раций. «Сатиры», II, 3, 234: «Ты из луканских снегов добываешь мне к ужину вепря...» (пер. М. Дмитриева).

⁵⁴⁸⁻⁵⁴⁹ *Вооружает себя...Коримб Геликонский, Музам служивший досель*...— Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 774 слл.; ...*пряже стигийской*...— Парки прядут нить жизни в подземном царстве, где течет Стикс.

⁵⁵⁴ ...*с агноровою Исменой*...— Исмена — дочь Эдипа и Иокасты; род ее восходит к Агенору, царю Финикии, отцу Кадма.

⁵⁵⁷ ...*к тестю и теще*...— к Эдипу и Иокасте.

⁵⁵⁴ ...*троекратный пурпур*...— т. е. ткань, трижды окрашенная пурпуром.

⁵⁷² *Так лев каспийский во мраке гирканском*...— Каспиями называли народы, живущие на западном побережье Каспийского моря, а гирканами — на южном. Стаций объединяет определения «каспийский» и «гирканский», исходя из соседства этих народов.

⁵⁹¹ ...*земнородных отцов*!— Фиванцы свой род возводили к спартам, выросшим из зубов марсова дракона. См. примеч. к I, 7.

⁶⁰³ ...*еще не супруга*...— Исмена была еще невестой Атиса.

⁶¹⁶ ...*пандионовы птицы*...— ласточки, так как дочь Пандиона Филомела была превращена в ласточку. Ср. IV, 516.

⁶³⁹⁻⁶⁴⁰ ...*голова бессильно свисала с края щита*...— Ср. Вергилий. «Энеида», X, 506, 841.

⁶⁴⁵ ...*безжалостный стыд не пускает*...— Ср. Овидий. «Метаморфозы», IV, 680 сл.

⁶⁶¹ ...*сосны*...— т. е. копы.

⁶⁷⁵⁻⁶⁷⁶ ...*так, как птица грезит огненосная лебеди белой*...— Ср. Гомер. «Илиада», XV, 689—691:

«Словно как бурный орел на стада ударяет пернатых,
Птиц перелетных, пасущихся мирно по берегу речному,
Джких гусей, журавлей, иль стада лебедей долговыйных...».

⁷⁰⁴⁻⁷⁰⁵ ...*он, древками густо усеян, рощи железной уже не может вместить*...— Ср. Лукан. «Фарсалия», VI, 201 сл.

⁷⁰⁶⁻⁷⁰⁷ ...*вебрь родовою на плечах и спине*...— См. I, 488 слл.; ...*гордая слава грозного шлема (Градива на вершине его воддымался)*...— См. IV, 111.

⁷¹⁵ *Ясеня в тот миг вефюры рассек*...— т. е. протелого копы из ясеня. Ср. Вергилий. «Энеида», IV, 257; Клавдиан. «Похищение Прозерпины», I, 92.

⁷⁴⁹⁻⁷⁵⁰ ...*словно Тиринфий, когда, от аркадской пещеры вернувшись, в Аргии, воздающие крик, он внес полоненного вепря*...— Капаней сравняется с Геркулесом, пригнанным к Эврисфею живого эриманфского вепря. Ср. Вергилий. «Энеида», VI, 803 сл.

⁷⁶⁴⁻⁷⁶⁵ ...*он Астакида велит обезглавить*...— Эту ужасную картину жестокости изобразил Данте («Ад», XXXII, 130 слл.).

⁷⁶⁵⁻⁷⁶⁶ ...*сокровенный огонь*...— Оскверненные преступлением очищались огнем, серой и водой. У Гомера Одиссей после убийства женихов Пенелопы требует очистить помещенье серой и огнем («Одиссея», XXIII, 481 сл.). Ср. Овидий, «Метаморфозы»,

VII, 261; ...очистили влагою очи.— Считалось, что скверна передается от одного лишь взгляда на преступление или на мертвого; жрецу Юпитера, фламину, было запрещено смотреть на готовое к битве войско; те, кто участвовал в похорогах, так же очищались водой. Ср. Поллукс. «Ономастикон», VIII; Иосиф Флавий. «Иудейские древности», IV; Вергилий. «Энеида», VI, 229—231:

«Он же, с чистой водой обошедши спутников трижды,
Всех окропил, увлажнив плодородной веткой оливы;
Этим очистив мужей, произнес он прощальное слово».

КНИГА ДЕВЯТАЯ

³⁻⁴ ...очевна границы он преступил.— Ср. Гомер. «Илиада», I, 165.

¹⁵⁻¹⁶ ...с гирканскими бьется тиграми...— Сравнение с гирканскими тиграми и львами, отличающимися особенной свирепостью, обычно в латинской поэзии: Ср. VIII, 572; Ювенал. «Сатиры», IV, 100; Овидий. «Скорбные элегии», IV, 6, 5; Гораций. «Оды», I, 22, 10.

²⁸⁻²⁹ ...ветрб...доносят гибели жертвенный дух...— Ср. Лукан. «Фарсалия», VII, 830: о покидающих жилища хищниках, «кто мог обонянием тонким запаха гниения поймать, разложение трупов почуять».

⁴⁹⁻⁵² Вот как тебе... я благодарность...водал...— Ср. у Вергилия слова Полиника, оплакивающего Тидея, с сетованиями Мезенция по поводу гибели сына («Энеида», X, 846 сл.); ...ты — безоружный лежишь...— Ср. Вергилий. «Энеида», V, 871; ...на кадмейской земле...— в Беотии.

⁵⁵⁻⁵⁶ ...мне ль в радость такую купленный скиптр...— Ср. Марциал. «Эпиграммы», IX, 67, 2; Овидий. «Любовные элегии», II, 19, 7; Гораций. «Письма», I, 5, 12.

⁶¹ Аргы, и тесть, и в первую ночь та счастливая распря...— Ср. I, 408 слл.

⁶⁵ Ради меня ты и в Фивы пошел добровольно...— Ср. II, 370 слл.

⁶⁸ О Теламоне тогда, о Тесе молва замолчала.— Полиник вспоминает примеры пылкой дружбы: Теламона с Геркулесом и Тесей с Пирифоем.

⁷⁵⁻⁷⁶ ...ужели я еще жив?— Ср. Вергилий. «Энеида», X, 849.

⁸²⁻⁸⁵ Он же бредет, словно бык...— Ср. Овидий. «Метаморфозы», VII, 538 слл.; Вергилий. «Георгики», III, 519 слл.

⁹⁰⁻⁹⁴ ...сдерживал строй их... Гиппомедонт, — как утес...— Ср. Гомер. «Илиада», XVII, 746 слл.

¹⁰²⁻¹⁰³ ...и даже чистый огонь его не пожрет...— Этеокл говорит так потому, что Тидей осквернен нечеловеческой жестокостью.

¹⁰⁴ ...щита суровой задержано медью...— Ср. Овидий. «Метаморфозы», XII, 96 слл.

¹¹⁵⁻¹¹⁹ Свой первый приплод, теленка бессильного, мать — ежели волк нападет — заслонит, опекает не столько...— Ср. Гомер. «Илиада», XVII, 4 слл.

¹³⁷⁻¹³⁹ «Считай, что Тидеем дань отнята, — Тидеем самим...— Ср. Вергилий. «Энеида», XII, 948; ...мужей и по смерти бойся и, жалкий, беги, не касаясь их манов могучих...— Ср. Лукреций. «О природе вещей», I, 1051; Вергилий. «Энеида», IX, 199 слл.

¹⁴⁰⁻¹⁵⁰ Трижды кадмейский отряд оттаскивал грозное тело...— Ср. бой за тело Патрокла у Гомера («Илиада», XVII, 155 слл.); ...элисийского речь царя не забудь...— См. речь Плутона (VIII, 22—83); ...вины Тидея...— Тисифона, по-видимому, припоминает не только жестокость Тидея по отношению к Меланиппу, но и убийство, за которое Тидей был изгнан из Калидона. См. I, 402—403; ср. Аполлодор. «Мифологическая библиотека», I, 8, 5.

¹⁷⁴ ...тысячи змей распустил на месте шелома.— Тисифона, исчезая, явила свой настоящий облик.

¹⁸⁴ ...ярости нет и следа: уста, сведенные смертью...— Ср. I, 616 слл.

¹⁸⁹⁻¹⁹⁵ Так, если льва, в мавританских полях члнящего гибель...— частое сравнение у Гомера: «Илиада» V, 554 слл.; XVI, 752 слл.; XI, 548 слл.; XX, 164 слл.; ...висит во славу дубровы старинной.— Шкуры или рога убитых животных вешали на деревьях в честь Юпитера, Дианы, Сильвана или Пана. Ср. Проперций. «Элегии», II, 19, 17; Овидий. «Метаморфозы», XIII, 266; Вергилий. «Буколики», VII, 30; как сооб-

- щает Апулей («Флориды», I) шкуры вешались в рощах и для отпугивания львов.
- ²⁰³ ...царь эхионский...— Гиппомедонт.
- ²⁰⁶ ...вел крылонова...— коня (лат. alipes).
- ²⁰⁷ ...доли хояина конь не ведал и ржал одиноко...— Поэты часто наделяют коней человеческими переживаниями. Ср. Вергилий. «Энеида», XI, 89.
- ²¹¹ ...эонкоступ...— конь (лат. snipes). Ср. IX, 206.
- ^{225—226} Вышли к реке: в тот день по руслу полней... Исмен катил водяную громаду.— В сцене битвы Гиппомедонта с Исменом Стаций следует XXI песни «Илиады», где Ахилл, сражающийся троян, повержен разгневанной рекой Ксанфом.
- ²³⁰ Валится в воду толпа...— Ср. Гомер. «Илиада», XXI, 9.
- ^{237—238} ...сколько сдерживать чаемый вздох под водой удастся...— Ср. Лукан. «Фарсалия», III, 697.
- ^{242—247} Так под пенной волной голубыми рыбешками ужас овладевает...— Ср. Гомер. «Илиада», XXI, 22 слл.
- ^{254—255} ...заранее пряхей смерть на земле назначив ему.— В час рожденья человека Парки определяли всю его дальнейшую участь и начинали пряхть нить его жизни. Ср. описание Парок у Катулла (LXIV, 305 слл.).
- ²⁵⁶ ...асосов Гилсей...— Ср. VII, 424.
- ²⁸⁰ Смерть — одна — стообразно губя, наступала несчастных.— Ср. Лукан. «Фарсалия», III, 689—690: «В сотне различных смертей людей пугает одна лишь — Смерть, что грозит им сейчас».
- ^{282—283} ...дрезко... понеслось и кровь на бегу отыскало.— т. е. копьё нанесло кровавую рану. Ср. Лукан. «Фарсалия», III, 580 сл.
- ²⁹⁴ «Жив оставайся...— Иначе решает Эней; ср. у Вергилия («Энеида», X, 600): «Так умри! Расставаться братьям негоже!»
- ^{306—307} ...превращавший глубины, тот, который не раз и мимо горы Каферей...— Возле горы Каферей были часты сильные бури.
- ³²⁰ ...в волнах материнских.— Мать Крenea была нимфой, дочерью реки Исмена.
- ³²³ ...алисийские Сестры...— Парки.
- ^{328—331} ...анфедонского гостя...— Главка. Ср. VII, 335; ...Тритон...— Ср. V, 705; ...к матери милой...— Ино или Левкоотее. Ср. I, 13; ...неспешного — гонит дельфина.— Ср. I, 121—122.
- ^{334—336} ...на влюбленном быке восседает сидонская дева...— На щите Крenea изображен миф о похищении Юпитером в образе быка сидонской царевны Европы. Ср. I, 5.
- ³⁴¹ ...этой воды веркулесовы не пили змеи.— Геркулес убил Гидру в лернейском болоте, воды которого были напитаны ее ядом.
- ³⁵⁰ «Матерь...»— Ср. возглас Пета у Проперция («Элегии», III, 7, 17 сл.) или Алкионы у Овидия («Метаморфозы», XI, 562 сл.).
- ^{360—362} Так о плавучем своем жилище и влажных пенах плачет, оставшись одна, Алкиона...— Миф об Алкионе изложен у Овидия («Метаморфозы», XI, 410 слл.).
- ³⁸¹ ...родителя дикого очи...— Фавна.
- ³⁸³ ...славою струй и лесов...— как внук реки Исмена и как сын Фавна.
- ^{401—403} Так Левкоотея, еще nereидой не став...— Ср. I, 13; ...гладеющий отрок...— Палемон, сын Левкоотей.
- ⁴¹⁰ ...сосуд покотился.— См. примеч. к II, 215—222; ср. IV, 106—108, 838; Вергилий. «Энеида», VII, 792.
- ⁴¹⁹ ...рогов...— См. примеч. к IV, 101—106. Ср. II, 217; IV, 838.
- ^{423—426} ...зревший...розб над челом измененным живые...— Имеется в виду миф об Антиопе, с которой Юпитер сошелся в виде сатира; ...ты запретиц распрягать колесницу Фебе...— Юпитер провел с Алкменой три ночи подряд, запретив Луне покидать небо и уступать место Солнцу. Ср. XII, 301; ...сжигающей молнией вспыхнуть...— миф о Семеле, попросившей Юпитера явиться к ней в его истинном образе; ...могуществнейших детей!— Геркулеса и Ваха.
- ^{429—433} ...какие мой ток переносит убийства и трупы...— Ср. Гомер. «Илиада», XXI, 300 слл.
- ^{435—441} ...омывались кроткие тирсы прежде и Вахта рога...— для очищения после вакхических оргий; ...Вахта рога...— См. примеч. к VII, 150; ...ни жестокие токи

Стримонад, ни Гебр... Градивом же рдел.— Стримон и Гебр — реки во Фракии, где находился дворец Марса. Ср. VII, 34—63; *...мир для тебя на восточном Гидаспе до-роже?*— намек на то, что Вакх покорил себе народы Индии. Ср. IV, 387.

⁴⁴⁸⁻⁵³⁸ *Так говорит, скрежеща, и вольно врящимся водам знак подает...*— Ср. Гомер. «Илиада», XXI, 234 слл.

⁴⁷⁹ *...раз в трелетье, когда безумные матери...*— Празднества в честь Вакха справлялись раз в три года; *...безумные матери...*— намек на Агаву, растерзавшую в вакхическом экстазе своего сына Пенфея.

⁵¹⁸⁻⁵¹⁹ *...но где же кекроново пламя, где же Тесея костры?*— анахронизм: Юнона предвосхищает события, описанные в XII книге (596—599; 797—798).

⁶³²⁻⁶³⁶ *Падает Гиппомедонт, как падает с гетского Гема дуб...*— Ср. Гомер. «Илиада», XIV, 414 слл.; IV, 482 слл. *...рощу надежье его и самую гору тревожит...*— Овидий. «Метаморфозы», X, 372 сл.; Сенека, «Фивест», 697 слл.

⁶⁴⁸⁻⁶⁴⁹ *Лишь ты мне, десница, в сраженьях подлинно помощь несешь...*— Ср. III, 615, а также Вергилий. «Энеида», X, 773 слл.

⁶⁵⁷⁻⁶⁵⁸ *Тебе посмертную почесть... окажем... ты мною повержен...*— поскольку почетно потерпеть поражение или принять смерть от храброго и сильного воина. Ср. Вергилий. «Энеида», X, 830; Овидий, «Метаморфозы», V, 191 сл.

⁶⁶⁸⁻⁶⁶⁷ *Так цеременивый Марс... делит потерь череду...*— Ср. Валерий Флакк. «Аргонавтика», VI, 427, 631.

⁶⁷¹ *...грозная мать...младого Тегейца...*— Аталанта, мать Партевопея, назван-ного Тегейцем по названию города Тегеи в Аркадии.

⁶⁷²⁻⁶⁷⁸ *...пряди волос, распутив и — как полагалось — босая...*— Распущенные волосы символизировали скорбь; об. обычае при свершении священных обрядов разу-ваться сообщает Вергилий («Энеида», IV, 518); *...предрасветной порою...*— которая считалась самым подходящим временем для мольбы и жертвоприношения. Ср. IX, 604—605; Вергилий. «Энеида», XI, 4; *...чтобы живою водой очистить зловещую грезу...*— Ср. Проперций, III, 10, 13; Персий. «Сатиры», II, 16; *...в храме ею прибитый падал доспех...*— Падение доспехов, прибитых в честь богов в храме, считалось дур-ным предзнаменованием. Ср. II, 257—258; *...изгнанная из лесов народом дриад...*— К Аталанте как охотнице, опекаемой Дианой, лесные божества обычно относились благожелательно.

⁶⁸⁶ *...дуб, который она посвятила Тривии...*— У многих народов было принято посвящать богам деревья и рощи и называть их именем того бога, которому посвящали. Об этом сообщает Плиний («Естественная история», XII, 2) и Тацит («Гер-мания», IX).

⁶⁸⁹ *...клякки прибывала и помяе шкуры...*— Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 408; Апу-лей. «Флориды», I.

⁶⁹⁵⁻⁶⁹⁸ *...одруе видит: сей дуб, рассеченный...*— Это описание заимствует у Стация Клавдий («Похищение Прозерпины», III, 74, слл.);

⁶⁹⁸⁻⁶¹¹ *...грозную службу...*— т. е. охоту; *...и не на греческий лад...*— Греческие женщины не охотились и не носили оружия; *...ни пламя...колхов не щипло тебя безуп-речнее, ни амазонки.*— Колхи чтит Диану, отождествляя ее с Гекатой, дочерью Пер-сея, царя колхов; амазонки чтит Диану и Минерву. Ср. XII, 531.

⁶²⁸ *...вражьи царя менады и боги фиванцев?*— Во сне Аталанта видела священный дуб, изуродованный менадами и Вакхом, что напоминает ей врагов — фиванцев, уг-рожающих ее сыну.

⁶³³ *...вещего брата...*— Аполлона.

⁶³⁶ *...влажен и сам белокаменный образ Дианы.*— Плачущие изображения богов считались дурными предзнаменованиями. Ср. IV, 374.

⁶⁴⁴⁻⁶⁴⁶ *...брат... Аполлон; ...о пророке...*— об Амфирае.

⁶⁵⁷⁻⁶⁵⁹ *Пещеры скорбные...*— Аполлон называет места оракулов на Парнасе и в Кирре.

⁶⁹⁰⁻⁶⁹² *...паллу двойной эбалийский пропитывал пурпур...*— Одежда юноши была дважды окрашена пурпуром, добытым у берегов Эбалии или Лаконии; этот пурпур це-нился наравне с финикийским; *...(это был единственный ткацкий матери труд)...*— Матери сами ткали военные хламиды для сыновей. Ср. IV, 175.

⁶⁹⁹ *...шлем в самоцветах сверкал...*— Ср. Овидий. «Письма с Понта», III, 103.

- ⁷⁰⁸ ...он же теснил и в жалеющих слая жестокие копыя.— Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 763; Кальпурний. «Эклога», X, 64.
- ⁷²²⁻⁷²³ ...она у моих алтарей о великой крушится ненависти...— Ср. Луан. «Фарсалия», II, 36: «...воле каждого храма льются хулы матерей...».
- ⁷²⁷⁻⁷²⁸ ...огражденная светлым облаком...— Ср. Вергилий. «Энеида», XII, 792; Лукреций. «О природе вещей», VI, 460.
- ⁷³¹⁻⁷³³ ...кропит амвросической влагой...— У Вергилия Венера так же кропит амвросией раненого Энея («Энеида», XII, 419); ...священный напев с наговором мешает...— О том, что древние огромное значение придавали песне и слову во время всяких магических действий, подробно рассказывает Плиний («Естественная история», II, 2).
- ⁷⁴⁸ ...от священного яда...— Накочечники стрел Дианы были напитаны ядом.
- ⁷⁶⁹⁻⁷⁶⁹ ...Фисбою послан белой...— из-за множества голубей. Ср. Гомер. «Илиада», II, 502; Овидий. «Метаморфозы», XI, 300; ...к Амиллам...— Здесь имеются в виду не те Амиллы, которые расположены в Лаконии, так как этот город был союзником аргивян (см. IV, 223). С таким же названием были города в Беотии, Фокиде, Эвбее и несколько городов в Италии.
- ⁷⁷⁷ ...дети Лабдака...— фиванцы.
- ⁷⁹² Грозный посев и побег аркадской породы...— Аркадцы считали, что происходят от камней и деревьев. См. IV, 275 слл.
- ⁷⁹³ ...фийя...— вакханка.
- ⁷⁹⁸⁻⁷⁹⁸ ...не носил я уродливой митры...— Митра — головной убор, который носили только жевщницы; Партевопей намекает на участие фиванцев в вакхических оргиях. Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 615 сл.; ...поворящим древом...— т. е. тирсом.
- ⁸¹²⁻⁸¹⁴ ...пощади...богов...— Ср. II, 689.
- ⁸⁴²⁻⁸⁴⁴ ...почитавших Диану он ненавидел...— Дриант был сыном Ориона, погибшего от руки Дианы.
- ⁸⁵⁸⁻⁸⁶⁰ Когда над собой носителя молний...лебедь уарит...— Ср. Гомер. «Илиада», XXI, 493 слл.; ...носителя молний...— орла.
- ⁸⁶⁵⁻⁸⁶⁶ Он уже наставил стрелу...— Ср. сходное описание у Вергилия («Энеида», XI, 859 слл.).
- ⁸⁷⁶ Вслед сам ружнул Дриант — о чудо!— без раны единой...— Дриант повержен Дианой. Ср. слова Дианы в IX, 665 слл.
- ⁸⁷⁸⁻⁸⁸⁰ ...и рыдал (простодушная юность) о павшем — сам умирая — коне...— Ср. описание юной Прозерпины у Овидия («Метаморфозы», V, 401 слл.).
- ⁸⁸¹ Трижды его за власа потрясали, четырежды, — тщетно...— «Умирающим подымали голову и потрясали ее за волосы с тем, чтобы вернуть им чувство» (Лактанций).
- ⁸⁹⁵⁻⁸⁹⁶ Терваясь, с вершины Ликей ты напрасну глядишь...— Ср. Гораций. «Оды», IV, 5, 9 слл.
- ⁹⁰⁰⁻⁹⁰¹ ...и тут он десницей прядь отделил...— Ср. описание гибели Дидоны у Вергилия: Ирида отсекает у нее прядь волос, и жизнь покидает тело («Энеида», IV, 698 слл.).

КНИГА ДЕСЯТАЯ

- ¹ ...к закатым вратам...— Ср. Гомер. «Илиада», V, 749 сл.; VIII, 393 сл.; Вергилий. «Георгики», III, 261; «Энеида», I, 374.
- ¹² ...без вождей отошли четыре отряда данайцев...— Погибла Амфиарай (VII, 794 сл.), Тидей (VIII, 716 сл.), Гипномедонт (IX, 446 слл.) и Партевопей (IX, 841 слл.).
- ¹⁴ ...божество...— Можно понимать как охранительное изображение божества на носу корабля (ср. VIII, 720), а также и в более общем смысле: как неподвластную человеку высшую силу (в одном ряду со случайностью).
- ¹⁷⁻¹⁸ Назначен жребием стражи черед...— Ср. Вергилий. «Энеида», VII, 637.
- ²⁰ ...нежданную тенью авгура...— Амфиарай.

²⁰ ...можно и не причислять аркадца к бранным победам.— Партевопей, по мысли Этеокла, слишком юн, чтобы гордиться победой над ним.

³¹ ...брат...— Подлинник.

⁴⁰⁻⁴¹ После...замыкают стан...— Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 159 сл.

⁴²⁻⁴⁸ Так ободятся...щитные щолки...— Ср. IV, 363 сл.; VIII, 691 сл.; образцы для Стация — Вергилий («Энеида», II, 355 сл.; IX, 59 сл.) и Гомер («Илиада», XI, 548 сл.; XVII, 657 сл.); ср. также Аполлоний Родосский. «Аргонавтика», I, 1243 слл.

⁴⁹⁻⁶⁰ А между тем молящийся сон...— Стаций описывает мольбу аргосских женщин к Юноне по образцу Гомера, у которого троянки обращаются с мольбой к Афине («Илиада», VI, 286 слл.); ср. также Вергилий. «Энеида», I, 479 сл.; XI, 477 сл.

⁶⁷ ...кадмейской разлучницы...— Семелы.

⁷⁹ ...обоих сынов Громовержца.— Вакха и Геркулеса.

⁸⁰⁻⁸⁹ Послушной Ириде повелевает...— Ср. Вергилий. «Энеида», IV, 693 сл.; V, 606; IX, 2; ...заклЮчитьсЯ в примычные дуги...— облачиться в радужное одеяние; ср. Овидий. «Метаморфозы», XI, 589 сл.: Ирида облачается в тысячецветные одеянья; ...по излучине длинной.— по радуге; ср. Овидий. «Метаморфозы», XI, 590 сл.; XIV, 838; Вергилий. «Энеида», V, 609 сл.

⁸⁴⁻¹¹⁷ Мрачных Ночи жилищу посреди...мертвая роца стоит...в ней — лар беззаботный праздногo Сна...— Описание жилища Сна — одно из самых развитых и пространных в латинской поэзии; ср. Овидий. «Метаморфозы», XI, 592 слл.; ср. также Вергилий. «Энеида», VI, 268 сл.; ...у эфиопов ины...— западных (в отличие от юго-восточных); ср. Гомер. «Одиссея», I, 23; Вергилий. «Энеида», IV, 481; ...ни единой звезде не доступна...— Ср. Валерий Флакк. «Аргонавтика», III, 400 слл.; ...с Беспамятством влЯм...— перевод греч. *lethargia*; ср. «Сильвы», I, 4, 57; ...жарки Мулькибером...— Ср. Гораций. «Оды», I, 4, 8; ...повабы о роге...— о роге Сна; ср. II, 144; V, 199; VI, 27; Валерий Флакк. «Аргонавтика», VIII, 72; Силий Италик. «Пунические войны», X, 359.

¹¹⁸⁻¹⁵⁰ К оной обители Сна...соскользнула Радуга-дева...— Ирида передает Сну приказ Юноны, и тот вылетает против фиванцев: в первой части этой картины Стаций опирался на Овидия («Метаморфозы», XI, 616 слл.; ср. также Вергилий. «Энеида», IV, 700 слл.), однако в целом этот эпизод — прекрасный образец поэтической силы Стация в воображении; ...сверные дроты пали из рук...— В лат. тексте *pis* — тяжелые метательные копья, каких не было у греков; это не единственный анахронизм у Стация (ср. X, 177 — стяги, собственно — значки, 527 — железные запоры, 530 — черепаха, 533, 857, 859 — свинцовые снаряды, бросаемые с помощью пращи).

¹⁵⁸⁻¹⁶⁹ Та же дрема не вовет...— Ср. Вергилий. «Энеида», IV, 529 слл.

¹⁶⁰⁻²¹⁸ Вруг...неожиданный трепет Фиодаманта объял...— Образцом для этой сцены послужил Вергилий («Энеида», VI, 77 слл.). Его затрЯсло...— Ср. Вергилий. «Энеида», VI, 101; Так окровавленного фригийца...— служителя Кибелы, участника ее кровавых таинств; ср. Катулл. LXIII; Лукреций. «О природе вещей», II, 600 слл.; Овидий. «Фасты», IV, 221 слл.; Валерий Флакк. «Аргонавтика», VII, 635 слл.; ...древое радений...— Ср. XII, 302; «Сильвы», V, 1, 191; Вергилий. «Энеида», XI, 557; Так...потеря корабельщика, судно режет простор...— Ср. X, 13—14; ...новопреставленный жрец...— Амфирай.

²²⁸⁻²³⁴ Так...воспитатель коней...— Ср. Лукан. «Фарсалия», III, 198; Фолоя, по Стацию, — гора в Фессалии (ср. «Ахиллеида», I, 168, 238); фессалийские кони в древности весьма славилась; здесь же обретались, по мифам, кентавры (ср. кентавра Фола); ...скотообильной весной, обновляющей порослью стадо...— Ср. Вергилий. «Буколики», VII, 36; ...дар подняться к награде элидской.— привести победу в Олимпийских состязаниях; ср. Проперций, III, 9, 17; Вергилий. «Георгики», I, 59; III, 49, 180.

²⁴⁰⁻²⁴⁸ Так родитель Эол...— Ср. V, 704 слл.; Вергилий. «Энеида», I, 52—54; 62—63; 148 слл.; Силий Италик. «Пунические войны», VII, 253 слл.

²⁴⁹⁻²⁵¹ ...взяв Ахиллея...позволяя силою, равной отцу...— Ср. VI, 836 слл. (описание Агиллея, побежденного Тидеем).

²⁵⁴⁻²⁵⁶ ...досточтимую вельню...чела украшение...— лавр, атрибут служителя Аполлона.

- ²⁵⁶⁻²⁶¹ ...облекает себя в броню и шлем...— В изображении воинов, отправляющихся в ночную битву, Стаций опирается на Гомера («Илиада», X, 255 сл.), однако главный источник Стация — Вергилий, описавший Ниса и Эвриала («Энеида», IX, 903 сл.). См. также примеч. к ст. 347—448 этой книги; ...не будучи сам удобстоен... биться, богам подчинясь.— Капаней, безбожник и хулиатель богов, не ввязывается в сражение, внушенное богами.
- ²⁷¹⁻²⁷² ...молниеносный меч...— Ср. Вергилий. «Энеида», IV, 579—580; IX, 441 сл.; Лукан. «Фарсалия», VI, 239.
- ²⁷³⁻²⁷⁴ ...павших по имени перервать?— Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 342—345.
- ²⁸² И не отсутствовало божество: Юнона...— Юнона помогает Фиодаманту так же, как у Гомера («Илиада», X, 274 сл.) Афина помогает Одиссею и Диомеду.
- ²⁸⁹⁻²⁹⁴ Как на каспийском берегу тигрица...— Ср. XII, 169 сл.; IX, 15 сл.; Вергилий. «Энеида», IV, 367; Лукан. «Фарсалия», I, 327 сл.; Сенека. «Фиеста», 707 сл.; ...ему б оказаться сторукиим...— Ср. Вергилий. «Энеида», X, 565—566.
- ³⁰⁹⁻³¹⁰ ...к черепахе звонкой...— лире.
- ³¹¹⁻³¹² Страшные струи меж яств... с кровью смешавшись, вино...— Ср. ниже X, 322—323 (апьяные струи); подобное описание в V, 256—257; ср. Вергилий. «Энеида», IX, 349—350.
- ³¹⁸ Спавший... меж колесами...— Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 317—319.
- ³²⁴⁻³²⁵ ...предрекавшие гибель виденья...— Ср. Гомер. «Илиада», X, 496 сл.
- ³²⁸ ...Волопас исчезал, колесницею большей теснимый.— Колесницу Волопаса (совзвездия, ср. Вергилий. «Георгики» I, 174) теснит колесница Солнца.
- ³³³⁻³³⁴ В удачах меру блюди...— Ср. II, 688—689; ...ведь есть божества и в проклятых Фивах...— Ср. Гомер. «Илиада», X, 511.
- ³⁴⁴ ...Ликийский Пеан...— Один из эпитетов Аполлона, в отличие от эпитета «Ликийский», указывает на культ Аполлона «Волчьего» (греч. *Luceios*, соотносится с *Lycos*—«волк») в Аргосе (ср. Павсаний. «Описание Эллады», II, 19, 13); понятие употребление данного эпитета именно здесь: Фиодамант просит вернуть «отчие дома и родные храмы».
- ³⁴⁵ ...для святого порога.— для храма Аполлона Ликийского в Аргосе.
- ³⁴⁷⁻⁴⁴⁸ Шли... Голлей Каалдонский и Меналийский Димант...— пара героев, соответствующих Нису и Эвриалу Вергилия, которых Стаций прямо называет (ст. 448). Однако Стаций не боится прямой параллели, потому что весь эпизод самостоятельно пережит им и является органической частью поэмы.
- ³⁶⁵⁻³⁶⁷ ...Кинфия... чей трижды изменчив образ...— Геката; ср. Вергилий. «Энеида», IV, 511, 609; трижды изменчив — по ассоциации с Гекатой-Тривисой, или потому, что Геката отождествлялась с Луной, Дианой, Прозерпиной, или в связи с фазами Луны.
- ³⁷⁰⁻³⁷¹ ...богиня низводит светоч благой...— Ср. XII, 305 сл.
- ³⁸⁴⁻³⁸⁵ Редко завистливый рок...— Ср. Сенека. «Геркулес в безумье», 524—525; ср. также сентенцию с противоположным смыслом в I книге (661—662: «На достойных взирая, рок милосерд»).
- ³⁹⁶ ...дрот, направленный... бесплодным усилием...— Ср. Гомер. «Илиада», X, 372 (Диомед бросает копьё, не желая попасть в Долона).
- ⁴¹⁴⁻⁴¹⁹ Так, если львицу и льяют...— Ср. X, 820 сл.; IX, 115 сл.; ср. Гомер. «Илиада», XVII, 4 сл.; 132 сл.; Валерий Флакк. «Аргонавтика», III, 737 сл.; VI, 346 сл.; Силий Италик. «Пунические войны», X, 124 сл.
- ⁴²⁴⁻⁴²⁵ ...молю сожженного молнией Вакха...— См. примеч. к I, 12—14.
- ⁴²⁹⁻⁴³⁰ ...пусть лучше уж я...— Ср. у Вергилия мольбу Ниса («Энеида», IX, 427—428).
- ⁴³¹⁻⁴³⁴ «Что ж, — говорит Амфион...— Ср. Гомер. «Илиада», X, 384 сл., 405 сл. (обращение Одиссея к Долону).
- ⁴³⁹⁻⁴⁴¹ ...и грудь... к юноше крепко прижал...— Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 444—445; «Пусть хоть такого пока ты не будешь лишен позребенья...».— Смысл: раз я не могу присыпать тебя землей, я хотя бы прикрою тебя своим телом.
- ⁴⁴²⁻⁴⁴⁸ Вот каковы...— Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 446—449.
- ⁴⁶¹ ...пленные трупы.— Тидей и Партенопей.

⁴⁵⁸⁻⁴⁶² *Так выводок неоперенный...*— Эффектное сравнение, построенное на контрасте, принадлежит Стация.

⁴⁶⁸⁻⁴⁶⁸ *Есть у меня провидческой дани знак, и безумство мое ужасает мечом обнаженным.*— Безбожник Капаней говорит, что у него, как и у Фиодаманта, есть знамения, и ему не чуждо пророческое безумие, — это десница, яростно сжимающая меч (ср. IX, 548—550; III, 615—616); образец — Мезенций у Вергилия («Энеида», X, 733—734); ср. слова Гектора у Гомера («Илиада», XII, 234); ср. также Эсхил. «Семеро против Фив», 529; Аполлоний Родосский. «Аргонавтика», I, 466 слл.; Силий Италик. «Пунические войны», V, 118 слл.

⁴⁶⁸ *...зять аргондский...*— Полинник, зять Адраста; *...авгур... помрачевший.*— Фиодамант, который предвидел, чем закончится нападение Капанея.

⁴⁹³ *Силы порою дает и страза избыток...*— Ср. Овидий. «Фасты», III, 644; Силий Италик. «Пунические войны», I, 559—560; этот стих Стация приводит Сервий, комментируя Вергилия («Энеида», II, 354: «У побежденных одно спасенье — в спасенье не верить»).

⁴⁹³⁻⁵⁰⁸ *...ворота сходятся емиз...*— Ср. описание битвы у городских ворот в «Илиаде» Гомера (XII, 122 слл.) и в «Энеиде» Вергилия (XI, 879; IX, 672 слл.); *...Алкидамант...*— Ср. VI, 731—825; *...бог, светоч затмив, закатился.*— Поллукс, покровитель кулачного боя, учитель Алкидаманта; вместе с Кастором — звезды в созвездии Близнецов; *Лес обалийский... берег и водная гладь будет оплакивать...*— См. примеч. к V, 334; *...Девы Лаконской...берег и... гладь, знаменитая лебедем мнимым...*— Юпитер в виде лебедя овладевает Ледой на берегу Эвроты. Ср. IV, 227; «Сильвы», II, 45—46; *...наставляющая...уставам битвы...мать...*— Спартавские матери воспитывали в сыновьях прежде всего воинскую доблесть (ср. «Сильвы», II, 1, 111).

⁵¹⁴ *...путь заградил своим.*— Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 725 слл.; XI, 887.

⁵²¹⁻⁵²⁴ *...перескочить... звонкоступам страшно...*— Ср. Гомер. «Илиада», XII, 50—57.

⁵²⁷ *...стволами и медью...*— таранами и бревнами, окованными металлом.

⁵³⁰ *...слезой черепахою...*— анахронизм, см. примеч. к X, 153; ср. Вергилий. «Энеида», IX, 505, 514; Силий Италик. «Пунические войны», I, 365 слл.; Лукан. «Фарсалия», III, 474 слл.; «черепахой» назывался строй воинов, со всех сторон прикрытый щитами.

⁶³³ *...свинец, раскаленный полетом сквозь небо...*— Ср. Лукреций. «О природе вещей», VI, 178, 306; Вергилий. «Энеида», IX, 588; Овидий. «Метаморфозы», II, 727 слл.; XIV, 825 сл.; Лукан. «Фарсалия», VII, 512 сл.

⁶³⁷⁻⁶³⁹ *Как... бури... налетают...*— Ср. Гомер. «Илиада», XII, 156—158.

⁶⁴⁰ *...оружье Агенора...*— фиванское.

⁶⁴¹ *Гровный сей дождь...*— Ср. Вергилий. «Энеида», XII, 283 сл. (у Вергилия — «железный дождь», образ, заимствованный у Эния).

⁶⁴⁶⁻⁶⁵¹ *...он, запрокинувшись, рухнул...*— Ср. у Вергилия описание гибели Троила («Энеида», I, 476 слл.).

⁶⁵⁴⁻⁶⁵⁵ *...знаменосец... несет... свое «наказанье и радость».*— «Радость» — быть впереди всех и увлекать в битву; «наказанье» — неся значок, первым привлекать к себе удары врага.

⁶⁷⁴⁻⁶⁸⁰ *Так, если... пчел... пасечник... раздражит...*— Ср. Вергилий. «Энеида», XII, 587 слл.; ср. также Гомер. «Илиада», XII, 167 слл.; Аполлоний Родосский. «Аргонавтика», II, 130 слл.

⁶⁸⁰⁻⁶⁹¹ *Битву... ведут... черни сужденья...*— Ср. Вергилий. «Энеида», XII, 583.

⁶⁹⁴⁻⁶⁹⁵ *...о несчастная Фива (и даже — гиблая, коль промолчу)...*— реминисценция из Еврипида («Финикиянки», 884 сл.).

⁶⁹⁷ *...о дева...*— Манто, дочь Тиресия.

⁶⁰⁴ *...явки огней венценовых...*— пламя аполлонова алтаря, увенчанного лавром; ср. «Ахиллеида», I, 509: «...лавроносный огонь».

⁶¹³⁻⁶¹⁴ *...должно в змеином роду юнейшее чадо пасть...*— «юнейшее чадо» — Менекей; согласно Еврипиду («Финикиянки», 940 слл.), Креонт и его сыновья были последними прямыми потомками «спартов» — воинов, выросших из зубов убитого Кадмом дракона. Ср. Аполлодор. «Мифологическая библиотека», III, 4, 1; Овидий. «Метаморфозы», III, 1 слл.

- ⁶²⁵⁻⁶²⁸ ...то униженно колел, то уст врозьгласных касался,— молит молчать...— Ср. Еврипид. «Финикиянки», 923 слл.
- ⁶³⁸ Вот уж земля под стопой, но лик — недалеко от неба.— Ср. описание Молвы у Вергилия («Энеида», IV, 177), восходящее к Гомеру («Илиада», IV, 447).
- ⁶⁴²⁻⁶⁴³ У... лидийской царицы Амфитрионад...— Во иноплеменные убийства Ифита Геракл был рабом у лидийской царицы Омфалы (см. Софокл. «Трахинянки», 248 слл.; Аполлодор. «Мифологическая библиотека», II, 6, 3; Овидий. «Героини», IX, 53 слл.; Сенека. «Геркулес безумный», 465 слл.; «Федра», 325 слл.).
- ⁶⁵¹ ...Менекей...— История Менекея изложена у Еврипида («Финикиянки», 911 слл.); ср. Павсаний. «Описание Эллады», IX, 25, 1; Цицерон. «Тускуланские беседы», I, 116; Ювенал. «Сатиры», 14, 240.
- ⁶⁵³ ...Гемон.— старший брат Менекея.
- ⁶⁵⁹ ...Сфинкса, хранящая шлем...— См. примеч. к VII, 252.
- ⁶⁷³ ...е нем себя самое оставляя.— Ср. Силлий Италик. «Пунические войны», II, 515 слл. (богиня Верность внушает любовь к себе).
- ⁷⁰⁴⁻⁷⁰⁵ ...поемеди толь ми: порыв не бывает добрым слугою.— Ср. Тит Ливий. «От основания города», XXII, 39, 22: «В спешке все неясно и недостоверно, торопливость неосмотрительна и слепа». Ср. также Еврипид. «Финикиянки», 452 слл.; «Умоляющие», 419 слл.
- ⁷²¹ ...он, подошедши к отцу, рассеивает его опасенья...— Ср. Еврипид. «Финикиянки», 991 слл.
- ⁷²⁸ ...сам Аполлон безумствовал мне из святылиц.— Ср. Вергилий. «Энеида», III, 92.
- ⁷⁵⁵ ...шеломо чело...— Ср. Гомер. «Илиада», XVI, 70.
- ⁷⁶⁶ ...на вершине стены...— обращенной к Дирке, возле которой была пещера дракона; ср. Еврипид. «Финикиянки», 931 сл., 1009 сл., 1315.
- ⁷⁷⁷ ...и стены очистил...— Самоубийство Менекея имело сакральный смысл очистительной жертвы, принесенной городу («башням и стенам»).
- ⁷⁸⁷⁻⁷⁸⁹ ...Амфиона и Кадма преемше...— Кадм основал Фивы, Амфион окружил их стеною, а Менекей своей жертвой сохранил, когда они уже должны были пасть под натиском врагов; красю вешемю...— отдельными цветами; ср. Апулей. «Метаморфозы», II, 16; IV, 29; X, 32.
- ⁷⁹¹ ...гнев победив...— Ср. XI, 264 слл.; 288 слл.
- ⁷⁹³⁻⁸¹⁴ ...черед материнским рыданьям...— Ср. плач матери Эвриала у Вергилия («Энеида», IX, 473 слл.); В жертву ли Фивам тебя... я — как нищая мать — воспитала?— Имеется в виду обычай галлов приносить человеческие жертвы, для которых избирали беднейшего из членов общины и кормили за общественный счет в течение года (Сервий. Комментарий к III, 57 «Энеиды» Вергилия; ср. комментарий Лактанция к этому стиху: «Очищать обычай человеческими жертвами — обычай галлов...»).
- ⁸²⁰⁻⁸²⁶ Удрученная горем тигрица...— Ср. Овидий. «Метаморфозы», XIII, 547 слл.; Валерий Флакк. «Аргонавтика», III, 737 слл.
- ⁸²⁸ ...следует превозвестити до звездной оси Капанея...— Безбожник Капаней упоминается у Гомера; вероятно, он был в киклической «Фиваиде»; он выразительно описан у Эсхила («Семеро против Фив», 423 слл.), Еврипида («Финикиянки», 180 слл., 1128 слл., 1172 слл.; «Умоляющие», 496 слл.), Софокла («Антигона», 134 слл., «Эдип в Колонах», 1318 слл.).
- ⁸³²⁻⁸³³ ...вслед капанеевым знакам против Юпитера брань воздвигли стизийские сестры...— Фурии использовали буйный нрав и ярость Капанея, чтобы досадить Юпитеру.
- ⁸³⁵⁻⁸³⁸ ...счастливый бедствий исток...— удача вначале, которая затем привела к беде; ...ласковый гнев...— не сразу наступающий святотатца.
- ⁸⁴³ ...потрясал огнем запаленным.— Ср. описание Мезенция у Вергилия («Энеида», IX, 521 слл.).
- ⁸⁴⁴ ...огонь на щите разгорался.— казался более ярким, отражаясь в блестящей поверхности щита.
- ⁸⁴⁹⁻⁸⁵² Эфир... такж же врем Алоадов...— Ср. Гомер. «Одиссея», XI, 315 слл.; Вергилий. «Георгики», I, 281 слл.; Горацій. «Оды», III, 4, 51 слл.; Стаций. «Сильвы», III, 2, 65.

⁸⁶³⁻⁸⁶⁹ ...словно обвал... Будто поток... — неожиданное и очень эффектное сравнение веудержимо подымающегося вверх Капанея с обвалом и низвергающимся потоком.

⁸⁶⁶ ...мачехи... — Юноны.

⁸⁶⁹ ...Аполлон-основатель... — Фивы были основаны Иадмом, подчитавшимся оракулу Аполлона.

⁸⁹⁰⁻⁸⁹¹ ...размышляет о Лерне и Фивах скорбный Тиринфий... — Геркулес был рожден в Фивах, а воспитан в Тиринфе (в Арголиде).

⁸⁹⁵ ...на аонийских богов нападает Тритония дерзко... — У Станция Минерва (Тритония) на стороне аргосцев; у Эскила к Афине с мольбой обращаются фиванцы («Семь пропов Фив», 130 сл.).

⁸⁹⁹ ...у Флегры кичливой? — У Флегры дерзкие гиганты восстали против богов и были сокрушены Юпитером.

⁹¹⁵ ...Илет... — Титан, низвергнутый Юпитером в Тартар (Гесиод. «Теогония», 134, 507 сл.).

⁹¹⁶⁻⁹¹⁷ ...Инарима-остров овмыл... — Разумеется извержение вулкана на о. Инарима против побережья Кампании. Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 716.

⁹²⁷ ...Юпитером всею устремленный... — всею мощью Юпитера; ср. Гораций. «Оды», I, 19, 9: «Вся Венера, устремившаяся на меня»; Валерий Флакк. «Аргонавтика», III, 133: «Весь Тиринфий, устремившийся с луком».

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

¹⁻³ После того, как... — Ср. такое же начало в III книге «Энеиды» Вергилия, VI — «Фарсалия» Лукана, III — «Пунических войн» Силия Италика; ...вспышку выдохнул... — Ср. Вергилий. «Энеида», I, 44: «...из прозаенной груди огонь выдыхавший...».

¹²⁻¹⁴ ...посвятель на мать Аполлона... — Титий; ...отстраняясь от груди могучей... глядят на могучее тело... — «могучая грудь» — постоянный эпитет Тития (ср. Лукреций. III, 985; Вергилий. «Энеида», VI, 599 сл.); «огромное тело» — согласно Гомеру («Одиссея», XI, 577), неоднократно воспроизводимому в латинской поэзии, Титий занимал в Аверне девять плетров (лат. — югеров) = 22 674 кв. м; ср. рационалистическую критику у Павсания (X, 4, 5).

¹⁷ ...смердящие серой небесной. — Ср. Лукан. «Фарсалия», VII, 160; Силий Италик. «Пунические войны», XII, 133 сл.

²¹⁻²⁵ Бег беспорядочный гнал... ахейцев... — Ср. Еврипид. «Финикиянки», 1187 сл., ...страшает овмями... — молниями. Ср. XI, 68: «этейский огонь».

²⁷ ... в полях массалийских... — метонимически — африканских.

²⁹⁻³¹ ...медведи хриплые следом, жадные волки... — Ср. Овидий. «Скорбные элегии», III, 5, 33 сл.

³²⁻³³ ...дрот деревенский... отцовым грозящий смятеньем... — простой, невзвешенный; «отцово смятенье», — паника, панический страх, внушаемый Паном, отцом Эвримедонта.

⁴²⁻⁴⁶ Будто вернулась ерова... — Ср. Гомер. «Илиада», XIV, 394 сл.; ...поле отхлынуло вспять... — стебли травы или посева, сгибающиеся под ветром то в одну, то в другую сторону. Ср. Силий Италик. «Пунические войны», IX, 358 сл., ...лена намокший песок обнажает и вновь одевает. — Ср. Вергилий. «Энеида», XI, 623 сл., ...бога-питомца... — Геркулеса.

⁵⁰ ...Эний... — зовущий в битву (а на сей раз к бегству) Эний больше нигде не встречается; ср. однако имя богини Энио, упоминаемое Стацием в этой же книге (XI, 84).

⁵⁴ ...трубящего длань у левого держится уха... — Паола Венини объясняет (с. 18): «Чтобы извлечь более сильный звук, трубач прижимает левую руку к уху»; труба — изогнутый рожок.

⁵⁶ ...и петь лишь труба продолжает. — Согласно Лактанцию, Стаций буквально взаимодействует это двустышие у Эния. Ср. Силий Италик. «Пунические войны», IV, 169 сл.

⁶⁰⁻⁶¹ ...змеи единокровные... — змеи, украшавшие голову Мегеры, сестры Тисифоны.

⁶³ ...неведшее имя... — имя отсутствующей Мегеры.

⁶⁹ ...она как раз близ отца обреталась... — Под «отцом» вероятнее всего нужно понимать Плутона (ср. XI, 76), отца всего подземного мира, как и Юпитера — отца богов и людей). Ср. Вергилий. «Энеида», VII, 327 сл. и комментарий Сервия к этим стихам: «Отец» — почтительно; Фурии — дочери Ахеронта и Ночи.

⁷¹⁻⁷³ ...Капаней был всем восхваляем народом Дита... — восхваляем как противник Юпитера.

⁷⁹ ...вы же... — Мегера и Алектю.

⁸⁴ Сид пусть тешитса Марс с Энио недалеко. — Марс и Энио довольствуются обычными убийствами, тогда как Тисифона гордится тем, что побуждает героев к деяниям исключительной мерзости (Тидей) и дерзости (Капаней), чем непосредственно и похвалается (ст. 85—91).

¹¹² ...врагиня... — Мегера, которая побуждает к битве Поливика, оказывается противницей Тисифоны, опекающей Этеокла.

¹¹⁴ Сходственно Нот и Борей... — сравнения с ветрами см. также I, 193 сл.; V, 704 сл.; VII, 560 сл.; VIII, 423 сл.; Гомер. «Илиада», XVI, 765 сл.; Вергилий. «Энеида», II, 416 сл.

¹²³ ...должную ярость войны... — Ранее погибших героев (за исключением Капанея, пораженного молнией Юпитера) в битве опекали боги: Амфиарая — Аполлон; Тидей — Минерва; Партенопей — Диана; в ночной вылазке аргосцам помогла Юнона; но боги не хотят не только участвовать в поединке между братьями, но и видеть его.

¹³⁰ День, и днесь возмутись! — «и днесь» — как и после преступления Фиеста, когда Солнце обратило вспять свой ход.

¹³²⁻¹³³ ...благодетельной девы вёгвды... — созвездие Девы, в которое была обращена Дика-Астрейя, богиня справедливости, жившая на земле; она не вынесла нечестия людей и вознеслась на небо. Ср. «Сильвы», I, 4, 2; Овидий. «Метаморфозы», I, 149, Арат. «Явления», 96—136.

¹³⁶ ...Эребом рожденная дева... — Мегера.

¹³⁸ ...воле ворот... — ворот аргосского стана.

¹⁴⁶ ...броси Микены... — Микены — вместо Аргоса — у Еврипида: («Умоляющие», 1431; «Финикиянки», 186, 430, 513).

¹⁵⁰⁻¹⁵² ...близкая смерть... — Ср. Эсхил. «Семеро против Фив», 653 сл.; Софокл. «Эдип в Колоне», 1399 сл.; ...Месть... — эпитет Тисифоны; ...он, не владея собой... — Ср. Вергилий. «Энеида», IV, 300.

¹⁶⁰⁻¹⁶¹ ...прикорбной честью... — царской диадемой; анахронизм: диадема символом царского величия стала только со времен Александра Великого.

¹⁷⁶ ...разверзлись хляби небесные... — которыми был поглощен Амфиарай.

¹⁷⁷⁻¹⁷⁸ ...о царе...спросит Тегея... — о Партенопее; ...сырая мать... — Аталанта.

¹⁸⁴⁻¹⁸⁶ ...оседает высокий Гем... — Ср. «Сильвы», I, 1, 10; Овидий. «Искусство любви», III, 125.

²⁰³ ...и мчался он, бледный... — традиционное указание на предсмертную бледность. Ср. Вергилий. «Энеида», XII, 221; Лукан. «Фарсалия», VII, 129 сл.

²⁰⁵⁻²⁰⁹ Турский правитель... — Этеокл; ...эфирный отец... — Юпитер; ...м еж трепеташих... — служителей, свершавших жертву и опутивших присутствие Тисифоны; ...Громоверзцу подземному... — Плутону. Ср. I, 615 сл.; II, 49; Гомер. «Илиада», IX, 457.

²¹⁰⁻²¹⁴ ...тебе основаньем облавы Фивы... — поскольку Кадм прибыл в Грецию в поисках сестры Европы, похищенной Юпитером. Ср. I, 5.

²¹⁵⁻²¹⁶ ...снова кадмейского брака ты возжелал... — возжелал брака с Семейой; ...непомерный... — поскольку Семела не смогла вынести Юпитера в его собственном божественном виде.

²²⁶ Рек, — но черной ооной... — Ср. предвестия потери власти и жизни у Лунана («Фарсалия», VII, 165 сл.) и Силия Италика («Пунические войны», V, 63 сл.); ...лапнты... — как часто у Стация, в значении «глаза».

²²⁸⁻²³⁰ Ярый...бык...ушел от толпы, его обступившей... — Ср. Вергилий. «Энеида», II, 223 сл.; ср. также Силий Италик. «Пунические войны», XVI, 263 сл.

232—233 ...тут же отважно велит... великие страхи скрывает.— О трусости Этеокла Стаций говорит не раз: II, 490; III, 5 сл.; IV, 406, 490 слл.; VII, 232 сл.; XI, 268, 515 сл., 544 сл.

234—238 Так и Тиринфий...— Ближе всего в этом описании Стаций следует Овидию («Метаморфозы», IX, 135 сл.). В сравнении упоминается миф о Геркулесе и Дайнире, его жене, которая из ревности послала ему одежду, пропитанную ядом кентавра Несса. Почувствовав, что умирает, Геркулес сам воздвиг себе погребальный костер на горе Эте, отсюда — «этейская одежда».

244 ...и загрождает врата напором поводьев и копий...— Подъехав на колеснице к воротам, угрожающе потрясает копьем («копий» — поэтическое множественное число).

246—247 ...стонут оба отряда, время...оружьем.— в знак готовности выступить самим и не допустить поединка между братьями. Ср. ниже XI, 454—455.

261—268 Так недавний вожак...— недавно одержавший победу и изгнавший соперника; о сравнениях с быком см. примеч. к I, 131—136.

273 ...иль враждебная почва...— не приносящая плодов в неурожайный год. Ср. Лукан. «Фарсалия», V, 109 слл.

282—283 ...а ты, о позор!...— Потрошенный горем, обращается к Менекею; ...словно отпрыск черни безгласной...— См. примеч. к X, 794.

306 Хочет Креонт печаль облегчить, — неистовствуй волю...— анаколуп, придающий выразительность прямой речи.

309—313 Коль потревожит змею пастуш...— Ср. II, 411 слл.; Вергилий. «Энеида», II, 379 слл.; V, 273 слл.; Гомер. «Илиада», XXII, 93 слл.

316 ...мать...— Иокаста.

317 ...пенфеева мать...— Агава.

320—322 Спутницы...не поспевают...— Ср. VII, 479 слл.; Еврипид «Финикиянки», 1280; Сенека. «Финикиянки», 403, 420 слл., 427 слл.; поспешность, не соответствующая силам, — общее место (ср. об Адрасте — XI, 426; об Антигоне — XI, 356 сл.).

323—324 ...шелом красу...— шелом. Ср. VI, 193; VII, 277; ...вождь...— Этеокл.

328—352 «Что за безумье? Отколь...— Ср. монолог Иокасты в VII, 497 слл.; ср. Еврипид «Финикиянки», 301 слл.; 528 слл.; однако эмоционально Стаций ближе Сенеке («Финикиянки», 443 слл.); ...не давала страшных обетов...— подобно Эдипу. Ср. I, 56 слл.

353—355 ...Антигона...— Образ Антигоны, стремящейся примирить братьев, восходит к Еврипиду («Финикиянки», 1264 слл., 1322 сл.) и Софоклу («Эдип в Колоне», 1414). Ср. Сенека. «Финикиянки», 403 слл.; ...целомудрие деву не замедляет...— приличествующие юной царевне скромность и достоинство. Ср. примеч. к XI, 321—323.

356—357 Вдогон за идущей старец Актор спешит...— Ср. XII, 237 сл. (Менет спешит за Аргией).

382 ...Эриния...— Мегера.

386 ...Эвменида...— Тисифона.

400 ...по образу змеиному...— Лидия была знаменита ткачеством. Ср. миф об Арахне, чьей работой восхищались даже лидийские нимфы (Овидий. «Метаморфозы», VI, 5 слл.).

406 Единокровников бой...— Ср. IV, 397 слл.

409 ...не насытнный правитель...— традиционный эпитет Плутона (Ахеронта, Аверна).

413 ...Горгоной страшаяца Дева...— Минерва.

416—418 Нагромождается люд злополучный на кровлях...— Ср. описание собравшихся смотреть поединок Энея и Турна у Вергилия («Энеида», XII, 131 слл.).

431 ...хоть и ты не чужой мне по крови...— как брат зятя Полиника.

437 ...Кианейским утесам...— Симплегадам. См. Кианей.

442—445 Когда-то так...поник...мрака подземного страж...— Плутои, узнавший, что по жребью ему при разделе сатурного царства достается подземный мир, тогда как Нептуну — море, а Юпитеру — небо.

457—458 ...Честь...— лат. Pietas. Ср. «Сильвия», III, 3, 1 слл.; ...вид у нее не тот, что допреж...— Ср. X, 780 слл. — явление Чести Менекею.

- ⁴⁶⁵ ...*Природа?*— Ср. XII, 561, 645 (персонификация в духе стоического учения).
Ср. Сенека. «Федра», 959 слл.
- ⁴⁶⁸ ...*после Пурры*...— после потопа, когда из людей только остались Девкалион и Пурра. Ср. примеч. к III, 559—560.
- ⁴⁷³⁻⁴⁷⁶ ...*умялись миролюбивым внезапным воинством*...— Ср. Вергилий. «Энеида», XII, 216 слл.; Силий Италик. «Пунические войны», II, 515 слл.
- ⁴⁸⁴⁻⁴⁸⁶ ...*прикрываясь взоры паллою*...— «чтобы не видеть лица Фурии» (Лактанций).
- ⁴⁸⁹⁻⁴⁹⁰ *Так сокрушительный гнев*...— Сравнение восходит к Еврипиду («Финикиянки», 1380 сл.).
- ⁴⁹⁷⁻⁴⁹⁹ «*Брат, куда ж попятился ты?*— Ср. Вергилий. «Энеида», X, 592 слл.; Лукан. «Фарсалия», VII, 606 сл.
- ⁴⁹⁸ ...*крики эвелись*...— Ср. Еврипид. «Финикиянки», 1395; Вергилий. «Энеида», XII, 928 сл.
- ⁴⁷⁰ ...*агенорова судьбы...урна*...— Мвноса, сына Европы, внука Агенора. См. примеч. к IV, 530; ср. VIII, 103.
- ⁴⁷⁹ ...*родитель*...— Эдип.
- ⁴⁸² ...*седыблены две седины*...— «и главы, и браны» (Лактанций).
- ⁴⁸⁷ ...*Аверна неспешного пахарь*...— Харон, рассекающий («пашущий») своей ладьей воды Аверна; ср. VIII, 18.
- ⁴⁹⁰⁻⁴⁹¹ ...*толпы все бы росли*...— толпы душ, ожидающих переправы.
- ⁴⁹⁸ ...*и грудь истерзать*...— Разумеется ритуальное биение себя в грудь в знак скорби.
- ⁴⁹⁰ ...*только не сам я*...— Ср. Гомер. «Илиада», XIX, 86 сл.
- ⁴⁹⁴⁻⁴⁹⁶ ...*вынесла...меч из дальних покоев царица*...— В согласии с Еврипидом и Сенекой Иокаста убивает себя после гибели сыновей; но описание ее предсмертных пений соответствует Софоклу («Эдип-царь», 1245 слл.).
- ⁴⁹⁴ ... в проклятом месте...— Ср. характеристику Фив в I, 162.
- ⁴⁹⁹ Стих в подлиннике испорчен.
- ⁴⁷⁶⁻⁴⁷⁷ ...*престол вероломный, нашего счастья приют*...— до сих пор занимаемый вероломным Этеоклом, а прежде — Эдином, который долгое время царствовал счастливо.
- ⁴⁸⁷⁻⁴⁸⁸ *Или ждешь, что, согнувшись...лиц я паду*...— Ср. Еврипид. «Финикиянки», 1622 слл.
- ⁷⁴⁰⁻⁷⁴¹ *Такое же в пещере лев*...— Ср. Вергилий. «Буколики», I, 56; Лукан. «Фарсалия», IV, 601 сл.; Овидий. «Фасты», IV, 403 сл.
- ⁷⁶⁰ *Ночь помогла*...— традиционное завершение книги. Ср. V; Гомер. «Илиада», I, VII, VIII, IX; Вергилий. «Энеида», XI; Валерий Флакк. «Аргонавтика», III, V, VI; Силий Италик. «Пунические войны», V.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

- ¹² *Как тех, что в море скитался, сначала суша качает*...— Ср. Вергилий. «Энеида», X, 283: «покуда строём во стали враги и неверны шаги их на суше».
- ¹⁵⁻²¹ *Так, заметив едва, что к порогу...эвбирается змей*...— Ср. Гомер. «Илиада», II, 308 слл.; Овидий. «Любовные элегии», I, 2, 23; ...*идалийские птицы*...— голуби, посвященные Венере. Вергилий об Энее: «пернатых матери спутниц узнал» («Энеида», VI, 193).
- ³²⁻⁴⁹ *Шестуюют в поле*...— Ср. III, 114—132; ...*или останки врага (порой насмеяется Случай)*...— Ср. Овидий. «Письма с Понта», IV, 3, 31; Плиний. «Естественная история», II, 7; ...*враг*...— Капаней; ...*горю стенать и бедой услаждаться любовно*...— Ср. Еврипид. «Эномай» (Фр. 577, Диндорф); Стобей. «Эклоги», 122, 8.
- ⁵⁰⁻⁵⁹ *Третий в сраженьи вступал с Авророю Люцифер*...— Ср. сцену возведения погребальных костров с аналогичной сценой у Гомера («Илиада», XXIII, 109 слл.); ...*рать обездоленных греков нагая над запрещенным огнем летает*...— Креонт, сменивший Этеокла на престоле, также запретил хоронить трупы аргивин; ...*аргосцем ве-*

лено брата считать... — Полиника, как и остальных аргивян, Креонт похоронить не разрешил.

⁶¹⁻⁶² ...костер не обычный соорудили ему, но холм из оружия воздвигся... — Такие холмы из оружия, согласно Лактанцию, варвары сооружали умершим царям.

⁶⁵⁻⁶⁷ ...с мирною лабра листовой в волосах и священной повязкой... — так как Менекей сам себя принес в жертву богам для того, чтобы установился мир; ...как Тиринфий, призванный небом... на горящей покоем Эте... — См. примеч. к XI, 234—238.

⁶⁶ Кроме того, живые тела — плененных пеласгов... — Стаций упоминает обычай древних закалывать пленных у погребального костра и бросать их в огонь, чтобы умилостивить кровью тени умерших. Ср. Гомер. «Илиада», XXIII, 175—176; Вергилий. «Энеида», XI, 82.

⁷⁸⁻⁷⁹ Алатари и осыские храмы фианцы пусть посвящают тебе... — т. е. чтят как бога.

⁸⁰⁻⁸⁰ ...кормило прими у десницы, с главы вознесенной — повязь... — Креонт бросает в погребальный костер Менекея скипетр и посох — знак царской власти, и диадему. Ср. VII, 92.

⁹⁴ ...Лерны останки... — тела аргивян.

¹¹⁵⁻¹¹⁶ ...в чудовищных Кадма стенах... — в Фивах.

¹²³⁻¹²⁸ ...супруга пророка... — Эрифила; ... к пустому костру... — Тело Амфиарая было поглощено землей вместе с колесницей. См. VII, 816—818; ...мемальской Дианы сирая спутница... — Аталанта; ...сына... — Нартонопей; ...на звездное небо прыгся... — Эвадра упрекает небо, потому что Канапей был повержен ударом молнии.

¹³⁰⁻¹³¹ ...к побережью двойному... — к Истму; ...фианская мать на истмийской вробнице встречала... — Ино, дочь Кадма, на могиле сына Палемона, похороненного на Истме.

¹³⁷⁻¹⁴⁰ А убиенных тела своею заботой Ирида не оставляет... — Ср. III, 111—113, IX, 731; Гомер. «Илиада», XXIII, 185 сл.; Вергилий. «Энеида», XII, 419.

¹⁵⁶⁻¹⁵⁷ ...одрисийских коней алкающих... — копей Диомеда; ...сицилийских... богов... — Имеются в виду Киклопы, обитавшие в Сицилии и питавшиеся человеческим мясом.

¹⁶¹⁻¹⁶² ...души дальние к сырм кострам призвать... — Ср. Вергилий. «Энеида», III, 302 сл.; и Вергилий, и Стаций упоминают обряд сооружения кенотафов (пустых гробниц) для погибших, тела которых не удалось найти. Ср. об этом Ксенофонт. «Анабасис», VI, 9.

¹⁸¹⁻¹⁸² ...жене родопской и снежного дочери Фасиса... — т. е. амазонке.

¹⁸⁸ ...как жених пред первую жертвой... — Древний обычай приносить совместную жертву богам упоминается многими авторами и, в частности, Тацитом среди прочих свадебных обрядов («Анналы», XI, 27). Ср. Теренций. «Формион», IV, 4, 21; Валерий Флакк. «Аргонавтика», VIII, 243.

²⁰⁵ ...стражем он некогда был... — Ср. VII, 245 и XI, 357.

²²⁴⁻²²⁷ Так во фригийской ночи, когда овластают стоном... — Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 615 сл.; ...безумица-вождь... — кастрат, одетый в женское платье. Ср. Овидий. «Нисыма с Понта», IV, 48; ...богиня... — Кибела.

²⁴¹⁻²⁴² ...в дороге попутных радость овней... — Путники ночью шли с факелами. Ср. Овидий. «Метаморфозы», I, 493 сл.

²⁴⁴ ...кража пенфеева склон... — т. е. горы Киферон, на которой Пенфей был растерзан вакханками.

²⁷⁰⁻²⁷⁷ Так от этнейской скалы светильник зажегшая... — Аргия сравнивается с Церерой, ищущей пропавшую дочь Прозерпину, похищенную Плутоном. Ср. Клавдиан. «Похищение Прозерпины», III, 443 сл.; ...светильник зажегшая... — Этна — вулкан, постоянно выбрасывающий пламя; ...черново вора... — Плутона; ...освещая пути огнем пользавшим... — Ср. Вергилий. «Георгики», I, 473; ...стигийского мужа... — Плутона.

³⁰⁰⁻³⁰² ...отрое ты геркулесову ночь... — т. е. ночь, когда был зачат Геркулес. См. примеч. к IX, 424.

³³⁶ Я сама допустила войну и просила... — Ср. III, 687 сл.

³⁴⁸ ...я вдовство Полиником — младенцем согрею... — Ср. страдания Дидоны у Вергилия («Энеида», IV, 327 сл.).

- ³⁹⁰ *Кадмейская дева*... — Антигона.
- ⁴¹⁵ ...над рекой поднялись рыдающим лесом. — Неутешно рыдающие сестры Фавона были превращены в деревья. Ср. Овидий, «Метаморфозы», II, 340 слл.
- ⁴¹⁷ ...с поцелуем последним... — Ср. Тибулл, I, 1, 61.
- ⁴²³ ...огни, чтобы распрю продлить, берегла Эменида. — Ср. Сенека. «Эдип», 321.
- ⁴²⁹⁻⁴³¹ Но едва лишь пылающее пламя тела коснулось... — Ср. о костре, разделившем лавное над праком враждовавших братьев у Силия Италика («Пунические войны», X VII, 546 слл.); Овидий, «Скорбные элегии», V, 5, 33; Лукан, «Фарсалия», I, 552.
- ⁴⁴⁸ ...мерсть молящую... — Обращавшиеся с мольбой несли перед собой ветвь оливы, обязанную шерстью.
- ⁴⁷⁸⁻⁴⁸⁰ Не более ветские птицы из-под приветливых крыш пемяют обрубленной речью... — Миф о Прокне и Филомеле подробно изложен Овидием («Метаморфозы», VI, 412 слл.).
- ⁴⁹² ...обладой, украшенный лавр... — Ср. XII, 468.
- ⁴⁹⁴ ...было угодно в умах и в душах сельских богине. — Ср. Овидий, «Письма с Понта», III, 6, 26.
- ⁴⁹⁷⁻⁴⁹⁸ ...оборонены оружием после сраженья отчего, оный алтарь Гerkулеса потопили враждовали. — После смерти Гerkулеса его дети были изгнаны Эврисфеем из родной страны и приняты афинянами. Они же разбили войско Эврисфея, и тот был убит сыном Гerkулеса Гиллом. Гилл с братьями возвел в Афинах алтарь Милости. См. Павсаний, «Описание Эллады», I, 17, 1.
- ⁵⁰⁰⁻⁵⁰¹ ...жителю неба... кою почитают от века Афины... — Минерва, Церера, Фемиды. Ср. Гит Ливий, «От основания города», XXXI, 30; ...где обновлен человек, где законы и священнойства... — Ср. Овидий, «Метаморфозы», II, 795.
- ⁵⁰⁹⁻⁵¹⁰ ...он... Фурий Эдипа сложил... — Эдип, изгнанный Креонтом, бежал в Колон, где была родня, посвященная Фуриям; цозже был благосклонно принят афинянами; ... защитил убийство Олифа... — Этот город, бывший под властью афинян, был сдан властями Филиппу Македонскому, за что афиняне собирались разгромить Олифа. Граждане Олифа пришли с мольбой к жертвеннику Милости и получили прощение.
- ⁵¹⁵⁻⁵¹⁸ Так журавли, в высоте... — Ср. Гомер, «Илиада», III, 3 слл.
- ⁵¹⁹⁻⁵²⁰ ...после яростной с племенем скифским битвы... — Тесея возвращается после битвы с амазонками.
- ⁵³⁵⁻⁵³⁶ ...нарушившей строгий обычай родины... — Амазонки не вступали в брак, не причисляли волос и не прикрывали грудь одеждой.
- ⁵⁵³⁻⁵⁵⁴ ...пещер сицилийских чудища... — Киклоны; ...Осы двутельные дива! — Кентавры.
- ⁵⁵⁹ ...отец Эменид... — Ахеронт; ...кормщик летейский... — Харон.
- ⁵⁸¹⁻⁵⁸² ...спас от беды Марафон и критские кровли... — Тесея убил быка, разорявшего окрестности Марафона, и освободил Крит от минотавра; ...радушная старича... — Демала, гостеприимца юности Тесея; в честь нее по распоряжению Тесея был установлен праздник Гекалесий. Ср. Плутарх, «Тесея», XIV.
- ⁵⁸⁹ Герой нептун... — Тесея; согласно Плутарху («Тесея», III), Эгей, отец Тесея, боясь козней со стороны брата и его сыновей, полагавших, что Эгей бездетен, и стремившихся занять престол, распространил слух, что Тесея — сын Посейдона (Нептуна).
- ⁵⁹³ ...к снежному морю... — к Понту.
- ⁵⁹⁶ Ужас ливийской земли... — ядовитые змеи на голове родившейся в Ливии Медеи Горгоны, которую Гелла носила на груди. Ср. Лукан, «Фарсалия», IX, 619 слл.
- ⁶¹² ...триумфа кавказского... победы над амазонками. Ср. IV, 394.
- ⁶¹⁵ ...Браврон ледяной... — святилище в Аттике, где почитали привезенный Ифигенией из «ледяной» Тавриды идол Дианы Бравронии. См. Павсаний, «Описание Эллады», I, 23, 7; Аристофан, «Лисистрата», 645 и схолия к этому стиху.
- ⁶¹⁷ Марафон, не, славный еще восточным триумфом. — При Марафоне была одержана впоследствии знаменитая победа греков над персами (490 г. до н. э.).
- ⁶¹⁸ ...родовым божествам прилежащий край Икария... — Икарый, принявший культ Ванхы, дед имя поселению в Аттике и почитался там как герой (см. Аполлодор, «Мифологическая библиотека», III, 4, 7).

⁶²⁵⁻⁶²⁸ ...откуда Эгей, обманутый живым ветрилом...упал...— Отправляясь на Крит сразить Минотавра, Тесей обещал отцу в случае победы поставить белый парус, а в случае поражения — оставить черный. Тесей забыл о своем обещании и вернулся на корабле с черным парусом, а Эгей, решив, что сын погиб, бросился в море, которое получило название по его имени.

⁶³¹ ...агетские страсти.— фракийские страсти (так как для афинян Борей дул со стороны Фракии), т. е. любовь Борей к Орифии.

⁶³²⁻⁶³⁴ ...тот холм, где великую тляжу боги вели...— Акрополь, где Афина со-
стоялась с Посейдоном за право назвать город своим именем: Афина произрастила оливу, «чья тень сокрушила отшедшее море», т. е. она победила в этом споре Посейдона, который, «ударив трезубцем о землю посреди акрополя, явил источник морской воды, который ныне называют Эрехтеей» (Аполлодор. «Мифологическая библиотека», III, 14, 1).

⁶⁴⁷ ...змеевласые сестры.— Фурии.

⁶⁵² ...плен волийский разбит...— Царь Эол дает волю буйству ветров.

⁶⁶⁶ ...нептун Тесей...— рожденный Нептуном. См. примеч. к XII, 588.

⁶⁶⁷⁻⁶⁷⁶ Критских сто городов...— Стаций упоминает самый известный подвиг Тесея, его бой с Минотавром в лабиринте у царя Миноса. Крит имел эпитет «стоградный», так как на Крите насчитывали сто городов; ...ограждаемый грозным по-
добьем...— щитом с изображением Тесея в схватке с минотавром; ...глядя на верный отряд...— отряд афинян, с которым Тесей прибыл на Крит; ...на порог, устрашавший когда-то...— вход в лабиринт, где находился Минотавр; ...критянки лик побелел пред нитью недвижной.— Царевна Ариадна дала Тесею конец нити, чтобы по ней он мог выйти из лабиринта.

⁷⁰¹ ...нившие шлемы...— лишенные султанов.

⁷³⁰ ...пучинный Тесей...— как сын Нептуна. Ср. XII, 588, 665.

⁷⁶¹ «Не щитоносных юниц... — т. е. амазонок.

⁷⁶⁶⁻⁷⁶⁶ Какое тебя побудило крутое безумье к битве? — Ср. Вергилий. «Буколики», II, 69.

⁷⁷⁷ ...смежив перед смертью блуждавшие очи... — Ср. Валерий Флакк. «Аргонавтика», VI, 277.

⁷⁸⁷⁻⁷⁸⁸ Таков в войне покорившийся турсу кроткие таинства Ганга возмужал, уже затмелевший.— победа Вакха в Индии и над восточными народами. Ср. IV, 387; VIII, 239.

⁸⁰⁶ ...арманфская мать... — Аталанта; ...аркадца... — Партенопоя.

⁸¹⁸⁻⁸¹⁹ Та же, что коровит очернить тебя, зависть — исчезнет... — Ср. Овидий. «Любовные элгии», I, 15, 39—40:

«Зависть жадна до живых. Умрем — и она присмирет.
Каждый в меру заслуг будет по смерти почтен».

(Пер. С. В. Шервинского).

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абант** — 1) сын Ливкея; двенадцатый царь аргивян; отец Прэта и Акрия; имел прозвище «воин»; из-за его смелости и хитроумия аргивские цари получили имя *Абантады*: II, 220; IV, 589; 2) некий аргивянин: VIII, 446, 447; 3) некий фиванец: VII, 647
- Абантады** — цари Аргоса, потомки Абанта; аргивяне: VII, 370; IX, 758. *Ср.* Арг, Кидон (2)
- Аверн** — озеро в Кампании, где, по преданию, находилась пещера Кумской сивиллы, рода Гекаты и вход в царство теней: III, 108, 146; IV, 457, 605; VII, 98, 823; VIII, 34, 193; XI, 12, 588; XII, 645
- Авлида** — портовый город в Беотии, на берегу Эврипа: VII, 332
- Аврора** — богиня утренней зари, дочь Гипериона, жена Тифона: II, 135, 334, 698; III, 440; VI, 279; XII, 50. *Ср.* Тифония
- Авсония** — страна авсонов, средне- и южноиталийских племен умброкской группы; поэт. Италия: VIII, 409
- авсонский** — прилаг. от назв. *Авсония*; италийский, латинский: XII, 272
- Австр** — южп. ветер: I, 350; V, 469, 705; VIII, 425; IX, 362
- Антония** — дочь Кадма, супруга Аристея, мать Актеона: IV, 562
- Агава** — дочь Кадма, мать Пенфея, растерзавшая своего сына в вакхическом экстазе: III, 190. *Ср.* I, 230, а также кадмейский, пенфеев
- Агевор** — 1) сын Нептуна и Ливии, царь Сидона, отец Кадма и Европы: II, 384; X, 540; 2) некий аргивянин, брат *Тага*: IX, 272, 274
- Агевориды** — происходящие от *Агевора* (1); фиванцы; Этеокл: III, 31; XII, 736. *Ср.* агеворов
- агеворов** — прилаг. от имени *Агевор* (1): I, 5; VII, 192; VIII, 554; XI, 28, 574; XII, 554
- Агиллей** — сын *Геркулеса* или *Молорза*: VI, 837, 852, 858, 910; X, 249, 259, 303
- Агирт** — некий аргивянин: IX, 281
- Агрей** — 1) некий аргивянин: VI, 912; 2) некий этолец: VIII, 441; 3) некий пилосец: X, 682
- Адмет** — царь г. Феры в Фессалии, один из аргонавтов, муж Алкестиды: V, 434; VI, 332, 371, 432, 445, 461, 476, 541
- Адраст** — царь Аргоса, ставший во главе похода «семерых против Фив»: I, 244, 391, 467, 525, 681; II, 111, 178, 366; III, 346, 417; IV, 40, 64, 68, 74, 344, 733, 740, 752; V, 42, 677, 699; VI, 46, 314, 512, 548, 627, 807; VII, 92, 486, 538; VIII, 134, 150, 260; IX, 64, 160, 176; X, 31, 178, 227, 487; XI, 154, 351, 426, 732; XII, 323, 678. *Ср.* инахийцы. *См.* Родословную таблицу II
- адрастов** — прилаг. от имени *Адраст*: XII, 379
- Азан** — гора в Аркадии, посвященная Кибеле: IV, 292
- Акамант** — 1) некий фиванец: III, 173; 2) другой фиванец: VIII, 445; 3) некий этолец: VII, 589
- акарнанец** — житель Акарнании, обл. в зап. Греции: VI, 652; VII, 417
- Акаста** — кормилица дочерей Адраста: I, 529
- Анвилон** — сев. ветер: VII, 37; VIII, 426; XII, 515
- аквилонов** — прилаг. от назв. *Аквилон*; «аквилоновы дети» — Зет и Калакс: V, 432
- Анст** — некий аргосец: VIII, 444
- Аноштей** — некий аркадец: VII, 590, 603
- Анрисий** — царь аргивян, отец Давай, дед Персея: II, 221; VI, 286
- Анокориюф** — кремль в Коринфе: VII, 106
- Акрон** — некий фиванец: X, 509

- антейский — прилаг. от древнего назв. Аттики — Акте, т. е. аттический, афинский: II, 737; IV, 453; XII, 175, 196, 464. *Ср.* эрхтейский
- Актеон — сын Аристея и Автоноя, внук Кадма; Актеон случайно увидел купающуюся Диану, за что был превращен ею в оленя и разорван не узнавшими хозяина собаками. *Ср.* III, 203; IV, 573, а также Автоноя
- Актёр — 1) некий аргивянин, союзник *Фиодаманта*: VIII, 152; X, 250, 258, 297, 314, 329; 2) некий фиванец, спутник *Антизома*: XI, 358
- алаалькоменейский — прилаг. от назв. посвященного Минерве г. Алаалькомены в Беотии: VII, 330
- Алатрей — сын *Лапифаона*: VII, 300; XI, 35
- алей — житель аттического пага Алы: XII, 622
- Алейская — прилаг. от назв. г. Алея в Аркадии, где был храм Минервы; эпитет Минервы: IV, 288
- Алет — некий фиванский старец: III, 176
- Алкафей — некий житель Кариста, города на южн. оконечности Эвбеи: VII, 718
- Алкетиды — сыновья Алкеты: XII, 744. *Ср.* Гелопс, Иапиг, Филей
- Алкид — внук тиринфского царя Алкея, *Геркулес*: VI, 6; VII, 668; VIII, 55; X, 901; XI, 225
- Алкидамант — некий лаконец: VI, 740; X, 500. *Ср.* лаконяно
- Алкмеда — некая лемнианка: V, 236
- Алкина — жена Кеика; увидев выброшенное морем тело погибшего супруга, бросилась в отчаянии в море; они оба были превращены Фетидой в морских птиц: IX, 361
- Алкмена — супруга Амфитриона, мать Геркулеса: VI, 287. *Ср.* VII, 190; X, 77
- Алкмеон — сын *Амфиарая*. *Ср.* II, 305; VII, 788
- Алкон — некий сикионец, житель г. *Сиклон* на сев.-вост. Пелопоннеса: VI, 556, 606; IX, 121
- Алоады — От и Эфиальт, сыновья Алоэя; гиганты, в дерзком стремлении достичь неба взгромодили гору Оссу на Пелион, за что были наказаны богами: VI, 719; X, 850
- Алфей — самая большая река на Пелопоннесе: I, 272; IV, 240; VI, 675
- альпийский — прилаг. от назв. горн. хребта Альпы: VI, 854
- амазонский — племя воинственных женщин на Кавказе и на берегах р. Фермодонт в Повте: IV, 394; IX, 611; XII, 578
- амазонский — прилаг. от назв. *амазонки*: V, 144
- Амбракийское море — назв. части Адриатического моря близ г. Амбракия в Эпире: IV, 812
- Амик — миф. царь страны бебрикийцев, впоследствии названной Вифинией; он же — Бебрик. *Ср.* бебрикийский
- амиклейский — прилаг. от назв. *Амиклы*: IV, 259; VI, 329; VII, 413; X, 505
- Амиклы — 1) город в Лаконии с храмом Аполлона; царство Гиндара, родина Кастора и Поллукса: IV, 223; VII, 163; 2) город с тем же названием в Беотии или Фокиде: IX, 796
- Амимона — дочь Дана; когда Давай прибыл в Арголиду, он послал Амимону на поиски воды; над ней хотел учинить насилие сатир, но Нептун защитил ее и указал ей воду: VI, 287
- Аминта — некий фиванец: VIII, 438, 440
- Амватор — некий аргивянин: X, 515
- Амифаон — сын *Эола*, отец *Мелампа*: III, 452
- Амифаонид — *Меламп*, сын Амифаона: III, 501
- Аммон — сначала местный бог Фив Египетских, впоследствии верховный бог Египта (отождеств. с греч. Зевсом), т. е. Египет: III, 477. *Ср.* VIII, 201
- Амор (греч. Эрот) — Купидон, бог любви, сын Венеры и Марса: IV, 293; V, 70, 445; X, 103
- Амфиарай — сын Эклея, царь Аргоса, прорицатель, участник похода «семерых против Фив»: I, 399; III, 452, 502, 607; IV, 237; V, 668; VI, 326, 371, 432, 494; VII, 586, 690; VIII, 171, 281; X, 205. *Ср.* аргольдский, данайский, Ояклид, Пифон, теарский, фебов, а также: I, 42; II, 299; IV, 188, 216; VI, 378; VII, 707; VIII, 367; IX, 513, 646, 654; X, 26, 749; XII, 123

- Амфигенія — город в Мессени: IV, 178
- Амфион — 1) сын Юпитера или Меркурия и Антиопы, муж Ниобы; под звуки его лиры камни сами сложились в стены вокруг Фив: I, 10; II, 455; VII, 456; VIII, 233; X, 787, 873; 2) сын Амфиона, брат Зета: VII, 278; IX, 778, 801, 806; X, 388 420, 431, 449, 467, 490
- амфионов, амфионийский — прилаг. от имени *Амфион* (1): IV, 357, 611; X, 772; XI, 649
- Амфитрион — отец *Геркулеса*: I, 486; V, 401; VI, 312; VIII, 499; X, 647; XI, 47
- Анемория — город в *Фокиде*: VII, 347
- Анкей — сын Ликурга, царя Аркадии; один из *аргонастов*: V, 398
- Антей — см. Ливиец
- Антигона — дочь царя Эдипа: VII, 244, 253, 295, 364, 535; VIII, 249; XI, 104, 355, 370, 629, 707; XII, 331, 349, 370, 396, 404, 678
- Антиона — дочь *Пиктея*, возлюбленная Юпитера, мать Зета и Амфиона
- Антифон — 1) некий фиванец: VII, 755; 2) некий аргивянин: IX, 252
- Анфедон — город в сев. Беотии: VII, 335
- анфедониец — житель *Анфедона*: IX, 291
- анфедонский — прилаг. от назв. *Анфедон*; «анфедонский гость» — Главк: IX, 328
- Анфей — некий аргивянин: X, 544
- Аон — некий фиванец: VIII, 475
- Аонид, аониец — житель *Аонии*, т. е. беотиец или фиванец: II, 697; IV, 183; IX, 95 (Этеокл); X, 195, 252; XI, 655; XII, 308
- аонийский, аонический, аонидов — прилаг. от назв. *Аония*, т. е. беотийский: I, 226; II, 721; III, 1, 181; IV, 8, 610; VI, 17, 504, 736; VII, 220, 229, 388, 567, 730; VIII, 662, 677, 722; IX, 1, 32, 333, 542, 867; X, 80, 140, 195, 293, 319, 830, 895; XI, 733; XII, 192
- Аония — область в Средней Греции между *Фокидой* и *Аттикой* с главным городом *Фивы*, иначе Беотия: I, 34; III, 645; VII, 229, 235, 684
- Апис — священный бык в Египте. *Ср.* вильский
- Аполлон — сын Юпитера и Летоны; бог света, прорицания, поэзии, медицины; у Стация — защитник аргосцев: I, 399, 495; II, 155; III, 105, 422, 454, 612, 628, 700; IV, 586, 803, 815; V, 734; VI, 339, 355; VII, 664, 692, 695, 771, 789; VIII, 99, 176, 374, 455; X, 163, 667, 726, 847, 889; XI, 12 (Титвий); XII, 808. *Ср.* Делосец, касталийский, Кирра, киррейский, Ниоба, парнасский, Пеан, Пифон, Феб, а также I, 509; III, 506; IV, 411; VI, 378; VIII, 117, 276, X, 339
- аполлонов* — прилаг. от имени *Аполлон*: IV, 223, 844; VI, 9; VII, 410; VIII, 100
- арабский — прилаг. от назв. арабы — народа, живущего в Аравии: VI, 59
- Аракиф — гора в Аттике, посвященная Минерве: II, 239
- Арг — один из *Абантидов*: IX, 758
- Арги — столица *Арголиды*; иначе Аргос; древнее назв. Арголиды: I, 225, 259, 287, 651, 660; II, 112, 180, 201, 213, 433, 621, 743; III, 9, 14, 209, 229, 337, 592, 631; IV, 347; VII, 175; VIII, 472; IX, 61; X, 237, 437; XI, 731; XII, 105, 334, 390. *Ср.* Аргос, дорийский, Инакиды, инахийский, ларисский, лернейский, пеласг, пелопов, Персей, Киклопы, юнония
- аргивский — прилаг. от назв. *Арги*: I, 561; II, 252; IV, 192; VII, 498, 551, 621. *Ср.* данайский
- Аргин — некий аргивянин: IX, 266
- Аргия — дочь *Адраста*, жена *Поликника*: II, 203, 265, 297; III, 679; IV, 91, 195; XI, 142, 401; XII, 113, 178, 247, 255, 303, 326, 373, 391, 804. *Ср.* Адрастида, инахийский, а также II, 332, 374; III, 379
- Аргонида — область на вост. Пелопоннеса: XII, 280
- арголидский — прилаг. от назв. *Аргонида*; аргивский, аргосский: III, 462, 489; IV, 686; VI, 138; VII, 490; VIII, 105, 515; X, 488, 884; XI, 49, 110, 136, 155, 367
- арголиядянки — жительницы *Арголиды*: II, 227
- «Арго» — корабль аргонавтов: V, 615, 725; VI, 343. *Ср.* аргонавты, а также III, 518; V, 336; 363
- аргонавты — участники морского похода на корабле «Арго» за золотым руном. *Ср.* III, 518, а также «Арго», Иасон, Кастор, Минийцы, Поллукс, Фрикс

- Аргос — столица Аргολиды: I, 672; IV, 672; VI, 15, 515, 732; VIII, 736; IX, 100; X, 892; XI, 211, 434; XII, 82, 549. *Ср.* Арги
- аргосец — житель *Аргоса*: IV, 543; V, 735; VII, 688; X, 730; XI, 110; XII, 58
- аргосский — прилаг. от назв. *Аргос*, иначе аргивский: I, 299; II, 427; III, 315; IV, 207, 588, 759; V, 554, 843; VI, 92; X, 49, 65, 270, 540, 596
- Аргус — 1) сторож, великан, стерегущий Ио, превращенную Юноной в корову: VI, 277. *Ср.* I, 254; 2) великий аргивянин: IV, 809; VIII, 445, 447
- Арена — город рядом с Пилосом: IV, 80
- Аретуса — нимфа, которая, спасаясь от речного бога Алфея, превратилась в источник и, протекая под морем, появилась в Сицилии. *Ср.* Алфей
- Ариадна — дочь Миноса и Пасифаи, покинутая Тесеем на о-ве Диа (Наксос). *Ср.* критянка, Наксос
- Арион — конь Адраста, сын Нейтуна: IV, 43; VI, 301, 424, 501, 519, 528; XI, 443
- Аристей — сын Аполлона и Кирены, отец Актеона: IV, 573
- Аркад, аркадец — житель *Аркадии*: 1) Меркурий: IV, 229, 483; VIII, 49; 2) Партенопей: I, 44; VI, 561, 607, 644; VIII, 743; IX, 651, 858; X, 28, 749; XII, 805; 3) друг: I, 273; II, 50, 258; IV, 275, 299, 339; VI, 618; VII, 414, 591; IX, 844; X, 350, 353, 435, 443
- Аркадия — горн. область в центре Пелопоннеса: IV, 311; VI, 637; IX, 784, 792
- аркадский — прилаг. от назв. *Аркадия*: I, 356; II, 70; III, 421; IV, 303; VII, 94; VIII, 749; IX, 585. *Ср.* меналийский, новакрийский, паррасийский, тегейский, эпитов, эриманфский
- арктический — прилаг. от греч. назв. созвездия *Медведица*, т. е. северный: I, 18, 685; III, 319; V, 529; VII, 35; XII, 635
- Арктур — ярчайшая звезда в созвездии Волопаса; созвездие Волопаса: II, 58. *Ср.* I, 693, а также Волопас
- Арна — город, в Беотии: VII, 331
- Архемор — имя, полученное сыном Ликурга Офельтом после его героизации: IV, 726; V, 609, 738; VI, 517; VII, 93. *Ср.* аверский, инахийский, Офельт
- археморов — прилаг. от имени *Архемор*: VI, 517
- Асон — 1) река в южн. Беотии и сев.-зап. Аттике; 2) сын Океана и Фетиды, отец Гипсея и Эгинны, вступивший в бой с Юпитером за честь своей дочери: III, 337; IV, 370; VII, 315, 424, 731, IX, 449. *Ср.* Эгина
- асонов — прилаг. от назв. *Асон* (1), т. е. происходящий от Асопа: VII, 723; VIII, 428; IX, 256
- ассирийский — прилаг. от назв. Ассирия (страна в Передней Азии); восточный, азиатский: II, 91; VI, 209
- Астакид — *Меланипп*, сын Астака: VIII, 718, 724, 746
- Астеррион — река в Аргολиде: IV, 122, 714
- Астиаг — великий аргивянин: IX, 253
- Астиоха — чеканка фианка: III, 170
- Аскет — один из коней Амфиарая: VI, 463, 524. *Ср.* Кер, Кикия
- Аталанта — мать Партенопей, участница Калидонской охоты и похода аргонавтов: IV, 309; VI, 563. *Ср.* IV, 267; IX, 571; XII, 126, 805, а также Паррасий, Партенопей
- Аталантиад — *Партенопей*, сын Аталанты: IX, 789
- аталантский — прилаг. от имени *Аталанта*: VII, 267
- Атис — жених *Исмены*: VIII, 554, 597, 603, 632, 638
- Атлант — титан, сын Иапета и Климены, держащий на своих руках небесный свод: I, 99; V, 430; VII, 4; VIII, 316
- Атлантиад — *Меркурий*, сын дочери Атланты, Майи: I, 303
- Атлас — *Атлант*
- атракийский — прилаг. от назв. в. Атрак в центре Фессалии; иначе фессалийский: I, 106
- атреус — прилаг. от имени Атрей, царя Микен, сына Пелопа и Гипподамии: VIII, 742. *Ср.* Фест
- Атропос (греч. «неотвратимая») — третья из *Парок*, прерывающая нить жизни: I, 111, 328; III, 68; IV, 190, 601. *Ср.* Парка

- Аттика** — область в вост. части материковой Греции с главным городом Афины: XII, 709
- аттический** — прилаг. от назв. *Аттика*: XII, 609
- Афамант** — сын Эола и Эвареты, внук Эллина, муж Нефелы, отец Фрикса и Геллы: I, 12; III, 186. *Ср.* Ино, Эолид
- Афесант** — гора в Арголиде: III, 461. *Ср.* III, 633, а также Персей
- Афины** — главный город Аттики: XII, 294, 500, 536, 538, 562, 586. *Ср.* аттейский, аттиды, аттический, палладиин, пандионов, эректеев
- Афон** — высокая гора на п-ве Халкидика: V, 52
- африканский** — прилаг. от назв. *Африка*: IV, 744
- Акарны** — городок в Аттике, где впервые стали справляться Дионисии.
- ахеец**, **ахейнин** — житель Ахея (Ахайя), обл. на сев. Пелопоннеса: I, 448; III, 608; IV, 728; VI, 651; X, 187, 779; XI, 21, 157
- ахейский** — прилаг. от назв. обл. Ахея (Ахайя) (*ахеец*); относящийся к Ахее; у Стаций вообще *греческий* в противоположность *фианскому*: I, 116; II, 164; III, 618; IV, 118; V, 505; VI, 549; VII, 488, 647; X, 128, 235
- Ахелой** — пограничн. река между Этолией и Акарнавией: I, 453; II, 472, 731; VI, 832; VII, 417, 553. *Ср.* IV, 106
- ахелойский** — прилаг. от назв. *Ахелой*; эпитет *Тидея*: II, 142; VIII, 522
- ахеменидцы** — персы: I, 718. *Ср.* ахемениский
- ахемениский** — прилаг. от имени Ахемени, персидского царя (ок. середины VII в. до н. э.), родоначальника царской династии Ахеменидов; персидский: VIII, 286
- Ахеронт** — река в подземном царстве: IV, 457, 522; подземное царство: I, 597; V, 157; VIII, 513; XI, 150. *Ср.* XI, 69; XII, 559
- Аэтион** — некый фиванец, сын геликонской нимфы: VII, 757; X, 734
- балеарский** — прилаг. от назв. Балеарские о-ва, жители которых были знаменитыми пращниками: X, 857
- бобрикийский** — прилаг. от назв. страны Бебрикия, впоследствии названная Вифинией: III, 352
- Бел** — миф. царь Египта или основатель Ассирии; отец Даная и Египта: VI, 61
- Белиды** — *Данай* и *Египет*, сыновья *Бела*: VI, 290
- Беллона** — богиня войны у римлян, сестра Марса (иногда мать или кормилица Марса): II, 718; IV, 5; VII, 72, 805; VIII, 348; IX, 297; X, 855; XI, 413; XII, 721. *Ср.* Энио
- беотийский** — прилаг. от назв. *Беотия*: VII, 100, 424
- Беотия** — область в Средней Греции, между Фокидой и Аттикой: IV, 360
- берекинтийский** — прилаг. от назв. берекинты (древнее фригийское племя, жившее на границе Карии и Лидии); иначе фригийский; «берекинтийская мать», т. е. Кибела — фригийская богиня плодородия, «великая мать» всех богов, дочь Сатурна и Земли: IV, 789
- бистонский** — прилаг. от назв. *бистоны*; иначе фригийский: II, 587; V, 142; VI, 665; XI, 194
- бистоны** — фракийское племя: II, 82, 420; III, 221; VII, 7
- Борей** (греч.) — сев. ветер, север; Аквилон (лат.): I, 26, 193, 353; III, 288, 526; IV, 422; V, 15, 346, 705; VI, 108; VII, 6, 561; VIII, 411; IX, 533; XI, 114. *Ср.* Аквилон гетский, а также V, 408
- Браврон** — городок в Аттике, близ Марафона: XII, 615
- Бранх** — сын Аполлона, основатель храма в Дидимах с оракулом Аполлона; III, 478; VIII, 198. *Ср.* дидимейский
- Брларей** — сторукий великан, сын Урана: II, 596
- Бромий** (греч. «шумный», «шумливый») — эпитет *Вакха*: VII, 651; IX, 428
- Бусирид** — царь Египта, сын морского бога, приносивший в жертву ивоземцев и убитый Геркулесом: XII, 155
- Бут** — некый этолиец: VIII, 484
- Вакх** — 1) сын Юпитера и Семелы, преждевременно рожденный матерью, но доношенный затем в бедре отца; бог виноградарства, виноделия и вина: I, 11, 287; II, 80, 575, 663; IV, 393, 397, 405; VII, 146, 603, 607, 650, 667; VIII, 436; X, 102, 424,

- 901; XI, 225, 488; 2) виво: V, 257; VII, 308; X, 312. *Ср.* Бромий, Иакх, Либер, Лизай, пизавский, огигов, Фионей, Эван, Эвой
- вакхов**, вакхический — прилаг. от имени *Вакх*: I, 329; IV, 451; IX, 480; XII, 792
- Венера** — дочь Юпитера и Дионы, или родившаяся из морской пены; богиня красоты, любви и брака, жена Вулкана, мать Амура и Энея (поэтому — по официальной римской версии — родоначальница рода Юлиев): I, 531; II, 191; III, 264, 289, 701; V, 58, 110, 135, 158, 281, 302, 445, 622; VI, 334; VIII, 477; IX, 822; X, 893. *Ср.* Дюна, Киферея
- Возок** — созвездие Большой Медведицы: I, 371, 692; III, 684; VIII, 371. *Ср.* Медведица, паррасийский, а также V, 529
- Волопас** — большое созвездие сев. неба, расположенное между созвездиями Большой Медведицы, Геркулеса и др.: X, 328
- Вулкан** — хромой римский бог огня и кузнечного дела; сын Юпитера и Юноны, муж Венеры: I, 508; III, 305. *Ср.* лемносский, Мулькибер, а также V, 69, 88
- вулканов** — прилаг. от имени *Вулкан*: III, 275
- Галиагмон** — некий аргивянин: VII, 739
- Галиарт** — город в Беотии у Капаидского оз. в травянистой местности: VII, 274
- Галис** — 1) некий фиванец: II, 573; 2) некий аргивянин: IX, 152
- Ганг** — река в Индии: I, 686; IV, 387; VII, 687; XII, 788. *Ср.* Вакх, инды
- Ганимед** — *ср.* фригийский
- Гаргары** — южная из двух вершин горы Ида в Троаде: I, 549
- Гаргафийский ключ** — источник близ Платеи в Беотии, посвященный Диане-Гекате: VII, 274
- Гармония** — дочь Марса и Венеры, жена *Кадма*: II, 266, 272, 289; III, 271; IV, 204; VII, 603; VIII, 235; IX, 823; X, 393
- Гарпия** — первоначально хищное чудовище в виде птицы с головой женщины; впоследствии — прожорливое крылатое чудовище. *Ср.* Финей
- Гаураская гора** или *Гавр* — гора в Кампаниях, известная прекрасным виноградом: VIII, 545
- Гебр** — река во Фракии: VII, 65; IX, 438
- Геката** — дочь титана Персея (Перса) и Астерии, богини охоты, рыболовства, дорог и колдовства, представлявшаяся в трех образах: Луна на небе, Диана на земле и Прозерпина в подземном царстве: IV, 455, 515, 541; VII, 273; XII, 129. *Ср.* Диана, Лува, Персеида, Тривия
- Гелиады** — три дочери Гелиоса и Климены, сестры Фаэтона, превращенные после гибели брата в деревья, источающие слезы. *Ср.* XII, 413, а также Фаэтон
- Геликоны** — два фиванца: VIII, 476
- геликонский** — прилаг. от назв. горы Геликон в южн. Беотии, посвященной Аполлону и Музам: VII, 282, 631, 756; VIII, 548. *Ср.* Музы
- геловы** — скифско-сарматское племя на берегах Борисфена: II, 421
- Гелопс** — некий фиванец, сын Алкеты: XII, 746
- Гелос** — 1) город в Мессении: IV, 181; 2) город в Лаконии: IV, 224
- Гем** — горн. цепь в Македонии и Фракии (ныне Балканы): I, 275; IV, 652; V, 16, 189, 357; VII, 42; IX, 532; XI, 195; XII, 733
- Гемон** — сын фиванского царя Креонта, брат Менекея: VII, 252, 644; VIII, 354, 457, 480, 497, 506, 519; X, 653, 671, 728; XI, 290; XII, 747
- Гемонид** — *Меон*, сыновья вну Гемона: II, 691, III, 41
- гемониец** — житель Фессалии, древнее назв. которой Гемония; фессалийский: VI, 475
- генский** — прилаг. от назв. г. Генна в центре Сицилии на о-ве Пергос со святилищем Цереры: IV, 124
- Геркулес** (греч. Геракл) — сын Юпитера и *Алкмены*; преследуемый Юноной, совершил двенадцать подвигов на службе у Эврисфея; пал жертвой кентавра Несса и съел себя на горе Эта: I, 384; IV, 106, 157, 297, 833; V, 441; VI, 288, 347, 838, 893; VII, 189, 601; VIII, 95; X, 261, 296; XII, 498. *Ср.* Ахелой, ахелойский, Алкид, Амфитрионад, Гесиериды, Кербер, клеонейский, клеонеп, Лапифы, Лерва, лервейский, Молорх, тиринфский, Эта, а также VIII, 223 сл.; IX, 424

- геркулесов** — прилаг. от имени *Геркулес*: IV, 647; V, 386, 464, 480, 531; VIII, 480; IX, 341; X, 77, 249; XII, 304
- гермов** — прилаг. от назв. р. Герм, берущей начало во Фригии и впадающей в море в Лидии: IV, 389
- Геро** — жрица Венеры в г. Сест, возлюбленная Леандра из Абидоса. *Ср.* сестейский
- Герс** — 1) возница *Амфиарая*: VII, 737; 2) некий фиванец: IX, 306
- Геспер** — зап. вечерняя звезда: VI, 581
- Геспериды** — три (или четыре) дочери Ночи, жившие на крайнем западе (у Океана) и охранявшие золотые яблоки с помощью никогда не засыпавшего дракона: II, 281
- гесперийский** — прилаг. от назв. *Геспер*, т. е. западный: XII, 228. *Ср.* III, 407; X, 1 гетский — прилаг. от назв. *геты*; фракийский: II, 595; IV, 182, 422; V, 306; VI, 348; IX, 532; XII, 478, 631
- гетулийский** — прилаг. от назв. гетулы, кочевого племени в сев.-зап. Африке; африканский: IV, 494; IX, 739. *Ср.* массильский
- геты** — фракийское племя к югу от области даков: I, 275; III, 221; IV, 654
- Гиамполь** — город в Фокиде: VII, 346
- гиантов** — прилаг. от назв. гиганты, древнего беотийского племени; беотийский: I, 183
- Гиара** — остров из группы Киклад, между о-вами Кеос и Тенос: III, 438
- Гиацинт (Иакинф)** — сын спартанского царя Эбала (или Амикла), любимец Аполлона, нечаянно убитый метательным диском. *Ср.* эбалийский и эбалов
- Гиас** — 1) некий житель Лемноса: V, 223; 2) три фиванца: а) II, 610; б) VII, 715; в) IX, 305
- гигантов** — прилаг. от назв. *Гиганты*: VII, 731
- Гиганты** — сыновья Геи и Урана, змееногие великаны, жившие на крайнем западе земли; подобно титанам пытались завоевать власть на небе, но были поражены Юпитером: IV, 534; V, 569; VIII, 42. *Ср.* Алонды, Иапет, Осса, Паллена, Пеллиов, Флегра, флегрейский, Эгеон, Энкелад, Этна
- Гидасп** — река в Индии, приток Аксика: VIII, 237; IX, 441
- Гидра (Лернейская)** — трехголовая змея, убитая Геркулесом: IV, 169
- Гилас** — спутник и оруженосец Геркулеса: V, 444
- Гилей** — один из *кентавров*: IV, 140; VI, 538. *Ср.* Лапифы
- гилейский** — прилаг. от назв. г. Гила в Беотии: VII, 267
- Гилл** — сын Геркулеса и Деианеры: VIII, 508
- Гименей** — 1) бог брачных уз, сын Аполлона и одной из Муз; 2) брачная песнь: III, 691; V, 71
- Гиметт** — гора в Аттике, славившаяся мрамором, медом и тимьяном: XII, 622
- Гипаний** — некий армянин: VIII, 491
- гипербореи** — миф. народ, живший на крайнем севере в полной безмятежности и покое: XII, 650
- гиперборейский** — прилаг. от назв. *гипербореи*; северный: I, 693; V, 390
- Гиперешор** — некий армянин: VIII, 493
- Гиперион** — иначе Гелиос (Солнце): III, 35; IV, 717; VIII, 47; XI, 120; XII, 413. *Ср.* Аполлон
- Гиперионид** — *Фаэтон*, сын Гипериона (Гелиоса)
- Гиппасид** — сын Гиппаса: VII, 355
- Гипподам** — сын Эномая: VI, 346, 436, 438, 465, 478, 487
- Гипподамия** — дочь Эномая, жена Пелопа, мать Атрея и Фiestа. *Ср.* Эномай
- Гиппомедонт** — один из семерых вождей похода против Фив: I, 44; IV, 129, 136; V, 560, 665; VI, 654, 690, 704, 728, 814; VII, 430, 641; VIII, 661, 743; IX, 91, 135, 145, 154, 196, 256, 316, 340, 394, 456, 463, 514, 544, 561, 568, 673; X, 748; XII, 123, 764
- Гипподад** — некий фиванец: VIII, 697
- Гисей** — сын Асопа: VII, 309, 328, 724; VIII, 355, 428, 445; IX, 256, 270, 540, 560, 568, 672; XI, 280
- Гивсипила** — дочь лемносского царя Фоанта, кормилица Офельта, сына Дикурга: IV, 728, 747; V, 39, 544, 694, 711; VI, 132, 177, 244, 340
- Гипсисы** — одни из семи ворот в Фивах: VIII, 356

- гирканский — прилаг. от назв. обл. Гиркания, расположенной к югу от Каспийского моря: IV, 678; V, 204; VI, 598; VII, 69, 524; VIII, 572; IX, 15; XII, 170. *Ср.* каспийский, скифский
- Главк — рыбак из Анфедона; когда выловленные им рыбы ожили, коснувшись травы, и снова нырнули в воду, он, полагая, что трава принесет ему бессмертие, попробовал ее и превратился в морского бога, покровителя рыбаков и морешлавателей: VII, 335. *Ср.* анфедонский
- Глисант — город в Беотии: VII, 306, 308¹
- Гомолоиды (Гомолоидские) — ворота в Фивах: VII, 252; VIII, 354
- Гоплей — некий этолиец, спутник Тидея: VIII, 727; IX, 204; X, 347, 350, 400, 402, 465. *Ср.* этолиец
- Горга — женщина с о-ва Лемнос: V, 207, 217
- Горгона — чудовище в образе женщины со змеями вместо волос, взгляд которой превращал в камень; впоследствии насчитывалось три Горгоны: Сфено, Эвриала и Медуза, смертная, но самая страшная: I, 544; II, 278, 717; VIII, 762; XI, 414. *Ср.* Медуза, а также II, 597; VIII, 518
- горгонов — прилаг. от имени *Горгона*: IV, 61
- гортинский, гортинийский — прилаг. от назв. г. Гортина в центре о-ва Крит: III, 587; IV, 530; V, 361
- Горы — три дочери Юпитера и Фемиды, богини времен года и погоды, хранительницы небесных врат: III, 410
- Градив (лат. «пествующий») — эпитет *Марса*: III, 11, 220, 260; IV, 14, 36, 638; V, 357; VII, 20, 105, 667, 695; VIII, 707; IX, 5, 439, 822, 924; X, 894; XI, 40. *Ср.* Марс
- греки — жители Греции (в большинстве случаев у Стация греки обозначают пелопоннесцев в противоположность фиванцам): III, 339, 655; V, 117, 536, 679; VI, 5, 126; VII, 83, 229, 608; VIII, 260, 342, 467, 569; IX, 158, 566; X, 70, 156, 453, 515; XII, 55, 63, 592
- грекородный — греческого происхождения: VI, 214
- греческий — прилаг. от назв. страны Греция, ад. целопоннесский: I, 145; VIII, 686; IX, 610; X, 838; XII, 399
- Грея — город в Беотии: VII, 332
- Громовержец или Громоуник — эпитет Юпитера: I, 421; II, 70, 154, 220; III, 575; IV, 13, 294, 790; V, 511, 641; VI, 193, 282; VII, 24, 318, 329; VIII, 74; IX, 510; X, 61, 77, 852; XI, 11, 209, 496
- Давлида — укрепленный город в Фокиде, к сев.-вост. от Дельф: VII, 344¹
- даки — пародность фракийского происхождения, обитавшая в Дакии: I, 20
- Дамас — некий аргивянин: VIII, 494
- Данай — 1) сын *Бела*; он дал притворное согласие на брак своих 50 дочерей с 50 сыновьями Египта и наказал дочерям ночью заколоть их: I, 542; II, 222; IV, 132; VI, 291. *Ср.* Велиды, а также V, 117; 2) некий аргивянин: X, 315
- данаийский — прилаг. от назв. *данаи* или *данаицы*: I, 325; II, 431; III, 324; VI, 1, 462; VII, 28; X, 21, 714, 814; XI, 159; XII, 39
- данаи, данайцы — первоначально название жителей Аргоса, а начиная с Гомера — вообще греки; ад. противники фиванцев: VI, 204, 244, 689; VII, 398; VIII, 298, 351, 453, 548; IX, 141, 256; X, 12, 653, 811; XI, 206, 663; XII, 598, 715
- Даная — дочь *Акрисия*, возлюбленная Юпитера, к которой он проник в виде золотого дождя; мать Персея: VI, 287; VII, 162. *Ср.* I, 255; III, 464; IV, 758; X, 892, а также Акрисий, Персей, персеев
- Дафна — нимфа, дочь речного бога Пенея, возлюбленная Аполлона, превращенная богами в лавр. *Ср.* Ладон
- Дафней — некий житель Киры, пристави Дельф в заливе Криса (Фокида): VIII, 453
- Девкалион — сын Прометей, муж Пирры, царь Фтии (Фессалия), спасшийся от потопа и ставший родоначальником нового человеческого рода. *Ср.* Пирра, а также I, 223
- Деилох — 1) некий фиванец: II, 607; 2) другой фиванец: VIII, 697
- Деипила — дочь *Адраста*, жена *Тидея*: II, 203, 372; VIII, 590; XII, 118. *Ср.* I, 533; XII, 803

- Делиец, *Делосец* — эпитет Аполлона: V, 532
 Делия — жительница о-ва *Делос*; эпитет Дианы: II, 243; III, 202; IX, 627
 Делос — один из *Кикладских о-вов* с городом того же названия; место рождения Аполлона и Дианы: I, 702; III, 439; V, 55; VII, 183
 Делосец — житель о-ва *Делос*; эпитет Аполлона: VII, 752
 Дельфы — город в Фокиде у подошвы Парнаса, в котором находился знаменитый оракул Аполлона: I, 564; VIII, 196; IX, 513. *Ср.* Аполлон, касталийский, Кярра, корикийский, Парнас, пифийский, Пифия, Пифон
 Деркето — нимфа, мать *Алатрея*: VII, 298
 Диана — дочь Юпитера и Латоны, сестра Аполлона; свачала — богиня Луны, позднее — охоты, колдовства (под именем Гекаты), помощница при родах; Артемида (греч.): I, 535; II, 469, 742; IV, 225, 257, 331, 430; VII, 204, 258; IX, 304, 604, 636, 712, 843, 907; X, 369, 505; XII, 125. *Ср.* II, 237; VI, 633, 686; VIII, 271; IX, 638, а также Геката, Делия, Кинфия, Латония, Летоида, Лува, Тривия, Феба дидимейский — прилаг. от назв. г. Дидимы к югу от Милета с храмом и оракулом Аполлона: VIII, 199
 диктейский — прилаг. от назв. горы Дикта на Крите, посвященной Юпитеру; критский: IV, 258
 Диктиец — эпитет Юпитера от назв. горы Дикта, где он был воспитан: III, 481
 Диктинна — эпитет Дианы (греч. *dictyēs* — сети) как покровительницы охоты: IX, 632
 Дима — приморский город на зап. Ахайи: IV, 124
 Димант — некий аркадец: VI, 558, 577, 605; X, 348, 352, 360, 397, 405, 465. *Ср.* аркадец
 Диндимы — гора во Фригии, посвященная Кибеле: XII, 225
 Диомед — сын Марса, царь фракийского племени бистонов, кормивший своих коней человеческим мясом: VI, 348. *Ср.* гетский, одрисийский, фракийский
 Диона — дочь Океана и Фетиды, мать Венеры и, по официальной римской традиции, родоначальница рода Юлиев: I, 287; VII, 261
 Дирка — фиванская царица, жена Лика, казненная Зетом и Амфионом, сыновьями Антиопы, за жестокое обращение с их матерью; когда она погибла, ее именем был назван источник к сев.-зап. от Фив беотийских; ад. Беотия: I, 38, 152; II, 322, 434; III, 663; IV, 8, 374, 447; XII, 115, 610
 диркейский — прилаг. от имени *Дирка*; фиванский, беотийский; эпитет *Полиника*: II, 142, 610; IV, 74, 770; V, 647; VI, 907, 913; VII, 564; VIII, 357, 438; IX, 679; X, 466, 651; XII, 5, 789
 Диры — *Фурии*: XI, 106
 Дит — бог подземного царства Плутон; подземное царство: IV, 291; VII, 697, 783; VIII, 248; XI, 71, 621. *Ср.* Аверн, тартаров, Элисий, элсийский, Эреб, Юпитер, а также III, 302; IV, 429, 474; VIII, 2, 91; XI, 410, 445; XII, 272
 Додона — город в центре Эпира со священной дубравой и оракулом Юпитера: III, 106. *Ср.* молосский, хаонийский
 Домициан — сын Веспасиана, брат Тита, римский император с 81 по 96 г. *Ср.* I, 17 сл., а также Цезарь
 Дорида — дочь Океана и Фетиды, жена Нереея, мать пятидесяти nereид; море: IX, 370
 дорийский — прилаг. от назв. *дорийцы*, т. е. греческий; ад. противопоставляется фиванскому: II, 183; VI, 740; VIII, 634; IX, 312
 дорийцы — греч. племя, жившее первоначально в европейской Греции (отчасти в Дориде у г. Эты), позже заселившее почти весь Пелопоннес, часть Малой Азии и некоторые о-ва Эгейского моря: IV, 116; VIII, 139
 Дорил — некий фиванец: II, 571; III, 13
 Дорион — город, расположенный близ Пилоса: IV, 181
 Доркей — некий аркадец: IX, 809, 853, 885
 доряне — *дорийцы*: VII, 209
 Дракон — соаведие между Большой и Малой Медведицей V, 530
 Дренав (греч. «серн») — гора в Ахайе: IV, 50
 дриады (греч. *dryas* — дуб) — нимфы деревьев в лесов: II, 521; IV, 329. *Ср.* папеп, нимфы

- Дриант** — некий житель *Танагры*, внук *Ориона*, сторонник фиванцев: VII, 255; VIII, 355; IX, 842, 857, 861, 875; XI, 281. *Ср.* аонийский
- Дриона** — некая финикийка, возлюбленная *Хромиа* (2 а): II, 614
- Дрионы** — племя, изгнанное в Арголиду с Парнаса Геркулесом и основавшее г. Азины; оттуда они переселились в Мессению, спасаясь от аргивян, и основали там новые Азины: IV, 122
- Европа** — дочь *Агенора*. *Ср.* агеноров, Кадам, сидонский, сидонянка, а также VII, 191, 279
- Евфрат** — река в Месопотамии: VIII, 290
- Египет** — государство в Африке, в долине Нила: IV, 708
- Египт** — миф. царь Египта, сын *Бела*, брат *Даная*: VI, 290
- Иакх** (греч. «ликующий») — культовый эпитет Вакха: II, 85; IV, 124; VIII, 492. *Ср.* Вакх
- Иалмен** — некий фиванец: X, 305
- Иалменид** — сын Иалмена, некий фиванец: X, 510
- Иапет** — титан, сын Урана и Геи, отец Прометея, Эпиметея, Атланта и Менетия: X, 915
- Иапиг** — некий фиванец, сын Алкеты: XII, 746
- Иасиды** — потомки *Иасия*: 1) Адраст: I, 540; VI, 914; 2) другой аргивянин: VIII, 438; 3) аргивские женщины: II, 254
- Иасий** — царь Аргоса, отец *Аталанты*: II, 219, 254
- Иасон** — сын Эсона из Иолка, предводитель аргонавтов: III, 520; V, 403, 456, 471, 479, 726. *Ср.* Медея, Эсон
- Иасониды** — потомки *Иасона*: VI, 340. *Ср.* Эвней, Фоант
- иберийский** — прилаг. от назв. страны Иберия (ныне Испания): I, 158; IV, 266; VI, 880
- Ид** — 1) один из аргонавтов: V, 405; 2) некий элеец: VI, 553, 577, 584, 603, 613, 621, 629, 644; IX, 122, 755; 3) некий спартаец: VII, 588; 4) некий союзник фиванцев: VIII, 466
- Ида** — 1) гора во Фригии: I, 278; IV, 105, 792; V, 94; VII, 187; 2) фиванская женщина: III, 134
- идалийский** — прилаг. от назв. г. Идалий и рощи, посвященной Вере (Кипр); кипрский; «идалийский сын» — Купидон, сын Веры: II, 287; V, 63; XII, 16
- идейский** — прилаг. от назв. *Ида* (1); фригийский или троянский: IV, 292; VIII, 221
- Идмон** — медик из Эпидавра: III, 398
- Икарий** — афинянин, гостеприимец Вакха, с его помощью положивший начало виноградарству в Аттике: XII, 619. *Ср.* икарийский, Эригона
- икарийский** — прилаг. от имени *Икарий*: IV, 655, 784
- Иксион** — царь фессалийских лапифов, домогавшийся любви Юноны, за что в подземном царстве привязан к вращающемуся колесу; от этих страданий он лишился зрения; отец Перифоя: II, 473; IV, 539; VIII, 50. *Ср.* лапифы
- иллирийский** — прилаг. от назв. страны Иллирия на вост. побережье Адриатического моря: II, 291; III, 290
- Иварима** — остров напротив Кампанского побережья, где богами были побеждены Гиганты: X, 916
- Ивах** — сын Океана и Тетии, основатель и первый царь Аргоса; река в Арголиде: I, 357; II, 218; IV, 119, 712; V, 748; VI, 273, 248; VII, 419, 553; VIII, 448; IX, 444; X, 207, 767; XII, 107
- инахиды** — потомки *Инаха*, аргивяне: II, 244; III, 365, 608; IV, 647; V, 672, 733; VI, 2, 132, 273, 650, 806; VII, 520; VIII, 735; IX, 2, 175, 511; XI, 429. *Ср.* аргивяне
- инахийцы** — аргивяне: I, 619; II, 32; V, 511; VII, 15, 644; IX, 152; XI, 173, 199; XII, 303
- ивахов, ивахийский** — прилаг. от имени *Инах*; аргивский: I, 324, 660; II, 145, 198, 430; III, 249, 533; IV, 699, 749; VII, 102, 145; VIII, 319, 497, 670; X, 322, 728
- индийский** — прилаг. от назв. страны Индия: VII, 569

- Инды — жители Индии: VII, 181; VIII, 239
- Ино — жена Афаманта, мать *Палемона*: IV, 59, 562; X, 425. *Ср.* Истм, Левкотоя, Палемон, фиванский
- Ио — дочь *Иназа*, мать Эпафа, жрица Юноны, соблазненная Юпитером; когда Юнона застала их вместе, он превратил Ио в белую корову, к которой Юнона приставила стража, тысячеглазого Аргуса; его по приказу Юпитера сначала усыпил, а затем убил Меркурий. Ио долго странствовала и наконец пришла в Египет: VI, 276. *Ср.* I, 254
- Иокаста — дочь Менекея, сестра Креонта, жена Лаия, мать и впоследствии жена Эдипа: I, 681; II, 294; VII, 478, 609; VIII, 641, 646; X, 798; XI, 492. *Ср.* I, 68, 234; II, 441; XI, 316, 635
- Ион — некий алей: VIII, 453; IX, 252
- ионийский, ионический — прилаг. от назв. обл. Иония на зап. побережье Малой Азии: I, 14; II, 105, 729; III, 23; IV, 105; VI, 52, 307
- Ипполита — пария амазонок, плененная Тесеем; по другим источникам ее звали Антипой: XII, 533, 635
- Ирида — 1) вестница Юноны; радуга: X, 80, 136; XII, 137. *Ср.* Тавмайтиада, юновин; 2) лошадь Адмета: VI, 461
- Исида — египетская богиня, сестра и супруга Осириса, впоследствии — богиня луны. *Ср.* Ио, Нил, Осирис, фаросский
- Исмар — город во Фракии: IV, 385; VI, 107; VII, 685
- исмарский — прилаг. от назв. горы Исмар в сев. Фракии, откуда дуют сев. ветры; «исмарские братья» — *Калаис* и *Зет*: V, 432
- Исмен — река в Беотии: I, 39; II, 461; III, 663; IV, 415; VII, 800; IX, 226, 316, 359, 404, 476; X, 27; XI, 179; XII, 409
- Исмена — дочь Эдипа, сестра Антигоны: VII, 535; VIII, 554, 622; XI, 643. *Ср.* VIII, 608
- исменский — 1) прилаг. от назв. *Исмен*, т. е. фиванский: I, 673; VII, 124; VIII, 497; 2) исменская нимфа, исменида — дочь *Исмена*: IX, 319
- Истм — Коринфский перешеек, омываемый с одной стороны Ионийским, а с другой — Эгейским морем: I, 120; II, 183; IV, 61; VI, 14. *Ср.* Эфира, эфирский
- истмийский — прилаг. от назв. Истм: VI, 557; IX, 401; XII, 131
- италийский — прилаг. от назв. италы или италийцы, древнего народа первоначально занимавшего малую часть Апеннинского п-ва: I, 18; VIII, 411; XII, 815. *Ср.* авсонский, Лаций
- Итис — некий фиванец: VII, 642
- Итома — город в Мессении: IV, 179
- Итона — город в Беотии, посвященный Миянерве: II, 721
- итонейский — прилаг. от назв. *Итона*: VII, 330
- Ифиной — некий фиванец: VII, 714
- Ифис — некий аргивянин: VIII, 445, 447
- Ифит — 1) один из аргонатов: V, 399; 2) вождь фокидян: VII, 354
- кавказский — прилаг. от назв. горн. цепи Кавказ между Черным и Каспийским морями, местопребывания *амазонок*: IV, 394; XII, 570
- Кавр — сев.-зап. ветер: IV, 842; VII, 791
- Кадм — сын тирийского царя Агенора, брат Европы, супруг Гармонии, отец Семелы, основатель Фив «семи vratных», миф. изобретатель греч. алфавита: I, 6, 15, 181, 227, 680; II, 119, 289, 322, 662; III, 183, 300, 645; IV, 435, 484, 553; VI, 145; VIII, 231; IX, 823; X, 127, 663, 787, 906; XI, 490, 702; XII, 115. *Ср.* тирийский
- кадмейцы — жители Фив (кремль назывался Кадмея): IV, 345
- кадмов, кадмейский — прилаг. от имени *Кадм*: 1) относящийся к потомкам Кадма: I, 376; III, 366; IV, 565; VII, 492; VIII, 448, 457, 519; XI, 215; XII, 380; 2) вообще к фиванцам: I, 123; IV, 57; VII, 328; IX, 8, 51, 140, 640; X, 67; XI, 40, 651; XII, 635
- Кайней — некий аргивянин: VII, 644
- калабрийский — прилаг. от назв. Калабрия, п-ва южп. Италии от Тарента до мыса Япига; «калабрийская ольха» — метонимически — корабль: III, 23

- Калаис — сын Аквилона и *Орифии*, брат Зета: V, 408
- Калидон — древняя столица Этолии: I, 402, 453, 669; IV, 104; VII, 204; VIII, 482
- калидонский — прилаг. от назв. *Калидон*; этолийский: I, 490; II, 476; IV, 276; V, 436; VIII, 441; X, 347
- калидонянка — жительница *Калидона*: II, 736; XII, 117
- Калиопа (греч. «прекрасногласая») — муза эпической поэзии, мать Орфея; поэт. вообще Муза, поэзии: IV, 35; VIII, 373
- Каллироя — ключ в Аттике с девятью истоками: XII, 629
- Каллисто — аркадская нимфа, спутница Дианы; возлюбленная Юпитера, к которой он явился в образе Аполлона: была превращена Дианой в медведицу. *Ср.* ликаонский, вонакрийский, царрасийский
- Кальпет — некий фиванец: X, 319
- капаневс — прилаг. от имени *Капаней*: X, 811, 832
- Капаней — царь аргивян, участник похода «семерых против Фив», пораженный за дерзость Юпитером; отец Сфепела: I, 45; III, 598, 648; IV, 165; V, 565, 586, 664; VI, 732, 747, 784; VII, 669, 675; VIII, 661, 744, 745; IX, 546, 565; X, 32, 257, 482, 739, 828, 898; XI, 2, 70, 181, 249; XII, 545, 706, 764. *Ср.* Эвадна, а также III, 536; VIII, 661; XI, 124; XII, 42
- Капелла — звезда в созвездии Возничего, с восходом которой (весной) связывалось наступление дождливой поры. *Ср.* оленский
- Капет — некий аргивянин: IX, 276
- Карии — город в сев. Лаконии на границе с Аркадией: IV, 225
- Карист — город на южн. оконечности Эвбея: VII, 370
- каристийский — прилаг. от назв. *Карист*: VII, 718
- карпатосский — прилаг. от назв. Карпатос, о-ва в юго-вост. части Эгейского моря; «карпатосская даль» — Эгейское море
- каспийский — прилаг. от назв. каспии, древнего племени, по имени которого названо Каспийское море: VIII, 290, 572; X, 288
- касталийский, кастальский — прилаг. от назв. источника Касталия на горе Геллкон, посвященного Музам и Аполлону: I, 566, 698; VII, 96; VIII, 175. *Ср.* киррейский, а также IV, 37
- Кастор — сын Тиндарея и Леды, брат Поллукса, Елены и Клитемнестры, укротитель коней и возница: IV, 215; VI, 329. *Ср.* амиклейский, Леда, ферашнейский, збалиды
- Кафрей — юго-вост. мыс и гора на Эвбее: VII, 371; IX, 307
- Кекроп — первый царь Аттики, основатель Афин
- кекропиды — потомки *Кекропа*; афиняне: XII, 570
- кекропов — прилаг. от имени *Кекроп*; афинский: IX, 518; XII, 163, 726
- Келей — отец Триптолема, царь Элевсина, первый жрец Деметры: XII, 619
- келенский — прилаг. от назв. *Келены*: II, 665
- Келены — столица Большой Фригии у истока рек Меандр и Марсий: IV, 186
- Кентавр (греч. «убивающий быков») — представитель дикого фессалийского племени полулюдей-полукозлов, рожденных от Иксиона и тучи, принявшей по воле Юпитера облик Юноны: I, 458; IV, 533; VI, 535; VII, 639; IX, 220. *Ср.* Осса, пелионский, Фолоя
- кенхрейский — прилаг. от назв. г. Кенхрей, главного порта Коринфа в Саронском заливе: IV, 60
- Керавны — скалистые горы на сев.-зап. побережье Эпира: X, 537
- Кербер — сын Тифаона и Ехидны, трехголовый пес, охранявший вход в подземное царство: II, 27; IV, 487; VIII, 56, 98. *Ср.* Лета, а также VII, 783
- Керкион — элевсипский рабобийк, убитый Тесеем: XII, 576
- Кефис — отец Нарцисса; река в сев. Фокиде и Беотии, берущая начало на сев. скатах Парнаса и впадающая в Копайдское оз.: VII, 341, 348
- Кианей — о-ва в Боспоре у Византия — Симплегады: V, 347
- кианейский — прилаг. от назв. *Кианей*: XI, 438
- Кибела — фригийская богиня, «великая мать» богов, символ плодородия. *Ср.* XII, 226
- Кидм — некий лемвоссек: V, 226

- Кидон — 1) некий фиванец: II, 623; 2) некий лемвосс: V, 220; 3) ковь *Гипподама*: VI, 465; 4) один из Абантиадов: IX, 759
- кидовский — прилаг. от назв. г. Кидовия на о-ве Крит; критский: IV, 269; VII, 339
- кидовцы — жители г. Кидовия в сев.-зап. части о-ва Крит; критяне; славились как искусные лучьяки: VI, 597
- Киклады — группа о-вов Эгейского моря, расположенных вокруг главного из них о-ва Делос: III, 437; V, 182, 288
- Киклопы (Циклопы) — миф. племя великанов-людоедов с одним глазом во лбу; сыновья Неутуна и Амфитриты; кузницы Вулкана, кующие молнии Юпитеру в пещерах Этны: I, 217, 252 (Аргос), 458, 630 (Аргос); II, 273; IV, 151 (Тириф)
- Кики — один из коней *Амфиарая*: VI, 463, 524, 528
- Киллар — ковь *Кастора*: IV, 215, VI, 328
- Киллена — гора в сев.-вост. Аркадии, где родился Меркурий: IV, 287; VII, 187; IX, 846
- Киллений — эпитет Меркурия от назв. *Киллена*: VII, 34
- килленский — прилаг. от назв. *Киллена*: I, 293; II, 89; VII, 74
- Киносура (греч. «песий хвост») — гора в Аркадии: IV, 295
- Кинф — гора на о-ве Делос, место рождения Дианы и Аполлона: I, 701; II, 239
- Кинфия — эпитет Дианы от назв. *Кинф*, где она родилась; Луна: I, 577; X, 365; XII, 299
- Кипарисс — городок в Фокиде: VII, 344
- Кипр — остров между Сирией и Киликией, место древнего культа Венеры. *Ср.* Венера, идалийский, Паф
- Кирка (Цирцея) — дочь Солнца и океаниды Персы, сестра Ээта, жившая на о-ве Эя; нимфа-чародейка: IV, 550
- Кирра — город в Фокиде, дельфийский оракул Аполлона: III, 474; VII, 347, 410; VIII, 337, 453, 556
- киррейский — прилаг. от назв. *Кирра*: I, 62, 568, 641; II, 63; III, 106, 455, 611; VII, 664, 779; VIII, 331
- Киферея — эпитет Венеры от назв. г. Кифера у входа в Лаконский залив, с древним культом Венеры: V, 192
- Киферон — гора между Беотией и Аттикой: I, 114, 330; II, 80, 460; III, 37; IV, 371, 447; VIII, 346; IX, 447; X, 372; XI, 752; XII, 53. *Ср.* диркейский, огитов, пенфеев, тевмесский
- кларосский — прилаг. от назв. г. Кларос на ионийском побережье, близ Колофона, с храмом и оракулом Аполлона: VIII, 199
- клеонеец — житель г. *Клеоны*: IV, 160
- клеонейский — прилаг. от назв. *Клеоны*: I, 487; VI, 837
- Клеоны — город в Арголиде к сев.-вост. от Немей: IV, 47
- Клио — муза истории: I, 41; X, 630
- Клиторий — знаменитый источник в городе с тем же назв. на сев. Аркадии: IV, 289
- Клоний — некий фиванец: VIII, 697
- Клонис — союзник фиванцев: VII, 369, 712
- Клото (греч. «пряжа») — старшая из трех *Парок*: III, 557
- кносский — прилаг. от назв. г. Кнос на сев. побережье о-ва Крит, т. е. критский: VI, 725; XI, 571
- колхи — древние племена зап.-груз. ветви, жившие по побережью Черного моря и по долине р. Риона: IX, 611
- колхидский — прилаг. от назв. Колхида, страны к югу от Кавказского хребта: V, 458
- колхидянка — жительница Колхиды (*колхидский*): IV, 505 (Медея); IX, 734
- Копт — город в Фиваиде Египетской: I, 265
- Короб — 1) некий аргивянин: I, 605; II, 221; VI, 286; 2) некий житель Танагры: IX, 745
- кориккийский лес — назв. леса недалеко от Дельф: VII, 348
- Корямб — некий житель Фокиды, поэт и певец: VIII, 548
- Корьяф — город на сев.-зап. Пелопоннеса: I, 334. *Ср.* истмийский, сизифов, Эфира, эфирский
- Коронна — город в Беотии: VII, 307

- Кодит (греч. «стопающий», «воющий») — река в подземном царстве: I, 89; IV, 604; VIII, 30; XI, 96
- Креней — 1) некий лемпосец: V, 221; 2) сын Фавна и нимфы, дочери *Исмена*: IX, 320, 356, 388
- Креонт — брат Иокасты, царь Фив после изгнания Эдипа: VII, 251, 776; VIII, 353; X, 618; XI, 264, 307, 651, 677, 708, 737; XII, 154, 166, 174, 218, 278, 375, 443, 447, 454, 558, 594, 677, 753, 773, 795
- Крефей — союзник фиванцев: IX, 306
- Крит — наибольший из греч. о-вов в вост. части Средиземного моря: I, 279
- критский — прилаг. от назв. *Крит*: VIII, 103; XII, 581, 626
- критянка — жительница *Крита* — *Ариадна*: XII, 676
- Кротон — аргиевнин, оказавший услугу Аполлону: I, 570
- Ксаиф — 1) эпитет реки Скамандр в Троеде; 2) река в зап. Ликии: IV, 844
- Ктоий — некий фиванец: II, 539; III, 170; IV, 597
- Куреты — жрецы Юпитера на Крите: IV, 790; VII, 173
- Лабдак — 1) внук *Кадма*, отец Лапя, царь Фив: IX, 777; 2) оруженосец Этеокла: III, 79
- лабдакиды — потомки *Лабдака*: 1) *Полиник*: VI, 450; 2) *Этеокл*: II, 210; 3) фиванцы: IX, 222, 650; X, 35, 611
- лабдакийцы — *лабдакиды*: III, 418; VII, 207
- Ладои — река в Аркадии, приток Алфея; отец Дафны, которую преследовал влюбленный Апполон: IV, 289, 844; IX, 573
- Лай — сын Лабдака, отец Эдипа, муж Иокасты, царь Фив: I, 296; II, 7, 66; IV, 605; VII, 245; 355, XI, 623, 636, 702. *Ср.* тирийский
- Лакедемон — главный город в Лаконии — Спарта: IV, 48
- лаковец, лаконяне — жители Лаконии, обл. на юге Пелопоннеса: VI, 739, 770, 812, 824; VII, 129; VIII, 364, 432 (спартанец)
- лаконский — прилаг. от назв. обл. Лакония; Лаконская Дева: X, 503. *Ср.* Леда
- Лам — некий эвбеец: IX, 764, 766
- Ламир — некий фиванец: XII, 741
- Ламы — 1) некий фиванец: II, 623; 2) другой фиванец, силой домогавшийся любви пророчицы *Манто*: VII, 759
- Ламиния — гора в Аркадии, посвященная Пану: IV, 290
- Лапгия — источник в *немейском* лесу: IV, 52, 724, 783
- Лапифаон — юноша, возлюбленный нимфы Деркетто: VII, 298. *Ср.* Алатрей, Деркетто
- Лапифы — миф. воистинное горное племя в Фессалии, предводителем которого был Перифой, сын Иксиона: II, 563; V, 262; VI, 536; VII, 204
- Лариса — город в Арголиде с храмом Минервы: II, 253; IV, 5, 44; VI, 516. *Ср.* палладия
- ларисейский — прилаг. от назв. *Лариса*; *аргиевский*: I, 381
- Латона — дочь титана Кея и Фебы, жена Юпитера (до Юноны), мать Аполлона и Дианы: I, 577. *Ср.* латонии, летоиды, Титий, а также XI, 12
- латония — прилаг. от имени *Латона*: I, 701; VII, 182
- Латовия — *Диана*, дочь Латовы: IV, 425, 757; IX, 679, 806, 820
- Лехесис — вторая из трех сестер, *Парок*: II, 249; III, 642; IV, 636
- Ладий — область между Тирренским морем, Этрурией и Кампанией; центром Лапья был Рим: I, 22
- Леандр — юноша из Абидоса, который каждую ночь приплывал в Сест к своей возлюбленной Геро; застигнутый бурей, утонул в Геллеспонте. *Ср.* абидосский, Геро
- Леарх — сын *Афаманта*: III, 187. *Ср.* IV, 571
- Лебадия — город в Фокиде, посвященный Аполлону: VII, 345
- Левкада — город на п-ве близ Эпира, где почитался Аполлон: IV, 815
- Певкотей (греч. «белая богиня») — культовый эпитет морской богини Ино: VI, 11; IX, 401. *Ср.* Ино
- Леда — жена спартанского царя Тиндарея, возлюбленная Юпитера, к которой он являлся в виде лебедя; мать Елены, Клитемнестры, Кастора и Поллукса: IV, 236; VII, 163; XI, 133. *Ср.* Амиклы, лаконский, ледин, Эврот

- ледин — прилаг. от имени *Леда*: IV, 236
- лемнианка — жительница о-ва Лемнос: IV, 775; V, 29 (Гипсипила), 106, 446, 589
- Лемнос — остров в сев. части Эгейского моря, где был воспитан Вулкан: V, 30, 50, 70, 183, 185, 272, 297, 325, 462, 615, 628, 658, 720; VI, 152
- лемносский — прилаг. от назв. *Лемнос*: II, 269; III, 274; V, 130, 499, 588, 713; VI, 509
- Леонтей — некий фиванец: IX, 133
- Лерна — озеро, река и болото в Арголиде, недалеко от Аргоса, где жила многоголовая гидра, убитая Геркулесом: I, 360; II, 433; III, 461; IV, 172, 371, 711; V, 579; VI, 516; X, 765, 890; XI, 434; XII, 94, 160
- лернеец — перен. аргивянин: VII, 739; VIII, 562; X, 24
- лернейский — прилаг. от назв. *Лерна*, аргивский: I, 38, 385; II, 376; III, 349, 492; IV, 638; V, 443, 499; VI, 131; VIII, 112; IX, 124; XI, 111; XII, 117, 146, 512
- Лета — река в подземном царстве, из которой усопшие пили забвение прошлого: I, 297; IV, 414, 622; VIII, 97
- летейский — прилаг. от назв. *Лета*: II, 30; IV, 567; XI, 82; XII, 559
- Летоид — *Аполлон*, сын Латоны: I, 662, 695
- Летоида — *Диана*, дочь Латоны: IX, 834
- Лехей — порт Коринфа: II, 381; VII, 97
- Либер — староиталийский бог оплодотворения, впоследствии отождествленный с греч. Вахом: IV, 653; VII, 565; VIII, 239; IX, 441; X, 887. *Ср.* Вахх
- Ливиец — Антей, ливийский великан, сын Пентуна и Земли; был непобедим, если принадлежал к матери — Земле; Геркулес поднял его в воздух и задупил: VI, 894
- ливийский — прилаг. от назв. *Ливия*: II, 722; IV, 744; IX, 16; X, 623; XI, 115; XII, 606
- Ливия — сев. побережье Африки: VIII, 411
- Лигд — некий фиванец: IX, 764, 766
- лидийский — прилаг. от назв. Лидия, страны в Малой Азии: X, 646. *Ср.* маонийский
- Лик — 1) царь фиванцев; муж Дирки, убитый Амфионом и Зетом, сыновьями Автियोпа и Юпитера: IV, 570; 2) некий фиванец: IX, 106; X, 19
- Лицабесс — гора в Аттике: XII, 621
- Ликаон — миф. царь Аркадии, отец *Каллисто*; за жестокость Юпитер превратил его самого и пятьдесят его сыновей в волков: VII, 414; XI, 128
- ликаонский, ликаонийский — прилаг. от имени *Ликаон*; Ликаония — древнее название Аркадии: III, 480; IV, 304
- Ликаста — лемноская женщина, кормилица *Гипсипилы*: V, 227, 467
- ликейский — прилаг. от назв. *Ликей*: II, 206; VI, 92, 567; XII, 129 (аркадский)
- Ликет — союзник фиванцев: IX, 291
- Ликей — горн. цепь в юго-зап. Аркадии, посвященная Юпитеру и Папу: I, 363; IV, 250; VII, 80; IX, 895. *Ср.* I, 273, а также ликейский, Ликаон
- ликийский — прилаг. от назв. *Ликия*: I, 697; III, 477; VI, 645; X, 344 (Аполлон)
- ликимнийский — прилаг. от назв. оз. Ликимн в Арголиде: IV, 741
- Ликия — область в Малой Азии между Карией, Писидией и Памфилией: VIII, 201
- Ликорей — союзник фиванцев: VII, 715
- Ликорм — река в Этолии, впадающая в Ионийское море: IV, 845
- Ликофонт — некий фиванец: II, 610
- ликтийский — прилаг. от назв. г. Ликт в вост. части Крита; критский: VI, 297
- Ликург — 1) царь *Немеи*: IV, 749; V, 39, 638, 647, 653, 696, 702, 715; VI, 130; 2) царь Фракии: IV, 386; VII, 180. *Ср.* Вахх
- Лилейя — город в Фокиде, возле которого берет начало р. Кефис: VII, 348
- Лин — 1) сын Аполлона и *Псаматы*: VI, 64. *Ср.* I, 588; 2) некий фиванец: IX, 253
- лиркийский — прилаг. от назв. *Лиркий*: IV, 710
- Лиркий — река в Арголиде: IV, 117
- Лих — союзник фиванцев: IX, 291
- Лизй (греч. «отговяющий заботы», «утешитель») — эпитет *Вахха*: V, 292; VII, 578, 684; IX, 598, 794; XI, 320
- луканский — прилаг. от назв. луканцы, народа на зап. побережье южн. Италии; луканцы славились как умелые охотники: VIII, 532

- Луна — богиня луны, дочь Латоны, позднее отождествлявшаяся с Дианой; луна: I, 371; II, 58; VI, 239; XII, 2. *Ср.* Кинфия, Титанида, Феба, Феб
- Люцина — богиня деторождения, отождествлявшаяся с Юноной, реже с Дианой: V, 114
- Люцифер (Денница) — сын Авроры, бог утренней звезды; утренняя звезда (Венера): II, 139; V, 291; VI, 238; XII, 50
- Маворс — архаич. форма имени *Марс*: VI, 233; IX, 785, 841; X, 556, 663, 808; XII, 523, 733. *Ср.* Марс
- мавританский — прилаг. от назв. обл. Мавритания в сев.-зап. Африке; африканский: IX, 189. *Ср.* гетулийский, массивльский
- Майа — дочь Атланта и Плейоны, мать Меркурия: II, 1; VI, 699
- македонский — прилаг. от назв. Македония, страны, расположенной между Эпиром и Фракией: VII, 269
- Малея — мыс на юго-вост. оконечности Пеллопоннеса: I, 100; II, 33; IV, 224; VII, 16; X, 537
- Манто — вещая дочь прорицателя Тиресия: IV, 463, 518; VII, 758; X, 639, 679. *Ср.* фебов
- Марафон — городок на вост. побережье Аттики к сев.-зап. от Афи: V, 431; XII, 581, 617
- марафонский — прилаг. от назв. *Марафон*; аттический: XI, 644; XII, 196, 730
- марсеотидский — прилаг. от назв. озера и города Марей в Канопском устье Пила; египетский: I, 264
- Марпесса — фиванская женщина: III, 172
- Марс — бог войны, отождествляется с греч. Аресом: I, 7, 464; II, 718; III, 598; IV, 111, 260, 305, 321, 801, 829; V, 173, 648; VI, 534, 830; VII, 10, 40, 82, 172, 204, 235, 624, 630, 703; VIII, 71, 232, 588, 732; IX, 72, 88, 506, 566; X, 463, 508; XI, 50, 84, 287, 414; XII, 638, 717. *Ср.* III, 291, 343, 344, 420, 431, 577; IV, 356; VII, 78; VIII, 384; IX, 832; X, 103, а также бистонский, гетский, Гем, гираванский, Градив, Маворс, марсов, одрисский, сарматский, скифский, фракийский
- Марсий — 1) фригийский сатир, спутник Вакха, с которого Аполлон, победив его в музыкальном состязании, содрал кожу; 2) река во Фригии, приток Меандра. *Ср.* Келены, келевский, Фрикс, Сатир
- марсов, маворсов — прилаг. от имени *Марс*: I, 274, 680; II, 572, 587, 598, 727; IV, 345, 434, 556; V, 155; VI, 3, 230, 477, 501, 665; VII, 46, 644; VIII, 342; IX, 826, 838; X, 612, 653, 806; XI, 97, 410, 489, 652
- массивльский — прилаг. от назв. массивлы, народа, жившего в Нумидии; африканский: II, 676; V, 332; VIII, 124; XI, 27. *Ср.* гетулийский, Ливия, мавританский
- Медведица — созвездие сев. полушария неба; север: I, 693; III, 287, 526, 684; IV, 384, 422; VI, 422; VIII, 408; XII, 653
- Медeon — город в Беотии: VII, 260
- Медей — дочь колхидского царя Ээта, которая помогла Иасону похитить золотое руно: IV, 550. *Ср.* Иасон, Колхида
- Медуза — самая страшная из трех Горгон, мать Пегаса, обезглавленная Персеем: XII, 606. *Ср.* Горгона
- Мегара — главный город в обл. Мегарида, между Коринфом и Атикой. *Ср.* Нис
- Мегарей — некий фиванец: X, 491
- мегаридский — прилаг. от назв. обл. Мегарида: XII, 219
- Мегера — одна из *Фурий*: I, 477, 712; III, 641; IV, 636; XI, 60
- Мегес — некий фиванец: X, 19
- Меламп — сын Амифаона, аргосский прорицатель: III, 454, 546; VIII, 278. *Ср.* Амифаонид
- Меланей — некий фиванец: VII, 755
- Меланипп — 1) брат Тидея. *Ср.* I, 402; 2) некий фиванец: VIII, 718, 740; IX, 8. *Ср.* Астакид
- Мелас — река в Беотии, посвященная Минерве: VII, 273
- Мелеагр — сын Энея и Алфеи, муж Клеопатры, участник похода аргонавтов, калли-

- донской охоты и сражения с куретами в Плевроне: II, 474. *Ср.* Диана, Калидон, мелеагров, Ойнид, а также V, 436
- мелеагров — прилаг. от имени *Мелеагр*: IV, 103
- Мелена — деревня в Атико: XII, 619
- Менада — вакхически испуганная женщина; вакханка: IX, 598, 628. *Ср.* IV, 379
- Менал — горн. цепь в Аркадии, посвященная Папу, где охотились Аталанта с Партепопеем: IV, 284; VII, 80; IX, 639, 719, 809
- меналийский, менальский — прилаг. от назв. *Менал*; аркадский: IV, 256, 802; VI, 564, 602; VII, 64; X, 348; XII, 125
- Меналка — некий спартанец: VIII, 431
- мевекеев — прилаг. от имени *Мевекей*: XI, 709
- Мекеей — сын *Креонта*: VII, 250, 641; VIII, 357, 597; IX, 267; X, 620, 651, 756, 802, 846; XI, 264, 653, 660; XII, 60, 103, 696
- Менесфей — некий аргивянин: VI, 661, 698, 706, 712, 725
- Менет — 1) некий фиванец: II, 645; 2) спутник *Аргии*: XII, 204, 237, 245, 360
- Меотида — «Меотидское болото или море», покрывавшееся зимой льдом; Азовское море: XII, 526
- Меркурий — сын Юпитера и Майи, крылатый вестник богов, проводник душ усопших. *Ср.* аркадский, аркадец, Аркад, Атлантиад, Киллена, килленский, меналийский, Майя, Тегея, а также II, 55; IV, 287, 605, 802; X, 302
- Месса — город в Лаконии: IV, 226
- Мессена — главный город в обл. Мессения: IV, 179
- мигдонский — прилаг. от назв. обл. Мигдония во Фригии; мигдонский старец — Тифон, замужем за которым была Аврора: II, 134. *Ср.* фригийский
- Мидея — 1) город в Аркадии: IV, 45; 2) город в Беотии: VII, 331
- Микалес — город в Беотии: VII, 272
- микалесский — прилаг. от назв. *Микалес*; беотийский: IX, 281
- Макены — город в Арголиде, основанный Персеем после убийства Акрисия, к сев. от Аргоса: I, 261, 326, 683; II, 119, 184; IV, 57, 306; VII, 177, 419; VIII, 670; IX, 444, 514; X, 16; XI, 129, 148, 187, 731; XII, 82, 116, 689. *Ср.* танталов
- Микон — остров из группы Киклад к сев.-вост. от Делоса: III, 438
- мималлонки (греч.) — вакханки: IV, 659
- Мимант — некий фиванец: IX, 290
- минийцы, минии — древнее эолийское племя, жившее сначала в Фессалии, а потом в Беотии; переп. аргонавты (как потомки царя Миния): V, 337, 471; VIII, 212
- Минерва — любимая дочь Юпитера; девственная богиня — покровительница наук, искусства, ремесел и войны; отождествлялась с греч. Афиной: III, 507; IV, 288; V, 152; VII, 330; XII, 531. *Ср.* Горгона, Паллада, палладин, Тритонида, Тритония, Тритон
- минойский — прилаг. от имени *Минос*; критский: VII, 187
- Минос — сын Европы и Юпитера, брат Радаманта, царь Крита, после смерти ставший судьей в подземном царстве: VIII, 27, 103. *Ср.* IV, 530; XI, 571
- Минотавр — сын Пасифаи и морского быка, получеловек-полубык, цитавшийся человеческим мясом; убит Тесеем. *Ср.* XII, 669
- Мирмидона — лемносская женщина: V, 223
- Миртил — сын Меркурия и Клеобулы; вероломный возница Эномая: VI, 284
- Митра — бог солнца у древних персов, у Стация отождествляемый с Аполлоном: I, 720
- Молорх — клеонейский гостеприимец Геркулеса: IV, 160
- молюсский — прилаг. от назв. обл. Малоссида в центре Эпира, где выращивали особую породу охотничьих собак: III, 203, 476; VIII, 202
- Мопс — 1) фессалийский прорицатель, один из *аргонавтов*: III, 521; V, 417; 2) некий аргивянин: VIII, 151; IX, 126
- Мстительницы — *Фурии*: I, 52
- Музы — девять дочерей Юпитера и Мнемосины; богини искусство и наук (Клио, Эвтерпа, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато, Полигимния, Уравиа, Каллиопа): VI, 356; VII, 289; VIII, 549. *Ср.* I, 3; IX, 317; X, 831, а также аониец, геликонский, кастальский, Ольмий, Парнас, парнасский, Пермесс, пиерийский

- Мулькибер — «размягчитель», т. е. «плавильщик» металлов; эпитет *Вулкана*: V, 51; VI, 234; VII, 62; X, 101
- мунихийский — прилаг. от назв. Мунихий, оборонительного вала со стеной вокруг Афин; аттический: II, 253; XII, 616
- Мэон — фиванский прорицатель: II, 693; III, 404; IV, 598. *Ср.* Гемонид мэонийский — прилаг. от старого назв. Лидии — Мэония: VI, 541; XI, 401
- Мэра — фиванская жевщина: VIII, 477
- Навбол — отец Ифита, гостеприимец Лайя в Фокиде: VII, 355
- Накос — самый большой из Кикладских о-вов, посвященный Вакху: VII, 686
- Напеи — нимфы лесов и долин: IV, 255; IX, 386. *Ср.* Нимфы
- Нардисс — сын беотийского речного бога Кефиса и нимфы Ларियोны, отвергший любовь нимфы Эхо; влюбившись в собственное отражение, он зачах от тоски и превратился в цветок, сохранивший его имя: VII, 340
- Неалка — жена *Гиппомедонта*: XII, 121
- Неисты — одни из семи ворот в Фивах: VIII, 353
- целеев — прилаг. от имени Нелея, сына Нептуна, брата Пелия, основателя Пилоса в Мессении, отца Нестора: IV, 125
- немейский — прилаг. от назв. *Немея*: I, 575; III, 421; IV, 136; V, 581; VII, 117; X, 499; XI, 47
- Немея — город в Арголиде: I, 355; II, 377; IV, 159, 646, 664, 688, 832; V, 44, 713, 733, 749; VI, 88, 368, 385, 516. *Ср.* клеонейский, пемейский
- Нептун — сын Сатурна и Реи, брат Юпитера и Плутона, муж Амфитриты, бог морей: III, 433; VI, 303. *Ср.* нептунов, Тритон, а также I, 222 сл.; V, 706 сл.; VI, 529; VII, 185; XII, 634
- нептунов — прилаг. от имени *Нептун*: VII, 271, 813; XII, 588, 665
- нереев — прилаг. от имени *Нерей*: III, 410
- Нереида — дочь *Нерея*, морская нимфа: VIII, 361; IX, 372, 401
- Нерей — сын Океана и Геи, морское божество, отец пятидесяти нерейд; море: V, 49, 436; VIII, 230
- Нерис — город в Арголиде: IV, 45
- Несс — один из *Кентавров*, своим коварством погубивший Геркулеса: XI, 238. *Ср.* Кентавр
- Нестор — сын Нелея и Хлориды, царь Пилоса (в Мессении); в «Илиаде» Гомера — старейший участник троянской войны, у Стация — юноша: IV, 127. *Ср.* целеев, Пилос
- Нимфа — второстепенное женское божество, олицетворявшее в зависимости от места, где оно обитало, различные силы природы: IV, 330, 684, 727; V, 519, 580; VI, 95, 113; VII, 297, 756; IX, 319, 384, 416, 597, 709; X, 505. *Ср.* дриада, напей, наяда, нерейда
- Никтей — царь Беотии, отец Антиопы: VII, 190
- Нил — река в Египте: I, 265; III, 527; IV, 705; V, 12; VIII, 359; XII, 518. *Ср.* IV, 708
- нильский — прилаг. от назв. *Нил*: III, 478
- Ниоба — дочь Тантала, жена фиванского царя Амфиона, оскорбившая Латону; за это Аполлон и Диана лишили ее всех четырнадцати детей и она превратилась в камень: VI, 124; IX, 682. *Ср.* Тавталида, фиванский
- Нис — 1) сын Пандиона, царь Мегары, отец Скиллы: II, 382. *Ср.* I, 334; 2) друг Эвриала: X, 448
- Ниса — 1) город в Беотии: VII, 260; 2) гора, где Вакх был воспитан нимфами: VII, 686
- нисейский — прилаг. от назв. *Ниса* (2): IV, 383; VII, 653
- Номий — 1) векий фиваец: IX, 290; 2) некий аргивянин: X, 260
- Нонакрия — городок в сев. Аркадии; Аркадия: IV, 294
- Нот (греч.; лат. Австр) — сильный южн. ветер с ливнями и градом: IV, 422; V, 530; VI, 310; XI, 114
- нумидийцы — жители Нумидии, страны на сев. Африки: X, 414. *Ср.* гетулийский, мавританский, массильский
- Огиг — древнейший царь Фив: I, 328

- Огигиды — потомки *Огига*; фиванцы: II, 586
- огигов, огигийский — прилаг. от имени *Огиг*; фиванский: I, 173; II, 85, 208; III, 110, 156; IV, 380; V, 518; VI, 172, 610; VII, 33; VIII, 353; IX, 812, 841; X, 497, 545, 921; XI, 356, 420, 665; XII, 198, 247, 477, 664, 786. *Ср.* фиванский
- одрисийский, одрисский — прилаг. от назв. одрисы, фракийского племени; фракийский: IV, 801; V, 173; VII, 525; VIII, 57; XII, 156. *Ср.* фракийский
- Озирис — египетский бог плодородия, у Стация отождествляемый с Аполлоном: I, 718
- ойнеев — прилаг. от имени *Ойней*: V, 660
- Ойней — сын Партаона, миф. царь Калидона в Этолии, отец Мелеагра, Тидея и Деяниры, устроитель Калидонской охоты: I, 464, 669; II, 166, 469, 587, 686. *Ср.* II, 742
- Ойниды — сыновья *Ойнея*: 1) Мелеагр: V, 405; 2) Тидей: II, 480; III, 391; IV, 112; VI, 842, 870; VIII, 538, 587, 659; IX, 37, 50; X, 748
- Окалея — город в Беотии: VII, 260
- Океан — обтекающая всю землю река; сын Урапа и Гея, муж Тефии: I, 686; VII, 9, 471; VIII, 273
- океанский — прилаг. от назв. *Океан*: III, 409
- Олен — город в Этолии близ Плеврона, где Юпитер был вскормлен Амалфеей: IV, 105
- Олений — некий фиванец: XII, 741
- оленский — прилаг. от назв. *Олен*; этолийский: II, 541; VIII, 484; «оленское светило» или «оленские рога» — «козлята», с появлением которых обычно начинались дожди: III, 25; VI, 423
- Олимп — 1) горн. гряда на границе Македонии с Фессалией; местопребывание богов: VI, 719; 2) небо, небесный свод: II, 600; IV, 743; V, 177, 421; VIII, 41; XI, 119. *Ср.* Гиганты
- олимпийский — прилаг. от назв. *Олимпия*: VI, 554. *Ср.* Пелопс, Пиза, пизанский, элидский, Эномай
- Олииф — город в Халкидике на берегу Торонейского зал.: XII, 510
- Ольмий — река в Беотии, посвященная Музам: VII, 284
- Омфала — царца Лидии, у которой Геркулес три года был рабом. *Ср.* лидийский
- Онхест — город на Копаидском оз. (Беотия) с храмом и дубравой Нептуна: VII, 271. *Ср.* нептунов
- онхестийский — прилаг. от назв. *Онхест*: VIII, 466
- Орест — сын Агамемнона и Клитемнестры, друг Пилада, убийца своей матери и Эгиста: I, 476; XII, 511. *Ср.* Пилад
- Орион — великан-охотник из Беотии, возлюбленный Авроры, убитый Дианой и превращенный вместе со своей собакой в созвездие; созвездие, приносящее бурю: III, 27; VII, 256; IX, 461, 843
- Орифия — дочь афинского царя Эрехтея, жена Борей, похищенная им с берегов Элласа: XII, 630. *Ср.* Борей
- Орк — подземный мир, царство теней; бог подземного царства: XII, 433. *Ср.* Дит
- Ормен — некий аргиевнин: X, 514
- Орнит — некий аргиевнин: XII, 142, 207, 219
- Ортигия — древнее назв. о-ва *Делос*: IV, 803; V, 338
- Орхомен — город в Аркадии к сев.-зап. от Мантиней: IV, 295
- Орфей — сын фракийского царя Эагра, певец, участник похода аргонавтов, муж Эвридики, спускавшийся за ней в Тартар; растерзан вакханками: V, 344, 435. *Ср.* VIII, 57; IX, 437
- Осса — гора в сев.-вост. Фессалии, отделенная от Олимпа р. Пеней: II, 82; III, 319, IV, 141; V, 261; VIII, 79; IX, 220; X, 852; XII, 554
- Отрий — горн. цепь в южн. Фессалии, местопребывание племени лапифов: III, 319, IV, 655
- Офельт — сын Ликурга, питомец Гипсипилы: IV, 729, 748. *Ср.* V, 501, а также Архемор
- Пад — главная река в сев. Италии (ныне — По): XII, 141
- Палемон — 1) сын Афаманта и Иво; бог моря: I, 14, 122; VI, 10; VII, 421; IX, 330;

- Х, 425. *Ср.* IV, 563; IX, 403, а также Иго, Истм, Лехей, палемонов; 2) аргивянин: VIII, 135
- палемонов — прилаг. от имени *Палемон* (1): II, 381
- Палес — древнетиалийская богиня, покровительница пастухов и скота: VI, 111
- Паллада (греч.) — эпитет Минервы: I, 535; II, 237, 243, 251, 597, 705; V, 100, 356; VIII, 459, 499, 517, 588, 714; IX, 512, 837; XII, 293, 464, 583. *Ср.* Минерва
- палла́дин — прилаг. от эпитета Минервы Паллада: IV, 136; V, 416; VI, 575; VII, 273. *Ср.* Минерва
- Пан — сын Юпитера или Меркурия, бог лесов, пастухов и скота, изображавшийся со свирелью; умел внушать внезапный ужас и повергать в смятение («шанику»): III, 479; XI, 34. *Ср.* IV, 696, а также Фавн, Эвримедон
- Пангей — горн. цепь в Македонии на границе с Фракией: VI, 666
- пангейский — прилаг. от назв. *Пангей*: X, 512
- пандионов — прилаг. от имени Пандион, миф. царя Афин; «пандионова круча» — афинский акрополь: II, 720; «пандионовы птицы» — дочери Пандиона Прокна, превращенная в соловья, и *Филомела* — в ласточку: VIII, 616
- Панем — некий фиваец: IX, 293
- Панона — город в южн. Фокиде на р. Кефис: VII, 344
- Панопей — некий лаконец: X, 497
- паретонийский — прилаг. от назв. г. Паретония в сев. Африке; египетский: V, 12
- Парки — богини судьбы (Лахесис пряла нить жизни, Клото тянула нить, а Атропос обрывала): I, 705; III, 492; IV, 787; V, 274, 736; VI, 325, 923; VII, 774; VIII, 13, 119, 191, 328, 382, 439; X, 737; XI, 462. *Ср.* VI, 48; VIII, 549, а также *Сестры*
- Парнас — двувершинная гора в Фокиде; у ее южной подошвы находились посвященные Аполлону и Музам Дельфы и Кастальский источник: I, 118, 628; V, 531; VI, 357; VII, 346; IX, 643. *Ср.* кастальский, Кирра, киррейский, корикийский
- парна́сский — прилаг. от назв. *Парнас*: IV, 216; X, 207
- Парвет — горн. цепь в Аттике на границе Беотии, известная обилием дачи и виноградом: XII, 620
- Парос — один из *Кикладских о-вов*, славившийся белым мрамором: V, 182
- паррасийский — прилаг. от назв. г. Паррасия в юго-зап. Аркадии; аркадский; «паррасийские звезды» — Большая и Малая Медведица: IV, 246, 293; VII, 163; VIII, 370; IX, 744; XI, 178. *Ср.* Аркадия
- паррасиянка — созвездие Большой Медведицы, в которое превратилась *Каллисто* родом из Аркадии. *Ср.* Каллисто
- партаонов — прилаг. от имени Партаон, сына Агенора, отца Ойнея и Деяниры, царя Калидона: I, 670; «партаоновы пашни» — Этолия: II, 726
- Партенопей — сын Мелеагра и Аталанти, один из «семерых против Фив»: IV, 248; V, 665; VI, 561, 616, 621; VII, 642; VIII, 660, IX, 813. *Ср.* аркадец, Агалантиад, менальский, тегейский, Тегей, эриманфский
- парфенийский — прилаг. от назв. горы Парфения на границе Арголиды в Аркадии: II, 207; IV, 285
- парфяне — племя к югу от Каспийского моря; славились как меткие стрелки в превосходные наездники: VI, 597
- Пасифая — одна из трех Граций: II, 286
- Патарский — прилаг. от назв. г. Патара в юго-зап. Ликии с оракулом Аполлона; эпитет Аполлона: I, 696
- Паф — приморский город на юго-зап. Кипра со знаменитым храмом Венеры: V, 61
- пафийский — прилаг. от назв. *Паф*; кипрский: IV, 300
- Пеан — эпитет Аполлона (одно из традиционных толкований этого имени производит его от греч. *paio* — разить лучами; другое — от греч. *paio* — насыщать и прекращать мор): I, 636; X, 344
- Пеласг — 1) первый царь Аркадии, рожденный землей, эпоним *пеласгов*: II, 156; 2) сын аргосского царя Триопа, который гостеприимно встретил Цереру, пришедшую в поисках Прозерпины в Аргос, и рассказал ей о похищении дочери: VI, 727
- пеласги — жители Пелопоннеса, потомки *Пеласга*; в Фиваиде — аргивяне: VI, 43,

- 410; VII, 1, 247, 523, 532; VIII, 327, 722; IX, 13, 396; X, 2, 330, 432, 451, 492; XI, 41, 757; XII, 68, 101, 697
- пеласгийский — прилаг. от назв. *пеласги*; аргивский, греческий: V, 363; XII, 195
- Пелей — сын эгвинского царя Эака, брат Теламона, вместе с которым они привяли участие в походе аргонавтов; царь мирмидония во Фтии, отец Ахилла, муж Фетиды: V, 379. *Ср.* V, 437
- пелетронский — прилаг. от назв. лесистой долины Пелетропий на горе Пелиоп, посвященной Марсу; фессалийский: II, 598
- Пелиоп — гора на п-ве Магнесия (Фессалия), южп. продолжение Оссы: VI, 720; VIII, 79; X, 852
- пелионский — прилаг. от назв. *Пелион*: VI, 375; «сосна пелионская» — корабль аргонавтов «Арго»: V, 336
- Пелоп — сын фригийского царя Тантала, брат Ниобы, муж Гипподамии, царь Элиды и Аргоса, отец Атрея и Фиеста, дед Агамемнона и Менелая; его именем назван Пелопоннес — «остров Пелопа». II, 436; IV, 590; VI, 6, 122, 284; VII, 95. *Ср.* Тантал, танталов
- Пелопиды — 1) потомки *Пелопа*, т. е. жители Пелопоннеса: VII, 422; 2) пелопидянки — аргивские женщины: X, 50; XII, 540
- пелонов — прилаг. от имени *Пелоп*: I, 117; II, 471; VII, 207, 248, 422; X, 749
- Пелорий — мыс на сев.-вост. оконечности Сицилии, обращенный к Тирренскому морю: III, 596
- пенейский — прилаг. от назв. р. Пеней, главной в Фессалии: IV, 143
- пенфеев — прилаг. от имени *Пенфей*: II, 575; XI, 318; XII, 244
- Пенфей — 1) сын Эхиона и Агавы, внук Кадма, царь Фив, растерзанный своей матерью и сестрами за то, что он не признавал Вакха богом: IV, 566; VII, 211. *Ср.* Агава, вакхический, Вакх, Кадм, пенфеев, а также I, 230; II, 663; 2) некий фиванец: III, 170
- Перифант — 1) некий фиванец: II, 631. *Ср.* Ида, Феспиады; 2) некий пилосец: VII, 641, 643
- Пермесский ручей, Пермесс — река в Беотии, посвященная Музам и Аполлону: VII, 283
- персеев — прилаг. от имени *Персей*: I, 225; III, 442, 663; V, 640
- Перса — дочь Океана, жена Солнца, мать Кирки, Гекаты, Пасифаи, Ээта и Алоян
- Персеида — Геката, дочь *Персы*: IV, 482
- Персей — сын Юпитера и Данаи, убивший Медузу и освободивший Андромеду, на которой он женился; царь Аргоса, впоследствии царь Тиринфа, после смерти превращен в созвездие: I, 719; III, 463; VII, 418. *Ср.* I, 544
- Персефона (греч.), Прозерпина (лат.) — дочь Цереры и Юпитера, жена Плутона, богиня подземного мира: IV, 477; XII, 275, 276
- Петсон — город в Беотии: VII, 333
- Пииза — город в Элиде на р. Алфей: III, 479; IV, 238; VI, 668; VII, 416; VIII, 453. *Ср.* Эномай, олимпийский
- пизейский — прилаг. от назв. *Пииза*: I, 421; II, 166; VI, 5, 555; VII, 128; IX, 122
- Пиериды — *Музы*: VII, 628
- пиерийский — прилаг. от назв. обл. Пиерия в юго-зап. Македонии, к сев. от Олимпа; местонахождение *Муз*: I, 3, 32
- Пилад — сын Строфия, племянник Агамемнона, друг Ореста: I, 477
- Пилена — город в Мессении, где правил Нестор, сын Нелея: IV, 102; VIII, 482
- Пилос — город в Элиде: IV, 125
- пилосец — житель *Пилоса*: VII, 641; VIII, 384; X, 682
- пилосский — прилаг. от назв. *Пилос*: V, 751; VII, 128
- Пирагмон — один из Киклопов, кузнец Вулкана, выделявавший молнии Юпитеру: II, 599
- Пирей — порт и город в Аттике недалеко от Афин в устье р. Кефис: XII, 616
- Пирена — источник на Коринфском акрополе, образовавшийся от удара копыта Пегаса и посвященный Музам. *Ср.* IV, 60 сл.
- Пирифой — сын Иксиона, царь лапифов, друг Тесея; на его свадьбе с Гипподамией произошло сражение кентавров с лапифами; сопровождаемый Тесеем, спустился

- в подземное царство, чтобы похитить Прозерпину, за что был прикован к камню у входа в Аид: I, 475; VIII, 53. *Ср.* VIII, 96, а также Тесей
- Пирра** — жена царя Фтии Девкалиона; Юпитер спас их во время потопа и затем велел, чтобы возродить людской род, бросать через голову камни. Из камней, брошенных Девкалионом, появились мужчины, а Пиррой — женщины: VIII, 305; XI, 469
- Пифец** — эпитет Аполлона; Дельфийский: IV, 289
- Пифии** — жрица Аполлона, вешавшая в дельфийском храме. *Ср.* Кирра, киррейский, а также III, 614
- Пифоп** — дракон, обитавший на Парнасе и убитый Аполлоном: I, 563, 711; IV, 222; VII, 350. *Ср.* V, 532; VI, 359; VII, 96, а также аполлонов, Делиец
- Платей** — город в южн. Беотии, у сев. подошвы Киферона: IV, 373; VII, 332
- Плеврон** — город в Этолии на р. Эвен со святилищем Марса; родина Мелеагра: II, 727; IV, 103; VIII, 483
- Плеяды** — семь звезд в созвездии Тельца, приносящие дожди и непогоду; миф. семь дочерей Атланта и Плейоны: I, 26; IV, 120; IX, 460
- Плутон** — бог подземного царства; брат Юпитера и Нептуна, муж Прозерпины. *Ср.* III, 146
- Подарк** — копь Фоаята: VI, 466
- Полиб** — царь г. Сикион на сев.-вост. Пелопоннеса: I, 64
- Поликсо** — некая лемниевка: V, 90, 131, 327. *Ср.* Хароп
- Полиник** — сын Эдипа и Иокасты, брат Этеокла: III, 340; IV, 115, 201; V, 19; VI, 316; VII, 689; IX, 35; X, 256, 581; XI, 137; XII, 114, 348, 379. *Ср.* аргивский, Аргия, аргolidский, аонийский, диркейский, дорийский, исменский, кадмейский, Лабдакиды, тевмесский, тирийский, Эдиподионид, эхионский, Эхионид, фиванский, а также VIII, 615; X, 31; XI, 109; XII, 323
- полипиков** — прилаг. от имени *Полиник*: I, 165
- Полят** — 1) два фиванца: а) VII, 757; б) IX, 125; 2) некий аргивянин: VIII, 491
- Полифем** — сын Нептуна и нимфы Фоосы, одноглазый Киклоп, ослепленный Улиссом: VI, 716
- Поллукс** — сын Тиндарея и Лоды, брат Кастора: VI, 741. *Ср.* амиклейский, Леда, терапнейский, Тиндарида, Эбалиды, эбалийский
- Понт** — Черное море: VI, 328; XI, 438. *Ср.* XII, 593
- Претийские ворота** — одни из семи ворот в Фивах: VIII, 355
- Прозерпина** — *Персефона*: I, 111; VIII, 10, 98. *Ср.* Венера, Геката, Персефона, Пирифой, сицилийский, Церера, Юнона
- Прокна** — сестра *Филомелы*
- прометеев** — прилаг. от имени *Прометей*: VIII, 305
- Прометей** — титан, похитивший для людей огонь и обучивший их ремеслам: XI, 468
- Просимна** — город в Арголиде: I, 383; III, 325; IV, 44
- Протой** — 1) некий аргивянин: VI, 389; 2) некий фиванец: VIII, 537, 539
- Прат** — сын Абанта, изгнанный братом Акрисием из Аргоса и захвативший царскую власть в Тиривфе; пытался по навету жены Сфенебея погубить Беллерофонта: IV, 589
- Псамата** — дочь аргивского царя Кротона, мать Липа. *Ср.* I, 572 сл.
- Псофида** — город в Аркадии: IV, 296
- Птелеон** — город в Элиде: IV, 181
- Птерел** — 1) некий аргивянин: VI, 648; 2) некий фиванец: VII, 632
- Рак** — созвездие Рака, в знак которого солнце вступает в начале лета: IV, 783
- Рейп** — река, отделяющая Галлию от Германии: I, 19
- Рим** — столица Римской империи: I, 24
- Рипей** — город в Аркадии: IV, 285
- рифейский** — прилаг. от назв. (миф.) Рифейские горы на крайнем севере; северный, холодный: I, 419; XI, 115
- Родопа** — горн. цепь в зап. Фракии, между Гебром и Нестом: II, 81; IV, 655; V, 189; XI, 195
- родопский** — прилаг. от назв. *Родопа*; фракийский: V, 121; VIII, 403; XII, 181

- Саг — некий фиванец: VII, 714. *Ср.* Таг
- Саламин — остров в Саронском заливе между Аттикой и Арголидой: XII, 627
- Самос — остров в Эгейском море у Ионического побережья с храмом Юноны: I, 261; V, 55
- сарматский — прилаг. от назв. *сарматы*: III, 227
- сарматы — древнее племя, жившее на территории от Балтийского моря до Волги. У Стация — символ дикого, беззаконного племени: III, 351
- сатир — лесное и полевое божество; спутник Вакха; *зд.* *Марсий*: IV, 186
- сатурнов — прилаг. от имени Сатурн, древнеиталийского бога, впоследствии отождествленного с греч. Кроносом и ставшего отцом Юпитера; свергнутый сыном, он стал править в Лацциуме; время сатурнова правления считалось «золотым веком»: II, 358
- Сатурния — Юнона, дочь Сатурна: X, 162; XII, 134
- Семела — дочь *Кадма* и *Гармонии*, родившая Вакха: II, 292; IV, 564; VII, 602; VIII, 234; X, 903. *Ср.* VII, 666, а также Вакх, Юнона
- сестейский — прилаг. от назв. г. Сест; «сестейская дева» — *Геро*: VI, 547
- Сестры — *Парки*: I, 633; III, 206, 242; V, 201; VI, 376; VIII, 59, 381; IX, 323
- Сибарис — некий фиванец: VII, 640, 642
- сидонский, сидонец — прилаг. от назв. Сидон, старейшего города Финикии; житель Сидона: 1) тирийский, финикийский: I, 5, 181; III, 180, 300; VIII, 229; X, 648; XI, 212; 2) фиванский: III, 656; IV, 648; VII, 442, 600, 632; VIII, 218, 686; IX, 144, 566, 709; X, 127, 296, 306, 481; XI, 303; 3) «Сидонская дева» — Европа: IX, 334. *Ср.* тирийский
- Сизиф — сын Эола и Энареты; основатель и царь Коринфа, известный своей хитростью и разбоем; убит Тесеем; в подземном царстве осужден вкатывать в гору вечно падающую каменную глыбу; «Сизифа приют» — Кеокреи, порт Коринфа: II, 380; IV, 537
- Сиена — самый южн. город в Верхнем Египте: IV, 745
- сиканский — прилаг. от назв. сиканы, иберийского племени, переселившегося с Пиренейского п-ва на берега Тибра, а оттуда в Сицилию; древнее назв. Сикания; сицилийский: I, 272; IV, 239. *Ср.* Алфей
- Сикион — город на сев.-вост. Пелопоннеса (Ахайа), к зап. от Коринфа: IV, 50
- сиксионец — житель *Сикиона*: VI, 556; IX, 121
- сиксионский — прилаг. от назв. *Сикион*: II, 179
- Сильван — бог лесов, полей и стад, покровитель сельских жителей: VI, 111
- Симон — приток Скамандра в Троаде: XII, 225
- Синис — разбойник, живший на Коринфском перешейке и разрывавший путников, привязывая их к пригнутым к земле соснам; был убит Тесеем: XII, 576
- Сипил — гора на границе Лидии и Фригии, возле которой Ниоба после гибели своих детей превратилась в камень: VI, 125
- Сирты — два залива на сев. побережье Африки, между Карфагеном и Киреной, известные своими отмелями: I, 688; VIII, 410
- ситонский — прилаг. от имени Ситон, миф. царя Херсонеса Фракийского; фракийский: III, 287
- сицилийский — прилаг. от назв. п-ва Сицилия: II, 279; VI, 483; VIII, 62; IX, 141; XII, 156, 272, 553
- Скилла — дочь царя Мегары Ниса, в ярости бросившаяся в Сицилийское море за кораблем навалившего на Мегару Миноса и превращенная в чудовище; «Скиллы угоды» — Мегара: I, 333; Скиллы — морские чудовища: IV, 533
- Скирон — разбойник, живший в Скиронских скалах между Мегарой и Афинами; был убит Тесеем: I, 333; XII, 577
- Скифия — страна *скифов*: V, 144
- скифский — прилаг. от назв. *скифы*: III, 431; IV, 505; V, 203, 346; VI, 328; X, 821; XI, 437; XII, 519
- скифы — кочевые племена, жившие на сев.-вост. от Черного и Азовского морей: XII, 593
- Скол — город в Беотии: VII, 266

- Спарта — столица Лаконии в долине р. Эврот: I, 262; II, 167; VII, 412. *Ср.* Амиклы, лакедемонский
- спартаец — житель *Спарты*: VI, 793
- спартанский — прилаг. от назв. *Спарта*: X, 495
- Сперхей — река в южн. Фесалии, текущая бурным потоком и впадающая в Малийский залив: IV, 845
- стигийский, стиксов — прилаг. от назв. *Стикс*: I, 290, 710; IV, 54, 443, 526, 568, 624; VI, 753; VII, 160; VIII, 4, 47, 189, 376, 549; X, 833, 915; XI, 63, 71, 76, 85, 344, 415, 464, 576; XII, 277, 558
- Стикс — река в подземном царстве: I, 57; II, 5; IV, 291, 479, 524; V, 157, 198; VII, 782; VIII, 30, 509; XII, 215. *Ср.* Элисий, элисийский
- Стимфал — гора и озеро в Аркадии, где жили знаменитые птицы, изгнанные Геркулесом: IV, 298
- Стратия — город в Ахайе: IV, 286
- Стримон — 1) пограничн. река между Фракией и Македонией, впадающая в Стримонский зал., известная обилием лебедей: VII, 287; IX, 437, 860; 2) конь *Хромиа*: 6, 464
- стримонский — прилаг. от назв. *Стримон* (1); фракийский: III, 526; V, 188
- Суний (Суннион) — мыс в Аттике: XII, 625
- Сфинга (Сфинкс) — миф. существо с головой женщины, телом льва и крыльями птицы: I, 66; II, 556; IV, 87, 376; VII, 252; X, 659; XI, 490
- Схевон — город в Беотии: VII, 268
- Тавмантиада — *Ирида*, дочь Тавманта: X, 123
- Таг — некий аргивянин: IX, 270; X, 314
- Тайгет — гора в Лаконии возле р. Эврот: VIII, 436
- тайгетский — прилаг. от назв. *Тайгет*: IV, 227; VI, 825; X, 497
- Талай — один из аргонавтов, отец Адраста: V, 18, 405; VI, 722
- Талайонид — *Адраст*, сын Талая: II, 141
- Тавагра — город в Беотии: IX, 127
- тавагрец — житель *Танагры*: IX, 745
- танагрский — прилаг. от назв. *Танагра*: VII, 254
- Танаис — река в Сарматии (ныне Дон): XII, 578
- Тантал — сын Юпитера, отец Пелопса и Ниобы, царь Фригии, осужденный на вечные муки голода и жажды в подземном царстве за разглашение божественных тайн: I, 247, 280; II, 436; IV, 576; VI, 280; VIII, 51; XI, 128. *Ср.* IV, 538; VII, 208
- Танталида — *Ниоба*, дочь Тантала: III, 192
- Тартар — подземное царство: I, 56, 102, 307; IV, 473, 506; VII, 820; VIII, 20, 57, 66, 79, 513; IX, 655; X, 26; XI, 446, 574, 623; XII, 85, 772. *Ср.* Дят, Орк
- тартарийский, тартаров — прилаг. от назв. *Тартар*: III, 108; V, 66
- Тевмес — гора в Беотии: IV, 372; XII, 51
- тевмесский — прилаг. от назв. *Тевмес*; беотийский: I, 485; II, 331, 383, 624; IV, 85; V, 92; VIII, 344; IX, 462, 709
- Тегей — город в юго-вост. Аркадии: IV, 287; VII, 5; IX, 571, 846; XI, 177
- тегейский — прилаг. от назв. *Тегей*; аркадский: VI, 632; VII, 605; VIII, 599; тегеец — Партепоией: IX, 571
- Теламон — сын Эака, царя Эгипы, брат Пелея и Фока, отец Аякса и Тевкра; участник Калидонской охоты, похода аргонавтов; верный сподвижник Геркулеса в походе против Лаомедонта: II, 473; V, 379; IX, 68
- Телец — созвездие зодиакального круга, с появлением которого начинаются дожди: IV, 120
- тельфусиаки — жители г. Тельфуса в Аркадии: IX, 847
- Тельхины — демонические существа, жившие на о-ве Родос, искусные умельцы и колдуны: II, 275
- темпейский — прилаг. от назв. Темпе, долины в Фесалии: X, 119
- Тенар — мыс и город на южн. оконечности Лаконии с храмом Нептуна; по преданиям, здесь был вход в подземное царство: II, 32, 43
- тенарский — прилаг. от назв. *Тенар*: I, 96, 355; III, 422; IV, 214; VI, 508; VII, 588, 660

- Тенедос — остров у побережья Трояды, где был оракул Аполлона: VIII, 197
- тесеев — прилаг. от имени *Тесей*: IV, 81; VII, 686; XII, 293
- Тесей — царь афинский, знаменитый своим мужеством и справедливостью, сын Эгел и Этры, отец Ипполита, муж Ариадны, ватем Федры; победитель Мивотавра и участник похода аргонавтов: I, 475; V, 431; VIII, 54; IX, 68, 519; XII, 163, 211, 520, 555, 594, 665, 673, 681, 730, 736, 756, 773, 784, 795. *Ср.* Эгиды
- тереев — прилаг. от имени Терей, царя Фракии, супруга *Прокны*, ваточившего ее в подземелье и женившегося на ее сестре *Филомеле*: XII, 480
- Тефия — дочь Урана и Геи, супруга Океана; море; Красная Тефия — Красное море: III, 34; IV, 387
- тидеев — прилаг. от имени *Тидей*: VIII, 507, 663; IX, 545
- Тидей — сын калидонского царя Ойнея, друг Полиника, вять Адраста: I, 41, 401, 416, 451, 489, 674; II, 113, 175, 364, 370, 586, 696; III, 7, 60, 84, 236, 324, 380, 395, 418, 654; IV, 94, 602; V, 671; VI, 813, 827, 852, 876, 886, 906; VII, 538, 611, 634; VIII, 458, 469, 472, 478, 499, 530, 578, 720, 751; IX, 1, 26, 60, 63, 137, 149, 181, 205, 217, 299, 512; X, 25, 355, 377, 401; XI, 177; XII, 41, 118, 763, 803. *Ср.* ахелойский, калидонский, Ойней, Ойниды, оленский, этолийский
- Тиндариды — Кастор и Поллукс, сыновья Тиндара, сына Эбала, и Леды: V, 407; VIII, 49; X, 501
- Тиресий — фиванский прорицатель, лишенный богами зрения, отец *Манто*: II, 96; IV, 408, 468, 500; VIII, 227; X, 589, 725; XI, 289. *Ср.* аонийский
- тирийский, тирский — прилаг. от назв. г. Тир, древней столицы Фипикии; фиванский: I, 10, 154, 161; II, 613; III, 282, 312; IV, 374, 610; VI, 17, 62, 145; VII, 1, 28, 146, 656, 679; VIII, 186, 232, 250, 555, 600; IX, 160, 406; X, 3, 883; XI, 180, 205, 216, 368; XII, 597, 693
- тирийцы — жители г. Тир, откуда родом был *Кадм*, основатель Фив; фивапцы: II, 73; III, 284; VII, 191; VIII, 159, 458; IX, 177, 489; X, 15, 531, 768; XI, 429
- Тириф — укрепленный город в Арголиде к юго-вост. от Аргоса, где воспитывался Геркулес: IV, 147. *Ср.* Киклопы
- тиринфский — прилаг. от назв. *Тириф* («Тиринфский герой» или «Тирифий» — Геркулес): V, 380; VI, 270, 489, 533; VII, 725; VIII, 459, 501, 749; IX, 427; X, 891; XI, 234; XII, 66, 584
- тиринфяне — жители *Тирифа*: XI, 45
- тирренский — прилаг. от греч. назв. Этрурия, обл. на зап. побережье Италии; Тиррения («Тирренская соль» — Тирренское море): III, 594, 650; VI, 20, 404; VII, 631
- Титан — бог солнца как сын титана Гипериона и титаниды Теи: I, 501, 717; IV, 283; V, 297; VII, 472; XII, 228
- титанов — прилаг. от имени *Титан* («титанова дщерь» — Луна): I, 337
- Титаны — первое доолимпийское поколение богов, сыновья и дочери Урана и Геи (Неба и Земли), один из которых Кронос (у римлян отождествлен с Сатурном), придя к власти, был в свою очередь свергнут сыном Зевсом (Юпитером) (Гесиод. «Теогония», 453—457): VIII, 44. *Ср.* Гиганты
- Титий — сын Эллары, дочери Орхомена и Юпитера, за покушение на честь Латоны низвергнутый в тартар, где птицы терзают его сердце: I, 710; IV, 538; VI, 753; VII, 352. *Ср.* аполлонов
- Тисифона (греч. «мстящая за убийство») — одна из трех *Фурий*: I, 59; II, 283; IV, 213, 486; VI, 513; VII, 466; VIII, 65, 344, 757; IX, 150; XI, 57, 208, 482. *Ср.* тартаров, фурии, эвмениды, а также IX, 171
- Тифис — кормчий на корабле «Арго»: V, 413, 476; VIII, 213
- Тифон — сын троянского царя Лаомедонта, супруг Авроры; получив от богов вечную жизнь, он не получил вечной молодости, и, когда достиг полной дряхлости, был превращен в цакаду. *Ср.* Аврора, мигдонский
- Тифония — Аврора, жена *Тифона*: VI, 25; XII, 3
- Тмол — гора в Лидии, посвященная Вакху; VII, 686
- Трезены — город в юго-зап. *Арголиде* с портом Погон, где жил Питфей, дед Тесей: IV, 81
- Тривия (лат. «находящаяся на распутье») — эпитет Дианы, храмы в честь которой часто воздвигались на распутьях дорог: VI, 608; IX, 586, 819, 863

- Тринакрия (греч. «с тремя выступами») — древнее назв. Сицилии: X, 622
 Тритон — 1) озеро в Ливии, на берегах которого родилась Минерва: II, 722; 2) морской бог, сын Нептуна и нимфы Солации; море: V, 372, 707; IX, 329
 Тритония или Тритонда — эпитет Минервы по месту рождения (*Тритон I*): II, 684, 735; VII, 33, 184; VIII, 528, 703, 758; IX, 87; X, 895; XII, 607
 Троя — главный город Трояды (Илион): I, 549, 699
 трояцкий — прилаг. от назв. *Троя*: VIII, 202
 Тучорожденные — эпитет *кентавров*: V, 263
- Улисс (греч. Одиссей) — сын Лаërта и Антиклеи, муж Пенелопы, отец Телемаха, царь Итаки; один из главных героев троянской войны; его возвращению из Трои посвящена «Одиссея» Гомера: VI, 718
 Урания (греч. «небесная») — муза астрономии: VIII, 550
- Фавп — бог полей и лесов, покровитель и хранитель стад: II, 522; IV, 696; V, 582; VI, 96; VII, 263; IX, 319. *Ср.* VI, 112; IX, 381, а также Пан
 Фалапт — некий житель *Танагры*: IX, 127
 Фамир — 1) фракийский поэт, вступивший в состязание с Музами; потерпев поражение, он был наказан слепотой: IV, 183; 2) некий фиванец: X, 314
 Фарис — город в Лаконии: IV, 226
 Фарос — остров близ Александрии Египетской с городом того же названия; перен. Египет: XII, 516
 фаросец — житель о-ва *Фарос*: IV, 709
 фаросский — прилаг. от назв. *Фарос*; египетский: I, 254 (Ио); V, 11; VI, 278
 Фарсал — союзник фиванцев: IX, 311
 Фасис — река в Колхиде, впадающая в Черное море: V, 458; XII, 182
 Фасос — остров в Эгейском море у побережья Фракии: V, 182
 Фазтон (греч. «сияющий») — сын бога солнца и Климены; он взялся управлять солнечной колесницей отца, но сбился с пути и едва не сжег землю; был убит молнией Юпитера: IV, 717; XII, 413. *Ср.* I, 219; VI, 321, а также фазтонов
 фазтонов — прилаг. от имени *Фазтон*: I, 221
 Феб (греч. «лучезарный») — эпитет Аполлона — солнце: I, 336, 344, 395, 491, 553, 573, 597, 665, 696; II, 237, 527, 597; III, 107, 453, 516, 667; IV, 1, 185, 651; V, 435, 477, 743; VI, 89, 296, 373, 491; VII, 45, 708, 715, 733, 737, 759, 787; VIII, 195, 336, 492; X, 1, 337, 624, 762; XII, 4. *Ср.* Аполлон
 Феба (греч. «лучезарная») — сестра Феба, богиня луны — Луна: I, 105; VII, 470; IX, 425. *Ср.* Диана
 фебов — прилаг. от имени *Феб*: I, 667; IV, 488, 518; V, 341; VI, 441; VII, 343; VIII, 272; X, 254
 Фегей — 1) два неких фиванца: а) II, 609; IV, 598; б) VII, 603; 2) некий афинянин: XII, 596, 681
 Федим — 1) некий фиванец: II, 576; III, 171; 2) некий аргиянин: VI, 557, 605; VIII, 438, 440
 Фелей — 1) два фиванца: а) II, 608; б) VII, 603; 2) некий афинянин: XII, 596, 681
 Феней — город в сев.-вост. Аркадии и болото, из которого берет начало р. Стикс: IV, 291
 Ферална — город в Лаконии, где почитались Кастор и Поллукс: III, 422
 фералнейский — прилаг. от назв. *Ферална*; «фералнейские бартья» — Кастор и Поллукс: VII, 792
 ферейский — прилаг. предположительно от назв. г. Феры в Ахайе: II, 163
 Ферекл — некий аргиянин: XI, 199
 Ферет — некий фиванец: VIII, 446; IX, 106
 фермодонтийский — прилаг. от назв. р. Фермодонт во владениях *амазонок*; «фермодонтийская победа» — победа Тесея над амазонками: XII, 164
 Федон — 1) некий фиванец: II, 572, 581; 2) другой фиванец: IX, 304
 Феспиады — уроженцы г. Феспии, два брата, союзники фиванцев: II, 629; III, 14. *Ср.* Ида, Перифант, феспийский

- феспийский — прилаг. от назв. г. Феспии в Беотии, расположенного к зап. от Фив на горе Геликон: VII, 341; IX, 292. *Ср.* Панем
- фессалиец, фессалиянка — жители обл. Фессалия на сев. Греции; фессалиянки славились умением колдовать: II, 21; III, 140; IV, 504
- фессалийский — прилаг. от назв. Фессалия: III, 518, 559; VI, 332, 432, 442, 508, 687. *Ср.* атракийский, гемониец, пелетронский
- Фессандр — сын Полиника: III, 683
- Фетва — морская богиня, дочь Неряя, жена Пелея, мать Ахилла; море: I, 40; V, 709; IX, 362. *Ср.* Нерейда, Пелей, Пеллон
- Фиады — вакханки: XII, 791. *Ср.* Фийа
- фиванский — прилаг. от назв. *Фивы*: I, 318, 430, 711; IV, 543; V, 681; VII, 209, 230, 421, 621, 687; VIII, 112, 141, 150, 264, 487, 692; IX, 181, 294, 628, 793, 882; X, 353, 474, 875; XI, 671, 681, 733; XII, 78, 131, 174, 715. *Ср.* Фивы
- Фивы — главный город Беотии на р. Исмен, основанный Кадмом: I, 2, 180, 226, 259, 288, 680; II, 65, 116, 208, 308, 344, 352, 651, 683, 687, 735; III, 188, 248, 270, 354, 379, 528, 569; IV, 92, 592, 610, 641, 666, 676, 760; V, 745; VI, 14, 142, 382, 515, 637, 908, 923; VII, 103, 125, 155, 376, 434, 452; VIII, 228, 349, 515, 655, 671; IX, 65, 255, 520, 669, 790, 822; X, 11, 69, 325, 334, 359, 372, 481, 594, 718, 763, 771, 793, 845, 872, 890, 899, 925; XI, 18, 108, 210, 442, 486, 699, 701; XII, 61, 202, 256, 326, 390, 598, 608, 646, 663, 698. *Ср.* агеноров, амфионов, аонийский, беотийский, диркейский, исменийский, кадмейский, Лабдакиды, Маворс, марсов, Огигиды, огигов, сидовский, тевмесский, тирийский, фиванский, финикийский, эхионов
- Фиест — сын Пелопа, брат Атрея; Фиест соблазнил жену Атрея, Атрей же убил детей Фиеста и накормил его их мясом; Солнце в ужасе перед злодеяниями Пелоппидов изменило свой ход. *Ср.* дорийский, Микены
- Фийя (греч. *thyō* — приносить жертвы) — вакханка: V, 92
- Фийей — два фиванца: 1) VII, 711; 2) сын Алкеты: XII, 745
- Филлей — векий фиваец: III, 172
- Филомела — дочь афинского царя Пандиона, сестра *Прокны*, обесчещенная мужем Прокны Тереем и превращенная Юпитером в ласточку (или соловья). *Ср.* гетский, пандионов
- Фимбра — равнина в Троеде с оракулом Аполлона: VIII, 202
- Фимбрей — эпитет Аполлона по месту святилища *Фимбры*: I, 643, 699; III, 513, 638; IV, 515
- Финей — царь Салмидесса (Фракия), ослепивший своих сыновей по внушению своей второй жены; мучим за это голодом: гарпии оскверняли его яства: VIII, 255
- финикийский — прилаг. от назв. Финикия, страны на вост. побережье Средиземного моря: III, 189; IX, 527
- финикиянка — жительница Финикии; вд. *Дриона*: II, 614
- Фиодамайт — прорицатель аргосцев: VIII, 279, 365; X, 161, 286, 325, 330, 454. *Ср.* X, 322, 339, 488
- Фионей — *Вакх*, сын Фионы (имя *Семелы* после ее апофеоза): V, 265
- Фирей — город в *Арголиде*: IV, 48
- Фисба — город в Беотии, где почиталась Венера, известен обилием голубой: VII, 261; IX, 768
- фисбеец — житель *Фисбы*: IX, 291
- Флегетон — огненная река в подземном царстве: IV, 523; VIII, 30
- флегетонский — прилаг. от назв. *Флегетон*: IV, 55
- Флегий — 1) царь лапифов, поджегший храм Аполлона и за это казнимый в Тартаре вечным голодом: I, 714; 2) оруженосец Этеокла: III, 79; VIII, 689; 3) другой фиваец: VII, 712; 4) векий житель Пизы: VI, 661, 668, 706, 726
- Флегра — древнее назв. Паллены, зап. п-ва Халкидики, где были молниями сражены гиганты, восставшие против власти олимпийских богов: II, 595; VI, 358; X, 909; XI, 7. *Ср.* гиганты
- Флиут — город в *Арголиде*: IV, 45
- Фоант — 1) царь Лемноса, спасенный от смерти своей дочерью *Гипсипилой* и ставший после смерти брата Эвопиона правителем Хиоса: V, 38, 239, 266, 486, 675, 720.

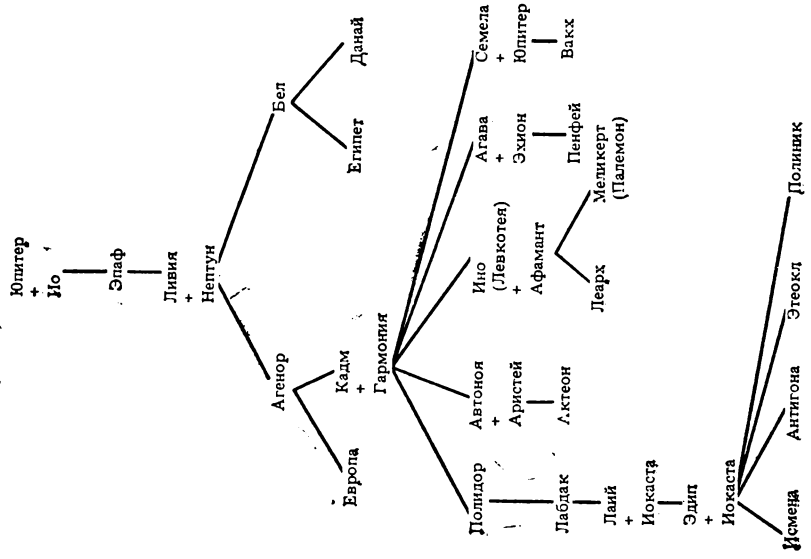
- Ср. V, 487; 2) сын Гипсипилы и Иасона, брат-близнец *Эвней*: VI, 342, 434, 466, 475. Ср. V, 465; VI, 134; 3) некий фиванец: VIII, 696
- фоантов — прилаг. от имени *Фоант* (1): V, 650, 700
- Фокида — область в Средней Греции между Беотией и Этолией: I, 64; II, 64; VI, 9; VII, 235, 343
- фокидец — житель *Фокиды*: IX, 127
- Фол — 1) самый свирепый из кентавров, сын Иксиона: II, 563; 2) некий фиванец: VIII, 476
- Фолоя — 1) гора в Аркадии, которую Стаций помещает в Фессалии, по-видимому, связывая ее название с именем кентавра Фола: III, 604; X, 228; 2) конь Адмета: VI, 461
- Форбант — оруженосец Лаия: VII, 253. Ср. VII, 245
- Фороней — сын Инаха, брат Ио, отдавший предпочтение Юноне в ее споре с Нептуном за власть над Арголидой: первый царь Аргоса, сплотивший под властью закона местные племена: I, 252, 543; II, 219; IV, 589
- форонейский — прилаг. от имени *Фороней*; аргосский: XII, 465
- Фоя — лошадь Адмета: VI, 462
- фракийский — прилаг. от назв. *Фракия*: VI, 486; VII, 34, 180; XII, 571. Ср. бистонский, бистоны, гетский, исмарский, Марс, одрисский, ситонский, фракийцы, эдонский
- фракийцы — жители *Фракии*: III, 288; IV, 56; V, 53, 76, 348, 435
- Фракия — страна на сев.-вост. Греции между Македонией, Черным и Эгейским морями: V, 84; VII, 180
- фригеец — житель Фригии, страны в зап. части Малой Азии; Марсий: I, 709; X, 170
- фригийский — прилаг. от назв. Фригия, страны в зап. части Малой Азии: I, 161, 548, 699; V, 752; VI, 122; X, 448; XII, 224. Ср. мигдонский, троянский, фригеец
- Фракс — сын Афаната и Нефелы; спасаясь с сестрой от преследований мачехи Ино, прибыл в Колхиду на златорушном баране, которого принес в жертву, а его шкуру оставил в пещере Марса: V, 475
- фриксов — прилаг. от имени *Фрикс*: II, 281; VI, 542
- Фрион — город в *Элиде*: IV, 180
- Фурии (греч. Эринии) — три дочери Земли и Ночи (Алекто, Мегера и Тисифона), богиня мести: II, 10; III, 631; IV, 634, 643; V, 30; VII, 469; VIII, 24, 248, 382; XI, 403, 537, 631, 670; XII, 510. Ср. Ахеронт, Диры, Мегера, Тисифона, Эвмениды, Эринии, а также IV, 133; XII, 647
- Халибы (греч. «стальные») — пародность на южн. побережье Черного моря; считались изобретателями рудного дела и славились своими стальными изделиями: IV, 174
- Халкида — город в Этолии на берегу р. Ахелой, куда заходили корабли из Ионийского моря: IV, 105
- хаонийский — прилаг. от назв. Хаония, обл. в сев.-зап. Эпире, где пахотился оракул Юпитера; эпирский, додонский: «хаонийское дерево» — дуб: III, 475; VI, 99
- Харадр — река в Арголиде: IV, 46, 712
- Харон — миф. перевозчик душ умерших через Стикс или Ахеронт в царство теней. Ср. Аверн, Кербер, летейский, Стикс, а также VIII, 18
- Харон — некий лемносец, муж *Поликсы*: V, 159
- Хиос — остров в Эгейском море между Самосом и Лесбосом: V, 487
- Хреметаон — некий фиванец: VII, 712
- Хриса — город на зап. побережье Трояды с храмом и оракулом Аполлона: VIII, 197
- Хромий — 1) сын Геркулеса: VI, 346, 437, 464, 479, 485; 2) четыре фиванца: а) II, 613; III, 13; IV, 597; б) VII, 714; в) VIII, 476; г) IX, 252
- Лезарь — *Домициан*: XII, 814
- Церера — 1) дочь Сатурна и Рея, сестра Юпитера, мать *Прозерпины*, богиня земледелия: IV, 124; XII, 271. Ср. VIII, 65, а также Келей, Элевсин; 2) хлеб: I, 524; 3) Прозерпина: V, 156; IV, 459
- церерин — прилаг. от имени *Церера*: XII, 627

- эагров — прилаг. от имени Эагр; «эагров Орфей» — сын Эагра, одного из аргонавтов: V, 343
- Эак — судья в царстве мертвых. *Ср.* VIII, 27
- Эакиды — Пелей и *Теламон*, сыновья Эака: V, 398
- Эбал — некий спартаец: X, 497
- Эбалиды — Кастор и Поллукс, потомки царя Спарты *Эбала*: V, 437. *Ср.* эбалийский эбалийский — прилаг. от имени *Эбал*, царя Спарты; спартавский: II, 164; VI, 326, 822; VII, 21; VIII, 428; IX, 690; X, 503. *Ср.* Эбалиды
- Эван — *Вах* («Эван») — возглас в честь *Ваха*: II, 72, 616; V, 94, 496, 675, 712. *Ср.* Эвой
- Эвадна — жена *Капанея*, бросившаяся в его погребальный костер: XII, 125, 800
- Эвбея — остров у побережья Аттики и Беотии: VII, 235; IX, 768. *Ср.* Абангиады, Карист, Кафрей, Эврип
- Эвгиш — некий аркадец: II, 258
- Эвмениды — богини места со змеями на голове; *Фурии*: I, 229, 598; II, 52, 186; IV, 54, 526; V, 302; VI, 500; VII, 218, 477, 580; VIII, 9, 59; IX, 173; XI, 198, 271, 330, 388; XII, 423, 433, 559, 696, 773. *Ср.* Эринии
- Эвней — 1) сын *Иасона* и *Гипсипилы*, брат-близнец *Фоанта*: VI, 343, 433, 464. *Ср.* Иасониды, лемносский, Фоант, а также, V, 713; VI, 133, 477; 2) некий фиванец, жрец *Ваха*: VII, 649
- Эвой (греч. «взывающий „эвоэ!“, ликующий») — эпитет *Ваха*: IV, 746
- Эвр — юго-вост. ветер: I, 193; V, 705; VI, 310; VII, 87
- Эвриал — троянец, у Вергилия — спутник Энея, друг *Ниса*, убитый в ночной стычке с рутулами: X, 448
- Эвридика — жена *Ликурга*, мать *Артемора*: V, 632; VI, 135. *Ср.* VI, 35
- Эвримедонт — некий фиванец, сын Паа или Фавна: VII, 262; VIII, 356; XI, 32
- Эврип — пролив между Эвбеей и европейским материком: VII, 334
- Эвритион — некий фиванец: IX, 749
- эврисфеес — прилаг. от имени Эврисфей, царя Микен, в услужении у которого Геркулес совершил свои двенадцать подвигов: VI, 311
- Эврот — река в Лаконии: I, 119; IV, 227; X, 498. *Ср.* ледия, а также VIII, 432; X, 504
- Эгалай — гора в Аттике: XII, 620
- Эгей — царь Афин, отец Тесея: XII, 625
- Эгейское море — море, названное по имени Эгея: I, 701; II, 45; III, 434; V, 49; VI, 20; VII, 477. *Ср.* Эгей, Эгеон, Эгон
- Эгеон — 1) один из трех «сторуки», порожденных Геей и Ураном (другое имя — Бриарей): IV, 535; 2) *Эгейское море*: IV, 722; V, 288
- Эги — город на зап. берегу о-ва Эвбея: VII, 371
- Эгид — Тесей, сын Эгея: XII, 546, 769
- Эгина — дочь Асопа, похищенная *Юпитером*: VII, 319, 329
- Эгион — город в Ахее: IV, 80, 81
- Эгон — *Эгейское море*: V, 56, 88
- Эдип — сын Лаия и Иокасты, царь Фив: I, 48; II, 435, 465; VII, 513; VIII, 241, 608; X, 699, 801; XI, 491, 504, 666; XII, 86, 259, 510. *Ср.* I, 233; II, 442; IV, 631; VII, 211, 468; VIII, 611; X, 697; XI, 172, 333, 580, а также Лаий, Полаб, Сфинкс
- эдилов — прилаг. от имени *Эдип*: I, 16, 164; II, 505; VII, 215; XII, 86
- Эдиподионид — сын *Эдипа*: I, 313 (Поляник); IV, 490 (Этеокл); VI, 426 (Поляник)
- эдонский — прилаг. от назв. эдоны (фракийская народность); фракийский: V, 78; XII, 733
- Эклид — Амфиарай, сын Эклея: III, 470, 620; V, 731; VI, 445, 518; VIII, 146
- Элевсин — город в сев.-зап. Аттике с храмом Цереры: II, 382; VII, 411; XII, 132, 627
- элеец — житель *Элиды*: VI, 556; VIII, 364
- Элида — область на зап. Пелопоннеса с г. Олимпия, местом проведения знаменитых общегреческих игр: II, 167, 185; IV, 237
- элидский — прилаг. от назв. *Элида*: VII, 95; X, 234. *Ср.* олимпийский, Пиза, пизанский
- Элим — некий лемпосец: V, 207

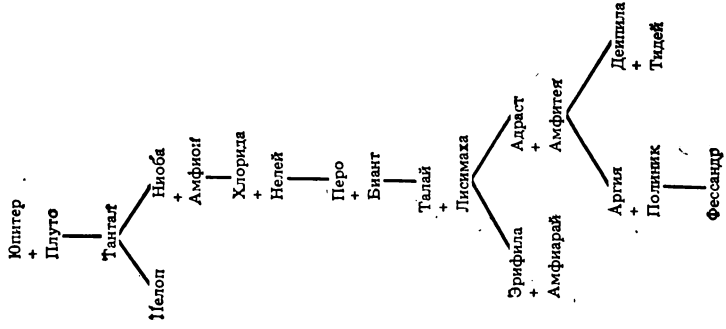
- Элис — река в Аттике, на берегу которой скрывался Борей, чтобы похитить *Орифию*: VIII, 766; XII, 630
- Элисий — обитель блаженных в царстве мертвых; элисийские поля: IV, 481; XI, 64.
Ср. Орк, стигийский, элисийский, а также VIII, 193
- элисийский — прилаг. от назв. *Элисий*: III, 109, 247; IV, 520; VII, 775; VIII, 194; IX, 148, 323; XI, 79
- элисийцы — обитатели *Элисия*: VIII, 14
- Элисс — река близ г. *Сикион* на сев.-вост. Пеллопоннеса, к зап. от Коринфа: IV, 52
- эмафийский — прилаг. от назв. эмафии, народности в Македонии; (древнее назв. Эмафия): XII, 571
- «Эпеида» — аналитическая поэма Публия Вергилия Марона (70 г. до н. э. — 19 г. н. э.) XII, 816
- Эпио — *Беллона*: V, 155; VIII, 656; XI, 84
- Эниспа — город в Аркадии: IV, 286
- Эниэй — векий аргивянин: XI, 50
- Энкелад — сын Тартара и Геи, один из сторуких гигантов, убитый Юпитером и погребенный под Этой: III, 595; XI, 8; XII, 275
- эномаев — прилаг. от имени *Эномай*: VI, 254
- Эномай — сын Марса, царь Пизы (Элида), отец Гипподамии, родоначальник атридов: I, 274; IV, 243, 591; VI, 347; VII, 416. Ср. Миртил, Пелопс, пизанский, элидский
- Эол — покровитель ветров, миф. царь о-ва Эолия: VI, 300; X, 246
- Эолид — *Афамант*, сын *Эола*: IV, 571
- эолийский, эолов — прилаг. от имени *Эол*: I, 218; III, 432; XII, 652
- Эолия — остров близ Сицилии, где под властью царя *Эола* обитали ветры (Эолов остров): I, 347
- Эпаф — сын Юпитера и Ио, миф. основатель г. Мемфис в Египте: VII, 186
- Эпи — город в *Элиде*: IV, 180
- эпидаврский, эпидавров — прилаг. от назв. г. Эпидавр на вост. побережье Арголиды с культом Эскулапа: III, 398; IV, 123; VI, 912
- Эпит — миф. царь Аркадии: IV, 296
- эпитиец — житель Аркадии по имени *Эпит*: IX, 847
- Эпопей — некий лемпосец: V, 225
- Эрасия — река в Ахائه, текущая к северу: I, 357; река в *Арголиде*: IV, 122, 713
- Эргис — некий фиивец: IX, 305
- Эреб — бог подземной тьмы; сын Хаоса и Ночи; подземное царство теней: I, 297; IV, 484, 509, 533; VI, 496; VII, 785; VIII, 22; XI, 136, 464; XII, 96, 560, 580. Ср. Авврп, Дит, Орк
- эребов — прилаг. от имени *Эреб*: XI, 575
- эрехтеев — прилаг. от имени Эрехтей, сына Земли и воспитанника Минервы; в честь последней он воздвиг храм в Афинах; афинский: XII, 471
- Эригона — дочь афинянина Икария, погибшая от тоски по отцу и превращенная Аполлоном в созвездие Девы: IV, 692; XI, 645. Ср. икарыйский
- Эрик — некий союзник фиивцев: IX, 128
- Эрмампф — гора на границе Аркадии с Ахαιей и Элидой; убежище свирепого эримамфского вепря: IV, 298. Ср. аркадский
- эримамфский — прилаг. от назв. *Эримамф*: IV, 330; IX, 594; XII, 805 (Аталанта)
- Эринии — богини мести; *Фурии*: I, 326; II, 20; VII, 562; VIII, 687; XI, 345, 383, 619; XII, 590. Ср. Мегера, Тисифона, Фурии, Эвмениды
- эритрейский — прилаг. от имени Эритр, миф. царя Аравии и Персии; от него происходят назв. Эритрейское (Красное) море: VII, 567. Ср. IV, 387
- Эритры — город в Беотии на *Кифероне* к вост. от Платен: VII, 265
- Эрифила — жена *Амфиарая*, вставившая его отправиться в поход на Фивы, в котором он погиб, и убитая за это своим сыном Алкмеоном: IV, 211. Ср. II, 299; IV, 193; VII, 788; VIII, 104, 120; XII, 123
- Эсон — царь Иолка, отец *Иасона*: V, 416
- Эта — горн. цепь, отделяющая Фессалию от Фракии: I, 120; IV, 158; XII, 67
- эгейский — прилаг. от назв. *Эта*: XI, 235
- Эгеокл — сын *Эдила* и *Иокасты*, брат Полиника: II, 384; III, 214; VII, 227, 539, 688;

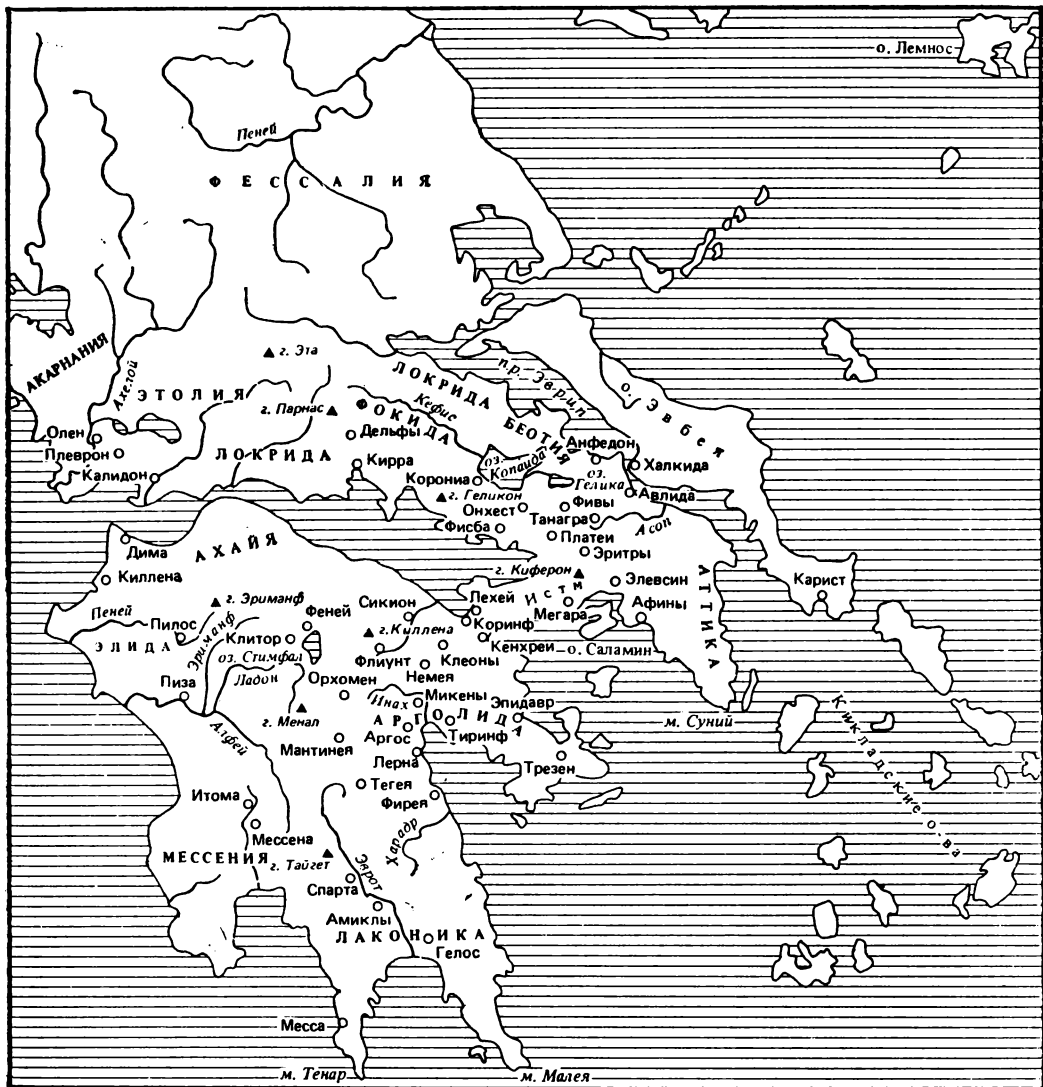
- VIII, 353, 688; IX, 86; XI, 186, 268, 388; XII, 57, 91, 421. *Ср.* I, 137, 165, 298, 322, 369, 430; II, 482, 699; III, 2, 77, 83, 97, 114, 207; IV, 346; VII, 374; VIII, 70; X, 20, 700, а также агеноров, Аонид, лабдакийский, эдипов, Эдиподионид, эхионов
- Эгеон — город в Беотии: VII, 266
- Этна — вулкан в вост. Сицилии: I, 457; V, 50; VI, 716; X, 917; XI, 8. *Ср.* Киклопы этнейский — прилаг. от назв. *Этна*; сицилийский: III, 605; VII, 327; XI, 68; XII, 270
- этолиец — житель *Этолии*: 1) Тидей: I, 401; II, 371; VI, 835; VIII, 580; 2) Акамант: VII, 589; 3) Гоплей: X, 443
- этолийский — прилаг. от назв. *Этолия*: VIII, 737; IX, 213, 284
- Этолия — область в Средней Греции: IV, 101
- Эфион — конь *Эвмея*: VI, 465
- эфиопы — народ, согласно Гомеру, живший на крайнем востоке у Красного моря («красные эфиопы»): V, 428; и на крайнем западе («эфиопы иные»): X, 85
- Эфира — древнее назв. *Коринфа*: II, 379; IV, 59
- эфирский — прилаг. от назв. *Эфира*: II, 207; VI, 254, 652; VII, 105
- Эхекл — некий фиванец: X, 314
- Эхинадские скалы (греч. «ежовые») — нимфы, превращенные Нептуном в о-ва у юго-зап. побережья Акарнании: II, 731
- Эхион — 1) отец *Пенфея*: IV, 569; 2) некий фиванец: X, 494
- Эхионид — Полинник, потомок *Эхиона* (1): VI, 467
- эхионов, эхионский — прилаг. от имени *Эхион* (1); фиванский, беотийский: I, 169; II, 90, 309, 352, 610; III, 340, 492; VI, 14; IX, 203, 646, 794; X, 508. *Ср.* X, 613, 668, а также марсов
- Эя — миф. остров *Кирки*: IV, 551
- Юнона** — старшая дочь Сатурна и Рея, сестра и супруга Юпитера: I, 12, 249, 283, 384; II, 350; III, 184, 252, 691; IV, 526; V, 446; VII, 221, 418; VIII, 503; IX, 511, 515; X, 51, 126, 282, 896; XI, 211; XII, 292, 300, 465. *Ср.* Сатурния, юнония, а также IV, 672; VII, 156, 177; X, 62
- юнония — прилаг. от имени *Юнона*: I, 716; X, 131
- Юпитер** — сын Сатурна и Рея, брат Нептуна и Плутона, братя супруг Юноны, рим. верховный бог (отождеств. с греч. Зевсом): I, 21, 29, 92, 197, 241, 392, 615, 707; II, 2, 20, 49, 181, 242, 437; III, 26, 206, 229, 286, 307, 318, 350, 470, 532, 538; IV, 104, 121, 765, 768, 833, 848; V, 177, 275, 362, 390, 394, 584, 685, 697; VI, 198, 278, 358, 376; VII, 2, 77, 152, 236, 319, 666; VIII, 63, 77, 83, 203, 410, 424, 454; IX, 777, 839; X, 2, 63, 71, 131, 373, 632, 782, 833, 883, 897, 905, 927; XI, 5, 23, 25, 127, 205, 462; XII, 87, 300, 650. *Ср.* I, 80, 178; II, 115, 358; III, 218, 305, 483, 488, 556; IV, 516, 759; V, 22, 688; VI, 386; VII, 81, 406; VIII, 41, 758; IX, 511, 835; X, 634, 800; XI, 68, 119, 134, 207, 248, а также Громовержец, диктейский, Додоно, ликейский, пизанский, сатурнов

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА I

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА II

Предлагаемая карта, не отражая в полной мере поэтическую географию «Фиваиды», тем не менее позволит читателю более ваглядно представить себе передвижения ставиевых персонажей.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИВАИДА

Перевод Ю. А. Шичалина под редакцией С. В. Шервинского

КНИГА ПЕРВАЯ 5

Вступление (1—45)— Обращение Эдипа к Тисифоне (46—87)— Избран царем Этеокл (88—196)— Собрание богов (197—311)— Встреча Полиника и Тидея в Аргосе: их битва и примирение (312—556)— Пир у Адраста: рассказ об убийстве Липа (557—695)— Гимн Аполлону (696—720),

КНИГА ВТОРАЯ 21

Тень Лаия в Фивах: разжигание братоубийственной войны (1—133)— Рассказ Адраста об исполнившемся предсказании (134—200)— Шествие молвы (201—213)— Приготовления к свадьбе в доме Адраста; дурные предзнаменования (214—268)— Описание ожерелья Гармонии (269—296)— Замысел Эрифилы (297—305)— Аргия умоляет Полиника не ходить в Фивы (306—362)— Тидей в Фивах: отказ Этеокла уступить власть брату (363—481)— Бой Тидея с подстерегавшими его в засаде фиванцами (482—703)— Благодарственная молитва Тидея Палладе (704—740)

КНИГА ТРЕТЬЯ 38

Этеокл в страхе ожидает отряд; возвращение и самоубийство Мэона (1—91)— Плач над погибшими фиванцами (92—217)— Юпитер посылает Марса в Аргос побудить вождей к войне (218—259)— Венера просит Марса выступить в защиту Аргоса (260—324)— Возвращение Тидея в Аргос (325—406)— Марс вызывает жажду войны у аргосцев (407—439)— Гадавия Амфиарая и Мелампа (440—565)— Приготовления к войне в Аргосе (566—597)— Капаней, узнав о предсказаниях богов, обвиняет Амфиарая в трусости (598—676)— Аргия просит Адраста помочь Полинику (677—720)

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ 54

Беллона дает знак к выступлению; жертвоприношения; прощание с близкими (1—31)— Перечень городов и вождей, союзников Аргоса (32—345)— Подготовка войска в Фивах (346—368)— Молва сообщает о выступлении аргосцев (369—405)— Гадавия Тиресия и Манто (406—603)— Предсказание Лаия о победе фиванцев (604—645)— Вах решает защитить родной город и насылает засуху (646—729)— Аргосский отряд терзает жажду (730—745)— Встреча с Гипсипилой и Офельтом (746—771)— Гипсипила выводит отряд к реке, оставив младенца Офельта в траве (772—850)

- КНИГА ПЯТАЯ** 73
- Аргосцы утоляют жажду; Адраст просит Гипсипилу рассказать о ее несчастьях (1—47)— Рассказ Гипсипилы (48—498)— Змеей Юпитера убивает Офельта (499—540)— Гибель змея (541—587)— Плач Гипсипилы над Офельтом (588—637)— Ликург готовит казнь Гипсипиле; аргосские вожди встают на ее защиту (638—709)— Гипсипилу находят ее сыновья (710—730)— Адраст призывает воздать почести погибшему Офельту (731—753)
- КНИГА ШЕСТАЯ** 90
- Аргивяне решают устроить состязания в память Архемора (1—24)— Аргосцы соболезнуют Ликургу и Эвридике (25—53)— Описание погребального костра Офельта (54—83)— Описание немейского леса (84—117)— Вынос тела Офельта и погребальных жертв (118—134)— Плач Эвридики (135—192)— Погребальная церемония (193—248)— Приготовление к состязаниям (249—267)— Описание изображений предков (268—295)— Перечисление участников состязаний и их коней (296—354)— Аполлон спускается с Олимпа (355—388)— Начало состязаний (389—439)— Описание колесничного бега; Аполлон помогает Амфиарая (440—512)— Победа Амфиарая (513—530)— Раздача наград (531—592)— Состязания в беге; хитростью побеждает Ид (593—617)— Повторное состязание; побеждает Партенопей (618—645)— Состязания в метании диска; победа Гиппомедонта (646—728)— Состязание в кулачной борьбе Капанея с Алкидамантом (729—825)— Борьба: победа Тидея над Агиллеем (826—910)— Адраст не допускает состязания на мечах и объявляет победителем Полиника (911—923)— Стрела, пущенная Адрастом, возвращается обратно (924—946)
- КНИГА СЕДЬМАЯ** 111
- Юпитер посылает Меркурия к Марсу (1—63)— Марс спешит разжечь в аргивянах военный пыл (64—89)— Окончание игр в память Офельта (90—104)— Марс насылает Ужас на рать аргивян: они устремляются на мнимое войско врагов (105—144)— Обращение Вакха с мольбой о защите города к Юпитеру (145—226)— Этескл созывает союзников (227—242)— Антигона и Форбант смотрят с башни на выходящих в сражение вождей (243—373)— Этескл обращается к войску (374—397)— Аргивяне приближаются к Фивам; они разбивают лагерь недалеко от Фив (398—451)— Фиванцы в ужасе разглядывают костры неприятеля (452—469)— Иокаста пробрается в лагерь к Полинику (470—533)— Тидей не пускает Полиника в Фивы (534—563)— Эвменила вселяет ярость в тигрца Вакха: они разрывают возницу Амфиарая (564—598)— Иокаста возвращается в Фивы; начало сражений (599—627)— Обращение к Музам; гибель Эвнея (628—687)— Описание битвы, гибель Амфиарая (688—823)
- КНИГА ВОСЬМАЯ** 129
- Амфиарай у Плутона (1—126)— Палемон сообщает Адрасту о гибели Амфиарая: войско в трепете (127—161)— Плач по Амфиарая (162—210)— Ликование в Фивах по поводу гибели Амфиарая (211—239)— Эдип радуется распри между братьями (240—258)— Аргосцы избирают жрецом Фиодаманта (259—341)— Описание отрядов, выступающих из семи фиванских ворот (342—362)— Аргосцы вступают в битву (363—394)— Битва (395—606)— Антигона и Исмена во дворце сокрушаются о семейном роке (607—654)— Гибель Тидея (655—766)

- КНИГА ДЕВЯТАЯ 146**
- Борьба за тело Тидея (1—195)— Гиппомедонт устремляется против фиванцев (196—224)— Речная битва Гиппомедонта (225—314)— Гибель Кренея (315—350)— Плач нямфы, матери Кренея (351—403)— Борьба Гиппомедонта с Исменом (404—510)— Смерть Гиппомедонта (511—536)— Капаней убивает фиванца Гипсея (537—569)— Аталанта молит Диану защитить Партенопея (570—636)— Диана устремляется на помощь к Партенопею, но Аполлон удерживает ее (637—671)— Продолжение сражения (672—711)— Битвы и смерть Партенопея (712—907)
- КНИГА ДЕСЯТАЯ 166**
- Этеокл высылает к стану аргосцев сторожевой отряд (1—48)— Мольба к Юноне аргивских женщин (49—69)— Юнона посылает Ириду к богу сна (70—83)— Описание обители Сна (84—117)— По просьбе Юноны Сон усыпляет отряд фиванцев (118—159)— Фиодамант побуждает аргосцев уничтожить спящих врагов (160—219)— Ночная вылазка аргосцев (220—325)— Гоплей и Димант отыскивают тела Тидея и Партенопея (326—375)— Гибель Гоплей и Диманта (376—448)— Капаней с аргосцами устремляются к Фивам (449—488)— Штурм Фив (489—551)— Смятение в Фивах; пророчество Тиресия (552—615)— К Менекею нисходит богиня Доблесть; встреча Менекея с Креонтом (616—737)— Капаней продолжает наступать; ради спасения Фив Менекей закалывает себя мечом (738—782)— Ликование фиванцев и плач матери Менекея (783—826)— Гибель Капанея (827—939)
- КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ 187**
- Боги и фиванцы ликуют после гибели Капанея (1—20)— Аргивяне отступают (21—56)— Тисифона и Мегера решают свести Этеокла и Полиника в смертном бою (57—135)— Полиник устремляется к Фивам (136—204)— Этеокл получает дурные предзнаменования (205—238)— Вестник сообщает о вызове Полиника; сомнения фиванцев (239—314)— Иокаста отговаривает Этеокла от поединка (315—353)— Антигона умоляет Полиника отказаться от поединка (354—402)— Все собираются смотреть битву; Адраст тщетно пытается ее предотвратить (403—446)— Начало сражения: битве мешают Случай и Честь, по Тисифона изговяет Честь с поля боя (447—496)— Битва Этеокла и Полиника: гибель обоих (497—579)— Эдип оплакивает смерть сыновей (580—633)— Гибель Иокасты и Исмены (634—647)— Креонт получает власть в Фивах; изгнание Эдипа (648—672)— Смягченный мольбами Антигоны Креонт дозволяет Эдипу поселиться близ Фив (673—756)— Аргивяне тайно ссталяют свой лагерь (757—761)
- КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ 204**
- Фиванцы идут подбирать павших (1—49)— Погребение Менекея (50—104)— Аргосские женщины тайно идут на поиски погибших (105—140)— Орнит убеждает женщин обратиться за помощью к Тесею (141—173)— Аргия устремляется из Аргоса на поле сражения (174—277)— Аргия находит тело Полиника (278—343)— Встреча Аргии с Антигоной у тела Полиника (349—415)— Они кладут тело Полиника в тлеющий костер, не зная, что это костер Этеокла (416—463)— Аргивские женщины достигают Афин и направляют к жертвеннику Милости испросить помощи (464—518)— Тесей возвращается с победой над амазонками; он соглашается идти войной на Фивы (519—605)— Описание войска Тесея (606—655)— Бой. Гибель Креонта. Плач по убитым (656—796)— Заключение (797—819)

ДОПОЛНЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ «ФИВАИДЫ» СТАЦИЯ В СТИХАХ, СОСТАВЛЕННЫХ ДРЕВНИМИ. Перевод Ю. А. Шичалина	222
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА :	226
Ю. А. Шичалин. ПУБЛИЙ ПАПИНИЙ СТАЦИЙ — ГЕНИАЛЬНЫЙ ПОЭТ В БЕЗДАРНУЮ ЭПОХУ	227
ПРИМЕЧАНИЯ (Сост. Е. Ф. Шичалина)	260
АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ (Сост. Е. Ф. Шичалина)	316
РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА I (Сост. Е. Ф. Шичалина)	347
РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА II (Сост. Е. Ф. Шичалина)	347
КАРТА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ «ФИВАИДЫ» (Сост. Е. Ф. Шичалина)	348

Публий Папиний Стаций
ФИВАИДА

В переводе Ю. А. Шичалина

Утверждено к печати редколлегией серии «Литературные памятники»

Редактор издательства А. Н. Горюнцева. Художник В. Г. Виноградов
Художественный редактор Н. Н. Михайлова. Технический редактор И. Н. Жмуркина
Корректоры Н. А. Песмева, Е. Л. Сысоева

ИБ № 47460

Сдано в набор 16.11.90. Подписано к печати 12.07.91. Формат 70×90^{1/16}. Бумага типограф-
ская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 25,7. Усл. кр.-отт. 25,7.
Уч.-изд. л. 27,6. Тираж 10 000 экз. Тип. экз. № 499. Цена 20, руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука», 630077, Новосибирск, 77, ул. Станиславского, 25